

П. А. Цыганков

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Допущено Министерством
образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлениям
и специальностям «Международные
отношения», «Регионоведение»,
«Связи с общественностью»,
«Социология»



МОСКВА
2003

УДК 327(075.8)
ББК 66.4(0) Ц94|

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор *И.Г. Тюлин*
доктор политических наук, профессор *А.Д. Богаттуров*

Цыганков П.А.

Ц94 Теория международных отношений: Учеб. пособие. — М.:
Гардарики, 2003. — 590 с.

ISBN 5-8297-0106-5 (в пер.)

Обобщаются и систематизируются наиболее устоявшиеся положения и выводы мировой международно-политической пауки; приводятся ее основные понятия и наиболее известные теоретические направления; дается представление о современном состоянии этой дисциплины в нашей стране и за рубежом. Особое внимание уделяется глобализации мирового развития, изменениям в характере угроз международной безопасности, особенностям нового поколения конфликтов.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям «Международные отношения», «Регионоведение», «Связи с общественностью», «Социология», «Политология», а также магистрантов, аспирантов и преподавателей вузов.

УДК 327(075.8)

ББК 66.4(0)

В оформлении переплета использован фрагмент картины
Ричарда Эсэса «Атакующая экономика» (1975)

ISBN 5-8297-0106-5

© «Гардарики», 2002
© Цыганков П.А., 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	9
Глава 1. Объект и предмет международно-политической науки.....	19
1. Понятие и критерии международных отношений.....	20.
2. Мировая политика.....	27
3. Взаимосвязь внутренней и внешней политики.....	30
4. Предмет международно-политической науки.....	37
Литература.....	44
Глава 2. Проблема метода в теории международных отношений.....	46
1. Значение проблемы метода.....	46
2. Методы анализа ситуации.....	50
Наблюдение.....	51
Изучение документов.....	51
Сравнение.....	52
3. Экспликативные методы.....	54
Контент-анализ.....	54
Ивент-аппализ.....	54
Когнитивное картирование.....	55
Эксперимент.....	57
4. Прогностические методы.....	58
Дельфийский метод.....	59
Построение сценариев.....	59
Системный подход.....	60
5. Анализ процесса принятия решений.....	70
Литература.....	75
Глава 3. Проблема закономерностей международных отношений.....	77
1; О характере законов в сфере международных отношений.....	78
2. Содержание закономерностей международных отношений.....	82
3. Универсальные закономерности международных отношений.....	89
Литература.....	94
Глава 4. Традиции, парадигмы и споры в ТМО.....	95
1. Традиции: международные отношения в истории социально-политической мысли.....	97
2. «Канонические» парадигмы: основные положения.....	105
Либерально-идеалистическая парадигма.....	106
Политический реализм.....	109 /
Марксистско-ленинская парадигма.....	113
3. «Большие споры»: место политического реализма.....	117
Литература.....	122
Глава 5. Современные школы и направления в теории международных отношений.....	125
1. Спор неореализма и неолиберализма.....	126

Неореализм.....	126
Неолиберализм	132
Основные положения спора неореализма и неолиберализма	136
2. Международная политэкономия и неомарксизм.....	140
Международная политэкономия.....	140
Неомарксизм	149
3. Социология международных отношений.....	155
Литература	163
Глава 6. Международная система	167
1. Основные понятия системной теории.....	168
2. Особенности и основные направления системного подхода в анализе международных отношений.....	173
3. Типы и структуры международных систем	178
4. Законы функционирования и трансформации международных систем.....	184
Литература.....	192
Глава 7. Среда системы международных отношений	193
1. Особенности среды международных отношений	194
2. Социальная среда. Особенности современного этапа мировой цивилизации.....	196
3. Биосоциальная среда. Роль геополитики в науке о международных отношениях	201
4. Глобализация международной среды	212
Понятие глобализации в сопоставлении с другими, близкими по смыслу понятиями.....	214
Вопрос об исторической уникальности глобализации	217
Основные составляющие глобализации	219
Спор о последствиях глобализации	221
Литература	225
Глава 8. Участники международных отношений.....	228
1. Сущность и роль государства как участника международных отношений	231
2. Негосударственные участники международных отношений	238
Основные черты и типология МПО	239
Общие характеристики и типы МНПО.....	242
3. Парадокс участия	248
Литература	252
Глава 9. Цели, средства и стратегии участников международных отношений	254
1. О содержании понятий «цели» и «средства»-	254
2. Стратегия как единство целей и средств.....	267
Общее представление о стратегия	267
Большая стратегия ;	270
Стратегии урегулирования кризисов	271
Стратегии мира	272
Стратегия и дипломатия	275
3. Сила и насилие в составе целей и средств	277
Литература	286
Глава 10. Национальные интересы: понятие, структура, методологическая и политическая роль	288
1. Дискуссии о правомерности использования и о содержании понятия «национальный интерес».....	288
2. Критерии и структура национального интереса	298
О бессознательном элементе в структуре национального интереса	304

3. Глобализация и национальный интерес	307
Литература	317
Глава 11. Международная безопасность	320
1. Содержание понятия «безопасность» и основные теоретические подходы к ее изучению	320
2. Изменение среды безопасности и новые глобальные угрозы	331
3. Новые концепции безопасности	338
Концепция кооперативной безопасности	339
Концепция человеческой безопасности	343
Теория демократического мира	344
Литература	347
Глава 12. Проблема правового регулирования международных отношений	349
1. Исторические формы и особенности регулятивной роли международного права	350
2. Особенности современного международного права и его основные принципы	353
Основные принципы международного права	358
3. Право прав человека и международное гуманитарное право	360
Право прав человека	360
Международное гуманитарное право (МГП)	364
Концепция гуманитарного вмешательства	367
4. Взаимодействие права и морали в международных отношениях	372
Литература	376
Глава 13. Этическое измерение международных отношений	378
1. Мораль и право в международных отношениях: общее и особенное	379
2. Многообразие трактовок международной морали	382
Конфессионально-культурные представления	383
Конфликт теоретических школ	385
Холлизм, индивидуализм, деонтология	390
3. Основные императивы международной морали в свете глобализации	395
Главные требования международной морали	395
Глобализация и новый нормативизм	398
О действенности моральных норм в международных отношениях	401
Литература	404
I Глава 14. Конфликты в международных отношениях	406
1. Понятие конфликта. Особенности международных конфликтов в эпоху холодной войны	407
Понятие, типы и функции конфликта	407
Конфликты и кризисы	410
Особенности и функции конфликта в биполярном мире	412
Урегулирование конфликтов: традиционные методы и институциональные процедуры	413
2. Основные направления в исследовании международных конфликтов	417
Стратегические исследования	417
Исследования конфликтов	420
Исследования мира	423
3. Особенности «конфликтов нового поколения»	426
Общий контекст	426
Причины, участники, содержание	428
Механизмы урегулирования	431
Литература	438

Глава 15. Международное сотрудничество	440
1. Понятие и типы международного сотрудничества	440
2. Межгосударственное сотрудничество с позиций политического реализма	443
3. Теория международных режимов	447
4. Социологический подход к анализу международного сотрудничества	450
5. Сотрудничество и интеграционные процессы	457
Литература	468
Глава 16. Социальные основы международного порядка	470
1. Понятие международного порядка и его исторические типы	470
Понятие «международный порядок»	470
Исторические типы международного порядка	475
Послевоенный международный порядок	479
2. Политологический и социологический подходы к проблеме международного порядка	484
3. Зарубежные и отечественные ученые о перспективах нового мирового порядка	492
Литература	504
Вместо заключения	507
<i>Приложение 1. Некоторые международные принципы, доктрины, теории.</i> Международные организации, договоры и соглашения	510
<i>Приложение 2. Ресурсы в сети Интернет, посвященные исследованиям в области международных отношений (А.Б. Цружикт)</i>	538
Именной указатель	581
Предметный указатель	587

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международные отношения издавна занимали существенное место в жизни любого государства, общества и отдельного человека. Происхождение наций, образование межгосударственных границ, формирование и изменение политических режимов, становление различных социальных институтов, обогащение культур, развитие искусства, науки, технического прогресса и эффективной экономики тесно связаны с торговыми, финансовыми, культурными и иными обмeнами, межгосударственными союзами, дипломатическими контактами и военными конфликтами — или, иначе говоря, с международными отношениями. Их значение возрастает еще больше в наши дни, когда все страны *вплетены в плотную, разветвленную сеть* многообразных взаимодействий, влияющих на объемы и характер производства, виды создаваемых товаров и цены на них, на стандарты потребления, на ценности и идеалы людей.

Окончание холодной войны и распад мировой социалистической системы, выход на международную арену бывших советских республик в качестве самостоятельных государств, поиски новой Россией своего места в мире, определение ее внешнеполитических приоритетов, переформулирование национальных интересов — все эти и многие другие обстоятельства международной жизни оказывают непосредственное влияние на повседневное существование людей и судьбы россиян, на настоящее и будущее нашей страны, ее ближайшее окружение и, в известном смысле, на судьбы человечества в целом. В свете сказанного становится понятно, что в наши дни резко возрастает объективная необходимость в теоретическом осмыслении международных отношений, в анализе происходящих здесь изменений и их последствий и не в последнюю очередь в расширении и углублении соответствующей тематики в общегуманитарной подготовке студентов.

Как учебная дисциплина теория международных отношений¹ (ТМО) впервые появляется в университетах США и Великобритании

¹ Термины «теория международных отношений», «международно-политическая наука» и «международные отношения» используются в книге как синонимичные.

после Первой мировой войны, когда возникают первые исследовательские центры и университетские кафедры. Тогда же появляются и первые программы соответствующих учебных курсов, в которых обобщаются и излагаются результаты нового научного направления. Новый импульс в своем развитии теория международных отношений получила после Второй мировой войны. Лидирующие позиции США на мировой арене, убежденность политической элиты страны в ответственности Америки за судьбы международного порядка вызвали у нее потребность осмыслить глубинные корни разрушительных международных конфликтов с целью их недопущения в будущем, найти пути мирного разрешения спорных вопросов в отношениях между государствами, повысить роль межправительственных организаций в достижении коллективной безопасности и, конечно, надежно защитить свои национальные интересы в условиях быстро меняющегося международного окружения. В такой обстановке крупные средства, выделяемые на изучение международных проблем, в сочетании с гибкой университетской системой превратили США в крупнейший научный центр по исследованию мировой политики и международных отношений. Благодаря работам таких ученых, как Николас Спайкмен, Рейнхольд Нибур и особенно Ганс Моргентау (который в 1948 г. издал свой главный труд «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир»), в социальных науках прочно утверждается относительно самостоятельное направление, изучающее международные реалии. Сегодня, по различным оценкам, от 80 до 85% всей мировой литературы по международным отношениям издается в США¹, что отчасти дает основание квалифицировать эту дисциплину как «as American as an apple pie»². Вместе с тем в последнее время теория международных отношений достаточно интенсивно развивается и в Европе, в частности в Англии, где эта дисциплина имеет прочные традиции, во Франции и других странах.

В нашей стране судьба теории международных отношений, как и социальных наук в целом, была достаточно сложной. С одной стороны, учитывая потребность государства опираться на научные подходы при планировании международно-политических акций и принятии соответствующих решений, власть была вынуждена создать и терпеть су-

¹ Это не означает, что все авторы публикуемых в США работ — американские граждане. Здесь ситуация полностью соответствует тому положению, которое существует в политической науке в целом (см. об этом: *Хрущев М.А.* Теория политики и политический анализ: Учебное пособие. М., МГИМО, 1991. С. 3—4).

² См.: *Korani B.* Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donees. Montreal, 1987. P. X.

шествование в рамках Академии наук специализированных исследовательских центров — таких, как, например, Институт мировой экономики и международных отношений или Институт экономики мировой системы социализма. С другой стороны, бдительный контроль за «идеологической чистотой» научного поиска и стремление «оградить» граждан от «опасности проникновения буржуазного влияния» зачастую фактически сводили этот поиск на нет. Основным жанром, в рамках которого результаты научных Исследований находили свой выход, были «аналитические записки в инстанции», а также закрытые публикации системы закрытых институтов, существовавших при ЦК КПСС, КГБ и т.п. Что касается теории международных отношений как учебной дисциплины, то ей, конечно, не было места в рамках марксистско-ленинских общественных наук (исключение составляли полузакрытые «ведомственные» вузы типа МГИМО).

Положение начинает меняться только с 1990-х гг. Коренные социально-политические изменения в стране породили настоящий «социальный заказ» на разработку научной базы в решении таких задач, как эффективная политическая социализация общества, повышение уровня политической культуры и политического участия граждан. Появляются как переводные, так и отечественные труды по проблемам политической науки, переориентируются многие из ранее существовавших периодических изданий по общественным наукам, возникают новые научные и публицистические журналы политологического профиля. Введение политологии в программы высших учебных заведений стимулировало подготовку соответствующих учебников и учебных пособий. И пусть не во всем это проходило гладко, в целом можно сказать, что за короткий промежуток времени появляются признаки зарождения вполне состоятельной дифференцирующейся отечественной политологической школы, интегрирующей в международное научное сообщество, отражающей как достижения мировой научной мысли, так и российские политические проблемы и задачи.

В то же время сказанное относится в большей мере к такому разделу политологии, который изучает «внутриполитические» реалии. Что же касается международных отношений, то здесь сложилось несколько иное положение. В настоящее время в стране существует множество центров международно-политических исследований. Однако их разобщенные усилия в большинстве своем направлены на выполнение сиюминутных заказов и прогнозов конъюнктурного характера и чаще всего далеки от разработки фундаментальных проблем международных отношений. Синтеза результатов подобных исследований, их теоретического обобщения не происходит еще и по-

тому, что в большинстве отечественных вузов, в отличие от университетов «дальнего зарубежья», международные отношения не стали самостоятельным предметом изучения, что, безусловно, сужает рынок соответствующей научной и, особенно, учебной литературы, на котором фактически нет учебников и учебных пособий по теории международных отношений. Одновременно, несмотря на требования государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по политологии, включающего в качестве самостоятельного раздел «Мировая политика и международные отношения», в существующей учебной литературе по политологии вопросы теории международных отношений либо «блистательно отсутствуют», либо наличествуют чисто формально, в виде необязательного «довеска», зачастую во многом диссонирующего или же слабо коррелирующего с основным содержанием учебников. Существующие же попытки «вписать» теоретические проблемы международных отношений в общий контекст политической науки носят изолированный характер и решают совершенно иные задачи.

С тех пор, как было опубликовано предыдущее издание данного учебного пособия, как в практике международных отношений, так и в ее теоретическом осмыслении произошли довольно значительные изменения.

Практика международной жизни продолжает разрушать остатки иллюзий и надежд, связанных с окончанием холодной войны и распадом биполярной конфигурации мира. Формирование саморегулирующейся многополюсной системы, основанной на примате правовых норм, укреплении существующих международных институтов, отказе от конфронтации и силовых методов в решении возникающих проблем, по-прежнему остается далекой мечтой. Налицо не только дефицит необходимой для этого политической воли главных действующих лиц международной сцены, не только отсутствие сколь-либо заметного желания поступиться своими сиюминутными интересами во имя перспективных интересов всего человечества, но и стремление наиболее сильных из них воспользоваться переходной ситуацией с целью подчинить мировое развитие своим «жизненным интересам». Операция НАТО во главе с США в Югославии показала опасный характер подобного стремления, поставив под угрозу смысл самого существования Организации Объединенных Наций, ее институтов, целей и принципов, так же как место и роль ОБСЕ в системе европейской безопасности. В теоретическом отношении мы стали свидетелями своего рода двойного парадокса: с одной стороны, со всей очевидностью проявилась «небезобидность» одной из наиболее популярных гипотез либеральной парадигмы, согласно которой демократические государства не

воюют друг с другом: оказалось, что вместе с этим в стремлении пространства своих идеалов они способны не останавливаться перед нарушением общепринятых норм международного права и применением силы против тех, кто не вписывается в данные идеалы. С другой стороны, действия стран Запада в Косово вновь разбудили «старых демонов» — многократно раскритикованные в теории международных отношений реалистские концепции «баланса сил» и «баланса угроз». В практическом же плане Косовская операция НАТО и принятая Альянсом в апреле 1999 г. новая доктрина стали поворотным моментом в развитии международных отношений, знаменуя отказ наиболее сильного из акторов от соблюдения общепризнанных правовых норм, от принципа нерушимости государственных границ и суверенитета во имя «гуманитарной интервенции», целью которой провозглашается защита прав человека и решение региональных кризисов.

Не менее значительную роль играет углубление и расширение совокупности сложных и противоречивых процессов, получивших название *глобализации* и выражающихся, в частности, в трансформации содержания понятия «национальный (государственный) суверенитет», в явлениях региональной интеграции и субнациональной политики, распространении универсальных ценностей и гуманизации общественных отношений, конфликтов интересов и идентичностей между государствами, этносами, частными группами, предприятиями, индивидами... Каковы существо этих процессов, их влияние на характер международных отношений, их роль в переходе к новому мировому порядку? Все эти вопросы представляют собой, по сути, новый вызов теории международных отношений (ТМО) и, соответственно, рост попыток адекватного ответа на них со стороны последней.

При этом представители критического направления в ТМО считают важной причиной присущих ей недостатков то, что она остается, по их мнению, одной из последних дисциплин, все еще всерьез воспринимающих западные каноны — «теорией мертвых белых мужчин»¹. Последние годы стали для мировой международно-политической науки этапом новых дискуссий между различными направлениями и теоретическими подходами, в центре которых — стремление определить характер и основные тенденции развития современных международных отношений, вывести ТМО за пределы западнотендерных представлений. Появились работы о «новых международных отноше-

¹ См., напр.: Forum on *The Transformation of Political Community* // Review of International Studies. Vol. 25, № 1. January 1999.

ниях»¹, об изменении мирового политического сообщества в «пост-вестфальскую эру»², о трансформации государства и новой роли суверенитета в международных отношениях, эпохи глобализации³. Дополнительный стимул для бурного развития получили такие ее субдисциплины, как политическая социология международных отношений и международная политическая экономия³.

В то же время все это не означает полного отказа от традиций. Более того, некоторые авторитетные авторы предлагают вернуться к классическим парадигмам теории международных отношений — политическому реализму, либеральному идеализму и марксизму, — с тем чтобы переосмыслить их, дать им новую интерпретацию с учетом современных реалий и попытаться синтезировать наиболее крупные и получившие подтверждения в практике международной жизни достижения каждой из них.

Автор разделяет убеждение, согласно которому одним из наиболее ярких признаков профессионализма является использование все большим числом исследователей сходных методов и их опора на одни и те же фундаментальные теоретические работы⁷. В этой связи основная цель предлагаемого вниманию читателя учебного пособия состоит в том, чтобы отчасти восполнить тот пробел, который существует в данной области учебно-методической литературы по политической, науке. Представляя собой новое издание книги «Международные отношения», оно призвано способствовать решению тех же задач: обобщение и систематизация наиболее устоявшихся положений и выводов, имеющих в мировой теоретической и учебно-методической литературе о международных отношениях; ознакомление студентов как с основными; ми понятиями ТМО, так и с наиболее известными теоретическими направлениями этой дисциплины и их представителями; помощь в

¹ См., напр.: Les nouvelles relations Internationales. Pratiques et theories. Sous la direction de Marie-Claude Smouts. P., 1998.

² См.: Linklater A. The Transformation of Political Community: Ethical Foundations of the post-Westphalian Era. Cambridge: Polity Press, 1998.

³ См., напр.: De Senardens P. Mondialisation, souverainete et theories de relations Internationales. P., 1998.

⁴ См., напр.: Katzenstein P.J., ed. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. NY, 1996; Lapid Y. and Kratochwil F.V., ed. The Return of Culture and Identity in IR Theory. Columbia, 1996.

⁵ Bayer R., Drache D. (ed.). States Against Markets. L, 1996; Hзqm Ph. Economic politique internationale et Mondialisation. P., 1997.

⁶ Doyle M.W. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism. N.Y., 1997.

⁷ См.: Гудин Р.И., Клишманн Х.-Д. Политическая паука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р.И. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. Гл. I.C. 41.

формировании первичного представления о современном уровне разработки этой дисциплины в нашей стране и за рубежом; освещение ее наиболее заметных достижений и проблем. В итоге студент должен получить тот теоретический инструментарий, используя который он сможет самостоятельно разбираться в специальной литературе, посвященной теоретическому анализу и интерпретации сложных переплетений взаимодействий государств и их союзов, неправительственных и неправительственных организаций, многообразных частных субъектов; научиться вырабатывать обоснованное представление о потенциале участников международных отношений, их целях, средствах, стратегиях и т.п. В свою очередь, это позволит ему лучше понять место России в современном мире, ориентироваться в ее национальных интересах, оценивать международно-политическую деятельность различных институциональных и неинституциональных социальных общностей.

Вместе с тем в работу внесен ряд существенных изменений и дополнений. Они сделаны с учетом того обстоятельства, что с 1996 г. ситуация на рынке отечественной учебной литературы по международным отношениям претерпела некоторые изменения в лучшую сторону: наряду с публикацией ряда статей в периодической печати (здесь следует отметить прежде всего серию статей Н.А. Косолапова в журнале «Мировая экономика и международные отношения» под общим названием «Введение в теорию мировой политики и международных отношений»¹), вышли в свет работы А.Д. Богатурова, Г.Н. Новикова, учебное пособие под редакцией А.В. Торкунова, посвященные теории международных отношений². Кроме того, появились учебные пособия и монографии, в которых рассматриваются отдельные аспекты и проблемы международных отношений (больше всего здесь повезло геополитике³ и отчасти проблематике международных конфликтов⁴). Изданы книги с участием российских и зарубежных авторов⁵, ряд переводных работ, в том числе справочные издания по международно-политичес-

¹ См.: МЭиМО. 1998. № 1-5; 11-12; 1999. № 1-2.

² Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения в России в Восточной Азии в 1970—90-е годы. М., 1996; Новиков Г.Н. Теории международных отношений. Иркутск, 1996; Современные международные отношения / Под ред. проф. А.В. Торкунова. М., 1999, 2000.

³ См., напр.: Дугин А., Нартов А.А. Геополитика: Учебник для вузов. М., 1999; Тихонов Ю.В., Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.

⁴ См.: Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. М., 1999; Фельдман Д.М. Конфликты в мировой политике. М., 1998.

⁵ Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.

кой проблематике¹, фрагменты из классических произведений на международно-политическую тематику. Наконец, в глобальной сети Интернет все более широко распространяется информация, посвященная теоретическим вопросам международных отношений — в том числе и отечественных авторов, и как следствие возрастают возможности ее использования для учебных целей³.

Все это, безусловно, несколько меняет общее положение с литературой, посвященной теоретическим вопросам международных отношений, расширяет возможности их систематического изучения. И все же следует признать, что ситуация по-прежнему далека от идеальной и в этом смысле она резко отличается от ситуации, сложившейся в других общественных науках — философии, социологии,⁴ политологии, культурологии и даже в такой области знания, как геополитология. Между тем в отечественном обществоведении имеются достаточно внушительный научный потенциал и традиции исследования международных отношений, а происходящие в российской научной среде некоторые новые процессы, при всей драматичности имеющейся ситуации, дают определенные (хотя и достаточно сдержанные) основания для оптимизма⁴. Думается, что, несмотря на значительные препятствия, на которые справедливо указывает профессор И.Г. Тюлин^б, в ближайшие годы следует ожидать более существенного сдвига в разработке теоретико-методологической базы изучения международных отношений. Стимулом здесь является расширяющийся социальный заказ и возрастание спроса на литературу по международным отношениям в связи с увеличением количества учебных заведений и структур, в которых изучается ТМО. Сегодня, помимо специализированных факультетов, отделений и кафедр международных отношений Санкт-Петербургского, Казанского, Томского, Московского, Иркутского, Краснодарского университетов, ТМО преподается в рамках специализированных кур-

¹ См.: *Шреппер Х.-А.* Международные организации: Справочник. М., 1995; *Он же.* Международные экономические организации: Справочник. М., 1995; НАТО: Справочник. Брюссель, 1995; *Моро Дефарж Ф.* Основные понятия международной политики / Пер. с фр. М., 1995.

■ См.: *Жирар М.* (рук. авт. коллектива). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996; *Жакве Б.* Международные организации: В 2 т. / Пер. с фр. Н. Новгород, 1998; *Бжезинский З.* Великая шахматная доска / Пер. с англ. М., 1998; *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997; Политическая наука: новые направления / Под ред. РИ. Гудина, Х.-Д. Клипгемаппа (пер. с англ.). М., 1999; Антология мировой политической мысли в пяти томах. М., 1997.

³ См., напр.: *Zagorski, Arbatov.* Более подробно об этом см. прил. 2.

⁴ См. об этом: *Тюлин И.Г.* Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // Космополис. Альманах. М., 1997.

⁵ Там же.

сов в Ульяновском, Тульском и в ряде других государственных университетов страны. Данную дисциплину вводят в свои учебные планы и многие негосударственные вузы в системе высшего образования России. Кроме того, дисциплина «мировая политика и международные отношения» составляет часть общеобразовательного стандарта по политологии, что существенно расширяет спрос на соответствующую литературу...

Данная книга адресуется всем, изучающим политическую науку как общеобразовательную дисциплину. Одновременно, как в этом уже убедил опыт первого издания, она будет полезна и студентам, специализирующимся в области международных отношений.

Структурно работа построена следующим образом. Первые три главы дают представление о методологических основаниях ТМО и посвящены рассмотрению ее объекта и предмета, используемых ею методов познания и проблеме закономерностей международных отношений. Следующие две главы призваны познакомить с основными традициями, парадигмами, школами, теориями и направлениями в науке о международных отношениях. В главах 6—10 раскрываются структурные, а в главах 12—15 — функциональные аспекты международных отношений. Заключительная глава посвящена рассмотрению проблем международного порядка.

В Приложении 1 предлагаются сведения о Наиболее часто упоминающихся в научной и публицистической литературе международных доктринах, принципах, соглашениях и договорах.

В Приложении 2 приводится результат исследования кандидата социологических наук А.Б. Пружинина «Ресурсы в сети Интернет, посвященные исследованиям международных отношений», состоящий из 273 ссылок, рассортированных по 15 разделам. Как известно, в гигантских хранилищах сети Интернет очень трудно быстро найти нужную информацию. В этой связи особую актуальность приобретает создание справочников по различным направлениям науки для работы в сети. Главная цель при этом — разработка «шлюзов» или опорных пунктов, от которых потребители информации могут начинать свое движение по Паутине. Именно такой «шлюз» и предлагается в Приложении 2. Здесь также даны комментарии, представляющие собой краткий обзор содержимого каждого из ресурсов.

Книга снабжена именным и предметным указателями.

Автор выражает искреннюю признательность профессору Алексею Демосфеновичу Богатурову и профессору Ивану Георгиевичу Тюлину за их советы и замечания, которые были весьма полезны при доработке рукописи настоящего издания. Моя особая благодарность профессору Руслану Михайловичу Постоловскому, просвещенное мнение, непод-

дельное участие и постоянная поддержка которого были очень важны на всем протяжении работы над книгой. В текучке жизни и в трудные минуты мне помогала поддержка, без которой книга вряд ли была бы завершена, — поддержка моей жены Лучиновой Светланы Михайловны и сына Цыганкова Андрея. Наконец, немаловажную роль при написании и доработке книги играли вопросы и замечания коллег и студентов МГУ и МГИМО, Иркутского и Санкт-Петербургского университетов, Ровенского института славяноведения и других учебных заведений, в которых мне приходилось выступать с лекциями по теории международных отношений.

ГЛАВА 1

Объект и предмет международно-политической науки

Иногда приходится встречаться с мнением, согласно которому разграничение предмета и объекта науки не имеет существенного значения для осознания и понимания ее особенностей, что оно носит схоластический характер и способно лишь отвлечь от действительно важных теоретических проблем. Думается, такое разграничение все же необходимо.

Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, отличается от изучающих различные ее стороны научных дисциплин. Последние отражают и описывают ее, во-первых, всегда с некоторым «запозданием», а во-вторых, с определенным «искажением» существа происходящих процессов и явлений. Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем. Кроме того, всякая наука, так или иначе, выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Ведь если сама действительность, выступающая объектом науки, существует вис и независимо от сознания познающего ее субъекта, то становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания, выделяющим на основе определенных потребностей ту или иную сторону в познавательном объекте и изучающим ее соответствующими методами и средствами. Объект существует до предмета и может изучаться самыми различными научными дисциплинами.

Международные отношения охватывают самые различные сферы общественной жизни — от экономических обменов до спортивных состязаний. Не менее многообразны и их участники, в состав которых входят государства, негосударственные объединения и даже рядовые индивиды. Что же общего между всеми этими сферами человеческой деятельности, существует ли между ними связующая нить, которая объединяет всех ее участников и нахождение которой позволяет познать ее специфику? В самом нервом приближении можно сказать, что такой нитью являются политические отношения.

Как известно, политические отношения могут пониматься двояко: как сфера интересов и деятельности государства и как сфера властных отношений в широком смысле этого термина. В современной науке международные отношения, несмотря на этимологическое содержание, которое данное словосочетание имеет в романо-германских языках, понима-

¹ Авторство в изобретении термина «международные отношения» принадлежит английскому мыслителю И. Бептаму (1748—1832), который понимал под ним общение между государствами. Впоследствии он был воспринят юристами и применялся исключительно для обозначения правовых межгосударственных взаимодействий.

ются чаще всего во втором своем значении (хотя, как мы увидим в дальнейшем, все еще нередко его употребление в первом, более узком смысле). Однако в этой связи возникает целый ряд вопросов. Каковы критерии международных отношений? Что роднит международные отношения и международную политику и чем они отличаются друг от друга? Существуют ли различия между внутренней и международной политикой государства?

Прежде чем остановиться на этих вопросах более подробно, необходимо сделать два замечания.

Во-первых, было бы неверно абсолютизировать значение определения предмета науки. В этом отношении можно сослаться на то, что и столь древние отрасли знания, какими являются, например, математика или география, и более «молодые», как социология или политология, до сих пор вряд ли можно дефинировать окончательно и однозначно удовлетворительным образом. Это тем более верно, что предмет любой науки претерпевает изменения: меняется как сам ее объект, так и наши знания о нем. Вместе с тем указанное обстоятельство не отменяет необходимости обозначить круг тех проблем, которые составляют предметную область данной научной дисциплины. Такая потребность особенно актуальна, когда речь идет о молодой научной дисциплине, появившейся в процессе дифференциации научного знания и сохраняющей в ходе своего становления тесные связи с родственными ей дисциплинами.

Во-вторых, отечественная наука о международных отношениях по известным причинам достаточно длительное время пренебрегала мировыми достижениями в данной области. В «единственно научной и единственно правильной» марксистско-ленинской теории международных отношений они рассматривались чаще всего как неудачные (в лучшем случае, как представляющие лишь частный интерес). В самой же марксистско-ленинской теории международных отношений особое значение придавалось: а) рассмотрению международных отношений как «вторичных» и «третичных», т.е. продолжающих и отражающих внутриобщественные отношения и экономический базис общества; б) утверждению о том, что суть международных отношений, их «ядро» составляют классовые отношения (классовое противоборство), к которым в конечном итоге и сводится все их многообразие. Изменившаяся обстановка в полной мере показала ограниченность по добного подхода и выявила настоятельную потребность интеграции отечественных исследований в области международных отношений в мировую науку, использования ее достижений и осмысления меняющихся реалий международной жизни на рубеже третьего тысячелетия.

1. Понятие и критерии международных отношений

На первый взгляд, определение понятия «международные отношения» не представляет каких-то особых трудностей: это — «совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на 'мировой арене, т.е. между народами в самом широком смысле этого слова» (*Иноземцев. 1978. С. 11*). Однако сразу же возникает целый ряд вопросов. Относятся ли, например, браки между людьми разных государств к сфере международных отношений? Относятся ли к ней туристические поездки

и поездки по частным приглашениям граждан одной страны в другую? Вступает ли человек в международные отношения, покупая иностранный товар в магазине своей страны? Попытка ответить на подобные вопросы обнаруживает зыбкость, условность, а то и просто «неуловимость» границ между внутриобщественными и международными отношениями. Остаются без ответа и вопросы о том, в чем именно выражается специфика «совокупности связи и взаимоотношений между основными классами, действующими на международной арене», по сравнению с «организациями и движениями»? Что скрывается за терминами «социальные, экономические, политические силы»? Что такое «международная арена»? Все эти вопросы остаются как бы «за скобками» приведенного определения, которое к тому же явно страдает тавтологичностью.

Не много ясности вносит и попытка более строгого определения международных отношений — как отношений «между государствами и негосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами разных государств...» (Курс международного права... 1989. С. 10). По сути, оно лишь более явно, чем предыдущее, сводит совокупность международных отношений к взаимодействию их участников. Главным недостатком подобных определений является то, что в конечном счете они неизбежно сводят все многообразие международных отношений к взаимодействию государств.

Попытка выйти за рамки межгосударственных взаимодействий содержится в определении международных отношений как «совокупности интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество» (Шахназаров. 1981. С. 19). Такое понимание, оставляя открытым вопрос об участниках (или акторах) международных отношений, позволяет избежать их сведения к межгосударственным отношениям. Кроме того, оно акцентирует внимание на одной из основных тенденций эволюции международных отношений. Однако данное определение является слишком широким, поскольку, по существу, не разграничивает внутриобщественные и международные отношения. В нем делается акцент не на участниках международных отношений, а на их взаимодействии друг с другом и, по сути, эти участники как бы «теряются». Между тем без правильного понимания того, кто является основными и второстепенными, закономерными и случайными участниками международных отношений, равно как и иерархии между ними (иными словами, без определенных главных и неглавных участников), выявить специфику международных отношений достаточно трудно.

Впрочем, требовать от определений всеохватности было бы неверно: ни одна дефиниция не в состоянии полностью раскрыть содержа-

ние определяемого объекта. Ее задача — дать лишь первичное представление об этом объекте. Поэтому при анализе международных отношений исследователи стремятся не столько дать «исчерпывающее» определение, сколько выделить критерии, на основе которых можно было бы понять их сущность и специфику.

Чаще всего исходным пунктом поисков и одной из существенных особенностей международных отношений многие исследователи считают их участников. Так, например, с точки зрения известного французского социолога Р. Арона, «международные отношения — это отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает греческие полисы, римскую или египетскую империи, как и европейские монархии, буржуазные республики, или народные демократии... Содержанием международных отношений являются, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры» (*Агон.* 1984. Р. 17). В свою очередь межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей — дипломата и солдата. «Два и только два человека, — пишет Р. Арон, — действуют не просто в качестве членов, а в качестве представителей общностей, к которым они принадлежат: посол при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он выступает; солдат на поле боя представляет политическую единицу, от имени которой он убивает себе подобного» (там же). Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. Особенность международных отношений состоит в том, что они предполагают вероятность того и другого и поэтому содержат значительный элемент риска.

В целях сделать свое понимание особенностей внешней политики И международных отношений более доступным Р. Арон прибегает к сравнению их со спортом. При этом он подчеркивает, что, например, «по сравнению с футболом внешняя политика является еще более неопределенной. Цель действующих лиц здесь не так проста, как забивание гола. Правила дипломатической игры не расписаны во всех деталях, и любой игрок нарушает их, когда находит в этом свою выгоду. Нет судьбы, и даже когда некая совокупность действующих лиц претендует на судейство (ООН), национальные действующие лица не подчиняются решениям этого коллективного арбитра, степень беспристрастности которого оставляет повод для дискуссии. Если соперничество наций действительно напоминает какой-либо вид спорта, то таким видом слишком часто является борьба без правил — кэтч...» (там же. Р. 22). Поэтому международные отношения Р. Арон считает «предгражданским» или «естественным» состоянием обще-

ства (в гоббсовском понимании: «война всех против всех»). В сфере международных отношений господствует «плюрализм суверенитетов», поэтому здесь нет монополии на принуждение и насилие, и каждый участник международных отношений вынужден исходить в своем поведении из во многом непредсказуемого поведения других участников (*Azon*. 1963).

Близкие мысли высказывают и многие другие исследователи, отмечающие, что международные отношения характеризуются отсутствием консенсуса между их участниками относительно общих ценностей, сколь-либо общепринятых социальных правил, закрепленных юридическими или моральными нормами, отсутствием центральной власти, большой ролью стихийных процессов и субъективных факторов, значительным элементом риска и непредсказуемости.

Однако не все согласны с Р. Ароном в том, что основное содержание международных отношений составляет взаимодействие между государствами. Так, по мнению американского исследователя Д. Капоразо, в настоящее время главными действующими лицами в международных отношениях становятся не государства, а классы, социально-экономические группы и политические силы (*Caporaso*. 1979). Д. Сингер, представитель бихевиористской школы в исследовании международных отношений, предложил изучать поведение всех возможных участников международных отношений — от индивида до глобального сообщества, — не заботясь об установлении приоритета относительно их роли на мировой арене (*Synger*. 1978). Другой известный американский специалист в области международных отношений Дж. Розенау высказал мнение, что структурные изменения, которые произошли за последние десятилетия в мировой политике и стали основной причиной взаимозависимости народов и обществ, вызвали коренные трансформации в международных отношениях. Их главным действующим лицом становится уже не государство, а конкретные лица, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле. И если для Р. Арона основное содержание международных отношений составляют взаимодействия между государствами, символизируемые в фигурах дипломата и солдата, то Дж. Розенау приходит фактически к противоположному выводу. По его мнению, результатом изменений в сфере международных отношений становится образование так называемого международного континуума, символическими субъектами которого выступают турист и террорист (*Rosenau*. 1979. Р. 220).

В целом же, в многообразии приведенных точек зрения просматриваются попытки либо объединить два критерия (специфику участников и особую природу международных отношений), либо отдать

преимущество в исследовании международных отношений одному из них: специфике участников или особой природе международных отношений. Каждый из них, как мы уже убедились, может привести к неоднозначным выводам. Каждый имеет свои преимущества и свои недостатки.

В рамках одного подхода существует возможность свести международные отношения в конечном счете либо к взаимодействию между государствами, либо, напротив, к деятельности только негосударственных участников, что тоже неверно. Более подробно вопрос об участниках международных отношений рассматривается в главе 8. Здесь же ограничимся следующим замечанием. Действительно имеющаяся и набирающая силу тенденция к расширению числа участников международных отношений за счет негосударственных и частных субъектов диктует необходимость внимательного анализа их роли в изменениях, происходящих на мировой арене. Вместе с тем такой анализ должен обязательно сопровождаться сопоставлением «удельного» веса участников международных отношений, в том числе и таких «традиционных», как государства. Практика показывает, что они и сегодня в большинстве случаев остаются главными и решающими действующими лицами в международных отношениях, хотя абсолютизация их значения как единственных и самодовлеющих неправомерна.

Противоположные выводы, взаимоисключающие крайности допускает и второй подход. Так, понимание природы международных отношений только как «естественного», «предгражданского» состояния не учитывает тенденции к их социализации, игнорирует нарастающие свидетельства преодоления такого состояния и становления нового мирового порядка (подробнее об этом см. в главе 16). Если исходить только из тенденции социализации, то тоже можно прийти к ошибочному выводу, не учитывающему, что, несмотря на возрастающую целостность и взаимозависимость мира, на усиливающиеся процессы международной интеграции и сотрудничества различных государств и народов в экономической, политической, социальной и других областях, международные отношения и сегодня во многом остаются сферой несовпадающих интересов, соперничества и даже противоборства и насилия. Это уже не «джунгли», не «война всех против всех», но и не единое сообщество, живущее по единым законам и в соответствии с общими, разделяемыми всеми его членами ценностями и нормами. Речь идет, скорее, о переходном состоянии, когда усиливающаяся тенденция к становлению мирового сообщества не стала необратимой, когда элементы регулирования и «плюрализм суверенитетов», расширение сотрудничества на основе взаимных интересов и совер-

шенствование средств насилия сосуществуют друг с другом, то взаимно уравновешиваясь, то вновь вступая в противоборство¹.

Все это говорит о том, что для определения специфики международных отношений вышеуказанных критериев по крайней мере недостаточно, что их необходимо если не заменить, то дополнить еще одним критерием. Известный французский исследователь М. Мерль, предложивший дополняющий критерий, назвал его «критерием локализации». В соответствии с этим критерием специфика международных отношений определяется как «совокупность соглашений или потоков, которые пересекают границы или же имеют тенденцию к пересечению границ» (*Merle*. 1974. Р. 137). Исходя из факта разделения мира на государства, сохраняющие суверенитет над своими территориальными границами, такое понимание позволяет как учитывать особенности каждого этапа в развитии международных отношений, так и не сводить их к межгосударственным взаимодействиям. В него вполне вписываются и самые различные классификации международных отношений. Обобщая высказанные в этом отношении в научной литературе позиции, можно говорить о различных типах, видах, уровнях и состояниях международных отношений.

Так, до недавнего времени в отечественной и восточноевропейской научной литературе международные Отношения подразделялись, на основе классового критерия, на отношения господства и подчинения, отношения сотрудничества и взаимопомощи и переходные отношения (Социализм и международные отношения. 1975. С. 16). Соответственно, к первым относили отношения феодального и капиталистического типа, ко вторым — отношения между социалистическими странами, к третьим — отношения между развивающимися государствами, освободившимися от колониальной зависимости.

Наблюдаемая в действительности картина не укладывалась в такую достаточно искусственную схему, поэтому некоторые авторы пытались усложнить саму схему, не выходя, однако, за рамки классового подхода. Так, польский автор Ю. Кукулка выделял три типа однородных и три типа переходных международных отношений (*Кукулка*. 1980. С. 85—86). Реальная международная жизнь и прежде не вписывалась в подобную типологию, которая игнорировала наличие серьезных противоречий и даже вооруженных конфликтов между социалистическими странами, так же как и существование отношений подлин-

¹ При этом термин «переходность» в данном случае отнюдь не означает, что речь идет о некой линейной тенденции, результат которой известен заранее. В действительности данной сфере общественных отношений даже больше, чем другим, свойственны элементы непредсказуемости, незаданности, неоднозначности и неожиданности.

ного сотрудничества (хотя и не исключающего противоречий) между капиталистическими государствами. Изменения же, которые произошли в Восточной Европе в начале 1990-х гг. и которые привели к исчезновению мировой социалистической системы, заставили большинство специалистов полностью отказаться от классового критерия в классификации международных отношений и перейти к «общезивилизационному». В соответствии с последним в отечественной литературе была сделана попытка выделить два типа международных отношений: основанные 1) на балансе сил и 2) на балансе интересов (Гладков. 1989. С. 61). Впрочем, эта попытка отечественных авторов, увлеченных «новым политическим мышлением», фактически не оставила в науке сколь-либо существенного следа и не возобновлялась после его поражения.

Международные отношения классифицируются либо по сферам общественной жизни (и, соответственно, содержанию отношений) — экономические, политические, военно-стратегические, культурные, идеологические отношения и т.п., — либо в зависимости от их участников — межгосударственные отношения, межпартийные отношения, отношения между различными международными организациями, транснациональными корпорациями и т.п. '

В зависимости от степени развития и интенсивности международных отношений выделяют их различные (высокий, низкий или средний) уровни. Однако более плодотворным представляется выделение уровней международных отношений на основе геополитического критерия: глобальный (или общепланетарный), региональные (европейский, азиатский и т.п.), субрегиональные (например, страны Карибского бассейна) уровни международного взаимодействия.

Наконец, с точки зрения степени напряженности можно говорить о различных состояниях международных отношений: например, состоянии стабильности и нестабильности; доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.

Вся совокупность известных науке различных типов, видов, уровней и состояний международных отношений представляет собой особый род -общественных отношений, которые в силу своей специфики отличаются от общественных отношений, свойственных той или иной социальной общности, выступающей участником международных отношений. В этой связи международные отношения можно определить как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований. Такое определение требует рассмотрения вопроса о том, как соотносятся международные отношения и мировая политика.

2. Мировая политика

Понятие «мировая политика» принадлежит к числу наиболее употребительных и одновременно наименее ясных понятий политической науки. Действительно, с одной стороны, казалось бы, что и немалый исторический опыт, накопленный в попытках создания мировых империй или в реализации социально-политических утопий, и XX в., богатый на глобальные события, затрагивающие судьбы всего человечества (стоит лишь напомнить о двух прошедших в первой половине XX столетия мировых войнах, о наступившем затем противостоянии двух социально-политических систем, продолжавшемся вплоть до фактического исчезновения одной из них, о возрастающей взаимозависимости мира на рубеже нового тысячелетия), не оставляют сомнений в существовании мировой политики. Не случайно в теоретическом освоении мироцелности (мироведении, или мондиологии) — междисциплинарной области знания, привлекающей растущий интерес научного сообщества начиная с 1970—1980-х гг., — столь важную роль играют понятия «мировое гражданское общество» и «мировое гражданство» (см. об этом: Чешков. 1995). Но, как известно, гражданское общество представляет собой, выражаясь гегелевским языком, диалектическую противоположность сферы властных отношений, т.е. оно неотделимо от нее, как неотделимы друг от друга правое и левое, север и юг и т.п. Что же касается «мирового гражданства», то оно, «по определению», предполагает лояльность социальной общности по отношению к существующей и воспринимаемой в качестве легитимной политической власти, т.е. в данном случае оно предполагает существование мировой политики в качестве относительно самостоятельного и объективного общественного явления.

С другой стороны, одна из главных проблем, которая встает при исследовании вопросов, связанных с мировой политикой, это именно проблема ее идентификации как объективно существующего феномена. В самом деле, как отличить мировую политику от международных отношений? Вопрос тем более непростой, что относительно содержания понятия «международные отношения» между исследователями до сих пор нет согласия (см., например: *Les relations internationales: Les nouveaux débats théoriques*. 1994). Поскольку «пространство» и «поле» в мировой политике могут быть выделены лишь в абстракции (см. об этом: Моргачев. 1989), многие исследователи считают мировую политику в целом не более чем абстракцией, взглядом политолога на меж-

дународные отношения, условно выделяющим в них политическую сторону, политическое измерение¹.

Думается, однако, что гораздо больше ясности в рассматриваемую проблему вносит иной подход, высказанный А.Е. Бовиным и разделяемый В.П. Лукиным: «Мировая политика» — это деятельность, взаимодействие государств на международной арене; «международные отношения» — это система реальных связей между государствами, выступающих и как результат их действий, и как своего рода среда, пространство, в котором существует мировая политика. Кроме государств, субъектами, участниками мирового общения выступают различные движения, организации, партии и т.п. Мировая политика — активный фактор, формирующий международные отношения. Международные отношения, постоянно изменяясь под воздействием мировой политики, в свою очередь, влияют на ее содержание и характер» (Перестройка международных отношений... 1989. С. 58).

Такая позиция облегчает понимание происходящего на мировой арене и вполне может быть принята в качестве исходной в анализе мировой политики. Вместе с тем было бы полезно внести некоторые уточнения. Взаимодействие государств на мировой арене, двусторонние и многосторонние связи между ними в различных областях, соперничество и конфликты, высшей формой которых выступают войны, сотрудничество, диапазон которого простирается от спорадических торговых обменов до политической интеграции, сопровождающейся добровольным отказом от части суверенитета, передаваемого в «общее пользование», — все это точнее отражается термином «международная политика». Что же касается понятия «мировая политика», то оно смещает акцент именно на ту все более заметную роль, которую играют в формировании международной среды нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международных общений.

Очевидно, что различия существуют не только между мировой политикой и международными отношениями, но и между внешней и международной политикой: внешняя политика той или иной страны представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более, широких структур и призванных отражать, его национальные интересы. Что касается негосударственных участников международных отношений, то для

многих из них (например, для многонациональных корпораций, международных мафиозных группировок, конфессиональных общностей, принадлежащих, скажем, к католической церкви или исламу) международная политика чаще всего вовсе и не является «внешней»¹ (или, но крайней мере, не рассматривается в качестве таковой). Вместе с тем подобная политика выступает одновременно как: а) «транснациональная» — поскольку осуществляется помимо того или иного государства, а часто и вопреки ему, и б) «разгосударствленная» — поскольку ее субъектами становятся группы лидеров, государственная принадлежность которых носит, по сути, формальный характер (впрочем, феномен «двойного гражданства» нередко делает излишней и такую формальность).

Разумеется, внешняя и международная политика государства тесно связаны не только друг с другом, но и с его внутренней политикой, что обусловлено, в частности, такими факторами, как единая основа и конечная цель, единая ресурсная база, единый субъект и т.п. (Именно этим, кстати говоря, объясняется и то обстоятельство, что анализ внешнеполитических решений возможен лишь с учетом расстановки внутривнутриполитических сил.) Вместе с тем, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, «транснациональная» и даже «разгосударствленная» политика все чаще используется в межгосударственном общении.

Действительно, как показывает швейцарский исследователь Ф. Брайар (*Brillard*. 1994. Р. 29), внешняя политика перестает быть прерогативой только министерств иностранных дел. В силу возросшей необходимости сообща управлять все более сложными и многочисленными проблемами, она становится делом большинства других государственных ведомств и структур. Различные группы национальных бюрократий, имеющие отношение к международным переговорам, часто стремятся к непосредственному сотрудничеству со своими коллегами за рубежом, к согласованным действиям с ними. Это приводит к развитию оккультных связей и интересов, выходящих за рамки государственных принадлежностей и границ, делает внутреннюю и международную сферы еще более взаимопроницаемыми.

¹ Так, например, в мусульманских странах представления о национальном гражданстве появились к концу XIX в. До этого мусульмане различных государств юридически считались членами одной общины мусульман — ал-Уммы, связанной отношениями покровительства-зависимости (вала дживар) и находящейся под защитой «верховного» маула (вали) — Аллаха (Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 242). Исламские же фундаменталисты, по сути, и сегодня не признают деления мусульман по национально-государственному признаку.

3. Взаимосвязь внутренней и внешней политики

Проблема взаимосвязи и взаимовлияния внутренней и внешней политики — одна из наиболее сложных проблем, которая была и продолжает оставаться предметом острой полемики между различными теоретическими направлениями международно-политической науки — традиционализмом, политическим идеализмом, марксизмом и такими их современными разновидностями, как неореализм и неомарксизм, теории зависимости и взаимозависимости, структурализм и транснационализм. Каждое из этих направлений исходит в трактовке рассматриваемой проблемы из собственных представлений об источниках и движущих силах политики.

Так, например, для сторонников *политического реализма*, внешняя и внутренняя политика, хотя и имеют единую сущность, которая, по их мнению, в конечном счете сводится к борьбе за силу, тем не менее составляют принципиально разные сферы государственной деятельности. По убеждению Г. Моргентау, многие теоретические положения которого остаются популярными и сегодня, внешняя политика определяется национальными интересами. Национальные интересы объективны, поскольку связаны с неизменной человеческой природой, географическими условиями, социокультурными и историческими традициями народа. Они имеют две составляющие: одну постоянную — это императив выживания, непреложный закон природы; другую переменную, являющуюся конкретной формой, которую эти интересы принимают во времени и пространстве. Определение этой формы принадлежит государству, обладающему монополией на связь с внешним миром. Основа же национального интереса, отражающая язык народа, его культуру, естественные условия его существования и т.п., остается постоянной. Поэтому внутренние факторы жизни страны (политический режим, общественное мнение и т.п.), которые могут, меняться и меняются в зависимости от различных обстоятельств, не рассматриваются реалистами как способные повлиять на природу национального интереса: в частности, национальный интерес не связан с характером политического режима (*Morgenthau*. 1948). Соответственно, внутренняя и внешняя политика обладают значительной автономией по отношению друг к другу.

Напротив, с точки зрения представителей ряда других теоретических направлений и школ, внутренняя и внешняя политика не просто связаны друг с другом, но их связь детерминирована. Существует две версии их детерминации. Согласно ортодоксальному *марксизму*, внешняя политика является отражением классовой сущности внутриаполи-

тического режима и зависит в конечном счете от определяющих эту сущность экономических отношений общества. Отсюда и международные отношения в целом носят «вторичный» и «третичный», «перенесенный» характер (*Маркс, Энгельс. С. 735*).

Согласно версии сторонников *геополитических концепций, теорий «богатого Севера» и «бедного Юга», а также неомарксистских теорий зависимости, «мирового центра» и «мировой периферии»* и т.п., исключительным источником внутренней политики являются внешние принуждения. Так, например, чтобы понять внутренние противоречия и политическую борьбу в том или ином государстве, И. Валлерстайн считает необходимым рассматривать его в более широком контексте: в контексте целостности мира, представляющего собой глобальную империю, в основе которой лежат законы капиталистического способа производства — «миро-экономика». «Центр империи» — небольшая группа экономически развитых государств, — потребляя ресурсы «мировой периферии», является производителем промышленной продукции и потребительских благ, необходимых для существования составляющих ее слаборазвитых стран. Таким образом, речь идет о существовании между «центром» и «периферией» отношений несимметричной взаимозависимости, являющихся основным полем их внешнеполитической борьбы. Развитые страны заинтересованы в сохранении такого состояния (которое, по сути, представляет собой состояние зависимости), тогда как страны «периферии», напротив, стремятся изменить его, установить новый мировой экономический порядок. В конечном счете основные интересы тех и других лежат в сфере внешней политики, от успеха которой зависит их внутреннее благополучие. Значение внутривнутриполитических процессов, борьбы партий и движений в рамках той или иной страны, определяется ролью, которую они способны играть в контексте «миро-экономики» (*Wallerstein. 1975. Р. 12-22*).

Для представителей таких теоретических направлений в международно-политической теории, как *неореализм* (см., например: *Waltz. 1979*) и *структурализм* (приобретающий-относительно самостоятельное значение) (см.: *Strange. 1988*), внешняя политика является продолжением внутренней, а международные отношения — продолжением внутриобщественных отношений. Однако решающую роль в определении внешней политики, по их мнению, играют не национальные интересы, а внутренняя динамика международной системы. При этом главное значение имеет меняющаяся структура международной системы: являясь в конечном счете опосредованным результатом поведения государств, а также следствием самой их природы и устанавливающихся между ними отношений, она в то же время диктует им свои законы.

Таким образом, вопрос о том, детерминируется ли внутренняя политика государства его внешней политикой или наоборот, решается в пользу внешней политики.

Представители *концепций взаимозависимости мира* в анализе рассматриваемого вопроса исходят из тезиса, согласно которому внутренняя и внешняя политика имеют общую основу — государство. Для того чтобы Получить верное представление о мировой политике, следует, как считает, например, профессор Монреальского университета Л. Дадлей, вернуться к вопросу о сущности государства. Любое суверенное государство обладает двумя монополиями власти. Во-первых, оно имеет признанное и исключительное право на использование силы в рамках своей территории, во-вторых, обладает здесь легитимным правом взимать налоги. Таким образом, территориальные границы государства представляют собой те рамки, в которых осуществляется первая из этих властных монополий — монополия на насилие — и за пределами которых начинается поле его внешней политики. Здесь кончается право одного государства на насилие и начинается право другого. Поэтому любое событие, способное изменить то, что государство рассматривает как свои оптимальные границы, может вызвать целую серию беспорядков и конфликтов. Пределы же применения силы в рамках государства всегда обуславливались его возможностью контролировать свои отдаленные территории. Эта возможность зависит от уровня развития военных технологий. Поскольку современный уровень развития транспорта и вооружения позволяет значительно сократить государственные издержки по контролю над территорией, постольку увеличились и оптимальные размеры государства.

Что же происходит со второй из названных монополий? В рамках того или иного государства часть общего дохода, который изымается фискальной системой, составляет пределы внутренней компетенции государства, поле его внутренней политики. Положение этого поля также зависит от технологий, но на этот раз речь идет об информационных технологиях. Доступность специализированных рынков, экспертной информации, высшего образования и медобслуживания дает гражданам те преимущества, которыми они не обладали в простой деревне. Именно благодаря этим преимуществам уровень налогов можно повышать без риска вынудить индивидов или фирмы обосноваться в другом месте. Любое необдуманное расширение этого поля, например внезапное повышение налогов сверх определенных пределов, способное вызвать конфискацию совокупного дохода граждан, чревато риском внутренних конфликтов в стране. С этой точки зрения, одной из причин развала Советского Союза стала его неспособность генериро-

вать ресурсы, требуемые для финансирования своего военного аппарата (см.: *Dudley*. 1991).

Таким образом, для сторонников описанных позиций вопрос о первичности внутренней политики по отношению к внешней или наоборот не имеет принципиального значения: по их мнению, и та, и другая детерминированы факторами иного, прежде всего, технологического характера. При этом, если уже неореалисты признают, что в наши дни государство больше не является единственным участником мировой политики, то многие представители теорий взаимозависимости и структурализма считают, что государство утрачивает и свою, прежде основную, роль в мировой политике. На передний план выступают такие международные акторы, как межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, политические и социальные движения и т.п. Усиление роли международных режимов и структур, рост влияния новых акторов на мировую политику иллюстрируются, в частности, происходящими в ней сегодня интеграционными процессами, которые и составляют ее наиболее характерную черту.

Еще дальше в этом отношении идут сторонники школы *транснационализма* (см., например: *Burton*. 1972; *hoard*. 1991). По их мнению, в наши дни отношения между государствами уже не являются основой мировой политики. Многообразие участников (межправительственные и неправительственные организации, предприятия, социальные движения, различного рода ассоциации и отдельные индивиды), видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены, родственные отношения, профессиональные связи) и «каналов» (межуниверситетское партнерство, конфессиональные связи, сотрудничество ассоциаций и т.п.) взаимодействия между ними вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» (т.е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транснациональное» (т.е. осуществляющееся помимо и без участия государств). Для новых акторов, число которых практически бесконечно, не существует национальных границ. На "наших глазах возникает глобальный мир, в котором разделение политики на внутреннюю и внешнюю теряет всякое значение.

Значительное влияние на подобный подход оказали выдвинутые Дж. Розенау еще в 1969 г. идеи о взаимосвязи внутренней жизни общества и международных отношений, о роли социальных, экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь чисто «внутренние», на первый взгляд, события и т.п. (см.: *Rosenau*. 1969).

Розенау был и одним из первых, кто стал говорить о «раздвоенности» мира: современность характеризуется сосуществованием, с одной стороны, поля межгосударственных взаимоотношений, в котором действуют «законы» классической дипломатии и стратегии; и с другой — поля, в котором сталкиваются «акторы вне суверенитета», т.е. негосударственные участники. Отсюда и «двухслойность» мировой политики: межгосударственные отношения и взаимодействие негосударственных акторов составляют два самостоятельных, относительно независимых, параллельных друг другу мира «пост-международной» политики (*Розенау*. 1989).

Продолжая эту мысль, французский политолог Б. Бади останавливается на проблеме импорта странами «Юга» западных политических моделей (в частности — государства как института политической организации людей). В широком смысле можно, считает он, констатировать явный провал универсализации западной модели политического устройства. Именно в этом провале заключается, по его мнению, основной источник беспорядка в современных международных отношениях и наблюдающихся сегодня противоречивых и сложных процессов переустройства мира (*Badie*. 1992).

В той мере, в какой государство-нация не соответствует социокультурным традициям обществ-импортеров, члены этих обществ не чувствуют себя связанными с данной моделью политического устройства, не идентифицируют себя с ней. Отсюда наблюдаемый в постколониальных странах феномен отторжения гражданских отношений. А поскольку социальная динамика не терпит пустоты, это отторжение ведет социальных акторов к поиску новых идентичностей и иных форм социально-политической организации. С этим связано такое явление, получившее широкое распространение в современном мире (и несущее в себе огромный конфликтный потенциал), как партикуляризм, который ошибочно отождествляют с национализмом или пробуждением наций. На самом деле происходит как раз обратное. Инфляция идентичности характеризуется в действительности ненадежностью способов ее кристаллизации¹ и поиском замещающих ее иных форм социальных и политических отношений. Такой поиск идет как в направлении микрокоммунитарных реконструкций («я не чувствую себя гражданином, следовательно, вместо этого я рассматриваю себя прежде всего как члена моего клана, даже моей семьи, моей деревни»), так и создания макрокоммунитарных связей («я идентифицирую себя с определенной религией, с определенной языковой, культурной или исторической общностью, которая выходит за пространственные рамки прежних наций-государств»).

С точки зрения вопроса о соотношении внутренней и внешней политики это достаточно серьезный феномен. Болезнь утраты легитимности, слабость и малопривлекательное моральных и идеологических аргументов, приводимых в оправдание своих действий, вынуждает правительство и политических лидеров придавать этим действиям не только национальное, но и международное значение. Так, Б. Ельцин и политические силы, выступавшие на его стороне во время октябрьских событий 1993 г., стремились привлечь на свою сторону общественное мнение граждан не только своей страны, но и всего международного сообщества, и прежде всего — ведущих западных держав, используя существующие в них демократические традиции, а также опасения глобальных последствий призывов российской оппозиции к вооруженному противостоянию режиму. В свою очередь, оппозиция, независимо от провозглашаемых ею лозунгов, также стремилась создать себе определенный имидж не только внутри страны, но и за рубежом.

Завершая рассмотрение проблемы соотношения внутренней и внешней политики, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, детерминистские объяснения соотношения внутренней и внешней политики малопродуктивные. Каждое из них — идет ли речь о «первичности» внутренней политики по отношению к внешней или наоборот — отражает лишь часть истины и потому не может претендовать на универсальность; Более того, уже сама продолжительность подобного рода полемики — а она длится фактически столько, сколько существует политическая наука, — свидетельствует о том, что на самом деле в ней отражается тесная связь эндогенных и экзогенных факторов политической жизни. Любые сколь-либо значимые события во внутриполитической жизни той или иной страны немедленно отражаются на ее международном положении и требуют от нее соответствующих шагов в области внешней политики. Так, например, уже на следующий день после того, как стали известны результаты парламентских выборов в декабре 1993 г. в России, эстонский премьер-министр М. Лаар заявил, что они должны подтолкнуть Европейский союз к быстрой интеграции Прибалтики в НАТО. Латвийский президент Г. Улманис подчеркнул, что восхождение Жириновского — результат слабости политики Ельцина в последние шесть месяцев. Украинские политики настойчиво говорили, что теперь не может быть и речи об одностороннем ядерном разоружении. Все это не могло не повлечь за собой соответствующих изменений в российской внешней политике. Верно и обратное: важные решения, принимаемые в сфере внешней политики, влекут за собой необходимость адекватных мероприятий во внутриполитической сфере. Так, намерение РФ стать членом Совета Европы потребовало от ее руководства изменения своего отношения к пробле-

ме прав человека, которые в постсоветской России, по свидетельству международных и отечественных правозащитных организаций, повсеместно нарушались. В свою очередь, принятие России в эту влиятельную межправительственную организацию было оговорено условием, согласно которому внутреннее законодательство РФ должно быть приведено в соответствие с западноевропейскими стандартами, а нарушениям прав человека должен быть положен конец не только на словах, но и на деле.

Во-вторых, в современных условиях связь между «внутренней» и «внешней» политикой становится настолько тесной, что иногда теряет смысл само употребление этих терминов, оставляющее возможность для представлений о двух отдельных областях, между которыми существуют непреодолимые границы, в то время как в действительности речь идет об их постоянном взаимном переплетении и «перетекании» друг в друга. Так, отношение постсоветского политического режима к российской национал-патриотической оппозиции или же к темпам и формам приватизации госсобственности, не говоря уже о реформах, касающихся армии, ВПК, природоохранных мероприятий или же законодательных основ в области прав и свобод человека, с самого начала не могло не увязываться им с официально провозглашенными внешнеполитическими ориентирами «на партнерские и союзнические отношения на основе приверженности общим демократическим ценностям со странами Запада» (см.: О сути концепции внешней политики России. 1993). В свою очередь, приоритеты в области внешней политики диктуются необходимостью продвижения по пути объявленных режимом внутривнутриполитических целей — политической демократии, рыночной экономики, социальной стабильности, гарантий индивидуальных прав и свобод, или, по меньшей мере, периодического декларативного подтверждения приверженности курсу реформ.

В-третьих, рост числа акторов «вне суверенитета» не означает/что государство как институт политической организации людей уже утратило свою роль или утратит ее в обозримом будущем. Внутренняя и внешняя политика остаются двумя неразрывно связанными и в то же время несводимыми друг к другу «сторонами одной медали», одна из которых обращена внутрь государства, другая — вовне. И, как верно подчеркивает французский политолог М. Жирар, «большинство интеллектуальных усилий, имеющих смелость или неосторожность либо игнорировать эту линию водораздела между внутренней и внешней политикой, либо считать ее утратившей актуальность, пытающихся отождествить указанные стороны друг с другом, неизбежно обрекают себя на декларации о намерениях или на простые символы веры» (*Girard*. 1994. P. 7).

В-четвертых, усложнение политических ситуаций и событий, одним из источников и проявлений которого выступает рост числа и многообразия акторов (в том числе таких, как мафиозные группировки, преступные кланы, амбициозные и влиятельные неформальные лидеры и т.п.), имеет своим следствием то обстоятельство, что их действия не только выходят за рамки национальных границ, но и влекут за собой существенные изменения в экономических, социальных и политических отношениях и идеалах и зачастую не вписываются в привычные представления.

Все это затрудняет выяснение предмета теории международных отношений.

4. Предмет международно-политической науки

Одним из вопросов, широко обсуждаемых сегодня в научном сообществе ученых-международников, является вопрос о том, можно ли считать теорию международных отношений самостоятельной дисциплиной или же это неотъемлемая часть политологии. На первый взгляд, ответ на него вполне очевиден: международные отношения, ядром которых являются политические взаимодействия, как бы «по определению» составляют неотъемлемую часть объекта политологии. Обусловлено это тем, что международная политика как выражение, или модус существования, международных отношений, подобно любой другой разновидности политики (экономической, социальной и т.п.), представляет собой соперничество и согласование интересов, целей и ценностей, в процессе которых взаимодействующие общности используют самые различные средства — от целенаправленного влияния до прямого насилия. Здесь так же, как и во внутренней политике, речь идет о столкновениях по поводу власти и распределения ресурсов.

Задумаясь, однако, над тем, почему же в существующей учебной литературе по политологии — а она, как известно, отражает наиболее устойчивые, апробированные результаты, а также нерешенные проблемы исследовательского процесса — международные отношения либо «блистательно отсутствуют», либо наличествуют чисто формально, в виде необязательного «довеска», зачастую во многом диссонирующего или же слабо коррелирующего с основным содержанием учебников?

Одним из ответов служит утверждение о том, что политология — это наука о внутренней политике, ограниченной рамками организованного государственного общества. Тем самым вроде бы автоматически постулируется самостоятельность науки о международных отноше-

ях. Однако основанная на подобном видении самостоятельность сводится к чисто количественному измерению. Так, например, М. Гунелль, полагающий, что предмет политологии ограничивается национальными (т.е. внутриполитическими) проблемами, не считает это препятствием для включения в него международных отношений: «Основным предметом науки о международных отношениях являются властные отношения... ее предмет совпадает с предметом политической науки... Разное только географическое поле». В качестве доказательства приводятся факты усиливающегося взаимодействия и взаимопереплетения внутриполитических и международно-политических процессов.

Действительно, в наши дни повсеместно наблюдается феномен взаимопроникновения внутренней и международной политики. Примерами тому служат воссоединение Германии, возрастающее влияние внешнеполитических акций правительства того или иного государства на электоральное поведение его населения. Впрочем, внутренняя и внешняя политика всегда были едины по своим источникам и ресурсам, отражая (более или менее удачно и эффективно) присущими им средствами единую линию того или иного государства. Речь идет в конечном счете о двух сторонах, двух аспектах политики как сферы и процесса деятельности, в основе которой лежит борьба интересов. Не случайно, например, наиболее распространенные методы прогнозирования внешней политики основываются либо на исследовании процесса принятия решений (работы Ч. Герменна, О. Холсти, Г. Аллисона и др.), либо на факторном подходе (Дж. Розенау, Д. Фрей, Д. Рюлофф), либо на анализе других аспектов и сторон, относящихся к внутриполитической области. Эти аспекты учитываются и системным подходом. И наоборот — анализ внутриполитических процессов требует учета влияния на них изменений в международной системе.

Как известно, разработка модели принятия решений послужила отправным пунктом для создания (в конце 1960-х гг.) школы сравнительного внешнеполитического анализа под руководством Дж. Розенау и попыток формулирования «предтеории внешней политики», базирующейся на постулате о взаимосвязи и взаимодействии национальных (или «внутренних») политических систем и международно-политической системы. Идеи Дж. Розенау, оказавшие значительное влияние на международно-политическую теорию, получили дальнейшее развитие в начале 1990-х гг., когда им была выдвинута концепция «постмеждународной политики», основанной на тезисе о разрыве, бифуркации между традиционным государственно-центричным миром и новым полицентричным миром «акторов вне суверенитета» и о смещении, вследствие такого разрыва, всей совокупности параметров, регулирующих международные отношения. Изучение взаимосвязи (link-

age) между внутренней жизнью общества и международными отношениями, роли социальных, психологических, культурных и иных факторов в объяснении поведения участников этих отношений, анализ «внешних» источников, которые могут иметь, на первый взгляд, «чисто внутренние» события, стало сегодня неотъемлемой частью международно-политической науки.

Учитывая вышесказанное, представляется вполне понятным и плодотворным стремление рассмотреть основные вопросы политической науки без разделения ее проблем на внутренние и внешние (международные). Такого рода попытки отмечаются и в зарубежной, и в отечественной литературе (см., например: *Мурадян. 1994; Поздняков. 1994; Badie. 1992*).

Вместе с тем представления о чисто количественном характере различий между внутренней и международной политикой, а тем более утверждения сторонников транснационализма о стирании в эпоху взаимозависимости всякой грани между ними отражают не только тенденции развития политического процесса, но и состояние самой науки о международных отношениях. Как справедливо отмечал канадский специалист, «интенсивная концептуальная и исследовательская деятельность может создать впечатление о том, что разработка теории международной политики находится на пути своего удачного завершения, как это стремятся внушить некоторые видные представители школы сравнительной международной политики. Однако подобный оптимизм является, увы, довольно преждевременным».

В самом деле, несмотря на свой солидный возраст (одно из первых исследований в этой области — работа Фукидида «История Пелопоннесской войны» появилась еще в V в. до н.э.), наука о международных отношениях не может похвастаться крупными успехами. Даже в рамках такого теоретического течения, как политический реализм, придающий исследованию внешней политики государства центральное место, ее понимание остается слишком общим, лишенным необходимой строгости. Главное, что удалось сделать наиболее крупным представителям указанного течения — Г. Моргентау, Р. Арону, А. Уолферсу и др., — это показать сложность данного феномена, его неоднозначный характер, связанный с тем, что он имеет отношение и к внутренней, и к международной жизни, к психологии и теории организации, к экономической сфере и социальной структуре и т.п.

Это позволило критикам политического реализма — сторонникам модернистского направления приступить к конкретному изучению внешнеполитической деятельности государств, опираясь на возможности таких наук, как социология и психология, экономика и математика, антропология и информатика и др. С помощью методов систем-

ного подхода, моделирования, ситуационного и структурно-функционального анализа, теории игр и т.п. они (М. Каплан, Д. Сингер, К. Райт, К. Дойч, Т. Шеллинг и др.) подвергают проверке гипотезы, касающиеся прогнозирования внешней политики того или иного государства, основываясь на обобщении эмпирических наблюдений, дедуктивных суждений, изучении корреляций; систематизируют факторы, влияющие на международные ориентации правительств, формируют соответствующие базы данных, исследуют процессы принятия внешнеполитических решений. Однако модернизм не стал сколь-либо однородным теоретическим направлением. Догматизация принципа научной строгости и оперирования данными, поддающимися эмпирической верификации, обрекала его на редукционизм, фрагментарность конкретных исследовательских объектов и фактическое отрицание специфики внешней политики и международных отношений.

Между представителями науки о международных отношениях периодически разгораются «большие дебаты», которые ведутся фактически с первых шагов ее конституирования в относительно самостоятельную дисциплину (по общему мнению, этот процесс, продолжающийся и поныне, начался в межвоенный период первой половины XX в.). Однако до сих пор у большинства из них нет неуверенности в эпистемологическом статусе своей дисциплины, особенностях ее объекта, специфике предметного поля и основных исследовательских методов. Более того, само продолжение таких дебатов, а главное — их содержание убеждают (непосредственно или имплицитно, целенаправленно или по существу) в оправданности подобной неуверенности.

В этой связи симптоматично, что в конце 1994 г. по обе стороны Атлантики специализированные журналы «International Organization» (в США) и «Le Trimestre du monde» (во Франции) почти одновременно выпускают специальные издания, целиком посвященные выяснению состояния международных исследований и предмету науки о международных отношениях. Совпадает и один из главных выводов, вытекающий из обеих дискуссий, в соответствии с которым главное препятствие автономизации науки «международных отношениях» вытекает из трудностей в идентификации ее объекта.

«Мы находимся в положении, — пишет в этой связи Б. Ланг, — когда реальность не дана исследователям в непосредственном восприятии, когда они не имеют дела с объектом, который характеризовался бы четко очерченными контурами, отличающими его от не-объекта» (*Lang*. 1994. Р. 12). Еще более определенно высказывается Ф. Брайар, утверждающий, что «объект изучения международных отношений не обладает нередуцируемой спецификой по отношению к широкому

полно политики... Сегодня становится все труднее утверждать, что этот объект не поддается исследованию на основе подхода и концептов политической науки и что необходимо развивать для этого собственную научную дисциплину» (*Braillard*. 1994. Р. 26).

Традиционно объектом теории международных отношений считалась среда, в которой господствует «предгражданское состояние» — анархическое, неупорядоченное поле, характеризующееся отсутствием центральной, или верховной, власти и, соответственно, отсутствием монополии на легитимное насилие и на безусловное принуждение. В этой связи Р. Арон считал специфической чертой международных отношений, «которая отличает их от всех других социальных отношений, то, что они развертываются в тени войны, или, употребляя более строгое выражение, отношения между государствами в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны» (*Aron*. 1984. Р. 18). В целом с таким пониманием специфики объекта науки о международных отношениях соглашались и либералы, хотя они подчеркивали, что, во-первых, указанная анархичность никогда не была полной, а во-вторых, возникновение и развитие международных институтов, распространение и усиление международных режимов вносят все большую упорядоченность и регулируемость в отношения международных участников. Одновременно они обратили внимание на обстоятельство, которое затем стало использоваться транснационалистами в качестве главного контраргумента в полемике со сторонниками политического реализма. Речь идет о редуцировании международных отношений к межгосударственным взаимодействиям и абсолютизации принципа национального интереса, понимаемого реалистами, фактически, как некая априорная данность.

Однако как показало дальнейшее развитие исследований в области международных отношений, и транснационалистам не удалось преодолеть указанный недостаток. Ссылки на взаимозависимость мира и на взаимопроникновение внутренней и международной политики, равно как и критерий «политической локализации», который призван преодолеть присущее реализму редуцирование международных отношений к межгосударственным, проблему не решают. Как уже отмечалось, в соответствии с этим критерием объектом науки о международных отношениях являются любые социальные отношения и потоки, пересекающие границы и избегающие единого государственного контроля. Однако границы, на которые ссылается критерий политической локализации, — неотъемлемый признак государственности, всемерно оберегаемый символ национального суверенитета, поэтому ссылка на них так или иначе возвращает нас к вопросу о зависимости международных отношений от межгосударственных взаимодействий, сводя существен-

этого поля являются такие отражающие специфику международных отношений «частнонаучные» понятия и проблемы, как «плюрализм суверенитетов», «баланс сил», «би- и многополярность», «дипломатия», «стратегия» и т.н. Разрабатываемые в рамках автономного предметного поля, эти понятия все чаще с успехом используются политологией в исследовании внутриполитических процессов. Наука о международных отношениях уже обогатила политическую теорию такими ставшими общеполитологическими понятиями, как «национальный интерес», «переговоры» и т.п., которые в полне успешно применяются для анализа внутриполитических проблем. Тем самым она предстает как относительно автономная политическая дисциплина, имеющая собственный предмет исследования. Это подтверждается и такими косвенными, но в то же время важными признаками, как наличие специализированных журналов, существование международного научного сообщества — специалистов, которые следят за работами друг друга, и совместными усилиями, через взаимную критику, опираясь на общезначимые достижения, полученные в рамках различных теоретических направлений и школ, развивают свою дисциплину, ставшую неотъемлемой частью университетского образования.

И хотя речь идет о сравнительно молодой дисциплине, об окончательном конституировании которой, ее полной автономности по отношению к политологии говорить пока еще рано (более того, особенности самого объекта международных отношений дают основания предполагать, что ее автономность вряд ли возможна и в сколь-либо обозримом будущем), это, в силу названных здесь обстоятельств, не избавляет от необходимости разработки проблем, касающихся самостоятельного теоретического статуса науки о международных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладков В.П.* Международное общество: утопия или реальная перспектива // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 6.
2. *Иноземцев Н.Н.* Ленинский курс международной политики КПСС. М., 1978.
3. *Ислам.* Энциклопедический словарь. М, 1991.
4. *Кукушка Ю.* Проблемы теории международных отношений. М., 1980.
5. *Курс международного права: В 7 т. Т. 1.* Понятие, предмет и система международного права. М., 1989.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 12.
7. *Моргачев С.* Пространство, время и поде в мировой политике // *Мировая экономика и международные отношения,* 1989. Ms 7.
8. *Мурадян А.А.* Двуликий Янус. Введение в политологию. М., 1994.
9. О сути концепции внешней политики России // *Международная жизнь.* 1993. № 1. С 19.

10. Перестройка международных отношений: пути и подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 1.
11. Поздняков ЭА. Философия политики. М., 1994.
12. Социализм и международные отношения. М., 1975.
13. Четкое М. Осмысление мироощущения: новая оппозиция идей или их сближение? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2.
14. Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. М, 1981. С. 19.
15. Avon R. Une Sociologie des relations internationales // Revue francaise de sociologie. 1963. Vol. IV № 3.
16. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
17. Badie B. L'Etat importe, L'occidentalisation de l'ordre politique. P., 1992.
18. Braillard Ph. Relations internationales: une nouvelle discipline // Le trimestre du monde. 1994. № 3.
19. Burton N.J.W. World Society. Cambridge, 1972.
20. Caporaso J. Dependence, Dependancy and Power in the Global System: A Structural and Behavioral Analisis // International Organisation. 1979. № 10.
21. Dudley L. The Word and the Sword: How Techniques of Information and Violence Have Shaped Our World. Oxford, 1991.
22. Girard M. (Sous la dir. de). Les individus dans la politique internationale. P., 1994.
23. Holm K.J. Mirror, Mirror on the Wall, Which Are the Fairest Theories of All? // International Studies Quarterly. Vol.' 33. 1989.
24. Lang B. La definition des Relations internationales: un prealable a leur theorisation // Le Trimestre du monde. 1994. № 3.
25. hoard E. International Society. L., 1991.
26. Les relations internationales: Les nouveaux debats theoriques // Le Trimestre du monde. 1994. № 3.
27. Merle M. Sociologie des relations internationales. P., 1974.
28. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.
29. Powell R. Anarchy in International Relations Theory: the Neorealist — Neoliberal Debat // International Organizations. Spring 1994. Vol. 48, № 2.
30. Rosenau J. Lineage Politics: Essay on the Convergence of National and International System. N.Y., 1969.
31. Rosenau J. Le touriste et le terroriste ou les deux extremes du continuum international // Etudes internationales. 1979. Juin.
32. Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.
33. Strange S. States and Markets. L., 1988.
34. Synger D. (ed.). Quantitative International Politics: Insights and Evidence. N.Y., 1978.
35. Wallerstein I. (sous la dir. de). Les inegalites entre Etats dans le systeme international: origines et perspectives. — Centre quebequois de relations internationales, University Laval, 1975.
36. Waks K. Theory of International Politics. N.Y., 1979.

ГЛАВА 2

Проблема метода в теории международных отношений

Основная цель данной главы — познакомить с наиболее широко применяемыми методами, методиками и техниками изучения международных отношений и внешней политики. В ней не ставится такая, достаточно сложная и самостоятельная задача, как научить пользоваться ими. Впрочем, ее решение было бы и невозможно, так как для этого требуется, во-первых, подробное описание тех или иных методов, иллюстрируемое примерами их конкретного применения в исследовательской работе при анализе определенного объекта международных отношений, а во-вторых (и это главное), практическое участие в том или ином научно-теоретическом или научно-прикладном проекте, поскольку, как известно, нельзя научиться плавать, не входя в воду.

При этом следует иметь в виду, что каждый исследователь (или исследовательский коллектив) обычно использует свой излюбленный метод (или их группу), корректируемый, дополняемый и обогащаемый им с учетом имеющихся условий и инструментария. Важно иметь в виду и то, что применение того или иного метода зависит от объекта и задач исследования, а также (что весьма существенно) от наличных материальных средств.

К сожалению, приходится отметить тот факт, что специальная литература, посвященная проблеме методов и особенно — прикладных методик анализа международных отношений, — весьма немногочисленна (особенно на русском языке) и потому труднодоступна.

1. Значение проблемы метода

Проблема метода — одна из наиболее важных проблем любой науки, так как в конечном счете речь идет о том, чтобы научить, как получать новое знание, как применять его в практической деятельности. Вместе с тем это и одна из самых сложных проблем, которая и предвещает изучение наукой своего объекта, и является итогом такого изучения. Она предвещает изучение объекта уже потому, что исследователь с самого начала должен владеть определенной суммой приемов и средств достижения нового знания. Она является итогом изучения, ибо полученное в его результате знание касается не только самого объекта, но и методов его изучения, а также применения полученных результа-

тов в практической деятельности. Более того, исследователь сталкивается с проблемой метода уже при анализе литературы и необходимости ее классификации и оценки.

Отсюда неоднозначность и в понимании содержания самого термина «метод». Он означает как сумму приемов, средств и процедур исследования наукой своего предмета, так и совокупность уже имеющегося знания. Это значит, что проблема метода, обладая самостоятельным значением, в то же время тесно связана с аналитической и практической ролью теории, которая также играет и роль метода.

Распространенное мнение о том, что каждая наука имеет свой собственный метод, верно лишь отчасти: большинство социальных наук не имеют своего специфического, только им присущего метода. Поэтому они так или иначе преломляют применительно к своему объекту общенаучные методы и методы других (как социальных, так и естественно-научных) дисциплин. В данной связи принято считать, что методологические подходы политической науки (в том числе и международных отношений) строятся вокруг трех аспектов:

— как можно более строгое отделение исследовательской позиции от морально-ценностных суждений или личных взглядов;

— использование аналитических приемов и процедур, являющихся общими для всех социальных наук, что играет решающую роль в установлении и последующем рассмотрении фактов;

— стремление к систематизации, или, иначе говоря, к выработке общих подходов и построению моделей, облегчающих открытие «законов» (*Braud.* 1992. Р. 3).

И хотя при этом подчеркивается, что данное замечание не означает необходимости «полного изгнания» из науки ценностных суждений или личных позиций исследователя, тем не менее передним неизбежно встает проблема более широкого характера — проблема соотношения науки и идеологии. В принципе та или иная идеология, понимаемая в широком значении — как сознательный или неосознанный выбор предпочтительной точки зрения, — существует всегда. Избежать этого, «деидеологизироваться» в этом смысле нельзя. Интерпретация фактов, даже выбор «угла наблюдения» и т.п. неизбежно обусловлены точкой зрения исследователя. Поэтому объективность исследования предполагает, что исследователь должен постоянно помнить об «идеологическом присутствии» и стремиться контролировать его, видеть относительность любых выводов, учитывая такое «присутствие», стремиться избегать одностороннего видения. Наиболее плодотворных результатов в науке можно добиться не при отрицании идеологии (это в лучшем случае заблуждение, а в худшем — сознательное лукавство), а при условии идеологической терпимости, идеологического плюрализ-

ма и «идеологического контроля» (но не в смысле привычного нам по недавнему прошлому контроля официальной политической идеологии по отношению к науке, а наоборот — в смысле контроля науки над всякой идеологией).

Сказанное касается и так называемой методологической дихотомии, которая нередко наблюдается в международных отношениях. Речь идет о противопоставлении так называемого традиционного историко-описательного, или интуитивно-логического, подхода операционально-прикладному, или аналитико-прогностическому, связанному с применением методов точных наук, формализацией, исчислением данных (квалификацией), верифицируемостью (или фальсифицируемостью) выводов и т.п. В этой связи, например, утверждается, что основным недостатком науки о международных отношениях является затянувшийся процесс ее превращения в прикладную науку (*Хруста-лев*. 1992. С. 8, 9). Подобные утверждения страдают излишней категоричностью. Процесс развития науки является не линейным, а, скорее, обоюдным: происходит не превращение ее из историко-описательной в прикладную, а уточнение и коррекция теоретических положений через прикладные исследования (которые, действительно, возможны лишь на определенном, достаточно высоком этапе ее развития) и «возвращение долга» «прикладникам» в виде более прочной и операциональной теоретико-методологической основы.

Действительно, в мировой (прежде всего, американской) науке о международных отношениях с начала 1950-х гг. происходит усвоение многих релевантных результатов и методов социологии, психологии, формальной логики, а также естественных и математических наук. Одновременно начинается и ускоренное развитие аналитических концепций, моделей и методов, продвижение к сравнительному изучению данных, систематическое использование потенциала электронно-вычислительной техники. Все это способствовало значительному прогрессу науки о международных отношениях, приближению ее к потребностям практического регулирования и прогнозирования мировой политики и международных отношений. Вместе с тем это отнюдь не привело к вытеснению прежних «классических» методов и концепций.

Так, например, операциональность историко-социологического подхода к международным отношениям и его прогностические возможности были продемонстрированы Р. Ароном. Один из наиболее ярких представителей «традиционного», «историко-описательного» подхода Г. Моргентау, указывая на недостаточность количественных методов, не без оснований писал, что они далеко не могут претендовать на универсальность. Столь важный для понимания международных отношений феномен, как, например, власть, «представляет собой каче-

ство межличностных отношений, которое может быть проверено, оценено, угадано, но которое не может быть измерено количественно... Конечно,, можно и нужно определить, сколько голосов может быть отдано политике, сколькими дивизиями или ядерными боеголовками располагает правительство; но если мне потребуется понять, сколько власти имеется у политика или у правительства, то я должен буду отставить в сторону компьютер и счетную машину и приступить к обдумыванию исторических и, непременно, качественных показателей» (Цыганков. 1992. С. 171).

Действительно, существо политических явлений не может быть исследовано сколь-либо полно при помощи только прикладных методов. В общественных отношениях вообще, а в международных отношениях в особенности господствуют стохастические процессы, не поддающиеся детерминистским объяснениям. Поэтому выводы социальных наук, в том числе и науки о международных отношениях, никогда не могут быть окончательно верифицированы или фальсифицированы. В этой связи здесь вполне правомерны методы «высокой» теории, сочетающие наблюдение и рефлексию, сравнение и интуицию, знание фактов и воображение. Их польза и эффективность подтверждается и современными изысканиями, и плодотворными интеллектуальными традициями.

Вместе с тем, как верно подметил М. Мерль по поводу полемики между сторонниками «традиционных» и «модернистских» подходов в науке о международных отношениях, было бы абсурдно настаивать на интеллектуальных традициях там, где необходимы точные корреляции между собранными фактами. Все то, что поддается квантификации, должно быть квантифицировано (Merle. 1984). К полемике между «традиционалистами» и «модернистами» мы еще, вернемся. Здесь же важно отметить неправомерность противопоставления «традиционных» и «научных» методов, ложность их дихотомии. В действительности они взаимно дополняют друг друга. Поэтому вполне правомерен вывод о том, что оба подхода «выступают на равных основаниях, а анализ одной и той же проблемы проводится независимо друг от друга разными исследователями» (Лебедева, Тюлин. 1991. С. 8, 99—100). Более того, в рамках обоих подходов одно\$ и той же дисциплиной могут использоваться — хотя и в разных пропорциях — различные методы: общенаучные, аналитические и конкретно-эмпирические. Впрочем, разница между ними, особенно между общенаучными и аналитическими, тоже достаточно условна, поэтому и надо иметь в виду условность, относительность границ между ними, их способность «перетекать» друг в друга. Данное утверждение верно и для международных отношений. В то же время нельзя забывать и о том, что основ-

ное предназначение науки состоит в служении практике и в конечном счете в создании основ для принятия решений, имеющих наибольшую вероятность способствовать достижению поставленной цели.

В этой связи, опираясь на выводы Р. Арона, можно сказать, что в фундаментальном плане изучение международных отношений требует сочетания таких подходов, которые опираются на *теорию* (исследование сущности, специфики и основных движущих сил этого особого рода общественных отношений); *социологию* (поиски детерминант и закономерностей, определяющих его изменения и эволюцию); *историю* (фактическое развитие международных отношений в процессе смены эпох и поколений, позволяющее находить аналогии и исключения) и *праксеологию* (анализ процесса подготовки, принятия и реализации международно-политического решения). В прикладном плане речь идет об изучении *фактов* (анализ совокупности имеющейся информации); *объяснении* существующего положения (поиски причин, призванные избежать нежелательного и обеспечить желаемое развитие событий); *прогнозировании* дальнейшей эволюции ситуации (исследование вероятности ее возможных последствий); *подготовке решения* (составление перечня имеющихся средств воздействия на ситуацию, оценка различных альтернатив) и, наконец, *принятии решения* (которое также не должно исключать необходимости немедленного реагирования на возможные изменения ситуации) (см. об этом: *Frei, Ruloff*. 1988. Р. 20-27).

Нетрудно заметить сходство методологических подходов и даже пересечение методов, свойственных обоим уровням исследования международных отношений. Это верно и в том смысле, что в обоих случаях одни из используемых методов отвечают всем поставленным целям, другие эффективны лишь для той или иной из них. Рассмотрим - несколько подробнее некоторые из методов, используемых на прикладном уровне теории международных отношений.

2. Методы анализа ситуации

Анализ ситуации предполагает использование суммы методов и процедур междисциплинарного характера, применяемых для накопления и первичной систематизации эмпирического материала («данных»). Поэтому соответствующие методы и методики называют иногда также «техниками исследования». К настоящему времени известно более тысячи таких методик — от самых простых (например, наблюдение) до достаточно сложных (как, например, формирование банка данных, по-

строение многомерных шкал, составление простых (Check lists) и сложных (Indices) показателей, построение типологий (факторный анализ Q) и т.п.

Рассмотрим наиболее распространенные из аналитических методик: наблюдение, изучение документов, сравнение.

Наблюдение

Как известно, элементами данного метода являются субъект наблюдения, объект и средства наблюдения. Существуют различные виды наблюдений. Так, например, непосредственное наблюдение, в отличие от опосредованного (инструментального), не предполагает использования какого-либо технического оборудования или инструментария (телевидения, радио и т.п.). Оно бывает внешним (подобным тому, которое, например, ведут парламентские журналисты или специальные корреспонденты в иностранных государствах) и включенным (когда наблюдатель является прямым участником того или иного международного события: дипломатических переговоров, совместного проекта или вооруженного конфликта). В свою очередь, прямое наблюдение отличается от косвенного, которое проводится на основе информации, получаемой при помощи интервью, анкетирования и т.п. В теории международных отношений в основном возможно косвенное и инструментальное наблюдение. Главный недостаток данного метода сбора данных — большая роль субъективных факторов, связанных с активностью субъекта, его (или первичных наблюдателей) идеологическими предпочтениями, несовершенством или деформированностью средств наблюдения и т.п. (*Кукулка*. 1980. С. 50—58).

Изучение документов

Применительно к международным отношениям оно имеет ту особенность, что у «неофициального» исследователя часто нет свободного доступа к источникам объективной информации (в отличие, например, от штабных аналитиков, экспертов международных ведомств или работников органов безопасности). Большую роль в этом играют представления того или иного режима о государственной тайне и безопасности. В СССР, например, предметом государственной тайны долгое время оставался объем добычи нефти, уровень промышленного производства и т.д.; существовал огромный массив документов и литературы, предназначенной только «для служебного пользования», сохранял-

ся запрет на свободное хождение иностранных изданий, огромное множество учреждений и институтов было закрыто для «посторонних».

Существует и другая проблема, затрудняющая использование данного метода, который является одним из исходных, базовых для любого исследования в области социальных и политических наук: это проблема финансовых средств, необходимых для приобретения, обработки и хранения документов, оплаты связанных с этим трудовых затрат и пр. Понятно поэтому, что чем более развитым является государство и чем более демократическим является его политический режим, тем более благоприятные возможности существуют и для исследований в области социальных и политических наук.

Наиболее доступными являются официальные документы: сообщения пресс-служб дипломатических и военных ведомств, информация о визитах государственных деятелей, уставные документы и заявления наиболее влиятельных межправительственных организаций, декларации и сообщения властных структур, политических партий и общественных объединений и т.д. Вместе с тем широко используются и неофициальные письменные, аудио и аудиовизуальные источники, которые так или иначе могут способствовать увеличению информации о событиях международной жизни: записи мнений частных лиц, семейные архивы, неопубликованные дневники. Важное значение могут играть воспоминания непосредственных участников тех или иных международных событий — войн, дипломатических переговоров, официальных визитов. Это касается и форм подобных воспоминаний — письменных или устных, непосредственных или восстанавливаемых и т.п. Большую роль в сборе данных играют так называемые иконографические документы: картины, фотографии, кинофильмы, выставки, лозунги. Так, в условиях господствовавшей в СССР закрытости, повышенной секретности и, следовательно, практической недоступности неофициальной информации американские советологи уделяли важное внимание изучению иконографических документов, например репортажей с праздничных демонстраций и парадов. Изучались особенности оформления колонн, содержания лозунгов и плакатов, количества и персонального состава официальных лиц, присутствующих на трибуне, и, разумеется, видов демонстрируемой военной техники и вооружений (подробнее об этом см.: *Баталов*. 1991).

Сравнение

Это также метод, являющийся общим для многих дисциплин. По утверждению Б. Рассета и Х. Старра, в науке о международных отно-

шениях он стал применяться лишь с середины 1960-х гг., когда непрекращающийся рост числа государств и других международных акторов сделал его и возможным, и совершенно необходимым (*Rassett, Starr.* 1981. Р. 46). Главное достоинство данного метода состоит в том, что он нацеливает на поиск общего, повторяющегося в сфере международных отношений. Необходимость сравнения между собой государств и их отдельных признаков (территория, население, уровень экономического развития, военный потенциал, протяженность границ и т.д.) стимулировала развитие количественных методов в науке о международных отношениях и, в частности, измерения. Так, если имеется гипотеза о том, что крупные государства более склонны к развязыванию войны, чем все остальные, то возникает потребность измерения величины государств с целью определения, какое из них является крупным, а какое малым, и по каким критериям. Кроме этого, «пространственного», аспекта измерения, появляется необходимость измерения «во времени», т.е. выяснения в исторической ретроспективе, какая величина государства усиливает его «склонность» к войне (там же. Р. 47-48).

В то же время сравнительный анализ дает возможность получить научно значимые выводы и на основе несходства явлений и неповторимости ситуации. Так, сравнивая между собой иконографические документы (в частности, фото- и кинохронику), отражающие отправление французских солдат в действующую армию в 1914 и в 1939 гг., М. Ферро обнаружил впечатляющую разницу в их поведении. Улыбки, танцы, атмосфера всеобщего ликования, царившая на Восточном вокзале Парижа в 1914 г., резко контрастировала с картиной уныния, безнадежности, явного нежелания отправляться на фронт, наблюдаемой на том же вокзале в 1939 г. Поскольку указанные ситуации не могли сложиться под влиянием пацифистского движения (по свидетельству письменных источников, оно никогда не было столь сильным, как накануне 1914 г., и, напротив, почти совсем не проявляло себя перед 1939 г.), постольку была выдвинута гипотеза, согласно которой одним из объяснений описанного выше контраста должно быть то, что в 1914 г., в отличие от 1939 г., не существовало никаких сомнений относительно того, кто является врагом: враг был известен и идентифицирован. Доказательство данной гипотезы стало одной из идей весьма интересного и оригинального исследования, посвященного осмыслению Первой мировой войны (*Ferro.* 1990).

3. Экспликативные методы

Наиболее распространенными из них являются такие методы, как контент-анализ, ивент-анализ, метод когнитивного картирования и их многочисленные разновидности.

Контент-анализ

В политических науках он был впервые применен американским исследователем Г. Лассуэллом и его сотрудниками при изучении пропагандистской направленности политических текстов и был описан ими в 1949 г. (*Lasswell H. & Leites. 1949*). В самом общем виде данный метод может быть представлен как систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нем словосочетаний или сюжетов. Далее частота этих словосочетаний или сюжетов сравнивается с их частотой в других письменных или устных сообщениях, известных как нейтральные, на основе чего делается вывод о политической направленности содержания исследуемого текста. Описывая данный метод, М.А. Хрусталеv и К.П. Боришполец выделяют такие стадии его применения, как структуризация текста, связанная с первичной обработкой информационного материала; обработка информационного массива при помощи матричных таблиц; квантификация информационного материала, позволяющая продолжить его анализ при помощи электронно-вычислительной техники (*Аналитические методы... 1982. С. 86-94*).

Степень строгости и операциональноеTM метода зависит от правильности выделения первичных единиц анализа (терминов, словосочетаний, смысловых блоков, -тем и т.п.) и единиц измерения (например, слово, фраза, раздел, страница и т.п.).

Ивент-анализ

Этот метод (называемый иначе методом анализа событийных данных) направлен на обработку публичной информации, показывающей, *«кто говорит или делает, что, по отношению к кому и когда»*. Систематизация и обработка соответствующих данных осуществляется по следующим признакам: 1) субъект-инициатор (кто); 2) сюжет или «issue-area» (что); 3) субъект-мишень (по отношению к кому) и 4) дата события (когда) (*Rassett, Stair. 1981. P. 260—261*). Систематизированные таким образом события сводятся в матричные таблицы, ранжируются и из-

меряются при помощи ЭВМ. Эффективность данного метода предполагает наличие значительного банка данных. Научно-прикладные проекты, использующие инвент-анализ, отличаются по типу изучаемого Поведения, числу рассматриваемых политических деятелей, по исследуемым временным параметрам, количеству используемых источников, типологии матричных таблиц и т.д.

Когнитивное картирование

Этот метод направлен на анализ того, как тот или иной политический деятель воспринимает определенную политическую проблему.

Американские ученые Р. Снайдер, Х. Брук и Б. Сэпин еще в 1954 г. показали, что в основе принятия политическими лидерами решений может лежать не только, и даже не столько действительность, которая их окружает, сколько то, как они ее воспринимают. В 1976 г. Р. Джервис в работе «Восприятие и неверное восприятие (mis-perception) в международной политике» показал, что помимо эмоциональных факторов на принимаемое тем или иным лидером решение оказывают влияние когнитивные факторы. С этой точки зрения, информация, получаемая ЛПР, усваивается и упорядочивается ими «с поправкой» на их собственные взгляды на внешний мир. Отсюда — тенденция недооценивать любую информацию, которая противоречит их системе ценностей и образу противника, или же, напротив, придавать преувеличенную роль незначительным событиям. Анализ когнитивных факторов позволяет понять, например, что, относительное постоянство внешней политики государства объясняется, наряду с другими причинами, и постоянством взглядов соответствующих лидеров.

Метод когнитивного картирования решает задачу выявления основных понятий, которыми оперирует политик, и нахождения имеющихся между ними причинно-следственных связей. «В результате исследователь получает карту-схему, на которой на основании изучения речей и выступлений политического деятеля отражено его восприятие политической ситуации или отдельных проблем в ней» (см.: *Лебедева, Тюлин*. 1991. С. 6).

В применении описанных методов, которые обладают целым рядом несомненных достоинств — возможность получения новой информации на основе систематизации уже известных документов и фактов, повышение уровня объективности, возможность измерения и т.п., — исследователь сталкивается и с серьезными проблемами. Это — проблема источников информации и ее достоверности, наличия и полноты баз данных и т.п. Но главная проблема — это проблема тех затрат, ко-

торых требует проведение исследований с использованием контент-анализа, инвент-анализа и метода когнитивного картирования. Составление базы данных, их кодировка, программирование и т.п. занимают значительное время, нуждаются в дорогостоящем оборудовании, вызывают необходимость привлечения соответствующих специалистов, что в конечном итоге выливается в значительные суммы.

Учитывая указанные проблемы, профессор Монреальского университета Б. Корани предложил методику с ограниченным количеством индикаторов поведения международного актора, которые рассматриваются в качестве ключевых (наиболее характерных) (*Когану*. 1987. Р. 263—265). Таких индикаторов всего четыре: способ дипломатического представительства, экономические сделки, межгосударственные визиты и соглашения (договоры). Эти индикаторы систематизируются в соответствии с их типом (например, соглашения могут быть дипломатические, военные, культурные или экономические) и уровнем значимости. Затем составляется матричная таблица, дающая наглядное представление об исследуемом объекте. Так, таблица, отражающая обмен визитами, выглядит следующим образом:

Глава государства: король, президент, шейх эмирата, первый секретарь компартии, канцлер	3
Вице-президент: премьер-министр или глава правительства, председатель Верховного Совета	2
Вице-президент: министр иностранных дел, министр обороны, министр экономики.....	1

Что касается способов дипломатического представительства, то их классификация строится на основе их уровня (уровень посла или более низкий уровень) и с учетом того, идет ли речь о прямом представительстве или через посредничество другой страны (резидент или нерезидент). Комбинация этих Данных может быть представлена в таком виде:

Посол резидент.....	5
Посол нерезидент.....	4
Резидентное дипломатическое представительство (на уровне ниже посла)	3
Нерезидентное дипломатическое представительство	2
Другие дипломатические отношения.....	1

На основе подобных данных строятся выводы, касающиеся способа поведения международного актора во времени и в пространстве: с кем он поддерживает наиболее интенсивные взаимодействия, в какой период и в какой сфере они происходят и т.п.

Используя данную методику, Б. Корани установил, что почти все военно политические отношения, которые имел, например, Алжир в 1970-е гг., поддерживались им с СССР, тогда как уровень экономических отношений со всем социалистическим лагерем был довольно слабым. Фактически большая часть экономических отношений Алжира была направлена на сотрудничество с Западом, и особенно с США — «главной империалистической державой». Как пишет Б. Корани, «подобный вывод, противоречащий «здравому смыслу» и первым впечатлениям (напомним, что Алжир принадлежал в эти годы к странам «социалистической ориентации», придерживающимся курса «антиимпериалистической борьбы и всестороннего сотрудничества со странами социализма»), не мог быть сделан, и в него нельзя было поверить без использования строгой методики, подкрепленной систематизацией данных» (там же. Р. 264). Возможно, это несколько преувеличенная оценка. Но в любом случае данная методика довольно эффективна, достаточно доказательна и не слишком дорогостояща.

Следует, однако, подчеркнуть и ее ограниченность, которая, впрочем, является общей для всех вышеназванных методов. Как признает сам ее автор, она не может (или же может только частично) ответить на вопрос о причинах тех или иных феноменов. Подобные методы и методики гораздо более полезны на уровне описания, а не объяснения. Они дают как бы фотографию, общий вид ситуации, показывают, что происходит, но не проясняя, почему. Но именно в этом и состоит их назначение — выполнять диагностическую роль в анализе тех или иных событий, ситуаций и проблем международных отношений. Однако для этого они нуждаются в первичном материале, в наличии данных, которые подлежат дальнейшей обработке и накопление которых осуществляется на базе иных методик.

Эксперимент

⁵ Метод эксперимента как создание искусственной ситуации с целью проверки теоретических гипотез, выводов и положений является одним из основных в естественных науках. III социальных науках наиболее широкое распространение получил такой его вид, как имитационные игры, являющиеся разновидностью лабораторного эксперимента (в отличие от полевого). Существует два типа имитационных игр:

без применения электронно-вычислительной техники и с ее использованием. В первом случае речь идет об индивидуальных или групповых действиях, связанных с исполнением определенных ролей (например, государств, правительств, политических деятелей или международных организаций) в соответствии с заранее составленным сценарием. При этом участниками должны строго соблюдаться формальные условия игры, контролируемые ее руководителями: например, в случае имитации межгосударственного конфликта должны учитываться все параметры того государства, роль которого исполняет участник экономический и военный потенциал, участие в союзах, стабильность правящего режима и т.п. В противном случае подобная игра может превратиться в простое развлечение и потерю времени с точки зрения познавательных результатов. Имитационные игры с применением компьютерной техники предлагают гораздо более широкие исследовательские перспективы. Опираясь на соответствующие базы данных, они дают возможность, например, воспроизвести модель дипломатической истории. Начав с самой простой и самой правдоподобной модели объяснения текущих событий — кризисов, конфликтов, создания межправительственных организаций и т.н., далее исследуют, как она подходит к подобранным ранее историческим примерам. Путем проб и ошибок, изменяя параметры исходной модели, добавляя упущенные в ней прежде переменные, учитывая культурно-исторические ценности, сдвиги в господствующем менталитете и т.д., можно постепенно продвигаться к достижению ее все большего соответствия воспроизведенной модели дипломатической истории, и на основе сравнения этих двух моделей выдвигать обоснованные гипотезы относительно возможного развития текущих событий в будущем. Иначе говоря, эксперимент относится не только к объяснительным, но и к прогностическим методам.

4. Прогностические методы

В международных отношениях существуют как относительно простые, так и более сложные прогностические методы. К первой группе могут быть отнесены такие методы, как, например, заключения по аналогии, метод простой экстраполяции, дельфийский метод, построение сценариев и т.п. Ко второй — анализ детерминант и переменных, системный >, подход, моделирование, анализ хронологических серий (ARIMA), спектральный анализ, компьютерная симуляция и др. Рассмотрим кратко некоторые из них.

Дельфийский метод

Речь идет о систематическом и контролируемом обсуждении проблемы несколькими экспертами. Эксперты вносят свои оценки того или иного международного события в центральный орган, который проводит их обобщение и систематизацию, после чего вновь возвращает экспертам. Будучи проведена несколько раз, такая операция позволяет констатировать более или менее серьезные расхождения в указанных оценках. С учетом проведенного обобщения эксперты либо вносят поправки в свои первоначальные оценки, либо укрепляются в своем мнении и продолжают настаивать на нем. Изучение причин расхождений в оценках экспертов позволяет выявить незамеченные ранее аспекты проблемы и зафиксировать внимание как на наиболее (в случае совпадения экспертных оценок), так и наименее (в случае их расхождения) вероятных последствиях развития анализируемой проблемы или ситуации. В соответствии с этим и вырабатывается окончательная оценка и практические рекомендации.

Построение сценариев

Этот метод состоит в построении идеальных (т.е. мыслительных) моделей вероятного развития событий. На основе анализа существующей ситуации выдвигаются гипотезы, представляющие собой простые предположения и не подвергаемые в данном случае никакой проверке, о ее дальнейшей эволюции и последствиях. На первом этапе производится анализ и отбор главных факторов, определяющих, по мнению исследователя, дальнейшее развитие ситуации. Количество таких факторов не должно быть чрезмерным (как правило, выделяют не более шести элементов), с тем чтобы обеспечить целостное видение всего множества вытекающих из них вариантов будущего. На втором этапе выдвигаются (базирующиеся на простом «здравом смысле») гипотезы о предполагаемых фазах эволюции отобранных факторов в течение последующих 10, 15 и 20 лет. На третьем этапе осуществляется сопоставление выделенных факторов и на их основе выдвигается и более или менее подробно описывается ряд гипотез (сценариев), соответствующих каждому из них. При этом учитываются последствия взаимодействий между выделенными факторами и воображаемые варианты их развития. Наконец, на четвертом этапе делается попытка создать показатели относительной вероятности описанных выше сценариев, которые с этой целью классифицируются (совершенно произвольно) по степени их вероятности (см.: *Frei, Ruloff*. 1988. P. 269—273).

Системный подход

Понятие системы (более подробно оно будет рассмотрено в главе 5) широко используется представителями самых разных теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Его общепризнанным преимуществом является то, что оно дает возможность представить объект изучения в его единстве и целостности, и, следовательно, способствуя нахождению корреляций между взаимодействующими элементами, помогает выявлению «правил» такого взаимодействия, или, иначе говоря, закономерностей функционирования международной системы. На основе системного подхода ряд авторов отличают международные отношения от международной политики: если составные части международных отношений представлены их участниками (акторами) и «факторами» («независимыми переменными» или «ресурсами»), составляющими «потенциал» участников, то элементами международной политики выступают только акторы (Кукула. 1980. Р. 428; Баталов. 1991. С. 12; Rasset, Stan. 1981. Р. 123/).

Системный подход следует отличать от его конкретных воплощений — системной теории и системного анализа. Системная теория выполняет задачи построения, описания и объяснения систем и составляющих их элементов, взаимодействия системы и среды, а также внутрисистемных процессов, под влиянием которых происходит изменение и/или разрушение системы (Brillard. 1965. Р. 17). Что касается системного анализа, то он решает более конкретные задачи, представляя собой совокупность практических методик, приемов, способов, процедур, благодаря которым в изучение объекта (в данном случае международных отношений) вносится определенное упорядочивание (В.И. Ленин и диалектика... 1982. С. 100).

С точки зрения Р. Арона, «международная система состоит из политических единиц, которые поддерживают между собой регулярные отношения и которые могут быть втянуты во всеобщую войну» (Aroti. 1984. Р. 103). Поскольку главными (и фактически единственными) политическими единицами взаимодействия в международной системе для Арона являются государства, на первый взгляд может создаться впечатление о том, что он отождествляет международные отношения с мировой политикой. Однако, ограничивая, по сути, международные отношения системой межгосударственных взаимодействий, Р. Арон в то же время не только уделял большое внимание оценке ресурсов, потенциала государств, определяющих их действия на международной арене, но и считал такую оценку основной задачей и содержанием социологии международных отношений. При этом он представлял потенциал (или мощь) государства как совокупность, состоящую из его

географической среды, материальных и людских ресурсов и способности коллективного действия (там же. Р. 65). Таким образом, исходя из системного подхода, Арон очерчивает, по существу, три уровня рассмотрения международных (межгосударственных) отношений: уровень межгосударственной системы, уровень государства и уровень его могущества (потенциала)..

Дж. Розенау предложил в 1971 г. другую схему, включающую шесть уровней анализа: 1) индивиды — «творцы» политики и их характеристики; 2) занимаемые ими посты и выполняемые роли; 3) структура правительства, в котором они действуют; 4) общество, в котором они живут и которым управляют; 5) система отношений между национальным государством и другими участниками международных отношений; 6) мировая система (цит. по: *Rassett, Starr*. 1981). Характеризуя системный подход, представленный различными уровнями анализа, Б. Рассет и Х. Старр подчеркивают, что выбор того или иного уровня определяется наличием данных и теоретическим подходом, но отнюдь не капризом исследователя. Поэтому в каждом случае применения данного метода необходимо найти и определить несколько разных уровней. При этом объяснения на разных уровнях не обязательно должны исключать друг друга, они могут быть взаимодополнительными, углубляя тем самым наше понимание.

Серьезное внимание уделяется системному подходу и в отечественной науке о международных отношениях. Работы, изданные исследователями ИМЭМО, МГИМО, ИСКАН, ИВАН и других академических и вузовских центров свидетельствуют о значительном продвижении российской науки в области как системной теории (см., например: *Поздняков*. 1976; Система, структура и процесс... 1984), так и системного анализа. Так, авторы учебного пособия «Основы теории международных отношений» считают, что «методом теории международных отношений является системный анализ движения и развития международных событий, процессов, проблем, ситуаций, осуществляемый с помощью имеющегося знания, внешнеполитических данных и сведений, особых способов и приемов, исследования» (см., например: *Антюхина-Московченко, Злобин, Хрусталеv*. 1988. С. 68). Отправным моментом такого анализа являются, с их точки зрения, три уровня исследования любой системы: 1) уровень состава — множество образующих ее элементов; 2) уровень внутренней структуры — совокупность закономерных взаимосвязей между элементами; 3) уровень внешней структуры — совокупность взаимосвязи системы как целого со средой (там же. С. 70).

Применительно к изучению внешней политики государства метод системного анализа включает анализ «детерминант», «факторов» и «переменных».

Один из последователей Арона Р. Боек в работе «Социология мира» представляет потенциал государства как совокупность ресурсов, которыми оно располагает для достижения своих целей, состоящую из двух видов факторов: физических и духовных.

Физические (или непосредственно осязаемые) факторы включают в себя следующие элементы:

1.1. Пространство (географическое положение, его достоинства и преимущества).

1.2. Население (демографическая мощь).

1.3. Экономика в таких ее проявлениях, как: а) экономические ресурсы; б) промышленный и сельскохозяйственный потенциал; в) военная мощь.

В свою очередь, в состав духовных (или моральных, или социальных, непосредственно не осязаемых) факторов входят:

2.1. Тип политического режима и его идеологии.

2.2. Уровень общего и технического образования населения.

2.3. Национальная «мораль», моральный тонус общества.

2.4. Стратегическое положение в международной системе (например, в рамках сообщества, союза и т.п.).

Указанные факторы составляют совокупность независимых переменных, воздействующих на внешнюю политику государств, исследуя которые, можно прогнозировать ее изменения (Bosc. 1965. Р. 47—48).

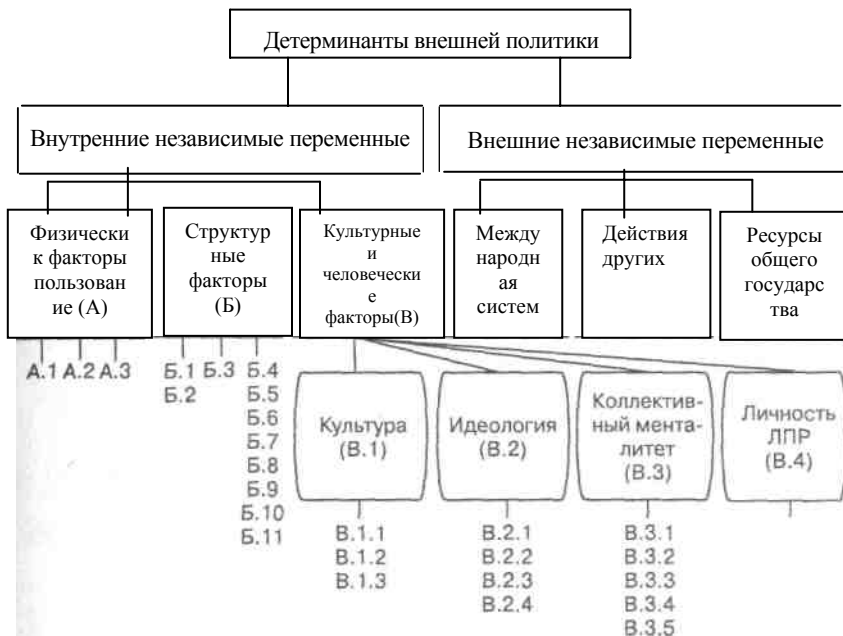
Графически данная концепция может быть представлена в виде следующей схемы (рис. 1):



Рис. 1

Схема дает наглядное представление как о достоинствах, так и о недостатках данной концепции. К достоинствам можно отнести ее операциональность, возможность дальнейшей классификации факторов с учетом базы данных, их измерения и анализа с применением компьютерной техники. Что же касается недостатков, то, по-видимому наиболее существенным из них является фактическое отсутствие в данной

В этом отношении гораздо более полной выглядит концепция ф. Брайара и М.Р. Джалили *{Bmillard, Djalili. 1988. Р. 65—71}*, которая также может быть представлена в виде схемы (рис. 2):



- географическое положение государства (А.1);
- его природные ресурсы (А.2);
- свойственную для него демографическую ситуацию. В свою очередь, в состав структурных факторов входят:

- политические институты (Б. 1);
- экономические институты (Б.2);
- способность государства использовать свою физическую и социальную среду, или, иначе говоря, его технологический, экономический и человеческий потенциал (Б.3);

- политические партии (Б.4);
- группы давления (Б.5);
- этнические группы (Б.6);
- конфессиональные группы (Б.7);
- языковые группы (Б.8);
- социальная мобильность (Б.9);
- территориальная структура: доля городского и сельского населения (Б.10);
- уровень национального согласия общества (Б.11).

Наконец, культурные и человеческие факторы содержат:

- культуру (В.1):
 - систему ценностей (В. 1.1);
 - язык (В. 1.2); религию (В. 1.3);
- идеологию (В.2):
 - самооценка властью своей роли (В.2.1); ее самовосприятие (В.2.2); ее восприятие мира (В.2.3); основные средства давления (В.2.4);
- коллективный менталитет (В.3):
 - историческая память (В.3.1);
 - образ «другого» (В.3.2);
 - линия поведения, касающаяся международных обязательств (В.3.3);
 - особая чувствительность к проблеме национальной безопасности (В.3.4); мессианские традиции (В.3.5);
- качества лиц, принимающих решения (В.4):
 - восприятие своего окружения (В.4.1);
 - восприятие мира (В.4.2);
 - физические качества (В.4.3);

моральные качества (В.4.4). Как видно из схемы, данная концепция, обладая всеми достоинствами предыдущей, преодолевает ее основной недостаток. Ее главная идея — тесная взаимосвязь внутренних и внешних факторов, их взаимовлияние и взаимозависимость в воздействии на иностранную политику государства. Кроме того, в рамках внутренних независимых переменных эти факторы представлены здесь гораздо более полно, что значительно снижает возможность упустить какой-либо важный нюанс в анализе. В то же время схема обнаруживает, что сказанное гораздо меньше относится к внешним независимым переменным, которые на ней лишь обозначены, но никак не структурированы. Данное обстоя-

тельство свидетельствует, что при всем «равноправии» внутренних и внешних факторов авторы все же явно отдают предпочтение первым.

Следует подчеркнуть, что и в том, и в другом случаях авторы отнюдь не абсолютизируют значение факторов в воздействии на внешнюю политику. Как показывает Р. Боек, вступив в 1954 г. в войну против Франции, Алжир не обладал большинством из указанных факторов, и тем не менее ему удалось добиться поставленной цели.

Действительно, попытки наивно-детерминистского описания хода истории в духе Лапласовской парадигмы — как движения от прошлого через настоящее к заранее заданному будущему — с особой силой обнаруживают свою несостоятельность именно в сфере международных отношений, где господствуют стохастические процессы. Сказанное особенно характерно для нынешнего — переходного — этапа в эволюции мирового порядка, характеризующегося повышенной нестабильностью и являющего собой своеобразную точку бифуркации, содержащую в себе множество альтернативных путей развития и, следовательно, не гарантирующую какой-либо предопределенности.

Такая констатация вовсе не означает, что никакие прогнозы в сфере международных отношений в принципе невозможны. Речь идет о том, чтобы видеть границы, относительность, амбивалентность прогностических возможностей науки.

Моделирование

Данный метод связан с построением искусственных, идеальных, воображаемых объектов, ситуаций, представляющих собой системы, элементы и отношения которых соответствуют элементам и отношениям реальных международных феноменов и процессов.

Рассмотрим такой вид данного метода, как комплексное моделирование, на примере работы М.А. Хрусталева «Системное моделирование международных отношений» (Хрусталев. 1992).

Автор ставит своей задачей построение формализованной теоретической модели, представляющей собой тринарный синтез методологического (философская теория сознания), общенаучного (общая теория систем) и частнонаучного (теория международных отношений) подходов. Построение осуществляется в три этапа. На первом формулируются «предмодельные задачи», объединяемые в два блока: «оценочный» и «операциональный». В этой связи автор анализирует такие понятия, как «ситуации» и «процессы» (и их виды), а также уровень информации. На их основе строится матрица, представляющая собой

своего рода «карту», призванную обеспечить исследователю выбор объекта с учетом уровня информационной обеспеченности.

Что касается операционального блока, то главное здесь состоит в выделении на основе триады «общее — особенное — единичное» характера (типа) моделей (концептуальная, теоретическая и конкретная) и их форм (вербальная или содержательная, формализованная и квантифицированная). Выделенные модели также представлены в виде матрицы, являющей собой теоретическую модель моделирования, отражающую его основные стадии (форма), этапы (характер) и их соотношение.

На втором этапе речь идет о построении содержательной концептуальной модели как исходной точке решения общей задачи исследования. На основе двух групп/понятий — «аналитической» (сущность — явление, содержание — форма, количество — качество) и «синтетической» (материя, движение, пространство, время), представленных в виде матрицы, строится «универсальная познавательная конструкция — кофигуратор», задающая общие рамки исследования. Далее на базе выделения вышеуказанных логических уровней исследования всякой системы отмеченные понятия подвергаются редукции, в результате которой выделяются «аналитические» (сущностная, содержательная, структурная, поведенческая) и «синтетические» (субстратная, динамическая, пространственная и временная) характеристики объекта. Опираясь на структурированный таким образом «системный ориентированный матричный кофигуратор», автор прослеживает специфические особенности и некоторые тенденции эволюции системы международных отношений.

На третьем этапе проводится более детальный анализ состава и внутренней структуры международных отношений, т.е. построение ее развернутой модели. Здесь выделяются состав и структура (элементы, подсистемы, связи, процессы), а также «программы» системы международных отношений (интересы, ресурсы, цели, образ действий, соотношение интересов, соотношение сил, отношения). Интересы, ресурсы, цели, образ действий составляют элементы «программы» подсистем или элементов. Ресурсы, характеризующиеся как «несистемообразующий элемент», подразделяются автором на ресурсы средств (вещно-энергетические и информационные) и ресурсы условий (пространство и время).

«Программа системы международных отношений» является производной по отношению к «программам» элементов и подсистем. Ее системообразующим элементом выступает «соотношение интересов» различных элементов и подсистем друг с другом. Несистемообразующим элементом является понятие «соотношение сил», которое более

точно можно было бы выразить термином «соотношение средств» или «соотношение потенциалов». Третьим производным элементом указанной «программы» является «отношение», понимаемое автором как некое оценочное представление системы о себе и о среде.

Опираясь на сконструированную таким образом теоретическую модель, М.А. Хрусталеv анализирует реальные процессы, характерные для современного этапа мирового развития. Он отмечает, что если ключевым фактором, определявшим эволюцию системы международных отношений на протяжении ее истории, являлось межгосударственное конфликтное взаимодействие в рамках устойчивых конфронтационных осей, то к 1990-м гг. возникают предпосылки перехода системы в иное качественное состояние. Оно характеризуется не только сломом глобальной конфронтационной оси, но и постепенным формированием стабильных осей всестороннего сотрудничества между развитыми государствами мира. В результате появляется неформальная подсистема развитых государств в форме мирохозяйственного комплекса, ядром которого стала «семерка» ведущих развитых стран, объективно превратившаяся в управляющий центр, регулирующий процесс развития системы международных отношений. Принципиальное отличие такого «управляющего центра» от Лиги Наций или ООН состоит в том, что он является результатом самоорганизации, а не продуктом «социальной инженерии» с характерными для нее статичной завершенностью и слабой адекватностью к динамичному изменению среды. Как управляющий центр «семерка» решает две важные задачи функционирования системы международных отношений: во-первых, ликвидация существующих и недопущение возникновения в будущем региональных конфронтационных военно-политических осей; во-вторых, стимулирование демократизации стран с авторитарными режимами (создание единого мирового политического пространства). Выделяя с учетом предлагаемой им модели также и другие тенденции в развитии системы международных отношений, М.А. Хрусталеv считает весьма симптоматичным появление и закрепление понятия «мировое сообщество» и выделение идеи «нового мирового порядка», подчеркивая в то же время, что нынешнее состояние системы международных отношений в целом еще не соответствует современным потребностям развития человеческой цивилизации.

Столь подробное рассмотрение метода системного моделирования в применении к анализу международных отношений позволяет увидеть и преимущества, и недостатки как самого этого метода, так и системного подхода в целом. К преимуществам можно отнести уже отмеченный выше обобщающий, синтезирующий характер системного под-

хода. Он позволяет обнаружить как целостность изучаемого объекта, так и многообразие составляющих его элементов (подсистем), в качестве которых могут выступать участники международных взаимодействий, отношения между ними, пространственно-временные факторы, политические, экономические, социальные или религиозные характеристики и т.д. Системный подход дает возможность не только фиксировать те или иные изменения в функционировании международных отношений, но и обнаружить причинные связи таких изменений с эволюцией международной системы, выявить детерминанты, влияющие на поведение государств. Системное моделирование дает науке о международных отношениях те возможности теоретического экспериментирования, которых она в его отсутствие практически лишена. Оно дает также возможность комплексного применения прикладных методов и техник анализа в самом разнообразном их сочетании, расширяя тем самым перспективы исследований и их практической пользы для объяснения и прогнозирования международных отношений и мировой политики.

Вместе с тем было бы неверным преувеличивать значение системного подхода и моделирования для науки, игнорировать их слабые стороны и недостатки. Главным из них является, как это ни кажется парадоксальным, тот факт, что никакая модель, даже самая безупречная в своих логических основаниях, не дает уверенности в правильности сделанных на ее основе выводов. Это, впрочем, признает и сам автор рассмотренной выше работы, когда говорит о невозможности построения абсолютно объективной модели системы международных отношений (см.: *Хрусталеv. 1992. С. 22*). Добавим, что всегда существует определенный разрыв между сконструированной тем или иным автором моделью и действительными источниками тех выводов, которые формулируются им об исследуемом объекте. И чем более абстрактной (т.е. чем более строго логически обоснованной) является модель, а также чем более адекватными реальности стремится сделать ее автор свои выводы, тем шире указанный разрыв. Иначе говоря, существует серьезное подозрение, что при формулировании выводов автор опирается не столько на построенную им модельную конструкцию, сколько на исходные посылки, «строительный материал» этой модели, а также на другие, не связанные с ней, в том числе и «интуитивно-логические», методы. Отсюда и весьма неприятный для «бескомпромиссных» сторонников формальных методов вопрос: могли ли быть сформулированы без модели те (или подобные им) выводы, которые появились как результат модельного исследования? Значительное несоответствие новизны подобных результатов тем усилиям, которые предпринимались исследователями

на основе системного моделирования, заставляют считать, что утвердительный ответ на указанный вопрос выглядит весьма обоснованным. Как подчеркивают в подобной связи Б. Рассет и Х. Старр: «В известной мере удельный вес каждого вклада может быть определен с помощью методов сбора данных и анализа, типичных для современных социальных наук. Но во всех других отношениях мы остаемся в области догадок, интуиции и информированной мудрости» (*Rassett, Starr*. 1981. P. 37).

Что касается системного подхода в целом, то его недостатки являются продолжением его достоинств. В самом деле, преимущества понятия «международная система» настолько очевидны, что его используют, за небольшими исключениями, представители всех теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Однако, как справедливо подметил французский политолог М. Жирар, мало кто точно знает, что оно означает в действительности. Более или менее строгий смысл оно продолжает сохранять для функционалистов, структуралистов и системников. Для остальных же это чаще всего не более чем красивый научный эпитет, удобный для украшения плохо определенного политического объекта. В результате данное понятие оказалось перенасыщенным и девальвировалось, что затрудняет его творческое использование (*Girard*. 1992. P. 642).

Соглашаясь с негативной оценкой произвольной трактовки понятия «система», подчеркнем еще раз, что это вовсе не означает сомнений в плодотворности применения как системного подхода, так и его конкретных воплощений — системной теории и системного анализа — к исследованию международных отношений.

Системный анализ и моделирование являются наиболее общими из аналитических методов, представляющих собой совокупность комплексных исследовательских приемов, процедур и техник междисциплинарного характера, связанных с обработкой, классификацией, интерпретацией и описанием данных. На их основе и с их использованием появилось и получило широкое распространение множество других аналитических методов более частного характера (некоторые из них были рассмотрены выше).

Роль прогностических методов международных отношений трудно переоценить: ведь в конечном счете и анализ, и объяснение фактов нужны не сами по себе, а ради составления прогнозов возможного развития событий в дальнейшем. В свою очередь, прогнозы составляются с целью принятия адекватного международно-политического решения. Важную роль в этом призван играть анализ процесса принятия решения партнера (или противника).

5. Анализ процесса принятия решений

Анализ процесса принятия решений (ППР) представляет собой *динамическое измерение* системного анализа международной политики и вместе с тем одну из центральных проблем социальной науки вообще и науки о международных отношениях в особенности. Изучение детерминант внешней политики без учета этого процесса может оказаться либо напрасной потерей времени с точки зрения прогностических возможностей, либо опасным заблуждением, ибо данный процесс представляет собой тот «фильтр», через который совокупность воздействующих на внешнюю политику факторов «просеивается» лицом (лицами), принимающим решение (ЛПР).

Классический подход к анализу ППР, отражающий «методологический индивидуализм», характерный для веберовской традиции, включает два основных этапа исследования (*Senarclens P. de.* 1992. Р. 44—47). На первом этапе определяются главные лица, принимающие решение (например, глава государства и его советники, министры: иностранных дел, обороны, безопасности и т.д.), и описывается роль каждого из них. При этом учитывается, что каждый из них имеет штат советников, обладающих полномочиями запрашивать любую необходимую им информацию в том или ином государственном ведомстве.

На следующем этапе проводится анализ политических предпочтений ЛПР с учетом их мировоззрения, опыта, политических взглядов, стиля руководства и т.д. Важную роль в этом отношении сыграли уже упоминавшиеся работы Р. Снайдера, Х. Брука, Б. Сапэна и Р. Джервиса.

Ф. Брайар и М.Р. Джалили, обобщая методы анализа ППР, выделяют четыре основных подхода.

Первый из них может быть назван моделью рационального выбора, в рамках которой выбор решения осуществляется единым и рационально мыслящим лидером на основе национального интереса. Предполагается, что: а) принимающий решение действует с учетом целостности и иерархии ценностей, о которых он имеет достаточно устойчивое представление; б) он систематически отслеживает возможные последствия своего выбора; в) ППР открыт для любой новой информации, способной повлиять на решение.

В рамках второго подхода предполагается, что решение принимается под влиянием совокупности правительственных структур, действующих в соответствии с установленными рутинными процедурами. Решение оказывается разбитым на отдельные фрагменты, а разрозненность правительственных структур, особенности отбора ими информации, сложность взаимных отношений друг с другом, различия в степе-

ни влияния и авторитета и т.п. являются препятствием для ППР, основанном на систематической оценке последствий того или иного выбора.

В третьей модели решение рассматривается как результат торга — сложной игры между членами бюрократической иерархии, правительственного аппарата и т.д., каждый представитель которых имеет свои интересы, свои позиции, свои представления о приоритетах внешней политики государства.

Наконец, при четвертом подходе обращается внимание на то, что во многих случаях ЛПР находятся в сложном окружении и располагают неполной, ограниченной информацией. Кроме того, они не в состоянии оценить последствия того или иного выбора. В такой обстановке им приходится расчленять проблемы, редуцируя используемую информацию к небольшому числу переменных.

В анализе ППР исследователю необходимо избегать соблазна использовать тот или иной из указанных подходов «в чистом виде». В реальной жизни описываемые ими процессы варьируются в самых разнообразных сочетаниях, изучение которых должно показать, на какой из них в каждом конкретном случае следует опираться и с какими другими его соединять (*Braillard, Djalili*. 1988. Р. 71—74).

Один из распространенных методов изучения процесса принятия решения, получивших распространение в международных отношениях, связан с *теорией игр*. Теория игр — это теория принятия решений в конкретном социальном контексте, где понятие «игра» распространяется на все виды человеческой деятельности. Она базируется на теории вероятностей и представляет собой конструирование моделей анализа или прогнозирования различных типов поведения акторов, находящихся в особых ситуациях. Классическая теория игр была разработана математиком Д. фон Нойманном и экономистом О. Моргенштерном в их совместной работе «Теория игр и экономическое поведение», опубликованной издательством Принстонского университета в 1947 г. В анализе поведения международных акторов она нашла применение в ставших классическими работах А. Рапопорта, исследовавшего ее эпистемологические возможности (*Rapoport*. 1970), и Т. Шеллинга, который распространил ее на изучение таких международных феноменов, как конфликты, переговоры, контроль над вооружениями, стратегия устрашения и т.п. (*Schelling*. 1971). Канадский специалист в социологии международных отношений Ж.-П. Деррьерник рассматривает теорию игр как теорию принятия решений в рискованной ситуации, или, иначе говоря, как область применения модели субъективно рационального действия в ситуации, когда все события являются непредсказуемыми. Если речь идет об игре с несколькими игроками,

то мы имеем дело с теорией взаимозависимых решений, где рисковая ситуация является общей, а непредсказуемость вытекает для каждого игрока из действий другого. Рисковая ситуация находит свое решение, если устраняется ее рисковый характер. В игре с двумя игроками, в том случае, когда один из игроков принимает плохое решение, другой получает дополнительный выигрыш. Если же оба играют хорошо (т.е. действуют рационально), то ни один не имеет шансов улучшить свой выигрыш сверх того, что позволяют правила игры (*Derriennic. 1977. P. 29-33*).

В теории игр, таким образом, анализируется поведение ЛПР в их взаимных отношениях, связанных с преследованием одной и той же цели. При этом задача состоит не в описании поведения игроков или их реакции на информацию о поведении противника, а в нахождении наилучшего из возможных вариантов решения для каждого из них перед лицом прогнозируемого решения противника. Теория игр показывает, что количество типов ситуаций, в которых могут оказаться игроки, является конечным. Более того, оно может быть редуцировано к небольшому числу моделей игр, различающихся по характеру целей, возможностям взаимной коммуникации и количеству игроков.

Существуют игры с разным числом игроков: одним, двумя или многими. Например, дилемма, брать или не брать с собой зонтик в неустойчивую погоду, является игрой с одним игроком (ибо природа не принимает в расчет решения человека), которая перестанет быть таковой, когда метеорология станет точной наукой (там же. P. 30).

В игре с двумя игроками, например в знаменитой дилемме заключенных, игроки лишены возможности общаться друг с другом, поэтому каждый принимает решение на основе представления о рациональном поведении другого. Правила игры уподобляются правилам ситуации, в которой два человека (А и Б), совершившие совместное преступление и попавшие в руки правосудия, получают от его представителей предложение о добровольном признании (т.е. о предательстве по отношению к своему соучастнику). При этом каждый предупреждается о следующем: 1. Если А признается (П), Б не признается (Н), то А получает свободу (С), Б — максимальное наказание (В); 2. Если А не признается (Н), Б признается (П), то А получает максимальное наказание (В), Б — свободу (С); 3. Если и А, и Б признаются, то оба получают суровое, хотя и не максимальное наказание (Т); 4. Если же оба не признаются, то оба получают минимальное наказание (У).

Графически дилемма заключенных представляется в виде такой схемы (рис. 3):

	Б	
	Н	П
у	у (2)	с (3)
с	в (1)	т (4)
	в	т

Рис.3

В идеале для каждого из соучастников свобода лучше, чем минимальное наказание, минимальное наказание лучше сурового, а последнее лучше, чем максимальное: $C > Y > T > B$. Поэтому для обоих самым выгодным вариантом было бы Н, Н. На деле же, лишенный возможности общаться с другим, не доверяя ему, каждый ожидает предательства со стороны соучастника (для А это: Н, П) и, стремясь избежать В, принимает решение предать, считая его наименее рискованным. В результате оба избирают предательство (П, П) и оба получают суровое наказание.

В терминах символической логики ситуация может быть представлена следующим образом:

1. $\{П(А) \& 1 П(Б)\} \{C(А) \& B(Б)\}$
2. $\{П(А) \& П(Б)\} \{B(А) \& C(Б)\}$
3. $\{П(А) \& П(Б)\} \{T(А) \& T(Б)\}$
4. $\{1П(А) \& 1П(Б)\} \{Y(А) \& Y(Б)\}$

Эта модель применялась к анализу многих международных ситуаций: например, внешней политики гитлеровской Германии или гонки вооружений периода 1950—1970-х гг. В последнем случае в основе ситуации для двух сверхдержав лежала тяжесть взаимного риска, представленного ядерным оружием, и желание обеих избежать взаимного разрушения. Результатом явилась гонка вооружений, не выгодная ни одной из сторон.

Теория игр позволяет находить (или прогнозировать) решение в некоторых ситуациях, т.е. указать наилучшее из возможных решений для каждого участника, вычислить наиболее рациональный способ поведения в различных типах обстоятельств. И тем не менее было бы ошибочно преувеличивать ее значение как метода исследования международных отношений, а тем более — как практического метода для выработки стратегии и тактики поведения на мировой арене. Как мы

уже видели, решения, принимаемые в сфере международных отношений, далеко не всегда носят рациональный характер. Кроме того, например дилемма заключенных не учитывает, что в сфере международных отношений существуют взаимные обязательства и соглашения, а также имеется возможность коммуникации между участниками — даже в период самых напряженных конфликтов.

Анализ процесса принятия решений часто используется для прогнозирования возможной эволюции той или иной конкретной международной ситуации, например межгосударственного конфликта. При этом принимаются в расчет не только факторы, относящиеся «непосредственно» к ППР, но и потенциал (совокупность ресурсов), которым располагает лицо или Чстанция, принимающая решение. Интересная методика в этом отношении, включающая элементы количественной формализации и основанная на различных моделях ППР, предлагается в статье Ш.З. Султанова «Анализ принятия решений и концептуальная схема прогнозирования» (см.: В.И. Ленин и диалектика... 1982. С. 71-82).

* * *

Заканчивая рассмотрение методов, используемых в науке о международных отношениях, суммируем основные выводы, касающиеся нашей дисциплины.

Во-первых, отсутствие «собственных» методов не лишает международные отношения права на существование и не является основанием для пессимизма: не только социальные, но и многие «естественные науки» успешно развиваются, используя общие с другими науками, «междисциплинарные» методы и процедуры изучения своего объекта. Более того, междисциплинарность все заметнее становится одним из важных условий научного прогресса в любой отрасли знания. Подчеркнем еще раз и то, что каждая наука использует общетеоретические (свойственные всем наукам) и общенаучные (свойственные группе наук) методы познания.

Во-вторых, наиболее распространенными в международных отношениях являются такие общенаучные методы, как наблюдение, изучение документов, системный подход (системная теория и системный анализ), моделирование. Широкое применение находят в ней развивающиеся на базе общенаучных подходов прикладные междисциплинарные методы (контент-анализ, ивент-анализ и др.), а также частные методики сбора и первичной обработки данных. При этом все они модифицируются с учетом объекта и целей исследования и приобретают

здесь новые специфические особенности, закрепляясь как «свои, собственные» методы данной дисциплины. Заметим попутно, что разница между рассмотренными выше методами носит достаточно относительный характер: одни и те же методы могут выступать и в качестве общенаучных подходов, и в качестве конкретных методик (например, наблюдение).

В-третьих, как и любая другая дисциплина, международные отношения в своей целостности, как определенная совокупность теоретических знаний, выступает одновременно и методом познания своего объекта. Отсюда то внимание, которое уделено в данной работе основным понятиям этой дисциплины: каждое из них, отражая ту или иную сторону международных реалий, в эпистемологическом плане несет методологическую нагрузку, или, иначе говоря, выполняет роль ориентира дальнейшего изучения его содержания, причем не только с точки зрения углубления и расширения знаний, но и с точки зрения их конкретизации применительно к потребностям практики.

Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что наилучший результат достигается при комплексном использовании различных методов и техник исследования. Только в таком случае исследователь может надеяться на обнаружение повторяемостей в цепи разрозненных фактов, ситуаций и событий, т.е. своего рода закономерностей (а, соответственно, и девиант) международных отношений. Рассмотрению этой проблемы и посвящена следующая глава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитические методы в исследовании международных отношений: Сборник научных трудов / Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова, М.А. Хрусталева. М., 1982.
2. Аитюхина-Московченко В.И., Зитбин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М., 1988.
3. Баталов Э.А. Что такое прикладная политология? // Конфликты и консенсус. 1991. №1.
4. Боршишполец К. П. Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Ред. ПА. Цыганков. М., 1998.
5. В.И. Ленин и диалектика современных международных отношений: Сборник научных трудов / Под ред. Г.К. Ашина, И.Г. Тюлина. М., 1982.
6. Кукушка Е. Проблемы теории международных отношений / Пер. с пол. М., 1980.
- 1- Лебедева ММ., Тюлин ИГ. Прикладная междисциплинарная политология: возможности и перспективы // Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладных исследований): Сборник научных трудов / Под ред. доктора политических наук И.Г. Тюлина. М., 1991.
8. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997.

9. Новик И.Б. Гносеологические аспекты глобального моделирования // Моделирование процессов глобального развития: Сборник трудов. Вып. 8 / Под ред. Д.М. Гвишиани. М., 1979.
10. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.
11. Сернова Н.В. О некоторых методических приемах анализа организационных систем // Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений. М., 1991.
12. Система, структура и процесс развития международных отношений / Отв. ред. В.И. Гапман. м", 1984.
13. Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений: Учебное пособие. М, 1987.
14. Хрусталева Б.А. Системное моделирование международных отношений: Автореф. диссертации на соискание д-ра полит. наук. М., 1992.
15. Цыганков А.И. Ханс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия: Сборник статей. М., 1992!
16. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. R, 1984.
17. Bosc R. Sociologie de la paix. P., 1965.
18. Braillard Ph. Philosophie et relations internationales. P., 1965.
19. Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. P., 1988.
20. Brand Ph. La science politique. P., 1992.
21. Derriennic J.-P. Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
22. Feno M. Penser la Premiere Guerre Mondiale // Penser le XX-e siecle. Bruxelles, 1990.
23. Frei D., Ruff D. Les risques politiques internationaux. P., 1988.
24. Korany B. et coll. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1987.
25. Lasswell H. & Leites N. The Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. N.Y., 1949.
26. Rapoport A. N-Person Game Theorie. Concepts and Applications. Un. of Michigan Press, 1970.
27. Rasmussen B., Starr H. World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981.
28. Schelling T. The Strategy of Conflict. Oxford, 1971.
29. Senarclens P. de. La politique internationale. P., 1992.

ГЛАВА 3

Проблема закономерностей международных отношений

Любая наука направлена на поиск существенных, повторяющихся, необходимых связей исследуемого ею объекта, или, иначе говоря, на поиск законов его функционирования и развития. Только на этой основе она может выполнить свое главное предназначение: объяснение наблюдаемого в существующих фактах, явлениях, событиях и процессах и предсказание их возможной эволюции. Но если в естественных и технических науках точность подобного предсказания бывает достаточно высокой, и чаще всего их «вечные истины» не могут быть подвергнуты сомнению (например, при условии соответствующего атмосферного давления и определенного химического состава воды ее нагревание до 100°C приводит к ее кипению), то иначе обстоит дело в социальных науках.

Социальные науки имеют дело с такой специфической областью, как общественные отношения, субъектами которых являются люди с неповторимостью их черт характера, уникальностью индивидуальных судеб; руководствующие волей, страстями, убеждениями, верованиями, ценностями, идеологиями, личными привязанностями и т.д. Поэтому сама проблема законов здесь выглядит иначе. Конечно, абстрактно рассуждая, можно представить себе такую ситуацию, при которой возможно сколь-либо точное повторение того или иного общественного факта или события. Однако на деле это потребовало бы соблюдения такого количества условий, которое практически не может быть соблюдено. Отсюда фактическое отсутствие устойчивых, «вечных», «неопровержимых» законов и, соответственно, наличие значительных трудностей в попытках предсказания путей эволюции того или иного общественного явления или процесса. Как известно, сама проблема законов является в социальных науках дискуссионной, широко распространенным является скептицизм относительно их существования.

К сказанному следует добавить еще одно обстоятельство, вызванное сменой парадигм в научной картине мира и, в частности, переходом от детерминистских объяснений в духе лапласовского понимания Вселенной к постдетерминизму, связанному с новейшими открытиями в таких областях знания, как квантовая механика, молекулярная биология и, особенно, синергетика.

Все это влечет за собой ряд нетривиальных последствий и для науки о международных отношениях, прежде всего в том, что касается понимания характера действующих в этой сфере законов, их содержания и проявления. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

1. О характере законов в сфере международных отношений

Как мы уже знаем, проблема законов с позиций традиционного (ортодоксального) марксизма решается на основе общей методологии исторического материализма, в соответствии с которой содержание международных отношений определяется, с одной стороны, содержанием внутренней политики взаимодействующих на мировой арене государств (которая, в свою очередь, детерминирована их экономическим базисом), а с другой — классовой борьбой между капитализмом и социализмом, в обще планетарном масштабе. Отсюда формулировались такие «законы», как, например, «превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного развития»; «возрастание роли развивающихся государств и движения неприсоединения»; «усиление кризиса и агрессивности империализма»; «мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем» и т.п. В то же время с точки зрения марксизма законы международных отношений, как правило, несут характер закономерностей, иначе говоря, необходимостей менее глубокого порядка, действующих лишь в приближений, в среднем, как равнодействующая многих пересекающихся законов. Это не означает, однако, что марксизм сомневается в существовании закономерной основы общественной, в том числе и международной, жизни. Иной характер законов, проявляющих себя как закономерности, вовсе не ведет к отказу от детерминизма как основы основ марксистского понимания истории.

Детерминизм во многом свойствен и такому направлению в науке о международных отношениях, как политический реализм, склонный исходить в понимании и объяснении взаимодействия государств на мировой арене из вечных законов неизменной человеческой природы, познание которых дает возможность создания рациональной теории.

В соответствии с детерминистским пониманием, например, изолированные усилия того или иного человека не могут повлиять на общий ход общественного развития, т.е. действия отдельного индивида не имеют никакого значения для макросоциальных процессов. Развитие понимается как восходящий процесс движения от простого к сложному, от низшего к высшему, определяемый начальными причинами и не имеющий альтернатив. Тем самым картина мира предстает в виде Вселенной, где господствуют строгие причинно-следственные связи, имеющие линейный характер. Следствие идентично или, по меньшей мере, пропорционально причине. Поэтому в принципе история может

быть объяснена и предсказана: настоящее предопределено прошлым, будущее — прошлым и настоящим.

Однако в последние годы, как уже отмечалось выше, детерминизм, с позиций которого случайность, по сути, изгонялась из научных теорий, был серьезно потеснен в самих своих основаниях. Появились новые фундаментальные исследования, следствием которых стали радикальные трансформации в научной картине мира, в методологических основах науки, в самом стиле научного мышления. Появление и развитие синергетики — науки о возникновении порядка из хаоса, о самоорганизации — позволило увидеть мир с другой стороны. Илья Пригожий показал, что в точках бифуркации детерминистские описания в принципе невозможны. Так, например, если в летящий снаряд попадает другой снаряд и происходит раздвоение (бифуркация) первого, то объяснить, как будут вести себя его части, в каком направлении они полетят, в принципе невозможно. Не потому, что наука еще не знает этого, а потому, что это непредсказуемо, когда мы имеем точки бифуркации. Только впоследствии, когда утвердится новая траектория полета указанных частей, станут возможными описания на основе известных законов, но не в этих точках. Таким образом, в науке появляется новое понимание, в соответствии с которым существует, как правило, множество альтернативных путей развития, в том числе и для человеческой истории, которая тем самым как бы лишается предопределенности. Постепенно утверждается и новое понимание истории — как стохастического процесса, непредсказуемого, непредугаданного, непредопределенного (*Князева, Курдюмов. 1992*).

Новая картина мира начинает проникать и в науку о международных отношениях, где, учитывая специфику ее объекта, скептицизм относительно существования законов его функционирования и развития получил особенно широкое распространение: большинство исследователей стремятся избегать употребления самого понятия «закон», предпочитая оперировать такими «менее обязывающими» терминами, как «закономерности», «тенденции», «правила» и т.п. Так, например, Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что даже в том случае, если бы теоретические исследования в науке о международных отношениях были развиты гораздо лучше, чем в настоящее время, все равно, скорее всего, ученые пришли бы не к формулированию законов, а к утверждениям по вероятности: «В самом лучшем случае ученый-социолог может оценить не более, чем вероятность, что за данным специфическим событием (угрозой, обещанием или уступкой) последует желаемый результат» (*Rassett, Starr. 1981. P. 51*).

Известный французский социолог Р. Арон, в свою очередь, полагал, что сама природа международных отношений, особенностью которых

является отсутствие монополии на насилие и «плюрализм суверенитетов», диктует необходимость принятия тех или иных политических действий «до того, как собраны все необходимые знания и обретена уверенность». Поэтому всякая деятельность в этой сфере основана не столько на знании закономерностей (которые, как он считал, все же существуют), сколько на вероятностях, связанных с непредсказуемостью человеческих решений. Здесь можно только строить предположения о том, какое, поведение считать рациональным. А это означает, подчеркивал Р. Арон, что «социология, приложенная к международным отношениям, имеет, так сказать, свои границы» (*Agon*. 1963. Р. 312, 321).

С точки зрения одного из последователей Р. Арона, Ж. Унцингера, изучение любого явления или процесса международной жизни предполагает его анализ с позиций и истории, и социологии, и теории. Только с учетом этого можно надеяться на выведение и исследование законов международных отношений. И все же, подчеркивал он, окончательное объяснение международной ситуации или какая-либо уверенность в полном понимании причин происходящего в этой сфере невозможны. Так, например, вооруженный конфликт можно объяснять на основе теории империализма, руководствуясь утверждениями об агрессивном характере данного государства, традиционной враждой соответствующих народов, темпераментом государственных деятелей, наконец, сочетанием всех указанных факторов. Каждый из этих подходов может содержать элемент истины, но ни один из них и даже все они, вместе взятые, не могут претендовать на окончательно верное объяснение. Поэтому «понятие, которое лучше всего отражает реальность международных отношений, — это понятие относительности» (*Huntziger*. 1987. Р. III).

Приведем мнение еще одного известного ученого — французского историка Ж.-Б. Дюрозеля. Соглашаясь с утверждениями о том, что в общественных науках законы не обладают той степенью строгости, которая характерна для наук о природе, и потому они не дают полного удовлетворения, он подчеркивает, что такое положение вещей объясняется самой сущностью отражаемых ими реалий. При этом, поскольку речь идет о сфере вероятностного знания, в котором господствуют исключения и которое поэтому неотделимо от интуиции, здесь гораздо больше подходит термин «закономерность». Закон отражает одну или несколько групп строго идентифицированных феноменов, имеющих общий характер, более того, освобожденных от всех признаков индивидуальности и поэтому поддающихся измерению.¹ Когда же мы имеем дело с событиями, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, поэтому каждое является единичным, уникальным.

Здесь, фактически, не существуют идентичность и измеримость. Между несколькими событиями можно найти лишь аналогии: так, существуют типы рассуждений, типы коммуникаций, типы насилия. «Закономерность — это и есть наличие длинного ряда подобий, которые как бы не зависят от особенностей той или иной эпохи и, следовательно, могут быть отнесены к самой природе *homo sapiens*» (*Duroselle. 1982*). Наряду с закономерностями, отражающими повторяемости или подобию типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также «временные правила» и «рецепты». «Временные правила» отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из «структур», т.е. «одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир», — данной эпохи, данного географического региона или данного политического режим;..

Наконец, существует уровень отдельного действия в данный момент и в данных обстоятельствах. Люди должны действовать. Но для того чтобы эти действия были как можно более разумными, одних закономерностей и временных правил недостаточно. Поэтому, за отсутствием научных знаний, они опираются на принципы нормативного характера, которые могут быть названы «рецептами».

Можно было бы продолжить рассмотрение взглядов различных ученых, относящихся к полемизирующим друг с другом теоретическим направлениям и школам. Но и приведенных примеров достаточно для того, чтобы сделать некоторые предварительные выводы.

Они показывают, что, несмотря на широко распространенный скептицизм относительно существования законов в сфере международных отношений, объясняемый спецификой этой сферы социального взаимодействия, на имеющиеся разногласия в понимании их значения для объяснения и прогнозирования наблюдаемых здесь событий и процессов, на дискуссии, касающиеся форм, характера проявления и степени «устойчивости» закономерностей, между исследователями есть согласие в ряде аспектов, существенно важных в контексте рассматриваемой проблемы. Во-первых, сфера международных отношений представляет собой своего рода стохастическую вселенную, картину причудливого переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер, поэтому их описания ■И объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативное™, исключения случайности неплототворны.

Во-вторых, социологический подход, направленный на сравнение международных событий и процессов, на выявление между ними подобию и различий, на построение определенной типологии, обнаружи-

вает, что при всей специфике происходящего в сфере международных отношений в ней могут быть обнаружены и некоторые «повторяемости», например, с точки зрения видов взаимодействия, степени их интенсивности, характера возможных вариантов последствий и т.п.

Наконец, в-третьих, подобные «повторяемости», которые, могут быть названы закономерностями и которые с учетом сказанного выше могут иметь лишь достаточно относительный характер, непосредственно в сфере международных отношений весьма немногочисленны. К их рассмотрению мы и переходим.

2. Содержание закономерностей международных отношений

Одной из иллюстраций немногочисленности закономерностей, имеющих непосредственное отношение к сфере международных взаимодействий, может служить их перечень, приводимый Ж.-Б. Дюрозелем. Приведем их полностью (см.: *Duroselle*. 1982. Р. 309—320):

1. Любое общество и, следовательно, любая политическая единица стремятся к технической эффективности.

2. Любое техническое усовершенствование подчиняется постоянной и всеобщей закономерности распространения.

3. Главным тормозом распространения техники является существование в обществе целостной системы ценностей.

4. Необходимо уметь обнаруживать закономерность конверсии, т.е. условия, при которых социальные общности переходят от одной системы ценностей к другой. Дело в том, что, будучи широко распространенным феноменом в индивидуальном плане, конверсия является исключительно редкой, когда речь идет об общностях, наделенных религией или идеологией. Она осуществляется только при следующих условиях: а) существующая идеология находится в процессе полного разложения; б) идущая ей на смену идеология является мощной и привлекательной; в) процесс конверсии сопровождается осуществлением в течение длительного времени насильственным разрушением старой идеологии; г) конверсия начинается с периферических зон, находящихся в стороне от центра наиболее интенсивной веры.

5. Структурная стабильность общности вызывает у части ее членов ощущение «невыносимости», т.е. состояния, при котором многие индивиды готовы рисковать своей жизнью во имя изменений. Так, например, Англия сумела избежать революции в 1830—1835 гг. только потому, что ее правители проводили политику широких реформ. Напротив,

французский режим Реставрации вместо трансформации своих институтов пытался укрепить их, что шло вразрез со стремлениями большинства граждан.

6. Существует постоянный конфликт между эффективностью и человеческим достоинством.

7. Способы человеческих объединений менее стабильны, чем системы ценностей (религиозные или идеологические), и в то же время менее открыты для изменений, чем техника.

8. Причины войн объясняются существованием замкнутых систем стабильных ценностей; разницей военных потенциалов; регулярностью, с которой в истории человеческих общностей возникает ситуация «невыносимости».

Как видим, из приведенного перечня закономерностей лишь одна («закономерность войны») непосредственно касается сферы международных отношений, тогда как все другие носят гораздо более широкий характер, затрагивая социальную сферу человеческих отношений в целом. Разумеется, в этом своем качестве они не могут не влиять на международные отношения, более того, влияние некоторых из них (особенно второй, третьей и четвертой), как убедительно показывает автор, является настолько ощутимым, что без их анализа и учета трудно понять многие международные события и процессы. И все же речь идет об общесоциологических закономерностях, действующих в области как международных, так и внутриобщественных отношений. Иное дело — «временные правила».

Сравнивая характер международных отношений, свойственных периоду, продолжавшемуся с XVI в. до 1914 г. с современными международными реальностями (с 1945 г. и до наших дней), Ж.-Б. Дюрозель отмечает, что для современности характерно отсутствие коалиций, направленных против гегемонии одной или нескольких великих держав (т.е. подобия европейского «концерта наций»); уже не существует ни одной собственно европейской великой державы; на мировой сцене появляется новая, разрозненная, но вполне реальная международная сила — мировое общественное мнение; происходят радикальные изменения в военной стратегии и т.п. Речь идет, таким образом, непосредственно о сфере международных (межгосударственных) отношений, однако указанные «временные правила» являются, скорее, хорошо систематизированными наблюдениями, представляющими собой исходный эмпирический материал, нуждающийся в дальнейшем изучении и обобщении.

Если же попытаться провести более широкий анализ научной литературы, посвященной международным отношениям, то можно убедиться, что значительная ее часть посвящена, в основном, анализу про-

блем, связанных с войной или ее предотвращением. Этот подход характерен и для Р. Арона (напомним, что его главный труд, посвященный исследованию международных отношений, назван «Мир и война между нациями»), который одним из первых предпринял попытку создания социологии международных отношений. Поэтому закономерности, о которых идет речь в данной литературе, касаются прежде всего именно этих проблем и не выходят за рамки межгосударственных отношений.

Обобщая в этой связи различные точки зрения, Позиции различных теоретических школ, можно выделить следующие закономерности.

Во-первых, главным действующим лицом международных отношений (с точки зрения некоторых авторов, практически единственным или, в крайнем случае, единоличным) является государство, а формами его международной деятельности — дипломатия и стратегия.

Во-вторых, государственная политика существует в двух разновидностях: внутренней и внешней (международной), между которыми имеется как взаимосвязь, так и существенные различия, в силу которых международная политика государства обладает хотя и относительной, но в то же время весьма значительной автономией.

В-третьих, основа основ всех международных действий государства коренится в национальном интересе, наиболее существенными составными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет. Поэтому международные отношения — это сфера столкновений, конфликтов и примирений национальных интересов различных государств.

В-четвертых, потребность в защите и продвижении национального интереса вызывает необходимость обладания как можно более мощным военным потенциалом, который, в свою очередь, зависит от природных, экономических и иных ресурсов государства. Поэтому международные отношения — это силовое взаимодействие государств, баланс сил, в котором преимущества с точки зрения национальных интересов имеют наиболее мощные державы.

В-пятых, в зависимости от распределения мощи между наиболее крупными с точки зрения военного потенциала государствами — так называемыми великими державами — баланс сил может принимать различные формы, или конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную и т.д.

Таковы наиболее общие закономерности, сформулированные в рамках государственно-центричной парадигмы международных отношений. Они дополняются, развиваются и конкретизируются в целом ряде других, гораздо более многочисленных обобщений менее широкого характера, касающихся, например, особенностей национального

интереса, применения силы, типов полярности и т.д. Таковы, например, выдвинутые Г. Моргентау «шесть принципов политического реализма», которые представляют собой, по сути, конкретизацию его понимания национального интереса и одновременно представление о путях его реализации во внешней политике государства. Р. Арон предлагал свое понимание относительно значения силы и слабости государства для международной стабильности (например: «излишек слабости не менее опасен для мира, чем излишек силы»). Б. Рассет и Х. Старр, используя метод аналогии, выдвинули ряд гипотез, практическая подтверждаемость которых придает им более широкое значение (например: чаще убивают соотечественников, чем иностранцев, знакомых и родственников, чем неизвестных; поэтому маловероятно, что отдаленные друг от друга государства, слабо связанные между собой, — такие, как, скажем, Боливия и Бирма, будут воевать друг с другом). Подобные примеры, содержащие интересные и, чаще всего, весьма полезные обобщения, можно было бы продолжать. Однако они вряд ли могут претендовать на то, чтобы называться закономерностями международных отношений, ибо для них характерен слишком значительный налет субъективности и, кроме того, диапазон их действия слишком ограничен.

Впрочем, ограниченность свойственна и вышеуказанным закономерностям. При всей своей значимости эти закономерности, во-первых, относятся, главным образом, к межгосударственным взаимодействиям, которые представляют собой лишь часть международных отношений. А во-вторых, в последние годы роль этих взаимодействий, степень их влияния на характер и эволюцию международных отношений подвергаются все более настойчивым и аргументированным сомнениям, и прежде всего именно с позиций социологического подхода.

Собственно, подобные сомнения имплицитно содержались и в сформулированных в рамках ортодоксального марксизма закономерностях об усилении значения международных отношений в общественной жизни и о возрастании влияния на их развитие народных масс. Под идеологической оболочкой (которая, конечно, не могла не сдерживать их конкретизацию и развитие) в них просматривается полу-народная сегодня широкое распространение мысль об эволюции международных отношений, ломающей парадигму их традиционного понимания. Данное замечание, не означает, однако, приоритета марксизма^в осмыслении новых тенденций. Напротив, это осмысление, возникло Независимо от марксизма и имеет уже относительно давнюю традицию, восходящую к трудам, созданным в 1950—1960-е гг. такими представителями либеральной мысли, как Ж. Вернан, С. Хоффманн, Дж. Розенау Э. Луард, Р. Боек и др. Высказанные ими идеи о между-

народном обществе, о несводимости международных отношений к межправительственным взаимодействиям, о неподконтрольности государствам некоторых типов международных общений, способных оказывать существенное влияние на облик мировой политики и т.п., получили новый импульс в научной литературе в свете наблюдающегося сегодня кризиса государственности, выхода на мировую арену новых действующих лиц и т.д.

Так, в работе известных французских исследователей Б. Бади и М.-К. Смуте «Мир на переломе. Социология международной сцены» показано, что современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, в том, что поставлено на карту (*Badie, Smouts. 1992. P. 237—240*).

Мир находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Структура межгосударственных отношений, долгое время служившая самым верным посредником во взаимодействиях между индивидом и международной ареной, в настоящее время деформируется и все меньше отвечает этому предназначению. Традиционная дипломатия слабо улавливает новые тенденции долговременной динамики социальных трансформаций со все более многообразными параметрами: например, такие, как увеличение миграционных потоков, трансграничное движение людей, капиталов и идей, деградация окружающей среды, распространение наиболее «эффективных» видов оружия. Политика уже не вырабатывается централизованно, в каком-то одном месте, а оказывается все более расколотой между многочисленными центрами, взаимная координация которых выглядит все более затруднительной.

Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения.

Происходящие изменения делают проблематичным любой прогноз относительно содержания и формы будущих политических единиц, их взаимного расположения («конфигурации») на мировой арене. Вместе с этим уменьшается (но не исчезает) и значение вышеуказанных закономерностей, их уровень общности, ограничивается сфера их действия.

Это обусловлено тем, что сегодня, как подчеркивает Дж. Розенау (*Rosenau. 1990*), возникают контуры новой «постмеждународной политики» — глобальной системы, в которой контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-ново-

му. Наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий, на наших глазах рождается новый — «второй, полицентричный, мир» международных отношений, характеризующийся хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей авторитета и лояльностей, которые соединяли индивидов. При этом базовые структуры «постмеждународных отношений» обнаруживают настоящую бифуркацию между соревновательными логиками этатистского и полицентрического мира, которые взаимно влияют друг на друга и никак не могут найти подлинного примирения. «Частная группа — Совет по защите природных ресурсов — ведет переговоры с правительствами сверхдержав относительно мониторинга соглашений о запрещении ядерных испытаний; представители англиканской церкви выступают посредниками между террористами и правительствами на Ближнем Востоке; несколько организаций принимают решения, вкладывать или не вкладывать средства в экономику ЮАР, дабы изменить социальную политику местного правительства; Международный валютный фонд инструктирует национальные правительства, как им решать экономические вопросы; глава никарагуанского государства ведет кампанию в поддержку самого себя на улицах Нью-Йорка; ...поляки, живущие в США, принимают участие в национальных выборах 1989 г., и в одном из районов Варшавы их голоса становятся решающими; опубликованный в Англии роман становится причиной отставки посла в Иране и одного убийства в Бельгии; отравленные в Чили фрукты дестабилизируют мировые рынки, провоцируют действия нескольких правительств, рабочие волнения в доках Филадельфии и политический кризис в самой Чили — таковы лишь отдельные при- меры из великого множества событий, иллюстрирующих становление нового глобального порядка», — пишет Дж. Розенау (*Розенау*. 1992. С. 6-7).

Ощущение глубоких изменений, производящих подлинный переворот в привычной картине международных отношений, присуще практически всем крупным работам последних лет, в которых рассматриваются проблемы наблюдающихся в этой сфере новых явлений и процессов. Приведем еще два примера в данном отношении.

Так, французский исследователь Ф. Моро Дефарж подчеркивает, что XX в. завершается под знаком глубокого переворота в характере международных отношений, являющегося не столько результатом деятельности государственных политиков, сколько совершенно других процессов. Религии, культуры, многообразные виды обменов между общностями эволюционируют по своей собственной логике и постоянно «нарушают государственные границы». Эта логика не считается с политико-юридическими барьерами, которые она без конца опроки-

дывает или обходит. В 1940-е и 1950-е гг. в «конфликте века» противостояли друг другу коммунистический Восток и плюралистический Запад; в 1970-е гг. он переместился в сферу противоречий между богатым Севером и бедным Югом. «Куда он перемещается накануне 2000 г.? В сферу борьбы между предприятиями, между государствами за обладание и контроль над технологическими инновациями? В сферу антагонизмов между всем тем, что символизирует современность — от джинсов до компьютера, — и всем тем, что воплощает идентичность, будь то национальная, религиозная или социальная идентичность? В разрушение прежних порядков под ударами требований свободы?» (*Moreau Defarges*. 1992. Р. 9—11). Ответы на все эти вопросы далеко не очевидны. Хотя вполне очевидно то, что они вызваны теми глубокими трансформациями, которые переживает современный мир, и возникающими в этой связи ощущениями тревоги перед лицом нарушения стабильного порядка вещей.

В этой связи бельгийский ученый А. Самюэль считает, что человечество уже вступило в «новый международный мир», а скорость и глубина наблюдаемых изменений имеют, по меньшей мере, два последствия.

Во-первых, произошел переход от биполярного мира к комплексному. Нет уже двух сверхдержав; в юго-восточной Азии бурно развиваются новые динамичные государства; в других странах происходит демографический взрыв; нации освобождаются; «спутники» уходят с орбит своих сюзеренов; действия малых государств приносят серьезные беспокойства великим державам. Наряду с упадком влияния больших идеологий, появляются новые силы — экономического, финансового, а также духовного характера. «Бог не умер». Во всяком случае религиозность не только возвращается, но и претендует определять национальные и международные политические процессы. Одновременно от Мехико до Москвы происходит «восстание гражданского общества», которое опрокидывает однопартийность и склеротическую политику. Наконец, интеллектуалы, религиозные деятели становятся не только звездами, но и международными лидерами, скромная, но настойчивая деятельность которых изменяет ход вещей.

Во-вторых, этот переходный мир стал непредсказуемым. Мы уже привыкли к разделу мира на два блока, который казался или пропагандировался как незыблемый. Но вот непредвиденное уже произошло. Коммунистическая идеология и коммунистическое движение уже совсем не те, что были еще недавно. Единственная партия — авангард уступает местб многопартийности. Вопросы, которые были отложены в долгий ящик истории, такие, как, например, воссоединение Германии, решаются неожиданно быстро. И никто не может предска-

зять, что еще произойдет завтра. Вместе с тем уже сегодня ясно, что вопросы международной безопасности больше не могут решаться и даже не встают в терминах равновесия военных сил (*Samuel*. 1990. Р. 247-250).

Итак, новизна ситуации в международных отношениях может быть резюмирована с учетом рассматриваемой проблемы в том, что наблюдающиеся сегодня общепланетарные трансформации выходят за рамки рассмотренных выше закономерностей межгосударственных взаимодействий и, не отменяя их значения, лишают их «претензии» на всеобщность во влиянии на человеческие судьбы, на судьбу мира в целом. В этой связи возникает имеющий принципиальное значение вопрос: правомерно ли вообще говорить сегодня о каких-либо действующих в этой сфере закономерностях универсального характера? Думается, что несмотря на всю глубину и значимость происходящих изменений, на него может быть дан утвердительный ответ.

3. Универсальные закономерности международных отношений

Универсальные, или наиболее общие, закономерности, в отличие от закономерностей меньшей степени общности, должны отвечать критериям пространственно-временного и структурно-функционального характера. Это значит, что, во-первых их действие должно касаться не только тех или иных регионов (скажем, наиболее развитых в социально-экономическом отношении, например, Западной Европы, Северной Америки и т.п.), а мира в целом. Во-вторых, они должны наблюдаться и в исторической ретроспективе, и в переживаемый период, а также не исключаться в будущем. В-третьих, они должны охватывать не тех или иных — пусть даже самых значимых сегодня и/или самых «перспективных» с точки зрения обозримого будущего, — а всех участников международных отношений, как и все сферы общественных отношений: экономику, социальную жизнь, идеологию, политику, культуру, религию, хотя проявление таких закономерностей в различных сферах может быть (и чаще всего является) отнюдь не «симметричным».

С учетом сказанного могут быть выделены две основные закономерности, две ведущие тенденции в эволюции взаимодействия социальных общностей на мировой арене. К ним относятся глобализация и фрагментация международных отношений, становление единого, целостного мира и все новые формы его раскола. В определенном смысле можно сказать, что они являются диалектически противоположными

сторонами одной и той же внутренне противоречивой тенденции — роста взаимозависимости' современного мира — и ее проявлений в сфере международных отношений.

Указанные закономерности проявляются, с одной стороны, в интернационализации экономической, социальной, политической и всей общественной жизни, а с другой — в создании и укреплении суверенных государств, развитии национальных общностей и национальных движений, стремящихся к реализации своих интересов вне национально-государственных границ (*Фельдман*. 1992. С. 67—68). Вместе с тем их содержание гораздо шире, поскольку они активно вторгаются в частную жизнь, изменения характера которой с точки зрения ее «выхода» в сферу международных отношений является, по-видимому, одной из наиболее отличительных черт происходящих глобальных изменений. Поэтому их действие касается не только социальных общностей и политических движений, но и конкретных личностей, расширения поля взаимного (и весьма существенного) влияния индивида и международных отношений.

Действие основных закономерностей наблюдается уже в период образования и крушения древних империй, зарождения и распространения мировых религий, формирования национальной государственности в Европе и распространения этого процесса на другие регионы мира, распада государственных империй на самостоятельные политические единицы в преддверии XX в. (Австро-Венгрия, Османская империя и т.п.), бурного процесса институализации международных отношений в нашем столетии и т.д. Одновременно шел процесс расширения обменов между различными общностями, государствами и частными участниками международных отношений (коммерсантами, религиозными организациями, деятелями искусства и культуры), ускоряющийся по мере научно-технического развития.

Новые импульсы указанные процессы получают в точках научно-технических революций, в особенности таких, как промышленная революция на рубеже XVIII—XIX вв., НТР, ведущая свое начало с 1950-х гг., и ее современный этап, характеризующийся бурным развитием микроэлектронных технологий. В результате осуществляющегося сегодня в масштабах планеты перехода от индустриального (а в ряде регионов, — от доиндустриального) общества к постиндустриальному («программируемому», по терминологии А. Турена) происходят коренные изменения в средствах связи и транспорта, в информационных технологиях и коммуникациях, в формах социальной организации и механизмах управления, в экономических и политических структурах и видах вооружений. Все это не может не оказывать влияния на проявление основных закономерностей международных отношений:

Среди наиболее очевидных проявлений основных закономерностей международных отношений следует выделить феномены экономической, социальной и политической интеграции и дезинтеграции, наблюдаемые сегодня практически во всех регионах мира. При этом, несмотря на нередко встречающиеся эйфорию по поводу первой и ламентации по поводу второй, и та, и другая являются объективными процессами, отражающими «бифуркационность» современного состояния мировой цивилизации, стохастический, непредопределенный характер ее развития.

Так, подкрепляемые экономической, технологической, экологической взаимозависимостью, процессы интеграции испытывают и разрушающее их давление со стороны тенденции к возрастанию национальной и культурной самобытности, возврата к истокам, даже поиска социализации в идеалах архаических отношений и реакционных идейно-политических течений.

Представители социологии международных отношений с полным основанием привлекают внимание к тому обстоятельству, что формирование целостного мира сопровождается не только интеграционными процессами, но и создает условия для исключения, отбрасывая на периферию всех, не способных включиться в сети международной взаимосвязи и оказывать влияние на ее направленность (см.: *Badie, Smouts*. 1992. Р. 204—213). Указанное исключение имеет сложный характер и отличается многообразием форм, его механизмы действуют как внутри того или иного общества, так и на мировой арене. В слаборазвитых странах оно отражает углубляющийся разрыв между сельским и городским населением, между новой буржуазией и широкими слоями люмпен-пролетариата. В развитых странах оно ускоряет формирование так называемого четвертого мира, состоящего из иммигрантов и «новых бедных». Поэтому среди последствий усиления целостности мира немалое место занимают процессы депривации, возрастающей зависимости, клиентизации, распространения насилия и т.п. Развитие новейших средств коммуникации, спутниковой связи, видеотехники и т.п. способствует широкому распространению (в известном смысле универсализации) западных идеалов качества жизни, стандартов потребления, индивидуальных ценностей, демократических норм и т.п. В свою очередь, это ведет к возрастанию миграционных потоков в направлении более развитых стран, которые нередко поощряются руководством слаборазвитых государств, как определенное средство хотя бы частичного решения проблем занятости и «валютного голода».

Более подробно эта проблема рассматривается в гл. 15.

Массовая иммиграция ведет к дестабилизации социальных и политических отношений как в принимающих, так и в покидаемых иммигрантами странах, а нередко и к обострению отношений между ними. Одновременно растет разрыв в уровнях развития между богатыми и бедными странами, с одной стороны, а с другой — внутри «третьего мира», мира бедных стран. Окраины разрастающихся мегаполисов «третьего мира» все более заметно превращаются в средоточие растущей нестабильности, благоприятную среду кристаллизации радикальных религиозных и популистских движений (исламского фундаментализма — в арабских странах, радикального индуизма — в Индии, анимистского мессианизма — в Тропической Африке и т.п.). Указанные движения чаще всего принимают явно выраженный антизападный характер, порождая такой, неизвестный ранее феномен, как «дикая дипломатия», которая все более ощутимо затрудняет деятельность официальной дипломатии (см.: Там же. Р. 210).

В свете описанных процессов не столь уж неожиданными выглядят утверждения, согласно которым «время интеграции прошло, в мире начались дезинтеграционные процессы» (*Поздняков. 1992*).

Действительно, дезинтеграция характерна не только для бывшего СССР или происходящего под влиянием его кризиса и распада мирного раздела Чехословакии и кровавого — Югославии. Еще раньше тенденции к «суверенизации» проявились и продолжают наблюдаться сегодня в таких странах, как Турция (курдская проблема), Франция (проблема Корсики), Англия (проблема Северной Ирландии), Испания (проблема баскского сепаратизма). Вылившиеся в погромы этнические волнения в Южной Калифорнии в мае 1992 г. также стали одним из выражений развития процессов обретения различными национальными и расовыми группами собственной идентичности (и, соответственно, противопоставления себя «другим»). Несмотря на решительные меры, предпринимаемые во всех описанных случаях правительствами соответствующих стран, включая применение военной силы, указанные процессы в лучшем случае «загоняются вглубь», адекватного же решения им до сих пор не найдено.

Было бы, однако, неверным абсолютизировать ту или другую из указанных закономерностей. Как показал опыт «перестройки» и «нового мышления», политика, которая делает ставку на одну из них — указывая, например, на тенденцию к возрастающей целостности, взаимозависимости современного мира — при фактически полном игнорировании второй, противоположной ей тенденции, оборачивается тяжелыми ошибками и в конечном итоге поражением. Вот почему совершенно неуместными выглядят как возмущенное удивление по поводу развала СССР, процессов «суверенизации» субъектов Российской Фе-

дерации («Весь мир движется в направлении к интеграции, а мы пытаемся идти против течения»), так и попытки трактовать их в терминах «общественного прогресса» («Развал империи следует рассматривать как позитивное явление, как освобождение народов и реализацию ими естественного права самостоятельно решать собственную судьбу»). Суждения подобного рода грешат упрощением ситуации, ее примитивизацией, а потому вместо прояснения проблемы, уводят в сторону, лишают возможности осмыслить всю ее сложность и полноту. Вот почему не менее серьезной ошибкой, чем игнорирование тенденции к дезинтеграции, была бы односторонняя ориентация только на нее при попытке осмысления современных международных реалий, а тем более — при выработке и проведении в жизнь политических решений. Так, уже сегодня видно, что процессы дезинтеграции бывшего СССР в ряде случаев достигли определенного «предела насыщения». Наблюдается взаимная заинтересованность различных стран СНГ к сотрудничеству, в том числе и в столь решительно отвергавшихся еще недавно институциональных формах. При этом следует подчеркнуть, что существенную роль в интеграционных процессах играют социокультурные факторы. Мы можем и должны объяснять необходимость интеграции потребностями экономического, экологического или любого иного характера. Но мы рискуем ничего не понять в происходящем, если упустим из виду, что, не будучи «освящены» культурой, совокупностью общих ценностей, которым привержены «рядовые» люди, их коллективной исторической памятью, общностью ряда традиций, обычаев, элементов образа жизни и т.п., указанные факторы не могли бы играть той роли, которую они, безусловно, играют в международно-политических процессах.

* . * *

Проблема закономерностей международных отношений остается одной из наименее разработанных и дискуссионных в науке. Это объясняется прежде всего самой спецификой данной сферы общественных отношений, где особенно трудно обнаружить повторяемость тех или иных событий и процессов и где поэтому главными чертами закономерностей являются их относительный, вероятностный, стохастический, преходящий характер. Как частные, так и наиболее общие, универсальные закономерности существуют здесь в виде тенденций, характер проявления которых зависит от множества условий и факторов. В то же время одно из глобальных направлений указанных тенденций, просматривающееся из глубины веков и ведущее к нарастанию взаи-

мозависимости мира, дает основание представить международные отношения в виде целостной системы, функционирование которой зависит как от законов общесистемного характера, так и от особенностей данного типа систем. Рассмотрению этого вопроса и посвящена следующая глава.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с Ильей Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.
2. *Поздняков Э.А.* Россия сегодня и завтра // Международная жизнь. 1993. № 2.
3. *Розену Дж.* Мировая политика в движении. Теория изменений и преемственности: Реферат. М., 1992.
4. *Современные международные отношения.* М., 2000.
5. *Фельдман Д.М.* Закономерности и тенденции в развитии международных отношений // Введение в социологию международных отношений: Учебное пособие/ М., 1992.
6. *Avon R.* Sociologie des relations internationales // Revue francaise de sociologie. 1963. Vol. IV, № 3.
7. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. P., 1992.
8. *Duroselle J.-B.* Tout empire perira. Une vision theorique des relations internationales. P., 1982.
9. *Hunzinger J.* Introduction aux relations internationales. P., 1987.
10. *Moreau Defarges Ph.* Les relations internationales dans le monde d'aujourd'hui. Entre globalisation et fragmentation. P., 1992.
11. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theorie of Change and Continuity. Princeton, 1990.
12. *Rassett B., Starr H.* World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981.
13. *Samuel A.* Nouveau paysage international. P., 1990.

ГЛАВА 4

Традиции, парадигмы и споры в ТМО

Международные отношения — составная часть науки, включающей дипломатическую историю, международное право, мировую экономику, военную стратегию и множество других дисциплин, которые изучают различные аспекты единого для них объекта. Особое значение имеет для нее «теория международных отношений», под которой в данном случае мы понимаем совокупность множественных концептуальных обобщений, представляющих полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно автономной дисциплины. В этом смысле «теория международных отношений», как подчеркивает Стэнли Хоффманн {*Hoffmann*. 1961. Р. 26—27), является очень старой и, одновременно, очень молодой. Уже в древние времена политическая философия и история ставили вопросы о причинах конфликтов и войн, о средствах и способах достижения порядка и мира между народами, о правилах их взаимодействия и т.п. Но к систематическому изучению наблюдаемых феноменов, призванному выявить основные детерминанты, объяснить поведение, раскрыть типичное, повторяющееся во взаимодействии международных акторов, она приступила в межвоенный период первой половины XX в. И лишь в 1950—1960-е гг. «теория международных отношений» начинает действительно освобождаться от «удушения» историей и от «задавленности» юридической наукой. Фактически в этот же период предпринимаются и первые попытки ее «социологизации», которые довольно быстро приводят к становлению (впрочем, продолжающемуся и в наши дни) социологии международных отношений как относительно самостоятельной дисциплины. В 1970-е гг. уверенно заявляет о себе еще одно бурно развивающееся в наши дни направление международно-политической науки — международная политическая экономия. Одновременно в рамках теории международных отношений развертываются сменяющие друг друга дискуссии, касающиеся ее главных проблем. Известный английский ученый Стив Смит описывает десять таких дискуссий, в основе которых лежат разные взгляды на предмет и объект исследования и которые предлагают разное видение того, что он называет «самопредставлением международной теории» {*Smith*. 1995).

В данной связи следует обратить внимание на то, что одной из особенностей международно-политической науки является свойственное ей многообразие концептуальных построений, соперничающих между собой аналитических школ и конкурирующих теоретических представлений. Такое положение вещей порождает в качестве важной эпистемологической проблемы международно-политической науки *проблему классификации существующих в ее рамках различных теорий международных отношений*. Разработано множество таких классификаций, что объясняется различиями в критериях, которые используются теми или иными авторами.

¹ Эпистемология — исследование внешних и внутренних источников производства науки, ее логики, ее *самоценности* и общественной роли.

Так, одни из них исходят из географических критериев, выделяя англосаксонские концепции, советское и китайское понимание международных отношений, а также подход к их изучению авторов, представляющих «третий мир» {*Martin*. 1982}.

Другие строят свою типологию на основе степени общности рассматриваемых теорий, различая, например, глобальные экспликативные теории (такие, как политический реализм и философия истории) и частные гипотезы и методы (к которым относят бихевиористскую школу). В рамках подобной типологии швейцарский автор Филипп Брайар относит политический реализм, историческую социологию и марксистско-ленинскую концепцию международных отношений к общим теориям (*Brailard*. 1977). Что касается частных теорий, то к ним причисляют теорию международных акторов (Багат Корани); теорию взаимодействий в рамках Международных систем (Джордж Модельски, Самир Амин; Карл Кайзер); теорию стратегии, конфликтов и исследования мира (Лю-сьен Пуарье, Дэвид Сингер, Йохан Галтунг); теорию интеграции (Амитаи Этциони; Карл Дойч); теорию международной организации (Йнис Клод; Жан Сиотис; Эрнст Хаас) (*Bo.sc*. 1961).

Третьи считают, что главной линией раздела является метод, используемый теми или иными исследователями, и, с этой точки зрения, основное внимание уделяют полемике между представителями традиционного и «научного» подходов к анализу международных отношений (*Bull*. 1966; *Kaplan*. 1966).

Четвертые типологизируют по центральным проблемам, характерным для той или иной теории, выделяя магистральные и переломные линии в развитии науки (*Гантман*. 1976).

Пятые опираются на комплексные критерии. Так, канадский ученый Багат Корани выстраивает типологию теорий международных отношений на основе используемых ими методов («классические» и «модернистские») и концептуального видения мира («либерально-плюралистическое» и «материалистическо-структуралистское»). В итоге он выделяет такие направления, как политический реализм (Г. Моргейтау; Р. Арон; Х. Бул), бихевиоризм (Д. Сингер; М. Каплан), классический марксизм (К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин) и неомарксизм (или школа «зависимости») (И. Валлерстайн; С. Амин; А. Франк; Ф. Кардозо) (*Kogany*. 1987). Даниель Коляр акцентирует внимание на классической теории «естественного состояния» (т.е. политическом реализме); теории «международного сообщества» (или политическом идеализме); марксистском идеологическом течении и его многочисленных интерпретациях; доктринальном англосаксонском течении, а также па французской школе международных отношений (*Colard*. 1987). Марсель Мсрль считает, что основные направления в современной науке о международных отношениях представлены традиционалистами — наследниками классической школы (Ганс Моргейтау; Стэнли Хоффманн; Генри Киссинджер); англосаксонскими социологическими концепциями бихевиоризма и функционализма (Роберт Кокс; Дэвид Сингер; Мортон Каплан; Дэвид Истон); марксистским и неомарксистским и (Пол Баран; Пол Суизи; Самир Амин) течениями (*Merle*. 1974).

Существует также позиция, в соответствии с которой теории международно-политической науки, а следовательно, и их сторонников можно разделить на три большие группы: реалистов (сторонников взглядов Т. Гоббса, рассматривающих международную политику как состояние войны), универсалистов (разделяющих точку зрения И. Канта о становлении единого человеческого сообщества), интернационалистов (приверженцев позиций Г. Гроция, рассматривающих международную политику в контексте международного общества) (*Булл*. 1997).

¹ В данном случае Х. Булл фактически воспроизводит позицию Мартина Уайта о «трех Р», которой мы коснемся ниже.

Наконец, еще одна точка зрения состоит в том, что теория международных отношений представляет собой достаточно целостную и логичную дисциплину, преодолевающую в наши дни присущее ей ранее противоборство и взаимное неприятие трех макро методологических подходов: христианско-нормативного, атеистически-марксистского и христианско-позитивистского. В настоящее время, согласно этой позиции, такое противоборство уступает место осознанной взаимодополняемости и слиянию указанных подходов в единый евроатлантический мыслительный комплекс (Косолапов. 1998. С. 2),

Примеры различных классификаций современных теорий международных отношений можно было бы продолжить, тем более что только за последнее десятилетие в международно-политической науке появился целый ряд новых направлений и концепций. Важно, однако, отметить, что при всей очевидной пестроте концептуальных подходов относительная устойчивость присуща ограниченному числу основных парадигм международно-политической науки. При этом каждая из них связана с определенными мыслительными традициями, имеющими глубокие исторические корни.

Сказанное означает, что анализ современного состояния международно-политической науки предполагает рассмотрение существующих в ее рамках традиций, парадигм и теорий.

1. Традиции: международные отношения в истории социально-политической мысли

Теоретические традиции в той или иной науке связаны с кропотливым накоплением данных наблюдения и исследования определенного явления или совокупности явлений, представляющих собой ее объект. Они формируются в процессе длительного исторического опыта, который подводит к выводам о том, какие проблемы следует считать принципиально важными и как они должны решаться (см. об этом: Doyle. 1997).

Как верно отмечает Н.А. Косолапов, «многочисленные наблюдения, понятия, попытки концептуализации, относящиеся к явлениям международной жизни, в изобилии раскиданы по всей дошедшей до нас литературе — от Библии и трудов философов античности до Средневековья» (Косолапов. 1998. С. 83). Специалисты (это направление международно-политической науки возникло относительно недавно) истории теории международных отношений привлекают внимание к тому вкладу, который внесли в ее становление Фукидид и Цицерон, Эмер фон Ваттель и Томас Гоббс, Джон Локк и Гуго Гроций, Дэвид Юм и Иммануил Кант и другие крупнейшие мыслители в истории человечества (см., например: Knutsen. 1992).

Одним из первых письменных источников, содержащих глубокий анализ отношений между суверенными политическими единицами, стала написанная более двух тысяч лет назад Фукидидом (471—401 до н.э.) «История Пелопоннесской войны в восьми книгах». Многие положения и выводы древнегреческого историка не утратили своего зна-

чения до наших дней, тем самым оправдав его надежды, что труд этот станет «достоянием навеки», что «его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь достаточно ясное представление о минувшем, могущем по свойству человеческой природы повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде» (Фукидид. 1915. Т. I, I, 22, 4). Задавшись вопросом о причинах многолетней и изнурительной войны между афинянами и лакедемонянами, античный историк обращает внимание на то, что это были наиболее могущественные и процветающие народы, каждый из которых главенствовал над своими союзниками. При этом он подчеркивал, что «...со времени Персидских войн и до этой, войны афиняне и лакедемоняне постоянно то заключали союз, то воевали или между собою, или с отпадавшими от них союзниками; при этом они усовершенствовались в военном деле, изощрясь среди опасностей, и приобрели большой опыт» (там же. Т. I, I, 18, 3). Поскольку оба могущественных государства превратились в своего рода империи, усиление одного из них как бы обрекало их на продолжение этого пути, подталкивало к стремлению подчинить себе все свое окружение, с тем чтобы поддержать свой престиж и влияние. В свою очередь, другая «империя», так же как и менее крупные города-государства, испытывая растущие страх и беспокойство перед таким усилением, принимают меры к укреплению своей обороны. Тем самым государства втягивались в конфликтный цикл, который в конечном итоге неизбежно выливается в войну. Вот почему Фукидид с самого начала отделяет причины Пелопоннесской войны от многообразных поводов к ней: «Истиннейший повод, хотя на словах и более скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну» (там же. Т. I, I, 23, 5). «Лакедемоняне признали, что мир нарушен и что необходимо начать войну не столько под влиянием речей союзников, сколько из страха перед афинянами, опасаясь дальнейшего роста их могущества...» (там же. Т. I, I, 88).

Древнегреческий историк настаивает на том, что в конфликте между двумя политическими единицами главным и наиболее убедительным аргументом может быть только сила. Так, рассчитывая склонить лакедемонян скорее к сохранению мира, чем к войне, «афинские послы желали дать понять, как велико могущество их государства...» (там же. Т. I, I, 72). Оправдывая же это могущество и ту власть, которую оно давало им над другими государствами, они заявляли: «Не мы первые ввели такой порядок, а он существует искони, именно что более слабый сдерживается более сильным» (там же. Т. I, I, 76, 3). Вместе с тем, по мнению Фукидида, сила и могущество государства — это не самоцель. Они служат лишь основными инструментами в отстаивании

интересов государства, его чести (престижа) и его безопасности. «Мы вынуждены были, — говорят афиняне, — довести нашу власть до теперешнего состояния прежде всего самим стечением обстоятельств, больше всего из страха перед персами, потом из чувства чести, наконец, ради наших интересов» (там же. Т. I, I, 75, 3).

Очевидно, что Фукидид отнюдь не является апологетом насилия, он лишь с сожалением констатирует его неизбежность, коренящуюся в самой природе человека, самые низменные черты которого проявляются в экстремальных ситуациях. Именно так в эпоху междоусобной брани и войн, охвативших современную историку Элладу, «человеческая природа, которой свойственно впадать в преступления, вопреки законам, взяла верх над последними и с наслаждением проявляла себя, господствуя над правом и враждуя с лицами, имеющими превосходство» (там же. Т. I, III, 84, 2). Фукидид не отрицает пользы и необходимости правовых норм во взаимодействии между государствами, однако отмечает, что в условиях конфликта «при правдивой оценке... право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает» (там же. V, 89). Что касается морали, то в межгосударственных отношениях высшим проявлением нравственности может выступать лишь умеренность в использовании силы (см. там же. Т. I, I, 76, 3—4). Поэтому в конечном итоге, «преуспевает всего больше тот, кто не уступает равному себе, кто хорошо относится к более сильному, кто по отношению к более слабому проявляет умеренность» (там же. Т. II, V, 111, 4).

Объективность и глубина анализа описываемых им событий способствовали тому, что, предвосхитив многие положения последующего развития теории международных отношений, Фукидид стал, в известном смысле, родоначальником одной из наиболее влиятельных традиций, существующей в современной международно-политической науке.

В дальнейшем эта традиция, получившая название *классической*, была представлена во взглядах Никколо Макиавелли (1469—1527), Томаса Гоббса (1588-1679), Эмерика де Ваттеля (1714-1767) и других мыслителей, приобретя в XVIII в. наиболее законченную форму в Работе немецкого генерала Карла фон Клаузевица (1780—1831).

Так, Т. Гоббс исходит из того, что человек по своей природе — существо эгоистическое. В нем скрыто непреходящее желание власти. Поскольку же люди от природы не равны в своих способностях, постольку их соперничество, взаимное недоверие, стремление к обладанию материальными благами, престижем или славой ведут к постоянной «войне всех против всех и каждого против каждого» — войне, ко-^орая представляет собой *естественное состояние* человеческих

взаимоотношений. Стремясь избежать взаимного истребления в этой войне, люди приходят к необходимости заключения общественного договора, результатом которого, становится государство-Левиафан. Это происходит путем добровольной передачи людьми государству своих прав и свобод в обмен на гарантии общественного порядка, мира и безопасности. Однако если отношения между отдельными людьми вводятся таким образом в русло пусть искусственного и относительного, но все же *гражданского состояния*, то отношения между государствами продолжают пребывать в естественном состоянии. Будучи независимыми, государства не связаны никакими ограничениями. Каждому из них принадлежит то, что оно в состоянии захватить, и до тех пор, пока оно способно удерживать захваченное. Единственным «регулятором» межгосударственных отношений является, таким образом, сила, а сами участники этих отношений находятся в положении гладиаторов, держащих наготове оружие и настороженно следящих за поведением друг друга (Гоббс. 1991. С. 129—134).

Разновидностью этой традиции стала и *теория политического равновесия*, которой придерживались, например, голландский мыслитель Барух Спиноза (1632—1677), английский философ Дэвид Юм (1711—1776) и упоминавшийся выше швейцарский юрист Эмерик де Ваттель. В отличие от Гоббса, де Ваттель смотрит на существо межгосударственных отношений не столь мрачно. Мир изменился, считает он, и по крайней мере «Европа представляет собой политическую систему, некоторое целое, в котором все связано с отношениями и различными интересами наций, живущих в этой части света. Она не является, как некогда была, беспорядочным нагромождением отдельных частиц, каждая из которых считала себя мало заинтересованной в судьбе других и редко заботилась о том, что не касалось ее непосредственно». Постоянное внимание суверенов ко всему, что происходит в Европе, постоянное пребывание посольств, постоянные переговоры способствуют формированию у независимых европейских государств, наряду с национальными, еще и общих интересов — интересов поддержания в ней порядка и свободы. «Именно это, — подчеркивает де Ваттель, — породило знаменитую идею политического равновесия, равновесия власти. Под этим понимают такой порядок вещей, при котором ни одна держава не в состоянии абсолютно преобладать над другими и устанавливать для них законы» (Ваттель. 1960. С. 451).

В то же время Э. де Ваттель в полном соответствии с классической традицией считал, что по сравнению с интересами нации (государства) интересы частных лиц вторичны. Вместе с тем он утверждал, что «если речь идет о спасении государства, то нельзя быть излишне предусмотрительным». «Если так легко верят в угрозу опасности, то виноват в

этом сосед, показывающий разные признаки своих честолюбивых намерений» (там же. С. 448). Это означает, что превентивная война против опасно возмущающегося соседа законна и справедлива. Но как быть, если силы соседа намного превосходят силы других государств? В этом случае, отвечает де Ваттель, «проще, удобнее и правильнее прибегать к ...образованию коалиций, которые могли бы противостоять самому могущественному государству и препятствовать ему диктовать свою волю. Так поступают в настоящее время суверены Европы. Они присоединяются к слабейшей из двух главных держав, которые являются естественными соперницами, предназначенными сдерживать друг друга, в качестве довесков на менее нагруженную чашу весов, чтобы удержать ее в равновесии с другой чашей» (там же. С. 451).

В XIX в. классическая традиция наиболее полно и последовательно нашла свое воплощение во взглядах немецкого генерала Карла фон Клаузевица в его книге «О войне». Во-первых, в этом не оставляет сомнения центральная тема работы. Во-вторых, Клаузевиц не только считает аксиомой тезис о том, что международные отношения суть отношения между государствами, но и саму политику трактует как единую, целостную стратегическую линию государства по отношению к внешнему миру, не уставая при этом повторять, что война — всего лишь орудие политики, ее инструмент. Исходя из этого, он утверждал: «Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, являются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войной». И каким бы сильным ни было воздействие военных соображений на намерения и направление политики, следует всегда помнить, что именно «политическое намерение является целью, война же только средством, и никогда нельзя мыслить средство без цели» {Клаузевиц. 1996. С. 55—56}.

В-третьих, Клаузевица не интересуют перипетии внутривойсковых батальонных действий, для него это не более чем нюансы, не ставящие под сомнение приоритет внешнеполитических задач государства. «Можно согласиться, — пишет он, — с тем, что целью политики является унификация и согласование всех аспектов деятельности внутренней администрации, а также духовных ценностей и иного, что мог бы добавить к этому специалист по этике. Разумеется, политика сама по себе — ничто. Она лишь выразитель всех этих интересов перед лицом внешнего мира» (Clausewitz. 1984. Р. 607). Наконец, в-четвертых, следуя в Русле классической традиции и одновременно предвосхищая ее дальнейшее развитие и формирование теории политического реализма, Клаузевиц полагал, что в основе политики лежит постоянство человеческой природы, и поэтому она может быть осмыслена в рациональных

терминах и спланирована на основе определенных законов. Международную обстановку позволяют понять элементы, совокупность которых может быть представлена в виде относительно целостной «троицы». Это, во-первых, природные факторы, включающие в себя естественное насилие, ненависть и вражду. Во-вторых, это человеческая воля, свобода которой чрезвычайно важна и в то же время ограничена рамками естественных законов и игры случая. В-третьих, политика, как выражение рационального подхода к двум первым элементам. Таким образом, война «представляет собой странную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной *душевной деятельностью*; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется *простому рассудку*» (Клаузевиц. 1996. С. 58).

Параллельно с классической формируется и другая традиция, которую в Европе связывают с философией стоиков, развитием христианства, взглядами испанского теолога-доминиканца Франциско де Витория (1480—1546), голландского юриста Гуго Гроция (1583—1645), представителя немецкой классической философии Иммануила Канта (1724—1804) и других мыслителей. В ее основе лежит идея о моральном и политическом единстве человеческого рода, а также о неотъемлемых, естественных правах человека. В разные эпохи, разными мыслителями эта идея облекалась в различные формы.

Так, в трактовке Ф. Витории (см. об этом: Краткий очерк... 1993. С. 8-9; Пикте. 1997. С. 27-28; Huntzinger. 1987. Р. 30) приоритет в отношениях человека с государством принадлежит человеку, государство же — не более чем простая необходимость, облегчающая проблему выживания человека. В конечном счете единство человеческого рода делает вторичным и искусственным любое разделение его на отдельные государства. Нормальным, естественным правом человека является его право на свободное передвижение. Иначе говоря, естественные права человека Витория ставит выше прерогатив государства, тем самым предвосхищая и даже опережая современную либерально-демократическую трактовку данного вопроса.

Сторонники рассматриваемой традиции убеждены в возможности достижения вечного мира между людьми — либо путем правового и морального регулирования международных отношений, либо иными путями, связанными с самореализацией исторической необходимости. По Канту, например, подобно тому, как основания в противоречиях и корысти отношения между отдельными людьми в конечном счете неизбежно приведут к установлению правового общества, так и отно-

шения между государствами должны смениться в будущем состоянием вечного, гармонически регулируемого мира (*Кант*. 1966). Представители этой традиции исходят не столько из сущего, сколько из должного, опираясь на соответствующие философские идеи, и апеллируют к моральным и правовым аргументам, отстаивая неотъемлемые права личности, поэтому за ней закрепилось название *либерально-идеалистической*.

В рамках данной традиции между линией Канта и Витория, с одной стороны, и линией Гроция — с другой, есть одно существенно важное различие. Речь идет о том, что М. Уайт назвал различием между революционаризмом и рационализмом. Сторонники революционаризма настаивают на приоритете моральных норм и неотъемлемых и вечных, а потому естественных прав человека: «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти», — утверждал И. Кант (*Кант*. 1966. С. 302). Поэтому, по его мнению, «политические максимы, какие бы ни были от этого физические последствия, должны исходить не из благополучия и счастья каждого государства, ожидаемых от их соблюдения, следовательно, не из цели, которую ставит перед собой каждое из этих государств (не из желания), как высшего (но эмпирического) принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга, принцип которого дан *apriori* чистым разумом» (там же. С. 300).

Сторонники рационализма подчеркивают значение правовых норм, разработанных и принятых государствами в процессе их общения. Базируясь на общечеловеческих нравственных универсалиях и неотъемлемых правах и свободах личности и представляя собой их кодификацию, эти нормы вместе с тем отражают сложившиеся в практике межгосударственных отношений подходы к вопросам войны и мира, не подлежат пересмотру в произвольном порядке и не допускают их нарушения без серьезных последствий для международного порядка и стабильности. Указанное различие, как мы увидим в дальнейшем, приобретает исключительную важность в свете проблемы так называемого гуманитарного вмешательства и концепции кооперативной безопасности.

Возникновение в середине XIX в. *марксизма* обусловило появление еще одной традиции во взглядах на международные отношения, которая не сводится ни к классической, ни к либерально-идеалистической традициям. Согласно К. Марксу, всемирная история начинается с капитализма, ибо основой капиталистического способа производства является крупная промышленность, создающая единый мировой рынок, развитие средств связи и транспорта. Буржуазия путем эксплуатации мирового рынка превращает производство и потребление всех стран в

космополитическое и становится господствующим классом не только в отдельных капиталистических государствах, но и в масштабах всего мира. Но «в той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, развивается и пролетариат» (*Маркс и Энгельс*. Т. 4. С. 430). Международные отношения в экономическом плане становятся отношениями эксплуатации. В плане же политическом они становятся отношениями господства и подчинения и, как следствие, отношениями классовой борьбы и революций. Тем самым национальный суверенитет, государственные интересы вторичны, ибо объективные законы способствуют становлению всемирного общества, в котором господствует капиталистическая экономика и движущей силой которого является классовая борьба и всемирно-историческая миссия пролетариата. «Национальная обособленность и противоположность народов, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни» (там же. С. 444).

В свою очередь, В.И. Ленин подчеркивал, что капитализм, вступив в государственно-монополистическую стадию своего развития, трансформировался в империализм. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (*Ленин*. Т. 27) он пишет, что с завершением эпохи политического раздела мира между империалистическими государствами на передний план выступает проблема его экономического раздела между монополиями. Монополии сталкиваются с постоянно обостряющейся проблемой рынков и необходимостью экспорта капитала в менее развитые страны с более высокой нормой прибыли. Поскольку же они сталкиваются при этом в жестокой конкуренции друг с другом, постольку указанная необходимость становится источником мировых политических кризисов, войн и революций.

Рассмотренные основные теоретические традиции в науке о международных отношениях — классическая, либерально-идеалистическая и марксистская — во многом остаются актуальными и сегодня. Несмотря на то что конституирование международно-политической теории в относительно самостоятельную область знания повлекло за собой значительное увеличение многообразия теоретических подходов и методов изучения, исследовательских школ и концептуальных направлений, основные проблемы данной науки отражаются в ее главных парадигмах. Остановимся на них несколько подробнее.

2. «Канонические» парадигмы: основные положения

Под парадигмой понимается совокупность ряда общих допущений, разделяемых научным сообществом или его частью, на которые в дальнейшем ориентируются теоретические и эмпирические исследования¹. Следует подчеркнуть, что теории, производные от той или иной парадигмы, нередко отличаются одна от другой и могут соперничать друг с другом, в том числе и в рамках одной и той же парадигмы. Однако, в отличие от соперничества теорий, соперничество парадигм касается именно ключевых вопросов — вопросов подхода к изучению объекта науки и ее основных проблем. С теми или иными нюансами, представители разных парадигм исходят из разных подходов и выделяют в качестве основных разные проблемы, подлежащие научному рассмотрению. Число таких парадигм, как правило, достаточно невелико. В международных отношениях специалисты выделяют несколько парадигм. Однако зачастую их позиции относительно как содержания таких парадигм и, соответственно, их числа и наименования, так и отнесения тех или иных теорий к определенной из парадигм не совпадают. Вместе с тем в научном сообществе специалистов, занимающихся теориями международных отношений, нет разногласий по поводу исходных, «базовых» парадигм, связанных с названными теоретическими традициями. Это либерально-идеалистическая парадигма, парадигма политического реализма и марксистская или социалистическая парадигма (см., например: *Dorff*. 1996; *Doyle*. 1997; *Vennesson*. 1998). На основе этих «канонических»³ парадигм во многом строятся различные, в том числе и самые современные, теории международных отношений. Ниже мы рассмотрим, по необходимости достаточно кратко, ключевые положения как «канонических» парадигм, так и их более поздние варианты. Эти положения могут быть сгруппированы на основе разной

¹ Таково наиболее распространенное понимание этого термина на сегодняшний день. Вместе с тем следует отметить, неоднозначность данного понятия, в содержание которого разные исследователи нередко вкладывают несовпадающие значения. Вытекающая из этого факта методологическая трудность заложена уже самим автором термина — 1- Кун (см.: *Kun*. 1970). Как подчитала Маргарет Мастерман (*Maslerman M. The nature of a paradigm*. In *Lacatos and Musgrave*. 1970), в своей работе Кун двадцать один раз использует термин «парадигма» в разных значениях. Вторая проблема, на которую обращает внимание М. Смит, состоит в том, что Кун рассматривает только «подлинные» или «зрелые» науки, социальные же дисциплины относит к «протонаукам» или искусству (*Smith*. 1995. P. 15).

Более того, встречается и отождествление парадигм с историческими традициями, поэтому «разведение» данных понятий, предложенное выше, носит, конечно, довольно условный характер и предпринято в учебных целях.

Термин-принадлежит Майклу Дойло: см. *Doyle*. 1997.

интерпретации следующих вопросов международно-политической науки. 1) Кто является главными действующими лицами (акторами) международных отношений? 2) В чем состоит специфика (природа) этих отношений? 3) Что представляют собой основные международные процессы? 4) Какие главные цели преследуют участники международных отношений? 5) Каковы основные средства их достижения? 6) Как может выглядеть будущее международных отношений? Кроме того, «канонические» парадигмы исходят из разных аналитических предпосылок.

Либерально-идеалистическая парадигма

Теоретическое наследие Фукидида, Макиавелли, Гоббса, де Ваттеля и Клаузевица, с одной стороны, Витория, Гроция, Канта — с другой, нашло свое непосредственное отражение в крупной научной дискуссии, которая возникла в США в период между двумя мировыми войнами, дискуссии между реалистами и идеалистами.

Идеализм в современной науке о международных отношениях имеет и более близкие идейно-теоретические истоки, в качестве которых выступают утопический социализм, либерализм и пацифизм XIX в. В политической практике идеализм нашел свое воплощение в разработанной после Первой мировой войны американским президентом Вудро Вильсоном программе создания Лиги Наций (*Вильсон*, 1997), в Пакте Бриана — Келлога (1928), предусматривающем отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, а также в доктрине Стаймсона (1932), по которой США отказываются от дипломатического признания любого изменения, если оно достигнуто при помощи силы. В послевоенные годы идеалистическая традиция нашла определенное воплощение в деятельности таких американских политиков, как госсекретарь Джон Ф. Даллес и госсекретарь Збигнев Бжезинский (представляющий, впрочем, не только политическую, но и академическую элиту своей страны), президент Джимми Картер (1976—1980) и президент Джордж Буш (1988—1992). В научной литературе она была представлена, в частности, книгой таких американских авторов, как Р. Кларк и Л.Б. Сон «Достижение мира через мировое право» (*Clark & Sohn*. 1966).

¹ Иногда идеализм (во многих изданных на Западе учебниках по международным отношениям он не рассматривается как самостоятельное теоретическое направление либо служит не более чем «критическим фоном» при анализе политического реализма и других теоретических направлений) квалифицируется как *утопизм* (см., например: *Can E.L. The Twenty Years of Crisis. 1919-1939. L., 1956.*

Ключевые положения либерально-идеалистической парадигмы выглядят следующим образом.

1. Участники международных отношений представляют собой достаточно широкий круг акторов, в который входят не только государства, но и международные правительственные и неправительственные организации, общественные объединения и группы, частные предприятия и даже отдельные лица. Более того, идеалисты настаивают на том, что государство не может рассматриваться как рациональный и унитарный актор. Международная политика государства есть равнодействующая постоянной борьбы, согласования и компромисса интересов бюрократической иерархии и отдельных властных структур, гражданской и военной систем общества, различных политических партий и движений, неполитических ассоциаций и профессиональных групп и т.п. (*Allison. 1969*).

2. Отсутствие верховной власти в международных отношениях не означает фатальной неизбежности господства в них принципа «помоги себе сам». Создание и расширение полномочий международных организаций, совершенствование норм международного права, демократизация международных отношений, распространение на них универсальных норм нравственности и справедливости — делает вполне возможным равноправное участие в международной политике не только великих держав, но и других государств, а также негосударственных акторов. Таким образом, либералы признают лишь один аспект анархии международных отношений и отрицают другой. Более того, они лишь частично согласны с тезисом об отсутствии в международных отношениях центральной власти, наделенной полномочиями принятия решений, обязательных для неуклонного выполнения всеми акторами.

3. Международные процессы многообразны, и международные отношения не могут быть сведены только к состоянию мира и войны, или даже к сотрудничеству и конфликтам. Все это имеет место, причем при все более доминирующей роли международного сотрудничества. Но если представить международные процессы в обобщенном виде как доминирующую тенденцию, то следует говорить о возрастающей взаимозависимости и формировании единого мирового сообщества, сталкивающегося с общими проблемами и потому имеющего общие интересы.

4. Плюрализм международных акторов предполагает и плюрализм их целей. В то же время в этом многообразии все более явственно просматривается единство — приоритет общечеловеческих ценностей и универсальных демократических принципов, на основе которых сле-

дует двигаться к формированию нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

5. Согласно либерально-идеалистической парадигме, мировое сообщество демократических государств, при поддержке и давлении общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между своими членами конфликты мирным путем, методами правового регулирования, увеличения числа и роли международных организаций, способствующих расширению взаимовыгодного сотрудничества и обмена. Одна из ее приоритетных тем — это создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики, системы, которая позволит покончить с мировыми войнами и вооруженными конфликтами между государствами (см., например: *Clark & Sohn*. 1966).

6. Результатом изменений, происходящих в международных отношениях, станет окончательное преодоление их анархической природы и возникновение единого общемирового сообщества, в котором будет покончено с войнами и вооруженными конфликтами. Не исключается и создание мирового правительства, руководимого ООН и действующего на основе детально разработанной мировой конституции. Подобные идеи можно встретить в ряде работ как американских (см., например: *Clark & Sohn*. 1966), так и европейских (*Gerar*. 1971) авторов. Идея мирового правительства высказывалась и в папских энцикликах: Иоанна XXIII — «*Pacem in terris*» от 16 апреля 1963 г., Павла VI — «*Populorum progressio*» от 26 марта 1967 г., а также Иоанна-Павла II — от 2 декабря 1980 г., который и сегодня выступает за создание «политической власти, наделенной универсальной компетенцией».

7. Вышеприведенные положения свидетельствуют о том, что исходным принципом анализа международных отношений в рамках либерально-идеалистической парадигмы выступают универсальные ценности и идеалы демократии.

Идеалистическая парадигма, существовавшая в истории международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние и в наши дни. Это влияние просматривается и в тех практических шагах, которые предпринимаются мировым сообществом по демократизации и гуманизации международных отношений, и в стратегии нового мирового порядка, ставшей основой внешнеполитической линии США после холодной войны, и в вызывающей не менее острые идейные и политические разногласия концепции кооперативной безопасности.

¹ Изложение и анализ основных положений этой концепции см. далее.

В то же время следует отметить, что идеализм в течение длительного времени считался утратившим всякое влияние и уж во всяком случае противоречащим требованиям меняющейся международной политики и даже опасным для нее по своим последствиям. В 1930-е гг. лежащий в его основе нормативистский подход оказался глубоко подорванным вследствие нарастания напряженности в Европе, агрессивной политики фашизма и краха Лиги Наций, развязывания мирового конфликта 1939—1945 гг. Значительный урон либерально-идеалистической парадигме нанесла «холодная война» в последующие десятилетия. Результатом стало возрождение на американской почве европейской классической традиции с присущим ей выдвижением на передний план в анализе международных отношений таких понятий, как «сила» и «баланс сил», «национальный интерес» и «конфликт».

Политический реализм

Политический реализм не только подверг идеализм сокрушительной критике, указав, в частности, на то обстоятельство, что идеалистические иллюзии государственных деятелей того времени в немалой степени способствовали развязыванию Второй мировой войны, но и предложил достаточно стройную теорию. Ее наиболее известные представители — Рейнхольд Нибур, Фредерик Шуман, Джордж Кеннан, Джордж Шварценбергер, Кеннет Томпсон, Генри Киссинджер, Эдвард Карр, Арнольд Уолферс и др. — надолго определили пути науки о международных отношениях. Бесспорными лидерами этого направления стали Ганс Моргентау и Реймон Арон. Так, работа Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» (см.: *Morgenthau*. 1961), первое издание которой увидело свет в 1948 г., стала своего рода «библией» для многих поколений студентов-политологов как в самих США, так и в других странах Запада.

Общими для представителей политического реализма являются следующие ключевые положения парадигмального характера.

1. Главными участниками международных отношений являются суверенные государства. При этом государства рассматриваются как рационально действующие однородные политические организмы, унитарные образования, которые проводят единую политику в отношении Других государств — участников международных отношений. Только государства, через представляющие их правительства, имеют легитимные основания и располагают необходимыми ресурсами для заключения договоров, объявления войн и других действий, составляющих суть международной политики. Причем речь идет не обо ВСЕХ государ-

ствах, а только о наиболее крупных, конфликтные или кооперативные отношения между которыми и составляют существо международной политики. Как подчеркивал Ганс Моргентау, «не все государства одинаково вовлечены в международную политику... отношение государства к международной политике является динамическим качеством. Оно изменяется вместе с изменением силы государства, которая может выдвинуть его на передний край в международной политике, а может лишить его возможности активно действовать на международной арене» (*Morgenthau*. 1961. Р. 28). Вслед за Фукидидом реалисты считают, что сильные государства делают то, что они могут, а слабые — то, что им позволяют сильные. Любое состояние международных отношений зависит от взаимодействий между немногочисленными великими державами. Заключая друг с другом союзы и коалиции, вступая в войну или иного рода конфликты, великие державы могут приносить в жертву позиции и интересы малых стран. Политических реалистов не смущают несоответствия подобной позиции универсальным нравственным идеалам. По их мнению, только усилиями крупнейших и наиболее мощных участников международных отношений могут быть сохранены (если великим державам удастся согласовать собственные интересы) или нарушены (если они не сумеют достичь согласия) международная стабильность и мировой порядок (см.: *Киссинджер*. 1997).

2. Специфика международных отношений состоит в том, что они носят анархичный характер. Каждый участник руководствуется в своих действиях прежде всего своими собственными интересами. «Национальные интересы» — главная категория теории политического реализма, основной побудительный мотив и ключевой стимул политики государства на международной арене. В международных отношениях отсутствует верховная власть, которая обладала бы монополией на легитимное насилие. Поэтому основным принципом поведения государств на мировой арене является принцип «помоги себе сам».

3. Действующее в анархической среде на основе собственных интересов государство неизбежно сталкивается с тем, что его интересы вступают в противоречия с интересами других государств — участников международных отношений. Отсюда следует, что главным международным процессом, достойным внимания теории политического реализма, является межгосударственный конфликт и крайняя форма его проявления — война. Специфика международных отношений, по утверждению Р. Арона, состоит в том, что они «развертываются в тени войны» (*Agon*. 1982). Реалисты признают, что конфликты не являются единственным видом международных процессов, однако подчеркивают вторичную роль сотрудничества по отношению к конфликтам. С их точки зрения, первостепенным видом международного сотрудничества

остаются военные и военно-политические союзы и альянсы, заключаемые государствами в целях совместной обороны (*Wolfers*. 1962). Что же касается состояния мира между государствами, то оно в известном смысле является идеальным, ибо всегда, даже когда удастся добиться длительной стабилизации международных отношений, имеет временный характер.

4. Анархический характер международных отношений предполагает, что они полны опасностей и угроз для государственных интересов. Вот почему основная цель государства в международной политике — обеспечение собственной безопасности. Естественно, великие державы обладают для этого большими ресурсами, чем все остальные. Однако и они никогда не могут чувствовать себя в безопасности и постоянно стремятся к наращиванию собственных ресурсов и совершенствованию их качества. Подобное наращивание является причиной существования в международных отношениях неразрешимой «дилеммы без опасности», выражающейся в том, что чем большей безопасности добивается для себя одна из великих держав, тем меньше ее у других. Тем самым международные отношения уподобляются игре с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны означает прямо пропорциональный проигрыш другой.

При этом важнейшим совокупным ресурсом государства выступает власть, которая понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей. Но главным признаком власти является способность контролировать поведение других участников международных отношений. В этой связи Г. Моргентау прямо указывает на то, что «международная политика, как и политика в целом, является борьбой за власть», которая всегда остается непосредственной целью (*Morgenthau*. 1961. Р. 27). В то же время власть — это не только¹ цель государства, участвующего в международной политике, но и одно из важнейших средств: «Каковы бы ни были материальные цели внешней политики, например, приобретение источников сырья, контроль за морскими трассами или территориальные изменения, они всегда подразумевают контроль за поведением других посредством воздействия на их волю» (там же. Р. 30).

5. Власть государства неотделима от его силы, выступающей одним из решающих средств обеспечения национальной безопасности на международной арене. «Угроза физического насилия, — писал Моргентау, — является органическим элементом политики... В международной политике военная сила, как угроза или потенциал, является важнейшим материальным фактором, обеспечивающим политическую

мощь государства» (там же. Р. 29). Преодоление международной анархии невозможно путем кодификации универсальных нравственных норм и совершенствования международного права. «В обществе, где власть не поддается обсуждению, — подчеркивал Г. Шварценбергер, — первостепенная функция права состоит в том, чтобы помогать в поддержании превосходства силы и иерархии, установленной на основе властных отношений» (*Шварценбергер*. 1997. Р. 170). Государство обеспечивает себе власть с помощью военной стратегии (которая трактуется в духе Клаузевица, как продолжение политики насильственными средствами) и дипломатии.

6. Можно ли изменить природу международных отношений? Этот вопрос реалисты считают центральным при изучении международной политики. «Реалисты убеждены, — писал Моргентау, — что подобная трансформация может быть осуществлена только путем искусной манипуляции теми силами, которые влияют и будут влиять на политику...» (*Моргентау*. 1996. С. 197). Однако, по их мнению, до тех пор, пока существуют государства, они будут оставаться главными участниками международной политики, функционирующей по своим неизменным законам. Иными словами, по мнению сторонников политического реализма, можно изменить конфигурацию политических сил, смягчить последствия международной анархии, установить более стабильные и более безопасные межгосударственные отношения, однако природу международных отношений изменить невозможно.

Этот вывод вполне логично вытекает из основного исходного положения теории политического реализма о неизменности человеческой природы. «Человеческая природа, в которой коренятся законы политики, не изменилась со времен их открытия философами Китая, Индии и Греции», — пишет Г. Моргентау (там же. С. 191).

Концептуальная стройность реалистской парадигмы, стремление опираться на объективные законы общественного развития, беспристрастно и строго анализировать международную действительность, отличающуюся от абстрактных идеалов и основанных на них бесплодных и опасных иллюзий, — все это способствовало расширению влияния и авторитета политического реализма как в академической среде, так и в кругах государственных деятелей различных стран.

Однако и политический реализм не стал безраздельно господствующей парадигмой в науке о международных отношениях. Этому препятствовали его серьезные недостатки.

Дело в том, что, исходя из понимания международных отношений как «естественного состояния» силового противоборства за обладание властью, политический реализм, по существу, сводит эти отношения к межгосударственным, что значительно обедняет их понимание. Более

того, внутренняя и внешняя политика государства в трактовке политических реалистов выглядят как не связанные друг с другом, а сами государства — как своего рода взаимозаменяемые механические тела, с идентичной реакцией на внешние воздействия. Разница между ними лишь в том, что одни государства являются сильными, а другие — слабыми. Недаром один из влиятельных приверженцев политического реализма А. Уолферс строил картину международных отношений, сравнивая взаимодействие государств на мировой арене со столкновением шаров на бильярдной столе (*Wolfers*. 1962). Абсолютизация роли силы и недооценка значения других факторов, таких, например, как духовные ценности, социокультурные реальности и т.п., значительно обедняет анализ международных отношений, снижает степень его достоверности. Это тем более верно, что содержание таких ключевых для теории политического реализма понятий, как «сила» и «национальный интерес», остается в ней достаточно расплывчатым, давая повод для дискуссий и многозначного толкования. Наконец, в своем стремлении опираться на вечные и неизменные объективные законы международного взаимодействия политический реализм стал, по сути дела, заложником собственного подхода. Его сторонники не учитывали весьма важные тенденции мирового развития и уже произошедшие в нем изменения, которые все в большей степени определяют характер современных международных отношений в отличие от тех, которые господствовали на международной арене вплоть до начала XX в. Одновременно было упущено еще одно обстоятельство: то, что указанные изменения требуют использования, наряду с традиционными, и новых методов и средств научного анализа международных отношений. Все это вызывает критику в адрес политического реализма со стороны приверженцев иных подходов и, прежде всего, со стороны представителей так называемого модернистского направления, теорий взаимозависимости и интеграции, а также критического направления в ТМО¹, одним из идейных источников которого является марксизм.

Марксистско-ленинская парадигма

«Канонический» марксизм в современных международных отношениях — явление маргинального порядка. Даже у неомарксистской парадигмы, некоторые теории которой довольно далеко отстоят от своих «корней», сторонников сегодня меньше, чем у других направлений.

Подробнее о модернизме, транснационалистском и критическом направлениях см. следующих разделах.

Однако неомарксизм продолжает сохранять в теории международных отношений относительно прочные позиции. В рамках неомарксистской парадигмы продолжают появляться новые, достаточно интересные идеи, выводы и обобщения. Однако неомарксизм продолжает сохранять в теории международных отношений относительно прочные позиции. Наконец, было бы ошибкой отрицать влияние его положений на другие течения международно-политической науки и, в частности, на приобретающее сегодня все большую популярность такое направление, как международная политическая экономия. Чтобы понять суть неомарксизма необходимо рассмотреть один из его основных идейных источников — «канонический» марксизм.

1. Главными действующими лицами в марксистской парадигме международных отношений являются социальные классы — мировая буржуазия и международный рабочий класс (пролетариат). Государства как участники международных отношений вторичны. Стремление буржуазии к сверхприбыли повсеместно побуждает ее к усилению эксплуатации рабочего класса и поиску новых источников сырья, дешевой рабочей силы и новых рынков сбыта готовой продукции. Это ведет к усилению межимпериалистических противоречий на одном полюсе мирового капитализма и консолидации интересов международного рабочего класса — на другом. «Рабочие не имеют отечества», их объединяет имеющее объективные основы чувство пролетарского интернационализма. Что же касается буржуазии, то она, будучи космополитической по своей глубинной сущности, создала национальное государство как инструмент своего классового господства и подчинения. Используя внешнеполитические инструменты государства (военную стратегию и дипломатию) в своих узкоэгоистических целях, буржуазия способствует постоянной дестабилизации международных отношений, вооруженным конфликтам и войнам.

2. Международные отношения, в сущности, ничем, кроме масштабов, не отличаются от внутриобщественных отношений. В целом, они имеют «вторичный и третичный», «перенесенный» характер — в том смысле, что, во-первых, являются одним из элементов надстройки, детерминируемой совокупностью господствующих производственных отношений или, иначе говоря, экономическим базисом, и, во-вторых, отражают особенности взаимодействия буржуазии и рабочего класса в рамках национальных государств (*Маркс и Энгельс*. Т. 12. С. 735—736). Вот почему международные отношения носят по своей природе капиталистический характер, представляя собой поле острого противоборства между господствующей империалистической буржуазией и эксплуатируемыми и угнетаемыми ею трудящимися во главе с пролетариатом.

3. Поэтому основные международные процессы представлены классовыми конфликтами, кризисами, войнами и социальными революциями.

4. Цели главных акторов международных отношений кардинально противоположны. Если одни (мировая буржуазия) стремятся к максимизации прибыли и накоплению капитала, то другие (международный рабочий класс) — к свержению господствующего класса и тем самым к осуществлению всемирно-исторической миссии пролетариата: к освобождению всех трудящихся от эксплуатации и установлению социализма и коммунизма на Земле.

5. Различны и средства достижения этих целей: с одной стороны, усиление эксплуатации, а с другой — мировая социальная революция.

6. Марксизм имеет достаточно ясную позицию и относительно будущего международных отношений: оно предопределено объективными законами общественного развития, в том числе законом отмирания государства и установления в новом, свободном от капиталистической эксплуатации и угнетения мировом обществе «простых норм нравственности и справедливости» между народами (там же. Т. 20. С. 96).

7. Что касается исходных положений марксистского анализа международных отношений, то они вытекают из его общих методологических позиций, в числе которых определяющая роль способа производства и экономического базиса в развитии общественных отношений, а также классовая борьба как движущая сила исторического процесса.

Таким образом, резюмируя позиции рассматриваемых парадигм, их можно представить в виде табл. 1. ,

Несовпадение позиций сторонников различных парадигм стало причиной острых теоретических споров, которые сопровождают международно-политическую науку с самых первых шагов ее конституирования в самостоятельную область знания и которые не прекращаются по сей день. Наиболее крупные и продолжительные дискуссии получили название «больших споров» (Great Debats), так как затрагивали наиболее принципиальные стороны и положения науки. При этом, если первый такой спор,¹ начатый работой английского историка Эдварда Карра {*Can.* 1939) еще в конце 1930-х гг. и продолженный уже в послевоенные годы Г. Моргентау, был инициирован сторонниками политического реализма против основных положений идеалистической парадигмы, то пик обострения второго приходится на 1960-е гг., а третий, начавшись в 1970-х гг., не прекращается и поныне.

Рассмотрим несколько подробнее основные положения этих споров, имея в виду, что их развитие дало жизнь новым парадигмам и новым направлениям в международно-политической науке, что, впрочем, не ознаменовалось полным исчезновением «канонических» парадигм, а тем более — забвением теоретических традиций.

Таблица 1

Предмет спора	Реализм	Либерализм	Марксизм
Акторы	Государства (правительства)	Не только государства, но и негосударственные организации, ТНК, общественные группы и частные лица	Социальные классы — всемирная буржуазия и мировой пролетариат
Природа международных отношений	Анархическая (отсутствие верховной власти и господство принципа «помоги себе сам»)	Усиление роли международных организаций, права и морали, которые ограничивают анархию	Империалистическая, эксплуататорская
Цели	Защита национальных интересов, «определенных в терминах власти»; максимальная безопасность государства	Плюрализм целей с приоритетом универсальных идеалов	Свержение господства мировой буржуазии
Средства	Сила и баланс сил (стратегия и дипломатия)	Создание международных организаций, развитие международного права, сотрудничество	Классовая борьба и социалистическая революция
Процессы	Межгосударственные конфликты и войны как крайняя форма их проявления	Возрастание взаимозависимости; сотрудничество государств и народов	Классовые конфликты и революции; международные кризисы и войны
Будущее международных отношений	Нет будущего: характер МО остается неизменным	Постепенное преодоление вооруженных конфликтов и войн; «вечный мир»	Торжество социализма и коммунизма на Земле
Исходный пункт теоретического анализа	Неизменность человеческой природы; национальные интересы	Универсальные ценности и идеалы	Экономические интересы
Представители	Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс; Э. Карр; Г. Моргантау	Дж. Локк; И. Кант; И. Бен-там; А. Смит; В. Вильсон	К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин

3. «Большие споры»: место политического реализма

Если первый «большой спор» — дискуссия между реалистами и идеалистами — был начат представителями классической традиции и касался ключевых вопросов международно-политической науки (акторы и природа международных отношений, цели и средства, процессы и будущее), то «второй большой спор», развернувшийся в 1950-е гг. и достигший особого накала в 1960-е, инициировали сторонники новых подходов и новых исследовательских методов.

Представители «модернизма», или «научного» направления в анализе международных отношений¹, чаще всего не затрагивая исходные постулаты политического реализма, подвергли его резкой критике за приверженность традиционным методам, основанным, главным образом, на интуиции, исторических аналогиях и теоретической интерпретации.

Полемика между «модернистами» и «традиционалистами» была вызвана настойчивым стремлением ряда исследователей нового поколения (Куинси Райт, Мортон Каплан, Карл Дойч, Дэвид Сингер, Калеви Холсти, Эрнст Хаас и многие др.) преодолеть недостатки классического подхода и придать изучению международных отношений подлинно научный статус. Отсюда повышенное внимание к использованию средств математики, формализации, к моделированию, сбору и обработке данных, к эмпирической верификации результатов, а также других исследовательских процедур, заимствованных из точных дисциплин и противопоставляемых традиционным методам, основанным на интуиции исследователя, суждениях по аналогии и т.п. Строгие научные методы использовались при исследовании не только международных отношений, но и других сфер социальной действительности, что свидетельствовало об усилении в общественных науках тенденции позитивизма, возникшей на европейской почве в XIX в. (еще Сен-Симон И.О. Конт предприняли попытку применить к изучению социальных феноменов строгие научные методы).

Первым к использованию научных методов, методик в качестве средств анализа международных отношений прибег американский ученый К. Райт. Подобный подход предполагал отказ от априорных суждений относительно влияния тех или иных факторов на характер меж-

¹ В литературе это направление нередко квалифицируется как бихевиористское (а его сторонники, соответственно, как бихевиористы), что вряд ли можно признать верным, так как подобная характеристика сужает действительное многообразие течений, методов и аналитических подходов, разделяемых его сторонниками. Гораздо более обоснованным выглядит рассмотрение данного направления как позитивистского.

дународных отношений, отрицание как любых «метафизических пред-
рассудков», так и выводов, основывающихся, подобно марксистским, на
детерминистских гипотезах. Однако, как подчеркивает М. Мерль (*Merle*.
1974. Р. 91—92), такой подход не означает, что можно обойтись без
глобальной объяснительной гипотезы. Специалисты в области со-
циальных наук в качестве таковой использовали либо учение Ч. Дарвина
о безжалостной борьбе видов и закон естественного отбора в его
марксистской интерпретации, либо органическую философию Г. Спен-
сера, в основе которой лежит концепция постоянства и стабильности
биологических и социальных явлений. Позитивисты в США пошли по
пути уподобления общества живому организму, жизнь которого осно-
вана на дифференциации и координации его различных функций. С этой
точки зрения, изучение международных отношений, как и любого иного
вида общественных отношений, должно осуществляться
последовательно: сначала изучают функции, выполняемые их участ-
никами, затем взаимодействия между их носителями и, наконец, про-
блемы, связанные с адаптацией социального организма к своему окру-
жению. В наследии органицизма, считает М. Мерль, можно выделить
два течения. Одно из них уделяет главное внимание изучению поведения
действующих лиц, другое — артикуляции различных типов такого
поведения. Соответственно, первое дало начало бихевиоризму, а второе
— функционализму и системному подходу в науке о международных
отношениях (там же. Р. 93).

Явившись реакцией на недостатки традиционных методов изучения
международных отношений, применяемых в теории политического
реализма, модернизм не стал сколько-нибудь однородным течением —
ни в теоретическом, ни в методологическом плане. Общим для него
является, главным образом, приверженность междисциплинарному
подходу, Стремление к применению строгих научных методов и про-
цедур, к увеличению числа поддающихся проверке эмпирических дан-
ных. Его недостатки состоят в фактическом отрицании специфики
международных отношений, фрагментарности конкретных исследова-
тельских объектов, обуславливающей фактическое отсутствие целост-
ной картины международных отношений, в неспособности избежать
субъективизма. Тем не менее многие исследования представителей мо-
дернистского направления оказались весьма плодотворными, обогатили
международно-политическую науку не только новыми прикладными
методиками, но и весьма значимыми положениями. Сделав объектом
своих изысканий отдельные государственные структуры, влияющие на
процесс международно-политических решений и на меж-
государственные взаимодействия, и более того, включив в сферу анализа
негосударственные образования (частные предприятия, компа-

нии и организации), модернизм привлек внимание научного сообщества к проблеме международного актора. Он показал значимость негосударственных участников международных отношений. Наконец, важно отметить и то, что модернистские исследования открыли перспективу микросоциологической парадигмы в изучении международных отношений.

В целом во «втором большом споре» не затрагивались ключевые вопросы международно-политической науки, обсуждались лишь методологические проблемы. По существу, позиции полемизирующих сторон относительно природы и основных акторов международных отношений, преследуемых ими целей и применяемых или имеющихся в их распоряжении средств, а также процессов, господствующих в международных отношениях, и перспектив их развития мало чем отличались друг от друга. Иначе говоря, второй спор не носил парадигмального характера: «модернисты» фактически не подвергали сомнению теоретические позиции своих оппонентов, во многом разделяли их, хотя и использовали в их обосновании иные методы и иной язык. Реалистское видение международных отношений оставалось в целом непоколебленным. Вот почему, несмотря на внешне непримиримый тон, эта полемика, в сущности, не имела особого продолжения: в конечном итоге стороны пришли к фактическому согласию о необходимости сочетания и взаимной дополняемости различных — «традиционных» и «научных» — методов, хотя такое «примирение» и может быть отнесено в большей мере к «традиционалистам», чем к «позитивистам». Вместе с тем «второй большой спор» стал важной вехой в становлении и развитии международно-политической науки: по сути, он знаменовал собой ту стадию, которую с необходимостью проходит в своем становлении и дальнейшем развитии любая научная дисциплина — стадию поиска собственных эмпирических методов, методик и техник исследования своего объекта и/или заимствования с этой целью методов, методик и техник других наук с последующим их переосмыслением и модификацией для решения собственных задач. В дальнейшем это способствовало преодолению крайностей в понимании соотношения и роли фундаментального и прикладного знания в изучении международных отношений и развитию в данной области прикладных исследований как важного и необходимого дополнения и обогащения теоретических Изысканий, основанных на сравнительном анализе и исторических обобщениях.

В центре «третьего большого спора», начавшегося в конце 1970-х — начале 1980-х гг., оказалась роль государства как участника международных отношений, значение национального интереса и силы для понимания сути происходящего на мировой арене.

Сторонники различных теоретических течений, которых можно условно назвать «транснационалистами» (Роберт О. Кохэн, Джозеф Най, Йел Фергюсон, Джон Грум, Роберт Мансбэч и др.), продолжая традиции *теории интеграции* (Дэвид Митрани) и *взаимозависимости* (Эрнст Хаас, Дэвид Моурс), выдвинули общую идею, согласно которой политический реализм и свойственная ему статистская парадигма не соответствуют характеру и основным тенденциям международных отношений и потому должны быть отброшены. Международные отношения выходят далеко за рамки межгосударственных взаимодействий, основанных на национальных интересах и силовом противоборстве. Государство, как международный актор, лишается своей монополии. Помимо государств, в международных отношениях принимают участие индивиды, предприятия, организации, другие негосударственные объединения. Многообразие участников, видов взаимодействия (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены и т.п.) и его «каналов» (партнерские связи между университетами, религиозными организациями, землячествами и ассоциациями и т.п.) вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «*интернационального*» (межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «*транснациональное*» (осуществляющееся помимо и без участия государств). «Неприятие преобладающего межправительственного подхода и стремление выйти за рамки межгосударственных взаимодействий привело нас к размышлениям в терминах транснациональных отношений», — пишут в предисловии к своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» американские ученые Дж. Най и Р. Кохэн (Keohane and Nye. 1989).

Революционные изменения средств связи и транспорта, трансформация ситуации на мировых рынках, рост числа и значения транснациональных корпораций обусловили появление новых тенденций мирового развития. Преобладающими среди них становятся: опережающий по сравнению с мировым производством рост мировой торговли, проникновение процессов модернизации, урбанизации и развития средств коммуникации в развивающиеся страны, усиление международной роли малых государств и частных субъектов, наконец, сокращение возможностей великих держав контролировать состояние окружающей среды. Обобщающим последствием и выражением всех этих процессов является возрастание взаимозависимости мира и относительное уменьшение роли силы в международных отношениях (см.: Най. 1989).

Таким образом, если полемика между традиционалистами и модернистами касалась главным образом методов исследования междуна-

родных отношений, то представители *транснационализма* подвергли критике сами концептуальные основы классической парадигмы. Сторонники транснационализма¹ часто склонны рассматривать сферу транснациональных отношений как своего рода международное общество, к анализу которого применимы те же методы, что позволяют понять и объяснить процессы, происходящие в любом общественном организме.

Транснационализм способствовал осознанию ряда новых явлений в международных отношениях, поэтому многие положения этого течения продолжают развиваться его сторонниками и в 1990-е гг. (см., например: *hoard*. 1990; *Badie et Smouts*. 1993). Вместе с тем на него наложило свой отпечаток его несомненное идейное родство с классическим идеализмом с присущей ему склонностью переоценивать действительное значение наблюдаемых тенденций в изменении характера международных отношений.

Заметим, что во всех трех «больших спорах» так или иначе участвуют реалисты и неореалисты. В полемике со своими критиками неореалисты настаивают на том, что по мере технического прогресса и расширения сферы действия и объема финансовых рынков зависимость великих держав от своих внешнеэкономических партнеров не только не возрастает, но, напротив, уменьшается. По сравнению с ростом ВВП наблюдается не увеличение относительного объема зарубежных инвестиций США, а наоборот, их падение, пишет, например, К. Уолц. По его мнению, это свидетельствует о том, что в конце XX в. великие державы имеют больше возможностей для автаркии, чем в прошлом (*Waltz*. 1979). Иначе говоря, реалистская парадигма оказалась довольно «живучей», устойчивой и приспособляемой к изменениям, происходящим как в аналитических подходах, так и в самом объекте науки.

Третий спор затронул один из наиболее важных постулатов реалистской парадигмы — о центральной роли государства как международного актора (в том числе о значении великих держав, национальных интересах, балансе силы и т.д.). Значение этого спора в свете изменений, которые происходили в мире в период разрядки напряженности в отношениях между главными сторонами биполярного мира, выходит за рамки различий аналитических подходов, дает импульс возникно-

¹ Среди них можно назвать не только многих ученых США, Европы, других регионов мира, но и известных политических деятелей, например, таких, как бывший президент Франции В. Жискард д'Эстэн, влиятельные неправительственные политические и организации и исследовательские центры, например, Комиссия Пальме, Комиссия Брандта, Римский клуб и др.

вению новых подходов, теорий и даже парадигм. Его участники рассматривают как теоретический арсенал, так и исследовательские подходы и аналитические методы. Под его воздействием в международно-политической науке возникают новые концепции — такие, как, например, концепция глобализации, которая несет на себе бесспорное влияние транснационалистских подходов (см., например: *Фергюсон*. 1998; *Грум*. 1998), анализируется роль факторов, не связанных с политикой государства непосредственно, в частности, экономики и культуры (см.: *Laroche*. 1998; *Финнемор*. 1998). Все это наполняет международно-политическую науку новым содержанием и подтверждает ее несводимость к трем рассмотренным выше парадигмам. Сами эти парадигмы приобретают новые черты, сохраняя, правда, в модифицированном виде, ряд свойственных им ключевых положений.

По справедливому замечанию С. Смита, любой спор в международно-политической, науке происходит на почве, благоприятной для реализма, поскольку реалистская парадигма связана с традицией, фокусирующей основное внимание на проблемах вооруженных конфликтов и войн (см.: *Smith*. 1995. Р. 19). Действительно, окончание холодной войны и исчезновение биполярного устройства мира, равно как и усиление его взаимозависимости, не привели ни к прекращению конфликтов и войн, ни к уменьшению роли государства в мировой политике, ни к торжеству общечеловеческих идеалов и норм в отношениях между народами.

Вот почему появляющиеся в международно-политической науке новые взгляды и теории, новые парадигмы и направления, наряду с отражением самых современных реалий и основанными на них размышлениями о будущем, продолжают нести в себе и отпечаток известных теоретических традиций.

В следующей главе эти традиции и новации, преемственность и изменения прослеживаются на примере наиболее распространенных и одновременно наиболее авторитетных теоретических парадигм и на правлений, существующих сегодня в международно-политической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М., 1997.
2. Ваттель Эмер де. Право народов, или Принципы естественного нрава, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.
3. Гоббс Т. Левиафан // Избр. соч.-. В 2 т. Т. 2. М, 1991.

4. Грум Д^{жс}. Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 199S.
5. Кант И. К вечному миру // Иммануил Кант. Сочинения в 6 т. Т. 6. М., 1966.
6. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
7. Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1996.
- g. Косолапов Н.А. Теоретические исследования международных отношений (историко-интеллектуальный фон и этапы становления науки) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1.
9. Косолапов Н.А. Теоретические исследования международных отношений. (Современное состояние науки) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.
10. Краткий очерк международного гуманитарного права. МККК, 1993.
11. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Поли. собр. соч. Т. 27.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.
13. Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.
14. Международные отношения как объект изучения / Отв. ред. П.А. Цыганков. М., 1993.
15. Морсентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2.
16. Най Дж.С. (мл.). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 12.
17. Пикте Жан. Развитие и принципы международного гуманитарного права. МККК. Женева, 1997.
18. Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1976.
19. Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия //Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.
20. Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма //Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.
21. Фукидид. История: В 2 т. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915. (Репринт ТОО «Пролог». М., 1994).
22. Шеарценбергер Дж. Политическая власть. Изучение мирового сообщества // Социально-политический журнал. 1997. № 6.
23. Allison G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // American Political Science Review. Vol. 2013, № 3. September 1969.
24. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1982.
25. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationalc. P., 1993.
26. Bosc R. Sociologie de la paix. P., 1965.
27. Braillard Ph. Tbeorics des relatons internationales. P., 1977.
28. Bull H. International Theory: The Case for a Classical Approach // World Politics. 1966. Vol. XVIII.
29. Can E. Twenty Years of Crisis. L., 1939.
- 30- Clark G. & Sohn L.B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans. Third edition enlarged. Harvard Univ. Press. Cambridge, Mass., 1966.
- 31- Clausewitz C von. On War. Princeton, 1984.
- “Collard D. Les relations internationales. R, N.Y., Barcelone, Milan, Mexico, San Paulo, 1987. 33. Dorf/Robert H. Some Basic Concepts and Approaches in the Study of International Politics // Course 2 Curriculum; War, National Policy & Strategy. Carlsle, PA, 1996.

34. *Doyle M.W.* Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism. N.Y., 1997.
35. *Gerar F.* L'Unite federale du monde. P., 1971.
36. *Hoffmann S.* Theorie et relations internationales // Revue francaise de science politique 1961. Vol. XI.
37. *Huntzinger J.* Introduction aux relations internationales. P., 1987.
38. *Kaplan M.* A new Great Debate: Traditionalisme versus Science in International Relations // World Politics. 1966. Vol. XIX.
39. *Knutsen T.L.* A History of International Relations Theory: An Introduction. N.Y., 1992.
40. *Korany B. et coll.* Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1987.
41. *Martin P.-M.* Introduction aux relations internationales. Toulouse, 1982.
42. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. P., 1974.
43. *Le Mondialisme.* P., 1977.
44. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961.
45. *Keohane, R.O. and Nye, J.S.(Jr.).* Transnational Relations and World Politics. Cambridge, MA, 1972.
46. *Keohane, R.O. and Nye, J. S.(Jr.).* Power and Interdependence. Cambridge, MA, 1989.
47. *Laroche J.* La politique internationale. R., 1998.
48. *Hoard E.* International Society. L., 1990.
49. *Perillier L.* Demain, le gouvernement mondial? P., 1974.
50. *Smith S.* The Self-Images of a Discipline: A Genealogy of International Relations Theory // Theory of International Relations Today. Ed. by Steve Smith and Ken Booth. Cambridge, 1995.
51. *Schwarzenberger G.* Power Politics. A Study of World Society. Third Edition. L., 1964.
52. *Vennesson P.* Les relations internationales dans la science politique aux Etats-Unis // Politix. № 41. 1998.
53. *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y., 1979.
54. *Wolfers A.* Discord and Collaboration. Essay of International Politics. Foreword by Reinhold Niebuhr. Baltimore. The Johns Hopkins Press, 1962.

ГЛАВА 5

Современные школы и направления в теории международных отношений

Анализ традиций, «канонических» парадигм и теоретических дискуссий в международно-политической науке убеждает в том, что каждая из них имеет свои сильные стороны и свои недостатки, каждая отражает определенные аспекты реальности и находит то или иное проявление в практике международных отношений. Полемика между ними способствует их взаимообогащению, а следовательно, и обогащению науки о международных отношениях в целом. В то же время нельзя отрицать, что указанная полемика не убедила научное сообщество в превосходстве какого-либо одного течения над остальными, как не привела и к их синтезу. К началу 1980-х гг. в международно-политической науке ни один из подходов так и не стал доминирующим. Более того, были предложены новые альтернативные подходы к изучению международных отношений. Основная дискуссия развернулась между *неореализмом* и *неолиберализмом*. Наряду с ними углубляет и уточняет свои положения *неомарксизм*, многие из которых были выдвинуты еще в 1950-е гг. под влиянием трансформирующихся социально-политических реалий и изменений в восприятии роли и облика Советского Союза в мире.

Не будет ошибкой сказать, что неореализм и неолиберализм сегодня остаются самыми влиятельными парадигмами. Неомарксизм не столь влиятелен, хотя некоторые его положения получают довольно широкие отклики в литературе и оживленно комментируются в научной среде. Вместе с тем картина международно-политической науки отнюдь не может быть сведена к названным парадигмам — она, безусловно, гораздо богаче и сложнее. Во-первых, в рамках самих парадигм существует достаточно много оттенков, различий и даже противоборствующих взглядов и теорий. Во-вторых, каждая из них так или иначе испытывает влияние близких в некоторых аспектах к ее содержанию подходов, течений или теорий. Так, например, неореализм испытывает влияние структурного подхода, концепций столкновения цивилизаций и неогеополитических построений. Неолиберализм по ряду позиций пересекается с набирающим все большую популярность течением глобализации, которое, в свою очередь, занимает значительное место в неомарксизме. Некоторые положения неомарксизма, в силу самих его идейных традиций, пересекаются с положениями экономического структурализма, некоторые Другие — близки к структурализму неореалистов...

Резюмируя эту достаточно сложную картину содержания современной международно-политической науки, можно отметить следующее.

— Сосуществующие в ее рамках канонические традиции и парадигмы, разрабатываемые в ней новые подходы и теории, вновь формирующиеся направления и концепции не только конкурируют друг с другом, но нередко заимствуют отдельные аргументы и Положения из арсенала своих соперников, и тем более (что наблюдается, естественно, чаще) — из арсенала идейно близких течений.

— Подобного рода переплетение и теоретическое соперничество дает рождение новым концепциям, которые, на первый взгляд, имеют мало общего с господствующими парадигмами, но в действительности достаточно прочно связаны с той или иной из них¹.

— В конкурирующих парадигмах определенные подходы или течения получают порой противоположную интерпретацию.

— Не только вышеназванные парадигмы, но и возникшие относительно недавно новые теории подвергаются острой критике со стороны представителей новейших подходов (иногда их называют постпозитивистскими, в других случаях связывают с постмодернизмом), которые заявляют о своем отказе от традиций и стремятся выйти за пределы науки «мертвых белых мужчин». Это сторонники таких подходов, как, например, феминизм (Тикнер. 1999), конструктивизм (Вендт. 1998), который ряд исследователей рассматривают как одну из новейших парадигм (см. об этом: Венессон. 1998), институализм (Финнемор. 1998)... Наконец, есть явные трудности и с наименованием теорий, парадигм, концепций, течений и направлений, каждое из которых носит в той или иной мере условный характер (в большей мере это может быть отнесено к теориям и направлениям, в меньшей — к парадигмам).

Подробное освещение и анализ столь сложной картины МО не входит в нашу задачу. Поэтому, имея в виду то, что было сказано выше о господствующих сегодня в международно-политической науке парадигмах и наиболее влиятельных направлениях, мы ограничимся здесь по необходимости достаточно кратким рассмотрением основных положений неореализма и неолиберализма и дискуссии между ними, затем проследим главные тезисы неомарксистской парадигмы и близкого ей экономического структурализма, наконец, дадим представление о социологическом направлении в МО.

1. Спор неореализма и неолиберализма

Неореализм

Возникновение школы неореализма в науке о международных отношениях связывают с публикацией книги Кеннета Уолца «Теория международной политики», первое издание которой увидело свет в 1979 г. (Waltz. 1979). Сам этот термин отражает стремление ряда американских ученых (Кеннет Уолц, Роберт Гилпин, Джозеф Грико, Джон Миршаймер и др.) к сохранению преимуществ классической традиции и

¹ Это относится, например, к концепции кооперативной безопасности и ее связи с неореалистской парадигмой, на чем мы более подробно остановимся в следующих разделах.

² Это касается, например, концепции глобализации, которая также будет рассмотрена в одном из последующих разделов.

³ Эта ироничная характеристика современного состояния международно-политической науки (см.: Doyle. 1997) призвана подчеркнуть тот факт, что ее содержание и проблематика не отражают всей динамики новейшей ситуации в мировой политике, так же как положения и интересов неевропейского населения, народов бедных стран, неблагополучных в социальном отношении слоев населения в самих экономически развитых государствах, женщин, детей, инвалидов и т.д. Иногда в связи с этим о МО говорят как о «науке западного (белого) мужчины» (см., например: Smith. 1995. P. 17).

одновременно к ее обогащению с учетом новых международных реалий и достижений других теоретических течений (о классическом понимании неореализма см.: *Keohane*. 1986, а о его более позднем развитии см.: *Buzan*. 1991; *Jones and Little*. 1993). Показательно, что один из наиболее давних сторонников транснационализма, Кохэн, уже в 1980-е гг. приходит к выводу о том, что центральные понятия политического реализма «сила», «национальный интерес», «рациональное поведение» и др. остаются важным средством и условием плодотворного анализа международных отношений (*Keohane*. 1983). В свою очередь, неореалист К. Уолц говорит о необходимости включения в исследовательский арсенал международно-политической науки строгих научных данных и эмпирической верифицируемости выводов, что сторонниками традиционного взгляда, как правило, отвергалось.

Настаивая на том, что в любых своих теоретических построениях исследователь международных отношений должен исходить из целостности мира, из существования глобальной системы, а не отдельных государств, которые являются ее элементами, Уолц делает определенный шаг к сближению и с транснационалистами. Отстаивая основные положения политического реализма («естественное состояние» международных отношений, рациональность в действиях основных акторов, национальный интерес как их основной мотив, дилемма безопасности, стремление к обладанию силой), Уолц в то же время подвергает своих предшественников критике за провал попыток в создании теории международной политики как автономной дисциплины. Ганса Моргентау он критикует за отождествление внешней политики с международной, а Реймона Арона — за скептицизм относительно возможности создания автономной теории международных отношений.

В то же время неореалисты стремятся сохранить и развить с учетом новых реалий все те положения канонической парадигмы, которые, на их взгляд, доказали свою операциональность в изучении международных отношений.

Неореализм начинается с посылки, согласно которой теория международных отношений и теория мировой политики — это не одно и то же. В отличие от канонического реализма неореализм не склонен трактовать мировую политику как некую суммарную равнодействующую внешних политик (подробнее об этом см.: *Linklater*. 1995). В его основе лежит абстрагирование политической сферы от других сфер Международных отношений. По мнению Уолца, говорить о сходстве Неореализма и теории политического реализма можно только в том смысле, в каком говорят о преемственности между взглядами физиократов и предшествующими экономическими теориями: физиократы Имели смелость абстрагировать экономику от общества и политики,

хотя в действительности устойчивых границ, разделяющих эти сферы, не существует. Точно так же и неореализм абстрагирует политическую сферу от других сфер международных отношений, что позволяет ему сосредоточиться на изучении присущих ей особенностей, на поиске детерминант и закономерностей. Тем самым неореализм, по мнению К. Уолца, получает более широкие возможности как для анализа современности, так и для прогнозирования будущего.

От классической парадигмы неореализм отличается и своим подходом к изучению международной политики как целостной системы, функционирующей в соответствии с определенными законами. Еще в своей ранней работе «Человек, государство и война» (Waltz. 1959) К. Уолц пришел к выводу, что в зависимости от того, какие причины конфликтов исследователи считают основными, все исследования международных отношений и, в частности, вооруженных конфликтов, можно разделить на три группы. Одни из них концентрируют внимание на природе самого человека, его физиологических и моральных качествах (эгоистическая природа, агрессивные импульсы, недостаток интеллекта...). Другие связывают причины конфликтов с внутренней природой и атрибутами государства (авторитарный или демократический характер правления, рыночная или планово-распределительная экономика и т.п.). Наконец, третьи выделяют причины системного свойства. Уолц считает, что при всех их достоинствах, первые два подхода носят редуктивный характер и не могут привести к выявлению подлинных причин конфликтов, а следовательно, и способствовать выработке путей их предупреждения или преодоления. Лишь третий, системный подход, может быть в этом отношении плодотворным¹.

При этом системный характер международных отношений обусловлен, по мнению К. Уолца, не взаимодействующими акторами-государствами, проистекает не из присущих государствам особенностей, определяемых географическим положением, демографическим потенциалом, социо-культурной спецификой и т.п. (хотя значение таких особенностей не следует и отрицать), а из свойств *структуры* международной системы². Будучи следствием взаимодействий международных акторов, структура международной системы не сводится к простой их сумме, а представляет собой самостоятельный феномен, способный навязать государствам те или иные ограничения, или же, напротив, предоставить им благоприятные возможности на мировой арене. Глав-

¹ Тем самым были заложены основы *уровневого анализа* международных отношений, что стало одной из крупных заслуг К. Уолца. Подробнее об этом см. в главе 6.

² В данной связи неореализм нередко квалифицируют как *структурный реализм* или просто *структурализм*.

ное же состоит в том, что именно структурными особенностями международной системы объясняются несовпадения целей и результатов во внешнеполитической деятельности государств.

Задаваясь вопросом о том, почему государства, имеющие разные политические устройства и идеологии, ведут себя очень похоже в сходных международных ситуациях, Уолц приходит к выводу о существовании корреляции между внешнеполитическим поведением государств и так называемой системной напряженностью. Таким образом, главное объяснение поведения государства во взаимодействии с другими государствами переносится на уровень международной структуры. Сама же структура определяется как набор принуждающих условий и ограничений. Поэтому правильное понимание и, соответственно, прогнозирование международной политики (как и планирование внешнеполитической линии государства) зависят от точности определения совокупности указанных принуждений. Уолц ограничивает такую совокупность тремя элементами: ведущий принцип (анархия международных отношений), распределение возможностей субъектов (соответствующее их силе) и функциональная дифференциация (различия между субъектами с точки зрения внутриполитических режимов).

На этой основе делаются два принципиальных для неореализма заключения. Во-первых, поскольку ведущий принцип международной системы — ее анархичность — не меняется на протяжении тысячелетий, постольку в этом смысле нет оснований полагать, что она приобретет какой-то иной характер в будущем. Во-вторых, именно по этой причине все проекты реформирования международной системы, основанные на либерально-идеалистических основаниях, заранее обречены на провал (подробнее об этом см.: *Powell. 1994*).

Согласно неореализму, структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, являясь результатом взаимодействий между великими державами. Это означает, что именно им и свойственно «естественное состояние» международных отношений. Что же касается взаимодействий между великими державами и другими государствами, то они уже не могут быть охарактеризованы как однозначно анархические, ибо приобретают иные формы, которые зависят главным образом от воли великих держав.

Один из последователей структурализма Бэрри Бузан развил его основные положения применительно к региональным системам, которые он рассматривает как промежуточные между глобальной международной и государственной системами (см. об этом: *Buzan. 1991*). Наиболее важной особенностью региональных систем является, с его точки зрения, *комплекс безопасности*. Речь идет о том, что государст-

ва-соседи оказываются столь тесно связанными друг с другом в вопросах безопасности, что национальная безопасность одного из них не может быть отделена от национальной безопасности других. Основу структуры всякой региональной подсистемы составляют два фактора, подробно рассматриваемые автором: распределение возможностей между акторами и отношения дружелюбности или враждебности между ними. Оба фактора, как показывает Б. Бузан, являются объектом манипулирования великих держав. Воспользовавшись этой методологией, датский исследователь М. Мозаффари проанализировал структурные изменения, которые произошли в Персидском заливе в результате иракской агрессии против Кувейта и последовавшего затем разгрома Ирака союзническими (а по существу — американскими) войсками (см. об этом: *Mozaffari*. 1993). В итоге он пришел к выводу об операциональности структурного реализма, о его преимуществах по сравнению с другими теоретическими направлениями. Неореалисты внесли значительный вклад в разработку многих ключевых проблем, вставших перед теорией и практикой международных отношений после холодной войны. Так, Колин Грей говорит о сохранении в международных отношениях роли военной силы — по крайней мере в решении вопросов, связанных с ядерным оружием. Б. Бузан, Миршаймер сегодня активно изучают этнические конфликты. Неореалисты уже в ходе дискуссии 1970-х гг. обратили внимание на наиболее слабые места в позиции сторонников школ взаимозависимости, транснационализма и глобализма/мондиализма, в частности, на абсолютизацию меняющейся роли государства. Настаивая на том, что государство остается главным международным актором, Уолц даже говорит о том, что взаимозависимость — это всего лишь плод эмоционального восприятия действительно меняющихся международных реалий, на самом деле она существует на микроуровне, что проявляется в усилении позиций ТНК в мировой экономике и не оказывает существенного влияния на роль государства. Напротив, концентрация власти в руках немногих великих держав говорит о том, что взаимозависимость даже уменьшилась: Европа XVII—XIX вв. была более взаимозависимой, чем сегодня. Как показывает П. Веннесон, неореалисты, продолжая этот спор уже после холодной войны, нанесли несколько самых болезненных ударов по «вульгарной» мондиализации/глобализации, которая, как предполагается, в настоящее время управляет мировой политикой. Многие аналитики показали эмпирическую уязвимость этого тезиса, во всяком случае в его наиболее чрезмерных проявлениях (*Vennesson*. 1998). Так, например, Дж. Грико, соглашаясь с тем, что в современных экономических обменах стали реже использоваться протекционистские меры, не считает этот факт проявлением взаимозависимости. Он

показывает, что одновременно возросла роль нетарифных барьеров. В сущности, по его мнению, ничего не изменилось: в мировой политике по-прежнему правят бал сильные государства, о чем свидетельствуют такие примеры, как субсидии США начинаниям государств, которые способствуют продвижению их стратегических интересов, договоренности американцев с японцами о непоставках определенных товаров, с тем чтобы не нанести ущерба национальным интересам Америки (Grieco. 1993). Наконец, неореалисты показывают поспешность и вывода либералов, согласно которому в современном мире территориальные завоевания и эксплуатация слабых государств более сильными уже не приносит никакой выгоды. Так, Питер Либерман на основании многих исследований конкретных международных ситуаций и тщательного анализа ряда данных защищает противоположный тезис (см. об этом: Vennesson. 1998. Р. 188).

В свете сказанного становится понятным, почему неореализм и сегодня продолжает оставаться одной из самых распространенных парадигм среди исследователей и одним из наиболее популярных подходов в среде экспертов и практиков международной политики. Последние отнюдь не перестали мыслить в зависимости и на основе соотношения сил и принимать во внимание силу при планировании своей международной политики.

Вместе с тем неореализму присущи и многие слабости. Среди них можно назвать положения о вечности и неизменности «естественного состояния», баланса сил как способа стабилизации международной системы, приписываемой ей статичности (см.: Mozaffari. 1993). Действительно, как подчеркивают другие авторы, возрождение реализма как теоретического направления в обновленном варианте объясняется не столько его собственными преимуществами, сколько разнородностью и слабостью любой другой теории. А стремление к сохранению максимальной преемственности с классической школой означает, что уделом неореализма остается и большинство свойственных ей недостатков (Kogany. 1987. Р. 300, 302). Неореализм не только воспроизвел недостатки канонического реализма, но в ряде случаев усилил их, примитивизировав тем самым классическую традицию. Неореализм «первой волны» стал «теорией двух государств» (Уолц подчеркивал, что для него существуют только две супердержавы). Даже после окончания холодной войны для неореалистов единственным признаком взаимозависимости остается наличие ядерного оружия. ГАТТ (ВТО) для них — это не признак взаимозависимости. Этой точки зрения неореалисты не изменили и после окончания холодной войны. Наиболее уязвимым пунктом в неореалистских построениях остается концепция Национальной безопасности, которая рассматривается в традиционных

терминах игры с нулевой суммой, постоянной возможности войны между великими державами и обусловленное этими обстоятельствами стремление к поддержанию баланса сил на международной арене.

Однако международная обстановка существенно изменилась. Фактически угроза мировой войны сегодня минимальна, не столь велика угроза и полномасштабной, большой войны между крупными государствами. И наоборот, чрезвычайно возросла роль угроз и вызовов невоенного характера. Значительные события происходят в мировой экономике, где взаимозависимость все в большей мере оказывает воздействие на политику. Меняется соотношение между внутренней и внешней политикой. Все это и многое другое не вписывается в неореалистскую парадигму и требует иных аналитических подходов, иных теоретических ответов. Один из вариантов таких ответов был предложен неолиберализмом.

Неолиберализм

Если противоборство двух сверхдержав в эпоху биполярности подрывало сами основы многих положений либерально-идеалистической парадигмы, то окончание холодной войны, напротив, стало своего рода питательной средой для ее возрождения¹. Вместе с тем изменения в международной системе исключали простое возвращение к прежним идеям. В ходе интеграционных процессов в Европе, Америке и Азии страны Нового и Старого Света, обладающие неотъемлемым признаком государственной независимости — суверенитетом, демонстрируют (хотя и в разной степени) невиданную прежде готовность передать часть-его в сферу совместных структур и институтов. Стало очевидным и другое; об отмирании суверенитета и исчезновении государства говорить явно преждевременно. Появление на политической карте мира новых государств неоспоримо свидетельствует о притягательности суверенитета и самого государства как политического института. Новые,

¹ Разумеется, ситуация не была столь однозначной. Напомним, в частности, что «третий большой спор» развернулся в 1970-е гг., когда фактически никто и представить себе не мог ни окончания холодной войны, ни развала СССР ни последовавшего затем увеличения количества суверенных государств, размаха международного терроризма, распространения этнических конфликтов и т.п. Однако вряд ли можно считать случайным усиление позиций неореализма именно после окончания холодной войны, когда ареал распространения рыночной экономики стал поистине всемирным, когда транснациональные корпорации стали развлекать свою деятельность за бывшим «железным занавесом», когда аудиторией CNN стал весь мир, наконец, когда свобода контактов и передвижения стала свершившимся фактом (за малым исключением: Куба, Северная Корея, отчасти Мьянма).

нетрадиционные угрозы безопасности стали вызовом не только для реалистских теорий, но и для многих теоретических построений либерального толка. Глобализация экономических процессов и распространение плюралистической демократии сопровождались не только (а возможно, и не столько) распространением кооперативности как принципа международных отношений, но и возникновением новых проблем, столкновений и конфликтов. Неолиберализм, стремящийся учесть и отразить в своих теориях все эти процессы, существенно отличается от канонической либерально-идеалистической парадигмы.

Во-первых, он выдвигает в центр всех своих концептуальных построений проблемы безопасности. Во-вторых, акцентирует внимание на экономических проблемах. В-третьих, фактически переносит центр тяжести на моральные нормы как побудительную силу, основу и критерий регулятивных действий в международной политике. Наконец, в-четвертых, сближается по ряду позиций с неореализмом.

Вслед за своими идейными предшественниками, сторонники неолиберализма утверждают, что государство — не единственный, а иногда и не главный актер на международной сцене, которая становится все более доступной для транснациональных финансовых и промышленных групп, различного рода неправительственных объединений, террористических и криминальных организаций, профессиональных ассоциаций и даже отдельных индивидов. Сегодня любой из этих новых участников международных отношений может внести в них серьезные изменения, вынудить государства на непредусмотренные действия и даже вступить с ними в прямое соперничество.

Отличие неолибералов заключается в том, что они не только усиливают это положение, но и делают его исходной основой для нового, понимания безопасности. Возросшие после окончания холодной войны и падения коммунизма возможности общения, обменов, передвижения, повышения уровня и качества жизни людей, связанные с распространением демократии, а также с новыми научными, технологическими, экономическими и социальными (в первую очередь — в области свобод и прав человека) достижениями, сопровождаются нарастающими опасностями из-за утраты прежних и отсутствия новых рычагов регулирования мирового порядка. В их числе «хаос и затрагивающие огромные массы людей бедствия, порожденные насильственным распадом многонациональных государств; состояние стресса, в котором находятся традиционные союзы, сопровождающееся разногласиями относительно того, как реагировать на распад государств и как включить бывшие коммунистические государства в новые структуры безопасности; международная преступность и терроризм; нестабильность, которую может породить распространение ядерного ору-

жия...» (*Ротфельд*. 1997. С. 36). Бедность и нищета, по-прежнему распространены в Африке, этнические конфликты, свирепствующие на Балканах и в других регионах мира, постоянно увеличивающаяся деградация окружающей среды — все это и многое другое формирует начала «грядущей анархии», требующие немедленного реагирования со стороны мирового сообщества (*Kaplan*. 1994). Плюрализация международных акторов, таким образом, генерирует увеличение источников и рост многообразия угроз социальной ткани общества, жизни и здоровью, самому существованию человечества, наконец, выдвигает на первый план проблему создания новой системы безопасности. В качестве наиболее подходящей для решения вставших перед мировым сообществом задач предлагается концепция кооперативной безопасности (*cooperative security*)¹.

Неолибералы, таким образом, в полном соответствии с канонической либерально-идеалистической парадигмой считают международное сотрудничество не только возможным, но и необходимым для достижения стабильности, социального прогресса и мирового порядка. Международные отношения в целом являются игрой с положительной суммой. Вопреки мнению сторонников политического реализма, они развиваются. Об этом свидетельствуют такие процессы; как распространение либеральной демократии и индивидуальной свободы, взаимозависимость, рост образования и новые технологии. Однако прогресс в развитии международных отношений не происходит сам собой. К нему ведет расширение международного сотрудничества. Оно необходимо не только как путь к стабилизации существующего положения и к безопасности мирового сообщества, но и как средство достижения и роста экономического благополучия (подробнее об этом см.: *Venneson*. 1998. Р. 189). Расширение и углубление международного сотрудничества, особенно в экономической области, позволяет каждому участнику получать выгоду от международных обменов независимо от размеров и пропорций такой выгоды.

Либерализму всегда было свойственно отдавать приоритет в оценке характера международных отношений и в рекомендациях по их регулированию нормам морали и права, а также созданию с этой целью институтов, призванных выполнять роль гарантов соблюдения указанных норм. При этом моральные и правовые принципы не противопоставлялись друг другу: право рассматривалось как свод ряда кодифицированных, формализованных моральных принципов и критерий

¹ Впрочем, концепция кооперативной безопасности не является достоянием только неолиберального подхода. Напротив, она стала предметом острой дискуссии между неолибералами и неореалистами. О содержании этой концепции см. главу 11.

оценки международных событий и как основа регулирования взаимодействий международных акторов.

Существенно важным отличием неолиберализма в этой области стало смещение акцентов в соотношении права, институтов и морали. «...Деятельность новых институтов часто оказывается бесплодной и не способствует решению назревших проблем... Их функции часто дублируются, что ведет к излишним расходам. То же самое относится к действующим нормам и процедурам», — пишет директор СИПРИ Адам Ротфельд (*Ротфельд*. 1997. Р. 5). В данной связи подчеркивается необходимость регулирования международных отношений на основе прагматических решений, создаваемых ими прецедентов и процедур. Таким образом, основное предпочтение отдается моральным принципам, а в качестве главных критериев моральности выдвигаются либеральная демократия и права человека. При этом важно отметить, что неолиберализм не только продолжает, но в отдельных аспектах даже усиливает традиции рассмотрения внутригосударственных отношений как вторичных по сравнению с мировым социумом, с одной стороны, и отдельным индивидом — с другой. Именно мировому социуму и индивиду и должен поэтому отдаваться приоритет при принятии тех или иных решений в области международных отношений.

Последнее положение кажется, на первый взгляд, полной противоположностью тому, что утверждает реалистская парадигма, центральной темой которой является государство и его интересы. Однако в действительности противоположность неореализма и неолиберализма вовсе не столь очевидна, особенно, если вспомнить, что неореализм исходит из решающего влияния на поведение государств структурных возможностей международной системы, а неолибералы все чаще делают акцент на государстве. Конечно, в либеральной парадигме, как подчеркивает М. Дойл, государства по своей природе изначально представляют собой неодинаковые «единицы», которые различаются по их отношению к индивидуальным правам человека. Эти различия так или иначе сказываются на характере международной деятельности. Кроме того, с точки зрения либералов, цели государства, как и цели отдельного человека, сдвигаются к сфере защиты и обеспечения прав личности (см.: *Doyle*. 1997. Р. 117).

И неореализм, и неолиберализм нередко называют рационалистскими подходами, поскольку и тот, и другой ставят в центр своего рассмотрения рационального политика, руководствующегося не эмоциями, а расчетом в принятии политических решений. Для неореалистов это расчет, определяемый соображениями власти (в первую очередь, баланс сил или угроз). Для неолибералов — соображениями материального благосостояния и безопасности. Никаких иных факторов

для неолибералов и неореалистов, по большому счету, не существует — есть только экономические и властные интересы. Борьба за реализацию этих *интересов* и, следовательно, за максимизацию власти или богатства и определяет характер международно-политических процессов. Эти интересы представляются как раз и навсегда данные (или, по крайней мере, мало варьирующиеся), и потому задача исследователя состоит лишь в том, чтобы определить, кто из акторов находится в наиболее выгодном положении и способен выбрать наиболее эффективную стратегию для реализации своих интересов (в западной литературе, посвященной сопоставлению этих двух подходов, особенно известны две работы: *Keohane R. (ed.). 1986; Baldwin D. (ed.). 1993*).

Основные положения спора неореализма и неолиберализма

Как уже говорилось, спор между неореалистами и неолибералами начался в дискуссии между государственным центризмом и транснационализмом и затем разгорелся с новой силой в полемике между плюралистической и неореалистской парадигмами в 1980-х гг. (о плюрализме см.: *Keohane and Nye. 1977; Krasner. 1983; Keohane. 1983*). С начала 1990-х гг. данный спор, по мнению многих исследователей, стал самым значимым в развитии международной теории, и, конечно же, ему уделяется огромное внимание в одном из ведущих американских журналов «Международная Организация». Вплоть до последних лет внимание дискутирующих сторон было сосредоточено главным образом на следующих шести пунктах (см. об этом: *Baldwin. 1993; Smith. 1995; Powell. 1994*).

— Природа и последствия анархичности международных отношений (отсутствие верховной власти и вытекающая из этого необходимость для каждого государства рассчитывать только на себя). Неореалисты считают, что анархия накладывает на поведение государств жесткие ограничения и принуждения. Для неолибералов эти ограничения и принуждения, хотя и существуют, но не являются непреодолимыми.

— Содержание межгосударственного сотрудничества. Для неореалистов это главным образом вопросы общей военной безопасности, тогда как для неолибералов — вопросы взаимных экономических выгод.

— Абсолютные и относительные выгоды от сотрудничества. Неолибералы считают, что движущей силой межгосударственного взаимодействия является достижение абсолютных выгод. С точки зрения *неореалистов*, установить сотрудничество достаточно трудно даже тогда,

когда все стороны могут достигнуть абсолютной выгоды, поскольку ни одно государство не согласно на получение меньшей абсолютной выгоды, чем любое другое. Беспокойство, касающееся относительной прибыли, таким образом, вероятно, препятствует сотрудничеству. Перед лицом таких потенциальных проблем, как возможность обмана и девальвации преимуществ, государства стремятся к «справедливости» в распределении выгод от сотрудничества, которая рассматривается как сохранение баланса возможностей, существовавшего до сотрудничества. «Ни одна страна не допустит политических преимуществ другой,- — пишет Джозеф Грико, — без ожидания (обоснованного или нет) получить взамен пропорциональные преимущества» (цит. по: *Miller*. 1992. Р. 469).

— Приоритет государственных целей и, по сути, источники или причины сотрудничества государств. С этой точки зрения, для неореалистов, главным является изучение проблем военной безопасности государств. Согласно же неолибералам, основной целью, которую преследуют государства, вступая в сотрудничество в мире, где существует возможность использования военной силы, является максимальное экономическое процветание.

— Вопрос о намерениях. По мнению неореалистов, поведение государств определяется, с одной стороны, системными принуждениями и ограничениями, а с другой — их реально существующими возможностями и способностями. Неопределенность намерений не позволяет использовать их в качестве инструмента анализа, поэтому при анализе государственной политики ими вполне можно пренебречь. Неолибералы, напротив, не отрицают значения реальных возможностей. Они считают государственные намерения достаточно важными и поэтому настаивают на том, что при изучении международных отношений их следует обязательно принимать во внимание.

— Международные режимы. И неореалисты, и неолибералы отмечают их значение для межгосударственных взаимодействий. Но они расходятся в оценке их регулирующей роли: неореалисты считают, что их оппоненты преувеличивают важность международных режимов и институтов в смягчении принудительных эффектов международной системы для сотрудничества государств.

В последние годы предметом спора между неолибералами и неореалистами все чаще становятся проблемы безопасности. Этот этап дискуссии дает представление о тех изменениях, которые претерпели рассматриваемые парадигмы. Концепции и теории, господствующие в либерально-идеалистической парадигме сегодняшних дней, во многом отличаются не только от взглядов Вудро Вильсона и его сторонников, но и от неолиберальных построений первой половины 1990-х гг. (что,

впрочем, не означает исчезновения указанных взглядов: они лишь отходят как бы на второй план, сосуществуя с новейшими концептами)¹.

Изменения коснулись, прежде всего, главных тем современной международно-политической науки: проблем экономического развития и безопасности. Они как бы менялись местами в неолиберальных предпочтениях как с точки зрения содержания исследовательских проектов, так и в самой политической практике. Отсюда и смещение акцентов в споре неолибералов с неореалистами, особенностью которого становится то, что этот спор происходит сегодня на территории неореалистской парадигмы. На передний план выдвигаются проблемы, поставленные и отстаиваемые классической традицией с самых первых шагов ее существования: проблемы анархии как сущности международных отношений, государства как их главного участника, и обеспечения его безопасности как основной задачи научной теории и политической практики. И напротив, исконные для либеральной традиции вопросы, относящиеся к институционально-правовому преодолению анархии, к тенденции вытеснения государства с его роли главного международного актора, к достижению безопасности на основе экономического, культурного и иного сотрудничества, основанного на общечеловеческом, общемировом характере интересов, потребностей и идеалов (особенно — в эпоху возрастающей взаимозависимости), отодвигаются на второй план.

По-новому трактуют неолибералы и анархию. Еще недавно отсутствие верховной власти в международных отношениях предлагалось компенсировать путем укрепления существующих и создания новых МПО и НПО, а также путем совершенствования и развития международных юридических норм, закрепляющих и расширяющих права и обязанности всех участников международных отношений. Сегодня предпочтение отдается силовым действиям «хороших» акторов, которые призваны создать справедливый мировой порядок и обладают для этого моральным превосходством и материальными средствами, против «плохих», несущих угрозу демократическому миру. В этой связи международную анархию и ее неизбежное следствие — «самопомощь»

¹ Нелишне напомнить, что в рамках каждой из этих парадигм сосуществуют и конкурируют множество теорий и концепций, объединить которые можно лишь весьма условно. Так, например, в рамках неолиберализма могут быть выделены «рыночный либерализм», «институционализм» и «демократический пацифизм». Первое и третье из этикеточных по ряду позиций сближаются, соответственно, с некоторыми течениями неомарксизма и неореализма, тогда как только третье в известном смысле «хранит идейную чистоту» неолиберальной парадигмы. Разумеется, подробное рассмотрение этих различий не входит в наши планы, поскольку уведет далеко от основной темы данного учебного пособия.

предлагается преодолевать не путем создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности перед лицом глобальных угроз общечеловеческого характера, а путем объединения усилий демократических государств.

Государство, таким образом, остается в центре дискуссии, содержание которой смещается в сторону его роли и возможностей. Если для неореалистов оно является все же вторичным, как причина конфликтов и войн и, следовательно, как основной источник угроз безопасности, то для неолибералов дело обстоит как раз наоборот: именно «плохие», т.е. недемократические, государства представляют сегодня главную угрозу всеобщему миру.

Отсюда третий пункт разногласий. Неореалисты придерживаются традиционной позиции относительно средств безопасности: основой основ мирного сосуществования, международного порядка и безопасности остается баланс сил в рамках мультиполярного мира. Неолибералы, напротив, полагают, что безопасность достижима только путем объединения демократических государств, а для достижения всеобщего мира необходимо всемерно распространять демократию как идеал, ценность и тип политического режима.

Следует отметить, что в конечном итоге дискуссия неореалистов и неолибералов мало обогатила международно-политическую науку. Причина ее столь невысокой теоретической плодотворности состоит в совпадении основного существа обеих парадигм «рационального выбора», которое дает основание рассматривать неолиберализм как особый случай «гибкого реализма» (*Сандерс*. 1999. С. 420). Ни одной из участвующих в споре сторон не удалось дать убедительный анализ категории «интересы» и разъяснить понятие «структурные ограничения» (там же. С. 413). И хотя в ходе дискуссии об относительных и абсолютных выгодах отмечалось, что интерес государства не остается неизменным, однако влияние на него особенностей «окружающей стратегической среды» не анализировалось (*Powell*. 1994. Р. 344), или, иначе говоря, роль реальных неопределенностей, характерных для международных отношений, не учитывалась (см.: *Сандерс*. 1999. С. 416). Что касается проблем безопасности, то ее интерпретация сторонниками обеих парадигм будет рассмотрена в одной из следующих глав. Предварительно же отметим, что и в этой области участники дискуссии гораздо более убедительны в критике оппонентов, нежели в позитивной разработке проблемы. Так, если Э. Линклейтер не без оснований упрекает неореализм в том, что он «своим позитивным теоретизированием увековечивает существующую действительность» (*Linklater*. 1999. Р. 166), то Р. Швеллер имел неменьшие основания заметить в адрес неолиберализма: «Мы, неореалисты, понимаем, что

внешняя политика — слишком серьезное дело для того, чтобы выдвигать утопические идеи о реконструкции социальных отношений» (Schweller. 1999. P. 150).

В конечном счете альтернативность неореализма и неолиберализма достаточно условна: в известном смысле в их взглядах на международную политику больше общего, чем различий, поэтому спор между ними затрагивает ограниченную область международно-политической науки.

2. Международная политэкономия и неомарксизм

Международная политэкономия

Вывод об относительности и узости сферы проявлений борьбы неореализма и неолиберализма не означает, однако, их исчезновения. Спор между двумя парадигмами не обошел стороной и такое сравнительно новое направление науки международных отношений, как международная политэкономия.

Ее институализация происходит в 1970-е гг., когда осмысление новых тенденций в мировом экономическом развитии и вытекающих из них новых политических задач поставило перед наукой проблему соединения подходов соответствующих дисциплин в целях наиболее адекватного теоретического отражения происходящего, попыток прогнозирования будущего и выработки на этой основе рекомендаций политикам. В 1968 г. Ричард Купер, сыгравший значительную роль в генезисе международной политэкономии, формулирует ее основной вопрос следующим образом: «Как сохранить многочисленные выгоды от обширной сети международных экономических отношений, избавленных от уродующих их ограничений, и в то же время сберечь максимальную степень свободы для каждой нации, которая стремится преследовать свои законные экономические цели» (цит. по: Graz. 1994. P. 139).

Социетальные предпосылки международной политэкономии формировались в ходе усиления взаимозависимости мира, возрастающей роли транснациональных корпораций, фирм, предприятий и банков, обострения проблем, связанных с доступом к природным ресурсам и их коммерциализацией. Вставшие перед наукой задачи выявления и анализа способов и средств воздействия экономики и политики на международные отношения и сложившийся мировой порядок обусловили необходимость инвентаризации и ревизии ее теоретического арсенала и, как следствие, отказа от положений реалистской парадигмы,

согласно которой «ключевой категорией политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти. Именно это понятие связывает между собой разум исследователя и явления международной политики. Именно оно определяет *специфичность политической сферы, ее отличие от других сфер жизни — таких, как экономика* (понимаемая в категориях интереса, определенного как богатство), этика, эстетика или религия. Без такого понятия теория политики, внутренней или внешней, была бы невозможна, так как в этом случае мы не смогли бы *отделить политические явления от неполитических и внести хоть какую-то упорядоченность в политическую среду*» (курсив мой. — П.Ц.) (Моргентау. 1997. С. 191).

Новые реалии поставили под вопрос правомерность отделения политических явлений от неполитических. К 1970-м гг. в экономически развитых странах Запада наступил кризис, свидетельствующий о закате эпохи «славного тридцатилетия»: заметно снизились темпы роста производства; массовая безработица охватила около 10% активного населения и сопровождалась маргинализацией той его части, которая оказалась за порогом бедности; рос бюджетный дефицит и, соответственно, внешняя задолженность. Кроме того, микроэлектронная революция и роботизация производства вслед за рабочими лишает мест и служащих, периодический кризис перепроизводства обостряется затовариванием части рынка, а разрыв между производственной и финансовой деятельностью увлекает свободные капиталы в сферу спекулятивных операций в ущерб инвестированию. Указанные явления тесно переплетаются друг с другом: если, например, финансовая спекуляция ослабляет производственную ткань и этим способствует росту безработицы, то причиной такой спекуляции выступает задолженность, которая вынуждает государственные власти и предприятия предлагать капиталам более привлекательные проценты — под угрозой бегства этих капиталов за границу в поисках более высокой нормы прибыли. Тем самым, как подчеркивает М. Мерль, речь идет о замкнутом круге, в который попали страны, привыкшие жить выше своих средств (Merle. 1974. Р. 57—58). Одной из причин потрясения мирового экономического порядка стала валютная политика США, результатом которой стало разрушение бистемы, установленной Бреттон-Вудскими Соглашениями. В августе 1971 г. Президент США издает декрет о «приостановке» конвертируемости доллара в золото. Эта мера стала неизбежной вследствие неосторожности самих США, которые, финансируя

¹ В последние годы этим термином обозначают эпоху экономического процветания стран Западной Европы, начавшуюся с планом Маршалла и продолжавшуюся до рубежа 1970^х 1980-х гг.

войну во Вьетнаме, ввели «нижнюю границу доллара» и оказались бы банкротами, если бы все владельцы американской валюты потребовали обменять ее на золото. По сути, эта мера означала девальвацию американской валюты. А в феврале 1973 г., после того как американское правительство решило ввести «плавающий» курс доллара, Бреттон-Вудская система была окончательно разрушена, и обменные курсы были обречены на общую неустойчивость, т.е. на конъюнктурные колебания и биржевые спекуляции (подробнее см. там же. С. 59—60).

При исследовании основных тенденций международной жизни международно-политическая наука уже не могла исходить из примата *высокой политики* и игнорировать экономические процессы, происходящие в мире. Одновременно обнаружились недостатки и классической школы политической экономии. Продолжая традиции А. Смита и Д. Рикардо, которые в противовес меркантилистам отделяли экономику от политики, и развивая теорию абсолютных и относительных преимуществ, сторонники классической школы по-прежнему настаивали на невмешательстве государства в международные обмены, регулируемые «невидимой рукой рынка» (подробнее об этом см.: Буглай, Ливенцов. 1996. С. 5—10). В результате эта школа оказалась не в состоянии ответить на запросы «творцов международной политики». Возникла острая потребность в новых *политических средствах*, способных обеспечить контроль и управление потрясениями международного *экономического порядка*, которые в противном случае, угрожают окончательно подорвать их взаимную легитимность. Перед исследователями международных отношений встала двойная задача, связанная с критическим анализом: 1) процессов легитимизации государственных аппаратов в их специфическом посредничестве между экономическим и политическим; 2) контекста кризиса, вызывающего необходимость «экономизации» политической деятельности государств на международной арене (Graz. 1994. P. 141).

Международная политэкономия (МПЭ) стремится опереться на накопленные ко времени приобретения ею «прав гражданства» теоретические предпосылки. Американские ученые Дж. Фриден и Д. Лайк, с которыми солидаризируется Р. Гилпин, называют три сложившиеся в международной политэкономии традиции. *Реализм* (вместе с меркантилизмом и Национализмом) исходит из приоритета политического над экономическим в международных отношениях, а также подчеркивает первостепенное значение силы среди целей, которые преследуют государства на международной арене. *Марксизм* в объяснении формирования, развития и взаимодействия наций и государств, международных конфликтов и сотрудничества настаивает на примате экономического над политическим. *Либерализм* разделяет экономическое и

политическое, легитимируя международную политэкономия как автономную дисциплину. Указанные традиции оказали значительное влияние на международно-политическую науку, дав определенные положительные результаты в объяснении международной политики. Однако такие результаты сыграли не более чем роль стимула для дальнейших, более глубоких исследований. Использование гипотез о рациональности выбора, утилитаризма акторов, стремящихся к достижению максимальной экономической выгоды, об экономической подоплеке международных конфликтов и т.п. или же, наоборот, интерпретация международных экономических процессов в терминах силы, политического соперничества, различия правящих режимов и т.п. игнорируют самое главное в предмете политэкономии — *взаимодействие* экономического и политического. Этот недостаток характерен и для либерального подхода. Именно поэтому, как подчеркивает Ж. Кусси, в отличие от указанных традиций, «основополагающее место в МПЭ могут занять только такие исследования, которые рассматривают взаимодействие между фактами, одни из которых не интегрированы и не могут быть интегрированы в экономическую парадигму, а другие не интегрированы и не могут быть интегрированы в политическую парадигму. ...Любая политэкономия рождается из признания несводимости парадигм и необходимости их одновременного использования. Такое использование разнородных элементов создает опасность утраты последовательности, но это приемлемый риск для достижения убедительности и обоснованности» (Coussy. 1998. P. 259).

Дальнейшее развитие МПЭ, подтвердив ограниченность монодисциплинарного подхода, пошло под знаком усложнения экономической проблематики дисциплины и целенаправленного стремления дать ответ на политические требования мирового хозяйственного развития. Важную роль в этом сыграл журнал *International Organization*, выпустивший в 1975 г. тематический номер под названием «Мировая политика и международная экономика». Его издатели поставили перед собой цель организовать научную дискуссию, которая способствовала бы, во-первых, выяснению основ международных экономических механизмов и, соответственно, формулированию аргументированных политических рекомендаций; во-вторых, интеграции методов экономики и политических наук и, в-третьих, выработке институциональных новаций, связанных с МПЭ как относительно автономной дисциплиной ^в рамках международно-политической науки. Однако в ходе дальнейшего развития этой дисциплины выявилось, что недостатки, связанные ^с разделением экономического и политического не только не были преодолены, но и в чем-то даже обострились, хотя это и происходит на фоне попыток их примирения.

Действительно, как показывает Ж.-К. Гра, в 1970—1980-е гг. МПЭ характеризовалась, во-первых, «экономическим онтологизмом» (т.е. обособлением международных экономических факторов в ущерб политическим); во-вторых, попыткой «теоретического синкретизма», которая, тем не менее, сопровождалась имплицитным креном в сторону неореализма; наконец, в-третьих, «властным фетишизмом», свойственным неомарксистской парадигме (Graz. 1994. Р. 144—152).

Первая из указанных тенденции достаточно отчетливо проявилась в теориях «гегемонистской стабильности» и «международных режимов».

Так, размышления сторонников *теории гегемонистской стабильности* вписываются в теории «коллективного действия» и «общих благ». Манкура Олсона и строятся вокруг интерпретации понятия гегемонии, которую дал ему в 1970 г. американский историк Киндельбергер на основе исследования мирового экономического кризиса 1929 г. Правда, Киндельбергер не использовал термин «гегемония», предпочитая ему термины «ответственность» и «лидерство», он понимал под ними «захват диспозиций, необходимых для руководства распределением «общественных благ» (т.е. благ, потребление которых не делает их менее доступными для других потребителей). С этой точки зрения, «гегемонистская стабильность» основывается на благосклонности господствующей в международных отношениях державы, которая в состоянии распределять «коллективные блага» между государствами международной системы, ограничивая таким образом присущую ей анархичность. По мнению Киндельбергера, «для того чтобы мировая экономика стала стабильной, должен иметься стабилизатор — единственный стабилизатор» (цит по: там же. Р. 145). Именно отсутствием такого «стабилизатора» сторонники теории гегемонистской стабильности объясняют как кризис мировой экономики в 1930-е гг., так и последовавшую затем депрессию, рост тарифных барьеров и в конечном счете Вторую мировую войну.

Ж.-К. Гра показывает, что, понимая этот тезис в контексте 1970—1980-х гг., т.е. дискуссии относительно последствий, которые могла бы иметь возможная эрозия американской гегемонии для «либерального порядка», теория «гегемонистской стабильности» остается в рамках довольно простого трилогизма: добровольное распределение «коллективных благ» в ансамбле государств международной системы зависит от существования гегемонистской силы (подразумеваются США — тезис о гегемонистской стабильности); или же, всегда существуют «рвачи» (спекулянты), из-за которых возрастают издержки и потеря легитимности гегемонистской силы (подразумеваются европейские государства и Япония — тезис об энтропии). Из этого следует, что

«упадок гегемонистской силы отрицательно сказывается на способности распределять «коллективные блага» (подразумеваются условия процветания капиталистической экономики — тезис об упадке) (там же. Р. 145—146). Таким образом, теория «гегемонистской стабильности» отдает явную дань неореалистской парадигме международно-политической науки и, следовательно, ей свойственны те недостатки, присущие данной парадигме, о которых говорилось выше.

В свою очередь, основные положения *теории международных режимов*, вписываясь в рамки неоинституционализма, роднят ее с неолиберальными позициями, которые, как мы уже видели, довольно близки к неореализму. Действительно, представляя собой, по определению Р. Кохэна и Дж. Ная, «совокупность явных и неявных принципов, норм, правил и процедур решения, вокруг которых сходятся ожидания акторов», международные режимы в конечном счете очерчивают «своего рода сферу действия «гегемонической державы» (или союза держав), содействующей распределению «коллективных благ». Различие двух концепций касается' понимания той роли, которая возложена на «гегемоническую силу» в формировании и поддержании международных режимов. Если для сторонников теории «гегемонистской стабильности» поддержание режимов обусловлено сохранением гегемонии, то для сторонников теории режимов это не обязательное условие. С точки зрения Кохэна, понятие международного режима обогащает концепцию «рационального выбора», позволяя осознать возможность межгосударственной кооперации, способной преодолевать «близорукий интерес государств» (там же. Р. 146).

Авторы, которых считают родоначальниками международной политэкономии, С. Стрэндж и Р. Гилпин попытались интегрировать не только эти различия, но и неомарксистские позиции, которые, по замечанию Ж. Кусси, «заметны во многих работах по международной политэкономии» (Coussy. 1998. Р. 264). С точки зрения Р. Гилпина, предмет МПЭ связан с тремя принципиальными вопросами. Во-первых, это вопрос о причинах и следствиях возникновения глобальной рыночной экономики. Подчиняется ли функционирование рынка своей собственной внутренней логике, или же оно зависит от государственных регулирований? Во-вторых, это вопрос о диалектике экономических и политических изменений. В какой мере экономическая нестабильность может повлечь за собой политические потрясения? Как соотносятся стремление государств к сохранению своего суверенитета и глобализация способов экономического регулирования? В-третьих, ³то вопрос о политических путях вступления государств в процесс глобализации. Какими средствами располагает государство для контроля рынка и какие стратегии имеет в своем распоряжении

рынок — вернее, те силы, которые его представляют, для преодоления или обхода государственных ограничений? Однако Гилпин в конечном итоге все же приходит к выводу, что «лучшую надежду миру на экономическую стабильность дает меркантилизм в мягкой форме» (*Gilpin*. 1987. Р. 408). Тем самым он подтверждает свою приверженность неореализму.

Со своей стороны, С. Стрэндж уже в одной из первых изданных ею работ по МПЭ (*Strange*. 1970) подчеркивает, что «стремительность событий в международной экономике и изменений, связанных с экономической взаимозависимостью, порождает новые вопросы, касающиеся природы национального интереса» (там же. Р. 315), и настаивает на необходимости изучения международных экономических отношений на основе приоритета «политического». В этой связи она предлагает подход, основанный на структурном понимании власти. Основной вопрос международной политэкономии — вопрос о соотношении государства и рынка — С. Стрэндж рассматривает через структурное понимание власти. Власть уподобляется четырехграннику, стороны которого представляют собой структуры производства, безопасности, знания и финансов. Каждая сторона, соприкасаясь с тремя другими, оказывается с ними в положении тесной взаимосвязи, которая, в свою очередь, влияет на отношения между «властью» и «рынком». Развивая эту точку зрения в одной из своих последних работ (*Strange*. 1996), С. Стрэндж трактует международную систему как результат столкновений и борьбы, переговоров и компромиссов различных типов власти, которые стремятся навязать друг другу свои предпочтения. В настоящее время в этой борьбе наблюдается превосходство безличных рыночных сил. Автор называет две причины такой ситуации. Во-первых, это технологическая революция, которая привела к революции в сферах экономической деятельности и безопасности. А во-вторых, это удорожание стоимости капитала для предприятий и, соответственно, рост их потребности в финансах, на которую, в свою очередь, реагируют рынки. Результатом таких изменений становится переход власти над обществами и экономиками от государств к транснациональным корпорациям, фирмам и банкам. Производственная деятельность во всех секторах экономики все чаще осуществляется помимо государств. Распределение богатств в мире зависит уже не столько от государственных политик, сколько от трансфертов со стороны транснационального капитала. Фирмы и предприятия конфисковали у государств функции социального управления, обеспечения занятости, условий труда и его оплаты. Все это регулируется не столько государственными законами, сколько внутренними регламентациями самих фирм. Транснациональные фирмы играют растущую роль и в фискальной сфере. Кроме того,

они все больше подрывают роль государств в политике безопасности, экономики, коммуникации и в целом его монополию на насилие. Однако, по мнению Стренджа, все это не означает, что можно прогнозировать исчезновение государства или его переход под полный контроль со стороны транснациональных фирм. История учит, что соотношение сил между институционально-политической и экономической властью — величина переменная. Сегодня это соотношение складывается не в пользу государства, однако это не значит, что такая ситуация сохранится и в будущем. В то же время важное значение имеет рост асимметрии между государствами с точки зрения их способности управлять своими обществами и экономиками. Только США обладают всеми видами структурной власти. Поэтому выводы об утрате их гегемонии выглядят, по мнению С. Стрэндж, обоснованными.

«Экономический структурализм» С. Стрэндж стал не только попыткой теоретического синкретизма, т.е. преодоления крайностей и соединения преимуществ, конкурирующих в МПЭ позиций (см.: *Graz.* 1994. Р. 151). Парадоксальным образом он совпадает в ряде своих положений с «неолиберальной контрреволюцией» и с концепцией «новой политэкономии», основанной на неоклассических подходах (см. об этом: *Coussy.* 1998).

Действительно, одной из важнейших категорий «экономического структурализма», его «несущей конструкцией» выступает «глобализация», понимаемая как результат стратегии крупных предприятий, которые все более заметно утрачивают связь с какой-либо одной страной и подчиняют государство своим решениям. Глобализация — следствие неумеренной, но естественной экспансии капитализма, против которой бесполезно бороться. «Новая политэкономия» лишь усиливает этот тезис, «развенчивая» любые попытки государств воспрепятствовать процессу глобализации как неуместное вмешательство, противоречащее неумолимой логике рынка. Отсюда один из главных тезисов «новой политэкономии» — о деполитизации современных экономических процессов. Представители данного течения (Р. Палан, Дж.М. Боучанан, Д. Колландер, А.О. Крюгер и др.) утверждают, что государственное регулирование национальных экономик должно уступить место саморегулированию, осуществляемому через механизмы мирового рынка, и что такое саморегулирование деполитизирует международные экономические отношения, сделает невозможными межгосударственные конфликты, ослабит проявления национализма и сведет роль государства к минимуму, т.е. к его представительским функциям. В то же время с целью навязать либерализацию сторонники рассматриваемого течения стремятся мобилизовать гегемонические отношения, использовать свои позиции в международных органи-

ях и даже силу (подробнее об этом см.: *Coussy*. 1998. Р. 266—267, 271-*Богомолов*. 2000). Таким образом, постклассическое течение в МПЭ характеризуется отказом от теоретического компромисса, возвратом к позициям вытеснения политического из экономического, свободы рыночных сил и минимизации (если не полного отрицания) государственного регулирования внутренних и международных экономических процессов. Некоторые из отмечаемых сторонниками данного течения тенденций и часть их прогнозов находят свое подтверждение в действительности. В мировой экономике усилилась роль транснациональных корпораций в ущерб государственным акторам. Рыночные отношения распространяются на все новые страны, втягивая их таким образом в процессы освобождения цен, снижения протекционистских мер в международной торговле. Большинство слаборазвитых стран и государств с переходной экономикой уже не конфликтуют с ТНК и международными валютными и экономическими институтами (как межправительственного, так и частного характера), а стремятся сделать все, чтобы выглядеть привлекательными в их глазах с целью обеспечения благоприятного климата для инвестиции. С другой стороны, противники неоклассицизма указывают на то, что либерализация мировых экономических отношений влечет за собой рост неравенства государств и народов, увеличивает угрозы для национальных экономик, обостряет социальные проблемы и опасность возникновения новых конфликтов. Самое общее представление о международной политэкономии можно получить из табл. 2.

Таблица 2

Центральные проблемы	Традиции (и их исходные положения), представители	Неоклассические подходы, их представители	Теории
1. Интересы в условиях глобализации	Меркантилизм (национальное развитие) — <i>Ф. Лист</i>	Неореализм — <i>Р. Гиллия</i>	Структурной власти
2. Причины и следствия глобального рынка	Либерализм (свободная торговля) — <i>А. Смит, Д. Рикардо</i>	Экономический структурализм — <i>С. Стрэндж</i>	Гегемонистской стабильности
3. Взаимодействие экономических и политических изменений (государства и глобального рынка)	Марксизм (ограбление метрополиями колоний; всемирная экспансия капитала; империализм) — <i>К. Маркс, В.И. Ленин</i>	Неолиберализм — <i>Р. Кохен</i> Неомарксизм — <i>И. Валерстайн</i>	Международных режимов
4. Пути вхождения государств в глобализацию		Новая политэкономия — <i>Р. Палан</i>	Зависимого международного порядка

Наиболее радикальными критиками неоклассицизма и положений «новой политэкономии» выступают неомарксисты.

Неомарксизм

В институализации и развитии современной международной политэкономии значительную роль сыграли исследования неомарксистов. При осмыслении того места, которое занимает в современной международно-политической науке неомарксизм, следует учитывать следующие моменты. Во-первых, то, что объединяет его с традиционной марксистской парадигмой, и то, что его отличает от нее. Во-вторых, следует принимать во внимание, что неомарксизм, в отличие от канонического марксизма (но так же, как и другие парадигмы науки международных отношений), представляет собой чрезвычайно разнородное течение: обстоятельство, которое требует рассмотрения не только его общих (парадигмальных) характеристик, но и особенностей теоретических взглядов наиболее крупных представителей¹. При этом такие особенности нередко делают указанные взгляды настолько далекими от традиционного марксизма и, напротив, настолько приближают их к позициям экономического структурализма (или международной политэкономии), что порою кажется, что специфика неомарксизма утрачивает свое значение. Наконец, в-третьих, несмотря на то что его отдельные представители являются крупными учеными, пользующимися авторитетом в научном сообществе, в целом неомарксизм как идейное течение, как одна из парадигм международно-политической науки остается относительно маргинальным (см. об этом: *Vennesson*. 1998. Р. 186). Подчеркнем, однако, именно относительность такой маргинальностиTM: если в странах Запада авторитетом пользуются отдельные представители рассматриваемого направления, то на «рынке» в развивающихся странах, а также государствах бывшего СССР и (хотя и в меньшей степени) Восточной Европы неомарксизм в целом занимает более прочные позиции.

Значительную роль в становлении неомарксистской парадигмы в международно-политической науке сыграли работы группы ученых, объединенных аргентинским экономистом Раулем Пребишем в рамках возглавлявшейся им в начале 1950-х гг. Экономической Комиссии Объединенных Наций по Латинской Америке. Пребиш и его

В рамках данной главы мы остановимся, главным образом, на обзоре общих черт неомарксизма, что же касается взглядов его отдельных представителей на те или иные проблемы, то они рассматриваются в соответствующих разделах, посвященных данным

группа выступили с критикой реализма, который не выходил в рассмотрении экономических вопросов за рамки неоклассического течения экономической мысли, основанной на подходах «наделенности факторами». Они доказывали, что капиталистическое разделение труда не только не приводит к конвергированию национальных экономик, но в действительности поддерживает поляризацию между странами — экспортерами сырья (т.е. «наделенными фактором труда») и странами — экспортерами готовых продуктов (т.е. «наделенными фактором капитала»). Истоки этих исследований, которые обычно рассматриваются как «теории зависимости», лежат в контексте латиноамериканской борьбы против империализма США. Они отталкиваются от тезисов Бухарина, Гильфердинга и Ленина о господстве финансового капитала на высшей стадии монополистического капитализма. Рассматривая с этих позиций роль господствующих классов «периферийного капитализма» и их отношений с транснациональными фирмами, они стремились объяснить причины зависимости «периферийного капитализма» внутренними и внешними экономическими структурами (подробнее об этом см.: *Graz*. 1994. Р. 136—137). Преодоление зависимости «периферии» от «центра» они видели на путях замены экономики, основанной на торговле сырьем и импорте готовой продукции, эффективной стратегией индустриализации, направленной на сохранение в слаборазвитых странах прибыли от использования новой техники.

Современные неомарксисты (среди которых следует назвать И. Валлерстайна, Р. Кокса, С. Амина, М. Рогальски, Й. Галтунга, Н. Гераса) представляют международные отношения в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Базовыми понятиями неомарксизма выступают «мир-система» и «мир-экономика»¹. Определяющее место в их взаимодействии принадлежит, естественно, «мир-экономике». Данное понятие отражает не столько сумму экономических отношений в мире, сколько систему взаимодействия международных акторов, ведущую роль в которой играют экономически наиболее сильные из них. Основные черты современной «мир-экономики» — всемирная организация производства, рост значения транснациональных монополий в мировом хозяйстве, интернационализация капитала и рынков продуктов при одновременной сегментации рынка труда, стандартизация моделей потребления, уменьшение возможностей государственного вмешательства в сферу

¹ В другой интерпретации эти понятия переводятся на русский язык как, соответственно, «мировая система» и «мировое хозяйство» (см.: *Валлерстайн*. 1998).

финансов и связанная с этим глобальная тенденция «финансизации» (высокие процентные ставки, «плавающие» обменные курсы, свобода спекулятивных трансфертов) и повсеместная приватизация. Неомарксисты подвергают логике международной экспансии современной, капиталистической «мир-системы» критике за сокращение социальных расходов, демонтаж политики полной занятости, изменение фискальных систем в пользу наиболее богатых. Они утверждают, что первым из главных следствий этого является рост неравенства между членами международной системы. Это лишает ее «периферийных» акторов (слаборазвитые государства и регионы) реальных шансов ликвидировать разрыв между ними и «центральными» акторами (государства при этом нередко уподобляются социальным классам: «государства-классы»). В среде последних, в свою очередь, происходят сложные процессы перераспределения влияния и кристаллизация «несимметричной взаимозависимости» в пользу США.

Резкой критике подвергается и господствующая в мировой системе идеология, обслуживающая управление указанными процессами • в пользу международного капитализма — идеология «гиперлиберализма» (Сох. 1990. Р. 697). «Гиперлиберализм» рассматривает роль государства прежде всего с позиций помощи глобальным рыночным силам, осуждая всякие разговоры о перераспределении богатства в пользу бедных регионов как «протекционистское вмешательство». В современном мире существуют и противоположные процессы — диверсификация экономических, политических, общественных, социокультурных и других организаций и структур, поиски новых путей развития. Но радикально-либеральная идеология внушает массовому сознанию, что альтернативы глобализации нет, поскольку речь идет о неумолимых экономических законах.

Гиперлиберальная мир-экономика нуждается в лидере, способном заставить уважать ее правила. Такую роль присвоили себе США. Это позволяет им претендовать на привилегии, в виде исключений из правил. США — самый большой должник в мире. Но их положение отличается от положения других дебиторов. США рассчитывают на дальнейшее получение кредитов от других стран и продолжают жить, тратя гораздо больше, чем это позволяют их собственные производительные возможности, ссылаясь на тяжесть «военной ноши», которую они Несут, защищая «свободный мир».

«Гиперлиберализм» меняет роль национального суверенитета. Роль государства рассматривается прежде всего с точки зрения помощи рыночным силам. И, наоборот, оно утрачивает свою роль социальной защиты населения. Подобно тому как это происходит во
В^нУтриобщественных отношениях, в мировом масштабе любые шаги,

направленные на перераспределение в пользу бедных регионов, расцениваются господствующей идеологией как «протекционистское вмешательство», которое противоречит логике рынка. Поэтому регионы все меньше связывают свои интересы с «центром». Усиливаются автономистские движения: богатые не хотят делиться с бедными, а бедные не видят решения своих проблем в сохранении тесных связей с богатыми (Cox. 1990. Р. 698-699).

Все это порождает опасную для мира ситуацию как в экономическом, так и в политическом плане. Выход может дать только разрыв с указанной логикой, отказ государств подчинять ей свое развитие, новая, альтернативная нынешней, регионализация.

Обосновывая необходимость стратегии «антисистемного разрыва», Самир Амин исходит из того, что основные черты наблюдающейся сегодня «разнузданной глобализации» являются следствием пяти монополий, обуславливающих ее поляризующий характер. Это монополия на новые техники, на контролирование финансовых потоков, на контроль доступа к природным ресурсам, на контроль доступа к средствам коммуникаций и на обладание оружием массового уничтожения (Amin. 1997. Р. 33).

Поэтому основная задача «стратегии разрыва» с существующей системой — это разрушение их мощи. Для этого необходимо формирование «фронта антисистемных народных сил». Такой фронт может быть создан через прогрессивный национализм в противовес обскурантистским, этническим, религиозно-фундаменталистским и шовинистическим формам национализма, которые столь широко распространены и поощряются стратегиями капитала. Этот прогрессивный национализм не исключает регионального сотрудничества. Он должен побуждать к формированию крупных регионов, которые являются условием для эффективной борьбы против пяти монополий. При этом, как подчеркивает С. Амин, речь идет о таких, моделях регионализации, которые кардинально отличаются от моделей, восхваляемых господствующими властями и призванных играть роль проводников империалистической глобализации.

Интеграция в масштабах Латинской Америки, Африки, арабского мира, ЮВА вокруг континентальных стран (Китая, Индии), но также и Европы (от Атлантики до Владивостока), базирующаяся на народных и демократических союзах, в конечном итоге вынудит капитал, по мысли неомарксистов, приспособливаться к требованиям этих союзов. С другой стороны, такие союзы выработают программы организации внутри- и межрегиональной взаимозависимости как в том, что касается «рынков» капиталов (цель которых — побудить их инвестировать в расширение производственных секторов), так и валютных или тор-

говых соглашений. Совокупность указанных программ придала бы силу амбициям демократизации как на уровне национальных обществ, так и на уровне мировой системы. «На этом основании, — пишет С. Амин, — я располагаю их в перспективу длительного перехода от мирового капитализма к мировому социализму, проходящему через ряд этапов» (Amin. 1997. Р. 46).

Используя термин А. Грамши, Р. Кокс называет этот процесс длительного поэтапного перехода к новой системе международных - отношений «позиционной войной». Глобализация «мир-экономики», сопровождаемая ростом богатств для самых богатых, будет иметь следствием разрыв социальных связей, демографический кризис и поляризацию между богатыми и бедными в мировом масштабе. Вместе с тем по мере развития этого процесса наиболее обездоленные группы могут скоординировать свои усилия для смягчения его неблагоприятных последствий. Демократизация международных отношений способствует гомогенизации и стандартизации мира, манипулированию мировым политическим процессом со стороны тех, кто способен его финансировать и кто владеет сложными технологиями манипулирования национальным и мировым общественным мнением. Но одновременно она ведет и к диверсификации. Она расширяет возможности утверждения партикулярных идентичностей, которые стремятся избежать унификации культуры. Она может дать место проявлению желания жить и работать иначе. В длительной перспективе — способствовать диверсификации общественных проектов и путей развития. Однако для осуществления этого необходимо вести постоянную воспитательную работу, которая является условием объединения широких народных сил и одновременно — базовой деятельностью «позиционной войны», призванной преодолеть современный идеологический конформизм {Сох. 1990. Р. 702-703}.

Таким образом, неомарксизм объединяют с традиционным марксизмом следующие черты. Во-первых, и тот и другой при анализе международных взаимодействий отдают приоритет экономическим структурам и их роли в общественном развитии. Во-вторых, оба течения рассматривают международные отношения как отношения классовой борьбы, господства и подчинения, эксплуатации и неравенства. Отсюда, в-третьих, характер международной среды трактуется как конфликтный, а ее основные проблемы как проблемы преодоления угнетенными международными классами эксплуатации и господства со стороны правящих классов. В-четвертых, как марксизм, так и его современные последователи в международно-политической науке исходят (хотя и в разной степени) из прогрессистских взглядов, отличаются верой в позитивный результат эволюции международных отно-

шений, который, однако, по их мнению, требует для своего осуществления активных действий со стороны народных масс. Наконец, важно отметить и то, что как марксизм, так и неомарксизм в международно-политической науке гораздо более убедительны и концептуальны в критике существующего положения, нежели в выработке путей выхода из него и, особенно, в описании альтернативной картины, призванной заменить его. При этом, как можно было заметить из сказанного выше, к неомарксизму данное замечание относится еще в большей степени, чем к его предтече.

Вместе с тем, в отличие от традиционного марксизма, неомарксизм не может быть охарактеризован как экономический детерминизм: придавая важную, часто первостепенную роль экономическим структурам, представители неомарксизма не рассматривают международные отношения как «вторичные» и «третичные», не упоминают о «надстроечном» характере культуры или же институтов. Кроме того, неомарксисты в противоположность своим идейным предшественникам при анализе взаимосвязи и взаимодействия внутренней и внешней политики отдают приоритет не первой, а второй (что иногда дает основания для их обвинений во «властном фетишизме» — см.: *Graz.* 1994. Р. 51). Наконец, важным отличием неомарксизма, имеющим принципиальное значение - в контексте международно-политической науки, является то обстоятельство, что его сторонники считают необходимой разработку специальной и автономной теории международных отношений, чему традиционный марксизм не придавал особого значения.

Оценивая место международной политэкономии и неомарксизма в международно-политической науке и весомость их теоретического вклада, нельзя обойти вниманием *то* обстоятельство, что указанные направления оказали и продолжают оказывать значительное влияние на социологию международных отношений.

Основные положения неоканонических парадигм (школ неореализма, неолиберализма и неомарксизма) схематически представлены в табл. 3.

¹ Вместе с тем неомарксисты стремятся отмежеваться от модернистского понимания «детерминизма». Заявляя, что «человеческая история прогрессивна, и это неизбежно», И. Валлерстайн вместе с тем подчеркивает, что «анализ мировых систем стремится лишь понятие прогресса статуса траектории и открыть его заново как аналитическую переменную». Дискуссию «свободной воли» против «детерминизма» не следует вести в пределах «или — или». Необходимо исследовать переходы, анализировать процессы, которые скрываются за этими понятиями, и быть готовыми к неожиданным результатам (см.: *Валлерстайн.* 1998. С. 138-139).

Таблица 3

Предмет спора	Неореализм	Неолиберализм	Неомарксизм
Акторы	Государства (правительства), их союзы	Государства, а также МПО, негосударственные организации	Центр, периферия и полупериферия «мир-системы»; «государства-классы» и «регионы-классы»
Природа международных отношений	Анархическая (отсутствие верховной власти и господство принципа «помоги себе сам»)	Ограниченная анархия (благодаря деятельности международных организаций, увеличению роли мирового общественного мнения и морали)	Империалистическая, эксплуататорская
Цели	Защита национальных интересов; безопасность государства; сохранение статуса-кво в международной системе	Международная безопасность (в той мере, в какой она не противоречит национальным интересам)	Антисистемный разрыв; преодоление поляризующей логики глобализации
Средства	Сила и союзы для сохранения баланса сил (стратегия и дипломатия)	Распространение идеалов либеральной демократии и рынка	«Позиционная война»; региональная интеграция «периферии» и «полупериферии»
Процессы	Межгосударственные конфликты и войны как крайняя форма их проявления	Глобализация; возрастание взаимозависимости; падение роли государства	Рост разрыва между центром и периферией; формирование несимметричной взаимозависимости в пользу США
Будущее МО	Нет будущего: характер МО остается неизменным	Новый мировой порядок, основанный на либеральной демократии и индивидуальных правах человека	Освобождение от эксплуатации. Мировой социализм
Исходный пункт теоретического анализа	Неизменность человеческой природы; национальные интересы	Экономические интересы; моральные ценности; права человека	«Мир-система» и «мир-экономика»
Представители	Б. Бузан, Р. Гилпин, К. Уолц	Р. Кохэн, Х. Милнер	С. Амин, И. Валлерстайн, Р. Кокс

3. Социология международных отношений

Настоящее время все более интенсивное развитие и растущий авторитет в научном сообществе получает, исследовательское направление,

возникшее на стыке социологии и международно-политической науки¹. Формально его институализация произошла более 30 лет назад — в 1966 г. на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане, где был заслушан специальный доклад, обосновывающий становление новой научной отрасли. В 1970 г. на VII Конгрессе было принято решение о создании в рамках Международной социологической ассоциации Исследовательского комитета по социологии международных отношений. Своими корнями данное направление уходит к 1940-м гг.: именно в этот период появляются работы сторонников школы «международного общества» (прежде всего, М. Уайта) в Англии. В США первые работы социологического направления увидели свет на рубеже 1940—1950-х гг. Во Франции данное направление заявило о себе в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (в частности, работами Ж. Вернана, Р. Арона, Г. Бутуля, Р. Боска и др.), хотя первые попытки социологического анализа международных отношений были предприняты еще в 1930—1940-е гг. (например, в работах Ж. Сиотиса). В Норвегии оно разрабатывается Й. Галтунгом. В СССР и в России в силу особенностей развития политической социологии (см. об этом: *Амелин В.Н., Дегтярев А.А.* 1997) их «встреча», а стало быть, и конституирование социологии международных отношений как относительно самостоятельной субдисциплины состоялись позднее, чем на Западе (см. об этом: *Тюлин.* 1997)². Однако отечественная социология международных отношений накопила определенный опыт: в последние десятилетия в этом направлении работали такие известные ученые, как Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, Д.В. Ермоленко, Б.Ф. Поршнев, М.А. Хрусталеv и др. (см., например: *Бурлацкий, Галкин.* 1974; *Ермоленко.* 1977; *Поршнев.* 1970; *Хрусталеv.* 1992; *Политическая социология. Политология. Социология международных отношений.* 1991).

В то же время было бы неправомерно говорить о социологии международных отношений как о сложившейся автономной дисциплине. Скорее, она представляет собой совокупность наиболее распространенных прежде всего именно в социологической науке подходов, проблематик и методов, заявляющих о своей альтернативности традиционным парадигмам и теориям международно-политической науки или же претендующим на дополнительную по отношению к ним.

В отличие от неореалистов и неолибералов, представители социологического направления в исследовании международных отношений под-

¹ Одним из важных, хотя и формальных признаков этого является издание профильных журналов в Лондоне и Париже: *International Sociology* и *Cultures & Conflicts*.

² Впрочем, следует отметить, что подобное конституирование далеко от своего завершения и в мировой науке.

черкивают значимость в мировой политике не столько национальных интересов, сколько ценностей, норм, идентичностей, культурных особенностей, традиций и идей. В результате все основные вопросы международных отношений (характер международной среды, перспективы ее изменения, основные процессы, их участники, возникающие между ними проблемы, пути их разрешения), как и наиболее распространенные теории (национального интереса, безопасности, баланса сил, сотрудничества, демократического мира), получают трактовки, альтернативные тем, которые господствовали в международно-политической науке на протяжении многих десятилетий (см.: *Цыганков* (отв. ред.). 1998).

На первых порах социология международных отношений (начало 1960-х гг.) рассматривала международные отношения как особую сферу общественных взаимодействий, стремилась дополнить их исследования, осуществляемые в рамках традиционных дисциплин — истории, права, экономики и др. Так, в исследованиях французской школы данного периода социология международных отношений поначалу трактовалась как своего рода теория среднего уровня, призванная обобщить предпринимаемое в рамках различных дисциплин изучение международных взаимодействий путем выявления присущих им общих детерминант и закономерностей. Делается и попытка формулирования основной проблематики нового направления, центральными в которой называются проблемы войны и межгосударственных конфликтов и лишь во вторую очередь — проблемы мира (см.: *Azon*. 1963; *Azon*. 1962; *Bosc*. 1965; *Boutoul*. 1970; *Merle*. 1974; *Derriennic*. 1977). Наряду с уже названными, для данного периода характерны еще три особенности. Во-первых, речь идет главным образом об исторической социологии международных отношений со свойственным ей обращением к историческим аналогиям, но и с одновременным стремлением к преодолению разрыва между микро- и макропарадигмами. Во-вторых, наблюдается достаточно четкое размежевание двух основных ветвей социологического направления — акционалистской, идентифицирующей себя с веберовскими традициями (во Франции это работы Р. Арона и его последователей), и детерминистской, опирающейся на творческое наследие Дюркгейма (школа гломологии Г. Бутуля и его сторонников). Наконец, в-третьих, социология международных отношений данного периода находится под очевидным воздействием реалий холодной войны, которое проявляется как в тематике (вписываю-

Это стремление вполне очевидно проявляется уже в трудах Р. Арона и еще более очевидно для работ Г. Бутуля (сказанное касается и последователей этих лидеров двух основных течений в рамках социологии международных отношений во Франции указанного периода).

щейся в рамки традиций политического реализма), так и в идеологической направленности исследований (подробнее об этом см.: *Цыганков*. 1996. С. 32-41).

Отмеченные особенности начального периода развития социологии международных отношений характерны и для британской школы, рассматривающей международные отношения как общество суверенных государств с едиными интересами и ценностями и с совместными правами и обязанностями. Подчеркивая значение институтов для стабильности международных отношений (через экономическое, социальное, техническое и функциональное взаимодействие государств), сторонники британской школы рассматривают международное право прежде всего как основной инструмент для поддержания сложившегося в мире баланса власти.

Окончание холодной войны способствовало усилению интереса к социологии международных отношений и одновременно трансформации ее проблематики. Рост взаимозависимости мира и процессы глобализации с особой очевидностью обнажили «разорванность» международно-политической науки между господствующими парадигмами — неореализмом и неолиберализмом — и неудовлетворенность результатами, которых они достигли в исследовании международных отношений. Обострилось стремление выйти за их пределы, сохранив и объединив при этом все положительное, наработанное в их рамках. Основные подходы социологического направления в международно-политической науке все более заметно определяются пониманием современного мира как единого пространства, структурированного многообразными и все более взаимозависимыми сетями социальных взаимодействий, как процесс постепенного формирования глобального гражданского общества.

Сторонники социологического подхода настаивают на необходимости анализа международных отношений в контексте глобальных транснациональных связей и взаимодействий. В новой ситуации выявилась ограниченность и нормативно-правового, и «режимного» подходов, равно как и неореалистской, и неолиберальной парадигм. Их общий недостаток состоит в том, что, считая критериями международных процессов рациональность политики, государственный интерес (определяемый в терминах власти или в терминах экономической мощи), баланс сил или материальное благосостояние, они не идут дальше этого. Однако анализ возникающих в наши дни «новых меж-

¹ Здесь имеется в виду теория международных режимов, одним из наиболее известных представителей которой является американский исследователь С. Краснер (см., например: *Krasner*. 1983; *Hasenclever, Meyer, Rittberger*. 1996).

дународных отношений» {Smouts (dir.). 1998) требует сосредоточения внимания на роли *социальных* норм и институтов, *групповых* ценностей и идентичностей, культур и традиций, которые не отрицают, но мотивируют интересы сторон, участвующих в международном взаимодействии.

В этой связи особое внимание исследователей привлекает концепция международного общества, разрабатываемая представителями британской школы еще с 1960-х гг. Данная концепция внутренне связана с идеями порядка и легитимности в мировой политике. М. Уайт и Х. Булл определяли международный порядок как регулирование межгосударственных взаимодействий, создающее и поддерживающее определенные ценности и нормы. Он содержит три основных компонента, представляющих собой первичные цели членов международного общества: стремление всех государств к безопасности; их заинтересованность в выполнении достигнутых соглашений; забота о сохранении своего суверенитета.

В целом сторонники британской школы в социологии международных отношений исходят из трех допущений: 1) международное общество — это *факт* международных отношений; 2) из этого факта вытекают *обязательства* со стороны членов международного общества по отношению друг к другу; 3) международное общество находится в *процессе перехода* от общества государств к обществу людей (т.е. к мировому обществу) и от международного порядка к мировому. Последнее означает, что по мере такого перехода формируется международное общественное сознание, распространенное по всему миру чувство *сообщества*.

Важная тенденция указанного процесса, считают представители социологического направления в исследовании международных отношений, — становление неформального института «глобального (самоуправления)», необходимость которого диктуется тотальной взаимозависимостью и обострением сущностных проблем человеческого бытия {Smouts. 1998. Р. 152). Преимущества такого «управления без правительства» в том, что оно формируется «снизу», а потому способно оставаться гибким, реагируя на меняющиеся условия и потребности субъектов. При «управлении без правительства» находится место всем взаимодействующим акторам — сильным и слабым, сплоченным и разнородным, объединенным и одиноким. Оно способствует постепенному осознанию всеми субъектами международных отношений общего

Известный американский исследователь Джеймс Рознау использует термин «постмеждународные отношения» (см.: *Rosenau*. 1990).

интереса. Институт «глобального управления» предполагает не только усиление и реформирование существующих (например, ООН), но и создание новых формальных институтов и процедур, призванных способствовать развитию межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем оно не лишено и недостатков. Главный из них вытекает из неравных возможностей сторон, участвующих в «управлении без правительства». Права и обязанности взаимодействия определяют в основном доминирующие акторы. Более того, некоторые субъекты мирового сообщества оказываются фактически исключенными из процесса глобального управления и многостороннего сотрудничества, что может служить источником усиления различных видов аномии в глобальном обществе (подробнее об этом см.: Эрман Ж. 1996.).

При этом, как подчеркивает Крис Браун, понятие «мировое сообщество» никогда не используется в отрицательном значении: может быть не совсем понятно, что должно или что подразумевается под ним, но ясно, что те, кто его используют, уверены, что мир мог бы стать лучше, если бы он мог быть назван сообществом. Иными словами, данное понятие отличается глубокой внутренней противоречивостью.

В самом деле, понятие мирового сообщества включает в себя как должное, так и сущее; содержит нормативный и рациональный, но одновременно ценностный и эмоциональный аспекты. Оно предполагает плюрализм и терпимость в отношениях между государствами и вместе с тем распространение по всему миру западных по происхождению и культурной основе ценностей (рыночная экономика, индивидуализм, права человека). Наконец, понятие мирового сообщества, основанное на убеждении в превосходстве либеральных принципов добра и справедливости, используется для навязывания этих принципов через политические теории, институты и действия. В итоге, направленная на достижение стабильности и справедливого мира, на устранение причин международных конфликтов концепция мирового сообщества одновременно способствует их закреплению и распространению. Остается неясным, однако, *кто* определяет пути движения человечества к мировому сообществу, задает нормы и правила поведения его членов, устанавливает их жизненные стандарты? Но так или иначе, в конечном счете понятие мирового сообщества отражает борьбу интересов и ценностей государств и народов Земли.

Альтернативная исследовательская программа была предложена *конструктивизмом* — направлением, которое стремится синтезировать теоретическое наследие Вебера и Дюркгейма и которое ставит во главу угла взаимосвязь между государственными интересами и идентичностями. Более близкие идейные предшественники конструктивизма — функционализм, британская школа, структурализм М. Фуко. Кон-

структивизм — далеко не однородное течение. В его рамках различают до меньшей мере два варианта. *Неоклассический* вариант (J. Ruggie, Kratochwill E, E. Adler...) включает в себя *неоидеализм* (A. Wendt, D. Dressier...), *социологический институализм*, который иногда рассматривается как самостоятельное направление (M. Finnemore, L. Meyer...), *коммуитаризм* (C. Brown, R. Jackson...) отчасти *неомарксизм* и *критическое направление* (R. Cox, N. Geras). *Постмодернистский* вариант (R. Ashley, Der Derian, R. Walker...), в свою очередь, включает в себя *феминистские* (J. Elstein, A. Tickner...) и *постпозитивистские* (J. George, Y. Lapid) *теории*. Иногда выделяют третий, промежуточный вариант, к которому относят, в частности, *неоидеализм* А. Вендта. В то же время при всей своей внутренней разнородности, конструктивизм имеет и общее содержание, основные элементы которого могут быть сведены к следующим: 1) главными объектами анализа международных отношений являются государства; 2) ключевые структуры в межгосударственной системе рассматриваются не столько как материальные, сколько как intersубъективные. 3) идентичности и интересы государства считаются в значительной степени сконструированными этими социальными структурами, а не результатом экзогенного воздействия человеческой природой или внутренней политики государства. Конструктивисты настаивают на взаимообусловленности мирового общества и его составных частей (прежде всего государств); на преемственности в эволюции международной системы, которая, однако, способна претерпевать и революционные перемены (что релятивизирует последствия окончания холодной войны на международную систему); на зависимости картины международных отношений не только от происходящих здесь процессов и взаимодействий, но и от концептуализации этой картины, от взгляда на нее.

С точки зрения конструктивистов, анархия — вовсе не имманентный атрибут межгосударственной системы, а продукт веры и воли лиц, принимающих решения (Вендт. 1998). Основные проблемы международных отношений определяются не интересами, не силой и властью государств, а нормами и верованиями, которыми руководствуются представляющие их политические лидеры. Поэтому суверенитет, безопасность, оборона и т.п. зависят от культуры, понимаемой в широком смысле. Последствия отсутствия верховной власти йад государствами могут быть исправлены, в частности, при помощи международных режимов, права, норм, экономической взаимозависимости, образования или институтов. Как справедливо подчеркивает П. Венессон, подход в соответствии с которым мораль исходит от самих государств, а политические деятели оказываются альтруистами, мотивированными справедливостью, и по своей собственной инициативе уважают нормы, —

такой подход разрушает всю господствующую концепцию международной системы. Становится возможным решить, наконец, дилемму безопасности, иначе построить международную политику и настолько же глубоко трансформировать ее (*Venesson. 1998*).

Еще одно направление в современной СМО представлено французской школой (Б. Бади, М.-К. Смуте, Д. Бидо), подчеркивающей принципиально важное значение анализа тех сдвигов, которые происходят во взаимодействии государств и новых участников международных отношений. С этой точки зрения, усиление взаимозависимости и процессы глобализации имеют следствием появление фундаментально новых тенденций в мировой политике. Во-первых, происходит автономизация деятельности транснациональных акторов — этнических, религиозных, культурных, профессиональных и иных групп, мультинациональных фирм, представителей рыночных, коммуникативных, информационных и миграционных потоков, а также диаспор, мафиозных кланов, выдающихся личностей, «частных» лиц и т.п. В таких условиях государственный суверенитет подрывается «расщеплением» лояльности индивида между тремя относительно самостоятельными сферами — государством, транснациональными и социокультурными сетями. Во-вторых, формируемые многообразными процессами идентификации (этнической, религиозной, коммунитарной...) новые акторы все более успешно претендуют на свою собственную роль в международной жизни, стремясь оказывать влияние на ее структуру, на действующих лиц, на возникающие между ними конфликты. В-третьих, размывается грань между внешней и внутренней политикой, между народными и внутриобщественными отношениями. При этом, делая все больше уступок групповой идентификации (и групповой исключительности) новых акторов, идя на уступки и компромиссы во взаимодействии с ними, государство активно способствует разрушению главных принципов, составляющих саму основу его легитимности: суверенитета, территориальности, политического представительства. В результате вся система международных отношений подвергается серьезным испытаниям и дестабилизации.

Таким образом, социологический подход расширяет возможности исследования международных отношений, обладая определенными преимуществами по сравнению с другими подходами. Присущая социологии международных отношений разнородность представленных в ней течений, конечно, сказывается на состоянии этой дисциплины, отражая относительность ее автономии и незавершенность конституирования. В то же время уже сегодня очевидно, что СМО способна предложить различное сочетание общетеоретических ориентации и исследовательских программ, позволяющих преодолеть присущий гос-

подствующим направлениям международно-политической науки дуализм внутреннего и внешнего, системы и среды, микро- и макроуровней, структуры и актора, государства и общества.

Схематическое представление о современных «национальных школах» социологии международных отношений можно получить из табл. 4.

Таблица 4

Общие положения в исследовании МО	Французская школа (доминирующее течение и его представители, исходный пункт анализа; импликация)	Британская школа (доминирующее течение и его представители, исходный пункт анализа; импликация)	Американская школа (доминирующее течение и его представители; исходный пункт анализа; импликация)
Нормы	Транснационализм и глобализм (Б. Бади, Д. Биго, М.К. Смутс)	Коммунитаризм (Х. Булл, М. Уайт, Б. Бузан)	Конструктивизм (А. Вендт, М. Финнемор, П. Катценштейн)
Институты	Глобальное общество государств, транснациональных акторов и культурных сетей	Международных общество суверенных государств с общими интересами и ценностями, общими правилами и институтами	Межгосударственная система
Ценности	Государство, его суверенитет и национальная безопасность утрачивают свое значение	Международное общество — в процессе перехода к мировому сообществу	Структуры межгосударственной системы носят интересубъективный характер
Идентичности	Различие между внутренним и внешним теряет свое значение		Идентичности государств созданы этими структурами
Культурные особенности	Формирование глобального (само)управления		Международная (межгосударственная) система, ее компоненты и структуры взаимно конструируют друг друга
Восприятия			Характер МО зависит не только от «материальных» событий и процессов, но и от их концептуализации

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики в России: становление и современное состояние // Мир России. Т. IV. 1997. № 1.
2. Богомолов О.Т. Вызов мировому порядку // Независимая газета. 2000. 27 янв.
3. Буглай В.Б., Ливенцов Н.Н. Международные экономические отношения. М., 1996.

4. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Политика. Международные отношения М., 1974.
5. *Валлерштайн И.* Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований М., 1998.
6. *Вендт А.* Четыре социологии международной политики // Международные отношения: социологические подходы / Отв. ред. П.А. Цыганков. М., 1998.
7. *Гоулдманн К.* Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманпа. М., 1999.
8. *Ермоленко Д.В.* Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и вопросы социологических исследований международных отношений). М., 1977.
9. *Кохэн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманпа. М., 1999.
10. *Международные отношения: социологические подходы / Отв. ред. П.А. Цыганков, М., 1998.*
11. *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2.
12. *Политическая социология. Политология. Социология международных отношений // Социально-политические науки. 1991. № 7.*
13. *Поршнев Б.Ф.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970.
14. *Ротфельд А.* Международная безопасность: формирующаяся повестка дня // Ежегодник СИПРИ, 1997. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 1997.
15. *Сандерс Д.* Международные отношения: неореализм и неолиберализм // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманпа. М., 1999.
16. *Тикнер Дж.Э.* Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма // Политическая наука: -новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманпа. М., 1999.
17. *Торкуиов А.В. (ред.).* Современные международные отношения. М., 2000.
18. *Тюлин ИГ.* Исследование международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // Космолис. 1997.
19. *Финиенмор М.* Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма // Международные отношения: социологические подходы / Отв. ред. П.А. Цыганков. М., 1998.
20. *Хрусталева М.А.* Системное моделирование международных отношений: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1992.
21. *Цыганков П.А.* Международные отношения: Учебное пособие. М., 1996.
22. *Эрман Ж.* Индивидуализм и системный подход к анализу международной политики // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996.
23. *Amin S.* Capitalisme, imperialisme, mondialisation // Recherches Internationales. № 48. Printemps 1997.
24. *Aron K.* Une sociologie des relations internationales. Revue française de sociologie. 1963. Vol. IV, № 3.
25. *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. P., 1962.
26. *Baldwin D.A. (ed.).* Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. N.Y., 1993.
27. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scène internationale. P., 1992.
28. *Bosc R.* Sociologie de la paix. P., 1965.
29. *Boutoul G.* Traité de polemologie. Sociologie des guerres. P., 1970.

30. *Brown C.* International Relations Theory: New Normative Approaches. Hemel Hempstead, 1992.
31. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. L., 1977.
32. *Buzan B.* People, Fear and State: The National Security Problem in International Relations. Great Britain, Wheatsheaf Books Ltd, 1983.
33. *Buzan B.* People, State and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. L., 1991.
34. *Busan B., Jones C., Little R.* The Logic of Anarchy: Neorealism to structural Realism. N.Y., 1993.
35. *Coussy J.* Economic politique internationale // M.-C. Smouts (sous la dir. de). Les nouvelles relations internationales. Pratiques et theories. P., 1998.
36. *Cox R.* Dialectique de l'economie-monde en fin de siecle // Revue Etudes internationales. Vol. 21; № 4. Decembre 1990.
37. *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
38. *Doyle M.W.* Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism. NY, 1997.
39. *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. Princeton, 1987.
40. *Graz J.-C.* Relations internationales et concepts economique: renovations et ruptures // Le Trimestre du Monde, 3e trimestre 1994- № 36.
41. *Grieco J.M.* Anarchy and the Limits of Co-operation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism and the Future of Realist Theory // Baldwin D.A. Neorealism and neo-liberalism. NY., 1993.
42. *Hasenclever A., Meyer P., Rittberger V.* Justice, Equality and Robustness of International Regimes. A Research Design. Tubingen, 1996.
43. *Kaplan R.* The Coming Anarchy // The Atlantic Monthly. Vol. 273. № 2. February 1994.
44. *Keohane R.* Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond // Political Science: The State of a Discipline. Washington, 1983.
45. *Keohane R.* (ed.) Neorealism and Its Critiques. NY, 1986.
46. *Kramer S.* International Regimes. Ithaca, 1983.
47. *Linklater A.* Neo-realism in Theory and Practice // Steve Smith & Ken Booth (ed.) International Relations Theory Today. L., 1995.
48. *Linklater A.* Transforming political community: a response to the critics // Review of International Studies. Vol. 25, № 1. January 1999. Forum on The Transformation of Political Community.
49. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. P., 1974.
50. *Milner H.* International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses, World Politics, 1992. Vol. 44.
51. *Mozaffari M.* Le neo-realisme et les changements structurels dans le Golf persique // Les relations internationales a l'epreuve de la science politique. Melanges Marcel Merle. R, 1993.
52. *Powell R.* Anarchy in international relations theory: the neorealist-neoliberal debate. International organization. Vol. 48, № 2. Spring 1994.
53. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.
54. *Rotfeld A.D.* The Emerging International Security Agenda // SIPRI Yearbook 1997. Armament, Disarmament and International Security Stockholm International Peace Research Institute. Oxford University Press, 1997.
55. *Schweller R.L.* Fantasy theory // Review of International Studies. Vol. 25, № 1. January 1999. Forum on The Transformation of Political Community.
56. *Smith S.* The Self-Images of a Discipline: A Genealogy of International Relations Theory // Theory of International Relations Today. Ed. by Steve Smith and Ken Booth. Cambridge, 1995.

57. *Smouts M.-C. (dir). Les nouvelles relations internationales. Pratiques et theories. P., 1998.*
58. *Strange S. International Economics and International Relations: A Case of Mutual Neglect // International Affairs, 46 (April 1970).*
59. *Strange S. The Retreat of the State: the Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge, 1996.*
60. *Vennesson P. Les relations internationales dans la science politique aux Etats-Unis. Politix. № 41. 1998.*
61. *Waltz K.N. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y., 1959.*
62. *Waltz K. Theory of International Politics. N.Y., 1979.*

ГЛАВА 6

Международная система

Системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 1950-х гг. Это происходит параллельно с проникновением в социальные дисциплины достижений научно-технической революции, в частности, ЭВМ. Сочетание системного подхода с методами точных наук становится еще одной причиной его притягательности для ученых и порождает надежды на придание исследованиям в этой области необходимой строгости, прочной теоретической обоснованности и эмпирической верифицируемостиTM. «Идея систем, — писал, например, С. Хоффманн, — несомненно, дает наиболее плодотворную концептуальную основу. Она позволяет провести четкое различие между теорией международных отношений и теорией внешней политики, а также способствует успешному развитию как той, так и другой» (*Hoffmann*. 1961. Р. 428).

И хотя основоположником системной теории принято считать эмигрировавшего в США австрийского ученого Людвиг фон Берталанфи, системный подход существовал и до него. Например, одна из глав знаменитой работы Т. Гоббса «Левиафан» называлась «О системах...». Основные понятия системного подхода широко использовались К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным. Проблемам системной теории была посвящена также изданная в 1920-е гг. двухтомная работа нашего соотечественника А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука (тектология)». В этой работе были проанализированы такие основополагающие понятия системного подхода, как «система», «элементы», «связи», «структура», «среда», «устойчивость»; сформулированы идеи, касающиеся системных противоречий, законов функционирования и трансформации сложных систем. Эти, а также многие другие положения в последующие годы, и особенно в период бурного развития системной теории в середине XX в., нашли свое подтверждение и дальнейшее развитие. В сфере социально-политических наук системный подход плодотворно развивали американские ученые Т. Парсонс и Д. Истон. Наибольшее распространение в политической социологии получили идеи, высказанные Д. Истоном в книге «Системный анализ политической жизни» (*Easton*. 1965). Политическая система рассматривается в ней как определенная совокупность отношений, находящихся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов». Как видим, данная концепция построена в соответствии с базовыми идеями кибернетики. На «входах» система получает извне импульсы, сигналы, ресурсы; встречается с вызовами, представляющими угрозу ее целостности. Д. Истон разделяет их на две категории: 1) «требования», связанные с безопасностью, индивидуальной свободой и равенством, участием, потребительскими благами и т.п., и 2) «поддержки», позволяющие удовлетворять некоторые требования и регулировать вызываемые ими конфликты. Источником «требований» являются, с одной стороны, такие части внутрисоциетальной среды, как экологическая и биологическая системы, личностные и социальные системы. С другой стороны, компоненты экстрасоциетальной среды: международно-политические, международно-экологические и международно-социальные системы. Все потоки, поступающие на «входах» из глобальной окружающей среды, перерабатываются внутри

политической системы. Это происходит посредством определенного рода реагирования всех составных элементов системы, что вызывает в конечном счете некую совокупную ответную реакцию, которая является адаптацией данной системы к среде. На «выходах» эта реакция облекается в форму неких политических действий, правительственных актов и мероприятий и т.п. Обратная реакция, в свою очередь, является началом нового цикла взаимодействия системы с окружающей средой, способствует определенным изменениям в последней, что рождает затем новые «требования» и «поддержки».

Таким образом, одним из главных достоинств концепции Д. Истона является то, что он рассматривал политическую систему в динамике как целостный организм, находящийся в постоянном взаимодействии с окружающей средой и непрерывно «сверяющий» свои «ответы» с состоянием и реакцией своих элементов. Предложенный Д. Истоном системный анализ облегчает поиск и выявление правил функционирования политической системы, закономерностей ее отношений с другими системами, условий сохранения ее стабильности и т.п.

Однако специалисты довольно сдержанно относятся к возможности применения выводов Д. Истона к любому типу политических систем. Некоторые полагают, что эти выводы не подходят для изучения, например, международных систем. Во-первых, по мнению одних, Д. Истон делал свои выводы на основе изучения специфического типа политической системы, а именно — американской, и в результате они слабо учитывают особенности других политических систем (Поппе. 1971. Р. 185). Во-вторых, истоновское определение политики как «авторитарного распределения ценностей» (Easton. 1953. Р. 135) не принимает во внимание особенности международных систем и не позволяет рассматривать международные отношения как политические. Наконец, в-третьих, схема Истона не может быть применена к глобальной международной системе, ввиду особенностей окружающей среды последней (которые более подробно будут рассмотрены ниже).

1. Основные понятия системной теории

Исходным в системной теории является понятие «система», которое Л. фон Берталанфи определяет как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом» (Bertalanffy. 1968. Р. 5). «С формальной точки зрения, — пишет французский ученый Ж. Эрман, — система (*Sy*) предполагает наличие состава ее элементов (*C*), специфические взаимосвязи между ними, структуру (*S*) и среду (*E*)» (Эрман. 1996. С. 54).

Другое понятие — «элементы», т.е. простейшие составные части системы.

Содержание понятия «структура» имеет несколько аспектов, отражающих различные степени сложности системы: а) соотношение элементов системы; б) способ организации элементов в систему; в) совокупность принуждений и ограничений, которые вытекают из существования системы для ее элементов. Иногда тому или иному из этих аспектов, в зависимости от целей исследования, придается самостоятельное значение. Так, Жак Эрман пишет: «Структура системы — это просто синхронное соединение элементов системы; организация сие-

темы — это совокупность диахронических принципов образования и видоизменения таких синхронных соединений, принципов, которые обеспечивают самоидентичность структуры во времени» (*Эрман. 1996. С. 58*).

«Среда» — это то, что влияет на систему и с чем она взаимодействует. Различают два вида среды: внешняя среда (*окружение* системы, или *энвайромент*) и внутренняя среда (*контекст*). Так, внешней средой для системы экономических отношений (ее энвайроментом) является совокупность всех общественных отношений данного общества, общество как целостность. Что же касается внутренней среды экономических отношений (контекста), то она может быть представлена как совокупность специфических условий, характерных для функционирования экономических отношений (например, технологических, социокультурных и иных особенностей производства, присвоения, распределения и обмена товаров). Очевидно, что граница между внешней и внутренней средой, с одной стороны, между системой и средой — с другой, не является непроходимой.

В данной связи особую роль играет понятие «системная граница». Граница определяется путем выявления смежного расположения элементов системы. Элемент системной границы — это такой элемент, который соседствует, по крайней мере, с одним элементом системы и одним элементом среды. Как показывает Ж. Эрман, граница системы оказывается просто группой пограничных элементов последней. Система любого типа отношений (политических, экономических, культурных, общественных) обладает относительно динамичной, четкой и измеримой границей, которая, однако, может и не принимать никакой особой геометрической формы. Существуют и «прерывающиеся границы, и блуждающие, хотя и четко определимые площади». С этой точки зрения национальное государство может быть представлено как сочетание топологического понятия границы и классического географического понятия территории. «Несмотря на наличие тонкого слоя собственного воздушного пространства, национальное государство есть, прежде всего, отображение в двух измерениях системы социальных потоков, что упрощает общественные отношения и увеличивает объем случайных взаимодействий элементов, находящихся в броуновском движении» (*Эрман. 1996. С. 56—57*).

«Функция» системы — это ее реакция на воздействия среды, направленная на сохранение определенного типа отношений между элементами системы, т.е. на сохранение «устойчивости» данной системы.

С понятием «функция» тесно связано понятие «процесс». В рамках системного подхода процесс — это «взаимодействия между элемента-

ми, особенно прочные и периодически повторяющиеся модели таких взаимодействий». Используя понятие «процесс» [исследователь] рассматривает, как в действительности элементы взаимодействуют друг с другом в ограниченных рамках структуры и своих способностей к взаимодействию, и особенно уделяет внимание прочным и периодически повторяющимся моделям динамики взаимодействия» (Бузан. 1998 С. 139).

Еще одно важное понятие системного подхода — понятие «подсистема». В качестве подсистемы может выступать любой элемент системы, представляющий собой, в свою очередь, совокупность взаимодействующих элементов (т.е. систему, а поскольку она существует в рамках более общей системы, то ее называют подсистемой). В этом случае внешней средой для подсистемы выступает более общая система. Так, «исследуя развитие сложных систем, как, например, общество, организм, научная и философская доктрина, космическое тело, необходимо постоянно иметь в виду внутренние процессы подбора их элементов, а если удастся разложить элементы дальше, на элементы второго порядка, то и этих в их еще более узкой среде, и т.д., насколько позволит достигнутый уровень приемов анализа» (Богданов. 1927. С. 189-190).

Значимость данного понятия может быть проиллюстрирована на примере «модели соответствия (конгруэнтности) и резких изменений (разрывов)» («model of congruence and discontinuities»), которую разработал Оран Янг. В 1968 г. Янг обратил внимание на то, что преобладавшая тогда в международных исследованиях дихотомия между биполярной и мультиполярной моделями, так же как и подходы, выделявшие смешанные типы международных систем (расположенных между полюсами биполярности и мультиполярности), оказались несостоятельны в объяснении основных аспектов и главных направлений тех важных изменений, которые, несмотря на сохранение обстановки холодной войны, происходили в международной политике (Young-1968. Р. 370). Предложенная Янгом «модель соответствия и резких изменений» охватывает взаимное влияние глобальных и региональных властных процессов в международных отношениях. Янг стремится выяснить степень подобия и различий (в типах политических интересов и властных отношений) между глобальной системой и региональными подсистемами, с одной стороны, и между самими региональными системами — с другой. Он выделяет пять, положений предлагаемой им «модели соответствия и резких изменений» (Young. 1968. Р. 370-371).

В первом указывается на существование акторов и ряда существенных вопросов, которые относятся ко всей международной системе или,

по крайней мере, к большинству ее подсистем. Во второй отмечается, что важные акторы, существенные интересы, типы конфликтов и особенности равновесия сил значительно различаются от одной системы к ДРУГ^{ой}. В третьем подчеркивается, что вследствие этого региональные подсистемы международной системы во многом сильно отличаются ДРУГ^{ой} от Друга. В четвертом акцентируется внимание на том, что во всех случаях подсистемы никоим образом не являются полностью отличными друг от друга, поскольку каждая из них является совокупностью глобальных и локальных характеристик. Наконец, в пятом положении модели разрывов указывается, что специфическая смесь глобальных и региональных элементов может принимать разные формы от одной подсистемы к другой. «Короче говоря, — пишет О. Янг, — уровни и типы разрывов способны быть относительно изменчивыми как горизонтально — в пространстве, так и вертикально — во времени» (Young. 1968. P. 371).

Таким образом, Янг выдвинул идею о многообразии типов сложного взаимопроникновения подсистем, каждая из которых является настолько самодостаточной, что порой невозможно даже предположить существование между ними отношений прямого соответствия. Создавая модель разрывов, ее автор преследовал цель направить развитие анализа международных отношений в новых направлениях; выявить новые проблемы, которые часто игнорируются биполярными и мультиполярными моделями (Ibid. P. 392).

А.Д. Богатуров использовал подобный подход, в частности, для исследования «мирополитических реалий через призму взаимного положения отдельных компонентов региональной подсистемы в их взаимодействии, реализующемся в устойчиво воспроизводимых связях этих компонентов между собой и с окружающей мировой макросистемой» {Богатуров. 1997. С. 8}. Это позволило ему прийти к интересным выводам. Например, анализируя азиатско-тихоокеанскую подсистему, ученый обратил внимание на отсутствие в этой части мира крупных конфликтов с момента прекращения в 1973 г. войны во Вьетнаме. Этот факт противоречил традиционным представлениям о нестабильности азиатско-тихоокеанской подсистемы. Региональные противоречия в АТР, оставаясь неурегулированными и периодически прорываясь на поверхность, вместе с тем не привели к войнам, подобным боснийской, ^аРмяно-азербайджанской или таджикской (см.: там же. С. 9). Богату-Ров выдвигает идею о наличии особой модели стабильности в рассматриваемой им подсистеме международных отношений, т.е. о существовании в последней иной логики, иного, отличного от европейского, контекста. Этот контекст лучше приспособлен к сохранению стабильности, равновесности. В результате подсистема Восточной Азии избе-

жала дестабилизирующего влияния тех потрясений, которые обрушились на мировую систему в начале 1990-х гг. (там же. С. 9—10).

Понятие системы в сфере международных отношений используется очень часто. Однако единства относительно этого понятия нет. Часто, будучи слишком тесно связанным со структурным функционализмом, системный подход является лишь робким эмпиризмом, основанным на упрощенной дилемме внутреннего и внешнего («мировая система», «региональные системы»). Отмечая данное обстоятельство, Ж. Эрман подчеркивает, что классическое понимание международных отношений относится к использованию понятия «система» (см.: Эрман. 1996. С. 54). Характерны в этой связи сомнения другого исследователя Р. Арона: «Я называю международной системой совокупность политических образований, поддерживающих между собой постоянные отношения и могущих быть вовлеченными в широкомасштабную войну... Я не сразу решился употребить термин «система» для обозначения некоего целого, внутреннее единство которого состоит в соперничестве его составных частей... Политическая система определяется организацией, взаимосвязями составляющих, взаимодействием элементов, механизмами управления. В какой степени все это обнаруживается в международной системе?» (Арон. 1984. Р. 103).

Использование системного подхода в гуманитарных науках всегда порождало проблемы. Например, понятие системы может трактоваться в формальном смысле как совокупность абстрактных отношений в конкретной теоретической модели (как, например, это имеет место в теории игр, позволяющей говорить о «системе» олигархических игр, свойственных европейскому равновесию). В то же время понятие системы может обозначать и совокупность нормативно-юридических положений, если речь идет, например, о «системе ООН» или «европейской валютной системе». Путаница, при использовании системного подхода к конкретным сферам действий порождает непредсказуемость не только на глобальном, но и на локальном уровне (Эрман. 1996. С. 58-59).

Однако нельзя упускать из виду то, что именно применение системного подхода стало одним из отличительных признаков проникновения социологии в сферу международных отношений, а значит, и провозвестником рождения новой научной дисциплины (см., например: Когану. 1978. Р. 65). Было замечено, что «социологические обобщения, касающиеся социальных систем, *mutatis mutandis* применимы также и к исследованию международных систем» (Models. 1961-Р. 121).

Несмотря на то что реальная роль системного подхода в деле успешного развития науки о международных отношениях не совпала с

ожидаемой (о чем более подробно будет сказано ниже), она является достаточно важной и заслуживает специального анализа. С этой целью в данной главе рассматриваются особенности и основные направления системного подхода в изучении международных отношений, типологии и структуры международных систем.

2. Особенности и основные направления системного подхода в анализе международных отношений

Особенности системного подхода в изучении международных отношений вытекают прежде всего из самой специфики анализируемого объекта. Эта специфика подробно была рассмотрена в первой главе, поэтому здесь ограничимся замечаниями, которые касаются общих и специфических особенностей международных отношений и, соответственно, международных систем.

Первая общая особенность. Международные отношения являются отношениями социальными. Следовательно, международные системы — это социальные системы. Поэтому они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых это не анализ механических систем. Кроме того, социальные системы и, как мы выяснили, международные относятся к типу открытых, слабоорганизованных систем. Иными словами, «далеко не всегда можно провести ясную и четкую границу между изучаемым комплексом и его внешней средой, как можно сделать, скажем, при определении границы между объектом и средой двух пространственно отграниченных друг от друга объектов» (Поздняков. 1986. С. 90). В отличие от границ физических или биологических систем, пространственные границы международных систем носят чаще всего условный характер. Эту условность не следует абсолютизировать, представляя дело таким образом, что международные системы вообще «не даны в реальности, где существует только множество людей и множество отношений» (Derriennic. 1977. P. 71)

, или же утверждая, что они «всегда конструируются наблюдателем» (Badie, Smouts. 1992. P. 157). Такие замечания верны лишь отчасти. Например, системы ЕЭС или ОАЕ. Они отличаются друг от друга характером своих отношений со средой: первая является автономной, ^{1-е} отношения между ее элементами здесь играют большую роль, чем отношения со средой; вторая — проницаемой, так как взаимодействие ^с внешней средой для нее оказывается важнее отношений между элементами. При этом системы ЕЭС или ОАЕ не просто существуют в

реальности (а не только в воображении исследователя), но и имеют пусть и весьма относительные пространственные, но все же границы. В известной мере это верно и для региональных международных систем. Конечно, подобное нельзя утверждать, скажем, о системе межгосударственного сотрудничества (например, экономического, политического и т.п.) или же о системе взаимодействия традиционных и новых международных акторов. Однако и в последних упомянутых случаях международные системы не просто некие аналитические объекты, а конкретные совокупности связей между реально существующими социальными общностями. Взаимодействие между этими социальными общностями позволяет выявить определенные (пусть даже минимальные) черты системной организации. Подобного рода неформальные системы не представляют собой четко различимой конкретной общности, наподобие какой-либо вещественной системы, например биологического организма. Ф. Брайар пишет о неформальных международных системах, что они как определенная целостность, «разумеется, должны проявляться и в феноменологическом плане, но только опосредованно», что и обнаруживается путем теоретического анализа (*Braillard. 1977*).

Вторая общая особенность заключается в том, что основные элементы международных систем представлены социальными общностями, группами и отдельными индивидами, а значит, международные системы — это системы взаимодействия людей, руководствующихся в своих действиях волей, сознанием, ценностными ориентациями и т.п. Таким образом, как подчеркивают С. Фридлендер и Р. Коэн, определяющие факторы международной системы связаны с феноменами выбора, мотивации, восприятия и т.п. (цит. по: *Braillard. 1977. P. 106*).

Третья общая особенность международных отношений в том, что они по преимуществу являются отношениями политическими, стержнем которых остаются взаимодействия между государствами. Поэтому, например, ядром глобальной международной системы является система межгосударственных отношений.

Обратимся теперь к специфическим особенностям международных отношений, главная из которых состоит в том, что последние, как уже было показано, характеризуются отсутствием верховной власти, «плюрализмом суверенитетов», низким уровнем внешней и внутренней централизации. Иначе говоря, международные системы — это социальные системы особого типа, отличающиеся слабой степенью интеграции элементов в целостности, а также значительной автономией этих элементов. Разумеется, степень автономии нельзя абсолютизировать: международные отношения характеризуются не только конфлик-

том интересов, но и взаимозависимостью акторов. В то же время интегрированное общество (внутриобщественные отношения) не застраховано от конфликтов, которые, при некоторых условиях могут придать ему черты анархии, свойственные отношениям международным (см.: *Braillard*. 1977. Р. 109) (в том числе и дезинтеграции, как это проявилось на примере судьбы СССР).

Понимание специфики международных отношений и, соответственно, особенностей международных систем различно, отсюда и различие в подходах к их изучению. Существуют традиционно-исторический, историко-социологический, эвристический, смешанный и эмпирический подходы. Подчеркнем, что их выделение носит условный и отнюдь не взаимоисключающий характер, отражая лишь приоритеты в позициях того или иного автора.

Для обозначения дипломатических отношений между государствами в тот или иной исторический период, в том или ином регионе при традиционно-историческом подходе используют понятие «международная система»: например, европейская система XVII в. (основанная на принципах Вестфальского договора 1648 г.); система политического равновесия европейских государств («европейский концерт наций») XIX в.; глобальная биполярная межгосударственная система 1945—1990-х гг. Основной недостаток такого «панорамного» подхода состоит в том, что он нацеливает не на поиск закономерностей функционирования международных (а точнее, межгосударственных) систем, а ограничивается описанием взаимодействий между главными акторами — великими державами. Тогда как в системном подходе главное — убежденность в существовании закономерных связей между характером международных систем и поведением их основных элементов — международных акторов (*Huntzinger*. 1987. Р. 158—159). Именно на этой убежденности основаны все другие вышеперечисленные подходы.

Р. Арон, один из основателей историко-социологического подхода к изучению международных отношений, делает отправным пунктом своих исследований исторический опыт, избегая конструирования абстрактных моделей. Сравнивая отношения между греческими полисами, европейскими монархиями XVII в., государствами Европы XIX столетия, взаимодействие современных ему систем Востока и Запада, Арон искал в них повторяемость, которая позволила бы выделить общие закономерности. Понимая, что «анализ типичной международной системы не дает возможности предвидеть дипломатическое событие или диктовать правителям линию поведения, соответствующую типу системы» (*Агон*. 1984. Р. 103), Р. Арон считал, что системный подход все же позволяет выявить ту долю социального детерминизма, ко-

торая присутствует в международных отношениях. Поэтому ученый считал необходимым применить системный подход при изучении международных отношений.

В отличие от Р. Арона, американский исследователь М. Каплан считает, что только исторических данных недостаточно для теоретических обобщений. Исходя из общей теории систем и системного анализа, он конструирует абстрактные теоретические модели, которые помогли бы лучше понять международную реальность (*Kaplan. 1957*). По М. Каплану, анализ абстрактных международных систем предполагает изучение обстоятельств и условий, в которых такая система могла бы существовать или трансформироваться в систему другого типа. М. Каплан задается вопросами о том, почему та или иная система развивается, как она функционирует, по каким причинам приходит в упадок? В результате он выделяет пять переменных, свойственных каждой системе: основные правила системы; правила трансформации системы; правила классификации акторов, их способностей и информации, главными из которых считает первые три. «Основные правила» описывают отношения между акторами, поведение которых зависит не столько от их индивидуальной воли и особых целей, сколько от характера системы, компонентом которой они являются. «Правила трансформации» выражают законы изменения систем. Общая теория систем делает акцент на гомеостатическом характере систем, т.е. на их адаптации к изменениям среды и тем самым — к самосохранению. Каждая система имеет свои правила адаптации и трансформации. «Правила классификации акторов» включают структурные характеристики акторов, в частности, существующую между ними и оказывающую влияние на поведение каждого актора иерархию.

За абстрактность подхода к исследованию международных систем М. Каплана много критиковали. И все же такой подход обладает определенными достоинствами методологического характера, что позволило Ж. Унцингеру квалифицировать его как эвристический (см.: *Huntzinger. 1987. P. 159*).

Американский ученый Р. Роузкранс предпринял попытку синтеза историко-социологического и эвристического подходов. Основываясь на изучении конкретных исторических ситуаций, он выделяет девять последовательных международных систем, соответствующих следующим историческим периодам: 1740—1789, 1789—1814, 1814—1822, 1822—1848, 1848—1871, 1871—1888, 1888—1918, 1918—1945 и 1945—1960 гг. Затем он проводит системный анализ каждой из выделенных систем с целью выявления факторов, способствующих стабильности или же, наоборот, влияющих на дестабилизацию системы (*Rosecrance. 1963. P. 16*). Так же действовал Дж. Фрэнкел, который попытался про-

следить историческую эволюцию международных отношений, исходя из их системных характеристик и, в частности, из особенностей их структуры (*Frankel*. 1969). Однако он не стал выделять последовательные международные системы, считая, что современное состояние системного анализа международных отношений не позволяет сделать это достаточно правильно. Сходную позицию занимал и английский ученый Э. Луард, выделявший семь исторических международных систем: древнекитайская система (771—721 до н.э.), система древнегреческих государств (510—338 до н.э.), эпоха европейских династий (1300—1559), эра религиозного господства (1559—1648), период возникновения и расцвета режима государственного суверенитета (1648—1789), эпоха национализма (1789—1914), эра господства идеологии (1914—1974). Анализ выделенных систем Э. Луард проводит с помощью таких концептуальных орудий (переменных), как идеология, элиты, мотивации, средства, используемые акторами, стратификация, структура, нормы, роли и институты. Автор прослеживает воздействие каждой из этих переменных на структуру и функционирование международных систем, на их изменение в пространстве и времени (*hoard*. 1976).

По мнению Б. Корани, описываемый комплексный подход имеет целый ряд преимуществ: он более конкретный и четкий по сравнению с подходом М. Каплана; базируется на солидном эмпирическом материале, накопленном историками, политологами и социологами; наконец, характеризуется удобством и простотой использования как с точки зрения проверки его выводов, так и в качестве самостоятельного метода изучения международных систем. Указанные Б. Корани преимущества привлекли внимание к описываемому подходу и специалистов чикагской школы во главе с М. Капланом, которые также стали использовать его в своих исследованиях (см.: *Kaplan*. 1957. Р. 67-68).

Наконец, скажем об эмпирическом подходе, названном так благодаря тому, что он изучает взаимодействия, реально существующие в практике международных отношений в рамках определенных географических регионов (*Braillard, Djalili*. 1990). От традиционно-исторического подхода его отличает стремление объяснить особенности международно-политической ситуации в том или ином регионе планеты спецификой сложившихся здесь системных связей; раскрыть степень влияния таких факторов, как общерегиональное соотношение сил, социокультурные реалии, региональные международные организации и т. п., на поведение акторов. Данный подход заключается в поиске закономерностей, объясняющих поведение международных акторов, и в

дедуктивности выводов относительно существования и содержания таких законов.

Несовпадение позиций у представителей различных теоретических школ и направлений проявляется в создании других подходов, существенных противоречий между которыми меньше, чем принципиального согласия (см.: *Modelsky*. 1961. Р. 160). Все эти подходы (за исключением традиционно-исторического) исходят из существования законов функционирования международных систем (хотя характер самих систем и законов их функционирования могут пониматься по-разному); признают обусловленность поведения государств характером взаимоотношений между наиболее крупными и влиятельными из них - великими державами; считают, что общей чертой всех международных систем является их олигополистический характер (доминирование наиболее мощных государств и типа существующих между ними отношений); допускают существование разных типов международных систем и критериев их классификаций (подробнее о типах систем в следующем параграфе).

3. Типы и структуры международных систем

Разные подходы к системному изучению международных отношений обуславливают различия в типологиях международных систем. В зависимости от пространственно-географических характеристик выделяют, например, общепланетарную международную систему и ее региональные подсистемы-компоненты (элементами последних выступают субрегиональные подсистемы).

Ф. Брайар и М.Р. Джалили считают, что существование планетарной (глобальной) международной системы накладывает свой отпечаток на всю международную жизнь, и это стало бесспорной политической реальностью уже в начале противоборства СССР и США и приобрело новые черты с появлением новых самостоятельных международных акторов (бывших колониальных государств) на политической карте мира (*Brailard, Djalili*. 1990). В результате планетарная международная система до начала 1990-х гг. характеризовалась наличием двух главных конфликтных линий («осей»), разделяющих, с одной стороны, Запад и Восток (идеологическое, политическое, военно-стратегическое противоборство), а с другой — Север и Юг (т.е. экономически отсталые и экономически развитые страны). Вслед за О. Янгом Ф. Брайар и М.Р. Джалили считают, что, несмотря на целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны разрывы, ооу

словленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее (иначе говоря, осуществляется автономно). Таково следствие существования региональных подсистем — «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» (там же. Р. 88). Ф. Брайар и М.Р. Джалили стремятся выявить и описать факторы, влияющие на формирование особенностей, не вписывающихся в планетарную систему взаимодействий в европейской, панамериканской, африканской, азиатских (южно-азиатской, ЮВА, ближневосточной), карибской и, отчасти, западноевропейских субрегиональных подсистемах.

Региональные (а также групповые и двусторонние) аспекты взаимодействий государств авторы книги «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» рассматривают как структурные уровни межгосударственной системы, что не позволяет свести общую систему международных отношений только лишь к межгосударственной системе. Основным недостатком регионального подхода остается отсутствие четких критериев для выделения того или иного региона как объекта изучения. Этот недостаток может иметь негативные последствия для понимания происходящих в этих регионах международно-политических процессов (Система, структура и процесс... 1984. С. 35).

В качестве самостоятельной функциональной системы в литературе нередко рассматриваются такие виды международных (межгосударственных) отношений, как экономическая, политическая, военно-стратегическая и т.п. системы (см., например: *Brailtard*. 1977).

Объектом исследований выступают также стабильные и нестабильные (революционные, по определению С. Хоффманна), конфликтные и кооперативные, открытые и закрытые и т.п. международные системы. Например, *открытая система* — это реальное образование, сохраняющее свои границы (т.е. свое отличие от среды) с помощью гомеостатического механизма сопротивления изменениям (*Эрман*. 1996. С. 55). Некоторые исследователи под открытой понимают «*расплывчатую*» систему, т.е. такую, которая не имеет четких геометрических границ типа линий или площадей (например, сеть средств массовой информации, политическое объединение, атом водорода) (там же. С. 56).

Закрытая система — это абстракция, так как под ней подразумевается отсутствие контактов данной совокупности элементов с окружающей средой, что лишает смысла само существование закрытой системы, ибо постоянное взаимодействие со средой — его неперемнное условие.

Близка закрытой системе существующая в реальной действительности *автономная* система, отличия которой в том, что её структура-организация предполагает сохранение индивидуальности, не прерывая в то же время контактов и обменов с окружающей средой (сводя их до минимума при необходимости сохранения индивидуальности).

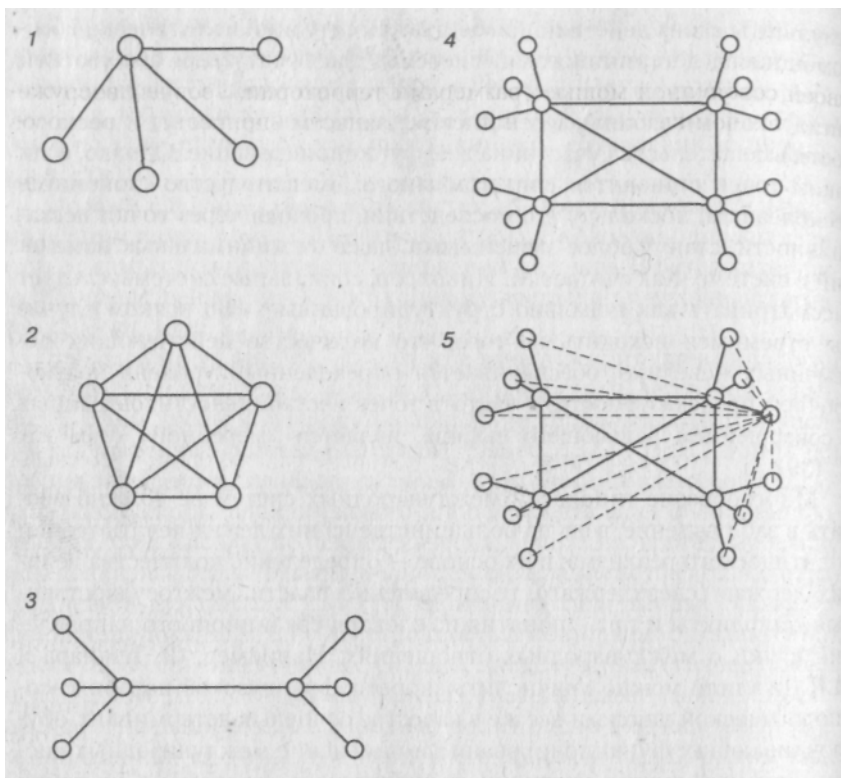
Особый случай — *хаотичная* система — высоко чувствительная к малейшим изменениям параметров система. Её эволюция может зависеть от самых незначительных изменений условий. В результате причинно-следственная связь носит преимущественно случайный характер (Эрман. 1996. С. 59).

Британский ученый М. Николсон в качестве критериев типологии некоторых видов систем выделяет случайность и детерминированность, с тем чтобы подчеркнуть специфику социальных (в том числе и международных) систем (Николсон. 1996. С. 137—139). С этой точки зрения, *полностью случайная система* — это система, в которой исключена возможность влияния какого-либо элемента на её функционирование, т.е. она абсолютно непредсказуема. Напротив, прогнозирование поведения *полностью детерминированной системы* не представляет затруднений, достаточно выявить причинно-следственные связи её функционирования, а их симметричность и повторяемость защитит от каких-либо серьезных ошибок. Однако, если случайная (точнее говоря, неполностью, или отчасти случайная) система имеет вполне определенное отношение к международной политике, то в отношении детерминированной системы, это, чаще всего, исключено. (В чистом виде детерминированные системы редко встречаются и в неживой природе: одно из немногих исключений составляет движение планет Солнечной системы.) К третьей разновидности относится так называемая *структурированная система*. Ей свойственна высокая степень предсказуемости, поскольку ее недавнее прошлое и современное состояния дают возможность делать достоверные выводы о ее будущем. Но в определенные моменты такая система может претерпевать серьезные трансформации под влиянием незначительных изменений в условиях ее существования. Однако поскольку моменты (точки) неопределенности немногочисленны, то можно говорить о высокой степени предсказуемости структурированной системы. Такая система создает для политического участника идеальную ситуацию: точки нестабильности становятся теми моментами, когда возможно вмешательство в функционирование системы. Именно в такие моменты некое политическое действие может реально изменить ход событий, Учитывая, что, преодолев точку нестабильности, система вновь становится предсказуемой, политический

результаты своих действий и избегать как ситуаций политической беспомощности детерминистской системы, так и ситуаций абсолютной непредсказуемости полностью случайной системы. С увеличением числа точек неустойчивости в системе, естественно, растут и возможности вмешательства участника в ее функционирование. Однако, если таких точек становится слишком много, вмешательство становится бесполезным, поскольку его последствия, проходя через точки неустойчивости, станут более зависимыми, даже от минимальных изменений в системе. Как считает М. Николсон¹, социальные системы следует рассматривать как локально структурированные: «Во всяком случае мы стремимся исходить из того, что количество действующих переменных невелико, обеспечивается определенный уровень краткосрочной предсказуемости, и частота точек неустойчивости, связанных с совершением решающего выбора, является умеренной» (там же. С. 139).

Многообразие типологий международных систем не должно вводить в заблуждение, ведь на большинстве из них лежит печать теории политического реализма: в их основе — определение количества великих держав (сверхдержав), распределение власти, межгосударственные конфликты и т.п. — понятия из словаря традиционного направления науки о международных отношениях. Например, Ф. Брайара и М.Р. Джалили можно причислить скорее к французской историко-социологической школе, и все же в качестве основных детерминант, обуславливающих функционирование и изменение международных систем, они используют критерии политического реализма: с их точки зрения, развитие ЮВА как субрегиональной подсистемы зависит от квазисверхдержав — Японии (с экономической точки зрения) и Китая (с точки зрения демографического потенциала). Так же и в южно-азиатском субрегионе международная система, следуя Брайару и Джалили, определяется бесспорным преобладанием Индии и ее соперничеством с другим членом системы — Пакистаном и т.д.

Точно так же и М. Николсон помимо типов систем, различающихся по критерию детерминированности или случайности, выделяет и такие типы, в основе которых лежит иерархичность или взаимодействие. По М. Николсону существует четыре типа международных систем: *чисто иерархический* (1); *полного взаимодействия* (2); *простая реалистическая система* (3); *смешанная реалистическая система* (4); и, наконец, *комплексная система* (5) (см.: Николсон. 1996. С. 130—133). В графическом виде они выглядят следующим образом (рис. 4):



Пятый тип, или *комплексная система*, возникает, когда правительства теряют способность влиять на взаимодействия между своими и чужими негосударственными элементами-участниками, при этом связи между внутригосударственными участниками расширяются и укрепляются. На рис. 4 связи прямых взаимодействий (5), обуславливающие значительное усложнение международной системы в наши дни, частично изображены штриховыми линиями. Политический реализм — основа таких широко известных понятий, как биполярная, мультиполярная, равновесная и имперская международные системы. Напомним, что в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в мультиполярную. В равновесной системе, или системе баланса сил, несколько крупных государств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, обуздывая «чрезмерные» претензии друг друга.

Наконец, в международной системе имперского типа господствует единственная сверхдержава, опережая все остальные государства своей совокупной мощью (размерами территории, уровнем вооружений, экономическим потенциалом, запасом природных ресурсов и т.п.).

На основе политического реализма М. Каплан строит свою знаменитую типологию международных систем, которая включает шесть типов систем, большинство из которых носит гипотетический, априорный характер.

Первый тип — «система баланса сил» — характеризуется многополярностью. По мнению М. Каплана, в рамках такой системы должно существовать не менее пяти великих держав. Если же их число будет меньше, то система неминуемо трансформируется в биполярную.

Второй тип — «гибкая биполярная система», в которой сосуществуют как акторы-государства, так и новый тип акторов — союзы и блоки государств, а также универсальные акторы — международные организации. В зависимости от внутренней организации двух блоков выделяют несколько вариантов гибкой биполярной системы, которая может быть: сильно иерархизированной и авторитарной (воля главы коалиции навязывается ее союзникам); неиерархизированной (если линия блока формируется путем взаимных консультаций между автономными друг от друга государствами).

Третий тип — «жесткая биполярная система». Для нее характерна та же конфигурация, что и для гибкой биполярной системы, но оба блока организованы строго иерархизованным образом. В жесткой биполярной системе нет неприсоединившихся и нейтральных государств, которые имели место в гибкой биполярной системе. Универсальный актор играет в третьем типе системы весьма ограниченную роль. Он не в состоянии оказать давление на тот или иной блок. На обоих полюсах осуществляется эффективное урегулирование конфликтов, формирование направлений дипломатического поведения, применение совокупной силы.

«Универсальная система», или четвертый тип, фактически соответствует федерации, которая подразумевает преобладающую роль универсального актора, большую степень политической однородности Международной среды и базируется на солидарности национальных акторов и универсального актора. Например, универсальной системе соответствовала бы ситуация, в которой в ущерб государственным суверенитетам была бы существенно расширена роль ООН. При таких Условиях Организация Объединенных Наций имела бы исключительную компетенцию в урегулировании конфликтов и поддержании мира.¹⁰ Предполагает наличие хорошо развитых систем интеграции в по-

литической, экономической и административно-управленческой областях. Широкие полномочия в универсальной системе принадлежат универсальному актору, который обладает правом определять статус государств и выделять им ресурсы, а международные отношения функционируют на основе правил, ответственность за соблюдение которых лежит также на универсальном акторе.

Пятый тип, или «иерархическая система», по сути, представляет собой мировое государство, в котором национальные государства теряют свое значение, становясь простыми территориальными единицами, а любые центробежные тенденции немедленно пресекаются.

Шестой, тип международной системы — система «единичного вето», в которой каждый актор располагает возможностью блокировать систему, используя определенные средства шантажа, при этом имея возможность самому энергично сопротивляться шантажу со стороны другого государства, каким бы сильным оно ни было. Иными словами, любое государство способно защитить себя от любого противника. Подобная ситуация может сложиться, например, в случае всеобщего распространения ядерного оружия.

Концепция М. Каплана, как уже говорилось, оценивается специалистами критически, и прежде всего за ее умозрительный, спекулятивный характер и оторванность от реальной действительности. Вместе с тем признается, что это была одна из первых попыток серьезного исследования, специально посвященного проблемам международных систем с целью выявления законов их функционирования и изменения.

4. Законы функционирования и трансформации международных систем

Одна из главных идей концепции М. Каплана — это идея об основополагающей роли структуры международной системы в познании законов последней. Эту идею разделяет абсолютное большинство исследователей. Согласно идее об основополагающей роли структуры, нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует такую международную систему, в которой главным признаком является 'доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств, а ее структура определяет поведение всех международных акторов. Американский неореалист К. Уолц пишет, что все государства вынуждены нести военные расходы, хотя это неразумная трата ресурсов. Структура международ-

ной системы навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области (или в сфере экологии), которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе характеристик международных отношений. Наподобие того, как в экономике состояние рынка определяется действиями нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), так международно-политическая структура определяется действием великих держав, конфигурацией соотношения их сил, изменения в соотношении которых могут трансформировать структуру международной системы. Однако природа международной системы, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами, останется неизменной (цит. по: *Huntzinger*. 1987. Р. 32).

Таким образом, именно состояние структуры является показателем устойчивости и изменений международной системы, ее стабильности и «революционности», сотрудничества и конфликтности в ее рамках; именно в структуре отражены законы функционирования и трансформации системы. Поэтому в работах, посвященных исследованию международных систем, анализу состояния структуры уделяется большое внимание.

Например, Р. Арон выделял по крайней мере три структурных измерения международных систем: конфигурацию соотношения сил; иерархию акторов; гомогенность или гетерогенность состава. Главным же измерением он считал конфигурацию соотношения сил, отражающую существование «центров власти» в международной системе, накладывающей отпечаток на взаимодействие между ее основными элементами — суверенными государствами. Конфигурация соотношения сил зависит, как уже отмечалось выше, от количества главных акторов и характера отношений между ними. Два основных типа такой конфигурации — биполярность и мультиполярность.

Иерархия акторов отражает их фактическое неравенство с точки зрения военно-политических, экономических, ресурсных, социокультурных, идеологических и иных возможностей влияния на международную систему.

Гомогенный или гетерогенный характер международной системы выражает степень согласия акторов относительно тех или иных принципов (например, принципа политической легитимности) или ценностей (например, рыночной экономики, плюралистической демократии). Чем выше степень согласия, тем более гомогенна система. В свою очередь, чем более гомогенна система, тем больше в ней умеренности и стабильности. В гомогенной системе государства могут быть против-

никами, но не врагами. Напротив, гетерогенная система, разрываемая ценностным и идеологическим антагонизмом, является хаотичной, нестабильной, конфликтной.

Еще одной структурной характеристикой международной системы считается ее «режим», т.е. совокупность регулирующих международные отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых после 1945 г. стала либеральная концепция, давшая жизнь таким международным институтам, как МВФ, Мировой Банк, ГАТТ и др.

Ж.-П. Дерриеник выделяет шесть типов принуждений (т.е. структурных характеристик) международных систем:

- 1) число акторов;
- 2) распределение силы между ними;
- 3) соотношение между конфликтом и сотрудничеством. Система может быть более конфликтной, чем кооперативной, или наоборот. Если второй тип системы институализируется, то она может трансформироваться в «организованную международную систему», и тем самым оправдывается гипотеза Арона о достижении «мира через закон». С другой стороны, тип «иерархической системы» Каплана, где наиболее мощный актор определяет пределы конфликтов, также может трансформироваться в организованную международную систему, оправдав на этот раз гипотезу Р. Арона о возможности добиться «мира через империю»;
- 4) возможности использования тех или иных средств (силы, обмена или убеждения), допускаемых данной системой;
- 5) степень внешней централизации акторов, т.е. влияние характера данной международной системы на их поведение;
- 6) различие статусов между самими акторами.

Указанные структурные характеристики хотя и не позволяют предвидеть все гипотетические типы международных структур (на что претендует концепция М. Каплана), однако дают возможность описать структуру любой международной системы, что очень важно с точки зрения выявления законов существования и изменения различных структур (см.: *Derriennic*. Р. 188—193).

Таким образом, наиболее общим законом международных систем считают зависимость поведения акторов от структурных характеристик системы. Этот закон конкретизируется на уровне каждой из таких характеристик (или измерений), хотя окончательного согласия относительно их количества и содержания пока не существует.

Еще один общий закон — закон равновесия международных систем, или закон баланса сил (баланса, позволяющего сохранять относительную стабильность международной системы) (см.: *Агон*. Р. 144).

Вопрос о содержании законов функционирования и изменения международных систем является дискуссионным, хотя предмет таких дискуссий, как правило, один и касается сравнительных преимуществ биполярных и мультиполярных систем.

По Р. Арону, биполярная система содержит в себе тенденцию к нестабильности, так как она основана на взаимном страхе и противоположности интересов, что побуждает противостоящие стороны к жесткости в отношении друг друга.

Сходные предположения выдвигались и М. Капланом. Он считал, что мультиполярная система содержит в себе некоторые риски: распространения ядерного оружия, развязывания конфликтов между мелкими акторами, непредсказуемости последствий, к которым могут привести изменения в союзах между великими державами. Однако риски мультиполярной системы не идут ни в какое сравнение с опасностями биполярной системы. Последняя более опасна, так как характеризуется стремлением обеих сторон к мировой экспансии и предполагает постоянную борьбу между двумя блоками — то ли за сохранение своих позиций, то ли за передел мира. Не ограничиваясь этими замечаниями, М. Каплан рассматривает «правила» стабильности для биполярных и мультиполярных систем.

По его мнению, для стабильности мультиполярной системы существует шесть правил:

1) расширять свои возможности, и лучше путем переговоров, а не путем войны;

2) лучше воевать, чем быть неспособным расширить свои возможности;

3) лучше прекратить войну, чем уничтожить великую державу (существуют оптимальные размеры межгосударственного сообщества: например, европейские династические режимы считали, что их противодействие друг другу имеет естественные пределы);

4) сопротивляться любой коалиции или отдельной нации, пытающейся занять господствующее положение в системе;

5) противостоять любым попыткам того или иного национального государства «присоединиться к наднациональным международным организационным принципам», т.е. противостоять идее подчинения государств какой-либо высшей власти;

6) относиться ко всем великим державам как к приемлемым партнерам; позволять стране, потерпевшей поражение, войти в систему на

правах приемлемого партнера или заменить ее путем усиления другого, ранее слабого государства.

Что касается законов функционирования гибкой биполярной системы, то М. Каплан подчеркивает, что эти законы различаются в зависимости от того, являются ли составляющие блоки такой системы иерархизированными или нет. Все же М. Каплан выделяет четыре общих правила, применимых к любым блокам биполярной системы:

1) стремиться к расширению своих возможностей по сравнению с возможностями другого блока;

2) лучше воевать любой ценой, чем позволить противоположному блоку достигнуть господствующего положения;

3) стремиться подчинять цели универсальных акторов (МПО) своим целям, а цели противоположного блока — целям универсальных акторов;

4) стремиться к расширению своего блока, но сохранять терпимость по отношению к неприсоединившимся, если нетерпимость ведет к непосредственному или опосредованному тяготению неприсоединившихся к противоположному блоку.

Что касается трансформации международной системы, то основным ее законом считается закон корреляции между полярностью и стабильностью. М. Каплан подчеркивает, например, нестабильный характер гибкой биполярной системы. Если она основана на неиерархизированных блоках, то эволюционирует к мультиполярной системе, а если тяготеет к иерархии обоих блоков, то существует тенденция ее трансформации либо в жесткую биполярную, либо в иерархическую международную систему. В гибкой биполярной системе существуют риски присоединения неприсоединившихся; подчинения одного блока другому; тотальной войны, ведущей либо к иерархической системе, либо к анархии. Внутриблоковые дисфункции в биполярной системе подавлены, зато обостряются межблоковые противоречия. Основное условие ее стабильности, следуя М. Каплану, — равновесие мощи. Если же появляется третий блок, то это ведет к серьезному разбалансированию и риску разрушения системы.

Д. Сингер и К. Дойч, исследовав проблему корреляции между полярностью и стабильностью международных систем в формально-теоретическом плане, пришли к таким выводам. Во-первых, как биполярная, так и мультиполярная системы имеют тенденцию к саморазрушению. Во-вторых, нестабильность жестких биполярных систем сильнее, чем нестабильность мультиполярных систем.

Американский ученый Э. Хаас подверг этот вывод эмпирической проверке, для чего изучил 21 международную систему, четко ограниченную в пространственно-географическом и историческом планах.

Он пришел к противоположному заключению: корреляция между полярностью и стабильностью носит обратно пропорциональный характер. Э. Хаас считает, что в биполярной системе войны хотя и более продолжительные, но не так многочисленны, как в мультиполярной системе (цит по: *Braillard*. Р. 38).

С точки зрения К. Уолца, никакого качественного различия между биполярной и мультиполярной системами не существует, кроме того, что первая стабильнее, чем вторая.

Р. Роузкранс предложил теоретическую модель так называемой релевантной утопии, которая объединяла бы преимущества как биполярной (прежде всего, возможности контроля периферийных конфликтов), так и мультиполярной (больше возможностей предотвращения всеобщего конфликта) систем и при этом была бы лишена их недостатков. Результатом такого объединения стала бы «бимультиполярная система», в которой два «главных» актора играли бы роль регуляторов конфликтов за пределами своих блоков, а государства, представляющие мультиполярную конфигурацию системы, выступали бы посредниками в конфликтах между двумя полюсами.

Подводя итоги изучения проблемы законов функционирования и трансформации международных систем, следует признать, что сама постановка этой проблемы была очень плодотворной, ибо она позволила показать зависимость поведения государств на мировой арене от формируемой ими международной системы; связь частоты и характера межгосударственных конфликтов с ее структурными характеристиками; необходимость учета системообразующих факторов в дипломатии. Сама идея существования системных законов в международных отношениях дает возможность рассматривать международные системы как результат принятия рядом государств определенного политического, экономического и идеологического статус-кво на международной арене, на общепланетарном, региональном или субрегиональном уровне. С такой точки зрения каждая международная система является не чем иным, как неформальной институализацией соотношения сил между государствами в соответствующем пространственно-временном контексте (см.: *Huntzinger*. 1987. Р. 171).

В то же время было бы наивно считать, что существующие в науке о международных отношениях законы функционирования и трансформации международных систем обладают такой степенью строгости, которая позволила бы делать на их основе безошибочные прогнозы. Более того, эти законы, по сути дела, оставляют «за скобками» исследование основных причин международных конфликтов. Сводя международные отношения к межгосударственным взаимодействиям, они Неоправданно ограничивают понятие международной системы только

теми государствами, между которыми существуют прямые регулярные сношения и прямой взаимный учет военной силы. Но, как верно подчеркивает Б.Ф. Поршнев, «есть обширная область косвенных, подчас несознаваемых действующими лицами зависимостей, без которых, однако, представление о системе остается неполным» {Поршнев. 1970 С. 10).

* * *

Таким образом, применение системного подхода дает исследователю богатые теоретические и методологические возможности.

И все же системная теория не может похвастаться слишком большими успехами в анализе международных отношений. Пожалуй, можно назвать только две области, где она достигла бесспорно положительных результатов: это стратегия и процесс принятия международно-политических решений (см.: *Badie, Smouts*. 1992. Р. 158—159). В остальных же областях науки о международных отношениях ее заслуги до сих пор были весьма скромными. Гносеологически это объясняется тем, что ни одна система, достигшая определенного уровня сложности, не может быть познана полностью. Отсюда то противоречие, на которое обратили внимание Б. Бади и М.К. Смуте: системный подход рассматривается как метод выявления различных способов сочетания ее элементов, определяющих состояние системы, однако, как только исследователь выходит за рамки относительно простых систем, основания для того, чтобы считать правильными делаемые им выводы, значительно уменьшаются (там же. Р. 158).

Кроме того, в науке о международных отношениях до сих пор отсутствует общепринятое понимание структуры международной системы, а то, по которому имеется достаточно высокая степень согласия, является, как мы уже могли убедиться, слишком узким даже с учетом всех своих измерений. Поэтому многие исследователи отказываются от него, не предлагая, однако, более приемлемого.

* * *

Новизна современного этапа в истории международных отношений, с одной стороны, обнаруживает ограниченность таких понятий, как «конфигурация соотношения сил», «биполярность» или «мультиполярность», основанных на методологии политического реализма. С другой стороны, не находят своего подтверждения и либерально-

идеалистические прогнозы о формировании однородной системы международных отношений, в основе функционирования которой лежали бы общие интересы и универсальные ценности всех участников.

Распад советского блока и крушение сложившейся в послевоенные годы глобальной биполярной системы (впрочем, ее глобальность всегда была относительной) ставят вопросы, которые не могут быть решены в традиционных терминах «полюсов» и «баланса сил». Исчезла линия четкого раздела между «своими» и «чужими», союзниками и противниками; гораздо менее предсказуемым стало поведение малых государств, региональных средних и «великих» держав. Мир вступил в полосу неуверенности и возросших рисков, обостряемых продолжающимся распространением ядерных, химических, бактериологических и иных видов новейших вооружений. Широкое распространение западных ценностей (таких, как рыночная экономика, плюралистическая демократия, права человека, индивидуальные свободы, качество жизни) как в бывших социалистических странах, так и в постколониальных государствах не только не способствует стабильности глобальной международной системы за счет увеличения степени ее гомогенности, но, напротив, имеет следствием возрастающую массовую миграцию населения из менее развитых в экономическом отношении стран в более развитые, порождает конфликты, связанные со столкновением культур, утратой идеалов, подрывом традиций, размыванием самоидентичности и настойчивыми попытками «возврата к корням», всплесками реакционного национализма. В этих условиях получают «новое дыхание» попытки придания глобальной международной системе стабильности, основанной на использовании традиционных средств мировой политики — лидерстве великих держав, использующих свои преимущества в военной и/или экономической силе. Как показывают эксперты Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), старые параметры мощи и влияния все еще сохраняют свое значение на отстающей периферии новой постиндустриальной цивилизации. Они продолжают существовать и в «центре» этой цивилизации — во многом из-за инерционности мышления и институтов, оставшихся от старой системы. Одновременно с ними в наши дни происходит все более заметное создание глобальной посткапиталистической системы, развивающейся в основном по единым правилам. Речь идет ^{He} об однополярном и не о классическом многополярном мире, а о многоуровневой высокоподвижной международной и межгосударственной системе, где на передний план выдвигаются такие проблемы, особенно в экономической сфере, которые требуют многосторонних Решений, новых международных институтов (см.: Стратегия для России... 2.4.-2.17).

Глобальная международная система испытывает глубокие потрясения, связанные с трансформацией своей структуры, меняющимися взаимодействиями *со* средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллан П. Сложность, случайность и индивид в теории международной политики / М. Жирар (рук. авт. колл.) // Индивиды в международной политике. М., 1996.
2. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997,
3. Богданов А. Всеобщая организационная наука (тектология). Т. II. Л.; М., 1927.
4. Бузани Б. Уровни анализа в международных отношениях // Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.
5. Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах / М. Жирар (рук. авт. колл.) // Индивиды в международной политике. М. 1996.
6. Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986.
7. Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970.
8. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Под ред. В.И. Гапмана. М., 1984.
9. Стратегия для России: повестка дня для президента-2000. Гл. 2. Российская внешняя политика перед вызовами XXI века // [http://www. book_2000.ru](http://www.book_2000.ru)
10. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
11. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. P., 1992.
12. Bertalanffy L. von. General Systems Theory. 1968.
13. Brailiard Ph. Theorie de systemes et relations internationales. P., 1977.
14. Brailiard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. P, 1990.
15. Derriennic J.-P. Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
16. Easton D. The Political System. 1953,
17. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. 1965.
18. Frankel J. International Politics. Conflict and Harmony. L., 1969.
19. Hoffmann S. Theorie et relations internationales // Revue francaise de science politique. Vol. XI. 1961.
20. Huntzinger J. Introduction aux relations internationales. P., 1987.
21. Kaplan M. System and Process in International Politics. N.Y., 1957.
22. Korany B. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1978.
23. board E. Types of International Society. N.Y., 1976.
24. Modebky G. Agraria and Industria. Two Models of the International System. In The International System. Theoretical Essays. Ed. by Klaus Knorr and Sidney Verba. Princeton, 1961[^]
25. Polin C. David Easton ou les difficultes d'une certaine sociologie politique // R^{vue} francaise de Sociologie. Vol. XII. 1971.
26. Rosecrance R. Action and Reaction in World Politics. Boston, 1963.
27. Young O. Political Discontinuities in the International System // World Politics. Vol. XX. 1968.

ГЛАВА 7

Среда системы международных отношений

Повторим, что структура — это совокупность воздействия системы на свои элементы. Однако большинство воздействий (принуждений) вытекает не из самого существования системы, а из отношений этой системы со средой. Понятие среды — одно из фундаментальных в системном анализе. Оно имеет важное методологическое значение, помогая уяснить функционирование системы и ее эволюцию. Дэвид Истон, один из основателей системного анализа, применивший его к политическим наукам, еще в 50-е гг. обратил внимание на то, что политическая система испытывает влияние внешних импульсов, идущих от общества, воздействующих на нее под видом требований и поддержек и обеспечивающих ее бесперебойное функционирование (*Easton, 1953*):

В самом общем виде среда системы — это то, что ее окружает. Однако такое общее определение мало что даст без дальнейшей конкретизации, в ходе которой выясняется, что применительно как к общественным, так и природным системам существует не только внешняя, но и внутренняя среда. Отдельно рассматривают социальную среду (совокупность воздействий, происхождение которых связано с существованием человека и общественных отношений) и внесоциальную среду (многообразие природного окружения, географических особенностей, распределения естественных ресурсов, существующих естественных границ и т.п.). Изменения в технической базе общества иногда рассматривают как промежуточный вид воздействий и принуждений; а иногда (совместно с экономической, военно-политической, дипломатической и т.п. средой) — как элемент социальной (общественной) среды. Внешняя среда (энвайромент) — окружение системы, диктующее ей принуждения и ограничения — это климат, ландшафт местности, конфигурация границ, полезные ископаемые и т.п. Она оказывает бесспорное влияние на взаимодействие государств и других акторов международных отношений. На ранних ступенях развития общества и в настоящее время, в период необычайного обострения экологических проблем, такое влияние огромно (если не сказать определяющее). Внутренняя среда (контекст) — это совокупность принуждений, оказываемых на систему ее элементами. Например, заболевание одного из органов может повлечь за собой болезнь всего организма в целом. Деграция исполнительной или законодательной власти может привести к разбалансированию и кризису политической системы. Среда, в отличие от структуры, — это совокупность принуждений внесистемного характера. Это касается как внешней, так и внутренней (а также социальной и "внесоциальной") среды. С этой точки зрения влияние регионального соотношения сил на взаимодействие двух . И Нескольких государств является не воздействием среды, а принуждением, которое 'ределяется характером структуры данной подсистемы международных отношений. (Реформация же отношений между государствами под воздействием, например, присных факторов может рассматриваться как ситуационная, т.е. определяемая измепе- природной среды (примером подобного изменения отношений могут быть «трсс-ые войны» между Исландией и Норвегией, связанные с промыслом определенных видов рыбы, природные ареалы которых все время уменьшаются).

Таким образом, понятия внешней и внутренней среды облегчают изучение и объяснение процессов, происходящих в социальных отношениях. Вместе с тем необходимо отметить, что они довольно приблизительно отражают реальность и поэтому носят уловный характер. Действительность всегда сложнее любых описаний. Это тем более верно, когда речь идет о международных отношениях.

1. Особенности среды международных отношений

Представить систему, структуру и среду межгосударственных, например региональных, отношений довольно легко. Структура Европейского союза может быть определена как способ организации экономического, дипломатического, военно-политического, культурного и иного взаимодействия двенадцати входящих в него государств. Средой по отношению к ЕС будет выступать совокупность других государств, а также различных международных организаций и иных акторов на регионально-географическом (европейском), политическом (ООН и ее институты, Организация американских государств, Организация африканского единства, Лига арабских государств, ОСНАА и т.д.), экономическом (ОЭСР, ОПЕК, ЕАСТ, ЛАЭС и т.д.) и прочих уровнях. Каждый из элементов этой среды оказывает то или иное влияние на функционирование и развитие системы ЕС. Результатом этого будут как изменения, происходящие в данной системе, так и реакция («ответы») на эти влияния со стороны Европейского союза.

В данной связи американские ученые Гарольд и Маргарет Спруут выдвинули идею «экологической триады», в которую входят: международный актор, окружающая его среда (энвайромент) и взаимодействия между ними. Они выделяют несколько типов такого взаимодействия. Первое взаимодействие связано с реальными возможностями существующего энвайромента, т.е. имеющейся совокупностью ограничений среды, которые актор не может преодолеть: так, например, персидский царь Дарий не мог уладить свои разногласия с Александром Македонским по телефону. Второе взаимодействие формируется под влиянием вероятностных тенденций данного энвайромента, т.е. в любой ситуации существуют ограничения среды, которые делают вероятным какой-то вполне определенный характер «нормально ожидаемого» поведения. Третий тип — это тип осознанного поведения актора, иначе говоря, своеобразие его личностного восприятия окружающей среды (которое может кардинально отличаться от того, чем ^{он} является на самом деле) и, соответственно, реакции на ее изменений (*Sprout*. 1969). Б. Рассет и Х. Старр прибегают в подобной ситуаций аналогии с меню: личность (актор), находясь в ресторане, «сталкивается

тся» с меню (энвайроментом), которое не определяет его выбор, но ограничивает возможности. Исходя из этого, при условии знания «меню» и индивидуального процесса принятия решений актором можно проанализировать его поведение (*Rassett & Starr*. 1981).

Методологическая польза подобного рода теоретических моделей не вызывает сомнений. Трудности возникают, когда речь заходит о глобальной, или общепланетарной, международной среде, и прежде всего о внешней среде глобальной международной системы, для которой описанные выше примеры являются не более чем контекстом (внутренней средой). Как пишет М. Мерль, внешняя среда глобальной международной системы может быть найдена только в природном окружении: атмосфера, стратосфера, Солнечная система... Но тогда наука о международных отношениях должна будет совпасть с метеорологией или же астрологией (*Merle*. 1988. Р. 122). Исходя из подобного понимания, Г. и М. Спрут считают, что понятие среды операционально при анализе такой конкретной области, как экология, и малопродуктивно при исследовании глобальных международных отношений, которое требует гораздо более высокого уровня абстракции (*Sprout H. & M.* 1968. Р. 14). С точки же зрения Д. Сингера, понятие среды может быть эффективно в изучении международных подсистем. Что же касается глобальной международной системы, то она может рассматриваться лишь как среда международных подсистем, но не как система в точном значении этого термина, так как она не может иметь отношений (взаимодействовать) с какими-либо родственными системами (*Singer*. 1971. Р. 132). Ф. Брайар, напротив, подчеркивает, что любая система, по определению, не может не иметь среды. Это, однако, не означает, что любая система обязательно находится во взаимодействии со своей средой. Существуют не только открытые, но и закрытые системы. К числу последних и принадлежит глобальная международная система (*Braillard*. 1977. Р. 128). Наконец, приведем здесь позицию Дж. Модельски, согласно которой к среде международных отношений относится все то, что выходит за ее рамки, т.е. существует независимо от нее, идет ли речь о географическом окружении или о политических отношениях (*Modelski*. 1961. Р. 122).

Как видим, расхождения в понимании международной среды существуют. Однако они не затрагивают специфическую особенность социальной среды глобальной международной системы, ее «интрасоциетальный» (по выражению Д. Истона (*Easton*. 1965. Р. 66) характер,ными словами, речь идет о «внутреннем окружении» (*Rosenau*. 1969. 45)> или «контексте» (*Young*. 1968. Р. 24) — совокупности факторов, которая оказывает воздействие на глобальную международную систему навязывая ограничения и принуждения ее развитию. Такую совокупность факторов можно назвать цивилизационными изменениями.

2. Социальная среда. Особенности современного этапа мировой цивилизации

Понятие «цивилизация» появилось в XVIII в. и использовалось вначале для обозначения определенной исторической ступени в развитии общества. Впервые его употребил шотландский философ А. Фергюсон (1723—1816). Он рассматривал содержание понятия «цивилизация» в самом широком смысле. Во-первых, цивилизация отличает человеческое общество от животного мира и, во-вторых, от любого иного общества. Но уже со второй половины XVIII в. понятие цивилизации стало трактоваться как определенная совокупность ценностей, обогащаемая в ходе развития общества, его социального и морального совершенствования. Миссия цивилизации, как отмечали французские "просветители, состоит в том, чтобы покончить с войнами и завоеваниями, с рабством и нищетой и распространить на мир славную «империю разума». Известные французские социологи конца XIX — начала XX вв. Э. Дюркгейм и М. Мосс относили к цивилизации крупные идеологические, художественные, культурные и политические ценности и движения. Характерная черта цивилизации, по их мнению, в том, что она выходит за пространственные и временные рамки той или иной исторической общности. Поэтому к цивилизации они относили только те элементы жизни общества, которые могут передаваться или заимствоваться: формы государственного правления Древней Эллады и Древнего Рима, ценности эпохи Возрождения и Реформации, сказки африканских племен и т.п.

В философии О. Шпенглера (1880—1936) цивилизация — заключительный период в развитии замкнутых, локальных культур (египетской, греко-римской, западноевропейской и т.п.). Это их закат и упадок. Цивилизация и прогресс несовместимы. Невозможно и существование единой, общечеловеческой цивилизации.

Идея плюрализма локальных цивилизаций, переживающих несколько стадий в своем развитии — от зарождения до гибели — характерна и для А. Тойнби (1889—1975). Вместе с тем у него можно найти и идею преемственности, наличия единства в различных цивилизациях, представляющих многочисленные ветви общего древа человеческой истории.

Плюрализм цивилизаций во времени признает и марксизм. Цивилизация в марксизме — это глобальная эпоха в истории человечества, совпадающая с эпохой классовых формаций, отчуждением человека и вместе с тем — с формированием реальных предпосылок его преодоления и «возвращения человека к самому себе как человеку общест-

венному» (Маркс. Т. 42. С. 116). Ф. Энгельс вслед за Л. Морганом различал следующие эпохи в развитии человечества: дикость — период преимущественного присвоения готовых продуктов природы; варварство — овладение скотоводством, земледелием, методами увеличения продуктов природы посредством труда; цивилизация — период освоения обработки продуктов природы, период промышленности и искусства. С точки зрения марксизма важная черта цивилизации — ее постоянное развитие от низшего к высшему, т.е. прогресс, хотя он и характеризуется постоянными противоречиями. Таким образом, цивилизация — это переходная ступень к высшей стадии в развитии общества, к господству демократии в управлении, братству, равенству прав и всеобщему образованию (там же. С. 178). По логике марксизма, это означает, что историческое многообразие цивилизаций сменяется в конечном итоге неким единым общепланетарным устройством человеческого общества.

Изменения, происходящие в мире, влекут за собой неизбежные изменения в понимании термина «цивилизация», содержание которого трансформируется по мере эволюции отражаемого им объекта и развития науки. В понятии «цивилизация» концентрируются наиболее значимые явления всемирной истории, единство и многообразие материальной и духовной культуры человеческого общества, его ценностей, образа жизни и труда. Сегодня понятие цивилизации включает два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, каждый период, каждое общество, каждая нация обладают собственной неповторимой цивилизацией. А с другой стороны, в каждом периоде, каждом обществе, каждой нации есть элементы, присущие человечеству в целом. По мере развития науки и техники, средств связи и транспорта, экономических, культурных и иных обменов между государствами, народами и частными субъектами количество общих элементов растет. Понятие цивилизации приобретает, таким образом, общепланетарный характер, своего рода космическое измерение, отражающее уникальность, неповторимость человеческого рода.

В современных условиях одной из важнейших характеристик, свойственных цивилизации в ее общепланетарном измерении, становится ее вступление в такую фазу, когда острота накопившихся и все продолжающих усугубляться противоречий и проблем делает вполне Реальной угрозу гибели человечества или, по меньшей мере, серьезных потрясений, деградации важнейших аспектов его существования. Речь идет прежде всего о сохраняющейся опасности возникновения термоядерной войны, а также резком обострении других глобальных проблем на фоне противоречивых демографических изменений, затяжных¹ региональных конфликтов, трудностей в адаптации к требованиям

микроэлектронной революции. К числу насущных конфликтов современности относятся также кризис городов, рост наркомании, преступности и терроризма, деградация культуры и морали, маргинализация значительных масс людей, изменение структуры ценностей, потребностей и идеалов современного человека.

Высокая степень противоречивости современной глобальной цивилизации ставит под сомнение положение об общественном прогрессе, прежде бесспорное для многих социологических течений. Становится все более явной несостоятельность отождествления научно-технического или материального прогресса с общественным прогрессом в целом: даже в экономически развитых государствах научно-технический и материальный рост не стал очевидной причиной роста нравственности, духовной культуры или терпимости в национальных и социальных отношениях. Тем более это верно в целом для мира, где развитые страны составляют меньшинство, причем разрыв между ними и слаборазвитыми странами не уменьшается, а, напротив, становится все больше.

Не уменьшается (несмотря на увеличение удельного веса универсальных ценностей и проблем, отличающих современное человечество от его предшествующих исторических поколений) и многообразие самобытных (национальных, региональных, конфессиональных) цивилизаций и культур. Поэтому возникает вопрос об особенностях их взаимодействия и о характере влияния на международные отношения. Существует три варианта ответа на данный вопрос.

Первый отталкивается от характеристики цивилизации и культуры как некоей контролирующей и регулирующей инстанции, которая санкционирует (или не санкционирует) те или иные изменения в социальном порядке, связанные с взаимодействием данной общности с другими общностями. Например, если попытки модернизации российского общества путем заимствования западных моделей терпят провал, то объяснение этому следует искать в самобытности российской культуры, которая отторгает чуждые ее традициям способы и формулы реформирования.

Второй вариант связан с эволюционной (вернее, «девелопменталистской») гипотезой, которую разделяли Э. Дюркгейм и М. Вебер. Согласно эволюционной гипотезе, различия между цивилизациями и культурами носят временный и второстепенный характер. Первостепенным и постоянным является факт непрерывного движения общества к универсальным культурным ценностям, которые становятся все более секуляризованными, более рациональными и более совершенными.

Наконец, третий, «диффузионистский», вариант основывается на теории культурных потоков (П. Сорокин, Т. Парсонс), объединяющей положения о самобытности и о конвергенции культур. В соответствии с этой теорией, более рациональные культуры имеют тенденцию распространяться на другие (путем "заимствования последними их ценностей и норм). Результатом такого одностороннего по сути движения культурных потоков является саморегуляция международной системы. Р. Арон, например, пишет, что планетарное распространение форм и методов дипломатии, универсалий индустриального общества, триумф американской концепции международного правового порядка имеют следствием размывание гетерогенности различных цивилизаций, и их конвергенцию в одну и ту же международную систему, все участники которой стремятся к обладанию одними и теми же средствами богатства и силы (*Агон*. 1984. Р. 398—399).

Действительно, сегодня уже невозможно не принимать во внимание феномен всемирного распространения таких ценностей, как права человека, демократия, рыночное общество, материальное благосостояние, потребительская культура, досуг с его искушениями и т.п. Причиной этого является как давление — причем не только объективное, но и целенаправленное — западной цивилизации, так и расширение «культурного импорта» народами Востока. А наиболее эффективными средствами подобного рода «культурного (или цивилизационного) облечения» выступают средства массовой информации.

В эпоху перехода к постиндустриальному обществу путь к славе, богатству и могуществу лежит через обладание источниками и средствами распространения информации. Спутниковое телевидение, телефаксы, электронная почта делают возможным практически мгновенную передачу информации из одной точки мира в другую. Но распространение информации о том или ином событии дает возможность не только знакомить с ним огромную аудиторию, но и пропагандировать «за» или «против» него, иначе говоря, использовать его в собственных интересах. Манипулирование информацией стало одним из источников обострения отношений между Севером и Югом, а также причиной выдвинутого развивающимися странами требования нового международного информационного порядка.

Информация творит событие по меньшей мере настолько же, насколько она просто дает о нем сведения. Репортер не только свидетель, и действующее лицо. Именно поэтому во многих странах мира журналисты составляют значительную часть «пропавших без вести», заключенных, казненных, заложников или высылаемых лиц (*Samuel*. 1990. Р. 109). Падение Берлинской стены и крушение социализма в значительной мере объясняется тем, что режим в восточной части Германии ничего

не мог противопоставить массовой информации о западном образе жизни, а следовательно, и эффекту межгруппового сравнения. Распространение через частные и зарубежные теле- и радиоканалы, а также через периодическую печать ценностей и идеалов европейской либеральной демократии — многопартийности и конкуренции партий, выборности руководящих лиц, уважения прав и свобод личности — стало одной из причин массовых протестов студенческой молодежи стран Тропической Африки против тоталитарных режимов и вступления этих стран на путь политической и экономической модернизации.

Примеры влияния западной культуры и цивилизации на социокультурные и политические процессы в мире можно было бы перечислять и дальше. Революция в средствах массовой информации необычайно увеличила масштабы и сократила сроки обмена культур друг с другом во всемирном масштабе. Но такой обмен не бывает эквивалентным. Сегодня Запад фактически стал «референтной группой» мировой цивилизации. Его авторитет, престиж, богатство способствуют тому, что свойственные ему понимание реальности, эталоны поведения, образ жизни, политические институты навязчиво распространяются по всему миру.

Однако это распространение нельзя представлять себе как чисто механическую пересадку так называемых прогрессивных форм в другие культуры и цивилизации. Заимствование западной модели имеет определенные пределы. Любые универсалии — будь то рыночное общество, права человека или самоценность человеческой жизни — останутся пустым звуком, или, более того, будут отторгнуты, если не удастся адаптировать их к самобытной культуре того или иного народа, его традициям и историческим ценностям. Такая адаптация неизбежно сопровождается процессом переоценки переносимых традиций и ценностей, стремлением цивилизации-импортера сохранить их ядро, свои основные культурные нормы. Поэтому встреча цивилизаций, как правило, вносит в международную систему дестабилизирующее начало. Сегодня это можно видеть на примере того сопротивления, которое оказывает западной модели мусульманский мир, усматривающий в ней угрозу своим культурным нормам и защищающий их от разрушения. Россия, находящаяся на перекрестке двух мировых цивилизаций, испытывает потрясения каждый раз, когда на нее накатывает новая крупная волна западного или восточного влияния.

В то же время опыт показывает, что результатом встречи различных цивилизаций и культур никогда не бывает замещение или вытеснение одной из них. Всегда имеет место сложный процесс взаимодействия, всегда усвоение элементов иной культуры сопровождается сохранением, а иногда и усилением самоидентичности культуры-импортера. Так например, на протяжении XIX и XX вв. «мусульманский мир» пер

жил несколько сменявших друг друга идейных течений — реформистского, возрожденческого, панисламистского и секуляристского характера. Каждое из них, в том числе и панисламизм, возникало не без влияния со стороны Запада. Но при этом ни одно из них, в том числе и секуляризм, не может рассматриваться как поглощение мусульманских культурных норм западными ценностями. Более того, возникает ' вопрос о реальном статусе идеи «светскости в мусульманском мире» И использования по отношению к последнему концептов и формул «трансатлантического» типа (*Badie. 1993. Р. 84*).

Объективные культурные пределы универсализации западной цивилизационной модели указывают как на бесперспективность попыток ее бездумного копирования и пренебрежения национальными традициями, так и на бесперспективность сохранения самобытности путем самоизоляции и отрицания завоеваний всемирной цивилизации. Это доказывает пример Ирана: ни предпринятая шахом М.-Р. Пехлеви (при поддержке США) попытка форсированной модернизации по западному образцу, сопровождавшаяся подавлением самобытных культурных традиций, ни желание А. Хомейни спасти самоидентичность путем очищения от «западной скверны» и возврата к традиционным ценностям (тем более, в их наиболее непримиримой, радикальной версии) не способствовали стабилизации иранского общества и международной системы в целом. В то же время пример Японии доказывает возможность сохранения самобытных культурных норм, национальных традиций (выступающих в роли мотиваций развития) в сочетании с восприятием западных ценностей-

Таким образом, многообразные процессы, связанные с дихотомией единства и плюрализма цивилизаций и культур, которая присуща современному миру, составляют социальную («интрасоциетальную») среду, которая оказывает существенное и все возрастающее влияние на эволюцию и характер международных отношений. Не меньшее значение имеет внесоциальная («экстрасоциетальная») среда, накладывающая свои ограничения и принуждения на международную систему. Исследования данного аспекта среды международных отношений чаще всего соотносятся с таким понятием, как «геополитика».

3.Внесоциальная среда. Роль геополитики в науке о международных отношениях

Предпринимались многочисленные попытки определить содержание понятия «геополитика». Первое и наиболее общее определение квали-

фицирует ее как изучение взаимосвязей и взаимозависимостей между державной политикой государства и географической средой, в рамках которой она осуществляется. Традиционно геополитику считают одним из ответвлений политического реализма, представляющего международные отношения как силовые отношения между государствами

Возникновение термина «геополитика» связано с именем шведского профессора и парламентария Рудольфа Челлена (1846—1922). Изучая систему управления, которая имеет целью создание сильного государства, он пришел к выводу (в 1916 г.) о необходимости органического сочетания пяти тесно связанных между собой, взаимовлияющих элементов политики: экономополитики, демополитики, социополитики, кратополитики и геополитики.

О геополитике говорили еще Геродот и Аристотель, Н. Макиавелли и Ш. Монтескье, Ж. Боден и Ф. Бродель... Однако выявление понятия «геополитика» — заслуга не только европейской науки. Еще в VI в. до н.э. китайский мыслитель Сун Ци составил описание шести типов местности и девяти типов пространства, которые должен знать стратег для успешного ведения военной политики. Ибн Хальдун в XIV в. связывал духовные силы человеческих объединений (социальных общностей, в современной терминологии) — их способность или неспособность к сплочению и борьбе за завоевание и сохранение могущественной империи — с тем импульсом, который исходит от природной среды. Но геополитика как одна из специально изучаемых проблем науки появляется в конце XIX в., когда немецкий географ Фридрих Ратцель (1844—1904) и его ученики создали дисциплину, призванную изучать взаимосвязь между географией и политикой, исходя из положения страны в пространстве и ее границ. Великими являются те народы, полагал Ф. Ратцель, которые обладают чувством пространства, следовательно, границы могут подлежать сужению или расширению в зависимости от динамизма рассматриваемого народа. Во времена Третьего рейха подобные идеи привели соотечественника Ф. Ратцеля, Карла Хаусхофера (1869—1946) к опасной теории «жизненного пространства», взятой на вооружение нацистами для обоснования своих захватнических планов.

Крупный вклад в развитие геополитических идей внесли английский географ и политический деятель Хэлфорд Джон Макиндер (1861—1947), а также американские ученые: адмирал Альфред Мэхэн (1840—1914) и профессор Йельского университета Николас Дж. Спайкмен (1893—1943). Адмирал Мэхэн уже в 1900 г. выдвигает идею об антагонизме морских и сухопутных государств и о мировом господстве морских держав, которое может быть обеспечено путем контроля над серией опорных пунктов вокруг евразийского континента

та. Основные идеи Х.Д. Макиндера изложены в таких известных его работах, как «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность» (1919) и «Мировой круг и завоевание мира» (1943). В них он формулирует понятия «Мировой остров» и «Срединная земля» («Хартленд»). «Мировой остров» представляет собой соединение трех компонентов — Европы, Азии и Африки. Что же касается «Срединной земли», то под ней понимается обширная долина, простирающаяся от Северного Ледовитого океана до азиатских степей и выходящая на Германию и Северную Европу, сердцем которой является Россия. Проводя прямую линию от Адриатики (к востоку от Венеции) до Северного моря (восточнее Нидерланд), он разделяет Европу на две непримиримые между собой части — Хартленд и Коустленд (Прибрежная земля). При этом Восточная Европа остается зоной притязания обеих сторон, следовательно, зоной нестабильности. Германия претендует на господство над славянами (Вена и Берлин в средние века были славянскими землями, а Эльба служила естественной границей между славянскими и неславянскими народами). Х.Д. Макин-дер сформулировал (широко цитируемый ныне в нашей литературе) «геополитический императив», согласно которому тот, кто правит Восточной Европой, — правит Срединной землей, кто правит Срединной землей, — правит и Мировым островом, кто правит Мировым островом, — тот господствует над миром. Однако не все, цитирующие сегодня этот «императив», обращают внимание на то, что даже К. Хаусхофер достаточно критически относился к взглядам Макиндера. Еще большей критике подвергаются эти взгляды со стороны современных специалистов в геополитике, например Ива Лякоста (*Lacoste*. 1988).

Н.Дж. Спайкмен в работе «Американская стратегия в мировой политике. Соединенные Штаты и баланс силы» (1942) формулирует понятие «Римленд», имеющее стратегическую нагрузку. Под этим понятием подразумевается дуга, соединяющая СССР и Мировой остров. Она проходит от Балтики до Центральной и Юго-Восточной Азии через Западную Европу, Средиземноморье и Ближний Восток. Являясь периферией Срединной Земли, Римленд, по мысли Спайкмена, Должен был стать платформой сопротивления советской экспансии и сдерживания ее. Термин Спайкмена «Римленд» совпадает с тем, что Макин-дер называл «внутренней маргинальной дугой». Спайкмен доказывает, что даже если Хартленд и существует географически, то его неуязвимость, во-первых, серьезно нарушена развитием стратегической авиации и других новейших средств вооружений; во-вторых, (вопреки прогнозам Макиндера) он не достиг того уровня экономического Развития, который позволил бы ему стать одним из передовых регионов мира. Как утверждает Спайкмен, решающая борьба и в Первой, и

во Второй мировых войнах разворачивалась не в зоне Хартленда и не за обладание им, а на берегах и землях Римленда. Мировое господство не зависит от контроля над Восточной Европой, поэтому следует отказаться от «геополитического императива» Макиндера, ведь вопреки ему «судьбы мира контролирует тот, кто контролирует Римланд».

С приходом к власти в Германии нацистов геополитика стала активно использоваться ими для обоснования «расового превосходства» завоевания «жизненного пространства», «великой исторической миссии господства Германии над всем остальным миром». Поэтому многие исследователи в Европе и в Америке стали сомневаться в научной обоснованности самого понятия «геополитика». Одна часть ученых стала рассматривать его как псевдонаучный неологизм (служащий для попыток оправдания стремлений к изменению европейского порядка), орудие борьбы за власть, пропагандистский инструмент (*Angel*. 1936. Р. 103). Другая часть ученых, не отрицая права существования самого понятия, высказывала серьезный скептицизм относительно его инструментальных возможностей (*Azon*. 1984. Р. 186, 198). Третьи полагали, что геополитика способна давать определенные научные результаты, но лишь в очень узкой сфере, касающейся взаимовлияния политики и пространственно-географических характеристик государств или их союзов (*Senarclens*. 1992. Р. 40). Четвертые стали считать, что геополитику нужно рассматривать не как науку или дисциплину, а лишь как метод социологического подхода, учитывающий взаимосвязь географической среды и международной деятельности государств (*Huntzinger*. 1987. Р. 134). Наконец, есть и такие, кто считает, что геополитика это не наука, а нечто гораздо более сложное (*Lacoste*. 1988. Р. 31).

Существует узкое и широкое понимания геополитики. Сторонники первого оперируют термином «геополитика» тогда, когда речь идет о спорах между государствами по поводу территории, при этом каждая из сторон апеллирует к истории (*Lacoste*. 1988). Однако узкое понимание геополитики становится все более уязвимым в эпоху постиндустриальной революции, когда рушатся практически все традиционные «императивы» «классической геополитики». Современное мировое пространство все труднее характеризовать только как «межгосударственное» (с точки зрения способов его раздела, принципов функционирования социальных общностей, ставок и вызовов нынешнего этапа всемирной истории). Сегодня социологи обращают внимание на то, что из трех главных принципов, на которых базировались классические представления о международных отношениях — территория, суверенитет, безопасность, — ни один больше не может считаться незыблемым или же полностью адекватным новым реалиям (см. об этом: *Badie, Smouts*. 1992. Р. 237—239; Введение в социологию международ-

ных отношений. 1992/ С. 29—44). .Феномены массовой миграции людей потоков капиталов, циркуляции идей, деградации окружающей среды, распространения оружия массового уничтожения и т.п. девальвируют привычные представления о государстве и его безопасности, национальном интересе и политических приоритетах. Еще в 1962 г. р. Арон указал на другой важный недостаток «узкого» понимания геополитики: на его способность легко вырождаться в идеологию (*Aron*. 1984. Р. 193)!

Вот почему в последние годы все более влиятельной становится широкое толкование геополитики как совокупности физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих потенциал, использование которого (а в некоторых случаях просто его наличие) позволяет государству добиваться своих целей на международной арене. Одним из представителей этой точки зрения является Пьер Галлуа (*Gallois*. 1990).

П. Галлуа считает, что к традиционным элементам геополитики — таким, как пространственно-территориальные характеристики государства (географическое положение, протяженность, конфигурация границ), его недра, ландшафт и климат, размеры и структура населения и т.п. — сегодня прибавились новые элементы, переворачивающие все наши прежние представления о силе государств, меняющие приоритеты при учете факторов, влияющих на международную политику. В числе таких приоритетных факторов появление и распространение оружия массового уничтожения (прежде, всего, ракетно-ядерного), которое как бы выравнивает силу владеющих им государств независимо от их географического положения, климата и количества населения. Традиционная геополитика не принимала в расчет массовое поведение людей. Геополитика наших дней обязана учитывать развитие средств информации и связи, повсеместное распространение феномена непосредственного вмешательства населения в государственную политику, которые имеют для человечества последствия, сравнимые с последствиями ядерного катаклизма. Наконец, поле изучения традиционной геополитики было ограничено земным пространством — сушей и морями. Современный же геополитический анализ должен иметь в виду настоящее и прогнозировать будущее освоение космического пространства, его влияние на расстановку сил и их соотношение в мировой Политике.

С позиций «классической» геополитики, географическая среда является тем постоянным и незыблемым фактором, который оказывает - существенное влияние на международно-политическое поведение государств. Однако современный геополитический анализ, учитывая изменившиеся условия, которые происходят сегодня, выделяет во взаимодействии

человека со средой (и, соответственно, в эволюции геополитики) три исторические фазы.

В первой фазе, на ранних этапах общественного развития (вплоть до эпохи промышленной революции), влияние природной среды на человека, общество и государство было не просто весьма существенным, но во многих отношениях определяющим. Такая зависимость человека от окружающей среды объясняет и оправдывает «географический детерминизм» (в известных исторических и логических пределах). Промышленная революция стала исходной точкой второй фазы во взаимодействии между державной внешней политикой государства и ее географическими рамками. Это период безудержной, хищнической эксплуатации человеком окружающей среды, использования ее законов в своих целях, период, когда возрастают антропогенные нагрузки на естественные условия человеческого существования — климат Земли, ее флору и фауну, земной покров и воздушное пространство, подземные и водные ресурсы. Синдром «передельвания» природы, подчинения ее человеку (который мы могли бы назвать «синдромом Мичурина») принял такие размеры, что в конечном итоге стал причиной возникновения и чрезвычайного обострения глобальных проблем. Последние, в свою очередь, создают угрозу самому существованию цивилизации, ставят ее на край гибели. Начинается третья стадия (фаза) во взаимодействии человека и среды. Бумеранг возвращается. Природа, потрясенная до основания бесцеремонным вмешательством человека в свои законы, «мстит за себя» тем, что уже не обеспечивает в достаточной мере всех естественных для человека условий существования. Тем самым природа вновь заставляет государства и политиков считаться с собой¹.

Согласно оценкам Института всемирной вахты, публикующего ежегодные доклады о состоянии мира, только за последние три десятилетия с лица Земли исчезло более 200 га лесов, тысячи видов животных и растений. Ежегодно истребляется не менее 17 млн га леса и разрушается около 6 млн га плодородных почв, теряющих в результате этого всякое сельскохозяйственное значение. Огромных размеров достигло загрязнение воздушных и водных бассейнов, что наносит существенный ущерб здоровью жителей городских и сельских регионов.

Все это имеет самое непосредственное отношение к внутренней и внешней политике. В наши дни во многих странах и на международном уровне уже существуют партии, выступающие за новые приоритеты в

¹ Следует отметить, что сегодня эти фазы взаимодействия человека со средой как сосуществуют: их проявление наблюдается не только в разных регионах планеты, но и в рамках одной и той же страны.

отношениях человека и среды, за альтернативное использование природных ресурсов. Это усиливает политическую борьбу, поскольку любая инициатива в данной области затрагивает интересы различных групп, влечет за собой новый взгляд на устоявшиеся ценности, влияет на властные отношения. Чтобы прекратить или уменьшить загрязнение окружающей среды, требуются новые решения в области энергетической политики, в способах производства и потребления. Возрастают издержки производства, общественные расходы на структурные перестройки и т.п. . Вследствие этого новые проблемы появляются и в сфере международных отношений. Сегодня огромная ответственность за нарушение экологического равновесия лежит на экономически развитых странах. Представляя лишь пятую часть населения планеты, они ежегодно производят более половины всех газовых выбросов в атмосферу, являющихся причиной парникового эффекта. Согласно Докладу ООН 1989 г. о социальной ситуации в мире, 70% скапливающихся в атмосфере и способствующих разрушению озонового слоя планеты хлорфтористогидродородных соединений (CFC) связано с применением бытовых распылителей, производимых странами ОЭСР.

Но и бедные страны тоже являются значительным источником загрязнения природной среды. Экологические катастрофы, в частности, наводнения, вызываемые истреблением лесов и эрозией почв, чаще и разрушительнее бывают именно в бедных странах. Слаборазвитые экономически страны не заинтересованы в инвестициях средств в природоохранные программы, финансировании очистных сооружений и т.п. С другой стороны, транснациональные предприятия и фирмы, размещающие свои филиалы в слаборазвитых странах, используют общую экономическую, социально-политическую ситуацию и законодательство этих стран в целях экономии на природоохранных мерах, захоронения на их территориях отходов вредных производств и т.п.

Последствия крупных природных катастроф всегда отражались и на международных отношениях. Например, «картофельный кризис» 1846 г. в Ирландии не только повлиял на жизнь этой страны, экономика которой перенесла необычайное потрясение, а население жестоко пострадало от голода, но и вызвал массовую волну эмиграции из Ирландии в США, и это стало феноменом огромного международного значения. В более близкое к нам время наводнения и тайфуны, обручившиеся на Бенгальскую часть Пакистана, сыграли значительную роль в появлении на мировой арене нового государства Бангладеш (см. ⁰⁶этом: *Moreau Defurges*. 1992. Р. 378).

Наращение экологических проблем и осознание их опасности для всего человечества потребовали создания таких международных организаций, как ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ и др. В 1972 г. ООН принимает

Программу мер в области окружающей среды. В последующие годы экологические проблемы стали предметом обсуждения многих международных конференций по «глобальным рискам». Растет число межправительственных соглашений, призванных не только регистрировать нарушения экологического равновесия, но создавать конкретные механизмы сотрудничества государств в деле сохранения окружающей среды и регулирования природных ресурсов.

Однако, как показывает практика международных отношений, решение экологических проблем — дело непростое и сопровождается большими трудностями. Достаточно вспомнить так и не вступившее в силу соглашение 1982 г. в области морского права. Оно рассматривало природные ресурсы морских глубин как «общее достояние человечества», доходы от использования которого должны были бы направляться на развитие самых бедных стран. Не оправдала надежд и межправительственная Конференция 1992 г., приуроченная к 20-й годовщине Программы ООН по окружающей среде.

Главная проблема международного сотрудничества состоит в том, что государства-партнеры должны находиться на сопоставимом уровне экономического развития. Только в этом случае они могут объединить усилия по выработке мер, необходимых для охраны природной среды, и выделить для этого необходимые средства. В противном случае кому-то придется пойти на большие, с его точки зрения, жертвы. Это всегда трудно, особенно если речь идет о государстве, которое не входит в число наиболее развитых. Например, Китай или Индия вряд ли откажутся от использования тепловых электростанций, работающих на угле, только потому, что это способствует увеличению парникового эффекта.

В целом, масштабы новых императивов таковы, что геополитика перестает быть уделом отдельных государств. Раньше она могла быть охарактеризована как «картографическое представление отношений между главными борющимися нациями» (*Harkavy*. 1982. Р. 274). Сегодня необходимо согласованное взаимодействие всех членов международного сообщества в выработке и реализации общепланетарной геополитики, в основе которой лежали бы интересы спасения цивилизации для будущих поколений.

Геополитика, бесспорно, оказала и продолжает оказывать влияние как на международную стратегию государств и их правительств, так и на изучение международных отношений. Рассматривая политическую историю США, П. Галлуа подчеркивает, что главным источником их могущества стало пространство: во-первых, расстояние и океан, отделяющие их от Старого Света, позволило американцам отказаться от его законов, институтов, нравов и создать новое общество; во-вторых, протяженность американского континента, явившаяся на первых

порах источником опасности для эмигрантов, стимулировала авантюрный и предпринимательский дух их потомков и стала основой величия нации.

Подобные примеры помогают понять, почему теоретические изыскания Х. Макиндера, Р. Челлена, К. Хаусхофера, Ф. Ратцеля, А. Мэхэна, Н. Спайкмена и других основателей и «классиков» геополитики нашли отклик в политических кругах (и генеральных штабах) великих держав: геополитика предоставила «научную» базу их глобалистским амбициям (см. об этом: *SenarcLens*. 1992. Р. 37—40). Влияние геополитических установок после Второй мировой войны сказывается и на американской стратегии «сдерживания советской экспансии», и на стремлении руководителей СССР к созданию и удержанию «санитарного кордона» к западу от его государственных границ, и на «доктрине Брежнева». В наши дни элементы геополитической идеологии проявляются не только в планах великих держав и их поведении на мировой арене, но и в экспансионистской политике региональных квазисверхдержав (например, таких, как Ирак или Турция), в соперничестве государств за стратегический или экономический контроль над территориями, расположенными далеко за пределами их национальных границ.

Признавая сегодня безусловное влияние геополитики на развитие международных отношений, необходимо, однако, осознавать ограниченность геополитических объяснений (а тем более — прогнозов). При всей своей многогранности геополитический анализ все же не дает возможности полного понимания системы.

Одним из главных приемов аргументации в геополитике является то, что Ив Лякост назвал «представлением» — в смысле воображения, а также в том смысле, в каком актер, играющий в театре, представляет свой персонаж¹. Подобного рода эпистемологический метод достаточно широко применяется в социальных науках, более того — составляет важный этап в их развитии. Специфика геополитики состоит в том, что «представление» в ней очень часто принимает самодовлеющий характер, дополняется фантастическими и мистическими рассуждениями-Мифами и предположениями.

Революция в средствах связи и в транспортной сфере, развитие информатики и появление новейших видов вооружений радикально изменяют отношения человека и среды, представления о «больших пространствах» и их роли, делают устаревшим и недостаточным понимание силы и могущества государства как совокупности его пространственно-географических, демографических и экономических факто-

ров. «Геополитический словарь» слишком образен, чтобы претендовать на научную строгость. Альтернативы «Север и Юг», «Запад и Восток», «Теллуракратии и Талассократии» слишком метафоричны, чтобы гарантировать от ложных представлений о поляризации «богатых» и «бедных», «развитых, цивилизованных» и «менее развитых, менее цивилизованных», «континентальных» (сухопутных) и «островных» (морских) государств и их союзов. Положения геополитики о перманентном противостоянии в истории «Рима» и «Карфагена», об авторитаризме и демократизме, имманентных, соответственно, сухопутным и морским державам (см. об этом: *Гливаковский*. 1993), слишком категоричны, чтобы объяснить все перипетии взаимодействий стран и народов в прошлом, настоящем и будущем. Концептуальные построения «классиков» геополитики и ее современных приверженцев часто слишком произвольны, нередко фантастичны. Многие из аргументов сторонников геополитики слишком малоубедительны перед контраргументами их противников (нередко, правда, столь же малоубедительными, что, однако, не говорит в пользу геополитики) и не позволяют использовать их при анализе основных тенденций в эволюции международных отношений и мировой политики.

Иначе говоря, геополитика не может претендовать на истину в последней инстанции, а тем более не может заменить другие подходы к исследованию международных реалий. Геополитика, как «картографическое представление отношений между главными противоборствующими нациями» (Р. Харьков), не отражает изменений, происходящих сегодня в мировой политике, ее основных тенденций. Она явно не оправдала претензий на то, чтобы стать «материалистической альтернативой марксизму» (К.Э. Сорокин)¹. Ее понимание как «объективной зависимости субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов...» (Ю.В. Тихонравов) остается достаточно ограниченным, а рассмотрение с позиций «миссии» или «судьбы» (А. Дугин) мистифицирует реальные проблемы.

Вместе с тем масштабность изменений, которые произошли и продолжают происходить на политической карте мира после холодной войны (распад СССР, Югославии и Чехословакии, образование десятков новых суверенных государств, перекройка привычных границ, изменения в политике союзов, проблемы ресурсов и экологических вы-

¹ Во-первых, геополитика, как мы уже видели, далеко не столь материалистична, как это может показаться на первый взгляд (что само по себе не говорит о ее несостоятельности). А во-вторых, если под такой альтернативой понимать немарксистское (или антимарксистское) «единственно верное учение», то подобные претензии являются заведомо безосновательными со стороны не только геополитики, но и любой другой теории.

зовов, демографическая проблема и т.п.), способствует сохранению и даже росту интереса к традиционной геополитике, понимаемой как «наука о взаимовлиянии политики и пространственно-географических характеристик государств и их союзов» (П. де Сенарклянс). В нашей стране подобный интерес связан с драматическими результатами развала Советского Союза; с многократно возросшей уязвимостью государственных границ России, которая утратила большинство незамерзающих портов и выходов к теплым морям и столкнулась с враждебностью и территориальными претензиями со стороны некоторых бывших республик СССР; с серьезными демографическими проблемами (русские стали «разделенной нацией»); с вооруженными конфликтами этнополитического характера на сопряженных территориях и внутри страны. В этих условиях вполне понятно обращение к геополитике как к «дисциплине, изучающей структуры и субъекты, стратегические направления, закономерности и принципы современного мирового сообщества» (К.С. Гаджиев), как к «социологическому методу нахождения зависимостей между географическим окружением и международной деятельностью государств» (Ж. Унцингер), как к «спорам между государствами по поводу территории и с апеллярованием к истории» (И. Лякост).

Эвристические возможности традиционной геополитики ограничены, и кардинальные перемены, которые происходят на мировой арене, требуют выхода за ее рамки. Ответом на потребность изменений в традиционной геополитике стало возникновение «новой», Или «критической», геополитики (см., например: *Agnew and Corbiidge*. 1995; *Gearoid O Tuathail*. 1996; *Gearoid O Tuathail and Simon Dalby*, eds. 1998; *Agnew*. 1998). Кратко охарактеризуем основные положения, касающиеся предмета и центральных проблем этой дисциплины.

Во-первых, «новая» геополитика рассматривает культурные мифологии государства, а не только геополитическую практику и внешние политики государств. Во-вторых, оценивает географию как социальную конструкцию (а не как нечто раз и навсегда данное) и допускает разнообразие вариантов возможного политического конструирования пространства. Предметом «новой» геополитики являются не внутренние и внешние границы государства и его интересы, а то, как эти интересы и границы воображаются, представляются и конструируются. В-третьих, «критическая геополитика» децентрализована и рассматривает не только элитистские, но народно-популистские формы геополитического выражения и конструирования. В-четвертых, она исходит из того, что изучение геополитики не может быть политически нейтральным и всегда выражает позиции стоящего за этим исследователя и его социальной группы. Наконец, в-пятых, «новая» геополитика анализирует не специ-

фические и партикуляристские практики отдельных государств, а обстоятельства глобального мира и времени в целом в их широком социопространственном и техно-территориальном измерении (подробнее см.: *Gearoid O Tuathail and Simon Dalby*, eds. 1998. P. 1—15).

Основные проблемы «новой» геополитики: а) поиск подлинно многостороннего механизма в принятии и осуществлении международных решений; б) изучение роли и значения идентичности и представительства интересов в международной политике; в) учет и анализ исторического сознания в поисках нового гражданства; г) исследование возможностей продвижения за пределы рынка к «рыночному социализму» (см.: *Agnew and Corbridge*. 1995. P. 211—227).

Таким образом, «новая» («критическая») геополитика стремится интегрировать в теоретический анализ актуальные тенденции мирового развития, связанные с потерей государством роли главного актора трансграничных взаимодействий и с изменением приоритетов таких взаимодействий. Речь идет о тенденциях, связанных с глобализацией международной среды — феномена, который нуждается в специальном рассмотрении.

4. Глобализация международной среды

В последние годы тема «глобализации» становится одной из самых распространенных не только в теории международных отношений, но и во всех социальных науках. Каждая из них, конечно же, концентрирует внимание на тех особенностях глобализации, которые наиболее тесно связаны с объектом именно ее исследования. Как отмечает В.И. Кузнецов, экономическая наука, например, выделяет пять направлений глобализации: финансовая глобализация, становление глобальных МНК, регионализация экономики, интенсификация мировой торговли и тенденция к конвергенции. Географы выделяют два феномена глобализации: во-первых «глокализацию», под которой понимается создание систем контроля и управления, способных совместить централизацию с локальными экономическими интересами; во-вторых, образование «экономических архипелагов», в частности, ассоциаций крупнейших городов-мегаполисов. Социологи отдают предпочтение изучению фактов сближения образа жизни людей разных стран и регионов, универсализации и гибридизации культуры. Так же и представители исторических, технических, философских наук обсуждают близкие им проблемы глобализации (см.: *Кузнецов*. 1998. С. 13—14). «Наука о международных отношениях обращает главное внимание на

завершение периода холодной войны, когда мир воспринимался как биполярная структура Восток — Запад или Север — Юг, на ускорение транснационализации и усиление взаимозависимости стран, на становление международного порядка с помощью ООН и других международных организаций» (там же. С. 14).

Соглашаясь в целом с этой общей характеристикой, следует отметить, по меньшей мере, три важных обстоятельства. Во-первых, если другие дисциплины трактуют глобализацию как «явление абсолютно не новое» (Актуальные вопросы глобализации... 1999. № 5, выступление Г. Дилигенского), то с позиций науки международных отношений этот вывод (к которому мы еще вернемся) не выглядит столь однозначным. Во-вторых, международно-политическая наука, претендующая на синтетичность, стремится вобрать в себя и обобщить достижения и выводы всех других общественных дисциплин. В-третьих, следствием ее глубокой внутренней неоднородности и присущего ей соперничества различных традиций, парадигм и направлений является отсутствие единства трактовки глобализации.

Как уже было отмечено, в международно-политической науке существуют различные трактовки глобализации. Например, сторонники *реалистской* парадигмы понимают ее в духе «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон); как результат победы Запада во главе с США в холодной войне против СССР и закономерный процесс распространения гегемонии единственной сверхдержавы на остальной мир (Г. Киссинджер); наконец, как геополитическое переустройство мира, включающее, в частности, пересмотр политики союзов, когда принадлежность к одному и тому же региону играет важную, но уже не перво-степенную роль (Ф. Сашвальд). *Неолибералы* рассматривают глобализацию как «конец истории» (Ф. Фукуяма), окончательную победу и распространение на весь мир западных ценностей — рыночной экономики, плюралистической демократии, индивидуальных прав и свобод человека; как все более широкое распространение во взаимодействиях государств норм международного права (М. Закер); как процесс постепенного преодоления государствами своих узкоэгоистических национальных интересов и становления «сообщества цивилизованных стран», являющегося результатом взаимопроникновения национальных экономик, интернационализации финансов, усиления роли крупнейших ТНК в мировой экономике, роста непосредственной конкуренции предприятий и фирм, независимо от их национальной принадлежности (Р. Липшут). *Неомарксисты* считают, что термин «глобализация» означает не что иное, как целенаправленную стратегию монополистического капитала и американского империализма, имеющую целью окончательное закрепление экономического неравен-

ства в мире и эксплуатацию «периферийных» и «полупериферийных» регионов и государств крупнейшими монополиями «мирового центра» (Р. Кокс); как понятие, заменяющее термин «империализм», содержанием которого является политика мирового капитализма, направленная на подчинение мира потребностям своего собственного развития (С. Амин).

Значение процессов «глобализации» с точки зрения их влияния на характер международных отношений в целом и на конкретные аспекты международной жизни трудно переоценить. В этом мы могли убедиться уже при рассмотрении особенностей неомарксизма, неолиберализма, международной политэкономии и социологии международных отношений, о которых шла речь в пятой главе. Особенности влияния глобализации на изменения в составе международных акторов, их целей, средств, интересов и стратегий, так же как и на проблемы сотрудничества, конфликтов, безопасности, международного порядка, рассматриваются в последующих главах. В данной главе попытаемся выявить подходы международно-политической науки к анализу содержания понятия «глобализация», степени новизны отражаемых им процессов, его составляющих и, наконец, его последствий для международно-политической практики.

Понятие глобализации в сопоставлении с другими, близкими по смыслу понятиями

Известный французский политолог-международник Ф. Моро Дефарж определяет глобализацию как процесс, который «покрывает действия всех актеров международного театра (государства, но также предприятия, индивидуумы, организации), которые принуждены рассуждать на глобальном уровне, то есть на уровне целой планеты» {Моро Дефарж. 1995. С. 71}. Близких позиций придерживаются и отечественные исследователи. С точки зрения А. Неклессы, глобализация отличается от интернационализации и может быть определена как «унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности экономического пространства, установление мировой коммуникационной сети и т.п. В экономике глобализация охватила прежде всего финансовую сферу (преимущественно в области краткосрочных инвестиций и «горячих денег»)» (Актуальные вопросы глобализации... Выступление А. Неклессы). '

Дж. Розенау проводит различия между содержанием понятия «глобализация» и смыслом близких ему терминов «глобализм», «универсализм» и «сложная взаимозависимость» (Rosenau. 1993. P. 499). В его

представлении понятие «глобализация», будучи тесно связанным с указанными терминами, имеет менее широкое значение и более специфическое содержание. Оно отсылает не к ценностям и структурам, а к процессам и соединениям, которые рождаются в умах и поведении людей; к взаимодействиям, которые возникают тогда, когда индивиды и организации заняты своими обыденными делами и стремятся достичь поставленных перед собой целей. Процессы глобализации отличаются тем, что они не знают никаких территориальных или юридических барьеров. Они легко преодолевают государственные границы и способны затронуть любую социальную общность в любом месте мира (там же). С точки зрения Дж. Розенау, любая совокупность взаимодействий, которая имеет потенциал неограниченного распространения и способна легко преодолевать национальные юрисдикции, должна рассматриваться как процесс глобализации. Распространение совокупности взаимодействий может быть ограничено недостатком *средств, интересов* или *рынков*. И даже в такой ситуации речь будет идти о процессе глобализации. Главное, чтобы такое распространение теоретически имело потенциал достигнуть любой части мира, которая в состоянии развить необходимые средства, интересы или рынки. Близких позиций придерживаются и многие другие авторы {Robertson. 1992. P. 196}.

Во франкоязычной литературе понятием, близким «глобализации», является «мондиализация» (от слова monde — мир). Некоторые специалисты международно-политической науки используют их как равнозначные, считая первое англосаксонской версией второго {Senarclens.1998}. Другие считают, что термин «глобализация» отражает прежде всего экономическую доминанту наблюдаемых сегодня изменений в мировом развитии, тогда как «мондиализация» относится в большей мере к распространению единообразия в сфере потребления, досуга, культуры, социальной жизни людей. Большинство авторов-международников считают, что термин «глобализация» более полно и адекватно передает всю суть происходящих сегодня изменений. Даниель Коляр называет пять фундаментальных концептов, характеризующих масштабы изменений, испытываемых сегодня международными отношениями: независимость, взаимозависимость, транснационализм, мондиализация и глобализация. Содержание последнего понятия характеризуется им в сопоставлении с четырьмя первыми (Colard. 1996. R 48-50).

Рассматривая термин «независимость», Д. Коляр подчеркивает его совпадение с понятием суверенитета. Суверенитет — это свобода политического решения и выражение независимости. Однако результа-

том глобализации конца XX в. является то, что ни одно государство не обладает реальным суверенитетом или независимостью.

«Взаимозависимость» представляет собой сочетание зависимостей друг от друга. Она включает множество форм — политическую, дипломатическую, стратегическую, экономическую, культурную — и вынуждает государства сотрудничать в целях управления совокупностью этих взаимозависимостей. Чем многочисленнее зависимости государств друг от друга, тем выше степень интернационализации международных отношений, которая может выражаться или в форме регионализации, или в форме мондиализации.

Близким, хотя и не равнозначным предыдущему, является понятие «*транснационализм*». В обоих случаях речь идет о развитии солидарностей в международном пространстве, но если при «взаимозависимости» государство контролирует эти связи, то транснациональные феномены пересекают границы многих государств и ускользают от их контроля или не согласуются с суверенитетом. «Речь идет о самых разнообразных потоках, материальных и нематериальных: товары, звуки, образы или информации; услуги, капиталы, инвестиции; миграционные движения. Транснациональность касается также того, что называют мультинациональными фирмами и всех международных НПО (международные профсоюзы, политические партии, молодежные, экологические, правозащитные движения и т.п.). К этому можно добавить мафиозные организации (трафик наркотиков, денег, оружия) и некоторые формы терроризма» (там же. Р. 49).

Что касается «*мондиализации*», то она — следствие явлений, которые объясняются двумя предшествующими понятиями, облегчающими интернационализацию. Международные отношения уже не могут отождествляться с межгосударственной системой. В результате политических, экономических, экологических, технологических изменений рождается мир без границ. Мондиализация международной системы выражает рост взаимозависимости государств, национальных и транснациональных солидарностей. Отсюда рождение «большой планетарной деревни», «Земли-Родины», или «универсального полиса».

Глобализация, рассматриваемая Д. Коляром в соотношении с выше-названными понятиями, представляет собой «высшую и последнюю стадию мондиализации» (там же. Р. 50).

В свою очередь, А. Аппадурай говорит о пяти видах пространства, каждый из которых включает в себя признаки и проявления глобализации, пять видов «мирового культурного потока»: *медиапространство*, формирующее «общность транснациональных и даже постнациональных чувств» (Appadurai. 1997. Р. 8), *этнопространство*, формируемое движениями населения; *технопространство* — трансферты

технологий через границы; *финансовое пространство*, т.е. финансовые обмены, и *идеологическое пространство* — идеологии и контридеологии, рождающиеся из встречи западных ценностей эпохи Просвещения и «периферийных» культур (там же. Р. 33 и далее). Следствие этих «пространств» — ослабление привязанности граждан к своему государству-нации, в частности потому, что территориальная принадлежность подвергается глубокой эрозии.

В последнее время все большее число исследователей подчеркивает, что глобализация сопровождается процессами противоположной направленности, которые в зависимости от анализируемой проблемы называются «*дифференциацией*»¹, «*регионализацией*» (см., например: Актуальные вопросы глобализации... Выступление А. Неклессы. С. 38; Sachwald. 1997. Р. 257—258), «*локализацией*» (Rosenau. 1994. Р. 256) или «*фрагментацией*» (см., например: выступление Г. Дилигенского — Актуальные вопросы глобализации... С. 38; Moro Defargues Ph. 1994). Стремясь подчеркнуть неразрывность разнонаправленных процессов, Дж. Розенау использует термин «*фрагмеграция*» (фрагментация + интеграция). Он также предлагает характеризовать экономические и социальные аспекты *фрагмеграции* как колеблющиеся между глобализацией и локализацией, а политические — между централизацией и децентрализацией (Rosenau. 1994).

Вопрос об исторической уникальности глобализации

Многие исследователи, однако, полагают, что процессы «регионализации», «фрагментации» и т.п. это не просто диалектическая противоположность глобализации: Это явление, не просто реально противостоящее универсальному и всеохватывающему процессу глобализации, но и параллельное ему, а потому сравнительно независимое от него. В.И. Максименко, например, высказывает сомнение относительно правомерности самого термина «глобализация», так как последний, «без указания на объект глобализации, теряет смысл» (Максименко. 1999. С. 84). А.Д. Богатуров же считает глобализацию «фактом на две трети виртуальным», поскольку «большая часть наиболее впечатляющих проявлений этой тенденции по сути локальна и проявляется преимущественно в зоне постиндустриальных стран и в тончайшем слое

¹ «Было бы ошибкой рассматривать глобализацию как простой процесс роста мирового единства, — пишет Энтони Гидденс, — Глобализация социальных отношений — это, иным образом, дифференциация временных и пространственных отношений в нашей ни. Другими, словами, на жизнь общества оказывают значительное влияние и события происходящие далеко от нас». (Гидденс. 1991. С. 189).*;

интернет-электронных связей, протянувшихся от них в другие части мира» (Богатуров. 1999. С. 47). Глобализации, с точки зрения А.Д. Богатурова; противостоит анклавно-конгломеративная модель мира. С позиций такой модели одновременно со странами Запада (представляющими собой «гетто избанничеств» и стремящимися распространить свое влияние на остальной мир) и вместе с тем в относительном удалении от них существует иной тип обществ. Их особенность состоит в том, что они представляют собой *конгломеративные образования*, в рамках которых архаичное и модернизированное начала образуют отдельные *анклавы*, сосуществуют друг с другом без опасности взаимного уничтожения. К такому типу обществ автор относит Россию, Китай, Индию, Японию и ряд других незападных стран. Совокупность взаимно влияющих и взаимно приспособляющихся, хотя и не пытающихся копировать друг друга анклавов и составляет ту часть мира, которая способна ограничить воздействие глобализационных импульсов, исходящих от Запада {Богатуров. 1999}.

Близиких позиций придерживаются и те, кто считает, что в качественном отношении глобализация — совсем не новое явление в мировой истории, т.е. речь идет лишь о количественных изменениях, приобретающих иные формы. Под новым термином скрываются давно известные процессы роста взаимозависимости и формирования единого мирового пространства. На различных этапах всемирной истории их основой были, например, экспансия Римской империи; колониальные завоевания, ставшие следствием великих географических открытий (см., например: Дилигенский. 1999. № 4. С. 37), научных и технологических революций и распространения рыночных отношений (см., например: Панарин. 2000. С. 5); освоение наиболее удобных и экономически выгодных коммуникаций между народами и континентами, подобных Великому шелковому пути. Как считает экономический обозреватель *Financial Times* Мартин Вольф, даже с экономической точки зрения глобализация не выглядит исключительно новым явлением. Современная мировая экономика в некоторых отношениях является менее интегрированной, чем экономика накануне Первой мировой войны. В канун 1914 г. экспорт британских капиталов составлял до 9% ВВП, т.е. в два раза превышал экспорт капиталов Японии и Германии (в сопоставимых цифрах) в 1980-е гг. В 1910-е гг. существовала и единая мировая денежная единица — золото, а численность рабочих, пересекающих границы, была более высокой, чем в наши дни (Wolf). Правда, уже в 1970 г. экспорт, соотнесенный с совокупным производством, достиг уровня 1913 г.; в последующие годы темпы его роста составляли от 12 до 17%. Финансовые рынки достигли невиданной ранее степени интегрированности; беспрецедентный размах полу-

чает передача технологий; правительства становятся все более тесно связанными друг с другом через многосторонние договоры (там же). В чем же в таком случае состоит новое *качество* процессов, обозначаемых термином «глобализация»? Избегая дефиниций, исследователи данного явления пытаются выяснить его сущность через анализ основных составляющих.

Основные составляющие глобализации

Впрочем, в дефинициях недостатка нет. В их основе, как правило, лежит либо просто перечисление составляющих, либо выделение наиболее важных из них, с точки зрения исследователя. Перечисление же в большинстве случаев осуществляется в порядке значимости тех проявлений глобализации, которые выражают ее сущность. Например, аналитики Всемирного банка, исходя из приоритета экономических факторов, определяют глобализацию как «рост экономической взаимозависимости стран мира, вызванный как увеличением объема и многообразия трансграничных сделок в сфере товаров и услуг, а также международных потоков капиталов, так и ускоряющимся и расширяющимся распространением технологий» (цит. по: *Wolf*). Более широко рассматривает проблему отечественный ученый А. Вебер. С его точки зрения, глобализация означает «втягивание всего мира в открытую систему, финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших коммуникационных и информационных технологий. Это объективный процесс, который подготовлен всем ходом предшествующего развития и теперь вступил в качественный, но новый этап» (*Вебер. Актуальные вопросы глобализации...* 1999. № 5. С. 47). Другие исследователи во главу угла ставят или свое видение социально-политической стороны (экспансия западного образа жизни, масскультуры и типов мышления (*Ядов. Актуальные вопросы глобализации...* 1999. № 5. С. 41), или субъективной составляющей (стремление Запада стать «свокорыстным держателем бесконтрольной мировой власти, диктующей народам свою волю» (*Панарин. 2000. С. 10*)).

Таким образом, оценивая анализ глобализации современной международно-политической наукой, можно сказать, что ее основные проявления сводятся к нескольким группам факторов. Их совокупное взаимодействие и взаимовлияние составляет содержание явления глобализации.

Выделяемые группы факторов таковы:

1. Тенденция к становлению экономической системы, функционирующей по единым правилам, в масштабе всей планеты. Даже наибо-

лее развитые государства не могут игнорировать эти правила. Они вынуждены учитывать их при разработке и реализации не только своих внешнеэкономических и внешнеполитических, а также внутренних стратегий. «В мире произошли кардинальные перемены, произошло качественное изменение результирующего вектора мирового развития — продолжает набирать силу процесс экономизации политики» (Стратегия для России... 1.2.4).

2. Нарастание финансовых и информационных трансграничных потоков, неподвластных государственному регулированию и контролю.

3. Эрозия национально-государственного суверенитета в результате возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабление традиционных функций государства (особенно в сфере безопасности и социальной защиты населения).

4. Размывание границ между «внутренними» и «внешними» политическими, экономическими, информационными и другими процессами.

5. Распространение на весь мир западных (прежде всего — американских) стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга.

6. Формирование идеологии «глобализма», призванной обосновать неизбежность происходящих изменений, их позитивный характер, а также обеспечить согласие общественного мнения и активное участие самых широких социальных и политических сил в формировании нового мирового порядка под руководством Запада и при лидирующей роли США. Как замечает в этой связи А. Богатуров: «Очевидно, что глобализация — это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать и что они думают о происходящем и его перспективах» (Богатуров. 1999. С. 33).

В свете вышесказанного одна из главных трудностей в определении сущности глобализации связана с многообразием ее проявлений. «Конкретно, — пишет В.И. Кузнецов, — речь идет о нескольких действительно важных процессах: интернационализация экономики, развитие единой системы мировой связи, изменение и ослабление функций национального государства, активизация деятельности транснациональных негосударственных образований, в том числе таких, как этнические диаспоры, религиозные движения, мафиозные группы» (Кузнецов. 1998. С. 13). Этот список легко можно было бы продолжить, добавив, например, интернационализацию проблем безопасности (вопросы нераспространения ядерного оружия, загрязнения окружающей среды), изменения в культурном ареале современного человека, в его психологии... Однако главное состоит не в количестве примеров гло-

бализации, а в том, каков их общий вектор воздействия на изменения, происходящие в современных международных отношениях?

Спор о последствиях глобализации

Позиции исследователей по проблеме последствий глобализации можно разделить на три группы: в целом оптимистические, преимущественно пессимистические и промежуточные (во многом скептические).

«Оптимисты» настаивают на тех преимуществах, которые несет с собой глобализация в экономическом, социальном, политическом и моральном отношении. Одни из них уделяют основное внимание экономическим аспектам, другие — политическим и т.д. Например, по мнению К. Брауна, особенностью современного этапа мирового развития является «расширение круга моральных забот». «Греки времен Перикла идентифицировали себя с семьей, племенем, городом; в меньшей степени — с Элладой; и вовсе не идентифицировали себя с варварами. Римское мышление было политически универсальным, но морально ориентировалось только на свободных горожан. Царство Христово предлагало широкую моральную идентичность, но путем исключения славян, сарацинов и евреев и всех «других» в целом». В современном мире рост числа неправительственных организаций и групп по защите прав человека свидетельствует о движении человечества в сторону универсальных ценностей и тем самым — к становлению мирового сообщества (*Brown. 1995. P. 95*).

Главный редактор международной редакции *Financial Times* П. Мартин предлагает комплексное обоснование моральных преимуществ глобализации. С его точки зрения, особенность современной глобализации в экономическом плане состоит в том, что распространяемые ею принципы либеральной экономики и рыночных отношений соответствуют самой природе человека. В социальном плане глобализация способствовала значительному улучшению человеческого благосостояния в тех обществах, которые сумели использовать предлагаемые ею возможности. В политическом плане преимущества глобализации еще более впечатляющи. Под ее влиянием власть неуклонно переходит из рук развитых стран к другим странам мира. Глобализация способствует сужению прерогатив государства и расширению демократических прав и индивидуальной свободы человека. Именно глобализация подорвала основы империи зла в СССР, а теперь способствует этому в Китае. В итоге автор ставит риторический вопрос: «Существует ли ценность, более важная, чем освобождение миллиардов

людей от бедности, создание возможности индивидуального выбора и развития, усиление демократии во всем мире?» Для П. Мартина очевидно, что любые выступления против глобализации носят глубоко аморальный характер (*Martin*).

Ю. Федоров видит положительные черты глобализации в том, что она ведет к «растворению» наций и государств в новых, более сложных международных структурах. Это способствует преодолению авторитарности в политических отношениях и изживанию «тоталитарного сознания». Главная заслуга глобализации в том, что она способствует расширению «сообщества демократии» и демократизации общественного развития в целом, ориентации на право как на единственный способ разрешения конфликтов. С этой точки зрения беспокойство вызывают страны, находящиеся «вне сообщества демократии», сопротивляющиеся или же не готовые войти в это сообщество (*Федоров*. 1999). Некоторые исследователи возлагают надежды на глобальную сеть Интернет, считая ее децентрализованный характер, неподвластность контролю со стороны правительств, открытость и доступность информации и ее обмена прообразом единого демократического мира и способом его достижения.

Однако положительные последствия глобализации не для всех столь очевидны. «Пессимисты» полагают, что глобализация не только не способствует формированию в масштабах всей планеты свободного рынка и честной конкуренции, но, напротив, ведет к росту концентрации капитала в наиболее развитых странах, доминирующих в мировой экономике — США, Великобритании, Германии, Франции и Японии. В этих странах сосредоточено 200 крупнейших транснациональных компаний. «Эти двести мегафирм, щитом и подмогой которых является НАТО, охватывают все области человеческой деятельности: от промышленности до банков, от оптовой до розничной торговли, от экстенсивного сельского хозяйства до всех мыслимых ниш в сфере финансовых услуг, как законного, так и незаконного характера. В самом деле, для «мэтров» банковского и страхового бизнеса, различия между чистыми и грязными деньгами уже давно исчезли» (*Clairmont*. 1999. Р. 19). Отечественный исследователь М. Делягин считает, что на глобальном рынке формируются глобальные монополии, которые, в отличие от привычных ТНК, имеют финансово-информационный характер и не поддаются регулированию со стороны государств (см.: Глобализация как стержневая проблема... С. 20—22). Одно из наиболее очевидных проявлений подобных тенденций — прогрессирующее нарастание разрыва в уровнях экономического развития между наиболее развитыми и отсталыми странами и, соответственно, между богатыми и бедными людьми как в мировых масштабах, так и в рамках отдельных, в том

числе и наиболее благополучных стран (см., например: Кузнецов. 1998; Богатуров. 1999; Максименко. 1999; Senarclens. 1998). Развитие глобальных коммуникационных систем типа Интернет еще больше усугубляет ситуацию. Электронная торговля лишает государства налоговых поступлений. Наиболее уязвимыми для фискальной пауперизации становятся беднейшие страны мира (Cassen. 1997). В результате таких процессов, как подчеркивает зам. генсека ООН В.Ф. Петровский, и на международном, и на национальном уровне происходит вымывание среднего класса (см.: Горностаев. 2001). Вместе с расширением идеологической роли «глобальной культуры Макдоналдса» (Ra-monet. 1999; Barber. 1998; Панарин. 2000), с ростом возможностей глобального манипулирования людьми в интересах «глобального управления» (Максименко. 1999), с использованием «метатехнологий», ставящих их обладателей вне конкуренции (Делягин. 2000), с попытками насаждения стандартов глобализации при помощи военной силы НАТО (Богатуров. 1999; Зегберс. 1999; Кузнецов. 1999; Максименко. 1999) указанные элементы глобализации лишают надежды на демократизацию мировых общественных отношений, на возникновение «глобального гражданского общества» и на самоуправление в рамках «мирового сообщества».

Что касается «скептиков», то они отвергают крайние позиции в оценке последствий глобализации, с сомнением относясь как к выводам о ее благотворной миссии, так и к выводам о ее губительном воздействии на человеческую цивилизацию. Основная идея «скептиков» в том, что процессы, обозначаемые термином «глобализация», являются объективными и неизбежными. Они действительно открывают перед странами и обществами новые возможности, но при этом несут с собой и новые вызовы. Использование новых возможностей и противостояние новым вызовам требуют выработки каждым национальным сообществом осознанной стратегии. Но это подразумевает наличие сильного государства, способного противостоять идеологии «глобализма» и методам формирования глобального рынка, которые навязываются миру богатыми странами (см., например: Горелик, Делягин, Лосюков, Фокин. Глобализация как стержневая проблема... 2000; Богатуров. 1999; Стратегия для России...). Скорее всего, такая позиция наиболее плодотворна как в теоретическом, так и в практическом плане.

Скептики высказывают сомнения и относительно глобальной сети Интернет: ее неуправляемое, стихийное внедрение и использование не гарантируют нейтральность воздействия на то или иное общество. Это может быть проиллюстрировано примером наблюдающегося в последние годы бума электронной торговли. Только в 1998 г. общая сумма продаж товаров и услуг через Интернет превысила 30 млрд долларов.

Согласно оценкам, на начало века она должна составить около 5% всей мировой торговли. 80%, по прогнозам, составят сделки между предприятиями (Ramses 2000. Р. 366). Естественно, что доминирование наиболее развитых стран, прежде всего США, в области программных материалов и электронных продуктов гарантирует им в такой торговле скорее положение экспортера, чем импортера. Удел остальных — приспособляться к создающейся ситуации, пытаясь избежать наиболее разрушительных последствий. Иначе говоря, «свободный обмен» в Интернете оборачивается господством наиболее сильных (Cassen. 1997).

«Оптимисты» иногда считают, что всеобщий характер негативных последствий глобализации (в области экологии, ядерных вооружений, истощаемости природных ресурсов и т.п.) в конечном счете будет способствовать сплочению человечества, формированию солидарного мирового общества (см., например: Brown. 1995; Кузнецов. 1999; Шишков. 2000). Однако создатели образа «одной лодки» не только не учитывают неравного положения ее «пассажиров», но и игнорируют реальные трудности на пути урегулирования подобных проблем. Стоит напомнить, что ни один крупный международный форум последних десятилетий, призванный выработать общую стратегию народов в противостоянии экологическим вызовам, не увенчался сколь-либо заметным практическим результатом.

* * *

Таким образом, воздействие, которое оказывает среда на современную международную систему, выглядит достаточно неоднозначным. Одним из результатов такого воздействия является резкое возрастание взаимозависимости, интернационализация всех сторон человеческого общения, внутриобщественных и международных отношений, интеграционные процессы, проявляющиеся как объективные, общемировые, а значит, общесоциологические тенденции. Однако эти системообразующие факторы, ведущие к социализации международных отношений и стимулирующие становление своего рода глобального гражданского общества, сопровождаются неравномерным ростом производительных сил в различных странах, находящихся на разных уровнях научно-технического, экономического, социального и политического развития. Сохраняются, а местами и растут национально-государственная обособленность, политические противоречия, столкновение экономических интересов различных стран. Все это усиливает напряжение в глобальной международной системе, подрывает ее стабильность, увели-

чивает ее конфликтный потенциал. Одновременно все более актуальными становятся новые формы взаимодействия, учитывающие растущее многообразие участников международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в социологию международных отношений. М., 1992.
2. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол «МЭиМО» // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4.
3. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол «МЭиМО» // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 5.
4. *Богатуров А.Д.* Синдром поглощения в международной политике // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4.
5. *Гаджиев К. С.* Геополитика. М., 1997.
6. *Гидденс Э.* Социология: Учебник 90-х гг. Челябинск, 1991.
7. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // Альманах «THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем». М., Зима 1993. Т. 1. Вып. 1.
8. *Гливаковский А.* Сценарий «атлантистов» // *День*. 1993. 3 апр.
9. Глобализация как стержневая проблема грядущего мира («круглый стол») // *Международная жизнь*. 2000. № И.
10. *Горностаев Д.* Нужны ли уроки Давоса? // Независимая газета. 2001. 31 янв.
11. *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997.
12. *Зегберс К.* Сшивая лоскутное одеяло... // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4.
13. *Кузнецов В.И.* Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.
14. *Кузнецов В.И.* «Золотой миллиард» и остальное человечество // *Pro et Contra*. Т. 4. №4.
15. *Максименко В.И.* Происходит ли глобализация? // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4.
16. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844года// К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. Т. 42.
17. *Моро Дефарж Ф.* Основные понятия международной политики. М., 1995.
18. *Панарин А.С.* Политическая антропология (homo politicus) // Политическая наука в России. М., 2000.
19. *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
20. Стратегия для России: повестка дня для президента 2000. <http://www.svop.ru/dok-lad15.htm>.
21. *Тихонравов Ю. В.* Геополитика: Учебное пособие. М., 1998.
22. *Федоров Ю.Е.* Критический вызов для России // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4.
23. *Agnew J., Corbridge S.* Mastering Space. Hegemony, Territory and International Political Economy L.; N.Y., 1995.
24. *Agnew J.* Geopolitics. Re-visioning World Politics. L.; N.Y., 1998.
25. *Angel J.* Questions de la Geopolitique. P., 1936.
26. *Appadurai A.* Modernity at Large. Cultural Dimension of Glabalization. Minneapolis, 1997.
27. *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
28. *Badie B.* Culture et politique. P., 1993.
29. *Badie B., Smouts M.-C.* Lcretournementdu Monde. Sociologie de la scene internationale. P., 1992.

30. *Bancel-Charenso L.* La Dereglementation des telecommunications dans les grand paix industriels. P., 1996.
31. *Barber B.* Culture McWorld contre democratic // <http://www.monde-diplomatique.fr/1998/08/Barber/10836.html>
32. *Braillard Ph.* Theorie des systemes et relations Internationales. Bruxelles, 1977.
33. *Brown C* International Political Theory and the Idea of World Community // International Relations Theory Today. Ed. by Steve Smith and Ken Booth. 1995.
34. *Cassen B.* Adieu au reve libertaire d'Internet? // <http://www.monde-diplomatique.fr/1997/08/CASSEN/8961.html>
35. *Clairmont F.* La puissance des veritables maitres du monde // Monde diplomatique. Dec. 1999.
36. *Collard D.* La Societe internationale apres la Guerre froide. P., 1996.
37. *Easton D.* The Political System. N.Y., 1953.
38. *Easton D.* A Framework for Political Analysis. N.Y., 1965.
39. *Gallois P.M.* Ceopolitique. Les voies de la puissance. P., 1990.
40. *Gearoid O Tuathail.* Critical Geopolitics. Mineapolis, 1996.
41. *Gearoid O Tuathail and Dalby S.* Introduction: Rethinking Geopolitics: Toward a Clinical Geopolitics. In Rethinking Geopolitics. Ed by Gearoid O Tuathail and Simon Dalby. L.; N.Y., 1998.
42. *Harkavy R.* Great Power Competition for Overseas Dases. The Geopolitics of Access Diplomacy. N.Y., 1982.
43. *Holsti K.J.* International Politics. A Framework for Analysis. Prentice Hall. 6 ed. 1992.
44. *Huntingger J.* Introduction aux relations internationales. P., 1987.
45. *Kissinger H.* How to Achieve the New World Order. Time. Mar. 14. 1994.
46. *Lacoste Y.* Questions de la Geopolitique. P., 1988.
47. *Laroche J.* Politique internationale. P., 1998.
48. *Lineage Politics.* Essays on the Convergence of National and International System. Ed. by James N. Rosenau. N.Y.; L., 1969.
49. *Martin P.* Une obligation morale // <http://www.monde-diplomatique.fr/dossier/ft/martin.html>.
50. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. P., 1988.
51. *Modebki G.* Agraria and industria. Two Models of the International System. Princeton, 1961.
52. *Moreau Defarges Ph.* Relations internationales. Tome 2. Questions mondiales. P., 1992.
53. *Moreau Defargues Ph.* Relations internationales contemporaines. Entre globalisation et fragmentation. P., 1994.
54. *Ramonet I.* L'an 2000 // <http://www.monde-diplomatique.fr/1999/12/Ramonet>
55. *Rams 2000.* P., 2000.
56. *Rassett B. & Starr H.* World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981.
57. *Robertson R.* Globality, global culture, and images of world order H. Haferkamp and N. Smelser (eds.). Social Change and Modernity. Berkley, 1992
58. *Rosenau J.N.* Les processus de la mondialisation: retombees significatives, echanges impalpables et symbolique subtile // Etudes internationales. Vol. XXIV, № 3. Sept. 1993.
59. *Rosenau J.* New Dimentions of Security. The Interaction of Globalizing and Localizing Dynamics // Secuirity Dialogue. 1994. Vol. 25(3).
60. *Samuel A.* Nouveau paysage du monde. Bruxelles, 1990. '
61. *Sachwald F.* La mondialisation comme facteur d'integration regionale // Politique etrangere. 1997. № 2.
62. *Senarclens P. de.* La politique internationale. P., 1992.
63. *Senarclens P. de.* Mondialisation, souveraincte et theories de relations internationales. R 1998.

64. *Sprout H. & M.* Environmental Factors in the Study of International Politics //James N. Rosenau (Ed.). International Politics and Foreign Policy. N.Y., 1969.
65. *Sprout H. & M.* An Ecological Paradigm for the Study of International Politics. Princeton, 1968.
66. *Singer D.J.* The Global System and its Sub-System. A Developmental View. N.Y., 1971.
67. *Wolf M.* Mais pourquoi cette haine des marches? <http://www.monde-diplomatique.fr/dossier/ft/wolf.html>
68. *Young O.* A systemic Approach to International Politics. Princeton, 1968.

ГЛАВА 8

Участники международных отношений

В международно-политической науке, как и в других социальных дисциплинах, сложилось несколько терминов, для обозначения изучаемых ими действующих лиц. По своему содержанию наиболее широким из таких терминов является термин «субъект» — индивид, группа, класс, общность людей, взаимодействующих друг с другом по поводу и/или при помощи того или иного объекта. Один из основных критериев выделения субъекта — это его наделенность сознанием и способностью к действию. Однако этой слишком общей характеристики недостаточно для исследования тех или иных отдельных видов социальных отношений. Поэтому указанный термин требует конкретизации, результатом которой стали такие категории, как «социальный агент» и «социальный актор».

«Социальный агент» — это понятие критической социологии, близкой к социальному детерминизму. Оно отражает соотношение между поведением субъекта и его средой. Но главной особенностью данного понятия является то, что оно служит для выражения действия, являющегося промежуточным между субъектом и средой. Агент — это выразитель, проводник (вольный или невольный) тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, логика которой определяет логику его поведения в той или иной ситуации. Иначе говоря, в понятии «социальный агент» отражается социальный и культурный контроль системы над индивидами и/или социальными общностями, та роль, которую они стремятся (сознательно или бессознательно) играть в соответствии с ожиданиями окружающих, основанными на социальном статусе агента. Простейший пример в этом отношении — связь поведения человека на официальном приеме с его общественным положением: делая «выбор» между напитками, представители «низших классов», как показали социологические исследования, на самом деле следуют «логике престижности», т.е. выбирают то, что, по их представлениям, соответствует более высокому социальному статусу. Подобным же образом поведение лидеров той или иной страны нередко объясняется их представлениями о статусе суверенного государства, стремлением играть роль великой державы и т.п. С этой точки зрения многое в деятельности российского МИДа, особенно на первых этапах его существования в постсоветский период, было призвано, судя По всему, соответствовать прежде всего статусу демократического государства, придерживающегося либеральных ценностей: колебания в определении национальных интересов, поддержка (правда, с некоторыми оговорками) сомнительной акции США, связанной с нанесением ракетного удара по Багдаду в июне 1993 г. и т.п.

Что касается понятия «социальный актор», то в данном случае речь идет прежде всего о таком социальном субъекте, который действует и способен своей деятельностью внести те или иные изменения в окружающую среду. Это понятие активно используется в социологии действия. Один из ее представителей, известный французский социолог А. Турен выделяет следующие критерии социального актора: способность сказать «я»; признание другого; принадлежность к определенной группе. Соответственно, отношения актора со средой определяются четырьмя уровнями: во-первых, стремлением к удов-

летворению своих интересов («уровень интереса»); во-вторых, улучшением или ухудшением условий деятельности, например соединением труда индивида с трудом другого может способствовать как повышению, так и понижению их заработка («уровень стратегии»); в-третьих, воздействием общности на институциональную систему, например, профсоюз того или иного предприятия осуществляет давление на администрацию этого предприятия с целью изменить условия труда и его оплаты («уровень изменения правил игры»); наконец, в-четвертых, культурной, этической, ценностной моделью, которая является ставкой борьбы за власть («уровень историчности»). В конечном итоге/считает А. Турен, социальный субъект — это тот, кто желает стать актором (см.: *Touraine*. 1974. P. 24).

Наиболее употребительным термином, которым в науке о международных отношениях принято обозначать участников взаимодействия на мировой арене, является термин «актор». В русском переводе он звучал бы как «актер». И действительно, некоторые зарубежные авторы иногда напоминают об этом его значении. Так, Б. Рассет и Х. Старр подчеркивают, что Шекспир представлял весь мир как большую сцену, а людей — ее актерами (*Rassett, Starr*. 1981). Однако, учитывая, что значение термина «актер» в русском языке является гораздо более узким, более конкретным, а также то, что в этом своем конкретном, узком значении (как лицо, исполняющее заранее заданную роль другого персонажа) в науке о международных отношениях он практически не употребляется, в отечественной литературе принят термин «актор» (*Бурлацкий, Галкин*. 1974).

«Актор» — это любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль, — пишут Ф. Брайар и М.Р. Джалили. В сфере международных отношений, подчеркивают они, под актором следует понимать любой авторитет, любую организацию, любую группу и даже любого индивида, способного играть определенную роль, оказывать влияние (*Braillai; Djalili*. 1988. P. 31).

Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что термин «актор» имеет целый ряд достоинств. Во-первых, он отражает широкий спектр взаимодействующих общностей и поэтому является достаточно всеобъемлющим. Во-вторых, используя его, мы делаем акцент на поведении общностей. Тем самым данный термин помогает понять существо общности, которая ведет себя определенным образом, предпринимает такие-то действия. Наконец, в-третьих, он помогает понять то, что разные актеры играют разные роли: некоторые из них занимают авансцену и являются «звездами», тогда как другие остаются не более чем статистами или же членами хоровой группы. И тем не менее все они участвуют в создании законченного спектакля на мировой сцене (*Бурлацкий, Галкин*. 1974. С. 72).

Социальная общность может рассматриваться как международный актер в том случае, если она оказывает определенное влияние на международные отношения, пользуется признанием со стороны государств и их правительств и учитывается ими при выработке внешней политики, а также имеет ту или иную степень автономии при принятии собственных решений (*Kaplan*. 1964). Исходя из этого, становится ясным, что если все акторы являются участниками международных отношений, то не каждый участник может считаться международным актором. Организация, предприятие или группа, имеющие какие-либо отношения с иностранными организациями, предприятиями или гражданами, далеко не всегда могут выступать в роли международных акторов. Наоборот, эту роль может выполнять отдельный человек, например такой, как всемирно известный правозащитник А.Д. Сахаров, который, благодаря тому авторитету, которым он пользовался как среди государственных руководителей многих стран, так и среди демократической общественности, оказывал известное влияние на отношение Запада к СССР. Более того, сегодня возрастающая роль индивида в международной политике может проявляться не только в действиях выдающихся личностей, но и самых обычных людей, что проявляется в таких феноменах, как увеличение трансграничных миграционных потоков, расширение потенциала международных неправительственных правозащитных организаций в отстаивании «антигосударственных» притязаний рядовых

людей, наконец, в некотором росте возможностей защиты их прав путем обращения в межправительственные организации (Европейский суд по правам человека) с жалобами на неправомерные действия собственных правительств. При всех оговорках, которые могут и должны быть сделаны относительно неоднозначности и противоречивости двух последних феноменов (подробнее об этом см. в главе 12), рост их влияния на межгосударственные контакты и на международные отношения в целом представляется несомненным.

Однако в данной связи возникают следующие вопросы. Во-первых, какие из разновидностей социальных общностей, взаимодействующих на мировой арене, могут считаться типичными международными акторами? И, во-вторых, какова иерархия между типами международных акторов, или, иначе говоря, какой из них может рассматриваться как наиболее влиятельный, авторитетный и перспективный? Оба эти вопроса являются, хотя и в разной степени, предметом научных дискуссий, теоретических споров.

Гораздо больше согласия имеется по первому вопросу. Представители большинства теоретических направлений и школ считают, что типичными международными акторами являются государства, а также международные организации и системы. Так, Мортон Каплан различает три типа международных акторов: национальный (суверенные государства), транснациональный (региональные международные организации: например, НАТО) и универсальный (всемирные организации: например, ООН) (Kaplan. 1957). М. Мерль в качестве типичных международных акторов рассматривает государства, международные организации и транснациональные силы (например, мультинациональные фирмы, а также мировое общественное мнение) (Merle. 1974). Брайар и М.Р. Джалили добавляют к этим трем типам еще один — так называемых потенциальных акторов (таких, как национально-освободительные движения, региональные и локальные общности: например, Европейский Совет коммун, Европейская Конференция местных органов власти). Дж. Розенау считает основными международными акторами государства, подсистемы (например, органы местной администрации, обладающие определенной автономией в международной сфере), транснациональные организации (такие, как, например, компания по производству микросхем «Европейские кремниевые структуры», существующая вне пределов государственной юрисдикции), когорты (например, этнические группы, церкви и т.п.), движения (Rosenau. 1990).

Вместе с тем из приведенных примеров видно, что указанное согласие относительно основных типов международных акторов касается прежде всего государства и межгосударственных (межправительственных) организаций. Что же касается вопроса о других участниках международных отношений, то он остается предметом теоретических расхождений. Однако гораздо более серьезные дискуссии ведутся по вопросу о том, какому типу актора следует отдавать предпочтение при анализе международных отношений.

Как мы уже видели, для представителей политического реализма нет сомнений в том, что государство является главным, решающим, если не единственным актором международных отношений. Это касается всех разновидностей политического реализма, хотя одни из них опираются в своей аргументации преимущественно на политические возможности государства (Г. Моргентау), другие делают акцент на его социальную сферу (Р. Арон), третьи апеллируют к экономическому потенциалу (Ж. Бертэн).

Более гибкой выглядит точка зрения представителей модернистского направления. Смещая акцент на функционирование международных отношений, опираясь на системный подход, моделирование, количественные методы в их изучении и т.н., представители модернизма не ограничиваются исследованием поведения государств, вовлекая в научный оборот проблемы, связанные с деятельностью международных организаций, международно-политическими последствиями экономической экспансии ТНК и т.н. Вместе с тем, во-первых, чаще всего вопрос о приоритетности того или иного международного актора является для них второстепенным. А во-вторых, многие представители данного, чрезвычайно гетерогенного направления близки либо к политическому реализму

(М. Каплаг, К. Райт), либо к другим теоретическим школам, например таким, как транснационализм и глобализм.

Согласно теоретикам транснационализма или взаимозависимости (Р. Кохэн, Д. Най, . Скотт, С. Краснер и др.), одной из характерных особенностей современного этапа в волюции международных отношений является тот вызов, который бросают позициям государств международные неправительственные организации, мультинациональные фирмы и корпорации, экологические движения и т.н. По мере роста числа междупарод-ых сделок позиции государств в мировой политике ослабевают, и, напротив, усиливается роль и значение частных субъектов международных отношений (*Haï. 1989; Keohane & Nye. 1977*). «Глобалисты» (Дж. Бертон, С. Митчел и др.) идут еще дальше, представляя мир в виде гигантской многослойной паутины взаимных связей, соединяющих вместе государства и негосударственных акторов, из которой никто не может выбраться (*Burton. 1972*). Вместе с тем «транснационалисты» остались достаточно лояльными по отношению к политическому реализму и, следовательно, к его трактовке государства как главного международного актора (*Rioux, Keenes, Legate. 1982*). Что же касается «глобалистов», то они имеют тенденцию принижать значение понятия «международный актор» в пользу показа тенденций глобальной взаимозависимости (*Maghroori, Ramberg. 1982*).

В неомарксистских концепциях международных отношений (И. Валлерстайн, С. Амин, А. Франк) главное внимание уделяется таким понятиям, как «мир-система» и «мир-экономика», государство же является лишь удобным институциональным посредником господствующего в международном масштабе класса, призванным обеспечить его доминирование над мировым рынком (*Wallerstein. 1984*).

Каждое из указанных теоретических направлений и школ отражает ту или иную сторону реальности международных отношений. Однако для того, чтобы судить о том, насколько верно такое отражение, необходимо получить более полное представление об особенностях существа и функционирования основных участников взаимодействий на мировой арене.

1. Сущность и роль государства как участника международных отношений

Государство является бесспорным международным актором, отвечающим всем вышеназванным критериям этого понятия. Оно является основным субъектом международного права. Внешняя политика государств во многом определяет характер международных отношений эпохи; оно оказывает непосредственное влияние на степень свободы и уровень благосостояния индивида, на саму человеческую жизнь. Деятельность и даже существование международных организаций, других участников международных отношений в значительной мере зависит от того, как к ним относится государство. Кроме того, государство является универсальной формой политической организации человеческих общностей: в настоящее время практически все человечество, за небольшими исключениями, объединено в государства. Но процесс образования новых государств продолжается: если в XV в. в мире существовало 5—6 государств, то в 1900 г. их становится уже 30, в 1945 г. Членами Организации Объединенных Наций являлись 60 государств,

в 1965 г. в ней состоит уже 100, в 1990 г. - 160, в 1992 г. - 175, а в 1996 г. — 185 государств. Для того чтобы стать членом ООН и, следовательно, получить признание в качестве субъекта международного права, государство должно обладать независимым правительством, территорией и населением.

Происхождение государства связано с переходом человеческих общностей к оседлости, разделением труда, обособлением управленческих функций, сосредоточением их в руках особого социального слоя и установлением политической власти над населением в пределах определенной территории. Американский специалист Дж. Фрэнкел связывает формирование государства с развитием у людей потребностей и предпочтений, которые они не могут удовлетворить в одиночку и поэтому вынуждены объединяться в группы. В зависимости от обстоятельств такие группы различаются по своим размерам и характеру, однако все они сталкиваются с одинаковыми проблемами, связанными со структурой, иерархией и организацией группы, а также ее отношениями с другими группами, которые являются прообразом современных международных отношений (*Frankel*. 1979. P. 10).

Функции государства в его наиболее развитой форме сводятся к поддержанию порядка и безопасности в рамках отделенной границы территории, созданию условий для социального и экономического развития общества, для распределения благ и услуг, поддержанию занятости и удовлетворению основных потребностей населения (*Senar-c/ens*. 1992. P. 116).

Исторические формы государства характеризуются многообразием: в своем развитии оно прошло путь от мировых империй, предшествовавших античным городам-государствам (полисам), до европейских монархий в Новое время, возникновения национального государства (или государства-нации) в XIX в. Однако вплоть до XV—XVI вв. государства в силу отсутствия строгих территориальных границ, слабости центральной власти по отношению к периферии, господства общинной формы организации социума не являлись еще государствами в полном (современном) значении этого понятия (*Huntzinger*. 1988. P. 115-117; *Четкое*. 1993).

Современная форма государственности связана с понятием суверенитета. Первоначально это понятие означало неограниченную власть монарха осуществлять свою волю внутри страны и представлять государство за его пределами (или, выражаясь современным языком, определять его внутреннюю и внешнюю политику) и отражало стремление правителей освободиться от господства феодальных обычаев и церковной иерархии. После окончания 30-летней религиозной войны в Европе возникает и получает свое закрепление в Вестфальском мир-

ном договоре 1648 г. современная система межгосударственных отношений, основанная на взаимном признании юридического равенства и независимости каждого государства.

В XVIII в. начинается новая фаза в распространении государственности — переход от суверенитета монарха к суверенитету нации. Формируется такая форма государственности, как национальное государство, распространившаяся начиная с XIX в. на весь европейский регион, а в последующем (особенно с процессом освобождения народов от колониальной зависимости и образованием национальных государств в «третьем мире», который завершается в целом в 1960-е гг.) и на мир в целом.

Таким образом, генезис и существование современной формы государственности тесно связаны с формированием и развитием такого вида социальной общности, как нация. Следует подчеркнуть, что как не существует «естественных» границ между государствами (все они являются продуктом истории, результатом соотношения сил и потому носят «искусственный», т.е. политический характер), так не существует и оснований для представлений о биологической сущности наций, или их этническом происхождении. Все нации являются многоэтническими образованиями, все они формируются и укрепляются в процессе политической социализации, распространения и усвоения религиозных верований, обычаев, других культурных ценностей, способствующих политической консолидации социальной общности.

Об этом свидетельствуют и основные факторы, лежащие в основе генезиса нации, открытые научным сообществом в результате многочисленных исследований данного феномена. Это, прежде всего, — общность территории проживания, способствующая формированию близости в восприятии природных феноменов и, соответственно, консолидации социальной общности. Это — общность экономической деятельности, определяемая одними и теми же ресурсами, формирующая сходный тип хозяйственной активности. Это — культурное единство, отражаемое в общности языка, религии, социальных норм поведения. Определенную роль в формировании нации может играть и общее этническое происхождение людей, хотя эта роль отнюдь не может считаться решающей. Это, наконец, — общий исторический опыт, ощущение общей судьбы, общности прошлого, настоящего и будущего. В то же время ни один из указанных факторов не является достаточным для того, чтобы рассматривать социальную общность как нацию. Так, для многих наций характерно наличие нескольких языков (Швейцария), религий (Китай), культур (Индия) и т.п. Пожалуй, наиболее устойчивой является общность национального самосознания,

ощущения единства исторической судьбы (см.: *Rasett & Starr*. 1981. P. 63-65).

Английский специалист Э. Смит отмечает, что формирование национальной идентичности явилось основным элементом процессов легитимизации социального и политического порядка. Назначение национальной идеологии состоит в формировании связей солидарности между индивидами и социальными классами, мобилизации с этой целью общих ценностей и культурных традиций. Национальные доктрины производят мифы, символы, апеллирующие к рациональности идеологии, призванные служить оправданию и укреплению государства. Они предлагают каждому индивиду как личную, так и социальную идентичность, позволяющую ему отличать себя от остального мира и от других культур. Их распространению в той или иной мере способствуют все правительства, заинтересованные в закреплении национальных особенностей, легитимизирующих государственный суверенитет (*Smith*. 1983).

Определяющую роль в формировании и закреплении национальной идеологии играют политические и интеллектуальные элиты. Это характерно и для тех неевропейских регионов, в которых формирование наций происходит под влиянием империализма: профессиональные элиты указанных регионов, стоящие во главе движений за освобождение от всех форм колониального господства и политическую независимость, фактически воспроизводят в государственности, как форме политической организации общества, политическую модель метрополий. Вместе с тем здесь процесс формирования наций идет как бы «наоборот»: не нация предшествует и сопровождает генезис государственности, а государство используется как решающий инструмент в формировании наций. Именно этим объясняется парадоксальный, на первый взгляд, факт существования на политической карте мира государств (например, в постколониальной Африке), не имеющих нации: речь идет о процессе создания нации «мы-восприятия», которая подошла бы под уже существующее государство, а не о процессе поиска нацией своего собственного государства (*Rasett & Starr*. 1981. P. 63).

Как уже отмечалось, одной из решающих в понимании происхождения и сущности государства является категория «национально-государственный суверенитет». Она имеет два основных аспекта — внутренний и внешний. Речь идет, с одной стороны, о свободе государства избирать свой путь экономического развития, политического режима, гражданского и уголовного законодательства и т.п. А с другой — о невмешательстве государств во внутренние дела друг друга, о их равенстве и независимости. Однако принцип суверенитета национальных

государств приводит к неоднозначным последствиям в международных отношениях.

Во-первых, каждое государство вынуждено так или иначе сочетать в своей внешней политике достаточно противоречивые функции. По определению одного из основателей современной американской политической науки А. Уолферса, каждое государство может стремиться к национальной экспансии (*self-extension*) в самом широком смысле этого термина, включающем увеличение территорий, влияния, ресурсов, союзников и т.п. Оно может быть озабочено защитой (сохранением) своего пространства и своего национального интереса (*self-preservation*). Наконец, оно может отказываться от тех или иных непосредственных выгод в пользу укрепления мира и солидарности в межгосударственных отношениях (*self-abnegation*) (Wolfers. 1962; Korany. 1987. P. 136).

Во-вторых, каждое государство стремится к обеспечению собственной безопасности. Однако это стремление ввиду того, что оно свойственно всем суверенным государствам-нациям в условиях «плюрализма суверенитетов», порождает одну из самых сложных и животрепещущих проблем международных отношений — так называемую дилемму безопасности. Она состоит в том, что увеличение безопасности одного из государств может рассматриваться как небезопасность для другого и вызывать с его стороны соответствующие реакции — от гонки вооружений до «превентивной войны».

Наконец, в-третьих, если все государства-нации равны, то, как остроумно замечают Б. Рассет и Х. Старр, «некоторые из них равны больше, чем другие» (Rasstt & Starr. 1981. P. 79). Действительно, формально-юридическое равенство государств с точки зрения международного права не может отменить того обстоятельства, что они различаются по своей территории, населению, природным ресурсам, экономическому потенциалу, социальной стабильности, политическому авторитету, вооружениям, наконец, по своему возрасту. Эти различия резюмируются в неравенстве государств с точки зрения их национальной мощи. Следствием такого неравенства является международная стратификация, с характерной для нее фактической иерархией государств на международной арене.

Исследуя международную стратификацию с позиций исторической социологии, английский ученый Э. Луард приходит к выводу, что на всех этапах своего существования — от Римской империи, где государства-данники зависели от центральной власти, и Китайской многогосударственной системы, где власть была неравномерно распределена между большими группами государств, до современности — международные отношения всегда были стратифицированы по тем или иным

основаниям (*Luard*. 1976). В международных отношениях, которые интересуются причинами социальной стратификации и ее последствиями на поведение акторов, в объяснении этого феномена существует два основных направления.

Одно из них — «консервативное» — рассматривает стратификацию как следствие функциональной специализации: общество стратифицируется потому, что позиции, которым приписывается большая ценность, обеспечивают тем, кто их занимает, власть, привилегии или престиж. С этой точки зрения интеграция общества и социальный порядок являются продуктами стратификации, и, более того, в степени стабильности общества отражается степень ценностного консенсуса его членов. Представители второго — «радикального» направления — считают, что общественный порядок всегда основан на принуждении, а стратификация общества постоянно сопровождается процессом, при котором власть, привилегии и престиж определенного социального слоя достигаются и поддерживаются благодаря систематической эксплуатации им других слоев. Сформулированная марксистами, такая точка зрения разделяется не только близкими к марксизму, но и сторонниками иных теоретических течений.

Большинство идей, связанных со стратификацией международных отношений, было заимствовано именно из радикального направления (*Little*. 1978). В рамках науки о международных отношениях литература по вопросу о стратификации подразделяется на два течения — «интеракционизм» и «структурализм». Первое рассматривает взаимодействующие государства в качестве автономных элементов стратифицированной системы международных отношений, положением в которой и объясняется их поведение (М. Каплан, А. Органски, Р. Роузкранс, Д. Сингер, К. Дойч, К. Уолц, и др.). Второе исходит из того, что в XX в. государства уже не являются автономными, а играют разную роль в общемировой капиталистической системе, причем эта роль зависит от того, какое место они занимают в данной системе — центральное или периферийное (Р. Пребиш, Б. Браун, П. Баран, П. Суизи, А. Франк, И. Галтунг, С. Амин, И. Валлерстайн и др.). Таким образом, если для интеракционистов государство как международный актор представляет главный предмет анализа, то структуралисты, рассматривающие прежде всего отношения между центром и периферией в мировой системе, чаще всего не принимают его за единицу анализа.

Как уже отмечалось выше, одним из наиболее широко распространенных видов международной (межгосударственной) стратификации считаются неравные возможности государств защитить свой суверенитет, вытекающие из неравенства их национально-государственной мощи. С этой точки зрения различают сверхдержавы, великие держа-

вы, средние державы, малые государства и микросоударства (см.: *Braillard, Djaili*. 1988. Гл. II),

Сверхдержавы выделяются по следующим признакам: а) способность к массовым разрушениям планетарного масштаба, поддерживаемая благодаря обладанию и совершенствованию ядерного оружия; б) способность оказывать влияние на условия существования всего человечества; в) невозможность Потерпеть поражение от любого другого государства или их коалиции, если в такую коалицию не входит другая сверхдержава.

В отличие от них, великие державы оказывают существенное влияние на мировое развитие, но не господствуют в международных отношениях. Они нередко стремятся играть мировую роль, однако реальные возможности, которыми они располагают, ограничивают их роль либо определенным регионом, либо отдельной сферой межгосударственных отношений на уровне региона.

Средние державы обладают прочным влиянием в своем ближайшем окружении. Это отличает их от малых государств, влияние которых является слабым. Однако малые государства располагают достаточными средствами для сохранения своей независимости и территориальной целостности. Микросоударства же в принципе неспособны защитить свой суверенитет собственными силами.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, какие из государств считать малыми, а какие — микросоударствами. Большинство склоняется к тому, что критерием в данном случае может выступать количество населения: в одних случаях микросоударствами считаются страны, население которых не превышает 1 млн человек, в других эта цифра доходит до 2 млн. ЮНИТАР использовал в этом случае более сложный критерий определения величины, мощи и статуса государств, включающий анализ величин их площади, населения и ВВП. Б. Рассет и Х. Старр предложили учитывать также военный потенциал, продолжительность жизни населения, процент детской смертности, количество врачей и койкомест в медицинских учреждениях на душу населения, его расовый состав, долю городских и сельских жителей и т.п. (*Rassett & Starr*. 1981. Р. 82—90). Однако в этом случае появляется риск утраты решающих критериев и, следовательно, риск «утопить» проблему в огромной массе важных, но все же не определяющих признаков.

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене через свою внешнюю политику, которая может принимать две основные формы: дипломатии и стратегии. Их назначение — удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Однако в наши дни такое понимание внешней политики и

международных отношений обнаруживает свою явную узорность, ибо внешняя политика уже не может не принимать в расчет проблемы экологии и научно-технического прогресса, экономики и средств массовой информации, коммуникаций и культурных ценностей. А главное — оно не способно отразить как тот факт, что традиционные проблемы международных отношений претерпевают существенные видоизменения под влиянием всех этих новых факторов, так и действительную роль и подлинное место негосударственных международных акторов.

2. Негосударственные участники международных отношений

Среди негосударственных участников международных отношений выделяют межправительственные организации (МПО), неправительственные организации (МНПО), транснациональные корпорации (ТНК) и другие общественные силы и движения, действующие на мировой арене. Возрастание их роли и влияния — относительно новое явление в международных отношениях, характерное для послевоенного времени. Данное обстоятельство в сочетании с длительным и практически безраздельным господством реалистской парадигмы объясняет то, что они все еще сравнительно слабо изучены политической наукой (*Senarclens*. 1992. Р. 129). Отчасти это связано и с неочевидностью их подлинного значения, отражаемой в таких терминах, как «невидимый континент» (Й. Галтунг), или «второй мир» (Дж. Розенау). Сказанное касается не только участников, которых Дж. Розенау называет «подсистемами», но и международных организаций, которые, казалось бы, у всех «на слуху».

Французский специалист Ш. Зоргбиб выделяет три основные черты, определяющие международные организации: это, во-первых, политическая воля к сотрудничеству, зафиксированная в учредительных документах; во-вторых, наличие постоянного аппарата, обеспечивающего преемственность в развитии организации; в-третьих, автономность компетенций и решений (*Zorgbibe*. 1991. Р. 3).

Указанные черты в полной мере относятся к *международным межправительственным организациям (МПО)*, которые являются стабильными объединениями государств, основанными на международных договорах, обладающими определенной согласованной компетенцией и постоянными органами (*Зайцева*. 1992). Остановимся на их рассмотрении более подробно.

Основные черты и типология МПО

Венский Конгресс 1815 г., возвестив об окончании наполеоновских войн и рождении новой эпохи в международных отношениях, одновременно возвестил и о появлении в них нового участника: Заключительным актом Конгресса было провозглашено создание первой МПО — Постоянной комиссии по судоходству по Рейну. К концу XIX в. в мире существовало уже более десятка подобных организаций, появившихся как следствие индустриальной революции, породившей потребность в функциональном сотрудничестве государств в области промышленности, техники и коммуникаций и т.п.: Международная санитарная конвенция (1853), Международный телеграфный союз (1865), Международное бюро мер и весов (1875), Всемирный почтовый союз (1878), Союз защиты промышленной собственности (1883), Международная организация уголовной полиции (Интерпол, 1923), Международный сельскохозяйственный институт и др.

МПО непосредственно политического характера возникают после Первой мировой войны (Лига Наций, Международная организация труда), а также в ходе и особенно после Второй мировой войны, когда в 1945 г. в Сан-Франциско была образована Организация Объединенных Наций, призванная служить гарантом коллективной безопасности и сотрудничества стран-членов в политической, экономической, социальной и культурной областях. Параллельно с развитием ее специализированных органов и институтов создаются межправительственные организации межрегионального и регионального характера, направленные на расширение сотрудничества государств в различных областях: Организация экономического сотрудничества и развития, объединяющая 24 наиболее развитые страны мира (1960), Совет Европы (1949), Европейское объединение угля и стали (1951), Европейское экономическое сообщество (Общий рынок, 1957), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом, 1957), Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ, 1960), Лига арабских государств (1945), Организация американских государств (1948), Организация африканского единства (1963) и др. С 1945 г. число МПО удвоилось, составив к началу 1970-х гг. 220 организаций. В середине 1970-х гг. их было уже 260, а в настоящее время - более 400 (*Rassett & Starr*. 1981. P. 73).

Потребности функционирования этих организаций вызывают необходимость созыва периодических конференций представителей входящих в них стран, а подготовка таких конференций и выполнение их решений, в свою очередь, ведет к созданию постоянных административных структур — «аппарата». При этом, если администрация и аппарат первых МПО были достаточно скромными (так, например, Все-

мирный почтовый союз был представлен его руководителем и шестью постоянными функционерами), то в ООН в настоящее время занято более 5,0 тыс. человек (*Zorgbibe*. P. 5, 16, 128).

Отмеченное увеличение количества МПО и численности их постоянных работников есть одно из свидетельств роста взаимозависимости государств и их многостороннего сотрудничества на постоянной основе. Более того, будучи созданы, подобные организации приобретают определенную автономию по отношению к государствам-учредителям и становятся отчасти неподконтрольными им. Это дает им возможность оказывать постоянное влияние на поведение государств в различных сферах их взаимодействия и в этом смысле играть роль наднационального института.

Однако здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Наднациональные институты в подлинном значении этого термина, т.е. такие, чьи решения являются обязательными для всех государств-членов, даже если они с ними не согласны, в международных отношениях являются редким исключением. Подобные институты существуют сегодня только в рамках Европейского сообщества. Комиссия, Совет министров и Суд этой организации обладают правом принимать обязательные для исполнения всеми государствами-членами решения в экономической, социальной и даже политической областях на основе принципа квалифицированного большинства. Тем самым происходит изменение взглядов на священный для международного права принцип государственного суверенитета, а органы ЕС все больше напоминают органы конфедерации, являясь выражением растущей интеграции современного мира.

Существуют различные типологии МПО. И хотя, по признанию многих ученых, ни одна из них не может считаться безупречной, они все же помогают систематизировать знание об этом относительно новом влиятельном международном акторе. Наиболее распространенной является классификация МПО по «геополитическому» критерию и в соответствии со сферой и направленностью их деятельности. В первом случае выделяют такие типы межправительственных организаций, как *универсальный* (например, ООН или Лига Наций); *межрегиональный* (например, Организация Исламская конференция); *региональный* (например, Латиноамериканская экономическая система); *субрегиональный* (например, Бенилюкс). В соответствии со вторым критерием различают *общецелевые* (ООН); *экономические* (ЕАСТ); *военно-политические* (НАТО); *финансовые* (МВФ, Всемирный банк); *научные* («Эврика»); *технические* (Международный союз телекоммуникаций); или еще более узко специализированные МПО (Международное Бюро мер и весов).

В то же время указанные критерии носят достаточно условный характер. Во-первых, их нельзя противопоставлять, так как многие организации могут отвечать одновременно обоим критериям: например, являться и узкоспециализированными, и субрегиональными (Организация стран Восточной Африки по контролю за пустынной саранчой). Во-вторых, проводимая на их основе классификация достаточно относительна: так, даже технические МПО могут брать на себя и экономические, и даже политические функции; тем более это относится к таким организациям как, скажем, Всемирный банк или ГАТТ, которые ставят своей задачей создание условий для функционирования в государствах-членах либеральных рыночных отношений, что, конечно, является политической целью. В-третьих, не следует преувеличивать не только функциональную, но и тем более политическую автономию МПО. Так, например, в ст. 100 Устава ООН говорится: «1. При исполнении своих обязанностей Генеральный Секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией».

2. Каждый Член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального Секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей» (*Устав ООН. Гл. XV. Ст. 100*). Однако на деле господствующее влияние на ориентацию деятельности ООН и ее институтов имеют США и их союзники. Этому способствует действующий в указанных институтах принцип уравнивающего голосования при принятии решений, в соответствии с которым наибольшими возможностями располагают государства, оказывающие этим институтам наибольшую финансовую поддержку. Благодаря этому США располагают около 20% голосов в МВФ и Всемирном банке (*Senarclens. 1992. P. 136*). Все это ставит проблему эффективности МПО и особенно такой, наиболее крупной и универсальной из них по своим задачам, как ООН.

Созданная в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами, способствуя обмену мнениями и улучшению взаимопонимания между ними, ООН в условиях холодной войны нередко служила Местом ожесточенных пропагандистских схваток, выступала как сугубо политизированное учреждение, демонстрировала несоответствие конкретных результатов требованиям современности, неспособность обеспечить решение возложенных на нее задач (*Козырев. 1990*).

Специалисты отмечают и такое противоречие, явившееся обратной стороной принципа равноправия всех членов ООН, как ситуация, когда значительная часть членов ООН — малых или даже микросоциальных — обладает равными голосами с крупными странами. Тем самым решающее большинство может быть составлено теми, кто представляет менее десяти процентов мирового населения, что так же недопустимо, как и доминирование в этой организации небольшой группы великих держав (*Нестеренко*. 1990). Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали отмечал, что «двусторонние программы помощи зарубежным странам нередко были инструментом «холодной войны» и до сих пор остаются под сильнейшим воздействием соображений, продиктованных интересами политического влияния и национальной политики» (*Бутрос-Гали*. 1993. С. 11).

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. окончание «холодной войны» принесло новые возможности укрепления этой всемирной организации, увеличения ее потенциала и эффективности, решения ею проблем, связанных с выполнением своего мандата. Многие из этих проблем объясняются ограниченностью всякой межправительственной организации рамками государственно-центричной модели поведения. Государство — действительно универсальная модель политической организации людей, о чем свидетельствует ее распространение на все новые нации и народы. Однако уже приведенные факты противоречий между формально-юридическим равенством и фактическим неравенством государств показывают, что ее роль нельзя абсолютизировать. Исследования в области социологии международных отношений показывают, что во многих, к тому же становящихся все более частыми ситуациях интересы людей и их «патриотизм» связаны не с государством, а с другими общностями, политическими или культурными ценностями, которые воспринимаются ими как более высокие: это могут быть ценности панисламизма, связанные с чувством принадлежности к более широкой общности, чем нация-государство, но это могут быть и ценности, связанные с этнической идентификацией субгосударственного характера — как это имеет место у курдов или берберов. В этой связи сегодня все более ощутимо возрастает роль *международных неправительственных организаций (МНПО)*.

Общие характеристики и типы МНПО :

В отличие от межправительственных организаций, МНПО — это, как правило, нетерриториальные образования, ибо их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: междуна-

родный характер состава и целей; частный характер учредительства; добровольный характер деятельности (*Braillard, Djali. 1988. P. 47*). Вот почему их причисляют к «новым акторам» (М.-К. Смуте), «акторам вне суверенитета» (Дж. Розенау), «транснациональным силам» (М. Мерль), «транснациональным организациям» (Ш. Зоргбиб) и т.п.

Существует как узкое, так и расширительное понимание МНПО. В соответствии с первым к ним не относятся общественно-политические движения, транснациональные корпорации (ТНК), а тем более организации, созданные и существующие под эгидой государств. Так, Ф. Брайар и М.Р. Джалили под МНПО понимают структуры сотрудничества в специфических областях, объединяющие негосударственные институты и индивидов нескольких стран: религиозные организации (например, Экуменический совет церквей), организации ученых (например, Пагуошское движение); спортивные (ФИФА), профсоюзные (МФП), правовые (Международная амнистия), и т.п. организации, объединения, учреждения и ассоциации (*Braillard, Djali. 1988. P. 47-50*).

Напротив, Ш. Зоргбиб считает, что термин «МНПО» включает три вида организаций или институтов. Во-первых, это «силы общественного мнения». Они не могут составить реальную конкуренцию государствам как международным акторам с точки зрения влияния на мировую политику, но оказывают существенное воздействие на международное общественное мнение. Сюда относятся различного рода «интернационалы»: политические (например, Социетерн); религиозные (например, Экуменический совет церквей); гуманитарные (Международный Красный Крест). Во-вторых, это «частные транснациональные власти», т.е. организации и институты, символизирующие появление на мировой арене новых «экономических, оккультных и неконтролируемых» сил. Они выражают расхождение между политической и экономической властью в международных отношениях и серьезно сотрясают организацию «мирового общества». Сюда относятся транснациональные предприятия (ТНП), с одной стороны, и транснациональный синдикализм — с другой. Наконец, в-третьих, это «ассоциации государств-производителей». Речь идет об организациях, которые являются межправительственными по своей структуре и составу, но транснациональными по характеру деятельности и которые «стремятся утвердить свое экономическое влияние в международном обществе, воспроизводимом как единое пространство, как общепланетарная общность». Сюда относятся Межправительственный Совет стран — экспортеров меди, Организация стран — экспортеров железа, Международная ассоциация боксита и, конечно, Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) (*Zorgbibe. 1991. P. 91-118*).

Таким образом, речь идет, по существу, о всех негосударственных участниках международных отношений, о том, что Дж. Розенау назвал, в противовес традиционному миру государственных международных акторов, «вторым миром», или «полицентричным миром», состоящим из огромного, почти бесконечного числа участников, о которых можно с уверенностью сказать только то, что они способны на международную деятельность, более или менее независимую от государства (*Rosenau. 1990*). Подобное понимание свойственно и теоретикам взаимозависимости, или транснационализма (см.: *Най. 1989; Button. 1972*).

Однако и в «узком» (и, по-видимому, более точном) понимании данного термина МНПО прошли впечатляющую эволюцию с XIX в., когда появились первые международные неправительственные организации, до наших дней. Так, Британское и Международное общество борьбы против рабства было образовано еще в 1823 г. В начале XX в. создается целый ряд добровольных обществ, в частности, ведущих свою деятельность в рамках конфессиональных институций. В 1905 г. насчитывается 134 МНПО, в 1958 г. их уже около тысячи, в 1972 г. — от 2190 до 2470, а в конце 1980-х гг. - 4000 (см.: *Rasett & Starr. 1981. P. 76; Braillard, Djalili. 1988. P. 48; Senarclens. 1992. P. 154; Huntzinger. P. 209*). Особенно интенсивным процесс создания МНПО стал с появлением на международной арене Организации Объединенных Наций. Многие МНПО получают консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН и ее специализированных институтах и учреждениях, что находит свое отражение в ст. 71 и 58 Устава ООН.

МНПО различаются по своим размерам, структуре, направленности деятельности и ее задачам. Однако все они имеют те общие черты, которые отличают их как от государств, так и от межправительственных организаций. В отличие от первых, они не могут быть представлены как акторы, действующие, говоря словами Г. Моргентау, во имя «интереса, выраженного в терминах власти». В отличие от вторых, их учредителями являются не государства, а профессиональные, религиозные или частные организации, учреждения, институты и, кроме того, принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств юридической силы. И все же им все чаще удается добиваться выполнения тех задач, которые они ставят перед собой, — и не только в профессиональной, но и в политической области. Это касается и таких задач, которые требуют серьезных уступок со стороны государств, вынужденных в ряде случаев поступаться «священным принципом» национального суверенитета. Так, в последние годы некоторым МНПО — в частности тем, сферой деятельности которых являются защита прав человека, экологические проблемы, или гуманитарная помощь, — уда-

лось добиться «права на вмешательство во внутренние дела суверенных государств» (этот вопрос будет рассмотрен подробнее в главе 14).

Основным «оружием» МНПО в сфере международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей — оказание давления на неправительственные организации (прежде всего на ООН) и непосредственно на те или иные государства. Именно так действуют, например, Гринпис, Международная амнистия, Международная федерация по правам человека или Всемирная организация борьбы против пыток (последняя показательна и в том отношении, что объединяет усилия более 150 национальных организаций, целью которых является борьба против применения пыток). Поэтому МНПО подобного рода нередко называют «международными группами давления». Как известно, в политической социологии термин «группы давления» фиксирует отличие общественных организаций от политических партий: если партии стремятся к достижению и исполнению властных функций в обществе, то группы давления ограничиваются стремлением, с целью защиты своих интересов, оказывать влияние на власть, оставаясь вне властных структур и институтов (например, профсоюзы, предпринимательские объединения, женские организации и т.п.). Аналогичный характер имеют и МНПО — как с точки зрения отношения к «власти» и методов действия, так и эффективности в достижении выдвигаемых целей.

Возможно, что не все МНПО играют роль международных групп давления (определенные сомнения в этой связи могут иметься относительно организаций, обладающих консультативным статусом при ЭКОСОС ООН и ее институтах). Однако их совокупное воздействие зримо меняет сам характер международных отношений, делают их существенно отличными от характера традиционных межгосударственных отношений, эпоха которых уходит в прошлое.

Немалое влияние на существо и направленность изменений в характере международных взаимодействий оказывают такие специфические неправительственные организации, как *транснациональные корпорации (ТНК)*, которые «подтачивают» национальный суверенитет государств в такой важной сфере общественных отношений, как экономика. Речь идет о предприятиях, учреждениях и организациях, целью которых (в отличие от МНПО, охарактеризованных выше) является получение прибыли и которые действуют через свои филиалы одновременно в нескольких государствах, в то время как центр управления и решений той или иной ТНК находится в одном из них.

Действительно, крупнейшие ТНК обладают огромными экономическими ресурсами, дающими им преимущества в этом отношении не только перед малыми государствами, но нередко и перед средними и

даже великими державами. Так, например, объем зарубежных продаж фирмы «Эксон» к середине 1970-х гг. достиг свыше 30 млрд долларов что превысило объем внутреннего национального продукта (ВНП такой экономически развитой страны, как Швейцария (*Бурлацкий Галкин*. 1974. С. 77), и лишь немногим уступало ВВП Мексики. Это дает ТНК возможность оказывать существенное воздействие в своих интересах и на политическую сферу — как в странах базирования, так и в мире в целом. Характерный пример в данном отношении дает роль американской компании ИТТ в свержении правительства С. Альенде в Чили в начале 1970-х гг.

ТНК — явление достаточно противоречивое. Они, несомненно, способствуют модернизации стран базирования, развитию их народного хозяйства, распространению ценностей и традиций экономической свободы и политического либерализма. Одновременно они несут с собой и социальные потрясения, связанные со структурной перестройкой, интенсификацией труда и производства; новые формы господства и зависимости — экономической, технологической, а нередко и политической. В ряде случаев последствия их деятельности ведут к дальнейшему обострению уже имеющихся и возникновению новых экологических проблем, к разрушению национальных традиций, конфликту культур. Так же бесспорно и то, что ТНК усиливают экономическую взаимозависимость и единство мира в хозяйственном отношении, способствуют созданию предпосылок для становления единой глобальной культуры как планетарного, общецивилизационного явления. И это тоже приносит неоднозначные результаты, что и вызывает критику ТНК со стороны различных идейно-теоретических течений — как марксистского и неомарксистского, так и либерально-демократического характера. В определенной мере результатом подобной критики явились попытки международного сообщества ввести некоторые ограничения для деятельности транснациональных корпораций, подчинив ее определенным правилам, некоему «кодексу поведения». Однако усилия, предпринятые с этой целью в рамках ОЭСР и ООН, не увенчались успехом, что неудивительно, если учитывать заинтересованность наиболее развитых в экономическом и наиболее влиятельных в политическом отношении стран в беспрепятственном функционировании рыночной экономики.

В современном мире насчитывается не менее 7 тыс. ТНК, имеющих около 26 тыс. филиалов в различных странах на всех континентах (*№" sett, Starr*. 1981. Р. 78). Однако их непосредственная экспортно-импортная и инвестиционная деятельность затрагивает, главным образом, тр* экономические зоны, представленные США, ЕЭС и Японией, и вне этих зон касается еще около десятка развивающихся государств. От

носительная защищенность рынков, развитость инфраструктур, образовательной, исследовательской и информационной сфер, обеспечивающих гарантии в необходимой высококвалифицированной рабочей силе, влекут за собой распространение передовых технологий, сходство в образе и уровне жизни и потребления во всех трех экономических зонах. Экономические процессы, контролируемые ТНК, охватывают большую часть мировой торговли, финансовых обменов и передач передовых технологий. Так, торговые связи между США и остальным миром на 80% находятся в руках ТНК. В 1988 г. экспорт товаров и услуг из американских филиалов ТНК в Соединенные Штаты составил 87 млрд долларов, или 19% всего импорта США (*Senarclens*. 1992. P. 89).

Указанные процессы способствовали ускоренной экономической интеграции в Европе, Америке и Азии, усилению конкуренции и в то же время взаимозависимости между главными экономическими регионами современного мира. Вместе с тем они имели не менее серьезные последствия и политического характера.

Пожалуй, наиболее значимыми среди этих последствий, вызвавшими эпохальные изменения в облике современного мира и характере международных отношений, явились кризис в СССР, распад «мировой социалистической системы», а затем и разрушение Советского Союза со всеми его драматическими результатами для России и других бывших союзных республик. Конечно, указанные события имели и глубокие внутренние причины — неэффективность установленной в результате революции 1917 г. социально-экономической и политической системы, преступные режимы, некомпетентные и коррумпированные руководители и т.п. Но особенно важную роль эти внутренние причины приобрели именно в свете той постиндустриальной революции конца 1960-х — начала 1970-х гг., которая так нелегко далась Западу и которая фактически прошла мимо нашей страны. По вине своих бездарных руководителей, увлеченных сиюминутными выгодами от «нефтедолларов», а по сути, от хищнической эксплуатации природных богатств в сложившейся в те годы мировой экономической конъюнктуре, СССР оказался в ситуации прогрессирующего отставания от века Микроэлектронных технологий. Попытки же «подтянуть» систему до Уровня экономически развитого мира путем «ускорения» и «перекрышки» оказались роковыми для страны, политическая система ко-⁹Рой обнаружила свою полную неспособность к какому-либо реферированию. Во всяком случае, сегодня становятся все более очевиден бесплодность и разрушительный характер попыток подобного сформирования», если они не предваряются продуманными, учиты-

вающими социокультурные реальности и традиции народа экономическими преобразованиями.

Таким образом, ТНК обладают определенной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения, учитываются государствами в их внешней политике, т.е. отвечают всем признакам влиятельного международного актора.

В меньшей степени этим признакам отвечают *другие участники международных отношений* — такие, как, например, национально-освободительные, сепаратистские и ирредентистские движения, мафиозные группировки, террористические организации, региональные и местные администрации, отдельные лица. Часть из них, например, национально-освободительные и сепаратистские движения, являются, скорее, международными субъектами в вышеприведенном социологическом (а не юридическом) значении этого термина, т.е. они стремятся стать акторами (в данном случае, суверенными государствами).. С этой целью они добиваются членства или хотя бы статуса наблюдателя в авторитетных межправительственных организациях, считая участие в них важным звеном в обретении статуса международного актора. Так, ООП является членом Лиги арабских государств, Организации исламская конференция, Движения неприсоединения и обладает статусом наблюдателя в ООН. Это, однако, не давало ей, вплоть до последнего времени, полной легитимности в глазах некоторых международных акторов (прежде всего, Израиля, но также, в известной степени, и таких арабских государств, как Оман и Иордания). Несмотря на провозглашение председателем ООП Я. Арафатом на сессии Национального Совета Палестины 15 декабря 1988 г. создания Палестинского государства и признание его большинством арабских государств, фактического образования (а, соответственно, и международно-правового признания) такого государства не произошло.

3. Парадокс участия

Таким образом, одна из устойчивых тенденций международных отношений, существование которой (так же как и существование тенденции нарастающей взаимозависимости) признается сегодня всеми теоретическими направлениями международно-политической науки, состоит в росте числа и многообразия социальных субъектов, принимающих либо непосредственное участие в их функционировании, либо оказывающих существенное влияние на их состояние. Это касается традиционных международных акторов — государств и межгосударст-

венных институтов, и еще в большей мере таких относительно новых участников, как транснациональные корпорации, неправительственные организации, различного рода ассоциации, устойчивые группы (вплоть до мафиозных структур) и выдающиеся личности. Но, пожалуй, еще более впечатляющими являются те изменения, которые вносят сегодня в характер и состояние международных отношений различного рода временные объединения и «неорганизованные» частные лица.

Как не без оснований утверждает П. Аллан, «...наш мир, особенно мир политики, определяется, по крайней мере частично, факторами, относящимися к так называемой основной, или абсолютной, случайности, как в биологической теорий эволюции» (Аллан. 1996. С. 81). Впечатляющие изменения, которые вносит сегодня в характер и состояние международных отношений все более широкое участие в них различного рода временных объединений и «неорганизованных» частных лиц, связаны прежде всего именно с тем, что такое участие становится источником абсолютной случайности в этой сфере. То, что наблюдается в наши дни в международных отношениях, — это переход от ситуации риска, свойственной периоду «холодной войны», к ситуации сомнения (Николсон. 1996. С. 133—134)¹. Отсюда сформулированный М. Николсоном «парадокс участия», в соответствии с которым рост открытости международной системы и увеличение числа и многообразия ее участников, выражающиеся, в том числе, в свободе передвижений, обменов и взаимодействий частных лиц различных государств, вносят беспорядок в международные отношения, увеличивают их хаотичность. «Чем меньше количество участников системы и степеней их разнородности, тем более упорядоченной оказывается сама система и легко предсказуемыми — последствия отдельных действий. Если же система начинает пополняться все новыми членами (а именно это мы и понимаем здесь под участием), то предсказуемость, а заодно и совершение эффективных действий становятся все более трудными» (Николсон. 1996. С. 136).

Проблемы, связанные с возрастанием роли случайности в международных отношениях и парадоксом участия выглядят еще более

«Ситуация риска, — пишет Майкл Николсон, — это ситуация, в которой распределение вероятности различных возможных вариантов является в определенной мере объективным. В этом случае проблема выбора не представляет особой сложности. Ситуация сомнения — это, наоборот, такая ситуация, в которой не существует какой-либо объективной основы распределения вероятности. Здесь уже сделать выбор намного сложнее. Это тем более справедливо, чем меньше мы представляем себе последствия различных возможных вариантов выбора...» (Николсон М. Влияние индивида на международную систему Размышления о структурах // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в между народной политике / Пер. с фр. М., 1996. С. 134).

сложными в свете тех перемен, которые происходят в ценностных ориентациях личности. В наши дни наблюдается быстрое распространение феномена *аномии* — утраты индивидом какой-либо базы самоидентификации, потери общих нормативных и ценностных ориентиров. Проявлением этого феномена становятся все более многочисленные и разнообразные социальные девиации: рост преступности, неясность жизненных целей, сознательное пренебрежение духовными ориентациями в пользу неумеренных материальных целей, а также связанные с этим социальный хаос и снижение предсказуемости политических процессов (см. об этом: *Покровский*. 1995. С. 50—51). Однако парадокс участия не ограничивается только аномией. Другими его полюсами становятся *униномия* — принадлежность к крайне узкой базе идентификации, лишаящая индивида гибкости в его социальных отношениях, и *плюриномия* — расплывчатая принадлежность к нескольким базам самоидентификации (см. об этом: *Эрман*. 1996. С. 48). Можно вполне согласиться с замечанием Ж. Эрмана, согласно которому «нашему времени свойственна ярко выраженная плюриномия, господствующая в условиях, в которых «новейший» индивид отказывается от жесткой однолинейной принадлежности, и стремится прожить несколько жизней, когда всемирный триумф капитализма, отрывающего культурную идентификацию от территориально-географической основы, порождает нечто вроде социальной шизофрении» (там же).

Сегодня уже остается все меньше сомнений в том, что международная политика, как сложная система соперничества и согласования интересов и ценностей возрастающего числа и многообразия ее участников, остается сферой неуверенности и риска, многократно усиливаемых вторжением в нее «обычного» человека. Это выдвигает повышенные требования к компетентности и профессионализму «творцов международной политики» и актуализирует необходимость интенсивной исследовательской, образовательной и просветительской работы в области международно-политических знаний. В то же время обоснованная критика неумеренного энтузиазма, односторонне интерпретирующего феномены институализации прав человека, расширения гуманитарной деятельности международных организаций и «вторжения» в сферу международных отношений конкретного индивида с его стремлениями к «прямому» решению касающихся его вопросов и проблем, — решению, не опосредованному государственными структурами или же бюрократическими механизмами, межправительственных организаций, — не должна заслонять другую сторону рассматриваемой проблемы. Несмотря на все его недостатки, процесс интернационализации прав человека имеет необратимый характер. Уже сегодня гарантии и защита индивидуальных прав и свобод становятся предметом

регулирования международного права, переставая быть исключительно внутригосударственной компетенцией. Устанавливая стандарты в сфере прав человека, международное сообщество рассматривает их как своего рода ориентиры, к которым следует стремиться, подчеркивая, что нынешнее состояние в данной сфере не может считаться терпимым (*Офуатеи-Коджое*. С. 179).

Учитывая возрастающую роль нетрадиционных участников на международные отношения, приведенное выше определение международного актора должно быть уточнено. В наши дни в роли международного актора могут выступать любая социальная общность или индивид, если они имеют ту или иную степень автономии при принятии ими своих решений, если они оказывают определенное влияние на международные отношения, а также если их действия или намерения учитываются другими акторами (прежде всего, но не исключительно, государствами и их правительствами) при выработке собственной международной (мировой) политики.

Растущая взаимозависимость приводит к развитию функционального и институционального международного сотрудничества, участниками которого выступают различные предприятия, фирмы, административные структуры и граждане приграничных зон соседних государств, а также регионы и отдельные города различных стран (*Brailard, Djalili*. 1988. Р. 53—55). В первом случае (функциональное трансграничное взаимодействие) речь идет об установлении контактов и обменов между представителями сопредельных государств, в основе которого лежит общность интересов и потребностей и которое нередко устанавливается как бы стихийно, т.е. помимо официальных договоренностей между государствами (а иногда и вопреки им). Таковы, например, отношения между жителями приграничных районов России и Китая или отношения между сопредельными районами стран СНГ, жители которых фактически игнорируют запреты и ограничения властей на взаимную торговлю. Примером второго (институционального сотрудничества локального характера) выступают достаточно представительные международные организации, формирующиеся вне национально-государственных рамок (Ассоциация породненных городов; Совет коммун Европы и т.п.). Кроме того, в федеративных государствах наблюдается феномен своего рода фрагментации внешней политики, когда руководство субъектов федерации в стремлении более полно отстоять свои интересы устанавливает прямые связи на международной арене и тем самым как бы нарушает прерогативы суверенного государства, частью которого данный субъект является. Иногда развитие какой, по выражению канадского исследователя П. Сольдатоса, «субнациональной дипломатии» происходит с согласия соответствующих

государств и осуществляется в рамках международного права: так, Квебек уже с 1882 г. имеет своего генерального представителя во Франции (*Braillard, Djalili*. 1988. Р. 54). В других случаях наблюдается конфликт центральных и местных властей — проблема, которая была особенно характерной для постсоветской России на первых этапах ее государственности, но продолжает сохранять свою актуальность и по настоящее время.

Указанные примеры вновь возвращают нас к центральному для проблемы участников международных отношений вопросу: какой из типов этих участников — государство, международные организации, или же «параллельные» участники, («акторы вне суверенитета») — будет определять содержание и характер международных отношений в обозримом и более отдаленном будущем? Как мы могли убедиться, по данному вопросу существует множество точек зрения, крайние из которых отдают предпочтение либо традиционным (прежде всего, государству), либо нетрадиционным участникам. Важно, однако, подчеркнуть, что сторонники как одного, так и другого из этих полюсов избегают детерминистских подходов. Поэтому существо полемики перемещается в методологическую плоскость: что считать основой для выводов? Поиск специфических факторов, оказывающих влияние на поведение акторов, и изучение той роли, которую играют те или иные из этих факторов в эволюции международных отношений? Или же анализ традиционных и нетрадиционных акторов с целью определения главных и второстепенных из них с точки зрения как состояния, так и тенденций указанной эволюции? Споры продолжаются, и острота их усиливается по мере нарастания признаков изменения привычного международного порядка, исключающих однозначные ответы на вышеприведенные вопросы. Вместе с тем не вызывает сомнений то обстоятельство, что указанные изменения во многом зависят от целей, которые ставят перед собой международные акторы, и от избираемых ими средств их достижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллан П. Сложность, случайность и индивид в теории международной политики // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. Мч 1996.
2. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.Л. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
3. Бутрос-Гали Б. Укрепление потенциала Организации Объединенных Наций // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4.
4. Зайцева О. О методологии изучения международных организаций // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 6.

5. *Козырев А.В.* ООН — демократия против тоталитаризма // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 12.
6. *Най Дж.С. (мл.).* Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
7. *Нестеренко А.Е.* Потенциал ООН // Международная жизнь. 1990. № 5.
8. *Николам М.* Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996.
9. *Монбриаль Т. де.* Память настоящего времени. М., 1997.
10. *О(щ)цатеи-Код,жое.* ООН и защита индивидуальных и гражданских прав // Международный журнал социальных наук. 1995. № 11.
11. *Покровский Н.Е.* Проблема анонии в современном обществе. М., 1995.
12. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. М., 1989.
13. *Четкое М.А.* Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение? // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1.
14. *Эрман Ж.* Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996.
15. *Braitard Ph., Djalili M.-R.* Les relations internationales. P., 1988.
16. *Burton J.W.* World Society. Cambridge, 1972.
17. *Frankel J.* International Relations in the Changing World. Oxford; N.Y., 1979.
18. *Huntzinger J.* Introduction aux relations internationales. P., 1988.
19. *Kaplan M.* System and Process in International Politics. N.Y., 1957.
20. *Kaplan A.* The Language of Inquiry. N.Y., 1964.
21. *Keohane R. & Nye J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977.
22. *Korany B.* et coll. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1987.
23. *Little R.* International Stratification // International Relations Theory. N.Y., 1978.
24. *Luard E.* Types of the International Society. N.Y., 1976.
25. *Maghroori R., Ramberg B.* Globalism Versus Realism — International Relations Third Debate. Boulder, 1982.
26. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. R, 1974.
27. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J., 1990.
28. *Rassett B., Starr H.* World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981.
29. *Rioux J.-F., Keenes E., Legare G.* Le neo-realisme ou la reformulation du paradigme hegemonique en relations internationales // Etudes internationales. XIX. 1982.
30. *Senardens P. de.* La politique internationale. P., 1992.
31. *Smith A.* State and Nation and the Third World. Brighton, 1983.
32. *Touraine A.* Pour la sociologie. P., 1974.
33. *Wallerstein I.* The Politics of the World Economy. Cambridge, 1984.
34. *Wolffers A.* Discord and Collaboration. Baltimore, 1962.
35. *Zorgbibe Ch.* Les organisations internationales. R, 1991.

ГЛАВА 9

Цели, средства и стратегии участников международных отношений

Лучшему пониманию социальной природы международных отношений служит анализ особенностей их участников и взаимодействия последних друг с другом. В то же время такой анализ рождает новые вопросы: какие цели преследуют участники международных отношений? каковы наиболее распространенные средства и стратегии, которые используются ими для достижения поставленных целей? сохранилась ли роль силы в составе средств, используемых международными акторами для достижения своих интересов?

Прежде чем перейти к перечисленным вопросам, еще раз подчеркнем, что основными участниками международных отношений являются государства. Автономия межправительственных организаций и институтов как участников международных отношений носит относительный характер в силу того, что принимаемые ими решения и их реализация невозможны без участия соответствующих государств. Неправительственные организации, движения и частные субъекты, конечно, могут вступать в противоречие с теми или иными государственными структурами и государствами в целом, а также преодолевать их сопротивление при достижении своих целей, однако понимание последних невозможно без понимания целей, средств и стратегий государств. Именно поэтому в рассмотрении вышеобозначенных вопросов исследователи, как правило, исходят, прежде всего, из изучения государств, как основных участников международных отношений. При этом необходимо помнить, что сведение международных отношений только к межгосударственным неправомерно.

1. О содержании понятий «цели» и «средства»

Анализ *целей* участников международных отношений — не только одно из важнейших условий понимания их особенностей, но и одна из самых трудных задач. Дело том, что цель — во многом категория субъективная. Судить о ней можно лишь на основании реальных последствий действий участников международных отношений. И даже в этом случае степень достоверности суждения будет отнюдь не абсолютной и далеко не однозначной. Это тем более важно, если учесть, что результаты деятельности людей нередко сильно расходятся с их намерениями. В мире международных отношений, как пишет В. Муррай

М. Гримсли, царят случайность, неопределенность и двусмысленность. Более того, действия, намерения и цели других действующих лиц в этом мире остаются в тени и не имеют четких очертаний, создавая серьезные трудности для самых изворотливых политиков со всей их мудростью и интуицией (*Murray and Grimsley. 1994*). При этом каждый участник международных отношений преследует не одну, а множество целей, и изучить их все не всегда возможно и не всегда это необходимо. Кроме того, что между декларируемыми и действительными целями редко существует полное совпадение, а прее́мственность далеко не всегда является правилом. Например, несмотря на заявления руководителей Косовской операции НАТО о чисто гуманитарных целях ее проведения, многие исследователи продолжают считать, что ее истинные мотивы лежали в иной плоскости. Одни считают эту ситуацию неадекватным восприятием обострившихся проблем самоопределения в регионе, рассматриваемом западноевропейцами в качестве естественной сферы влияния «Большой Европы» (см.: *Богатуров. 1999. С. 35*). Другие рассматривают операцию НАТО в Косово как стремление США не допустить роста курса евро, а также нейтрализовать геоэкономическую угрозу целостности оборонного пространства (*Цымбурский. 1999. С. 148*). Ссылка на *интересы* США содержится и в январском 2000 г. выступлении Президента США Б. Клинтона о состоянии НАТО (см.: [www. whitehouse...](http://www.whitehouse...)).

Таким образом, принципиальное значение имеет понимание главных целей международного актора. В науке к решению этой задачи выработан такой подход, который, не являясь абсолютной гарантией против субъективности, зарекомендовал себя как достаточно плодотворный. Речь идет об оценке целей международного актора с точки зрения поведения субъекта, т.е. с точки зрения анализа последствий его поступков, а не мыслей и декларируемых намерений. Например, какое-либо действие гипотетически может иметь несколько вариантов возможных последствий, но в реальности осуществляется один, который мы и наблюдаем. При этом у нас есть основание считать, что, не "УДь у действующего субъекта соответствующего желания, последствия были бы иными. Следовательно, мы можем сделать вывод, что именно имевшие место последствия и являлись целью субъекта (*Derⁿennic. 1977. Р. 2*). Например, популярность правительства М. Тэтчер выросла в результате предпринятых им действий по выходу из Мальвинского кризиса.

Исходя из вышеназванного подхода, большинство исследователей международных отношений определяют цель как предполагаемый желаемый) результат действия, являющегося его причиной (побудительным мотивом) (см., например: *Derriennic. 1977; Merle. 1974; Позд-*

няков. 1976). Это относится как к сторонникам политического реализма, так и к представителям других теоретических школ науки о международных отношениях, в том числе марксистского и неомарксистского течений. Последние основываются, в частности, на положении К. Маркса о том, что «будущий результат деятельности существует сначала в голове человека идеально, как внутренний образ, как побуждение и цель. Эта цель как задача определяет способ и характер действий человека и ей он должен подчинять свою деятельность» {Маркс К., Энгельс Ф. Т. 12. С. 718}.

В зависимости от задач и предмета исследования в основу классификации целей международных акторов могут быть заложены разные критерии. Основные {главные} цели рассматриваются с точки зрения их важности для самого существования международного актора, поэтому их еще называют *жизненно важными*. Достижение *важных*, а также *неосновных (второстепенных)* целей не связано с самосохранением актора. Неудача в их достижении не влечет за собой разрушения актора или утраты им своей автономности. Если оценивают возможность реализации, то с этой позиции различают *достижимые* (реальные) и *недостижимые* (нереальные) цели. Реальные цели, исходя из возможных сроков их осуществления, подразделяют на *краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и перспективные*. Временной фактор целей также определяет их либо постоянное, либо временное присутствие в арсенале участников международных отношений. Сторонники геополитического подхода выделяют цели на основе их пространственного охвата: *локальные, субрегиональные, региональные, континентальные, глобальные*. Если рассматривать различные сферы общественных отношений (и, соответственно, взаимодействия международных акторов), то можно выявить соответствующие им цели: *военно-политические, экономические, гуманитарные, социокультурные* и т.п.

В рамках одной акции могут преследоваться цели разных типов. Так, военная акция США против Ирака в 1991 г. имела чисто военную цель — разбить атакующую армию и изгнать ее из Кувейта; военную цель с экономической подоплекой — разрушение военных и ядерных ресурсов Ирака; чисто экономическую цель — замораживание производства нефти, разрушение соответствующих производственных комплексов и постепенное изматывание иракского индустриального потенциала путем продолжения блокады. Последняя цель имела и политический контекст: подрыв регионального статуса Ирака и изменение соотношения сил в районе Персидского залива.

Особую типологию целей выстраивают, исходя из степени их общности и значимости для международных акторов. В эту типологию входят *вечные* (и, соответственно, противоположные им — *преходя-*

щие) и абсолютные (которые противопоставляются *относительным*) цели. Учитывая важность данной типологии и ту роль, которую она играет в международно-политической науке, мы посчитали необходимым рассмотреть ее более подробно, что будет сделано ниже. Сейчас же подчеркнем, что в реальной практике международных отношений разные типы целей тесно переплетены. Однако это не мешает им сохранять свое самостоятельное значение.

Понятие цели близко по своему содержанию другому важному для международно-политической науки понятию — *интереса*. Интерес отражает потребности, формулируемые как цели, и имеет особое значение в ситуации угроз и кризисной ситуации, связанной с их усилением. Поэтому всегда определение национального интереса так или иначе связано с проблемой безопасности, идентификацией угроз существованию или функционированию нации-государства и поиском средств для противодействия им и преодоления их. Различие главных и второстепенных целей в значительной мере определяется условиями международной среды и может изменяться в зависимости от происходящих в ней трансформаций. Например, еще в начале XX в. защита и реализация национального интереса государства были связаны с отстаиванием непроницаемости его границ для внешних воздействий; сегодня же открытость и участие в мировых процессах в качестве важного сегмента глобального рынка, представляющего интерес для других акторов, выдвигается на передний план в составе главных целей того или иного государства¹.

Основные и главные цели государства связаны с защитой и реализацией национальных интересов. Негосударственные акторы также имеют свои цели и интересы, которые могут оказаться как совместимыми, так и несовместимыми с национальными интересами. Основные цели ТНК, например, связаны с достижением максимальной прибыли, что вызывает у них стремление использовать в своих интересах действующие в странах пребывания национальные правила поведения в сфере торговли, труда и инвестирования или же влиять на изменение этих правил в выгодную для себя сторону. МПО преследуют цели, которые могут как соответствовать интересам входящих в них государств, так и противоречить им. Например, система ООН призвана проводить глобальную политику сохранения и защиты международного мира (что не всегда совпадает с текущими интересами отдельных стран), а региональные экономические организации (например, ОПЕК или АТЭС) — отстаивать интересы стран-членов в мировой хозяйст-

¹ Более подробно эти проблемы рассматриваются в следующих главах.

венной системе. И ООН, и региональные экономические организации имеют собственные интересы, связанные с самосохранением своей самосубъектности. Следствием этого становится вызывающее критику со стороны государств раздувание бюрократического аппарата международных организаций и даже тенденция к их превращению в самодостаточного международного актора. Международные НПО (МОК, МККК, Международная амнистия, Врачи без границ...), имея некоммерческую направленность, стремятся к реализации своих уставных целей, пользуясь благосклонностью государств, на территории которых они действуют, или же, напротив, вступая с ними в противоречие. Последнее обстоятельство особенно характерно для «неудобных» государствам правозащитных МНПО, идеология и деятельность которых к тому же часто отличаются противоречивостью (подробнее о этом см.: Куклина. 2000). Кроме того, цели государств вступают в противоречие с целями множества других транснациональных и субнациональных акторов (региональных элит, профессиональных организаций, преступных синдикатов, террористических группировок и т.п.). При этом каждый из них задевает как собственные, так и заимствованные у государства средства достижения целей.

В понятие *средств* входят пути, способы, методы и орудия достижения целей: Специфика средств (потенциально или актуально находящихся в распоряжении международных акторов) зависит от особенностей международных отношений и прежде всего от того обстоятельства, что они применяются к общностям, на которые в большинстве своем не распространяется власть отдельного государства. Специалисты выделяют множество типов средств, используемых участниками международных отношений в их взаимодействии. И все же это многообразие можно свести к следующим типам: 1) *сила, убеждение и обмен* (см.: Derriennic. 1977. Р. 20—23), 2) *сила и переговоры* (Merle. 1985. Р. 472—473), 3) *убеждение, торг, угроза и насилие* (см.: Duroselle. Р. 96). (Есть и другие.) Нетрудно заметить, что, по сути, речь идет о совпадающей типологии средств, полюсами которой выступают насилие и переговоры. При этом *насилие* и *угроза* могут быть представлены как элементы *силы*, а *убеждение* и *торг* — элементы *переговоров*. Каждое из названных понятий включает широкую совокупность путей, методов, способов и инструментов достижения цели, которые в реальной действительности международных отношений используются в самых различных сочетаниях, поэтому выделение их в «чистом виде» не более, чем абстракция, служащая задачам анализа.

Следует отметить возрастающую роль убеждения и переговоров, т.е. политических средств, во взаимодействии современных участников международных отношений. Такие средства предполагают налажи-

вание систематических, постоянных связей и контактов, призванных вести к росту взаимного доверия между акторами. Успеху политических средств способствует наличие у сторон общих интересов. Например, именно общая заинтересованность участников СБСЕ в безопасности и стабильности на Европейском континенте явилась той основой, которая способствовала принятию в ноябре 1990 г. Парижской хартии для новой Европы, в которой признается окончание эпохи конфронтации между Востоком и Западом. Но и несовпадение интересов не является препятствием для успешного применения политических средств участниками международных отношений. Более того, специалисты, занимающиеся теорией и методологией переговоров, усматривают одну из предпосылок успеха именно в несовпадении интересов, отмечая, что «удовлетворительное соглашение становится возможным потому, что стороны хотят разного... Различия в интересах и убеждениях открывают возможность того, что тот или иной аспект оказывается весьма выигрышным для вас, но малоценным для другой стороны» (цит. по: Удалог. 1990. С. 20).

^Категории «цели» и «средства» являются соотносительными (см. об этом, например: Поздняков. 1976. С. 127—130) и соответствуют не различным событиям, поведению и действиям участников международных отношений, а их различному положению по отношению друг к другу. Определенное событие, поведение или действие является средством по отношению не к любой, а к конкретной цели; последняя, в свою очередь, может выступать средством по отношению к другой цели. Никакая, даже самая реальная цель не может быть достигнута без соответствующих средств. В свою очередь, средства должны соответствовать цели.

Эта диалектика целей и средств прослеживается в рассуждениях Р. Арона о вечных целях государств. К вечным целям он относит стремление каждого государства к *безопасности, силе и славе* (см.: Арон. 1984. Р. 81—86). Арон исходит из того, что «политические единицы стремят - ся навязать друг другу свою волю и потому их цели несовместимы (или кажутся такими)» (там же. Р. 81). Поскольку каждая политическая единица независима, то соперничество их друг с другом неизбежно. Поэтому первая цель любой политической единицы — выжить в этом соперничестве. И правители и их подданные заинтересованы в сохранении той общности, которую они составляют, в силу общего этнического происхождения, истории или судьбы. В условиях естественного состояния это означает, что первой целью каждой политической общности является обеспечение своей *безопасности*. Чем более жестоки войны, как пишет Арон, тем больше люди стремятся к безопасности, безопасность в мире автономных политических единиц может быть

основана либо на слабости соперников (что предполагает их полное или частичное разоружение), либо на собственной *силе*. Если предположить, что безопасность — конечная цель государств, то эффективное *средство* ее достижения — установить новое *соотношение сил* или изменить прежнее, для того чтобы ослабленные потенциальные противники не испытывали искушения совершить нападение.

Арон подчеркивает, что соотношение между этими двумя целями <- *безопасность* и *сила* — связано со множеством проблем. Дело в том, что наращивание государством своей силы вовсе не обязательно влечет за собой увеличение его безопасности. В традиционной Европе если одно государство усиливалось, то это вызывало страх и ревность других государств и тем самым провоцировало создание враждебной коалиции. В каждой международной системе существует определенный *оптимум сил*, превышение которого оборачивается своей противоположностью, т.е. ослаблением из-за перехода союзников к нейтралитету или нейтральных стран в лагерь противника.

Как полагает Арон, безопасность и сила не исчерпывают вечных целей государства: «Если бы приоритетность безопасности как цели была очевидной или необходимой, — пишет он, — то это означало бы возможность *теоретически* определять рациональное поведение. В каждом случае было бы достаточно найти необходимый оптимум сил и действовать, исходя из этого оптимума. Более значительная трудность возникает, как только мы ставим вопрос о соотношении между этими двумя целями — силой и безопасностью. Нет никаких сомнений в том, что человек, индивид или общность, хочет выжить. Но индивид не подчиняет все свои желания единственной страсти жить. Существуют цели, ради которых он согласен на риск смерти. Так же обстоит дело и с государствами. Они хотят быть сильными не только для того, чтобы предотвратить агрессию и наслаждаться миром, они хотят быть сильными для того, чтобы их боялись, уважали или любили» (там же. Р. 83). В конечном счете, полагает Арон, государства хотят располагать властью, т.е. способностью навязывать свою волю соседям и соперникам, влиять на судьбу человечества, развитие цивилизации. Чем больше силы, тем меньше человек рискует подвергнуться нападению, но он находит в этой силе и в способности навязывать свою волю другим такое удовлетворение, которое не сравнимо ни с чем иным. Конечной целью может быть безопасность: не испытывать страх — судьба, достойная зависти. Но и власть может быть конечной целью: опасность меркнет перед опьянением властью. С этим связана третья вечная цель, к которой стремятся государства, — *слава*. Когда борьба начата, пишет Арон, возникает опасность, что временная победа станет целью в себе и заставит забыть политические цели. Желание *абсолютной победы*.

т.е. мира, единолично диктуемого победителем, зачастую отражает стремление добиться не столько силы, сколько славы.

Каждая из трех целей влечет за собой определенное поведение, отличающееся своими особенностями. И вместе с тем все типы поведения связаны друг с другом. Клемансо стремился к *безопасности*, Наполеон — к *власти*, Людовик XIV — к *славе* для Франции (или для себя), что не исключает того, что каждый из них также стремится к целям, которые отражаются двумя другими понятиями.

Однако Арон не ограничивает на этом рассмотрение целей. Он подчеркивает, что, если ограничиться только абстрактными понятиями¹, то *слава* может быть отклонена как иррациональная цель (хотя это г неверно: не хлебом единым жив человек), бездумное накопление *силы* — осуждено как противоречивое (из-за потери сил союзников, которая неизбежна с определенного момента наращивания собственной *силы*). Единственной *вечной* целью остается *безопасность*. Поэтому необходимо перейти от рассмотрения абстрактных целей к их конкретному проявлению в международной практике, трактуя государство как политическую единицу, занимающую определенную территорию, /рон настаивает на том, что и при абстрактном анализе, и в конкретной ситуации *вечные цели* трудно отделить друг от друга. Вместе с тем он считает, что они обладают известной самостоятельностью, и приходит к следующим выводам. Во-первых, первостепенную роль в соперничестве народов играет обладание *пространством*. Во-вторых, суверены часто судили о своем величии по числу своих подданных: то, к ¹ему они стремились за пределами своих границ, это не земля, а *люди*. Наконец, в-третьих, вооруженный пророк иногда-меньше озабочен завоеванием пространства и населяющих его людей, чем их обращением в свою веру: «проявляя безразличие к наземным и подземным богатствам, он вычисляет не количество работников или солдат, — он хочет распространить истинную веру, он хочет, чтобы организация, соответствующая его представлениям о смысле жизни и истории, постепенно завоевывала все человечество» (там же. Р. 84). Поэтому *конкретные вечные цели* политических единиц — участников международных отношений выглядят, в представлении Арона, как *пространство, люди и души* (там же. Р. 85). «За что люди борются друг с другом, если не за то, чтобы расширить почву, которую они обрабатывают или богатствами которой они пользуются, чтобы подчинить себе людей, сегодня иностранцев, а завтра — рабов или сограждан, или чтобы обеспечить приумф такой-то идеи — религиозной или социальной, — об универсальной истинности которой они заявляют, провозглашая принадлежащую им миссию?» (там же. Р. 84—85).

Как уже было отмечено, взгляды Р. Арона на цели и средства, как и его теоретические позиции в целом, вписываются в традиции политического реализма. В русле этих традиций международный актор (под которым понимается преимущественно государство) рассматривается как *унитарная* политическая единица, которой свойствен *рационализм* в постановке целей и принятии решений, склонность к *объективизму* в анализе содержания целей, а также к «разведению» политики и этики, что способствует рассмотрению категории «цели» отдельно от морали¹.

Как мы могли убедиться, уже Арон подчеркивает два важных момента в понимании целей с точки зрения дальнейшей эволюции ТМО. Во-первых, он подчеркивает трудность определения целей, которые зависят не только от объективных факторов, но и от субъективных желаний и устремлений лиц принимающих решения. Во-вторых, в составе «вечных целей» важное значение Арон придавал «славе» или «душам», т.е. идеальным факторам, идеям, представлениям, ценностям.

В дальнейшем оба эти положения получают в ТМО заметное развитие, которое присутствует уже у неореалистов. Например, С. Уолт, рассматривая причины войн и революций и лежащие в их основе цели международных акторов, уделяет значительное внимание таким факторам, как восприятия, образы и представления (Walt. 1987). Еще дальше в этом направлении идет неолиберализм. Напомним, что неолибералы, во-первых, настаивают на важности достижения абсолютных целей; во-вторых, больше внимания они обращают на намерения и стремления. Неореалисты же подчеркивают главенство для политических деятелей относительных целей и концентрируют свое внимание на возможностях, а не на намерениях.

В представлении неолибералов (сторонников теорий взаимозависимости, транснационализма и доктрины международного сообщества) безопасность, сила и национальные интересы сохраняют свое значение приоритетных целей международных акторов. Основные же цели смещаются в сторону *универсальных* ценностей и *общих* проблем человечества. В представлении неолибералов глобализация является основной причиной выхода на первое место таких *абсолютных* целей, как новые правила международного поведения, новые способы орга-

¹ Разумеется, в рамках реалистской парадигмы существуют исключения, касающиеся оценки того места, которое в содержании целей международных акторов отводится моральным нормам. Речь идет, в частности, о работах таких крупных представителей политического реализма, как, например, Р. Нибур, А. Уолфсес, Э. Карр и др. (см. об это Ч Smith S. 1995).

низации международных финансовых, экономических и социально-политических институтов. Значение национальных интересов и национальной безопасности как *относительных* целей сохраняется, но в структурном отношении на передний план выдвигаются цели экономического, финансового и «человеческого» характера (идентичность, демократические ценности и т.д.). Что касается геополитики, то цель охраны границ от возможного нападения извне перемещается на второй план, а на передний план выходят открытость собственного государства и общества (инвестиции, перемещения капиталов...) и внимание к ситуациям в других странах и в мире в целом. В работах неолибералов указывается, что многие проблемы в той или иной стране порождаются положением в других государствах. Финансовая нестабильность, крах банков, рост нищеты, нарушения прав человека, загрязнения окружающей среды и, конечно, конфликты, имеющие место в той или иной части мира, непосредственно сказываются на жизни и безопасности в других его частях. Поэтому путь к продвижению национальных интересов и к реализации целей участников международных отношений лежит через сотрудничество при совместном решении этих проблем.

Таким образом, сторонники неолиберализма склонны включать в состав непосредственных и даже абсолютных целей международной политики нормы и этические элементы. В дальнейшем будет показано, что это ведет к неоднозначным последствиям для международных отношений. И все же трудно отрицать все возрастающую роль идей и культур в составе тех целей, которыми руководствуются в своих взаимодействиях международные акторы.

Неореалисты, в свою очередь, считают катастрофичным подход, который проводит резкое разграничение между целями, связанными, с одной стороны, с понятиями «национальных интересов», «политики с позиции силы», «великой державы», «баланса сил» и т.д., и, с другой стороны, с целями, которые ставят во главу угла принципы, нормы и Ценности. Как писала советник Дж. Буша-младшего Кондолиза Райе, «У клинтоновской администрации пристрастие к символическим приглашениям и иллюзорным (в лучшем случае) «нормам» международного поведения превратилось в настоящую болезнь» (цит по: *Косырев*. 2000). Как уже говорилось, не отрицая роль ценностей и норм, неореалисты рассматривают их как вторичный, в лучшем случае как дополнительный, фактор, объясняющий перипетии международной политики. Главным же для неореалистов остается фактор неравных возможностей при одинаковости функций. В свою очередь, одинаковость Ункций обусловлена принуждениями международной системы,

структурными особенностями которой объясняются несовпадения целей и результатов во внешнеполитической деятельности государств.

Вместе с тем многие комментаторы обращают внимание на то, что в подходах неореалистов и неолибералов к рассмотрению целей международных акторов много общего. Как те, так и другие в первую очередь анализируют факторы преимущественно материального, объективного характера. Для неореалистов такими факторами являются сила, власть, состояние и действия, связанные с принуждениями и ограничениями международной системы и т.п. Для неолибералов — стремление к экономическим выгодам, облегчающим межгосударственное сотрудничество в условиях возрастающей взаимозависимости и глобализации. И неореалисты, и неолибералы склонны преуменьшать значение так называемых идеальных факторов, норм, идентичностей, систем ценностей и т.п., за которыми не признается отдельного, самостоятельного значения, с точки зрения их влияния на цели международных акторов.

Против подобного подхода в числе первых выступили во второй половине 1970-х гг. так называемые неоидеалисты. Один из них, Р. Джервис, настаивает на том, что важное влияние на цели актора оказывает верное или искаженное *восприятие* им международной действительности. Искажённое восприятие является результатом тех трудностей, которые испытывает человеческое сознание в осмыслении нечеткой или двусмысленной информации (см. -Jervis. 1976). А, например, И. Дженис и Л. Манн опираются на мотивационный подход. С его позиций искаженное восприятие связано с желаниями, страхами и стрессами, пронизывающими международную жизнь, в результате которых лицо, принимающее решение, видит в международных событиях не то, что есть, а то, чего оно боится, или наоборот, то, что желает увидеть (см.: Janis & Mann. 1979).

Т. Линдемман подчеркивает важное значение выдвинутой «неоидеалистами» категории «восприятие», которая отражает как внешний мир, так и человеческое сознание, и признает, что без «восприятия» мир материальных вещей остался бы непонятым и бессмысленным. И в то же время он видит недостаток обеих вышеуказанных точек зрения в том, что они сводят проблему «искаженного восприятия» к ее антропологическому измерению. Такой подход, по мнению Т. Линдемманна, не позволяет понять, почему одни государства предрасположены к искаженным восприятиям больше, а другие меньше. Кроме того, подход «неоидеалистов» оставляет нерешенным вопрос о возможности верного восприятия международной действительности и формирования в международной политике рациональных целей. Что же касается систем верований, то любая из них, следуя логике «неоидеалистов»,

способствует искаженному восприятию и потому не имеет самостоятельного значения. Впрочем, как признает Т. Линдемманн, эти недостатки не помешали тому, что рассматриваемые работы сыграли важную роль в дальнейшем развитии как неоиdealизма (*Lindemann. 2000*), так и социологии международных отношений.

Действительно, отгалкиваясь от вышеуказанных работ, сторонники социологического подхода к международным отношениям, будь то представители конструктивизма, «культуралистского» или «либерально-демократического» течений, придают гораздо большее внимание ценностям, как независимым переменным международной политики. Представители социологического течения в ТМО, возникшего в конце 1980-х гг., настаивают на необходимости преодоления «объективизма» и придания первостепенной роли в действиях международных акторов интересубъективным структурам, традициям, культурам, системам верований, идеям и т.п. Международный контекст, складывающийся после холодной войны, делает такой подход не только возможным, но и необходимым. Национальные, транснациональные и субнациональные акторы располагают теперь гораздо большими возможностями для проявления присущих им неповторимых особенностей, которые плохо поддаются анализу в терминах рационального подхода, свойственного неореализму и неолиберализму. Особое внимание в социологии международных отношений придается тому, что радикальные изменения (в том значении, которое отныне приобретает идентичность: этнические, групповые, национальные, культурные и иные особенности) не только ставят под сомнение центральную роль государства и его «вечные цели», но и широко распространенную, этноцентричную в своей основе веру в существование «универсальной рациональности». Именно с этим связана необходимость принимать во внимание тот особый смысл, который каждый актор придает основным категориям международны* взаимодействий (*Badie et Smouts. P. 23—27*). «Новые идеалисты» подвергают критике не только неореалистские и неолибералистские, но и неомарксистские (инструменталистские) интерпретации, которые сводят цели к простому отражению материальных структур.

Особенности «нового идеализма» могут быть резюмированы следующим образом.

Во-первых, в отличие от традиционного идеализма, «неоиdealизм» не противопоставляет ценности и идеи материальным силам и интересам. Большинство его сторонников настаивают на взаимодействии Между материальными и идеальными факторами. Главное, по мнению «неоиdealистов», в том, что мы не можем воспринимать мир вне зависимости от наших систем верований. Акторы действуют на основе

своих интересов, но то, что они воспринимают и определяют как интерес, в значительной мере зависит от системы верований и убеждений. Определение интереса гораздо больше поддается изменениям, чем это кажется на первый взгляд, и зависит от значения, которое та или иная область интересов (военная, экономическая, моральная, внутриаполитическая...) имеет в системе наших верований и убеждений.

Во-вторых, как утверждают «неореалисты», государственные руководители определяют угрозы в зависимости не только от материальных способностей другого государства, но и от его намерений, которые эти государственные деятели приписывают ему в отношении своего государства. Например, ядерный потенциал Северной Кореи сам по себе не представляет угрозы для США, ведь их не заботит, например, гораздо больший ядерный потенциал Англии. В данном случае важно восприятие враждебных или дружелюбных намерений «другого». Простая враждебность не представляет собой достаточной угрозы: С. Хусейн не может напугать США массовой бомбардировкой их территории. С этой точки зрения вместо искусственного противопоставления материальных факторов «идеальным», следует задаться вопросом об их взаимовлиянии. Зато односторонние и повторяющиеся меры «хорошего» поведения способны постепенно разрушить образ врага, как это было в случае горбачевской политики и ее влияния на западное общество.

В-третьих, международные нормы (например, запреты на применение химического и биологического оружия) достигли такого признания, что сегодня тому или иному государству трудно не соблюдать их. Как пишет А. Вендт, даже анархия в международной политике допускает (предполагает) определенное «согласие», в частности, признание за другими государствами права на суверенитет. Этой особенностью интересубъективной структуры и объясняется то, что страны ЦВЕ, слабые с точки зрения соотношения сил, сохраняли достаточно средств для того, чтобы при всей силе давления СССР избегать тотального влияния с его стороны.

В-четвертых, подход неидеализма характеризуется антидетерминизмом. Он показывает, что вопрос о природе угроз в международной политике далеко не столь ясен, как это иногда представляют себе реалисты. Реалисты часто ссылаются на метафору Уолферса, который уподоблял международную систему пожару в театре, когда все зрители бросаются к выходу. Однако, с точки зрения неидеалистов, восприятие «пожара» может оказаться важнее того, что он был в действительности. Даже если признать наличие «пожара», то все равно есть много способов борьбы с ним, на каждый из которых оказывают влияние верования, ценности и убеждения акторов. Какую цель выбрать — спа-

сать женщин и детей, освобождать выходы, гасить пламя?.. Каждая из ' этих целей зависит не только от самого «пожара», но и от культурных и иных предпочтений. В противоположность другим парадигмам неоиdealизм утверждает, что существует плюрализм смыслов и идентичностей. Одни и те же объективные структуры могут обуславливать разные цели в международной политике.

В-пятых, придавая «идеальным» факторам международной политики автономный характер, представители неоиdealизма (как и других течений социологического направления) задаются вопросом о том, как идентичности и нормы влияют на способ, которым государства определяют свои цели и интересы. Они отказываются от подхода, в соответствии с которым идеи служат либо средством для последующего объяснения, либо средством манипулирования! При этом они считают, что идеи испытывают влияние материальных факторов, признают значение, которое имеют соотношение сил, экономические особенности, интересы элит или исторический опыт в формировании «идей» (например, «идеи» сотрудничества) (*Barnett. 1995*).

«Неоиdealистический» подход пока еще далек от систематизированного объяснения «идентичностей» или «культур», и его сторонники признают этот недостаток. В то же время их критика неолиберальных и неореалистских интерпретаций целей и средств международных акторов предостерегает от односторонности в понимании этих категорий, а введение в сферу их анализа ценностей, восприятий, норм, идентичностей, культур и других «идеальных» факторов способствует расширению понимания, делая его более полным.

2. Стратегия как единство целей и средств

Как уже отмечалось, цели и средства — диалектически взаимосвязанные категории. Установление соответствия между целями и средствами отражается категорией «стратегия».

Общее представление о стратегии

При том, что цели, преследуемые международными акторами, не всегда очевидны, дать определение понятию «стратегия» очень сложно. Б.Г. Лидделл Харт определял стратегию как «искусство распределения и использования военных средств для достижения политических Целей» (*Liddell Hart. 1967. Р. 335*). По мнению В. Муррея и М. Гримсли, «эта лаконичная, но неудачная формула ограничивает рассматривав-

мый термин только военной сферой, в то время как на практике стратегия имеет гораздо более широкое применение» (см.: *Murray Gnrnsley*. 1994. С. 1). Соглашаясь с этим замечанием, следует заметить что и сам Лидделл Харт в конечном итоге приходит к выводу, что сущность стратегии заключается «не столько в том, чтобы искать военных действий, сколько в том, чтобы добиться выгодной стратегической ситуации, которая если и не принесет сама по себе решения, то, будучи продолжена посредством военных действий, безусловно, обеспечит его» (*Liddell Hart*. 1967. Р. 339). Такое понимание стратегии применительно к государству получило достаточно широкое признание.

В наши дни категория «стратегии» приобретает довольно широкий смысл. Возникли понятия экономической и политической стратегии, стратегии развития предпринимательства и банковского дела и даже «стратегии продажи арбузов в больших городах».

Характер и диалектику любой стратегии определяют: а) существенное воздействие на кого-то или что-то; б) средства и способы далеко идущего, воздействия; в) перспективно-динамичная ориентация цели (*Chamau*. 1973. Р. 75—77). В общем виде стратегия может быть определена как долговременная линия поведения, соединяющая науку и искусство в достижении перспективной цели. С этой точки зрения стратегия международного актора представляет собой не столько единую доктрину, сколько метод анализа ситуации, оценку направлений ее возможного развития, сопоставление полученной картины с собственными интересами и выбор на этой основе наиболее подходящего момента и наиболее эффективных средств для реализации намеченной цели. Изменение ситуации влечет за собой изменение стратегии — от уточнения и корректировки ее приоритетов, до полной смены всех ее основных элементов, т.е. *стратегической парадигмы*. Например, стратегия «сдерживания коммунизма», которая была принята США по рекомендации бывшего посла Америки в СССР Дж. Кеннана, проводилась в разные периоды времени в различных вариантах и изменялась в зависимости от условий и используемых средств. С начала 1950-х гг. это была стратегия «массового возмездия», содержанием которой являлась глобальная конфронтация с СССР «по всем азимутам». Во второй половине 1960-х гг. она уступила место стратегии «гибкого реагирования», предполагавшей ограниченное сотрудничество с Советским Союзом, в том числе в вопросах ограничения гонки вооружений. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. возникла стратегия «устрашения», т.е. открытого соперничества и противоборства США и СССР, который был назван «империей зла».

Окончание холодной войны повлекло за собой целый ряд серьезных изменений в стратегии США. Во-первых, с исчезновением к^{опп}

кретного противника и под влиянием электронной революции американская стратегическая мысль из биполярной становится «монополярной» (Joxe. 1997. Р. 325); во-вторых, она все более заметно отделяется от европейских стратегических представлений; в-третьих, трансформируется содержание союзов. Главное же изменение — в смене основных целей: стратегия США теперь направлена на обеспечение безусловного лидерства Соединенных Штатов в мире после холодной войны. Уже в сентябре 1993 г. Энтони Лайк, советник президента Клинтона по национальной безопасности, заявляет о создании новой стратегии, стратегии *расширения*, которая должна окончательно заменить стратегию *сдерживания* эпохи биполярности и холодной войны. «Расширение» означает совместное распространение в глобальном масштабе демократии и рыночной экономики, призванных заменить государственную тиранию и коммунистическую экономику. В противоположность *сдерживанию*, которое было оборонительной военной программой, расширение рассматривается как наступательный экономический процесс. И несмотря на свой глобализм, данный процесс распространяется на географические зоны с подвижной и динамичной «границей». Выделяются четыре пространственно-временные зоны применения стратегии расширения. Во-первых, это ядро рыночной демократии, подлежащее *защите* (США, Канада, Япония, Западная Европа). Во-вторых, это новые демократии, подлежащие *консолидации*: страны Латинской Америки, бывшего СССР, а также ЮАР и Нигерия. В-третьих, это государства, враждебные демократии и рынку, которые подлежат *подрыву* путем их дипломатической, военной, экономической и технологической изоляции (Иран, Ирак, Куба). Наконец, в-четвертых, это регионы нищеты, *гуманитарная помощь* которым должна создать условия для взращивания ростков рыночной демократии. Демократия и рынок, соединенные в странах Севера, взаимно разъединены и исчезают на Юге. Но есть разница между *недемократическим и тираническим государством* (пример последнего — Ирак), которое следует контролировать средствами экономической блокады и военной Угрозы; *преступным государством* (Панама Норьеги или Заир Мобуту) и *государством-банкротом* (Сомали, охваченное войной и как последнее — голодом), которое необходимо пытаться контролировать через снабжение продовольствием и гуманитарные экспедиции. Наконец, существует промежуточная зона — зона *недемократических государств*, которые пытаются проводить экономическую либерализацию, эту зону входят Китай и страны ислама. Иран, Ирак и Куба (а позже Ним стали относить Северную Корею, вместе с которой они составят группу *стран-изгоев*) фактически являются наказуемыми заложниками (подробнее см.: Joxe. 1997).

Большая стратегия

Национальная, или большая, стратегия государства объединяет в себе все имеющиеся в его распоряжении средства для обеспечения национальных интересов как в мирное, так и в военное время. В этом смысле содержание понятия *большая стратегия* синонимично понятию *внешняя политика*. В таком контексте стратегия подразделяется на несколько сфер, каждая из которых имеет прямое или косвенное отношение к национальной безопасности: политическую стратегию, которая ведаёт как международными, так и внутренними делами государства; экономическую стратегию — внешнюю и внутреннюю¹; военную стратегию и т.д. (Коллинз. 1975. С. 39). В свою очередь, военная стратегия включает сухопутную, морскую, воздушную, ракетно-космическую и т.д. стратегии. Стратегия отличается от *тактики*. Последняя представляет собой наиболее эффективное использование средств для достижения промежуточных целей, которые должны привести к успеху стратегии. Стратегия также отличается и от *логистики*, содержание которой касается технического и иного обеспечения маневренности вооружённых сил. Согласно классической военной науке, решающее условие высшей победы — это численный перевес над противником. В прямом кратковременном столкновении определяющим фактором является количество Средств (живой силы и вооружений), имеющихся в распоряжении каждого противника. Однако Наполеон выиграл итальянскую кампанию, не располагая необходимым перевесом над силами противника в целом. Он сумел так распределить свои силы, что при каждом прямом столкновении имел локальное и временное превосходство над противником. Таким образом, успешное достижение цели зависит не только от наличных средств, но и от того, как они используются, т.е. от тактики.

Как подчеркивает Дж. Коллинз, «большая стратегия» и «военная стратегия» — понятия взаимосвязанные, но не тождественные. Большая стратегия в случае успеха устраняет необходимость в прямом военном насилии. Кроме того, планы большой стратегии не ограничиваются достижением военной победы, но направлены и на сохранение прочного мира. Если военная стратегия — сфера действий генералов, то большая стратегия — компетенция политического руководства. Большая стратегия господствует над военной. Последняя представляет собой лишь один из элементов большой стратегии (там же. С. 40).

Существуют два необходимых условия успешной национальной (большой) стратегии. Первое, правильная оценка стратегической ситуации, т.е. особенностей сложившегося к данному моменту международного окружения. Второе, стратегический анализ, т.е. изучение дру-

гих значимых международных акторов, призванное дать о них как можно более полное представление. В соответствии с оценкой международной среды как стабильной или нестабильной, благоприятной или неблагоприятной, дружественной или враждебной принимаемая стратегия будет иметь те или иные предпочтения, избирать средства и корректировать намеченные цели. Что же касается стратегического анализа, то его предварительную и определяющую фазу составляет *сбор и изучение информации* о потенциальном партнере и противнике. Официальная и легитимная структура представлена в этой области сетью посольств государства, деятельность которой, как правило, дополняется деятельностью секретных служб, профессионально занятых сбором информации. Следующая фаза состоит в изучении того, *как партнер или противник формулируют свои интересы*, и особенно — интересы своей безопасности. Основные знания, которые лежат в основе стратегического анализа, предоставляются историческими науками и сведениями, касающимися внутривнутриполитического контекста. Наконец, еще одна фаза стратегического анализа состоит в изучении и описании угроз и рисков. Объективный анализ в этой области часто затруднен и может вести к их пессимистической переоценке или недооценке, которые также способны помешать выработке эффективной стратегии (см.: Gounelle. P. 78-79).

Стратегии урегулирования кризисов

В 1990-е гг. в работах многих западных исследователей особое внимание уделялось разработкам основных положений стратегии урегулирования кризисов. Главная задача этих разработок — преодоление «дилеммы целей», т.е. противоречия между защитой собственных интересов и попытками избежать мер, способных вызвать нежелательную эскалацию (Georg. 1991. P. 22). В этой связи выделяются оборонительные и наступательные стратегии урегулирования кризисов.

А. Джордж описывает пять наступательных стратегий по разрешению кризисной ситуации: 1) шантаж; 2) ограниченный зондаж; 3) сдержанный нажим; 4) *fait accompli* (свершившийся факт) и 5) медленное истощение. Некоторые из этих стратегий лишь угрожают действиями, которые могли бы нанести ущерб (например, шантаж), а другие связаны с различными мерами воздействия на противника, отличными по степени силы, которую применили (или применением которой угрожают).

Каждая из этих наступательных стратегий стремится сделать противника более податливым, и снизить риск эскалации. Бросающая

вызов сторона может начать убеждать противника в том, что ее цели в кризисе несут ограниченный характер; что предпринятая акция не подразумевает наличия более глубокой, всепроникающей враждебности к противнику, которая позже будет выражаться в дополнительных вызовах; что в будущем, после того как нынешний кризис будет разрешен, установятся позитивные отношения.

У обороняющейся же стороны имеется ряд стратегий, призванных помешать попыткам противника изменить статус-кво в свою пользу. Когда для обороняющейся стороны становится важно то, что ее ответ может вызвать нежелательную эскалацию, она тоже оказывается перед необходимостью политического регулирования кризиса. Обороняющейся стороне нужно предпринять некие шаги против нанесения ущерба интересам, оказавшимся под угрозой, но в то же время она избегает того, что могло бы вызвать эскалацию войны (или более высоких уровней военных действий).

Различают семь видов оборонительных стратегий: 1) принудительная дипломатия; 2) ограниченная эскалация вовлеченности для установления правил игры, более благоприятных для обороняющейся стороны плюс попытки удержать оппонента от эскалации в порядке ответной реакции; 3) возмездие по принципу «око за око» без эскалации плюс сдерживание эскалации со стороны оппонента; 4) акцептирование «проверки потенциалов» в рамках ограничительных правил игры, избранных оппонентом, которые первоначально представляются невыгодными для обороняющейся стороны; 5) проведение черты; 6) демонстрация убежденности и решимости с целью не допустить просчета бросающей вызов стороны; 7) действия и предложения, помогающие выиграть время и дающие возможность изучить условия урегулирования кризиса путем переговоров, условия, которые могли бы удовлетворить некоторые (если не все) требования-бросающей вызов стороны (там же. Р. 377-394).

Стратегии мира

Политика избегания кризисной ситуации тоже предполагает несколько видов стратегий. Реалистическая стратегия связана с необходимостью установления баланса сил, в условиях которого взаимное сдерживание наиболее сильными акторами агрессивных устремлений друг друга способствует сохранению мира и стабильности в международных отношениях. Неореалисты, обращая внимание на важность *восприятия* международными акторами друг друга, большое значение придают цели *признания* со стороны других акторов. Французский ис-

следователь Ж.-Ф. Феррье называет это одной из *основных целей* участников международных отношений (см. подробнее: *Ferrier. 1996. Р. 121 — 130*). Действительно, без признания других международные акторы не могут добиться более второстепенных целей. Это касается, например, социально-политических общностей или политических движений, стремящихся к самостоятельному государственному статусу. Для них признание со стороны других государств и общепризнанных МПО (прежде всего, со стороны ООН) связано с возможностью легитимной деятельности в качестве автономного, независимого актора. Именно этого в первую очередь добивались и все бывшие колониальные страны, и бывшие советские республики, и ООП, и сторонники Масхадова, стремящиеся получить хотя бы частичное признание Чечни в качестве самостоятельного игрока на международном поле. Государства, имеющие признанный статус и обязанные соблюдать правила игры (например, решения ООН, двусторонние и многосторонние договоры и соглашения и т.п.), для которых по экономическим или политическим причинам выгодно показать свое признание добивающимся этого политическим движениям, сепаратистским силам или квазигосударствам, вынуждены (вместе с «претендентами» на признание) искать для этого различные уловки. Например, непризнанный в качестве независимого государства Тайвань имеет со многими странами торговые, экономические, культурные и отчасти политические отношения, которые поддерживаются через его «частные агентства» в этих странах. При этом в стремлении сохранить сбою территориальную целостность государства ревностно следят за тем, чтобы территории, на которые они распространяют свой суверенитет, или же сепаратистские движения не получили признания со стороны других стран и МПО.

О значимости проблемы признания говорит и то, что от ее решения Может зависеть стабильность международных отношений. Например, поспешное признание Хорватии и Словении Германией, которая определила в этом ЕС, стало источником разногласий и противоречий в международных отношениях, продолжающихся и поныне. Как считает Ж.-Ф. Феррье, это признание стало одной из причин длительной Драмы: так называемая общность без идентичности, т.е. территория, населенная сербами, хорватами и мусульманами, аккумулирует в себе проблемы других югославских провинций, не обладающих достаточной степенью цивилизационного единства (*Ferrier. 1996. Р. 129—131*). «Международное сообщество, — утверждает Ж.-Ф. Феррье, — показав редкую быстроту своей реакции, возможно, проявило чрезмерное усердие в своем гуманизме» (там же. Р. 130).

щиеся идеалистических позиций (например, В. Вильсон, М. Горбачев), и их сторонники, говоря об *«аморальности»* секретных соглашений, упускают из вида два обстоятельства: во-первых, речь идет лишь о *форме*, которая сама по себе не несет обязательной безнравственности, а во-вторых, процесс перехода только к открытым соглашениям, как правило, всегда сводил на нет пользу от дипломатии, так как на первый план в этом случае выдвигались сугубо *пропагандистские* функции (нередко они и сегодня процветают в речах в ГА и СБ ООН).

Также выделяют *парламентарную* дипломатию, представляющую собой регулярные собрания международного органа, например ООН, при котором состоят постоянные представители государств-членов, а также неофициальные встречи и обсуждения специальных посланников глав государств. В свою очередь, *прямая дипломатия* — это встречи на высшем уровне, а также общение первых лиц через каналы электронной связи. *Односторонняя дипломатия* — это прямые контакты глав государств или их представителей. Если их общение начинает осуществляться через крупнейшие международные организации, такие как ООН или ЮНЕСКО, тогда это уже *многосторонняя* дипломатия. Наконец, одна из самых распространенных форм дипломатии в последние годы — *челночная дипломатия* — посещение первыми лицами государств или их специальными представителями своих союзников, а также дискуссии третьей стороны с участниками конфликта непосредственно в зоне его существования.

Основные *тенденции* в развитии дипломатии таковы: более крупные государства все чаще стремятся вести дела не столько через посольства, сколько через специальных посланников; повышается удельный вес смешанной, парламентарной, прямой и челночной (причем, как правило, с участием «первых лиц») дипломатии; усиливается роль и статус *переговоров*, превращающихся в самостоятельное средство взаимодействия международных акторов.

Вместе с тем все более широкое развитие получает и *нетрадиционная дипломатия*. «Когда думают о дипломатии, — пишет Ж. Росс, — представляют себе Талейрана, Меттерниха или Киссинджера, которые делают крупные ставки в игре, цена которых — человеческие жизни». Действительно, как замечает Ж. Росс, в логике вестфальской системы именно государства контролируют средства насилия, поэтому роль дипломатов состоит только в том, чтобы, используя убеждение или угрозы, продвигать национальные интересы своих стран. Господствующее положение в региональных иерархиях, в частности в Европе, предоставляло широкие возможности как для дипломатического нажима, так и для силовых действий в случае неудачи первого. Однако окончание холодной войны, американская гегемония в вопросах без-

опасности, глобализация коренным образом меняют роль дипломатии. Сегодня она выражается в Терминах затрат-прибылей, а ее судьба вершится в Вашингтоне, ибо именно там в конечном счете принимают решение уничтожить кого-то в финансовом смысле без риска потрясений для мирового рынка в целом (см.: Ross. 2000).

«Коммерциализация» дипломатии — смещение центра тяжести с вопросов военной безопасности и политики союзов к международной деятельности, основным смыслом которой становится завоевание рынков и привлечение инвестиций, — повышает роль новых международных акторов. Руководители центральных банков, министры финансов и торговли, которые прежде скрывались в тени министров иностранных дел, выходят на авансцену международной жизни. Негосударственные участники, такие, как СМИ, транснациональные фирмы, инвестиционные компании, операторы на валютных рынках, управляющие частных банков, «мозговые центры», в которых вырабатываются политические решения, играют по крайней мере такую же роль, как и правительства. Вместе с тем в рамках неолиберальной идеологии эта «коммерциализация» часто сопровождается утверждениями о том, что содержание указанных процессов — это распространение принципов сохранения мира, демократии, прав человека и универсальных достижений цивилизации. Положение о роли силы как средства достижения международными акторами своих целей и отстаивания-продвижения "своих интересов стало одним из наиболее обсуждаемых в международно-политической науке. Прояснение положения о роли силы предполагает рассмотрение содержания самого понятия «сила» и его трактовок представителями разных теоретических направлений.

3. Сила и насилие в составе целей и средств

Сила и насилие издревле являются наиболее распространенными и решающими в арсенале средств международных акторов. С понятием силы связана одна из центральных проблем международных отношений — проблема войны и мира. На основе понятия «сила» акторы судят о возможностях друг друга, строят планы своего взаимодействия, Принимают решения, оценивают степень стабильности международной системы. Наконец, категория «сила» выполняет значительную методологическую роль в науке о международных отношениях, являясь Важным инструментом научного анализа: о значении «силового фактора» ведутся дискуссии между различными научно-теоретическими

школами, сила выступает критерием многочисленных моделей систем международных отношений и т.д.

И все же приходится признать, что сегодня, как и прежде, ни у теоретиков, ни у практиков международных отношений нет полной ясности относительно содержания понятия силы.

Дадим определение понятию «сила» в самом общем виде: под силой понимают способность международного актора навязать свою волю и тем самым повлиять на характер международных отношений в собственных интересах. Но что лежит в основе такой способности? Чем она обусловлена? В чем выражается? Эти и многие другие вопросы до сих пор остаются предметом полемики в теории и источником многих недоразумений в практике международных отношений.

Примерно с конца 1940-х гг. в науке о международных отношениях наибольшее распространение получили два подхода к пониманию силы — *атрибутивный* и *поведенческий (бихевиоральный)*. Первый рассматривает силу международного актора (прежде всего — государства) как нечто присущее ему изначально, как его неотъемлемое свойство. Второй связывает силу с поведением международного актора, его взаимодействиями на мировой арене (Баланс сил в мировой политике... 1993. С. И).

Атрибутивный подход характерен для политического реализма. С точки зрения Г. Моргентау, международная политика, как и любая другая политика, — это политика силы. Моргентау не делает различий между силой, мощью, властью и влиянием, выражая все это одним термином «power», обобщающим и обозначающим цель и средство политики государства на мировой арене. Являясь способностью государства контролировать действия других государств, международная политика имеет три основных источника и соответственно преследует три основные цели: стремление к выгоде; опасение понести ущерб или оказаться в невыгодном положении; уважение к людям и институтам. Именно для этого государству и нужна сила (власть, мощь), которая не ограничивается только военными ресурсами, а включает в себя еще целый ряд составных элементов: промышленный потенциал; природные ресурсы; геостратегические преимущества; численность населения; культурные характеристики (национальный характер); национальную мораль; качество дипломатии и государственного руководства.

В отличие от Г. Моргентау, другой влиятельный представитель школы политического реализма А. Уолферс стремится провести различие между силой (властью, мощью) и влиянием международных акторов.. По его мнению, сила — это способность актора изменить поведение других международных акторов путем принуждения, а влия-

ние — способность изменить указанное поведение посредством убеждения. В то же время А. Уолферс подчеркивал, что между силой и влиянием имеется определенный континуум, что их различия не абсолютны (см.: *Wolfers*. 1962). Однако и в этом случае вопросы, связанные с определением силы того или иного государства, остаются нерешенными. Дело в том, что реалисты стремятся представить силу как исчисляемую характеристику государства, как величину, придающую действиям различных государств более или менее однородный смысл. Подобно тому как в рыночной экономике стремление предпринимателя к максимальному удовлетворению своих интересов определяется деньгами и прибылью, так и для государства реализация его национальных интересов выражается в стремлении увеличить свою мощь и/или силу.

Подход А. Уолферса рождает две трудности. Первая связана с разнородностью составных элементов силы: помимо вещественных компонентов, в силу включаются и такие, которые не поддаются сколь-либо точному измерению (например, национальный характер или качество государственного руководства). На это обращал внимание и Г. Моргентау, когда в полемике с «модернистами» сравнивал феномен власти с любовью, которая не поддается постижению при помощи рациональных средств. Вторая трудность в том, что понимание силы государства как его неотъемлемого свойства изолирует его от той системы международных связей, в которой она проявляется и проверяется и без которой любые измерения силы нередко утрачивают свой смысл. В конечном счете обе эти неразрешенные трудности обусловили то, что атрибутивное понимание силы стало одним из самых слабых мест школы политического реализма (см. об этом: *Баланс сил в мировой политике...* 1993. С. 21).

Пытаясь преодолеть этот недостаток, Р. Арон делает предметом своего анализа не только различия между силой и влиянием, но также между силой и мощью, мощью и властью, соотношением сил и властными отношениями (см.: *Арон*. 1984. Р. 58—80). Общее между этими понятиями в том, что сила и мощь в международных отношениях, как и власть во внутриобщественных отношениях, зависят от ресурсов и связаны с насилием. Являясь приверженцем веберовского подхода, Р. Арон исходит из того, что феномен власти включает три элемента: территорию, монополию на легитимное физическое насилие и институты. В международных отношениях, в которых отсутствует монополия на легитимное насилие, а роль институтов в урегулировании споров слаба, отношения командования и авторитета, свойственные власти, часто выступают как прямое принуждение или угроза насилия. В международных отношениях основная цель не контроль над адми-

нистративными или институциональными механизмами, которые позволяют осуществлять политическое и социальное влияние, а реализация «вечных целей государства», т.е. реализация безопасности, силы и славы.

Власть тесно связана с мощью и силой государства, но их нельзя смешивать. Власть — понятие внутривнутриполитическое, тогда как мощь относится к внешнеполитической характеристике государства. Ориентация власти на внешнеполитические цели — свидетельство завоевательной политики. Власть суверена, будь то наследный¹ монарх или партийный лидер, отличается от власти завоевателя: первый стремится выглядеть легитимным выразителем общества, соответствовать его традициям и законам, второй же опирается (по крайней мере вначале) на откровенную силу. Таким образом, властные отношения на международной арене проявляются в виде имперских амбиций и тенденций¹. С точки зрения Р. Арона, мощь международного актора — это его способность навязать свою волю другим, т.е. мощь — это социальное отношение. Сила же — это лишь один из элементов мощи. Поэтому различие между мощью и силой — это различие между потенциалом государства, его вещными и людскими ресурсами, с одной стороны, и человеческим отношением — с другой. Составными элементами силы являются материальные, человеческие и моральные ресурсы государства (потенциальная сила), а также вооружения и армия (актуальная сила). Мощь — это вооружения и армия (актуальная сила), а также мощь — это использование силы, способность повлиять не только на поведение, но и на чувства другого. Важный фактор мощи — мобилизация сил для эффективной внешней политики. Следует отличать наступательную мощь (способность политической единицы навязать свою волю другим) и оборонительную мощь (способность не дать навязать себе волю другим).

В структуре государственной мощи Р. Арон выделяет три основных элемента: 1) среда (пространство, занимаемое политическими единицами); 2) материалы и знания политической единицы, а также численность населения и возможности превращения определенной его части в солдат; 3) способность к коллективному действию (организация армии, дисциплина бойцов, качество гражданского и военного управления в военное и в мирное время, солидарность граждан перед лицом испытаний благополучием или несчастьем). Лишь второй из перечисленных элементов, по мнению Р. Арона, может быть назван силой. Он

¹ Р. Арон, рассматривая политику США на международной арене, приходил к выводу о ее имперском характере (см.: *Aron R. Republique imperiale. Les Etats-Unis dans le monde. 1945-1972. P. 1973*).

подвергает критике различные варианты структуры государственной мощи, описанные в работах представителей американской школы политического реализма (например, таких как Г. Моргентхау, Н. Спайк-мен, Р. Штеймец). Р. Арон отмечает, что их взгляды на структуру государственной мощи носят произвольный характер, не учитывают происходящих в ней с течением времени изменений, не отвечают условиям полноты. Но главным их недостатком он считает то, что они рассматривают мощь как измеримое явление, которое можно «взвесить на весах». Если бы это было действительно возможно, подчеркивает Р. Арон, то любая война стала бы бессмысленной, так как ее результат был бы известен всем заранее. Можно измерить силу государства, которая включает в себя мускулы и вес. Но как мускулы и вес борца ничего не значат без его нервного импульса, решительности, изобретательности, так и сила государства ничего не значит без его мощи. О мощи того или иного государства можно судить весьма условно, через оценку его силы (правда, только приблизительной). Государство, слабое с точки зрения наличных сил, может успешно противостоять гораздо более сильному противнику: например, вьетнамцы, не имея развитой промышленности, необходимого количества различных видов вооружений и т.п., нашли такие методы ведения войны, которые не позволили американцам добиться победы над ними.

Заслуга Р. Арона в его стремлении преодолеть недостатки атрибутивного понимания силы. Но он не становится сторонником и бихевиорального понимания силы (повторим, что бихевиоральный подход связывает силу с целями и поведением государств на международной арене). Р. Арон идет дальше, рассматривая мощь как человеческое (социальное) отношение. Можно сказать, что Р. Арон предвосхитил некоторые аспекты *структуралистского* подхода к пониманию силы.

Основы этого подхода были заложены представителями теории взаимозависимости, получившей широкое распространение в 1970-е гг.¹ Р. Кохэн, Дж. Най и другие предприняли попытку вывести зависимость силы от характера и природы широкого комплекса связей и взаимодействий между государствами. Теоретики взаимозависимости и транснационализма обратили внимание на перераспределение силы во взаимодействии международных акторов, на перемещение основного соперничества между ними из военной сферы в сферу эконо-

¹ Следует иметь в виду и то, что уже в 1945 г. американский исследователь А. Хиршман в работе «National Power and the Structure of the Foreign Trade» привлек внимание к взаимосвязи, существующей между влиянием государства на мировой арене и структурой его внешней торговли, подчеркивая вытекающие из этого возможности формирования новых форм зависимости (цит. по: Merle. 1974. Р. 149).

мики, финансов и т.п. и на увеличение в этой связи возможностей малых государств и частных субъектов международных отношений (см., например: *Пай*. 1989; *Badie et Smouts*. 1992). Они подчеркивали различие степеней уязвимости одного и того же государства в различных функциональных сферах (подсистемах) международных отношений. В каждой из таких сфер (например, военная безопасность, энергетика, финансовые трансферты, технология, сырье, морские ресурсы и т.п.) устанавливаются свои «правила игры», своя особая иерархия. Государство, сильное в одной или нескольких сферах, (например, военной, демографической геополитической), может оказаться слабым в других (экономика, энергетика, торговля). Поэтому оценка действительной силы предполагает учет не только его преимуществ, но и сфер его уязвимости.

Например, было установлено, что существует корреляция между структурой внешней торговли того или иного государства и его влиянием на мировой арене. Показателен пример американо-японских отношений, свидетельствующий о том, что в современных условиях межгосударственного соперничества на смену территориальным завоеваниям приходит завоевание рынков, дающее гораздо больше преимуществ. За период с 1958 по 1989 г. рост японского внешнеторгового экспорта составил 167%, что выглядит весьма впечатляюще по сравнению с 7% роста, которого добились в этой области за тот же период США. Важно, однако, то, что более 30% внешнеторговых операций Японии по-прежнему выпадает на долю США, что делает ее в двусторонних отношениях более уязвимой, чем ее американский партнер (см. об этом: *Badie, Smouts*. 1992. Р. 149).

Таким образом, крупный вклад представителей школы взаимозависимости состоит в том, что они доказали несостоятельность сведения феномена силы к ее военному компоненту, обратили внимание на его вытеснение другими элементами данного феномена, и прежде всего такими, которые относятся к сфере экономики, финансов, новых технологий и культуры. Вместе с тем следует признать, что некоторые выводы и положения оказались явно преждевременными. Прежде всего это касается вывода об отмирании роли военной силы в отстаивании международными акторами своих интересов; стремления представить силу не отвечающей реалиям XX в.; принижения методологического значения категории «сила» для анализа международных отношений. Попытка переосмысления понятия силы с учетом новых реалий была предпринята представителями структуралистского метода. В соответствии с ним наиболее мощным средством достижения международными акторами своих целей в настоящее время признается «структурная власть (power)». Структурная власть — это способность

удовлетворить четыре социальные потребности, которые лежат в основе современной экономики: безопасность (в том числе и оборонительная мощь), знание, производство и финансы. Структурная сила изменяет границы мировой экономики, в которых взаимодействуют друг с другом современные акторы международных отношений. Она зависит не столько от межгосударственных отношений, сколько от системы, элементами которой являются различные типы потребления, способы поведения, образ жизни. Структурная сила влияет на предмет, содержание и исход тех или иных международных переговоров, определяет правила игры в той или иной области международных отношений. Кроме того, и это особенно важно, структурная сила используется для непосредственного воздействия на конкретных индивидов: производителей, потребителей, инвесторов, банкиров, клиентов банков, руководящих кадров, журналистов, преподавателей и т.д. (*Strange*. 1989). Французские социологи международных отношений, Б. Бади и М.-К. Смуте, рассматривая концепцию структурной силы, особо выделяют в ее составе такой элемент, как технология. Технологическая мощь, как они подчеркивают, является не просто продолжением экономической и торговой силы (или мощи), но играет и самостоятельную роль в системе средств международных акторов. Она лежит в основе трех решающих для международной деятельности феноменов: автономии решения актора в военной сфере, его политического влияния, а также культурной притягательности (*Badie, Smouts*. 1992. P. 155).

Вопреки утверждениям о том, что сила теряет свое значение и все реже применяется (см.: *Най*. 1989), следует согласиться с замечанием ГГ. Аснера, согласно которому «роль силы скорее не столько упраздняется или в необходимой мере снижается, сколько попросту становится менее непосредственной, более неопределенной, не такой предсказуемой и поддающейся расчетам» (*Аснёр*. 1999. С. 64).

Ошибочность мнения об уменьшении роли силы и насилия в международной политике стала очевидной уже в 1980-е гг. в свете резко обострившейся международной обстановки. Последующие события — развал СССР и мировой социалистической системы, военный конфликт 1991 г. в зоне Персидского залива, вооруженные конфликты на территории бывшего Советского Союза — показали, что отказываться от понятия силы и, следовательно, от традиций политического реализма пока не следует. Критикуя реалистов за то, что их взгляды «оправдывают применение силы», многие неолибералы тем не менее считают насилие вполне допустимым средством достижения гуманитарных Целей (см. об этом: *Максименко*. 1999. С. 86). В этой связи важна критика подобной точки зрения среди самих неолибералов. П. Аснер пишет о Косовской операции НАТО 1999 г.: «Нам кажется важным

поддержат в концептуальном плане идею универсалий, а в практическом плане опровергнуть параноидальные интерпретации, по которым любая интервенция против геноцида или преступлений против человечества в действительности соответствует темному заговору на службе непризнанных экономических или стратегических интересов. Но настолько же важно признать, во-первых, что содержание этих универсалий является в основном негативным и карательным и вовсе не сопровождается волей сообщества и позитивной солидарности в других планах; во-вторых, что их защита является неизбежно селективной, а в-третьих, что используемые в этих целях средства сами могут вылиться в другой тип варварства, в котором технологическая анонимность заменяет личную жестокость» (*Асмп.* 1999. С. 48—49).

Но явно преждевременно отрицать и влияние реалистских подходов к проблеме силы. Более того, реалистские подходы вполне уживаются с неолиберальными взглядами. Так, Президент США Б. Клинтон в своем выступлении «Американская революция XXI в.» определил в качестве большой стратегии США продвижение глобализации и назвал в этой связи три главные цели. Первая цель — установление консенсуса относительно экспансии международной торговли путем введения новых стандартов и открытие рынков на Юге. Вторая цель — продвижение демократии и мира через: а) интегрирование «прежних противников» (помощь демократическим силам и ядерному разоружению России, доступу Китая в ВТО и открытию его рынков); б) предупреждение и разрешение конфликтов, в которых затрагиваются интересы США (Ближний Восток, Северная Ирландия, Кипр, Индия и Пакистан, Косово); в) борьба против распространения оружия массового уничтожения, мафии, терроризма; г) экономическая помощь, борьба против СПИДа. Третья цель — усиление военной и дипломатической мощи США (см.: [www. whitehouse...](http://www.whitehouse...)). Действительно, в течение нескольких лет в США осуществляется беспрецедентная революция в военном деле (РВД), которая началась не в связи с угрозой Соединенным Штатам или их союзникам. Как пишет влиятельный журнал «Экономист», «она началась в силу того, что генералы проявили желание использовать новые технологии на случай возникновения новых угроз в будущем. В этом смысле можно провести параллель с концепцией блицкрига, которая сформировалась в 1920-х гг. в условиях сокращения военных бюджетов, когда новая мировая война казалась маловероятной» (*The Future of Warfare.* 1997. Р. 21). РВД включает в себя изменения по Трем направлениям. Первое — сбор информации. Сенсоры в спутниках, пилотируемые и беспилотные летательные средства в состоянии вести мониторинг практически за всем, что происходит на том или ином участке территории. Второе направ-

ление — обработка собранной информации. Сложные системы командования, контроля, связи и расчетов (известные под именем С4) позволяют обрабатывать данные, собранные с помощью сенсоров; показывать их на экране; намечать цели для ракет, танков и прочей техники. Третье направление — действия на основе имеющейся информации, в частности, нанесение высокоточных ударов с дальнего расстояния с целью поражения объектов. Крылатые ракеты со спутниковыми системами наведения могут разрушить конкретное здание, находящееся на расстоянии многих сотен миль. Главная задача, которая ставится в данной связи, — это интегрирование всех подобных достижений в единую «систему систем», которая должна дать командиру возможность наблюдать на экране за тем, что происходит на поле боя, выбирать цели и поражать их нажатием кнопки (там же. С. 22).

* * *

Завершая рассмотрение целей и средств международных акторов, следует отметить, что в ходе истории их содержание развивалось, наполнялось новым содержанием, под влиянием изменений в объективной реальности и обогащения теоретической базы науки. Вместе с тем в рассмотренных категориях присутствуют устойчивые элементы, сохраняющие свое значение до тех пор, пока сохраняется деление мира на государственно-территориальные политические единицы. Эта устойчивость касается совокупности основных целей и средств и их традиционных компонентов (например, для силы — это военный компонент, для переговоров — это торг, подкрепленный наличными ресурсами). Но при этом новые явления в международных отношениях, во-первых, трансформируют иерархию и характер взаимодействия между традиционными компонентами, а во-вторых, добавляют к ним новые компоненты (например, к таким традиционным компонентам национального интереса, как цели международного актора, сегодня добавляются экологическая безопасность, требования, связанные с удовлетворением основных прав и свобод человека; в недержании силы на передний план все более заметно выдвигаются характеристики, связанные с экономическим развитием и внутривнутриполитической стабильностью, и т.п.). Картина еще больше усложняется ввиду «узурпирования» традиционных средств нетрадиционными международными акторами (например, международной мафией) и появления нетрадиционных средств в арсенале традиционных акторов (новые средства коммуникации и массовой информации, используемые в межгосударственном соперничестве). Поэтому при осмыслении того или иного международного со-

бытия или процесса необходимо стремиться к учету всей совокупности влияющих на него обстоятельств и одновременно принимать во внимание относительность, несовершенство концептуальных орудий его анализа, избегая «окончательных», «одномерных» выводов и пытаясь выявить несколько вариантов его причин и возможных путей дальнейшей эволюции. Некоторыми ориентирами подобного анализа могут выступать национальные интересы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аснер П. Насилие и мир. М., 1999.
2. Баланс сил в мировой политике: теория и практика: Сборник статей под ред. акад. АЕН России Э.А. Позднякова. М., 1993.
3. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4. Осень 1999.
4. Коллинз Дж.М. Большая стратегия. Принципы и практика. М., 1975.
5. Косырев Д., Червонная С. Вашингтон меняет свою внешнеполитическую доктрину // Независимая газета. 2000. 20 дек.
6. Куклина И.М. Права человека: политическое и гуманитарное измерение // Мировая экономика и международные отношения. 2000, № 11.
7. Кукушка Ю. Проблемы теории международных отношений. М., 1980.
8. Кунадзе Г. Новое мышление тоже стареет // Новое время. 1991. № 11.
9. Максименко В.И. Происходит ли «глобализация»? // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4. Осень 1999.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12.
11. Най Дж. (мл.). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
12. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.
13. Удалое В.В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. 1990. № 5.
14. Цыбурский В.Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // *Pro et Contra*. Т. 4. № 4. Осень 1999.
15. Aran R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
16. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. P., 1992.
17. Bamett M. Sovereignty, Nationalism and Regional Order in the Arab States' System // International Organization. 49 (3). Summer 1995.
18. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. P., 1992.
19. Chamay J.-P. Essai generale de la Strategie. P., 1973.
20. Derriennic J.-P. Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
21. Duroselle J.-B. Toute empire perira. Une vision theorique des relations internationales. P., 1982.
22. Ferrier J.-F. Les relations internationales. Les acteurs. Les fondements et les buts. Les techniques. P., 1996.
23. Georg A. A Provisional Theory of Crisis Management // Avoiding War: Problems of Crisis Management. Boulder Colo, 1991.
24. Janis I. L. & Mann L. Decision Making. N.Y., 1979.
25. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, N.J., 1976.

26. *Joxe A.* Representation des alliances dans la nouvelle strategie americainc // Politique etrangere. Л'» 2. Ete 1997.
27. *Liddeil Hart B.H.* Strategy. N.Y., 1967.
28. *Lindemann Th.* Les «neo-idealists» et l'etude de la guerre // RFSP. Vol. 50. № 3. Juin 2000.
29. *Merle M.* Sociologic des relations Internationales. P., 1974.
30. *Merle M.* La politique etrangere // Traite dc science politique. P., 1985.
31. *Murray W. and Grimsley M.* Introduction: On Strategy // The Making of Strategy. N.Y, 1994.'
32. *Osgood Ch. E.* An Alternative to War or Surrender. Urbana, 1962.
33. *Ross G.* La nouvelle diplomatie // <http://www.monde-diplomatique.fr/2000/08/ROSS/14128.html>.
34. *Risse-Kappen Th.* Collective Identity in a Democratic Community. The Case of NATO // *P.J. Katzenstein* (ed.). The Culture of National Security. N.Y, 1996.
35. *Senarclens P. de.* La politique internationale. P., 1992.
36. *Smith S.* International Relations Today. Oxford. 1995.
37. *Strange S.* Toward a Theory of Transnational Empire // E.O. Czempiel, J.N. Roscnau (eds.). Approaches!*) World Politics for the 1990s. Lexington, Mass., 1989.
38. The Future of Warefare // The Economist. March 8, 1997.
39. *Wendt A.* Collective Identity Formation and the International State System // American Political Science Review. 1994. 88 (2).
40. *Wolfers A.* Discord and Collaboration. Baltimore, 1962.
41. www.whitehouse.gov/WH/SOTU00/

ГЛАВА 10

Национальные интересы: понятие, структура, методологическая и политическая роль

В данной главе рассматриваются три вопроса: содержание понятия «национальные интересы», его основные элементы, влияние глобализации на изменение его методологической и политической ролей.

Понятие «национальный интерес» («национальные интересы») известно с глубокой древности. С первых шагов формирования суверенного государства «национальный интерес» используется «государем» для объединения подданных перед лицом внешнего противника, служит оправданием завоевательных походов", выступает побудительным мотивом династических браков и т.п. Данное понятие было знакомо еще Фукидиду, который видел в интересе основу взаимоотношений Афин и Спарты и поведения их союзников. Еще в 1934 г. Ч. Берд утверждал, что «понятие «национальный интерес» способно стать объектом рационального понимания, конкретного определения, а также особого применения» (Beard. 1934. P. 22). В наши дни понятие «национальный интерес» широко обсуждается исследователями и политическими деятелями, журналистами и военачальниками. Этому понятию придается важнейшее значение в иностранной политике государства, в выяснении взаимовлияния внешних и внутренних факторов, в изучении перипетий международных отношений. Концепции национальной безопасности и военные, доктрины государств содержат обязательные ссылки на «национальные интересы», как на основу и исходный принцип выявления главных угроз суверенитету и территориальной целостности, определения приоритетов внешней политики, выработки оборонительной стратегии и экономического процветания.

И все же использование этого понятия оставляет место для дискуссий. Значение понятия «национальный интерес» как аналитического орудия и как инструмента политического действия продолжает быть предметом разногласий и споров, главным источником которых является несовпадение позиций по вопросам содержания и использования этого понятия в качестве аналитического инструмента и основы политического поведения.

1. Дискуссии о правомерности использования и о содержании понятия «национальный интерес»

Сам факт широкого использования понятия «национальный интерес» не только реалистами-теоретиками и их сторонниками-практиками, но и представителями других теоретических и политических направле-

ний заслуживает пристального внимания по крайней мере по двум причинам. Во-первых, он говорит о том, что, вопреки вульгарным представлениям, *в политике* опора на «национальный интерес» вовсе не равнозначна стремлению к циничному использованию силы, коварству и вероломству. Правильно понятый «национальный интерес» предполагает признание права на существование, а также обязательное принятие во внимание и уважение интересов всех взаимодействующих сторон. Во-вторых, *в теории* сторонники реалистской парадигмы не обладают монополией на исследуемое понятие. Более того, как уже, было сказано выше и к чему еще придется вернуться позже, они заслужили вполне справедливую критику за односторонность и редукционизм своих взглядов, за недооценку позиций своих оппонентов (в том числе их понимания «национального интереса»). Не следует забывать и другое: при всем нынешнем несовершенстве наука о международных отношениях обязана своим статусом самостоятельной области знания именно теории политического реализма, сделавшей «национальный интерес» исходным пунктом всего своего анализа. Однако, принимая критику реалистской парадигмы (и, в особенности, ее претензий на исчерпывающее, «единоличное» объяснение международной жизни, отрицание состоятельности всех альтернативных подходов), не стоит забывать и о том, что реалистическая позиция и сегодня остается важной составной частью международно-политической науки. Государства никуда не исчезли, конфликты между ними продолжают существовать, дипломатическо-стратегическое поведение держав остается фактом мировой политики. Поэтому проблематика, составляющая основу реалистских исследований, сохраняет свое значение. Это и диалектика мира и войны, и дипломатическо-стратегические отношения, и угрозы государственной безопасности, и союзы, и системы равновесия, и межгосударственные переговоры, и Arms Control и т.п. (вся проблематика, относящаяся к так называемой высокой политике). Сохраняет свое аналитическое и политическое значение и понятие «национальный интерес»¹.

Вот почему стоит немного остановиться на том содержании, которое вкладывал в данное понятие один из «отцов-основателей» теории политического реализма Ганс Моргентау. Основные положения этого содержания таковы:

1. «Национальный интерес» — объективная данность. Он основан на своеобразии географического положения государства и вытекаю-

¹ Здесь мы временно отвлекаемся от изменения его содержания, как и от методов, используемых сторонниками классической школы при анализе международных реалий.

щих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы — с другой. Поэтому «национальный интерес» представляет собой стабильную основу международной политики государства. Геополитическое положение государства и его окружения, природа тех угроз и вызовов, которым оно противостоит, так же как и социокультурные традиции его населения и структурные особенности его внешней торговли, не меняются каждый день и поэтому не зависят от произвола или субъективных предпочтений «государей». С точки зрения Г. Моргентау, «национальный интерес» содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной «национальный интерес» принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств (см. об этом: *Цыганков А.Л.* 1992. С. 163-164).

2. «Национальный интерес» вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Последние обязаны исходить из того, что хорошая политика — это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый «национальный интерес». Это предполагает осознание того факта, что отличительным качеством политики, в том числе и международной, является борьба за власть. Объективное противоречие, с которым сталкиваются как исследователь, так и «государь», состоит в том, что сама природа власти препятствует «глубокой рационализации, порождает моральные дилеммы, политические риски и интеллектуальные неожиданности» (там же. С. 168). Суть рационального подхода предполагает признание этой особенности политических отношений, что означает необходимость учитывать ее и разумно использовать на основе «национального интереса». Рациональный подход очерчивает рамки возможного в политике, указывает на препятствия объективного характера, которые не позволяют навязать сопротивляющейся реальности ту или иную умозрительную схему, сколь бы привлекательной она ни была. Любые попытки устранить эти препятствия, продиктованы ли они заботой о практических результатах, стремлением ли к надежному предвидению или к преодолению неопределенности политики, обречены на неминуемый провал, поскольку исходят из того, что желательно, вместо осознания того, что возможно. Более того, подобные попытки не только утопичны, но и опасны, поскольку зачастую они основываются на моральных или идеологических предпочтениях.

3. Хотя суть политики состоит в стремлении к утверждению моральных ценностей посредством власти, это не означает, будто политик может претендовать на знание того, что является морально обусловленным для «государства» в той или иной конкретной ситуации (там же. С. 164—165). Вытекающее из подобных претензий «беспечное предположение, что носителем и выразителем морального блага является какая-то одна нация, а исповедующей зло — другая, несостоятельно не только морально, но и интеллектуально. Практически подобное предположение ведет к искажению оценок, к порождению безумия неистовых крестовых походов» (там же. С. 165). Что же касается идеологии, то «внешняя политика, добивающаяся триумфа одной-единственной идеологии, всегда приводила к фанатичным и кровавым войнам...» (там же. С. 174). Моральная политика исходит из необходимости согласования и компромиссов в защите «национальных интересов» государств на международной арене, из стремления к достижению «всеобщих интересов», что несовместимо с соперничеством политических идеологий (там же).

4. «Национальный интерес» кардинально отличается от «общественного интереса». Если первый существует в условиях анархической международной среды, то второй связан с системой законов, регулирующих внутригосударственную политику. Иначе говоря, в отличие от «общественного интереса», понятие «национальный интерес» относится к сфере внешней политики государства. Следует обратить внимание, что сторонники строгого понимания категории «национальный интерес» как в теории, так и в политической практике неизменно придерживаются этого разделения. «Так же как понятие «общественный интерес» использовалось для увеличения и защиты общественного блага против внутренних вызовов, — пишет один из приверженцев теории политического реализма, — понятие «национальный интерес» использовалось для продвижения целей внешней политики» (*Kza-tochwil*. 1982. P. 13; см. также: *Nuechterlein*. 1991. P. 16; *Yarger and Barber*. 1997. P. 2).

Как мы уже видели, концептуальный силуэт теории политического реализма приобретает привлекательность, изящество и стройность именно потому, что он формируется на основе понятия «национальный интерес». Тем не менее изящество формы понятия «национальный интерес» не придало его содержанию привлекательности, которая позволила бы объединить вокруг него представителей разных подходов в международно-политической науке. Критики усомнились в утверждении Г. Моргантау о том, что «есть только один категорический императив, только один критерий рассуждения, единственный принцип Действия: национальный интерес» (*Morgenthau*. 1951. P. 242). Оппонен-

ты реализма отказались принимать на веру самое главное в нем — объективность содержания «национального интереса». Скептики нашлись даже в стане стойких приверженцев политического реализма. По мнению Р. Арона, плюрализм целей, средств и ресурсов, которыми располагают различные индивиды и группы внутри государств, не образует некую равнодействующую и не позволяет оценить «национальный интерес» как критерий анализа или идеал для политического деятеля (Aron. 1984. Р. 101). Внешняя политика государства, как считал Арон, выражается в действиях его лидеров, которые обладают определенными степенями свободы в выборе целей. При этом большое значение имеют идеология, амбиции, темперамент и т.п. качества лидеров. Однако положение государственных лидеров обуславливает их стремление создать такое впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес (там же. Р. 97—102). Некоторые последователи Арона идут еще дальше, полагая, что, хотя интерес объективен, но, он, по сути, непознаваем. Для ученого, исходящего из объективного интереса в объяснении поведения людей и социальных общностей, опасность состоит в почти абсолютной неизбежности соскальзывания на путь произвольного «конструирования» интересов. Говоря иными словами, существует риск заменить субъективностью тех, кого изучает социолог, его собственной субъективностью (Derriennic. 1977. Р. 26). Подобного мнения придерживается и известный французский специалист в области международных отношений Ж.-Б. Дюро-зель. «Было бы, конечно, хорошо, — пишет он, — если бы существовала возможность определить объективный национальный интерес. Тогда можно было бы довольно просто исследовать международные отношения путем сравнения национального интереса, предлагаемого лидерами, и объективного национального интереса. Беда, однако, состоит в том, что любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным» (Duroselle. 1982. Р. 88). А, например, А. Уолферс полагал, что «национальный интерес» может означать разные вещи для разных людей, более того, он способен придавать привлекательный вид ошибочной политике (Wolfers. 1962. Р. 147).

Либералы подвергают сомнению саму правомерность использования понятия «национальный интерес» в целях анализа или же в качестве критерия внешней политики. Поскольку с такой точки зрения определить понятие национального интереса не представляется возможным, в конце концов исследователи предложили считать побудительным мотивом действий участников международных отношений не интерес, а «национальную идентичность» (Merle. 1972. Р. 473—474, 522). Говоря о «национальной идентичности», подразумевают язык и религию как основу национального единства, культурно-исторические

ценности и национально-историческую память и т.п. С этих позиций, например, поведение Франции на международной арене может быть понято лучше, если учесть колебания ее исторических традиций между патриотизмом и пацифизмом, антиколониальной идеологией и идеей «цивилизаторской миссии», лежавшей в основе колониальных экспансий, и т.п. Ключом же к пониманию международной деятельности США может стать историческая традиция, элементами которой являются изоляционизм «отцов-основателей» и интервенционизм {Merle. 1985. P. 474}. Теоретики либерально-идеалистической парадигмы и вдохновляющиеся их идеями практики готовы согласиться с существованием национальных интересов только при условии, что их содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности. Защита суверенитета и связанное с этим стремление к могуществу в условиях усиливающейся¹ взаимозависимости мира все больше утрачивают свое значение (см., например: Smouts. 1998. P. 38—43). Нетрудно заметить, что защита нравственных ценностей И: ответы на глобальные угрозы выходят далеко за рамки национальных границ. Отсюда заявления о том, что главная задача, стоящая сегодня перед демократическими государствами, не защита национальных интересов, а забота о моральных принципах и правах человека (см., например: Blair. 1999. P. 5—7).

В итоге некоторые исследователи приходят к выводу о том, что «национальный интерес» — не более чем миф, символ, используемый политиками для оправдания своих действий и сокрытия собственных ошибок и борьбы с оппозицией (см. об этом: Battistella. 1995. P. 3). Дарио Баттистелла полагает, что вышесказанное позволяет заявить о том, что «национальный интерес» — это «не столько инструмент анализа международной политики, сколько понятие для внутреннего политико-идеологического употребления» (там же). Данный вывод вполне согласуется с заключением Дж. Розенау, сделанным еще в 1971 г.: «Независимо от положений, приведенных в поддержку этого концепта и несмотря на его кажущуюся полезность, национальный интерес так и не стал тем аналитическим инструментом, которым когда-то обещал стать» (Rosenau. 1971. P. 248).

Обсуждение в отечественной науке в течение последних 10 лет понятия «национальный интерес» так же выявило различия в его понимании (см., например: МЭиМО. 1989. № 2; 1996. № 7; Полис. 1995. № 1; 1997. № 1; 1999. № 1; 2000. № 1). Как и в западной политологии основной водораздел в дискуссии проходит уже не столько между «объективистами» и «субъективистами» (хотя эта линия достаточно отчетлива), сколько между сторонниками реалистских и либерально-идеалистических подходов. Представители реализма считают, что «на-

циональный интерес остается базовой категорией всех без исключения государств мира. И пренебрегать им было бы не просто ошибочно, но и крайне опасно» (*Коришонов*. 1998. № 6. С. 80). Национальный интерес, с их точки зрения, «не сводится к «совокупности интересов граждан», поскольку, кроме результирующей этой совокупности интересов, учитывает множество объективных социально-экономических, геополитических и иных факторов. Национальные интересы формируются под воздействием мировых экономических процессов, политики других государств и т.д.» (Полис. 1995. № 1. С. 100—101).

Представители либерализма полагают, что «мы... резко преувеличиваем роль национальных интересов (термин не очень определенный... но подразумевающий нечто материальное — нефть, деньги, территорию, военную мощь) и недооцениваем роль более «тонких» психологических факторов» (*Фурман*. 1995. С. И). По их мнению, в демократическом обществе «национальный интерес формируется как некое обобщение интересов граждан», в то время как для авторитарного и тоталитарного обществ свойственна «государственническая», или «державная», позиция, предполагающая, что интересы государства выше, чем интересы личности (*Торкунов*. 2000. С. 468 и 469). В качестве национальных интересов должны рассматриваться «интересы народа», и поэтому необходимо «видеть, сколь тяжкий груз негативного исторического наследия несет на себе это понятие и сколь опасным может оказаться его ничем не ограниченное использование...» (Полис. 1995. № 1. С. 108—110). Наиболее радикальные представители либерализма утверждают, что национальные интересы не могут быть сформулированы сколь-либо конкретным образом: «для любого государства интерес сводится к тому, чтобы быть здоровым и богатым, а как конкретно это делается — решается в зависимости от собственных возможностей и внешних обстоятельств» (*Преображенная Россия...* 1992. С. 91-92).

Однако в отечественных дискуссиях о национальном интересе есть и существенные отличия от дискуссий в западном академическом обществе. Первое отличие касается трактовки термина «национальный» как этнического. В этой связи высказывается сомнение в применимости понятия «национальный интерес» к многоэтническим государствам вообще и к России, в частности (см.: Полис. 1995. № 1. С. 116; *Торкунов*. 2000. С. 469). Исходя из этого, некоторые авторы предлагают говорить не о национальных, а о «государственных» интересах (Полис. 1995. С. 117), противопоставляя их друг другу. Вторая группа исследователей, напротив, стремится примирить этническое и государственное и высказывается за термин «национально-государственные интересы» (см. там же. С. 102). Наконец, есть авторы, которые исходят из

понимания нации как политического субъекта и придерживаются той точки зрения, что, «обсуждая концепт «национального интереса», прежде всего надо отрешиться от ассоциаций с национальностью-этничностью...» (там же. С. 87).

Среди сторонников последней точки зрения тоже нет единства относительно того, что понимать под «нацией» — «двуединство суверенного территориального государства и гражданского общества» (см. там же. С. 81) или же «некое предполагаемое единство населения территориального государства с объемлющими соответствующую территорию интегративными властными структурами» (см. там же. С. 87). Отличия этих двух позиций на первый взгляд незначительны. Однако следует учитывать, что, с одной стороны, существуют несовпадение и неизменное напряжение между гражданским обществом и государством, а с другой — неодинаковая степень развитости гражданского общества в той или иной стране. Поэтому многое в понимании «национального интереса» зависит как от уровня противоречия между двумя компонентами нации-государства, так и от того, какое место в его структуре занимает гражданское общество. Поскольку⁷ «в России интерес государства всегда был самодовлеющ по отношению к интересам общества», то «говорить о национальных интересах России в связи с этим, — по мнению некоторых представителей либеральных подходов, — представляется некорректным по самой простой причине: нет «нации» — не может быть и «национальных интересов»» (там же. С. 97). Иначе говоря, авторы настаивают на том, что вначале создается гражданское общество в качестве формообразующей основы, на которой возникает нация, и только после этого формируется национальный интерес.

Наконец, еще одно существенное отличие, характеризующее российские научные представления о содержании понятия «национальный интерес», состоит в том, что оно, за редкими исключениями (см., например, там же. С. 101, 107), не отграничивается от понятия «общественный интерес» (или «общественные интересы»). В результате получается необходимость в дополнительных формулировках, таких как, например: «внешний аспект национальных интересов» (см. там же. С. 95), «национальные интересы в их внешнеполитическом измерении» (см.: *Коришонов*. 1998. № 6. С. 79).

¹ Подведем основные итоги дискуссии по вопросу о правомерности использования понятия «национальный интерес» и о его содержании.

Первое. Попытки «отменить» значение «национального интереса» как аналитического инструмента и критерия внешней политики государства являются слишком поспешными и безосновательными. Эти попытки не отражают состояния исследований по данной проблеме в Научной литературе в целом: критикуя понятие «национальный инте-

рес», ни реалисты, ни либералы, как правило, не склонны абсолютно отрицать его пользу. Например, Р. Арон считает, что гражданам оно помогает осознать свою принадлежность к единой политической общности, а правителям независимо от идеологии, которой они могут быть привержены, оно напоминает, что их главными целями являются безопасность и величие государства (*Agon*. 1984. Р. 101). Уолферс подчеркивает, что «национальные интересы заслуживают самого внимательного изучения» (*Wolfers*. 1962. Р. 147). Розенау признает, что использование понятия «национальный интерес» «достойно того, чтобы быть предметом анализа» (*Rosenau*. 1986. Р. 495). Баттистелла говорит о правомерности и даже необходимости исследования «национального интереса» с точки зрения его соответствия фактам, а также политического и научного контекста формирования данного понятия (*Battistella*. 1995. Р. 29). Так или иначе «национальный интерес»-продолжает оставаться в центре внимания как теории, так и практики международных отношений, являясь «существенной предпосылкой убедительного объяснения поведения государств и результатов их взаимодействия» (*Ca-nders*. 1999. С. 414).

Второе. Отрицая значимость «национального интереса», российские либералы идут значительно дальше западных. Противопоставляя государство и общество, властные политические структуры и нацию, державность и демократию, интегративные и солидарные функции «Левиафана» потребностям развития и независимости индивида, они склонны в лучшем случае согласиться с правомерностью категории «национальный интерес» в применении к западным странам. Что касается современной России, то груз государственных и авторитарных традиций и все еще отсутствующее у нас гражданское общество, по их мнению, делают данную категорию не только неприменимой, но и опасной для становления демократии.

Историческое прошлое нашей страны и тенденции к авторитаризму в ее новейшей истории дают определенные основания для подобных рассуждений. Вместе с тем ни то, ни другое не является исключительно российским «национальным достоянием», так же как не является исключительно российской особенностью противоречие между нацией и государством, властью и гражданским обществом, правами индивида и солидарными функциями политических структур. Важно, что указанное противоречие носит (в том числе и в России) не взаимно исключающий, а взаимно предполагающий характер. Поэтому противопоставление вышеназванных понятий и их содержания неправомерно в теоретическом и рискованно в политическом плане. Как верно отмечает М.А. Молчанов: «Безгосударственное гражданское общество пока никто не обнаружил, а общие интересы граждан столь же реальные,

сколь их индивидуальные, групповые (потенциально конфликтные) интересы...» (Молчанов. 2000. С. 10). Он справедливо подчеркивает и «тот факт, что данное общество, гражданское или нет, отвечает на прогрессирующее ослабление и самоизоляцию власти узурпацией функции последней. А это, в свою очередь, ведет к разрушению последних скреп социальной солидарности и — в перспективе — к торжеству «нередуцируемого плюрализма» борьбы одиночек на правах сильного» (там же).

Третье. Строгое понимание «национального интереса» не предполагает его ассоциирования с «национальностью», т.е. с этническим фактором. Так же как и категория нации, понятие «национальный интерес» отражает прежде всего единство политических структур и гражданского общества (не игнорируя, впрочем, присущих ему противоречий) и не сводится к этнической составляющей, имеющей в данном случае второстепенное значение.

Четвертое. Отождествление «национального интереса» с общественным интересом столь же неправомерно, как и их противопоставление. Отождествление ведет к отрицанию специфики внешней политики, ее относительной самостоятельности и в конечном счете сводит ее к внутренней политике государства. Противопоставление — к абсолютизации несовпадения интересов государства и гражданского общества. Например, в конституционной системе США определение национальных интересов входит в обязанности президента, который опирается в этом на согласие Сената и консультации с ним, а также на финансовую поддержку того же Сената и палаты представителей. В вопросах, связанных с общественными интересами, полномочия между президентом, Конгрессом и судебными органами распределяются более равномерно.

Как уже отмечалось, западные авторы разделяют национальные интересы и общественные, связывая первые с международным окружением, а вторые — с особенностями внутренней ситуации в стране (в политической, экономической, социальной и других сферах). Поэтому с позиции западной теории международных отношений такие формулировки, как «внешнеполитический аспект национальных интересов», тавтологичны и способны скрыть существо вопроса. Действительно, отождествление указанных понятий может привести к тому, что «национальный интерес» либо редуцируется к «общественному интересу» (и, соответственно, внешняя политика — к внутренней), либо отрывается от государственного (см., например: Полис. 1995. № 1. С. 117), предоставляя возможность оценивать внешнеполитические цели властных структур и потребности этнических групп, а также интересы личности как противоположные.

Учитывая вышесказанное, необходимо также иметь в виду два обстоятельства. Одно из них — это то, что общественные и национальные интересы не исключают друг друга. Общественные интересы испытывают на себе влияние международной обстановки (особенно сильное в периоды ее обострения). А национальные интересы зависят от экономической ситуации, социальной и политической стабильности и морального климата в стране. Не случайно раздел Стратегии национальной безопасности США, посвященный национальным интересам, включает подраздел «Растущие угрозы у нас в стране», содержащий программу борьбы с терроризмом и защиту внутренних инфраструктур (НГ. 1999. 10 февр.).

Второе обстоятельство состоит в том, что в странах, переживающих переходный период своего развития, наблюдается не только усиление взаимовлияния общественных и национальных интересов, но и рост приоритета первых перед вторыми. Именно такая ситуация характерна сегодня для России и других государств бывшего СССР. В этой связи в Концепции национальной безопасности Российской Федерации разделение национальных интересов на интересы во внутриполитической и международной сферах (см.: НГ. 1999. 10 февр.) выглядит вполне правомерным. Как справедливо подчеркивают эксперты российской неправительственной организации Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), в условиях современной России внутриполитические национальные интересы требуют «всемерной концентрации на главной задаче — возрождении государства, экономики, благосостояния народа. Внешняя же политика должна быть полностью подчинена этой задаче — и философски, и концептуально, и оперативно» (Стратегия для России. 2000. 3.7). Иначе говоря, во взаимодействии национальных и общественных интересов приоритетными становятся вторые. В то же время национальные интересы характеризуются сегодня более сложной структурой, и связано это с необходимостью ответа на новые внутренние и внешние вызовы. Впрочем, усложнение структуры национальных интересов касается не только Российской Федерации.

2. Критерии и структура национального интереса

Выше уже отмечалось, что следствием неоднозначности понятия «национальный интерес» является то, что его аналитическая и практико-политическая роль далеко не абсолютна. Вместе с тем нельзя отрицать то, что рассматриваемая категория очень важна для понимания суш"

ности тех событий, явлений и процессов, которые происходят в сфере международных отношений.

Например, без учета культурно-исторических традиций и национальных ценностей понимание внешней политики того или иного государства и международных отношений в целом было бы неполным, а потому и неверным. Но скорее всего, ближе к истине не те, кто противопоставляет национальную идентичность национальному интересу, а те, кто считает первую неотъемлемым элементом второго (см.: *Morgen-thau*. 1961. Р. 3-12).

В основе всякого интереса лежат объективные потребности, нужды субъекта или социальной общности, обусловленные экономической, социальной, политической и т.д. ситуациями, в которых они находятся. Процесс познания социальных потребностей — это процесс формирования интересов людей (см. об этом: *Поздняков*. 1976. С. 112—124). Таким образом, интерес — категория объективно-субъективная. Причем объективным в своей основе может быть не только истинный, но и ложно понятый интерес. Десятилетиями на Западе существовало мнение о советской военной угрозе и о том, что наращивание вооружений служит коренным интересам демократических государств в деле защиты от нападения со стороны тоталитарного режима. И хотя в действительности Советский Союз не был заинтересован в нападении на западные страны, его поведение как во внешнеполитической области, так и внутри страны давало им основания для недоверия к нему. В свою очередь, внешнеполитическая стратегия США давала лидерам СССР повод считать, что усиление обороноспособности советского государства — важнейшая составляющая его национальных интересов. По существу же, гонка вооружений не отвечала потребностям безопасности, благосостояния и развития ни одной, ни другой стороны.

Существуют также мнимые и субъективные национальные интересы. Примером мнимого национального интереса может служить такая ситуация, когда идея становится национальным мифом, овладевает умами людей, и доказать им эту мнимость чрезвычайно трудно (см. об этом: Государственные, национальные и классовые интересы... С. 70). Хрестоматийный пример субъективного интереса — поступок Герострата, добившегося бессмертной «славы» поджогом храма. Пример субъективного «национального интереса» в современных международных отношениях — мотивы, которыми руководствовался Саддам Хусейн при вторжении Ирака в Кувейт в 1991 г. (декларации о необходимости присоединения к Ираку «исконно принадлежавшей ему провинции» были лишь предлогом для попыток решить внутренние трудности иракского режима путем «небольшой победоносной войны»).

Наряду с основными (коренными, постоянными) и неосновными (второстепенными, временными), объективными и субъективными подлинными и мнимыми интересами различают также интересы совпадающие и взаимоисключающие, пересекающиеся и непересекающиеся и т.д. (подробнее см.: *Увалов*. 1990. С. 19—20).

Исходя из сказанного, понятие «интерес» можно определить как осознанные потребности субъекта (социальной общности), являющиеся следствием фундаментальных условий его существования и деятельности. Но интерес — это и отношение потребности к условиям ее реализации. Соответственно, национальный интерес — осознание и отражение в деятельности его лидеров потребностей государства. Это относится и к многонациональным и этнически неоднородным государствам: фактически под национальным интересом подразумевается национально-государственный интерес.

Р. Арон (и ряд его последователей), как уже говорилось, считал понятие национального интереса слишком многозначным и потому малооперациональным для анализа целей и средств международных отношений. Б. Рассет и Х. Старр предложили выйти за рамки «туманного восприятия национального интереса», а К. Холсти использует в этой связи понятие «внешнеполитические задачи».

Положения Арона о так называемых вечных целях любого государства, по существу, совпадают с традиционным реалистическим пониманием национального интереса. С точки зрения Р. Арона, вечные цели могут проявляться как абстрактным (стремление к безопасности, силе и славе), так и конкретным образом (жажда расширения пространства, увеличения территории, занимаемой той или иной политической единицей, увеличения количества людей (населения государства) и завоевания человеческих душ (распространения идеологии и ценностей данного политического актора) (*Агон*. 1984. Р. 82—87). В свою очередь, содержание «основных внешнеполитических задач» государства, — понятия, которым К. Холсти предлагает заменить категорию «национальный интерес», — фактически совпадает с содержанием этой категории. Действительно, Холсти определяет внешнеполитические задачи как «систему представлений о будущем положении дел и будущих условиях, которых правительства стремятся добиться посредством действий отдельных политических деятелей, используя свое влияние за границей и изменяя или поддерживая действия других государств»-При этом *основные* задачи он связывает с выживанием государства, его суверенитетом, территориальной целостностью и благосостоянием граждан. *Среднесрочные* задачи отнесены Холсти к сфере развития межгосударственного сотрудничества во имя прогресса экономики; тогда как *долгосрочные* задачи затрагивают правила организации меж-

дународной системы и правила взаимодействия государств (*Holsti. 1977. Ch. 4, 5*).

В основе традиционного понятия коренного национально-государственного интереса лежат географические, культурные, политические и экономические факторы. Национально-государственный интерес включает следующие основные элементы: военная безопасность, пред-, усматривающая защиту государственного суверенитета (национальной независимости и целостности), конституционного строя и системы ценностей; благосостояние страны и ее населения, подразумевающие экономическое процветание и развитие; безопасное и благоприятное международное окружение, предполагающее свободные контакты, обмена и сотрудничество в регионе и за его пределами.

Исходя из этого, Дональд Нойхтерляйн говорит о том, что долгосрочные составляющие американских национальных интересов обусловлены следующими потребностями: 1) защиты США и их конституционной системы; 2) роста экономического благосостояния нации и продвижения американских товаров на зарубежные рынки; 3) создания благоприятного мирового порядка; 4) распространения за рубежом американских демократических ценностей и системы свободного рынка (*Nuechterlein. 1991. P. 15—17*). С учетом степени остроты указанных потребностей и их проявления в связи с конкретной проблемой или кризисом автор строит следующую «матрицу национальных интересов» США (там же. P. 18):

Основной элемент национальных интересов	Степень остроты национальных интересов			
	Критическая (необходимые интересы)	Опасная (жизненные интересы)	Серьезная (существенные интересы)	Вызывающая беспокойство (периферийные или частные интересы)
Защита Родины				
Экономическое благосостояние				
Благоприятный мировой порядок				
Распространение ценностей				

Данная матрица положена в основу методики определения интересов и степени их важности, разработанной в Военном колледже армии США. Определяя национальные интересы как «потребности и жела-

ния, воспринимаемые нацией в контексте международной обстановки», авторы классифицируют их по четырем категориям (защита родины; экономическое процветание; пропаганда ценностей; благоприятный мировой порядок) и трем степеням важности (жизненно важный; важный; периферийный). В свою очередь, такая классификация предваряет следующий шаг — процесс стратегической оценки, с учетом которой определяются приоритеты национальной политики и военной стратегии государства (см.: Yarger, and Barber. 1997).

Указанная классификация отражает содержание официальной Стратегии национальной безопасности США (см.: НГ. 1999. 10 февр.). Национальные интересы США подразделяются в этом документе на три категории: «Первая включает *жизненно важные интересы*, то есть те, которые имеют первостепенное значение для выживания, безопасности и жизнеспособности нашей страны. Речь идет о безопасности — в физическом плане — нашей территории и территорий наших союзников, безопасности наших граждан, нашем экономическом благополучии и защите жизненно важных элементов инфраструктуры...

Вторая категория предполагает ситуации, в которых затрагиваются *важные национальные интересы*. Эти интересы не определяют наше выживание как нации, но они влияют на наше национальное благосостояние и на характер мира, в котором мы живем. В таких случаях мы будем использовать свои ресурсы для отстаивания наших интересов, если цена этого и сопутствующие риски соизмеримы с интересами, которые поставлены на карту...

Третья категория — это интересы в *гуманитарной и других областях*. В некоторых обстоятельствах наша страна может предпринимать те или иные действия, так как это необходимо, исходя из наших ценностей» (там же).

Подобным же образом эксперты СВОП считают, что «интересы России в отношении стран бывшего СССР подразделяются на 1) *жизненно важные* — в защиту которых государство должно быть готово применить все средства, в том числе силовые, 2) *важные*, и 3) *менее важные*» (см.: Возродится ли Союз...). При этом к первой категории они относят такие интересы, как обеспечение свободы, роста благосостояния россиян, территориальной целостности и независимости России; предотвращение доминирования, особенно военно-политического, иных держав на территории бывшего СССР; предотвращение формирования в мире враждебных России коалиций, в том числе в ответ на те или иные действия России на территории бывшего СССР и ДР- (см. там же. 5.2.1—5.2.7). Во вторую категорию авторы включают обеспечение доступа к сырьевым, трудовым и товарным рынкам государств бывшего СССР, особенно к нефти прикаспийского региона; создание

для этого необходимых политических, экономических и правовых условий; совместное использование границ, территорий и части военных потенциалов соседних государств (компоненты системы ПВО, СПРН, и т.д.) для предотвращения возникновения военной угрозы России, ее дальнейшей внутренней дестабилизации в результате притока и транзита преступников, наркотиков, оружия, контрабанды сырья, ядерных материалов и изделий «двойного назначения»; использование политического, экономического, военного и иного потенциала государств бывшего СССР для укрепления (в случае налаживания с ними близких союзных отношений) международных политических позиций и России, и этих государств (там же. 5.3.1—5.3.13). Наконец, в третью категорию попадают такие интересы, как: «Обеспечение демократического развития сопредельных государств. Укрепление многосторонних структур СНГ» и т.п. (там же. 5.4.1—5.4.4).

В отличие от этого документа, официальная Концепция национальной безопасности России не содержит столь четкого разделения основных категорий интересов, которые формулируются с учетом их субъектов и сфер общественной жизни; «Национальные интересы России — это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства» (www.ng.ru 14 января 2000 г.).

В наши дни составные элементы и содержание национального интереса в целом претерпевают существенные изменения под давлением новых фактов и обстоятельств. Бурное развитие производительных сил, средств массовой коммуникации и информации, новые достижения научно-технической революции, усиливающаяся интернационализация всех сторон общественной жизни, возникновение и обострение глобальных проблем, растущее стремление людей к демократии, личному достоинству и материальному благополучию — все это трансформирует интересы участников международных отношений, ведет к переформулированию целей их взаимодействия.

Крах тоталитарных режимов и продвижение постсоциалистических стран к рыночным отношениям и плюралистической демократии, сопровождающееся трудностями, противоречиями, кризисами и конфликтами, распад СССР и его многочисленные последствия, окончание «холодной войны» между Востоком и Западом — эти и многие другие процессы, происходящие в современном мире, ставят перед Международным сообществом новые задачи, вносят коренные изменения в условия реализации интересов международных акторов. На гла-

зах одного только поколения людей мир как бы сужается, государства и регионы становятся все более открытыми для растущих потоков идей, пересекающих их границы, капиталов, товаров, технологий и людей. Традиционные двух- и многосторонние связи между государствами дополняются новыми, действующими в самых разных областях (транспорт, экономика и финансы, информация и культура, наука и образование и т.д.). На этой основе возникают новые международные организации и институты, которым государства делегируют часть своих полномочий и которые имеют свои специфические цели и интересы, вытекающие из самой их сущности как субъектов международных отношений. Картина усложняется и по мере усиления мощи и увеличения числа транснациональных корпораций, которые стали значительными и неотъемлемыми участниками международных отношений со своими специфическими интересами и целями, связанными в первую очередь с собственными финансовыми прибылями и экономическим ростом. Однако интересы транснациональных корпораций касаются и стабильности (экономической, политической, военной) страны базирования, а также всеобщей безопасности и сотрудничества, других вопросов глобального характера.

В таких условиях национальный интерес не может быть обеспечен без таких условий существования государства, как внутренняя стабильность, экономическое благополучие, моральный тонус общества, безопасность не только военно-стратегическая, но экологическая, благоприятное внешнеполитическое окружение, престиж и авторитет на мировой арене. Следует иметь в виду, что обеспечение национального интереса достигается лишь при сбалансированности указанных условий, представляющих собой открытую систему взаимозависимых и взаимодополняющих элементов. Полное обеспечение каждого из них возможно лишь в идеале. В реальной же практике нередко случаи отсутствия каких-либо элементов и условий и их недостаточного развития, что компенсируется более интенсивным развитием других. В обеспечении подобного баланса — сущность и искусство международной политики (см. об этом: *Кунадзе*. 1991). Особое место в структуре национального интереса занимает так называемый бессознательный элемент, содержание которого требует отдельного рассмотрения.

О бессознательном элементе в структуре национального интереса

Обоснование правомерности использования понятия «национальный интерес» в качестве аналитического инструмента и концептуальной

основы внешнеполитической деятельности не тождественно признанию того, что это понятие исчерпывается теми основными элементами, которые в своих официальных документах стремятся четко сформулировать руководство того или иного государства. Всегда остается ощущение недоговоренности, а порой даже утраты, части важных устремлений социальной общности, которые относятся к сфере международных отношений и остались не вовлеченными в оборот официальной и научной терминологии. Понятия «национальный дух» (Р. Арон) или «национальная идентичность» (М. Мерль) не в состоянии отразить скрытый от непосредственного внешнего наблюдения элемент национального интереса. В этой связи обращают на себя внимание попытки некоторых отечественных авторов ввести в оборот термин «бессознательный фактор» национального интереса.

С точки зрения Б.В. Межуева, адекватность политики национальному интересу подразумевает, что она:

- « — отражает общественное мнение или выраженную публично позицию политической и экономической элит данной страны;

- отвечает культурным традициям страны, устойчивым представлениям о ее геополитической, конфессиональной и т.д. идентичности, ее роли в мировой истории;

- способствует укреплению военно-стратегических позиций государства;

- ведет к улучшению его социально-экономического положения» (Межуев. 1999. С. 26). Автор отмечает, что между первым и вторым (*идеальными*), а также третьим и четвертым (*материальными*) факторами имеется корреляция, хотя полного соответствия ни в том, ни в Другом случае нет. Б.В. Межуев подчеркивает также и то, что соответствие политики сразу всем четырем критериям достигается редко. Бывает, что политический курс соответствует национальному интересу только идеально, а бывает — главным образом материально (там же).

Б. Межуев высказывает мнение, что вышеназванные факторы национального интереса представляют собой лишь самый поверхностный уровень анализа. Автор справедливо указывает, что каждый из факторов не является чем-то целостным и непротиворечивым: неоднороден социально-экономический фактор; противоречивы представления о национальной идентичности; общественное мнение подвержено Манипулированию со стороны коммерциализированных СМИ (там же. С. 27—28). Стоит согласиться и с тем, что концептуальный анализ Национального интереса снижает вероятность искусственного формирования общественного мнения «верхами» государства и внедрения Пологий, определенным, заданным образом переосмысливающих национальную идентичность государства (там же. С. 29).

Но главное и наиболее ценное в предлагаемом подходе в том, что он отмечает наличие в структуре национального интереса «*бессознательного*, или же *иррационального* пласта», представленного глубинными традициями политической культуры страны, а также культурными ориентациями и установками определенного времени (там же. С. 36). Как подчеркивает С.С. Митрохин, подобное понимание означает, что национальные интересы в некотором смысле «надличностны и должны быть осознаны нами как данность, как скрижали исторической памяти» (Полис. 2000. № 1. С. 57).

Выделение «бессознательной» культурной доминанты позволяет увидеть односторонность представлений о национальном интересе как основе циничной игры бюрократии и правительственных кругов. На примере дальневосточной политики России XIX в. Б. Межуеву удалось показать, что в «национальном интересе» отражаются не только представления политических и экономических элит, но также помыслы и устремления гражданского общества, которые не всегда могут быть четко сформулированы и даже полностью осознаны. Разумеется, совпадение внешнеполитического курса государства и устремлений гражданского общества возможно лишь в абстракции. Однако приближение к такому совпадению является (особенно в демократическом обществе) важным элементом гарантии успеха внешней политики.

Стремление России закрепиться на восточных, пространственных рубежах объясняется, как пишет Б.В. Межуев, тем, что «для политического сознания России характерно представление, будто сакральный центр империи находится не внутри, а вне ее» (Межуев. 1999. С. 37). А, например, В.Л. Ларин пишет, что для китайцев главная угроза безопасности всегда исходила с Севера: «существующая на уровне подсознания, эта идея нашла отражение в китайской концепции размежевания с северным соседом («утраченные в результате агрессии царской России территории») и во многом определяет отношение китайцев к современной России» (Ларин. 1999. С. 163). Подобную мысль высказывал и известный русский исследователь Л.Н. Гумилев, когда говорил об «отрицательной комплементарности» русских и западноевропейцев. Не ею ли объясняется (разумеется, лишь наряду с целым рядом других, материальных и вполне осознаваемых факторов) плохо поддающееся рациональному осмыслению (при том, что рационализм, картезианский дух, всегда считался отличительной чертой европейского менталитета) стремление депутатов ПАСЕ исключить Россию из Совета Европы в марте 2000 г.?

Иными словами, идея «бессознательного» обогащает понимание «национального интереса», помогая прояснить явления, трудно объяснимые с позиций прямолинейного, подхода и рассматривающие «на-

циональный интерес» только в терминах «выгода» и «потеря» государства и/или циничной борьбы бюрократии за завоевание и удержание власти.

Однако существует очень важная эпистемологическая проблема. Интерес — это всегда *осознанные* потребности. Может ли осознанное содержать элемент бессознательного? По всей видимости, данная проблема может быть решена путем переопределения понятия «национальный интерес», указанием на его отличие, например, от экономического интереса (состоящее в том, что он включает в себя не только . осознанные потребности, но и скрытые от непосредственного восприятия самого субъекта и потому опосредованные мотивы). Вот что об этом пишет С.С. Митрохин: «Само понятие «интерес» в данном контексте — это, скорее всего, метафора, поскольку речь идет не только об осознанной, но, что особенно важно, о неосознанной способности народа и/или государства к самосохранению, самовосстановлению. Во всяком случае, национальные интересы включают в себя вечные ценности, не подвластные политической конъюнктуре» (Полис. 2000. № 1. С. 57). Другой путь решения данной проблемы — «рационализация» «бессознательного» пласта, его «десакрализация». Действительно, если мы вводим его в аналитический оборот, то оно продолжает оставаться «иррациональным» лишь для его носителя, но не для исследователя или политического деятеля, который вполне осознанно руководствуется (должен руководствоваться) им в своем профессиональном подходе.

В. Ларин (в практически-политическом плане) и Д. Сандерс (в теории) обращают внимание на еще один важный аспект проблемы «национального интереса». Речь идет о соотношении национальных интересов с транснациональными, субнациональными и наднациональными интересами, а в более широком плане — об изменении содержания национальных интересов в эпоху глобализации мирового развития.

3. Глобализация и национальный интерес

Как уже говорилось, международная политика представляет собой процесс столкновений и борьбы, переговоров и компромиссов различных типов власти, которые стремятся навязать друг другу свои предпочтения. Сегодня в эту борьбу все чаще вторгается, привнося в нее свои отличительные особенности и преодолевая сопротивление традиционных акторов, многообразная и пестрая совокупность безличных

рыночных сил. Рост движения капиталов и инвестиций создает условия для все более глубокого взаимопроникновения национальных экономик и более прямолинейной конкуренции между предприятиями. Расширение межгосударственных торговых обменов сопровождается существенным увеличением числа и объема трансграничных финансовых потоков. То, что мировая экономика приобретает общую основу, становится все очевиднее. Формирующиеся глобальная финансовая система и единое информационное пространство, транснациональное производство и сеть мировой торговли влекут за собой стирание национальных границ и трансформацию государственного суверенитета. В мире произошли кардинальные перемены, среди которых выделяется процесс экономизации политики, продолжающий набирать силу (Стратегия для России. 2.4). Все это не может не оказывать существенного влияния на содержание национальных интересов. Каков характер этого влияния? Единого мнения по данному вопросу нет.

Одни считают, что, по существу, ничего принципиально нового не происходит. Государства остаются главными участниками международных отношений, и по-прежнему, как во времена Фукидида, им необходимо уметь выживать и развиваться. Усложнение мира, появление новых глобальных вызовов ведет не к солидарности и единству человечества, а к обострению межгосударственных противоречий. Следствием сокращения мировых сырьевых ресурсов становится борьба за доступ к ним с применением все более изощренных средств и технологий, борьба, в которой неминуемо сталкиваются национальные интересы различных стран. Причиной столкновений остается и продолжающееся перераспределение мировых рынков сбыта, которое сопровождается гонкой вооружений и продолжающейся политикой военно-политических союзов и коалиций. Понятия «жизненные интересы», «зоны влияния», «принципы государственного суверенитета» и т.п. остаются центральными понятиями, отражающими суть мировой политики в эпоху глобализации (см., например: *Громыко А.н. и Громыко А.л.* 2000).

Другие исследователи, напротив, говорят о полном размывании содержания национальных интересов, поскольку «новые субъекты мировой политики уже идут на смену государствам-нациям» (см.: *Полис* 2000. № 1. С. 95). По их мнению, глобализация не оставляет места для национальных интересов, заменяет их интересами мирового гражданского общества. Главным элементом этих интересов становится обеспечение прав и свобод личности, до сих пор подавляемых государством, особенно в странах с авторитарными политическими режимами. При этом некоторые представители данной точки зрения настолько «разводят» национальные и государственные интересы, что даже пред

лагают отказаться от части государственных интересов в пользу национальных, утверждая, например, что «политика удержания суверенитета и территориальной целостности в долгосрочной перспективе никаких шансов не оставляет» (см. там же. С. 96).

Однако реальность намного сложнее. Под влиянием глобализации государственные структуры, так же как и традиционные социальные институты действительно испытывают разрушительные потрясения. Новые акторы подрывают традиционные приоритеты государственного суверенитета. Некоторые исследователи говорят о «детерриторизации» или о «конце территорий», чтобы подчеркнуть обесценивание национального государственного правительства (см., например: *Badie et Smouts*. 1992; *Badie*. 1996; *Moreau Defarges*. 1995). Кризис государства — объективная данность. Государство испытывает давление «сверху», «снизу» и «извне».

«Сверху» государственный суверенитет подрывается наднациональными организациями и институтами, которые все чаще вмешиваются в его прерогативы. Миротворческие операции под эгидой ООН в самых различных частях света — «война в Заливе» в 1991 г., интернационализация югославского конфликта в 1991 — 1995 гг., операция «Вернуть надежду» в Сомали в 1992—1993 гг., операция «Восстановить демократию» в Гаити в 1994 г., операция «Turquoise» в Руанде в 1994 г., рейд в Восточный Тимор в 1999 г., а также «гуманитарная интервенция» НАТО в Югославии в 1999 г., совершенная без санкции ООН и в нарушение действующих норм международного права, — это явления подобного рода. Добавим к ним деятельность МВФ, диктующего государствам свои «правила игры»; ВТО, в рамках которой государства должны вести переговоры не только друг с другом, но и с национальными группами давления, а также с партиями и другими институтами национальных гражданских обществ; Международный суд в Гааге, который выносит приговоры политическим деятелям независимых государств. Кроме того, встречается и добровольное ограничение своего суверенитета государствами. Это так называемый трансферт суверенитета, т.е. передача его части в распоряжение коммунитарных структур интегрирующихся государств. Наиболее показательный пример в этой области — Европейский союз.

«Снизу» государственный суверенитет подвергается эрозии со стороны внутригосударственных структур и структур гражданского общества. В развитых странах в сфере политики это выражается, в частности, в описанном канадским специалистом Пьером Сольдатосом феномене «парадипломатии», т.е. параллельной (по отношению к государственной) дипломатии (*Soldatos*. 1997). Происходит эрозия национальной монополии в области внешней политики. Она проявляет-

ся главным образом на функциональном, а не конституционном уровне. Государства же предпринимают усилия по гармонизации, т.е. усилия с целью нового распределения ролей в этой сфере. С этой целью федеративное государство усиливает горизонтальную и вводит вертикальную сегментацию, что воспроизводится и на региональном уровне не только регионы (к примеру, республики в составе Российской Федерации), но и каждое их ведомство (например, то или иное министерство Татарстана или Чувашии) проводит свою внешнюю политику. Государство соглашается и с некоторыми решениями регионов в области внешней политики в рамках субсидиарности (образование, экология...). Однако дело не ограничивается добровольным отчуждением государства части своих внешнеполитических функций в пользу регионов. Последние нередко самовольно присваивают себе некоторые из таких функций. П. Сольдатов называет пять причин подобного поведения. Первая причина прагматическая: потребности внутренних дел ведут к выходу за их рамки. Вторая причина — асимметрия субнациональных акторов и, соответственно, их статусов и интересов. Третья причина — несовершенство конституционных систем, т.е. ситуация, когда «центр» подавляет и блокирует региональные политики, что вызывает центробежные тенденции. Четвертая причина — финансовая незаинтересованность субнациональных акторов по отношению к государству. И, наконец, пятая причина — неизбежная в условиях глобализации административная децентрализация управления (см.: Soldatos, 1997).

Объективные причины размывания суверенитета «снизу» заключаются в том, что государство является слишком маленьким субъектом по отношению к глобальной экономике, но оно — слишком тяжелый груз для экономики регионов и тем более частных предприятий и фирм. Данный феномен редко относят к *высокой* политике, ведь он чаще затрагивает сферы экономики, культуры, технологий и т.п. Но иногда он касается и *high politics*: антивоенные демарши, организованные частными структурами, различными институтами гражданского общества, или же «бунты» частных СМИ против государства, например выступления НТВ по поводу «дела Бабицкого» и «дела Гусинского» и т.п.

«Извне» ущерб суверенитету наносит активизация неправительственных групп и организаций, таких, как Международная Амнистия, Human watch, правозащитные и экологические объединения. Еще больше государство теряет свою монополию (как в международных, так и во внутренних делах) под напором транснациональных корпораций, фирм, банков и предприятий. Производственная деятельность во всех секторах национальной экономики все чаще осуществляется по-

мимо государства. Распределение богатств в мире зависит теперь не столько от государственных политик, сколько от трансфертов, осуществляемых МВФ и Всемирным банком. ТНК играют все большую роль в фискальной сфере. Частные фирмы и ТНК «конфискуют» у государств социальное управление, политику в области занятости, условий труда и заработной платы. Все это регулируется уже не столько государственным законодательством, сколько внутренними регламентациями самих фирм.

Особенно драматично выглядит кризис государства в странах, наименее развитых в экономическом и нестабильных в политическом отношении. Он проявляется здесь в возникновении и расширении зон, выпадающих из правового пространства, распространении неуправляемых государственным законодательством хаотических групп и кланов, населенных пунктов и регионов, впадающих в состояние варварства, в котором действуют только «законы», навязываемые населению криминальными группировками, которые грабят людей, делают их заложниками собственного стяжательства, а иногда и своих политических амбиций, направленных против государства (см. об этом: *Фергюсон*. 1998; *Ramonet*. 2000).

Таким образом, динамика глобализации действительно вовлекает в себя все государства, игнорируя их независимость, типы политических режимов и уровень экономического развития. Современный мир переживает новую эпоху завоеваний, в чем-то подобную эпохе колонизации. Но если главными действующими лицами предшествующих экспансий выступали государства, то на этот раз господствовать над миром стремятся крупные частные предприятия и корпорации, финансовые и индустриальные группы. Новые акторы все больше подрывают роль государства в политике безопасности, в сферах экономики, коммуникаций, затрагивая даже «святая святых» государственного суверенитета, его монополию на насилие. Все это не может не отражаться на содержании национального интереса, на его основных приоритетах и на самом его существовании.

И все же выдвижение тезиса о вытеснении государства новыми субъектами, об исчезновении его суверенитета и утрате значения национальных интересов по мере развития глобализации выглядит явно преждевременным. Сторонники идеи отказа от суверенитета справедливо подчеркивают, что основным действующим лицом и главной движущей силой глобализации выступает транснациональный капитал — Иржевые фирмы, финансовые объединения, крупнейшие мультинациональные банки, медиа-корпорации, производственные объединения и торговые группы. Однако это не означает, что глобализация свелась только к свободной игре безличных рыночных сил. Большая

часть (88%) из двухсот крупнейших ТНК, охватывающих всю совокупную сферу бизнеса (как легального, так и нелегального), шитом которых выступает Североатлантический Союз, сосредоточено в шести странах — США, Японии, Германии, Великобритании, Франции и Швейцарии. В свою очередь, среди них подавляющим является влияние американских гигантов: около 72% биржевой капитализации¹ пятидесяти крупнейших ТНК (см.: *Clairmont*. 1988). Инвестиции и рабочие места, финансовые преимущества и стабильная банковская система, формирование, поддержание и совершенствование самой современной инфраструктуры — вот только некоторые преимущества, которые дают эти корпорации стране пребывания. США, которые стоят за большинством из них, заинтересованы в сохранении и приумножении своего превосходства, так же как вышеуказанные страны заинтересованы в дальнейшем укреплении своих позиций. Что касается государств входящих в ведущую шестерку, то перед ними стоят сложные задачи, связанные как с созданием «национальных» и привлечением «зарубежных» ТНК, так и с минимизацией неблагоприятных последствий их деятельности во всех сферах жизни своих стран.

Новые субъекты не вытесняют государства из международной политики, а вступают с ними в сложные взаимодействия, характеризующиеся как соперничеством, так и сотрудничеством. «Страны и их экономические и политические субъекты могут одновременно сотрудничать в одних областях и жестко конкурировать в других» (Стратегия для России. 2000. 2.5). Негосударственные акторы, которые конкурируют с государством, требуют вместе с тем поддержки от него, рассчитывают на нее и пользуются ее плодами. Так, например, предприятия, экспортирующие свою продукцию, или же гуманитарные НПО, действующие в зонах риска, без подобной поддержки были бы обречены на паралич, если не на исчезновение. Соперничество новых акторов с государством сочетается с определенным сотрудничеством: в кризисных обстоятельствах именно государства, как правило, навязывают свою волю негосударственным акторам» (см.: *Cohen*. 1998. Р. 79—80).

Кроме того, в международных отношениях суверенитет не может быть и никогда не был абсолютной величиной. Международное право как система обязательств, добровольно принимаемых на себя государством и ограничивающих его свободу действий, сужает и его внутреннюю политическую автономию. Понятие суверенитета и сегодня имеет смысл только в диалектическом соотношении с взаимозависимостью-

¹ Капитализация — долларовая стоимость курса акций на данный момент, умная на число наименований акций, находящихся в обращении.

при полной независимости оно становится тавтологией. Именно разногласия, реальные или потенциальные, придают понятию суверенитета свойственное ему значение. Сохранять суверенитет означает умение преследовать свои собственные цели, несмотря на давление взаимозависимости, или используя его. В нынешних условиях даже бедные и слабые страны могли бы национализировать многонациональные корпорации, а преобладание национализма бросает сомнение на утверждение, что нации-государства увядают. Существует не только тенденция к относительному упадку традиционной роли государственного суверенитета, но и противоположная тенденция к созданию новых независимых государств, ревностно отстаивающих как внутренние, так и внешние признаки своего суверенитета.

Уже с конца 80-х гг. различные исследования привели к двум взаимодополняющим выводам. Первый вывод заключается в том, что глобальные предприятия, которые задумывали свои операции и свои стратегии в мировом масштабе и имели действительно космополитическую управляющую команду, являются исключительной редкостью, хотя ТНК стремятся извлечь выгоду из своего присутствия на многих рынках и из своего доступа к многообразным производственным объектам. Второй результат касается процесса в целом: глобализация набирает темпы, но национальные и региональные пространства сохраняют свое значение, а государственные власти не бессильны перед процессом. Национальные правительства не утратили своей возможности выбора в сферах экономической и социальной политики, даже если либеральный контекст и навязывает некоторые реформы. С другой стороны, различные международные инстанции устанавливают правила, способные отвечать требованиям контроля трансграничной деятельности. Это касается, в частности, обменов товарами и услугами (установление режима ВТО) и финансовой сферы (подробнее об этом см.: *Politique étrangère*. № 2. Ete 1997. P. 257-263)¹.

«Государство сохраняет свою ответственность суверенитета и солидарности,— пишет Ф. Моро-Дефарж,— но осуществляет ее с открытыми границами, то есть с заботой о том, чтобы не пострадать от волны, которая от него ускользает, или даже ею воспользоваться» (*Моро-Де-*

Что же касается ВТО, то, как отметил Кофи Аннан, развитые страны стремятся использовать ее для управления глобализацией в собственных интересах. «Кажется, — Утверждает он, — что в некоторых богатых государствах исходят из того, что экономик

¹Ран с развивающимися рынками просто неспособны к честной конкуренции. Поэтому *как* только они производят что-то *по* сходной цене, их автоматически обвиняют в дем-*Wiire*. (...) Европейский союз, например, сейчас расходует от шести до семи процентов своего валового внутреннего продукта на всевозможные виды торгового протекционизма (См. подробнее: <http://www.interfax.ru/gazeta/01.htm>)

фарж. 1998. С. 138). «Одной из самых распространенных ошибок, касающихся анализа мондиализации, — подчеркивается в редакционной статье тематического выпуска журнала «Политик этранжер», посвященного анализу феномена мондиализации/глобализации, — является вывод о том, что государства утрачивают свою роль и что понятие суверенитета теряет свое значение» (*Le mondialisme et l'integration regionale.* 1997. Р. 253). Действительно, как показывают примеры с проектом российско-украинского транспортного самолета АН-70 и проектом нефтепровода Баку — Джейхан, государствам и их союзам вполне удастся осуществлять контроль над крупнейшими экономическими сделками и даже заставлять задействованные в них фирмы отказываться от прямых выгод или же, напротив, идти на заведомо убыточные проекты во имя своих политических интересов.

При этом, рассуждая о глобализации, нельзя забывать по крайней мере еще о двух тесно связанных с ней процессах. Во-первых, о ее диалектической противоположности, о регионализации. В этой связи региональные интеграционные объединения (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН и др.) выглядят не только как проявления глобализирующих процессов, но и как противостояние им. Фактически каждое из них в той или иной степени представляет собой пример «закрытого сотрудничества», причем степень закрытости является более высокой в более продвинутых интеграционных объединениях. Например, наиболее жесткие меры, связанные с ограничениями миграционных потоков из третьих стран, с протекционистскими барьерами в области международной торговли и т.п., приняты именно в Европейском союзе. Французские специалисты признают феномен сокращения обменов ЕС в ущерб третьим странам: в Европе с заключением Римского договора доля внутрирегиональных обменов в ВВП значительно выросла, тогда как межрегиональных обменов осталась на прежнем уровне (*Saschwald.* 1997). Ссылки на интеграционные процессы и международные институты как на причины «отмирания» суверенитета и национальных интересов несостоятельны. Как отмечают специалисты, «региональная интеграция является ответом на проблемы, с которыми столкнулись индустриально развитые страны, не по своим прямым последствиям, т.е. объединением национальных политик в некоторых сферах, а по своим опосредованным последствиям, а именно соревнованием между странами, встречающимися со сходными внутренними проблемами, в связи с которыми они должны выработать соответствующие решения. С этой точки зрения мондиализация и региональная интеграция, являются, скорее всего, созидателями суверенитета» (*Le mondialisme et l'integration regionale.* 1997. Р. 255). Б. Бади (известный своими работами об относительности государства как политического института,

размывании основ государственного суверенитета в условиях глобализации, о неадекватности понятия «национальный интерес» современным международным реалиям) отмечает «отставание институтов от практики и от идей», признавая, что «на деле межправительственные институты остаются главным хранителем национально-государственной модели и традиционной практики международных отношений» (см.: *Smouts (dir).* 1998. Р. 55). Поляризация территорий дистанцирует связи солидарности, традиционно создающиеся на национальном уровне. П. Вельц настаивает на том, что национальные государства остаются главными акторами, ответственными за перераспределение этих связей. Регионалистские искушения, которые встречаются на международной арене, в частности в Европе, таким образом, представляют опасность для национальной сплоченности. Европа регионов вряд ли возможна, и продолжение европейского строительства не может основываться на разрушении государств (см.: *Le mondialisme et l'integration regionale.* 1997. Р. 261).

Во-вторых, нельзя забывать о встречных тенденциях глобализации: деглобализации и сохранения (хотя и в обновленных формах) традиционных геополитических факторов в мировой политике. Хотя такие тенденции являясь вторичными, значение их последствий для национальных интересов нельзя недооценивать. Ослабление роли государств, в частности в нестабильных зонах послехолодновоеенного мира, связано не только с воздействием безличных рыночных сил, но и с монополярным видением мира, которое часто доминирует в политике США после падения идеологического противника (см.: *Joxe.* 1997).

Интеграционные процессы в условиях глобализации разворачиваются на фоне сильных дезинтеграционных тенденций и способствуют их закреплению (см. об этом: *Эльянов.* 2000). Как считают некоторые французские ученые, одна из целей процессов регионализации, разворачивающихся в Европе и Азии после холодной войны, состоит в стремлении избежать необузданной либерализации и оказать тем самым сопротивление гегемонии единственной современной сверхдержаве — США (*Sachwald.* Р. 157). С политической точки зрения глобализация представляет собой геополитическое переустройство, включающее в себя, в частности, пересмотр политики союзов, когда принадлежность к одному и тому же региону играет важную, но не Исключительную роль (там же. Р. 158).

Таким образом, государство-нация, его суверенитет и его интересы как аналитическое понятие и как критерий поведения государства на международной арене продолжают сохранять свое значение. Но это не означает, что глобализация не вносит в национальные интересы никаких изменений. Напротив, национальный интерес существенно изме-

няется в своем содержании и направленности. Возникают новые приоритеты, связанные с необходимостью использования преимуществ глобализации путем адаптации к открываемым ею возможностям, с одной стороны, а с другой — борьбы против ущерба, приносимого ею национальному развитию.

Важнейшим приоритетом национального интереса становится включение страны в процесс мирового экономического развития, поскольку в процессе глобализации выявилась «почти абсолютная закономерность: ни одна страна не способна добиться серьезного экономического роста и роста благосостояния населения без растущего вовлечения в мировую экономику» (Стратегия для России. 2.5.). В структуре национального интереса на передний план выходит также стремление к обладанию передовыми технологиями, обеспечивающими совместимость с самыми современными средствами информации, связи и транспорта. Что касается военного фактора и связанных с ним стратегий (баланс сил, заключение союзов...), то они перемещаются в иерархии национальных интересов с первого места, но не на последнее. Действительно, выживание государства-нации сегодня зависит уже не столько от способности противостоять традиционным военным угрозам (хотя и их еще рано сбрасывать со счетов), сколько от возможности находить адекватные ответы (создавая для этого соответствующие средства) на новые вызовы экономического, технологического, экологического, демографического и информационного характера.

Уже отмечалось, что глобализация рождает эффект, который характеризуется термином «слабое» или «неэффективное государство». В первую очередь он затрагивает слаборазвитые страны Юга, угрожает государствам с переходной экономикой и нестабильным в политическом отношении, но в некоторой степени касается всех стран (Ramonet. 2000). В этой связи в структуре национальных интересов современных стран важное место занимает укрепление их государственных институтов.

Действительно, как мы уже видели, «национальные» и «государственные» (а в общепринятой терминологии — общественные и национальные) интересы не только отрицают, но и предполагают друг друга^{га} поэтому ущемление или «сдача» одной из этих составляющих неминуемо ведет к ослаблению и деградации второй. Следствием отказа государства от своей территориальной целостности станет неизбежное его ослабление и деградация. Слабое же государство не способно ответить адекватным образом на вызовы, связанные с использованием возможностей глобализации и обузданием ее разрушительных последствий для уровня жизни, безопасности и свободы общества и человека (о положительных сторонах и негативных последствиях глобализации

см.: *Авдеева, Стукало*. 2000. С. 51). Вот почему «сильная Россия, способная эффективно защищать свои интересы, интересы своих граждан, остается главной целью политики» (Стратегия для России. 2000. 1.6.). Защите национальных интересов от внешних и внутренних угроз, т.е. национальной безопасности, по-прежнему принадлежит важное место в международных отношениях. Вместе с тем глобализация вносит свои изменения и в эту сферу, сферу национальной и международной безопасности, особенности которой рассматриваются в следующей главе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аберкомби Н., Хвуй С, Тернер В.С.* Социологический словарь. Издательство Казанского университета, 1997.
2. *Авдеева Т.Т., Стукало А.А.* Глобализация мировой экономики // *Международная жизнь*. 2000. № 5.
3. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
4. Возродится ли Союз? Будущее постсоветского пространства. Тезисы Совета по внешней и оборонной политике, 26 апреля 1996 г. // <http://www.svop.ru/dok-lad21.htm>
5. Государственные, национальные и классовые интересы во внешней политике и международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 2.
6. *Громыко Ал., Громыко Ап.* Состоится ли «тихая революция» в ООН? // *Независимая газета*. 2000. 22 июня.
7. Концепция национальных интересов: общие параметры и специфика // *Мировая экономика и международные отношения*. 1996. № 7.
8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // www.ng.ru 14 января 2000 г.
9. *Кориунов СВ.* «Имперское» и национальное в российском сознании // *Международная жизнь*. 1998. № 5, 6.
- Ю. *Кунадзе Г.* Новое мышление тоже стареет // *Новое время*. 1991. № 11,
- И. *Ларин В.Л.* Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // *Внешняя политика и безопасность современной России*. Хрестоматия: В 2 т. М., 1999. Т. 1. Кн. И.
12. *Леон А.* Внешнеполитическая доктрина посткоммунистической России и ее внутриполитический контекст // *США — Канада. Экономика, политика, культура*. 1999. -V? 1, 2.
13. *Межуев Б.В.* Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // *Полис*. 1997. № 1. *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX в. // *Полис*. 1999. № 1. *Молчанов М.А.* Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // *Полис*. 2000. № 1.
16. Национальный интерес versus государственный интерес: теоретические понятия и Политическая реальность. «Круглый стол» // *Полис*. 2000. № 1.

17. Национальный интерес (заочный «круглый стол») // Полис. 1995. № 1.
18. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.
19. Политический дискурс: национальный интерес // Полис. 1997. № 1.
20. Преображенная Россия в новом мире. Научно-практическая конференция МИД РФ (26—27 февраля 1992 г.) // Международная жизнь. 1992. № 3—4.
21. Примаков Е.М. Россия в мировой политике // Международная жизнь. 1998. X» 5
22. Рассет В., Старр Х. Мировая политика. Ч. I. М., 1982.
23. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
24. Сандерс Д. Международные отношения: неореализм и нсолиберализм // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
25. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Белый Дом, октябрь 1998 // Независимая газета. 1999. 10 февр.
26. Стратегия для России: повестка дня для президента — 2000: Глава 2. Российская внешняя политика перед вызовами XXI века // [http://www. book_2000.ru](http://www.book_2000.ru)
27. Торкунов А.В. (ред.). Современные международные отношения. М., 2000.
28. Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. 1990. № 5.
29. Фурман Д. Внешнеполитические ориентиры России // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 1995. № 12 (42).
30. Цыганков А.И. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. М., 1992.
31. Эльянов А.Я. Проблемы и противоречия глобализации. СПб., 2000.
32. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
33. Badie B. La fin de territoires. P., 1996.
34. Badie B., Smoucs M.-C. Le retournement du monde. Une sociologie de la scene Internationale. P., 1992.
35. Beard Ch. The Idea of National Interest. An Analytical Study in American Foreign Policy. N.Y., 1934.
36. Blair T. «Doctrine of the International Community». Adress by British Prime Minister Tony Blair to Economic Club, Chicago, 111. 1999. 22 April.
37. Clairmont F. La puissance des veritables maitres du monde // Monde diplomatique. 1988.
38. Clinton W. A National Security Strategy for a New Century. Washington, DC: The White House. 1998. October.
39. Derriennic J.-P. Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
40. Delaporte M. La politique etrangere americaine depuis 1945. P., 1996.
41. Duroselle J.-B. Tout empire perira. Une vision theorique des relatio'ns Internationales. P., 1982.
42. Ferrier J.-F. Les relations internationales. Les acteurs, les fondements et les buts. Les techniques. P., 1996.
43. Holsti K.J. International Politics: A Framework for Analisis. Englewood Cliffs, 1977.
44. Kratochwil F. Of the Notion of Interest in International Relation // International Organization. Vol. XXXIV. Winter 1982.
45. Joxe A. Representation des alliances dans la nouvelle strategic americaine. *Politique etrangere*. № 2. Ete 1997.
46. Merle M. La politique etrangere // Traite de science politique. P., 1985.
47. Le mondialisme et l'integration regionale // Politique etrangere. №2. Ete 1997. Editorial.
48. Moreau-Defarges Ph. La Mondialisation, vers la fin des frontieres. P., 1995.
49. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.
50. Nuechterlein D.E. United States National Interests in a Changing World. Lexington, 197 J-
51. Nuechterlein D.E. America Recommitted: United States National Interests in a Reconcured World. Lexington, 1991.

- '52. *Peterson E.* «Looming Collision of Capitalism?» The Washington Quarterly. Vol. 17, № 2. 1994. 53. *Ramonet I.* Lan 2000 // [http. www. mon-diplomatique.fr](http://www.mon-diplomatique.fr).
54. *Rosenau J.* The Scientific Study of Foreign Policy. N.Y., 1971.
55. *Rosenau J.* The National Interest: Normative Foundation // Review of Politics. Vol. 43. 1986. Autumn.
56. *Sachwald F.* La mondialisation comme facteur de l'integration regionale // Politique etrangere. Ete 1997. № 2.
57. *Senardens P. de.* Mondialisation, souverainete et theories de relations internationales. P., 1998.
58. *Smouts M.-C. (sous la dir. de).* Les nouvelles relations internationales. Pratiques et theories. P., 1998.
59. *Soldatos P.* Au dela et au deca des Etats-nations. P., 1997.
60. *Yarger R.H. and Barber G.F.* The U.S. Army War College Methodology for Determining Interests and Levels of Intensity. Carlisle Barraks, 1997.
61. *Wolfers A.* Discord and Collaboration. Essay of International Politics. Baltimore, 1962.

ГЛАВА 11

Международная безопасность

Проблема безопасности — одна из центральных в теории и практике международных отношений, поэтому она всегда была и остается в поле зрения ученых-международников и государственных деятелей. С нею так или иначе связан любой вопрос международной политики. Племена, народности, этнические группы, полисы, империи и государства на протяжении всей истории человечества не переставали враждовать друг с другом. Поэтому политики и мыслители издавна задумывались над тем, как избежать угроз нападения со стороны соседей, какими должны быть средства противостояния. Создавались все новые системы вооружений, разрабатывались самые разные стратегии. Одна из главных особенностей международных отношений — анархичность международной среды. Она даже с оговорками (пусть иногда очень серьезными) признается всеми исследователями и связана с нерешенностью проблемы безопасности. Пока существуют государства, безопасность не будет тотальной или абсолютной, а останется относительной и всегда будет зависеть от политической воли «государей». Конечно, международные отношения не сводятся к межгосударственным взаимодействиям, а международная политика — к внешнеполитической деятельности государства. Однако было бы ошибкой недооценивать ту роль, которую государства продолжают играть в оценке вызовов и возможностей внешнего мира, в адаптации нации к международному окружению, в сохранении ее идентичности, защите ценностей, иначе говоря, в национальной безопасности в широком смысле этого термина. Это особенно актуально в современных условиях глобализирующегося мира, когда «экономизация, информатизация и демократизация международных отношений создают беспрецедентные возможности для развития, но одновременно делают всю систему более уязвимой для терроризма, применения оружия массового поражения, возможно, информационного оружия» (Стратегия для России. 2.13.).

Что такое международная безопасность, в чем состоят достоинства и недостатки основных теоретических парадигм в ее понимании? Какое влияние оказывает на международную безопасность глобализация мирового развития? Наконец, чем отличаются современные концепции международной безопасности от традиционных? Эти вопросы рассматриваются в настоящей главе.

1. Содержание понятия «безопасность» и основные теоретические подходы к ее изучению

Понятие «безопасность» тесно связано с категорией «национальные интересы». Более того, первое является производным от второй. На-

циональная безопасность призвана прежде всего обеспечить гарантии неуязвимости основных, жизненно важных интересов — национального суверенитета, территориальной целостности государства-нации, защиты его населения, — т.е. таких интересов, ради достижения которых оно скорее согласится воевать, чем пойдет на компромисс. Иначе говоря, национальная безопасность — это стратегия, направленная на обеспечение жизненно важных интересов государства-нации. Таков классический, реалистский подход к проблеме.

Напомним, что с точки зрения теории политического реализма международные отношения существуют, говоря словами Р. Арона, «в тени войны». В отсутствие высшей руководящей инстанции, единого управления действиями государства в достижении и защите своих интересов могут рассчитывать только на собственные силы. Неореализм, как уже говорилось, идет в этом отношении несколько дальше и вводит понятие «зрелой анархии», в соответствии с которым международные институты, а также вырабатываемые ими нормы и правила поведения смягчают последствия столкновения государственных интересов и отчасти выводят международные отношения из «тени войны». Неореалисты утверждают, что национальные интересы и национальная безопасность самым непосредственным образом связаны со структурой международной системы. Однако главным средством достижения и защиты национальной безопасности и в реализме, и в неореализме признается сила (прежде всего в ее военно-политическом измерении), а главным инструментом, гарантирующим международную безопасность, — баланс сил.

Еще одна существенная особенность реалистского понимания безопасности состоит в том, что оно носит прежде всего охранительный характер: безопасность рассматривается как неугрожаемое состояние. Такое понимание безопасности оставляет в тени, порой недооценивает, а в некоторых случаях и вовсе игнорирует ее значение как совокупности мер для обеспечения неугрожаемого состояния. Как показывает Н.А. Косолапов, недооценка такого аспекта безопасности, как конкурентные способности государства-нации в борьбе за выживание и развитие, т.е. недооценка «жизнеобеспечивающего» аспекта безопасности, может привести к самым серьезным последствиям. СССР уделял преимущественное внимание развитию своего военного потенциала и внутренних спецслужб, и все же он рухнул не от того, от чего усиленно себя охранял: не от нападения внешнего врага и не от происков внутреннего, а от острого дефицита жизнеспособности системы {Косолапов. 1992}.

С позиций политического реализма главное действующее лицо национальной и международной безопасности — государство. Именно

оно является основным звеном, причиной и следствием, основным виновником (источником угроз) и надеждой в соотношении угроза — безопасность.

Холодная война (и в этом ее сходство с любой войной) способствовала расширению роли государства, усилению его значения и власти его бюрократического аппарата. Реалистская концепция лежала в основе построения структуры безопасности в противоборстве между Востоком и Западом. Это проявлялось не только в постоянном наращивании и качественном совершенствовании военной силы, но и в особом внимании к стратегии ядерного сдерживания.

Вышесказанное не следует понимать как признание абсолютного доминирования реалистской парадигмы в понимании безопасности периода холодной войны. За пределами стратегических исследований, изучающих отношения Восток — Запад, реалистские подходы уже тогда не считались полностью адекватными. Предпочтение отдавалось более широкому пониманию безопасности. Опасность возникновения ядерной войны, рост взаимозависимости, навязывающий ограничения в применении военной силы, а также этические проблемы, связанные с ситуацией заложников гарантированного взаимного уничтожения, все эти проблемы дают толчок к разработке альтернативных представлений. Такие представления, особенно к концу холодной войны, получают все более широкое распространение. Важное место в новых представлениях о безопасности занимают понятия неделимости и взаимной безопасности: безопасность рассматривается как единое целое. Снижение уровня безопасности одной стороны с этой точки зрения неминуемо вызывает снижение уровня безопасности другой.

Продолжает существовать и разрабатываться понимание безопасности на основе либерально-идеалистической парадигмы. Напомним, что одной из центральных в этой парадигме является идея о международном сотрудничестве, основанном на универсальных ценностях и общечеловеческих интересах. С этих позиций угрозу безопасности представляют те участники международных отношений, которые отказываются от сотрудничества, нарушают общепринятые моральные и правовые нормы. Центральные понятия в либерально-идеалистической парадигме — всеобщее разоружение и коллективная безопасность, главным объектом которой являются указанные универсалии, а также неотъемлемые права личности. Коллективная безопасность — единственный путь для преодоления дилеммы безопасности, который проходит через создание и укрепление международных институтов (и прежде всего через укрепление и дальнейшее развитие системы ООН), дальнейшее совершенствование международного права, соблюдение

общепринятых норм нравственности (см., например: *Clark and Sohn*. 1962).

При этом понятие «коллективная безопасность», получившее политический статус еще во времена Лиги Наций, начиная с 1970-х гг. не только привлекает внимание исследователей, но и имеет широкое хождение в политических кругах, занятых разработкой и осуществлением стратегий международной безопасности как в обеих сверхдержавах, так и в авторитетных межправительственных (ООН, СБСЕ, НАТО, ОВД и др.), а также неправительственных (например, СИПРИ) организациях, в кругах «профессионалов безопасности», как их называет французский исследователь Д. Биго.

В эти же годы рождаются и иные, близкие указанному понятию безопасности. Например, понятие «общей безопасности» (*common security*) как противоположности стратегии сдерживания. «Общая безопасность» подразумевает долгосрочные государственные обязательства, учитывающие опасения относительно своей безопасности со стороны других государств, а также совместную работу по разным направлениям для максимального увеличения степени взаимозависимости между государствами. Другое понятие — это понятие «общей и коллективной обороны». Под ним подразумевается совместная защита членов сообщества безопасности (например, НАТО и ОВД) от внешней агрессии.

Наконец, в 1970-е гг. появляются и понятия «всеобъемлющей безопасности» (*comprehensive security*) или «всеобщей безопасности» (*overall security*), которые рассматриваются как альтернатива национальной безопасности и как средство придания новой и более широкой основы сотрудничеству в условиях стабилизации международной системы. Всеобъемлющая и/или всеобщая безопасность — явления многомерные: они сосредоточиваются не только на политических и дипломатических спорах (которые зачастую приводят к конфликту), но и на таких факторах, как слабо развитая экономика, торговые противоречия, неконтролируемые перемещения населения, состояние экологии, наркобизнес, терроризм и права человека.

Однако главным и наиболее операциональным в этом комплексе остается понятие коллективной безопасности. Под нею понимается ситуация, в которой все члены определенного сообщества безопасности Сказываются от применения силы в отношениях друг с другом и соглашаются оказывать помощь любому государству-участнику который подвергся нападению со стороны иного государства данного сообщества. Основное направление теоретических поисков и политических Усилий, направленных на преодоление тупиковой ситуации, которая сложилась в результате гонки вооружений (наиболее концентрирован-

ного выражения холодной войны), было направлено на создание системы всеобъемлющей коллективной безопасности под эгидой ООН. Дальнейшие исследования показали, что создание такой системы сопряжено с серьезными трудностями. Они связаны с тем, что всеобъемлющая коллективная безопасность должна отвечать ряду трудновыполнимых условий, среди которых, резюмируя исследования данной проблемы, можно выделить пять групп: моральные, юридические, институциональные, системные и ситуационные.

Итак, в первую группу входят моральные условия. Они касаются принципов неприменения силы в возникающих между странами конфликтов и неделимости мира как состояния межгосударственных отношений, а также беспристрастности «третьей стороны» (в качестве которой может выступать отдельное государство, их группа, или международная организация) при решении спорных вопросов.

Во вторую группу включены укрепление и совершенствование деятельности ООН как всемирной организации безопасности, ее институтов, а также вооруженных сил (в достаточном количестве и хорошо экипированных), способных эффективно решать вопросы, связанные с наказанием агрессора или с разрешением кризисных ситуаций путем проведения миротворческих операций.

Третья группа объединяет юридические условия. Речь идет о реальных полномочиях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН; о выполнении всеми государствами норм и принципов Организации Объединенных Наций; об эффективности деятельности Международного суда; наконец, о неуклонном соблюдении всеми членами сообщества безопасности норм и устава ООН.

Условия четвертой группы касаются необходимости иметь благоприятную международную среду. Благоприятная международная среда подразумевает преодоление биполярности; разоружение сверхдержав, по меньшей мере частичное, но вместе с тем реальное; развитие связей экономической взаимозависимости; учет интересов негосударственных участников международных отношений. Условия должны гарантировать стабильность международной системы. Стабильность же предполагает, во-первых, наличие системы основополагающих универсальных ценностей, разделяемых всеми членами сообщества безопасности; во-вторых, консенсус по поводу правил поведения в рамках данного сообщества; в-третьих, умеренность политики любого государства по отношению к другим. А.Д. Богатуров рассматривает соотношение стабильности и безопасности следующим образом: «Если безопасность подразумевает искомое состояние государства или системы, то стабильность — тип смены их реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью. Или по-дру-

тому: безопасность воплощает отсутствие угроз для выживания, а стабильность — способность компенсировать такие угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы. Наконец, третий вариант: стабильность — это равномерно отклоняющийся тип движения¹ средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность» (Богатуров. 1997).

Наконец, пятая группа, условий, необходимых для организации всеобъемлющей системы коллективной безопасности, может быть названа ситуационной. В нее входят прежде всего разработка общепринятого определения агрессора; готовность всех членов сообщества безопасности идти на риск и жертвы ради общих интересов; наличие силы, превосходящей силу любого потенциального агрессора (Агон. 1984).

Таким образом, речь идет о необходимости решения достаточно сложных вопросов международного взаимодействия. Наиболее трудно выполнимыми являются условия четвертой и пятой групп. Но и остальные группы условий содержат в себе целый комплекс сложных проблем. Дальнейшее развитие международных событий показало, что, даже условия второй группы труднодостижимы, хотя, казалось бы, легче всего будет добиться согласия всех государств именно в вопросах суверенитета и полномочий ООН.

Не менее серьезной оказалась и концептуальная проблема создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности. Такая система призвана стать противоядием от основной тенденции всякого союза, на которую указал еще Фукидид, — от втягивания в конфликтный цикл. Однако, в сущности, коллективная безопасность представляет собой не что иное, как одну из -форм союза. Отсюда вытекает проблема, свойственная каждому союзу, — проблема прочности взаимных обязательств, взятых на себя "его членами. Коллективная безопасность достижима при частичном разоружении государств, однако последние согласны на такое разоружение, только имея гарантию эффективности коллективной безопасности. Этот порочный круг захватывает и соотношение коллективной безопасности и стабильности системы: эффективность коллективной безопасности зависит от степени всеобъемлющей стабильности, Однако сама стабильность является функцией эффективности безопасности.

Сказанное не означает, что создание всеобъемлющей системы коллективной безопасности принципиально невозможно. Тем более что отказ от движения по этому пути не несет в себе ничего перспективного. В данном случае применима формула «движение все, конечная Цель ничто». Ведь достижение даже частичных, небольших результатов, направленных на построение «безопасности для всех», улучшает

ситуацию в международных отношениях. Но следует заметить, что данная концепция страдала и другими недостатками. Назовем только два из них, имеющих принципиальное значение в современных условиях. Во-первых, основное внимание в описываемой концепции сосредоточено на военных аспектах безопасности в ущерб всем остальным аспектам, которые остаются как бы в тени. Это, конечно, можно объяснить ядерным противостоянием и опасностью всеобщего конфликта, которые угрожали гибелью всей человеческой цивилизации (или, по меньшей мере, нанесением ей невосполнимого ущерба). Однако недооценка экономической, экологической, информационной, технологической и других составляющих сказалась в дальнейшем на жизнеспособности всей концепции в целом. Второй недостаток связан с недооценкой роли транснациональных акторов, ибо в своей основе концепция всеобъемлющей системы коллективной безопасности строится на принципах государственно-центричного подхода.

Хотя, как уже говорилось, первостепенная ответственность в создании условий безопасности лежит на государстве, возникающие угрозы все более и более детерминируются структурными принуждениями транснационального характера. Поэтому проблематика безопасности все очевиднее вращается в контекст усиливающейся взаимосвязи между государственной и транснациональной сферами (см. об этом: *Senarclens*. 1998).

Указанные недостатки были подмечены теоретиками взаимозависимости. Дж. Иай и Р. Кохэн писали в 1989 г.: «Баланс между силовыми теориями и национальной безопасностью плохо приспособлен к анализу проблем экономической и экологической взаимозависимостей. Безопасность в традиционной трактовке, вероятно, не является принципиальным вопросом, с которым сталкиваются правительства» (*Keohane and Nye*. 1989).

Исследуя проблемы безопасности, Кохэн и Най пришли к выводу о том, что разницу между традиционной политикой международной безопасности и политикой экономической и экологической взаимозависимости нельзя отождествлять с разницей между играми с «нулевой суммой» (в которых одна сторона получает столько, сколько теряет другая) и играми с «ненулевой суммой» (в которых обе стороны могут либо выиграть, либо проиграть). Военная взаимозависимость может и не быть игрой с «нулевой суммой». Военные союзы активно ищут взаимозависимости для обеспечения большей безопасности для всех. Баланс сил тоже не обязательно должен быть игрой с «нулевой суммой». Если одна сторона хочет нарушить статус-кво, то ее выгода достигается за счет потерь другой стороны. Но если большинство участников (или все) хотят удержать статус-кво, они могут вместе выиграть, сохраняя

баланс сил между собой. Политическая и экологическая взаимозависимости, наоборот, предполагают конкуренцию даже в случае, если от сотрудничества ожидают большой выгоды. Существует определенная последовательность (так же как и в выделенных различиях) в традиционной политике военной безопасности и политике экономической и экологической взаимозависимости. Не следует определять взаимозависимость только терминами, взятыми из ситуации равновесной взаимной зависимости. В этом необходимо проявлять осторожность. Существует асимметрия в зависимости: менее зависимые акторы могут часто использовать взаимозависимые отношения как источник силы при решении спорного вопроса и возможность повлиять на другие решения.

Есть мнение о полной симметрии. Другой крайностью является положение о полной зависимости (иногда маскируемое определением ситуации как взаимозависимой), но это тоже редкость. Большинство ситуаций оказываются между этими двумя крайностями. Эта середина — место, где находится сердце политического управления процессом взаимозависимости и, соответственно, международной безопасностью.

Вместе с тем Кохэн и Най сосредоточивают огромное внимание на силовых факторах межгосударственных отношений. Они подчеркивают, что для разрешения различных вопросов могут понадобиться различные силовые ресурсы. А структуру международной системы они трактуют как распределение властных ресурсов между государствами, т.е. точно так же, как и неореалисты.

Косвенно это свидетельствует о том, что реалистское понимание и реалистские подходы к проблеме безопасности в большей мере, чем другие, соответствовали международному контексту холодной войны.

Реалистское понимание заслуживает, конечно, критического отношения, особенно в наши дни, когда его недостатки более очевидны, нежели в эпоху холодной войны. Однако было бы ошибкой отрицать его положительное значение для понимания не только прошлого, но и современного периода международных отношений. В период холодной войны представители практически всех парадигм и направлений в международно-политической науке исходили из понимания безопасности как способности государств к защите от внешних угроз. Главное внимание ученых, аналитиков и экспертов, занимающихся проблемами безопасности, было приковано к изучению Угроз, исследованию вопросов применения и контроля военной силы (см.: *Keohane and Nye*. 1989). Состояние мира рассматривалось прежде всего как продукт безопасности и стабильности во взаимодействиях Между государствами, а безопасность — как объект переговоров и кон-

троля, направленного на достижение качественного и количественного равновесия сил. Важное место уделялось совершенствованию и созданию новых технических средств контроля и проверки (спутники военного наблюдения, сверхчувствительные сейсмографы, многообразные инспекции...) и мерам доверия и безопасности, которые разрабатывались в рамках ООН, ОБСЕ и других межправительственных организаций. Сегодня само существование государств означает продолжение существования и межгосударственных отношений, в том числе и в их традиционном, военно-стратегическом, аспекте. Сохраняют свое значение традиционные стратегические факторы и подходы.¹ Глобализация существенно снизила их удельный вес в общей структуре проблем безопасности, они претерпевают серьезные качественные изменения.

Однако полностью отрицать их роль пока нельзя. Как показывают эксперты СВОП, «старые параметры мощи и влияния работают на отставшей периферии новой постиндустриальной цивилизации. Сохраняют они свое значение и в «центре» этой цивилизации — во многом из-за инерционности мышления и институтов, оставшихся от старой системы. Их весьма часто поддерживают полуискусственно. Ослабление России создает соблазн использовать эту слабость с помощью традиционных методов экспансии и тем самым подпитывает геостратегическое мышление. Расширение НАТО было бы бессмысленно, если бы Россия развивалась хоть сколько-нибудь динамично» (Стратегия для России. 2000. 5.2).

В наши дни еще рано списывать в архив известные и проверенные временем идеи стратегических исследований, касающиеся безопасности. Например, известный неореалист С. Уолт выступил в конце 1980-х гг. с теорией баланса угроз, которая, по мысли автора, должна была бы дополнить широко известную (и категорично отвергаемую сегодня представителями либерально-идеалистической парадигмы) теорию баланса сил. По причинам, о которых будет сказано ниже, теория баланса угроз не имела широкого резонанса в западной литературе и была мало известна у нас в стране. Поэтому ее стоит рассмотреть более подробно.

Как уже было отмечено, теория баланса угроз была призвана развить, усовершенствовать и дополнить теорию баланса сил. Последняя, как известно, показывает, каким будет поведение государств в том случае, когда одно или коалиция нескольких из них достигнут мощи, значительно превосходящей мощь остальных. Дисбаланс сил появляется, если в системе одно государство или коалиция обладают значительно большей силой, чем другое сильнейшее государство или коалиция этой системы. В ответ на подобную ситуацию остальные государства систе-

мы начинают наращивать свою собственную силу и/или заключают друг с другом союз, направленный против усилившегося государства (коалиции), т.е. стремятся уравновесить возросшую силу одного совокупной силой коалиции. Другими словами, они реагируют прежде всего на силу (которая включает военные и экономические возможности, природные ресурсы, население). В отличие от этого, теория баланса угроз показывает, как государства реагируют в ситуации отсутствия баланса угроз, т.е. в ситуации, когда одно государство или коалиция становятся особенно опасными. В этом случае, согласно теории баланса угроз, государства формируют союзы или увеличивают свои внутренние усилия с целью уменьшить свою уязвимость. «Это тонкое, но важное различие, — считает автор. — Теория баланса угроз улучшает теорию баланса сил с помощью предоставления большей объяснительной силы одинаково скучным положениям. Используя теорию баланса угроз, мы можем понять те события, которые нельзя объяснить, сосредоточивая внимание только на распределении совместных возможностей» (*Walt. 1987. P. 28*). Например, теория баланса угроз помогает объяснить, почему государства на Среднем Востоке формируют союзы прежде всего для того, чтобы противостоять угрозам своих соседей, а не в ответ на изменение глобального баланса сил. А поступают они подобным образом потому, что их соседи представляются им более опасными, чем любая сверхдержава, хотя бы в силу географической близости (там же). Наконец, теория баланса угроз может также объяснить выбор потенциальных союзников государства в той ситуации, когда они приблизительно равны по силе. В этом случае государство заключает союз с наименее, в его представлении, опасной стороной.

Например, сразу после Второй мировой войны США были гораздо могущественнее СССР. Если следовать логике теории баланса сил, то многие государства предпочли бы союзу с Соединенными Штатами коалицию с Советским Союзом. Однако этого не произошло.¹ И объяснение данного факта, с точки зрения С. Уолта, следует искать в том, что хотя США представлялись более могущественными, но СССР — более опасным.

С позиций теории баланса угроз одно из государств (или коалиция государств) угрожает другим в случае его географической близости, его наступательной способности и агрессивности его намерений. При этом важное значение играют не столько декларации и даже не реальные намерения государств или их союзов, воспринимаемые другими государствами или союзами как угрожающие их интересам, сколько *восприятие* их действий в качестве таковых.

С. Уолт доказывает свою теорию на примере СССР. Во-первых, СССР воспринимался как значительная угроза большинством грани-

чащих с ним стран потому, что он являлся самой большой и могущественной страной на евразийском континенте. Во-вторых, советская военная доктрина делала акцент на преимуществе и ценности наступления, что отчасти объяснялось невыгодным географическим положением СССР. Однако, каков бы ни был ее мотив, такая позиция только усиливала изоляцию СССР, ибо воспринималась другими странами как угрожающая. Она также способствовала росту сплоченности союза против СССР. Наконец, известные попытки Сталина и Хрущева запугать Запад воспринимались последним как осознанная агрессивность намерений, несущая в себе угрозу. Результатом стала сплоченная стратегия Запада, направленная на изоляцию и сдерживание СССР со всеми известными последствиями.

Оставим в стороне некоторую односторонность в интерпретации С. Уолтом политики СССР и Запада. Попробуем использовать его теорию применительно к ситуации расширения НАТО на восток, т.е. его географического приближения к границам Российской Федерации. Трудно отрицать (особенно с учетом натовской операции в Косово), что складывающаяся ситуация полностью подпадает под характеристику нарушения баланса угроз. Налицо не только географическая близость, но и наступательная способность Североатлантического союза. Что касается агрессивности его намерений, то каковы бы ни были мотивы расширения, их трудно воспринимать как миролюбивые по отношению к России, особенно с учетом новой стратегии НАТО, принятой на юбилейном саммите членов этой организации в апреле 1999 г. в Вашингтоне. Согласно этой стратегии, Североатлантический союз наделяет себя правом на «гуманитарное вмешательство» за пределами зоны своей ответственности и без санкции ООН. Если же к трем аспектам складывающегося дисбаланса угроз добавить уже существующий после развала СССР дисбаланс сил, то трудно отрицать обоснованность тревог российского политического класса по поводу расширения НАТО и то, что новая доктрина этой организации, «весьма вероятно, станет дестабилизирующим фактором международных отношений (будет провоцировать интенсификацию гонки вооружений во многих регионах)» (Стратегия для России. 2000. 2:1.2).

Конечно, использование идей и положений реалистской парадигмы должно отражать изменившиеся реалии. Идеи и положения реализма должны быть тщательно проинвентаризированы и обновлены с учетом новых процессов и явлений в сфере международных отношений. Но это не означает, что могут быть отброшены идеи и положения, разработанные в рамках либеральной парадигмы, например, идеи концепции коллективной безопасности или взаимозависимости, которые также требуют непредвзятого анализа и использования с учетом особенное-

тей современного этапа международных отношений. Иными словами, необходим комплексный подход к анализу проблем международной безопасности. В отечественной науке подобный подход, разрабатывавшийся в работах А. Г. Арбатова, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, С.А. Караганова, А.В. Картунова, М.И. Кривохижи, В.Л. Ларина, Е.М. Примакова, С.М. Рогова, А.М. Салмина, Т.А. Шаклеиной и др., способствовал получению не только интересных теоретически, но и политически значимых результатов (см., например: Внешняя политика и безопасность России. 1999; Стратегия для России. 2000). Естественно, отечественные ученые-международники, так же как и их зарубежные коллеги, обращают все более пристальное внимание и на вопросы, связанные с возникновением новых вызовов международной безопасности.

2. Изменение среды безопасности и новые глобальные угрозы

В условиях распада жесткой биполярной структуры, определявшей степень и характер участия акторов не только в «высокой» (касающейся вопросов безопасности, войны и мира), но и в «низкой» политике (охватывающей вопросы культурных обменов, научных и профессиональных контактов...), вторжение новых действующих лиц в обе эти сферы приобрело поистине обвалный характер¹. Это касается традиционных международных акторов — государств и межгосударственных институтов, и в еще большей мере новых участников, таких, как субнациональные структуры, транснациональные корпорации, неправительственные организации, различного рода ассоциации, устойчивые группы (вплоть до мафиозных структур) и выдающиеся личности. Но, пожалуй, еще более впечатляющими являются те изменения, которые вносит сегодня в характер и состояние международных отношений участие в них различного рода временных объединений и «неорганизованных» частных лиц. Как уже было показано в главе 8, такое

¹ Речь идет как о появлении на политической карте мира (после распада СССР и Югославии, раздела Чехословакии, а также в результате обретения независимости Науру, Тонга и Кирибати) «национальных» акторов, т.е. новых независимых наций-государств, так и об интенсификации международных контактов и об усилении роли в мировой политике *субиациональных* (провинций, штатов, республик, земель и других субъектов федеративных государств), *транснациональных* (предприятий и фирм, банков и корпораций, организованных групп и т.п.), *наднациональных* (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР) и *межнациональных* (НАТО) акторов.

участие становится источником абсолютной случайности в сфере международных отношений и влечет за собой переход от ситуации риска свойственной периоду «холодной войны», к ситуации сомнения и связанному с ней парадоксу участия (*Allan. 1994. P. 65*).

Процессы взаимозависимости стирают грань между внутренними и внешними, между государственными и общественными интересами. Внутренняя и внешняя политика становятся тесно связанными. Соответственно происходят изменения и в сфере безопасности. Как подчеркивается в Хартии Европейской безопасности, принятой в Стамбуле в ноябре 1999 г., «стало все более очевидным, что угрозы нашей безопасности могут быть следствием конфликтов как между государствами, так и внутри государств» (Хартия Европейской безопасности. 1999). Учитывать национальные интересы становится все труднее. Традиционные максимы международной политики, которые используются государствами в их национальных интересах или те, с помощью которых они пытаются увеличить свою силу, становятся сомнительными.

С другой стороны, свою неприиспособленность к новым реалиям обнаружили фактически все международные институты безопасности — ООН, ОБСЕ, НАТО (последняя была создана в целях противостояния СССР, и с его распадом утратила противника, а следовательно, и первоначальный основной смысл своего существования).

Относительно ООН следует сказать следующее. Дело не в том, что она была создана с целью предотвращения новой мировой войны и внезапного нападения одного государства или группы государств на другое, а сегодня столкнулась с ситуацией, в которой «в настоящий момент нет опасности мировой войны или даже большой войны между государствами» (*Ротфельд. 1997. С. 38*). Дело также не в том, что право вето стало главным препятствием для принятия решений, которые способны быстро и эффективно помочь выйти из кризисной ситуации или предотвратить угрозу нетрадиционного характера (см. там же). Обоснованность этих двух моментов вызывает определенные сомнения. В первом случае сомнения вызваны, например, принятием Конгрессом США решения о разворачивании новой системы ПРО (в отсутствие угрозы войны это выглядит совершенно бессмысленным). А во втором сомнения возникают относительно того, что решение о военной операции в Косово (принятое без мандата ООН именно с целью избежать вето со стороны РФ и Китая) позволило радикально улучшить ситуацию в Косово (см., например: *Ramses 2000. P. 347*).

Право вето, действительно, далеко не идеальный инструмент для выработки и принятия согласованных решений. Но до тех пор пока в системе ООН не удастся выработать более совершенного механизма сдержек и противовесов, именно право вето выполняет эту роль в У^с

явиях, когда большинство в составе постоянных членов СБ принадлежит западным странам и именно у них есть возможность оказывать давление на страны, избираемые в него лишь на двухлетний срок¹. Возможно, что как раз использование данного инструмента будет стимулировать интенсивные поиски легитимных путей разрешения Косовской проблемы.

Несоответствие ООН новым требованиям в области безопасности связано с другим обстоятельством, а именно с противоречием между провозглашаемыми в Уставе ООН правом наций на самоопределение и ценностью неотъемлемых прав человека, с одной стороны, и незыблемостью принципа государственного суверенитета, сохранения целостности государств и нерушимости государственных границ — с другой. То же можно сказать и о «Хельсинкском декалоге». Провозглашенные в нем принципы суверенитета, нерушимости границ, территориальной целостности государств и невмешательства во внутренние дела вступают в конфликт с такими принципами, также отраженными в декалоге, как уважение прав человека и основных свобод, равноправие и право народов на самоопределение. Что же касается НАТО, то, во-первых, несмотря на проведенные реформы, создание и начало осуществления новых программ (ПРМ, ССАС и т.п.) и стремительное расширение на восток, Альянс продолжает испытывать проблемы, связанные со все еще не найденной новой самоидентификацией. Во-вторых, окончание холодной войны и исчезновение советской угрозы вывели на первый план различие интересов США и их европейских союзников и обострили проблему доверия между ними. Кроме того, судьба и жизненный опыт нового поколения американской и европейской элиты, сменяющего у власти старое поколение, уже не связаны с прежней преданностью идеям Атлантического сообщества. Усиление Европейского союза усложняет связи с Соединенными Штатами. Отмечая эти обстоятельства, С. Уолт не исключает того, что «со временем американцы, возможно, будут рассматривать такую Европейскую супердержаву, как своего главного глобального соперника» (Walt. 1998/99). Подчеркивая, что альянсы, рожденные в дни войны, Редко переживают разгром врага и что в этом смысле НАТО уже является аномалией, Уолт заключает: «Вместо бессмысленной раздачи гарантий в каждой потенциальной «горячей точке», вместо того, чтобы основывать нашу внешнюю политику на презумпции постоянного

В данной связи ситуацию не решит и механическое расширение состава СБ за счет Германии и Японии: при отмене права вето западные страны просто получают большие фактически ничем неограниченные возможности проводить через СБ ООН любое нужное им решение и игнорировать мнение других стран-членов.

партнерства, для Соединенных Штатов и Европы пришло время медленного и постепенного процесса разъединения. Этот процесс неизбежен, и мудрость управления государством заключается в умении предвидеть и использовать ход истории, а не ввязываться в бесполезные попытки его остановить» (там же. Р. 10). Подобные мысли возникают и в Европе. Вот что пишет французский исследователь А. Жокс: «Американский антитэтатизм и европейский антиимпериализм объединялись против СССР; но евро-американский союз оказался почти лишенным общих политических принципов после падения Советского Союза. Европейские страны целиком поглощены созданием чего-то вроде супергосударства, ЕС, который для американцев имел смысл только в антисоветской борьбе» (*Joxe*. 1997. Р. 335).

Возможно, данные выводы слишком категоричны. Вместе с тем вряд ли можно отрицать, что в них обозначены действительные проблемы, с которыми сталкивается сегодня Атлантический альянс. Кроме того, несмотря на постоянные утверждения о том, что НАТО не только и, не столько военная, сколько политическая организация, целью которой является предупреждение и разрешение кризисов, остается фактом то, что она слабо приспособлена для участия в спасательных и гуманитарных операциях в случае стихийных бедствий и природных катастроф и не проявляет заинтересованности в таком участии.

Между тем большая часть современных вызовов и угроз международной безопасности требует для своего решения новых, прежде всего невоенных подходов¹. Это относится не только к решению экономических проблем и проблемы деградации окружающей среды, но и к совместному поиску правового разрешения противоречия между стремлением к самоуправлению и групповой самоидентификации и сохранением целостности государств, между ростом сепаратизма и нерушимостью границ, между стремлением субнациональных групп и регионов к суверенитету и суверенитетом нации-государства, частью которого они являются. В этом отношении нельзя не согласиться с

¹ Подчеркнем еще раз: данное положение не означает, что угрозы межгосударственных вооруженных конфликтов исчезли или настолько ослабли, что их не стоит принимать во внимание (об этом свидетельствуют, в частности, вооруженные конфликты между Индией и Пакистаном, Арменией и Азербайджаном). В данном контексте было бы ошибкой не видеть, что НАТО играет положительную роль сдерживания и предупреждения подобных конфликтов в рамках Альянса и вынуждает страны, которые хотят к нему присоединиться, искать мирные и политические способы разрешения имеющихся между ними споров. Точно так же противостояние таким угрозам, отмеченным в принятой в ноябре 1999 г. в Стамбуле Хартии Европейской безопасности, как международный терроризм, экстремизм с применением насилия, организованная преступность и оборот наркотиков, не исключают, а в ряде случаев, напротив, предполагают проведение военных и полицейских операций.

выводом о том, что «война создает больше проблем, чем она может решить. Спорный триумф НАТО в Косово создает больше проблем, чем решает их» (см об этом: *Цыганков*. 2000).

Сегодня основные вызовы безопасности связаны с глобальным кризисом систем общественной и политической организации и идеологических устоев. Обобщая выводы, касающиеся данной проблемы и содержащиеся в отечественной и зарубежной литературе, можно выделить четыре группы вызовов.

Вызовы, относящиеся к первой группе, касаются меняющегося места государства в составе акторов международных отношений. Особую тревогу вызывают некомпетентность и неэффективность государств во взаимодействии с новыми акторами. Как мы уже видели, в условиях глобализации всюду наблюдается снижение значимости роли государства. Но особенно это относится к государствам, применительно к которым французский социолог Б. Бади использовал термин «импортированные государства» (*Badie*. 1995). Примеры таких государств — Заир, Афганистан, Сомали, Бурунди... Б. Бади доказывает, что государство — это исторический продукт социокультурного развития. Оно должно формироваться постепенно и органично. Насажение европейских по своему происхождению государственных институтов на иную культурную почву не приносит быстрых положительных плодов. А, например, Р. Каплан пишет: «Не будем забывать, что государство — чисто западное понятие, которое до двадцатого века относилось к странам, покрывающим только три процента земной суши. Не существует достаточно убедительных свидетельств того, что государство как идеал правления может привиться в регионах, находящихся за пределами индустриального мира. Даже Соединенные Штаты Америки, по словам одного из лучших ныне живущих поэтов Генри Снайдера, состоят из произвольных и неточных конструкций, наложенных на объективно существующие реальности» (*Kaplan*. 1994. Р. 68). Функции государства связаны с накоплением общественного богатства путем создания эффективной экономической системы; с действием созданию в обществе единства интересов, ситуации компромисса и согласия, личной ответственности за всеобщее благо. Только монополии на насилие сегодня уже недостаточно, к тому же ее значительно труднее обеспечить.

Ситуация обостряется и вследствие роста антигосударственных тенденций. Воздействие СМИ ведет к разрыву между ожиданиями граждан и возможностями государств. Сегодня возможности масс-медиа выходят далеко за рамки государственных границ. Предлагая людям своего рода новый «опиум для народа», нечто вроде «лучшего Из миров», новейшие и все более соблазнительные развлечения, част-

ные и транснациональные электронные СМИ объективно, а иногда и целенаправленно отвлекают людей от негативных последствий глобализации, от национальных гражданских задач, противопоставляя «подавляющее воздействие государства на личность» «освободительным» процессам «планетарной культуры», разрушая лояльность людей по отношению к «своему» государству (см. об этом: *Ramonet*. 1999).

Дестабилизирующее влияние на государство оказывают трансграничные переливы краткосрочных капиталов, действия международных финансовых спекулянтов. Теневая экономика подрывает хозяйственную деятельность государства как на внутриобщественном, так и на международном уровне (преступники договариваются быстрее и эффективнее, чем государственные деятели, а договариваются они против государства). Все чаще наблюдается симбиоз преступных групп с государственными структурами, в которые эти группы проникают. Возникают взаимопереплетающиеся структуры, которые, подобно государству, осуществляют социальный контроль, распределение благ и так же, как государство (а по сути, за его счет), требуют лояльности к себе. География таких структур редко совпадает с государственными границами. Это сопровождается распространением финансовых преступлений среди транснациональных деловых кругов, работников крупнейших банков с ежегодным оборотом, превышающим суммы в тысячу млрд долларов, т.е. больше, чем национальный доход стран, представляющих треть человечества (*Ramonet*. 2000).

Формируются архаические общности на основе племенной, этнической, религиозной идентификации. Это несет в себе угрозы сепаратизма, этнического и религиозного экстремизма. Нередко такие общности сращиваются с терроризмом, используют террористические способы достижения евчэих целей. С этим связана угроза локальных войн и выхода вооруженных конфликтов на региональный уровень.

Вторая группа вызовов международной безопасности связана с нарастанием экономического разрыва и социальной разобщенности между странами, народами и социальными группами. Завоевание транснациональными компаниями все новых рынков сопровождается разрушениями целых отраслей промышленности во всех регионах мира с такими социальными последствиями, как безработица, неполная занятость, которые охватывают сегодня около 1 млрд человек. Большинство из них проживают в беднейших странах мира. В 1960 г. 20% самых богатых людей мира обладали доходом, который превышал доход 20% самых бедных в 30 раз. Сегодня эта цифра увеличилась до 82. Из 6 млрд населения мира только 500 млн людей живут в достатке, в то время как остальные 5,5 млрд испытывают потребности в самом необ-

ходимом (см. там же). «Золотой миллиард», в свете этих цифр, выглядит преувеличенным ровно вдвое.

Реальным становится риск вытеснения беднейших стран на обочину мирового развития. Возрастают тенденции миграции из бедных в более богатые государства. Последние стремятся отгородиться от мигрантов из бедных стран ужесточением погранично-визового контроля.

Если в прошлом недовольство людей своим бедственным положением и несправедливостью в распределении богатства сдерживалось религией, незнанием того, как хорошо живет другим, и надеждами на лучшее будущее, то в наше время ситуация меняется коренным образом. Как пишет Р. Питере, сегодня обитатели трущоб Логоса хотят жить так же, как миллионеры и знаменитости, а надежд на благополучие (даже для будущих поколений) становится все меньше. В развитых странах Запада это размежевание привело к существованию архипелагов неблагополучия в море благополучия. В остальном мире имеются лишь крохотные островки благополучия в бушующем океане неблагополучия. Накапливающееся в результате этого недовольство и раздражение обращается на ближайшие объекты — другие племена, кланы, этносы, на неэффективные государственные структуры (см.: *Peters. 1995/96*). Расширяется почва для организованной преступности и политического насилия.

Третья группа глобальных вызовов международной безопасности является следствием научно-технологической революции. Открытия в области генетики создают беспрецедентные возможности манипулирования жизнью и сознанием людей.

Расширение круга пользователей глобальной сетью Интернет, которая становится основным каналом распространения информации, знаний, идей и товаров, способствует, тому, что сознание людей все более выходит из-под влияния национальных политических и государственных институтов (Стратегия для России. 2.7). Одновременно рождаются и новые формы зависимости: компьютерный вирус, созданный, предположительно, филиппинским студентом, нанес финансовый ущерб государственным и частным компаниям мира на сумму около Ю млрд долларов.

Новые средства связи, транспорта, коммуникаций усиливают опасность навязывания глобализации на основе американо- и западноцентристских моделей без учета культурной специфики и конкретных экономических условий разных стран. Это влечет за собой кризис самосознания, разжигание потребительских appetites, которые невозможно удовлетворить.

Наконец, четвертая группа глобальных вызовов международной безопасности связана с дефицитом ресурсов в условиях перенаселения

планеты. Перетекание избыточного населения в города ведет к росту урбанизации, разрушению традиционных устоев и структур. Невозможность трудоустройства — к накоплению «взрывчатого материала». Неудовлетворенность масс людей своим положением — к применению насилия.

В целом изменения в среде безопасности характеризуются ростом невоенных угроз и трансформацией структуры безопасности. При относительном снижении веса и уменьшении значения военного и оборонительного компонентов происходит нарастание угроз жизнеобеспечению системы как на уровне государств, так и в глобальном масштабе. Безопасность в традиционной трактовке во многом утратила то принципиальное значение, которое она имела ранее для правительств.

В такой обстановке со все большей очевидностью стала проявляться недостаточность имеющегося в международно-политической науке теоретического багажа. Возникла необходимость в новых концептуальных построениях, которые позволили бы не только рационально осмыслить меняющиеся реалии, но и могли бы выполнять роль операциональных инструментов влияния на них в целях снижения рисков и неуверенности, с которыми столкнулись международные акторы. Попыткой ответа на эту потребность становится пересмотр прежних и разработка новых концепций безопасности.

3. Новые концепции безопасности

Как уже говорилось выше, исследовательский арсенал, связанный с — осмыслением проблем безопасности и выработкой теоретических основ для практических решений в данной области, оказался не приспособленным к новым, послехолодновоенным реалиям. Возникла острая необходимость его пересмотра и выработки новых, более эффективных концептуальных средств, способных преодолеть этот недостаток. По мнению ряда экспертов и профессионалов в области безопасности, такую роль могли бы сыграть концепции кооперативной и человеческой безопасности, первые упоминания о которых в специальной литературе относятся уже к началу 1990-х гг. Кроме того, все больше внимания привлекает теория демократического мира.

Подчеркнем, что в основе всех этих концепций лежат положения либерально-идеалистической парадигмы (в обеих ее разновидностях — и канонической, и неолиберальной). Доминирование неолиберализма проявляется, таким образом, не только в сферах экономики и политики современного глобализирующегося мира. В международных

отношениях (и в практике, и в теории) неолиберализм также стремится взять реванш над политическим реализмом, который длительное время оказывал определяющее влияние на формирование подходов науки.

Рассмотрим содержание названных концепций более подробно.

Концепция кооперативной безопасности

Будучи основанной на постулатах либерально-идеалистической парадигмы, данная концепция имеет несколько разновидностей. Наиболее распространенными являются две из них. Одна апеллирует к международным институтам и правовым нормам и, соответственно, относится, по терминологии М. Уайта, к «гроцианской» (или «рационалистской») традиции. Другая настаивает на универсальности моральных норм и соблюдении прав личности как основном критерии безопасности и тем самым соответствует «кантианской» (или «революционарист-ской») традиции. Различия между ними настолько велики, что, по существу, речь идет о двух разных концепциях. Поскольку в первой из них уделяется значительное внимание необходимости создания самого широкого сообщества безопасности, в котором могли бы принять участие все заинтересованные страны, то эта разновидность рассматриваемой концепции иногда называется еще «партиципативной безопасностью». Во второй версии сообщество безопасности фактически ограничено достаточно узким кругом его членов.

«Гроцианская» концепция кооперативной безопасности

Можно без преувеличения сказать, что у истоков разработки данной концепции с конца 1980-х гг. стояли ученые из Брукингского университета США, сообщество которых нередко называют «брукингской группой». Приведем основные элементы содержания кооперативной безопасности, отстаиваемой этими учеными.

«Кооперативная безопасность», — пишут они, — это механизм сдерживания агрессии через создание встречных угроз и нанесение поражения тому, от кого она исходит» (*Carter et alii.* 1992. Р. 7). Меры, направленные на достижение кооперативной безопасности, должны формироваться скорее на основе согласия, чем навязываться силой, а сама система кооперативной безопасности должна исходить из таких предпосылок, которые могли бы восприниматься широкой общественностью как легитимные. Такие меры должны быть также инклюзивными в том смысле, что все страны имеют право на присоединение к ним.

Эти страны должны, в свою очередь, соответствовать духу кооперативной безопасности и участвовать в установлении ее правил.

Авторы особо подчеркивают, что кооперативная безопасность не должна принимать форму отдельного всеобъемлющего политического режима или соглашения по контролю вооружений. Так же она не должна стремиться к созданию международного правительства. Кооперативная безопасность, в понимании «брукингской группы», не претендует на то, чтобы уничтожить все вооружения, предотвратить все формы насилия или гармонизировать все политические ценности. В фокусе ее интересов — предотвращение накопления средств для серьезной, преднамеренной, организованной агрессии. «Сосредоточиваясь на сокращении организованных военных приготовлений, кооперативная безопасность сама по себе не адресуется непосредственно к субгосударственному насилию, которое является главным источником хронических конфликтов и человеческой нищеты в мире. Но кооперативная безопасность дает международному сообществу основу — действительно необходимую основу — для организации ответов на гражданское насилие» (там же. Р. 11). Далее авторы перечисляют основные компоненты кооперативного порядка. Это такие компоненты, как опыт ядерного устрашения, и кооперативная денуклеаризация; оборонительная конфигурация обычных сил; согласованный международный ответ на агрессию; снижение военных инвестиций и распространение ОМП; транспарентность всех мер.

Отмечая, что понятие «кооперативной» или «партиципативной безопасности» получает все более широкое распространение, французский международник Д. Коляр видит ее суть в том, что «...идя сверху, она делает акцент на предупреждении конфликтов, на разумной достаточности, на стабильности и мерах транспарентности, доверия и контроля» (Colard. 1998. Р. 197). В рамках данной концепции термин «сообщество безопасности» включает в себя всеобъемлющую систему коллективной безопасности (содержание которой было описано выше) и сопровождается правилами поведения, вырабатываемыми в процессе переговоров (см., например, кодекс военно-политического поведения, одобренный Будапештским саммитом в декабре 1994 г.), а также «нормативной основой» (представленной, в частности, Заключительным Актом СБСЕ 1975 г., Парижской Хартией для новой Европы 1990 г. и др.).

Близкие взгляды высказывает австралийский исследователь Д. Дьюитт (Dewitt. 1994). Опираясь на инициативы, выдвинутые в сентябре 1990 г. на собрании ГА ООН представителем Канады Дж. Кларком, Д. Дьюитт считает главным для системы кооперативной безопасности наличие трех элементов: во-первых, направленность не

на устрашение агрессора, а на создание твердых гарантий предупреждения агрессии; во-вторых, альтернативность политике союзов или, как крайний случай, сосуществование наряду с ними и, в-третьих, продвижение в области не только военной, но и невоенной безопасности. Важно отметить, что в представлении автора система кооперативной безопасности должна охватывать не только государственных, но и негосударственных, транснациональных акторов. Не нуждаясь в специальных формальных институтах или механизмах, она и не исключает возможности их создания, если этого хотят ее участники. Наконец, формирование системы кооперативной безопасности предполагает, что участвующие в ней государства «обязательно должны уделять внимание улучшению своей внутренней ситуации» (там же. Р. 8).

По утверждению Д. Коляра, «совокупность мер, предлагаемых данной концепцией, может вылиться в подлинный режим безопасности», главной миссией которого должна стать диагностика потенциальных кризисов и подготовка превентивной дипломатии, а также необходимых публичных или гуманитарных действий (*Colard. 1998. Р. 197*). Он считает также, что реорганизация системы безопасности на Старом континенте должна руководствоваться новыми подходами, с тем чтобы избежать впадения в некое подобие иного варианта холодной войны, включающего систему блоков, равновесие террора, сферы влияния и т.п. Путь к созданию подобной системы был открыт процессом СБСЕ еще в 1975 г. (там же. Р. 198).

«Кантианская» концепция кооперативной безопасности

С такой позицией, однако, не согласны сторонники другого, «кантианского», варианта кооперативной безопасности. Их объединяет общее мнение о неэффективности ООН и основанное на нем убеждение в необходимости действовать в условиях изменившейся среды безопасности не на основе имеющихся международных норм и принципов, а исходя из защиты гуманитарных ценностей и идеалов. Во-вторых, сторонники данной концепции обосновывают право стран — членов системы кооперативной безопасности на «гуманитарное вмешательство», а по сути — на применение военной силы за пределами этой системы. Наконец, в-третьих, если опустить нюансы, главным инструментом достижения безопасности они считают НАТО¹.

Наиболее радикальная версия вышеназванного варианта кооперативной безопасности дана Ричардом Коэном. Он представляет коопе-

ративную безопасность в виде синтеза коллективной безопасности, коллективной обороны и нового подхода, связанного с сотрудничеством в решении конфликтов нового поколения (см.: Козн. 1999). Коллективная безопасность направлена вовнутрь организации суверенных государств с целью их защиты от агрессии со стороны друг друга, а коллективная оборона «в своем стремлении защитить своих членов от внешней агрессии смотрит далеко за рамки своей организационной структуры». Что же касается кооперативной безопасности, то, соединяя-себе элементы двух первых типов, она включает в себя еще один, который состоит в активном содействии и проецировании стабильности в те прилегающие к «пространству кооперативной безопасности» зоны, которые могут негативно влиять на безопасность всей организации или ее членов.

Далее автор приводит описание системы кооперативной безопасности. Оно состоит из шести элементов. Три первые касаются вопросов, призванных приблизить концепцию к решению сугубо прагматических вопросов, сделать данное описание не только, и даже не столько концептуальным инструментом для дальнейшего исследования вопросов безопасности, сколько своего рода инструкцией, или даже уставом, которым следует руководствоваться при решении конкретных проблем. Три последние элемента, по сути, повторяют то, что было сказано о соотношении коллективной безопасности, коллективной обороны и кооперативной безопасности. Завершается описание системы кооперативной безопасности утверждением о том, что единственной в мире, ее рабочей моделью является НАТО.

Автор в самом начале своего труда заявляет, что кооперативная безопасность «указывает на отход от узконаправленных стратегий «холодной войны», которые были нацелены лишь на достижение одной значимой победы, и на переход к широким и светлым перспективам мира и гармонии». Но при этом трудно отделаться от впечатления, что речь идет о безопасности для узкого круга избранных государств, которые ради сохранения (или продвижения?) своих общих интересов не остановятся перед применением силы по отношению к странам — нечленам данной системы. Во всяком случае права человека здесь упоминаются только один раз, да и то в контексте операции НАТО в Косово, которая, по мнению автора, «представляет собой наиболее амбициозную попытку проецирования стабильности и утверждения прав человека на территории, не входящей в систему кооперативной безопасности НАТО».

Таким образом, оставаясь в рамках либерализма, позиция Р. Козна вплотную примыкает к реализму. Однако он заимствует совсем не лучшие черты последнего. Р. Козн игнорирует такие требования к между-

народной политике, которые для реализма считаются обязательными: умеренность и осторожность, необходимость принимать в расчет последствия политических решений и действий, максимально учитывать законные интересы других акторов и т.п.

Концепция человеческой безопасности

Она очень близка «кантианской» концепции кооперативной безопасности. По мнению одного из ее приверженцев, канадского министра иностранных дел Ллойда Эксуорти, безопасность индивидов имеет в настоящее время тенденцию к снижению, особенно по причине растущего числа внутренних конфликтов (см.: *Axworthy*. 1999. Р. 333). Новые гражданские конфликты и массовые нарушения прав человека, рост насильственных преступлений, распространение наркотиков, терроризма, болезней и деградация окружающей среды требуют новых стратегий в области безопасности. Ее исходным пунктом должно стать опровержение гипотезы, согласно которой безопасность индивидов вытекает из безопасности государств. Автор предлагает шесть составляющих такой стратегии (там же. Р. 339—341).

Во-первых, когда обстоятельства это оправдывают, необходимо энергично вмешиваться, чтобы защитить цели человеческой безопасности. Человеческая безопасность может включать использование принудительных мер, включая санкции и военные вмешательства, как в Боснии или Косово.

Во-вторых, существенно важно оценить совершенно определенным образом человеческие издержки стратегий, которые имеют целью продвинуть безопасность государства и международную безопасность.

В-третьих, политика безопасности должна быть гораздо более тесно интегрирована в стратегию поддержки прав личности, демократии и развития.

В-четвертых, принимая во внимание сложный характер современных вызовов, поставленных безопасности индивидов, инициативы в этой области должны быть обращены ко всей гамме акторов, включая государства, многосторонние организации и группы гражданского общества. Поскольку проблемы, угрожающие безопасности личностей, имеют транснациональную природу, то только многостороннее сотрудничество позволяет найти эффективные решения.

В-пятых, эффективность решений будет зависеть от усиления операциональной координации. Например, успешные операции по под-
Держанию мира включают множество измерений и основываются на тесной координации усилий разных акторов, включая политических

переговорщиков, «голубые каски», наблюдателей за правами личности и ответственных за гуманитарную помощь.

В-шестых, возрастающую роль в продвижении человеческой безопасности играют НПО — организации гражданского общества, — которые во многих случаях были в высшей степени эффективными партнерами в защите безопасности индивидов.

Разумеется, Л. Эксуорти во многом прав. Справедливость идеи человеческой безопасности и благородство целей защиты прав индивида не может вызывать никаких сомнений. В то же время есть два момента, которые вызывают вопросы. Первый из них связан с категоричностью, с которой безопасность индивида противопоставляется безопасности государства. Автор сам опровергает этот свой тезис, когда пишет, что феномен насилия непосредственно связан с эрозией авторитета государства (там же. Р. 334). Что касается второго вопроса, то он, как и в случае с кооперативной безопасностью, касается правового статуса и последствий вооруженного вмешательства во внутренние конфликты.

Теория демократического мира

Рассмотренные выше взгляды на кооперативную безопасность в ее кантианской версии во многом исходят из презумпции, получившей широкое хождение в литературе, согласно которой чем более демократичны государства, тем меньше вероятность того, что они будут воевать друг с другом (о теории демократического мира см.: *Кулагин*. 2000).

Гипотеза «демократического мира» в чем-то очень напоминает теорию, имевшую хождение в СССР, согласно которой социалистические государства, будучи миролюбивыми и гуманными по их глубинной сущности, не склонны к войне вообще (за исключением оборонительных войн против империалистического агрессора) и исключают войны друг против друга. Методологически сходными являются и доказательства. Во многом они сводятся к тому, что, если демократические страны были замечены в войне или в вооруженном противостоянии друг с другом, это значит, что они обе еще не вполне демократические (например, Греция и Турция), или же не совсем демократическая одна из них (Аргентина в конфликте с Великобританией за Фолклендские острова), или же речь идет не о войне, так как войной считается вооруженный конфликт между государствами, в котором гибнет не менее 1 тыс. человек. Вооруженное вмешательство США (например, Гренада, 1968) или же группы стран НАТО (Югославия, 1999) во внутренние дела других государств объясняется необходимостью восстановления

демократии. Как тут не вспомнить похожие аргументы по поводу вооруженных конфликтов между странами социализма, например между Китаем и Вьетнамом в 1970-е гг.: по официальной версии и исходя из комментариев советской публицистики, конфликт стал возможен потому, что обе участвовавшие в нем страны еще не достигли уровня развитого социализма. В свою очередь, вторжение советских войск в Венгрию в 1956 г. или в Чехословакию в 1968 г. обосновывалось необходимостью спасения социализма.

По сути, обе гипотезы — и «социалистического мира», и «демократического мира» — имеют известные основания в том, что Р. Арон называл одними из структурных измерений международной системы. С точки зрения Арона, гомогенные системы (системы с высокой степенью однородности с точки зрения политических режимов входящих в них государств, типа экономики, разделяемых ими идеологических взглядов, культуры и т.п.) являются более стабильными и менее чреваты вооруженными конфликтами, нежели гетерогенные. И действительно, по мере роста гомогенности, например, Западного мира в целом и Западной Европы в частности, конфликты между соответствующими странами становились все более редкими. Сегодня трудно представить себе вооруженный конфликт между такими странами, как Франция, Германия, Великобритания, Испания и Португалия и т.п., нередко сталкивавшихся друг с другом на протяжении истории. И все же делать на этой основе широкие теоретические обобщения вряд ли возможно. Как пишет П. Аснер, «можно без колебаний говорить об упадке межгосударственных войн между развитыми странами». Однако, продолжает он, «признание этой явной тенденции должно сопровождаться бдительностью, с тем чтобы не поддаться двум искушениям: генерализации указанной тенденции, ее экстраполяции на всю планету или же на все формы насилия, и объяснению на основе одного-единственного фактора, в качестве которого выступала бы демократия» (*Hassner*. 2000. Р. 383). Один из выводов первооткрывателя в области науки о мирных отношениях Льюиса Ричардсона также заключался в том, что невозможно охарактеризовать государства по их сущности как воинственные или миролюбивые (см. об этом: *Rassett & Starr*. 1981).

Однако, это не помешало Джеймсу Ли Рэй заявить о том, что, «поразительная простота гипотезы демократического мира и равным образом впечатляюще простые доказательства в ее поддержку в значительной степени объясняют проявляемое к ней внимание» (*Ray*. 1997. Р. 51).

В свою очередь, Б. Рассет и Х. Старр отмечают необоснованность утверждений о большем миролюбии какой-либо конкретной формы организации общества, экономики или правительства. Они показыва-

ют, что различные исследования ситуации, характерной как для XX в так и для XVIII и XIX вв., не установили причинно-следственной связи между тем, насколько часто участвует государство в международных войнах, и, например, наличием демократического или авторитарного политического строя, рыночной или социалистической экономики (*Rassett & Starr*. 1981). Куинси Райт, один из крупнейших специалистов в области исследований войн и вооруженных конфликтов утверждал^Едва ли можно ссылаться на статистику, чтобы показать что демократии бывали реже вовлечены в войны, чем автократии. Франция была почти такой же воинственной, и когда она была республикой, и когда она была монархией или империей. Великобритания занимает видное место в списке воинственных стран, хотя она по форме своего правления в течение наиболее длительного времени приближалась к демократии... Более убедительную статистическую взаимосвязь можно установить, сравнивая тенденцию к демократии в периоды всеобщего мира и отхода от демократии в периоды всеобщей войны. Эта взаимосвязь может, однако, доказать, скорее, что мир порождает демократию, чем то, что демократия порождает мир» (*Wright*. 1965. P. 841). Последнее замечание особенно важно, поскольку, теория демократического мира предполагает, что достижение мира требует всемерного распространения демократии.

Так, например, Р.Дж. Руммель утверждает: «Нам следует осилить нищету, расширить взаимопонимание, насадить общечеловеческие ценности, способствовать переменам, децентрализовать правительство, заострить внимание на стремлении меньшинства к самоопределению, институализировать разрешение конфликта и пр., и пр.» (*Rummel*. 1997. P. 1).

Однако зададимся вопросом, как могут способствовать становлению безопасного, а тем более кооперативного мира действия, направленные на децентрализацию правительств суверенных государств. Могут ли они относиться, например, к Франции — стране, гораздо более централизованной, чем Соединенные Штаты? Или к Китаю, где централизация и однопартийность являются принципами государственного управления? Представим себе, что США «заостряют внимание» на стремлении квебекских националистов к отделению от Канады... Вполне очевидно, что имеются в виду другие страны, в одном случае менее дружественные, а в другом и менее мощные: например страны СНГ. Эти страны, каждая из которых имеет, конечно, свои особенности, переживают трудный период/перехода от тоталитаризма к демократии. Многие раздираются серьезными внутренними конфлик" тами, а в некоторых (например, Россия, Таджикистан, несколько ранее — Грузия, Молдова) такие конфликты принимают характер во-

оружейных столкновений. Повсюду обострены национальные чувства, повсюду есть недовольство этнических меньшинств. Иначе говоря, во всех этих странах переход к демократии сопровождается дестабилизацией всей системы политических и общественных отношений. Вмешательства извне с целью поспешного «насаждения общечеловеческих ценностей» вряд ли помогут изменить ситуацию к лучшему. В России, например, элементы подобного вмешательства способствовали консолидации националистических сил в политическом классе страны и антизападных настроений среди населения, замедлению движения к рыночным отношениям и либеральной демократии, которое вначале затормозилось, а затем подверглось серьезной корректировке.

Таким образом, даже если вывод о демократическом мире действительно верен (хотя его теоретические основания и эмпирические коннотации все еще нуждаются в дальнейшем исследовании), опыт стран, находящихся в стадии перехода к демократии, говорит о том, что такой переход чреват конфликтами. «Следовательно, — пишут Дж. Снайдер и С. Ван Эвера, — американская политика распространения демократии фактически может скорее способствовать распространению вооруженных конфликтов в мире, нежели наоборот. ...Вместо бездумного распространения демократии в глобальном масштабе Соединенным Штатам следует определять условия, при которых мирный переход к демократии наиболее осуществим, и содействовать обеспечению таких условий в демократизирующихся государствах» {*Snyder, Van Evera*. 1998. P. 52).

В рассматриваемом контексте неизбежно возникают и вопросы, связанные с юридическими аспектами подобного вмешательства и «проецирования стабильности и утверждения прав человека на территории, не входящей в систему кооперативной безопасности». Рассмотрению этих и других вопросов правового регулирования международных отношений посвящена следующая глава.

ЛИТЕРАТУРА

- Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М., 1997.
Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия. Т. 1, 2. М., 1999.
Косолапов Н.А. Национальная безопасность в меняющемся мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 1992. № 10.
Концепция национальной безопасности Российской Федерации // www.ng.ru 14 января 2000 г.
Коэи Р. Кооперативная безопасность. Структурная схема для лучшего будущего? // *Терроризм и антитеррористическая деятельность*. Ч. 1. Колледж по изучению вопросов безопасности и международных отношений. Гармиш-Партенкирхен, 1999.

6. Кулагин ВМ. Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития // Полис. 2000. № 1.
7. Михалка М. Концепции кооперативной безопасности // Вести. Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2000. Л1> 3.
8. Ротфельд А. Д. Международная безопасность: формирующаяся повестка дня // Вооружения, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ. 1997.
9. Стратегия для России: повестка дня для президента — 2000: Глава 2. Российская внешняя политика перед вызовами XXI века // [http://www. book_2000.ru](http://www.book_2000.ru)
10. Хартия Европейской безопасности // [http://www. ng.ru/world/1999-11-23/6_har-tia.html](http://www.ng.ru/world/1999-11-23/6_har-tia.html)
11. Цыганков ПА. Безопасность: кооперативная или корпоративная? // Политические исследования. 2000. № 3.
12. Allan P. La complexité, le hasard et l'individu dans la theorie politique internationale. Michel Girard (dir.) Les individus dans la politique internationale. P., 1994.
13. Axworthy L. La securite humaine: la securite des individus dans un monde en mutation // Politique etrangere. № 2. Ete 1999.
14. Badie B. L'Etat importe. Essai sur l'occidentalisation de l'ordic politique. P., 1995.
15. Carter A., Peny W. and Steinbruner J. A New Concept of Cooperative Security. The Brookling Institution, Washington, 1992.
16. ColardD. La societe internationale apres la Guerre froide. P., 1998.
17. Dewitt D. 'Common, Comprehensive and Cooperative Security' // The Pacific Review. 7:1. (1994).
18. Joxe A. Representation des alliances dans Is nouvelle strategic americaine // Politique etrangere. № 2. Ete 1997.
19. Kaplan R. The Coming Anarchy // The Atlantic Monthly. Vol. 273, № 2. 1994. February.
20. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. 1989.
21. Peters R. The culture of Future Conflict // Parametres. Winter 1995/96.
22. Ramonetl. Can 2000// [http.www. monde-diplomatique](http://www.monde-diplomatique). Dec. 1999.
23. Ramses 2000. L'entree dans le XXI-e sciecle. Sous la direction de Thierry de Montbrial et Pierre Jacquet. Dunod, 1999.
24. Rummel R. Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence. New Brunswick; L., 1997.
25. Ray J. L. The Democratic Path to Peace //Journal of Democracy. 1997. April.
26. Senardens P. de. Mondialisation, souveraincte et theories de relations Internationales. P., 1998.
27. Smouts M.-C. (sous la dir. de). Les nouveiles relations internationales. Pratiques et theories. P., 1998.
28. Snyder J., Van Evera S. Democracy and War. Educational program. Seminar XXI: Foreign Politics, International Relations, and National Interest. Massachuscts Institute of Technology. Center for International Studies. 1998.
29. WaltS.M. The Origins of Alliances. Cornell University, Ithaca, 1987, 1990.
30. Walt S.M. The Ties That Fray. Why Europe and America are Drifing Apart // The National Interest. № 110. Winter 1998/99.
31. Wright Q. A Study of War. Chicago, 1965.

ГЛАВА 12

Проблема правового регулирования международных отношений

Как свидетельствует история, различные социальные общности, взаимодействующие друг с другом на международной арене, всегда были заинтересованы в том, чтобы экономические и культурные обмены между государствами и гражданами, политические и социальные процессы, выходящие за рамки межгосударственных границ, сотрудничество, конфликты и даже войны происходили в соответствии с определенными правилами, регулирующими меру допустимого в данной области. Особую важность проблема регулирования международных отношений приобретает в наши дни. Это связано с ростом взаимозависимости современного мира и процессами глобализации, с обострением вызовов человеческой цивилизации в экологии и демографии, экономике и политике, с распространением средств массового уничтожения и новыми угрозами международной безопасности.

Основными социальными регуляторами общественных отношений, которые были выработаны человечеством в ходе его исторического развития, стали правовые и моральные нормы. В сфере международных отношений они имеют существенные особенности и отличия, характеризуются сложностью и вызывают неоднозначные трактовки и интерпретации в науке. С одной стороны, исследователи справедливо отмечают общее возрастание уровня правового сознания в мире, усиление роли этических факторов в процессе создания, функционирования и развития международного права (*Спасский*. 1991. С. 20; *Дмитриева*. 1991. С. 10; *Захаров*. 1994); с другой — у них не меньше оснований считать, что как международная мораль, так и международное право не так уж прочно укрепили свое влияние на характер взаимодействия государств и народов, а потому не могут рассматриваться в качестве эффективных регуляторов такого взаимодействия (*Кориунов*. 1988. С. 193-194; *Поздняков*. 1989).

Неоднозначность в оценке регулирующей роли права и морали в международных отношениях не означает, что эту роль вовсе не стоит принимать во внимание и что во внешней политике государства действуют в полном соответствии с учением Н. Макиавелли, согласно которому «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпала причина, побудившая его дать обещание» (*Макиавелли*. 1990. С. 52). Неоднозначность лишь подчеркивает, что опасно упрощать подход к пониманию нравственного и правового аспектов международных отношений, их противоречивой социальной природы и исторического характера. Она говорит о несовершенстве и относительности роли международной морали и международного права и о том, что раз мир не знает других средств регулирования международных взаимодействий, то от их участников требуется постоянное внимание к моральным и правовым принципам и нормам.

В настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные с регулятивной ролью международного права в истории международных отношений и на современном этапе

их эволюции; описываются его основные принципы; анализируются проблемы нрав человека и международного гуманитарного права, а также концепция гуманитарного вмешательства; наконец, выявляются особенности взаимодействия права и морали в международных отношениях.

1. Исторические формы и особенности регулятивной роли международного права

Первым источником, питавшим науку о международном праве, стала война, поэтому в первых трудах, специально посвященных международно-правовым вопросам, появившихся еще в XIV в. (хотя отдельные упоминания данной темы встречаются гораздо раньше), обсуждалось главным образом *jus ad helium* — право на ведение войны, а также обстоятельства, при которых она могла считаться справедливой (см.: *Нахлик*. 1993. С. 8). Современное международное право — продукт длительного исторического развития, на разных этапах которого оно принимало различные формы (*Boutoul*. 1970. Р. 11 — 12).

На первой стадии своей эволюции международное право существовало в *теологической* форме. В Ассирии, Египте, Дагемее, Перу, государстве ацтеков применение международного права и права войны было уделом жрецов. Именно они освящали церемонии и ритуалы начала и окончания войн. Даже в тех случаях, когда правитель не принадлежал к числу религиозных иерархов, он был заинтересован в том, чтобы хотя бы отчасти именно его воспринимали в этом качестве. И Цезарь, и Август, сосредоточив в своих руках крупнейшие государственные посты, стремились предстать одновременно и как верховные главнокомандующие, и как великие жрецы.

Определенные пережитки теологической концепции международного права можно встретить и сегодня: например, в обычаях кровной мести, «священной войны» (джихад), праве священной мести (вспомним «дело» Салмана Рушди) и т.п.

В средние века концепция международного права приобретает *метафизическую* форму. Международное право конструируется на основе таких понятий и принципов, как абсолютное и незыблемое понятие суверенитета, право на завоевания, принцип первого оккупанта, династический принцип. Суверенность сводится в конечном счете к праву на объявление войны любому государству и праву (даже обязанности) ответить на любой вызов извне. Межгосударственная граница понимается как та линия, с которой можно отправиться на завоевание своего соседа или с которой он сам нападает на вас. Международное право и сегодня постоянно воспроизводит понятия суверенной власти, лиг и

союзов, свободы навигации и т.п. Одним словом, эти понятия практически не изменились со времен Фукидида и Полибия. «Наши мирные договоры, соглашения об арбитраже, пакты о ненападении не более изобретательны, чем во времена Пелопоннесской войны. Единственное новое понятие, добавленное метафизическим правом к своему теологическому наследию, это принцип *национальности* (хотя его знали уже греки, отличавшие эллинов от варваров). Его генезис связан, вероятно, с реакцией на династическую политику» (там же. Р. 12).

Еще одна историческая форма международного права, роль которой так же велика и неоднозначна, представлена *антропоморфным* международным правом. По всей видимости, в ней находит отражение принцип абсолютизма, в соответствии с которым средневековое право делало из политического суверенитета родовое благо, переходящее по наследству из поколения в поколение, а войны между государствами представляли как ссоры между суверенами или споры династий. В наши дни периодически возрождаются проекты международных договоров, законов и судов, которые являются в некотором смысле воспроизведением антропоморфных канонов. Таковы, например, попытки запретить войны путем своего рода полицейской регламентации, некоторые современные проекты арбитража, которые, не внося по сути ничего нового, фактически воспроизводят частное право или даже феодальное право, напоминая в чем-то придворные суды удельных князей.

Истории международных отношений известна и такая форма их правового регулирования, как *имперское право*. Оно находило свое применение всякий раз, когда какая-либо могущественная держава стремилась единолично определять нормы поведения в международных отношениях. При этом чаще всего она пыталась навязать другим странам соглашения и правила, которые сама выполнять не соби-
 ралась. Например, из описания Фукидида видно, что даже демократическая Древняя Греция не избежала соблазна применения имперского права: стремясь обеспечить стабильность своего окружения, Афины диктуют осажденному Мелосу правила поведения, обеспечивающие управление этим островом по законам, которые кардинально расходятся с нормами греческой демократии. Подобным образом на протяжении XVIII и XIX вв. вела себя Британская империя, «над которой никогда не заходило солнце». Сегодня, как считают некоторые исследователи, на то, чтобы определять нормы международной жизни, претендуют США, обладающие беспрецедентной военной, экономической и политической мощью (см. об этом: *Bennis*. 1999).

Одной из первых попыток демократизации международных отношений стала доктрина так называемого *естественного права*, которое может считаться прообразом современного международного права.

Элементы естественно-правовой доктрины можно найти у древнегреческих софистов и стоиков, в учении Аристотеля, в сочинениях средневековых теологов Фомы Аквинского и Августина, в трактатах канонистов эпохи Возрождения (Ф. де Витория и Ф. Суарес), в работах первых протестантских юристов и родоначальников современного международного права (Г. Гроций), в философии эпохи Просвещения. При всем различии социально-исторических основ идей естественного права в них есть общее ядро. Как писал Г. Гроций, «мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем... Однако к естественному праву присоединяется также польза, ибо по воле Создателя природы мы, люди, в отдельности на самом деле беспомощны и нуждаемся во многих вещах для благоустроенного образа жизни... Но подобно тому как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности таких сообществ. Это и есть то право, которое мы называем правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права» (*Гроций*. 1956. С. 48).

Таким образом, основатели современного международного права усматривали в естественном праве как средство, которое позволяет подчинить политическую жизнь неким сознательным правилам, сделать государственную власть ответственной за свои действия, так и источник права народов. Однако при всей привлекательности отдельных положений концепции естественного права следует видеть и то, что ей свойственна тенденция сведения многообразия правовых основ жизнедеятельности (в том числе и в сфере международных отношений) всех государств и народов во все времена к единым рациональным основам, вытекающим из самой природы или божественного промысла. В действительности же желание составить некий «вечный кодекс естественного права» представляет собой попытку перенести на все человечество нравы и обычаи, свойственные европейской цивилизации, что является фактическим игнорированием существования плюрализма цивилизаций как во времени, так и в пространстве.

В политической практике опасность абсолютизации естественного права связана с вытекающей из него возможностью морального релятивизма. Поскольку сама природа не остается неизменной, порождая новые обстоятельства, то, следуя логике естественного права, изменение ситуации влечет за собой необходимость изменения критериев моральной и правовой оценки. Отсюда в марксизме, например, право

фактически подменяется политической целесообразностью, в экзистенциализме — стремлением к свободе и т.п.

В то же время не менее верным остается и то, на чем настаивал еще Г. Гроций: без права нет справедливости, и только через право лежит путь к действительной выгоде государств в их взаимодействии друг с другом (там же. С. 49—50).

Недостатки и противоречия, присущие концепции естественного права, находят свое отражение и в современном международном праве.

2. Особенности современного международного права и его основные принципы

Современное международное право определяется юристами как «особая система прав, функционирующая в международной системе» (Курс международного права. 1989. С. 9), как «государственно-волевое явление; система юридических норм, регулирующих определенные общественные отношения», с указанием на ее обеспечение государственным принуждением в необходимых случаях {Тункин. 1983. С. 26). Важно также уточнение, что «международное право есть совокупность прежде всего общепризнанных норм» (Блищенко, Солнцева. 1991. С. 106). Существенной особенностью современного международного права является его тесная связь с зародившимся в Европе внутригосударственным правом, основанном на принципе суверенитета. В государстве, призванном защищать своих граждан от индивидуальных и групповых нарушений их безопасности, существует потребность установления и поддержания социального порядка. Эта потребность привела к выработке объективных правил, содержащих четкие указания на то, какие поступки членам общества разрешены, а какие запрещены, что им можно делать, а что нельзя. Параллельно вырабатывались столь же объективные процедуры применения этих правил. Государство длительное время оставалось единственным «мотором» этого механизма, поскольку оно имело монополию на осуществление принуждения в качестве неотъемлемого свойства суверенитета, дававшего ему исключительность компетенций на своей территории. Это не значит, что все Нормы непременно исходили от государств. В недрах общества также Рождались некоторые обычаи. Кроме того, источником правовых норм выступали соглашения и обязательства, принятые между людьми. Но именно государство было гарантом действенности и возможности применения всех правил независимо от источника их происхождения. Именно государство фиксировало иерархию правил посредством

«юридического порядка». Если государственная власть была авторитарной, этот порядок подлежал критике. Но при этом не переставал оставаться порядком (подробнее об этом см. *Chemillier-Gendreau*. 1999).

И сегодня основными субъектами международного права являются прежде всего существующие государства, государства в стадии становления, МПО, некоторые государствоводооные образования (вольные города, Ватикан и др.) (*Тункин*. 1983. С. 27). Вместе с тем в последние годы состав субъектов международного права расширяется, и в него сегодня вводят уже не только ряд НПО, транснациональных образований, но/и отдельные граждане. Это является одним из важных проявлений демократизации современных международных отношений.

Действительно, 80-е гг. XX в. ознаменовались широким распространением либеральной демократии в мире, которое продолжается и сегодня. В эти годы произошло падение военных режимов в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Чили) и Азии. (Филиппины), начались демократические преобразования в Южной Корее, Тайване, демократические выборы прошли в ряде африканских стран к югу от Сахары (Мали, Буркина-Фасо и др.). Бурные перемены в Восточной и Центральной Европе — начиная с «перестройки» и падения Берлинской стены, обретения странами бывшего «советского блока» возможности самостоятельно выбирать свою судьбу и кончая достижением бывшими республиками СССР независимости — также вписываются в эту общую тенденцию. В то же время именно в Восточной и Центральной Европе, вероятно, наиболее выпукло проявляются противоречия как самой идеи либеральной демократии, так и международного права, которое издавна является ее неотъемлемым спутником.

В соответствии с либеральной идеей между демократическими государствами, использующими для разрешения возникающих между ними разногласий и споров прежде всего политические средства (переговоры, посредничество, международный арбитраж и т.п.), практически немыслимы вооруженные конфликты, а тем более войны. Для вышеуказанных государств характерны осуждение ксенофобии, соблюдение прав человека и национальных меньшинств на своей территории, отсутствие притязаний на территории соседних государств и т.п. Чего нельзя сказать о «молодых демократиях» на пространстве бывшего СССР, в том числе и о государствах, присоединившихся к Европейской конвенции по правам человека, международным правовым обязательствам и встречающих благожелательную поддержку со стороны Запада. Например, дискриминационные законы в отношении национальных меньшинств (Эстония, Латвия), нарушения прав человека остаются практически без каких-либо серьезных международно-правовых последствий. Все это питает сомнения в действенности норм

международного права, в возможности правового решения проблем, возникающих в отношениях между независимыми государствами, дает аргументы сторонникам «символического» значения права для функционирования международных отношений.

По мере того как зарождалась и становилась все более тесной связь права и демократии, отраженная термином «правовое государство», государство утрачивало свою исключительную роль в установлении и поддержании юридического порядка. Подчиняясь заранее установленным правилам или высшим принципам (разделение властей, основополагающие конституционные нормы или международные договоры), государство соглашается на ограничение своей власти. Это необходимое условие демократии. Вместе с тем оно недостаточно, так как демократия не сводится к институциональным механизмам, а представляет собой постоянный, непрерывающийся поиск процедур привлечения всех граждан к выработке механизмов принятия решений и участию в них.

Другой стороной указанного феномена стало добровольное делегирование государствами части своих компетенций межправительственным организациям — процесс, который получает ускорение после 1945 г. Даже право вести войну было передано ООН через механизм коллективной безопасности. Регулирование торговых отношений перешло под контроль ВТО; уровень государственного дефицита стран зависит от МВФ, а для некоторых из них — от ЕС (см.: *Montbrial*. 2000). Все это вносит изменения в содержание традиционного суверенитета государства.

Наиболее сильные экономические акторы серьезно теснят государства в сфере осуществления тех функций, которые препятствуют финансовым и коммерческим интересам этих новых игроков международной сцены. Характерный пример этого — Многосторонний договор по инвестициям (AMI), разработанный в рамках ОЭСР. Как показывает руководитель НПО «Public Citizen Global Watch» Лори М. Уэлэк (*Wallach*. 1998), AMI фундаментально отличается от других международных договоров тем, что в нем за международными предприятиями и инвесторами резервируются права, а за правительствами — обязанности. Механизмы AMI предоставляют каждому иностранному предприятию или инвестору право оспорить почти любую политику или деятельность государства (например, существующие в нем фискальные меры в области окружающей среды, трудовое законодательство или правила защиты потребителя) как представляющие потенциальную угрозу для прибылей. AMI трансформирует властные отношения в современном мире, подчиняя директивам мультинационалий Множество тех функций, которые в настоящее время осуществляются

государствами, включая применение международных договоров. Что касается применения положений, то АМІ дает частным предприятиям и инвесторам те же права и тот же статус, что и национальным правительствам, в частности, право преследовать государства в судах по своему выбору. Примером стали действия швейцарской фирмы NOGA в 2000 г. в отношении российского правительства: арест счетов посольства РФ во Франции, задержание российского парусника «Седов» в Гавре. Фактически подобные действия транснациональных фирм являются нарушением международного права, маскируемым под юридические нормы. Передавая свои разногласия с государством в арбитраж, они обнаруживают склонность не столько к строгому применению международного права, сколько к заключению сделки (см. там же).

Специалисты подчеркивают, что в экономической и финансовой сферах международное право оказывается особенно малоэффективным, а безнаказанность просто вызывающа. Преступления в них не подлежат никакому международному суду, а национальные суды не терпят ограничений своих действий. Что касается сферы международной торговли, то создание ВТО как органа, регламентирующего возникающие здесь споры, было расценено как позитивный шаг вперед, продвижение по пути правового регулирования взаимодействий государственных и негосударственных субъектов. Однако на деле это продвижение можно отнести только к тем сделкам, которые не затрагивают США. Соединенные Штаты, сохраняя соответствующий раздел (*super 301*) своего внутреннего законодательства, касающегося международной торговли (*Trade Act*), оставляют за собой свободу прибегать к односторонним санкциям в тех случаях, когда, с -их точки зрения, имеется угроза их национальным интересам. Этот пример красноречиво показывает преждевременность вывода о господстве права в современных международных отношениях. Господство международного права может иметь место только в случае всеобщего характера существующих норм, отсутствия каких-либо исключений (*Chemillier-Gendreau*. 1999).

Приведенный выше пример свидетельствует и о том, что процесс трансформации содержания государственного суверенитета более сложный, чем его трактуют. Вопреки широко распространенным утверждениям, что этот процесс — просто «подрыв», «утрата» прежнего содержания, он не является таковым, а тем более он не ведет к «постепенному исчезновению» государственного суверенитета. Во-первых, само по себе делегирование некоторых традиционных внутренних функций государства в компетенцию международных организаций является не отрицанием суверенитета, а проявлением одного из важнейших его принципов — принципа суверенного равенства (подробнее об

этом см.: *Орджоникидзе*. 2000). Во-вторых, процесс трансформации содержания государственного суверенитета проходит при активном участии государств, которые видят в нем возможность интегрироваться в общемировые экономические процессы и тем самым сохранить и продвинуть свои национальные интересы в условиях глобализации. В-третьих, «подрыв суверенитета» касается прежде всего так называемых слабых государств и в конечном счете представляет собой новое проявление борьбы государственных интересов на международной арене в условиях появления на ней новых мощных экономических и финансовых акторов — транснациональных корпораций, фирм, банков и т.п. В-четвертых, «размывание суверенитета» не доходит до отмены репрессивных возможностей государства.

Сила и слабость международных организаций и, соответственно, эффективность международного права, его власть над государствами в решающей степени зависят от самих государств, главным образом, — от великих держав. Так, уже в июне 1945 г. в рамках ООН была основана международная судебная власть — Международный суд с местопребыванием в Гааге. Его функции состоят, во-первых, в разрешении в соответствии с международным правом юридических споров, переданных на его рассмотрение государствами, и, во-вторых, вынесение консультативных заключений по юридическим вопросам, переданных ему уполномоченными на то международными органами и учреждениями. Однако его компетенция остается достаточно ограниченной. Во-первых, она касается только юридических споров между государствами и исключает из этих споров граждан, народы без государств, МПО и НПО. А во-вторых, она относится только к тем-государствам, которые официально признали авторитет Международного суда в урегулировании споров, которые могут возникнуть между ними. Между тем до настоящего времени из 188 стран — членов ООН только 58 принимают его компетенцию. Из постоянных членов Совета Безопасности его признает только Великобритания. При этом государства, признавшие компетенции Международного суда, сопровождали свое признание многочисленными ограничительными условиями. Поэтому международная судебная власть находится на эмбриональной стадии: именно недостаток компетенции помешал Международному суду принять к рассмотрению обращение Югославии в 1999 г., требовавшей принятия срочных мер по прекращению бомбардировок НАТО, которые велись в нарушение норм международного права. Рассматривая эту проблему, М. Шемийе-Жандро ставит риторический вопрос: какой суд возьмется преследовать, например, израильское руководство за Распространение израильских поселений в Иордании, которое запрещено четвертой Женевской конвенцией? Ведь 49-я статья этой Кон-

веиции гласит: «Оккупационная держава не может осуществлять депортацию или размещение части своего собственного гражданского населения на оккупируемой ею территории». И какой суд способен привлечь к ответственности руководство Атлантического союза за ущерб, причиненный гражданским лицам в Югославии натовскими бомбардировками? (*Chemillier-Gendreau*. 1999). Ответ очевиден: в отсутствие воли великих держав международное право не может быть эффективным и в полной мере отвечать своему предназначению. Положение осложняется и коллизией между основными принципами международного права, их несбалансированностью.

Основные принципы международного права

Под *основными принципами* международного права понимаются его наиболее широкие и важные нормы, в которых выражается его главное содержание и характерные черты и которые обладают высшей, императивной юридической силой (Курс международного права. 1989. Т. 2. С. 5). Основные принципы современного международного права закреплены в ряде документов наиболее авторитетных международных организаций и форумов, в частности, в Уставе ООН, в Декларации о принципах международного права 1970 г., в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. (поэтому их называют иногда «Хельсинкским декалогом»). Как правило, в международных актах речь идет о следующих десяти принципах: суверенном равенстве государств; неприменении силы и угрозы силой; нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирном урегулировании споров; невмешательстве во внутренние дела; уважении прав человека и основных свобод; равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничестве между государствами; добросовестном выполнении обязательств по международному праву (см.: там же. С. 19). Их функции состоят, в закреплении и охране устоев системы международных отношений, содействии ее нормальной жизнедеятельности и развитию, а также в обеспечении приоритета оошечеловеческих интересов и ценностей — мира и безопасности, жизни и здоровья, международного сотрудничества и т.п.

Основные принципы международного права носят исторический характер, т.е. в них закрепляются основные права и обязанности государств применительно к потребностям существующего этана и состояния международных отношений. Их значение и роль в регулировании международных отношений нельзя абсолютизировать: как показывает практика, эти принципы нередко игнорируются, оставаясь, по существу,

ву, благими пожеланиями. Вместе с тем было бы ошибкой отрицать «побое влияние принципов на характер межгосударственного взаимодействия».

Несмотря на многочисленность, легко заметить, что содержание принципов пересекается, они так или иначе перекликаются друг с другом. Поэтому в системе основных принципов международного права могут быть выделены три группы: 1) принципы, формулирующие положения о равенстве субъектов международных отношений; 2) принципы, настаивающие на их независимости; 3) принципы, направленные на мирное урегулирование межгосударственных противоречий.

В *первую группу* входят нормы, в которых отражается одна из наиболее древних и фундаментальных идей, касающихся международно-правового регулирования взаимодействия государств. В Уставе ООН она формулируется следующим образом: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов» (ст. 2, § 1). Этот принцип проявляется в положениях о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничестве между государствами; добровольном выполнении обязательств по международному праву. Он получает дальнейшее развитие также в принципах иммунитета, взаимности и недискриминации {*Martin*. 1982. Р. 107—111). Согласно первому из перечисленных выше положений, государство не может быть подчинено законодательству другого государства (иммунитет юрисдикции); его представители обладают правом неприкосновенности на территории другого государства (дипломатический иммунитет). Второе положение нацеливает субъектов международного права на прагматическое поведение: речь идет о равенстве обязательств в конкретных областях взаимодействия, например в торговле, культурных обменах и т.п. Наконец, в третьем положении речь идет о так называемом негативном обязательстве, когда права или выгоды, признаваемые за одним субъектом международного права, должны быть гарантированы и другому.

Вторая группа включает такие принципы, как невмешательство; Иерушность границ; территориальная целостность. Являясь предметом особой озабоченности и постоянных напоминаний, они в то же ^вРемя не менее часто нарушаются, чем принципы первой группы. Это ^в полной мере может быть отнесено и к принципам *третьей группы* (Нецр_{именение} силы или угрозы силой; мирное урегулирование спо-Р^ов; соблюдение прав человека).

Одним из основополагающих принципов международного права является принцип соблюдения прав человека и основных свобод, совершенно очевидно превращающийся в последние десятилетия (Все-^оЩая декларация прав человека была принята в 1948 г.) в самостоя-

тельную тему, оказывающую возрастающее влияние на международные отношения. Именно в силу этой причины данная тема длительное время оставалась одной из наиболее заидеологизированных, использовалась как орудие конфронтации между «Западом» и «Востоком». В то же время она и сегодня служит достаточно красноречивой иллюстрацией, демонстрирующей противоречия и двусмысленности, свойственные международному праву в целом.

3. Право прав человека и международное гуманитарное право

Это два вида международного права в последние годы заметно сближаются друг с другом. Основой такого сближения является то, что в обоих случаях речь идет о защите фундаментальных, естественных прав людей — праве на нормальные условия существования, на сохранение здоровья, на саму жизнь. В то же время между ними существуют и различия.

Право прав человека

Если сравнить современные возможности защиты индивидуальных и групповых прав на международном уровне с ситуацией, господствовавшей в этой сфере еще в начале XX в., то нельзя не констатировать несомненный прогресс. Устав Организации Объединенных Наций обращается к вопросу прав и свобод человека в преамбуле и в ст. 1, 13, 55, 62, 68, 76. В декабре 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает *Всеобщую декларацию прав человека*, а с 1954 г. — ряд международных пактов, касающихся прав человека. В Резолюции 2200 (XXI) от 16 декабря 1966 г. Ассамблея приняла *Международный пакт*, относящийся к экономическим, социальным и культурным правам, а также *Международный пакт и Факультативный протокол*, касающиеся гражданских и политических прав. Государства, подписавшие и ратифицировавшие Протокол, признают правомочность Комитета по правам человека принимать к рассмотрению жалобы частных лиц на нарушение их прав, зафиксированных в Пакте. При этом Всеобщая декларация прав человека обращается «ко всем членам человеческой семьи», призывая их действовать в отношении друг друга в духе справедливости и братства. А вышеуказанные пакты (в отличие от Декларации) являются обязательными к исполнению каждым государством В 1968 г. на 23-й сессии Генеральной Ассамблеи была принята Резо-

люция 2437 (XXIII), учредившая пост *Верховного Комиссара Объединенных Наций по правам человека*.

Институализация защиты прав человека происходит и на уровне региональных межправительственных организаций. Так, 4 ноября 1950 г. в Риме группой государств, входящих в Совет Европы, была принята *Европейская конвенция по правам человека*. В ноябре 1969 г. была подписана *Межамериканская конвенция по правам человека*. В соответствии с ней были созданы Межамериканская Комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека. В 1981 г. в Банги (Гамбия) принимается *Африканская хартия прав человека и народов*, в соответствии с которой учреждается Африканская Комиссия по правам человека и народов. Наконец, в рамках ЮНЕСКО в 1981 г. была провозглашена *Исламская Всеобщая декларация прав человека*.

Таким образом, права человека все более заметно превращаются в самостоятельную тему, оказывающую все возрастающее влияние на международные отношения. В ней, с одной стороны, отражается вполне реальная тенденция интернационализации прав человека, подчеркиваемая юристами, а с другой — тенденция гуманизации международного права, его поворота к общегуманистическим и демократическим принципам (Бекназар-Юзбашев. 1996. С. 4).

. В послевоенные годы своего рода лабораторией, в которой вырабатываются и апробируются юридические нормы, касающиеся защиты прав и свобод человека, стала Западная Европа. В рамках созданного в 1949 г. Совета Европы была принята (4 ноября 1950 г.) Европейская конвенция по правам человека. Это — система, позволяющая конкретным индивидам вносить соответствующие жалобы и ходатайства через органы того или иного государства, а гражданам стран, подписавших протокол Конвенции, — обращаться непосредственно в Комиссию по правам человека. Комиссия, состоящая из независимых лиц, оценивает обоснованность таких обращений, после чего передает их в Европейский суд по правам человека, который в 1972 г. принял 63 решения в этой области, в 1982 г. — уже 146 (Курс международного права. Т. 2. С. 453). Таким образом, конкретное лицо, любой человек соответствующей страны становится самостоятельным субъектом международного права. В центр всей системы ценностей выдвигается человеческая личность. Однако появляются и противоречия.

Вернемся, например, к принятым в 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН пактам об экономических, социальных, культурных, а также Ражданских и политических правах. К ним присоединились менее половины членов ООН и только 20 из них ратифицировали Протокол, относящийся к гражданским и политическим правам и предусматривали рассмотрение обращений частных лиц. Кроме того, во-первых,

указанные пакты не предусматривают никаких механизмов их реализации, а во-вторых, противоречат седьмому параграфу второй главы Хартии ООН, запрещающей любое вмешательство во внутренние дела суверенных государств (*Mogean Defarges*. 1991. Р. 448).

Специалисты отмечают также наличие разрыва между формой и содержанием правового регулирования вопросов, связанных с защитой прав человека: речь идет о принципах регулирования правоотношений между *государствами*, тогда как предметом регулирования выступают интересы *частных лиц* (там же. С. 19, 20). При этом собственный интерес государства не всегда непосредственно связан с защитой индивидуальных прав и свобод человека и поэтому нередко характеризуется стремлением государств использовать дискуссию по правам человека в пропагандистских целях. Одним из примеров этого является поддержка Соединенными Штатами резолюций, осуждающих Иран, Ирак и Кубу, и их молчание, когда речь шла об осуждении Гватемалы или Израиля. Существует пять факторов, определяющих как особенности, так и противоречия деятельности ООН в сфере нрав человека: политизация проблемы прав человека, нежелание государства подвергаться международным проверкам, недостаток институциональных возможностей ООН, тенденция механизмов ООН действовать ниже уровня своих возможностей, недостатки внутри руководства ООН в сфере прав человека (*Офуатеи-Коджое*. 1995. С. 172, 182).

Концепция соблюдения прав человека предполагает защиту конкретного индивида от неправомерных действий государства. В то же время она имеет юридическую правомочность только в том случае, если принята в качестве нормы тем же самым государством. Иначе говоря, с одной стороны, государство рассматривается как главный источник угрозы правам и свободам человека. Но, с другой стороны, реализация этих прав и свобод невозможна без соответствующих процедур, правил и механизмов, которые гарантировали бы их защиту, т.е. без государства. Именно государства формулируют содержание, способы выражения прав человека, а также вырабатывают санкции, применяемые в случае их нарушения. В итоге между международной нормой и ее объектом существует своего рода «экран», представленный государством. И есть все основания предполагать, что именно в области прав человека этот экран «отражает» любые проявления, которые не вписываются в сферу внутригосударственных юридических норм. Поэтому можно сказать, что в том виде, в каком он представлен в международном праве, принцип соблюдения прав человека и основных свобод выполняет свое предназначение только в рамках тех государств, которые и без того выполняют его, в силу его соответствия их внутреннему законодательству (*Demichel*. 1986. Р. 134—135).

Еще одно противоречие состоит в том, что практическое значение существующих сегодня глобальных и региональных международных организаций для защиты прав человека весьма невелико. Прежде всего, принятые Декларации носят рекомендательный, а следовательно, больше философский, чем юридический характер. Исламская Всеобщая декларация прав человека и вовсе не, представляет собой документ, который после его подписания и ратификации соответствующими государствами призван найти свое практическое воплощение в сфере международных взаимодействий. Что же касается Пактов ООН, то в отличие от Декларации, они выступают как обязательные к исполнению каждым подписавшим и ратифицировавшим их государством. Однако к ним присоединились менее половины членов ООН (80 государств присоединилось к Пакту об экономических, социальных и культурных правах и 70 — к Пакту о гражданских и политических правах) и только 20 из них ратифицировали Протокол, относящийся к гражданским и политическим правам и предусматривающий рассмотрение обращений частных лиц. С одной стороны, указанные Пакты не предусматривают никаких механизмов их реализации, а с другой — противоречат седьмому параграфу второй главы Хартии ООН, запрещающей любое вмешательство во внутренние дела суверенных государств (*Moreau Defarges*. 1991. Р. 448).

Принятые сегодня международными организациями процедуры защиты прав человека от неправомочных действий государств настолько усложнены, что являются на деле малопримлемыми для обычных граждан. Это относится и к Европейской конвенции. В своем практическом применении она во многом превосходит Всеобщую декларацию прав человека и соответствующие пакты ООН (не говоря уже о других вышеназванных декларациях), так как перечисленные в ней права гарантируются такими органами, как Европейская Комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека, решения которого являются обязательными для государств-членов. Следует иметь в виду, что в системе юстиции СЕ действует строгое правило исчерпания национальных средств защиты: гражданин может обратиться в Европейский суд, только получив на руки окончательное решение высшей судебной инстанции соответствующего государства — члена СЕ и оставшись неудовлетворенным этим решением. При этом обращающийся должен быть готов к значительным расходам, связанным с перемещениями из своей страны в Люксембург, оплатой адвоката и т.п., а также он должен знать, что в случае выигрыша дела решения суда носят не карающий, а контролирующий (т.е., по сути, рекомендательный) характер (*Тузмухамедов*. 1996). Возможно, именно этим объясняется то обстоятельство, что к 1984 г., т.е. за четверть века со времени

своего учреждения в 1958 г., Европейский суд рассмотрел всего 63 дела по защите прав человека, ставшие следствием 98 жалоб, поданных в Комиссию (*Collard*. 1985. Р. 362).

Нельзя обойти вниманием еще одно обстоятельство: в условиях столкновения интересов требования о защите прав человека потенциально могут привести к дестабилизации обстановки или же обострению уже имеющейся кризисной ситуации. Чеченский конфликт уже дал достаточно примеров того, как абстрактные призывы к защите прав человека объективно служили оправданию терроризма, превращаясь в своего рода идеологическую кампанию, содержание которой — беспомощное эпигонство, дискредитирующее на деле столь важную и насущную проблему.

Важно и то, что в соответствии с идеологией западного рационализма, в недрах которой зародилась концепция прав человека, угнетенные народы должны получить эти права в виде дара цивилизации, как нить, которая приведет их к общественному прогрессу. Однако эти народы сразу же сумели обратить данные права против инициаторов, тех, кто им их дал. В то же время права человека продолжают оставаться для угнетенных в прошлом народов чем-то внешним по отношению к собственным традициям. Разнородность мира, существующее в нем многообразие культур обуславливают несовпадение в понимании содержания прав человека. А межправительственные орг. ганизации, призванные служить гарантми соответствующих прав и потребностей индивида (такие как, например, ФАО, МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО), вместо того чтобы способствовать формированию единого международного сообщества, служат, чаще всего, рупором нового конформизма, новой господствующей идеологии (*Demichel*. 1986. Р 444-445).

Международное гуманитарное право (МГП)

Выше уже отмечалась близость права прав человека и МГП. Она проявляется, в частности, в том, что «в современном МГП слились три направления в развитии международного права: установление правил ведения войны и применения оружия («право Гааги»), защита жертв вооруженных конфликтов («право Женевы») и защита основных прав человека («право Нью-Йорка»)» (*Пустогаров*. 1997. С. 16). В то же время, как подчеркивают специалисты, МГП сохраняет свою специфику как особая отрасль международного права, имеющая своей главной целью гуманизацию вооруженных конфликтов, а идеалом — международные отношения без вооруженных конфликтов (там же. С. 18).

Речь идет о двух видах международного права, которые различаются между собой источниками, происхождением, целями, природой, текстами и методами применения.

Международное гуманитарное право тесно связано с деятельностью Международного Комитета Красного Креста, поэтому определение этого вида права данной организацией представляет большой интерес: «Под «международным гуманитарным правом, применяемым в период вооруженных конфликтов», МККК понимает международные нормы договорного характера или проистекающие из установившихся обычаев, направленные исключительно на решение гуманитарных проблем, вызванных как международными, так и внутренними вооруженными конфликтами; они ограничивают гуманитарное право сторон, находящихся в конфликте, использовать по своему выбору средства и методы ведения войны, а также защищают лиц и имущество, затронутых или которые могут быть затронуты конфликтом. «Международное гуманитарное право, применяемое во время вооруженных конфликтов» часто называют «международным гуманитарным правом», или «гуманитарным правом» (Действия Международного Комитета Красного Креста... 1994. С. 1).

Происхождение гуманитарного права связано с битвой при Сольферино в Ломбардии в 1859 г. После победы французских и итальянских войск над австрийцами на поле сражения осталось 36 тыс. раненых, 60% которых погибли, не получив своевременной медицинской помощи. Швейцарский гражданин Анри Дюнан, посетив долину Сольферино после битвы, был потрясен видом брошенных раненых, многие из которых могли бы быть спасены, если бы получили медицинскую помощь. В 1862 г. он опубликовал книгу «Воспоминание о Сольферино», вызвавшую огромный общественный резонанс во многих странах. Благодаря деятельности А. Дюнана, — а он посвятил всю свою оставшуюся жизнь поискам путей и средств помощи жертвам войны, — уже в 1864 г. была принята дипломатическая Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях, создан Международный Комитет помощи раненым воинам, переименованный в последующем (1880) в *Международный Комитет Красного Креста*, а позднее (в 1919 г.) — и международная неправительственная организация — *Международная Федерация обществ Красного Креста*. Следует подчеркнуть, что если Федерация является в точном смысле неправительственной организацией, то МККК, обладая международной компетенцией, носит характер национальной организации и ее членами могут быть только граждане Швейцарии. Считается, что именно такой состав МККК гарантирует ему полную нейтральность, как и оперативность Действий в случаях вооруженных конфликтов или беспорядков (но-

дробнее см.: *Нахлик*. 1993. С. 10—11). В дальнейшем были созданы *национальные общества* Красного Креста и Красного Полумесяца (в мусульманских странах). Каждые четыре года проводятся Международные конференции Красного Креста, в работе которых принимают участие: *МККК, Федерация, национальные общества*, а также *государства*, подписавшие Женевские Конвенции. Гаагские Конвенции 1899 г. и 1907 г. распространили сферу гуманитарного права на военнопленных и ведение военных действий на суше. В 1949 г. в Женеве было принято уже четыре Конвенции: об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; об улучшении участи раненых, больных и утонувших в военно-морских силах; об обращении с военнопленными; о защите гражданских лиц в период военных действий. В 1977 г. были приняты дополнительные Протоколы: о покровительстве жертвам международных вооруженных конфликтов и о покровительстве жертвам немеждународных вооруженных конфликтов (подробнее см.: *Пустогаров*. 1997. С. 26—31).

Очень важно, что термин «гуманитарное право» относится к тем нормам международного права, применение которых связано с защитой лиц, страдающих от бедствий, вызванных вооруженными конфликтами, а также объектов, не служащих непосредственно военным целям (см.: *Нахлик*. 1993. С. 7). Как показывает В.А. Карташкин, международные соглашения, регулирующие права человека, могут быть подразделены на три группы. Первая из них содержит документы, включающие в себя принципы и нормы, касающиеся прав человека в основном *в условиях мира*. Вторая — международные конвенции о защите прав человека в *период вооруженных конфликтов*. В третью группу входят документы об ответственности за преступления в области прав человека *как в мирное, так и в немирное время*. Сюда относят Нюрнбергский устав и приговоры Международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества и др. (см.: *Пустогаров*. 1997. С. 4). Строго говоря, прямое отношение к МГП имеют вторая и третья группы указанных документов.

Однако в последние годы международное гуманитарное право приобретает качественно новое измерение. Во-первых, была конкретизирована сфера его применения, в которую входят ситуации трех типов (наряду с ситуациями вооруженных конфликтов): природные катастрофы; массовые политические репрессии; экологические бедствия. Во-вторых, впервые в международном праве принимается принцип свободного доступа к жертвам спасателей, представителей Красного Креста, организаций и систем ООН, Верховного комиссариата по

делам беженцев. Фонда детей и других межправительственных и неправительственных (например, Врачи без границ) организаций.

Например, в связи с землетрясением в Армении 8 декабря 1988 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Резолюцию 43/131. Подтверждая принцип суверенитета и первостепенную роль государств в организации помощи населению, Резолюция подчеркивает значение гуманитарной помощи и обязанность содействия ей со стороны государств.

5 апреля 1991 г. Совет Безопасности ООН принимает Резолюцию 688, осуждающую репрессии режима С. Хусейна против курдов и шиитов (в результате которых ежедневно погибало до 600 человек) и призывает его обеспечить немедленный доступ международных гуманитарных организаций к нуждающимся в помощи во всех уголках Ирака. В Резолюции впервые в истории ООН было подчеркнуто, что массовые нарушения прав человека представляют собой угрозу всеобщему миру. Исходя из этого, Резолюция не только разрешает вмешательство, но и предусматривает защиту спасателей при помощи «голубых касок». 16 декабря 1991 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Резолюцию 46/182 об улучшении координации в оказании срочной гуманитарной помощи населению бывшей Югославии, страдающему от гражданской войны. Тем самым происходит институализация обязанности оказывать (в тех случаях, которые были описаны выше) гуманитарное вмешательство. В этом тоже находит свое проявление уже отмечавшееся сближение права прав человека, и МГП.

Основой сближения является то, что в вышеописанных случаях понимается под защитой фундаментальных, естественных прав людей — право на нормальные условия существования, на сохранение здоровья, на саму жизнь. С другой стороны, в перечисленных примерах речь идет о столкновении с классическим принципом международного права, принципом государственного суверенитета, запрещающим любое вмешательство во внутренние дела государства и делающим из государственных границ настоящий оплот, который ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен без согласия государства.

Концепция гуманитарного вмешательства

Проблема права на вмешательство, которая в последние годы обретает контуры *концепции гуманитарного вмешательства*, известна еще с XVI в., когда теологи Ф. де Витория, а вслед за ним Ф. Суарес, поднимают вопрос об ответственности христианства по отношению к любому человеку, как творению Бога, члену единой в политическом и мо-

ральном отношении человеческой общности. В международно-правовую практику проблема права на вмешательство проникает начиная с конца XIX в., когда заключаются первые договоры, касающиеся обращения с военнопленными, запрещения некоторых видов вооружений, миссий Красного Креста и т.п. Однако в последние годы эта проблема приобретает качественно новое измерение.

Одним из проявлений усиления взаимозависимости государств и глобализации мирового развития становится увеличение числа таких ситуаций, когда внутривнутриполитические решения и события, происходящие на территории одной страны, могут оказать негативное воздействие на развитие других стран и на международную жизнь в целом. Вооруженные конфликты на этнической почве; природные и техногенные катастрофы; экологические бедствия, а иногда и преступления; национальная политика правительства; агрессия против независимого государства; массовые нарушения прав человека или же крах государственной политики в той или иной стране не могут оставить равнодушными другие государства и международные организации, не могут не вызвать их реакции. Землетрясения в Армении, Греции, Турции; Чернобыльская катастрофа; нападение Ирака на Кувейт; вырубка лесов в Бразилии; преследование курдов и шиитов со стороны багдадского режима; гражданская война и политический хаос в Сомали, результатом которых стала массовая гибель гражданских лиц от голода и вооруженных столкновений различных политических группировок; отмена югославским режимом албанской автономии в Косово, а затем и массовые нарушения прав этнических албанцев; резня на этнической почве в Восточном Тиморе — таковы только некоторые примеры событий, которые, находясь в компетенции государственного суверенитета соответствующих стран, стали в последние годы предметом вмешательства со стороны международных организаций. Важным политическим, обстоятельством в условиях современной международной среды с ее возможностями практически мгновенного распространения информации (как, впрочем, и манипулирования ею) становится и то, что описанные выше ситуации оказывают сильнейшее влияние на общественное мнение, которое становится одним из важных факторов и побудителей международной политики. «Современное правосознание не воспринимает национальный суверенитет как неограниченное право творить любой произвол во внутренней жизни, тем более когда речь идет о правах человека, — пишет отечественный исследователь 10. Захаров. — Соответственно ссылки на национальный суверенитет и принцип невмешательства не могут служить аргументом против международных акций по обеспечению этих прав» (Захаров. 1994. С. 131). Глубоко укоренившееся ощущение сопричастности, обострив-

щееся чувство морального долга в условиях распространения демократии не могут не приниматься в расчет «творцами международной политики». Результатом всех этих изменений стали не только действия международных организаций, подобные тем, которые имели место в отношении пострадавших от землетрясения в Армении в 1988 г., но и такие операции, как «Буря в пустыне» по отношению к Ираку (1991), «Возрождение надежды» в Сомали (апрель 1992 — март 1993 г.), Косовская операция НАТО «Союзная сила» (март 1999 г.), направление многонациональных сил в Восточный Тимор в сентябре 1999 г. Подобные примеры можно было бы продолжить. Но все они говорят о том, что в современных условиях появляются механизмы, сознательного регулирования международных отношений и тем самым преодоления их «естественного состояния».

Вместе с тем специалисты указывают на целый ряд возникающих в этой связи вопросов (см., например: *Moreau Defurges*. 1992. Р. 239; Курс международного права. Т. 1. С. 456—457; *Demichel*. 1986. Р. 136—137; *Орджоникидзе*. 2000). Одна группа вопросов связана с ситуацией, в которой может быть осуществлено гуманитарное вмешательство. Нарушения прав человека — явление не редкое. Почему в одних случаях (как, например, в Гватемале и на Гаити в 1997 г., в Югославии в 1999 г.) они влекут за собой вмешательство, а другие (например, массовые страдания мирного населения в ходе продолжающегося Афганского конфликта и поддержка талибов со стороны Пакистана) остаются в этом отношении без последствий? Кто должен принимать решение о вмешательстве — влиятельные межправительственные организации (ООН, СБСЕ) или сами государства? Могут ли подобные решения приниматься без согласия того государства, населению которого оказывается гуманитарная помощь? Высказываются мнения, что при современном состоянии МГП возможно исходить из прецедентной формы применения «права на вмешательство». Стоит лишь определить наиболее типичные случаи его вступления в силу, за пределами которых вопрос о вмешательстве должен рассматриваться специально и соответствующими международными институтами или их органами. В тех же случаях, когда вмешательство будет легитимным, «это не Должно означать, что этим правом может инициативно воспользоваться любое государство (группа государств), действуя от своего имени. Легитимными будут действия только от имени и с санкции мирового сообщества» (*Захаров*. 1994. С. 115). И все же вопрос остается: какая организация в условиях широко известной забюрократизированноеTM и длительности процесса принятия решений международным сообществом (ООН) будет принимать решение о прецеденте (требующем срочного вмешательства) и определять его формы? В настоящее время

на это все более настойчиво претендует НАТО. Однако такие претензии вызывают решительные возражения со стороны значительной части государств — членов ООН, которые опасаются, что «прецедентное право» разрушит всю систему современного международного права, заменив ее «правом силы» и «ограниченного суверенитета» (см. об этом: *Орджоникидзе*. 2000).

Другая группа вопросов касается границ между гуманитарным вмешательством и вмешательством политическим. Не является ли всякое вмешательство неизбежно политическим? Ведь ни одно государство (группа государств) никогда не может абстрагироваться от своих национальных интересов. Эта закономерность действует и в рамках ООН: любое ее решение является продуктом политического соглашения. Оказывая помощь иракским курдам в 1991 г., США и их союзники не пошли на создание «зон защиты», опасаясь, что они могут стать зародышем курдского государства. Не следовало бы пойти дальше и найти политическое решение курдской проблемы? Действительно ли решение о вмешательстве в Косово в 1999 г. исходило, как это заявляют те, кто его принимал, из чисто гуманитарных соображений и не преследовало абсолютно никаких интересов (см.: *Blair*. 1999)? Или же правы те, кто утверждает, что оно преследовало вполне реальные, хотя и несовпадающие интересы США и их европейских союзников? (см., например: *Bennis*. 1999; *Gresh*. 1999).

Более того, правозащитный потенциал «гуманитарного вмешательства» был во многом сведен на нет как раз прецедентной практикой его применения: «За правогуманитарными аргументами, оправдывавшими в глазах международного сообщества использование вооруженных санкций, нередко стояли прагматические цели внешней экспансии. В понятийной паре гуманитарная интервенция главный упор на практике переносился в этих случаях с характеристики гуманитарная на аспект интервенция...» (*Бекназар-Юзбашев*. 1996. С. 22).

Третья группа вопросов связана с принципом равенства. Может ли гуманитарное право применяться одинаково ко всем государствам? Трудно представить, чтобы оно было применено, например, по отношению к США или любой великой державе Европы. Подобные вопросы являются еще одним свидетельством противоречивости международного права и, в частности, того, что наиболее динамичные из его основных положений, отражающие реальности все возрастающей взаимозависимости мира и выходящие за рамки межгосударственных отношений, неминуемо сталкиваются с традиционными, придерживающимися понятий суверенитета, неприкосновенности границ и независимости государств.

Специалисты отмечают, с одной стороны, обострение в последние годы действительной правовой коллизии, конфликт между принципом Нерушимости границ и правом народов свободно распоряжаться своей судьбой, а с другой стороны, стремление некоторых сил на Западе легитимировать на этой основе использование силы для гуманитарного вмешательства с целью помочь самоопределению этнических меньшинств в ущерб территориальной целостности государств. Так, А. Коновалов подчеркивает, что «никакая норма международного права не трактует право на самоопределение как право на сепессию. Этнический национализм не имеет строгих легальных оснований для утверждения «мы — нация и поэтому, должны иметь собственное государство». В Декларации прав меньшинств (1992) говорится о защите прав меньшинств на активное участие в культурной, религиозной, социальной, экономической и общественной жизни. И ни слова о праве на государственное отделение» (см.: *Коновалов*. 1999. С. 8). Между тем, несмотря на Резолюцию СБ ООН 1244 (принятой на его 4011-м заседании 10 июня 1999 г.), в соответствии с которой международный военный контингент в Косово призван обеспечить условия для сохранения этого края в составе Югославии и для совместного проживания всех национальностей и религиозных конфессий, населявших его до конфликта, события развиваются в направлении самоопределения косовских албанцев. «Никто на Западе не скрывает, что отделение Косово — вопрос 2—3 лет. А ведь резолюция 1244 гарантирует целостность Югославии и совместное мирное проживание в Косово представителей различных национальностей и конфессий. Если Косово отделится от Югославии, это будет первый случай после Второй мировой войны, когда границы суверенного государства (Югославии) изменятся с помощью внешней военной силы (НАТО). Надо ли говорить, что означал бы такой прецедент для безопасности Европы?» (*Коновалов*. 2000). Такое развитие событий противоречит внутривосточным традициям некоторых стран — членов НАТО, вопреки которым они принимают в нем активное участие. Например, Франция не подписала текст Европейской конвенции о правах человека, дополненный «рамочным соглашением по национальным меньшинствам». Причиной послужило то, что, не давая термину «национальные меньшинства» четкого определения, указанный текст, тем не менее, обязывает обеспечивать им определенные права — в частности, в культурной и языковой сферах — и запрещает принудительную ассимиляцию. Тьерри де Монб-Риаль, директор ИФРИ, пишет: «В 1992 году, опираясь на эдикт Вилье-Коттре 1593 года, обязывавший использовать французский язык во всех официальных документах, Франция отказалась подписать европейскую хартию о защите региональных языков. Таким образом, Фран-

ция считает, что права человека должны быть гарантированы индивидуально, а не коллективно». И далее: «Лидеры нашего общественного мнения, не упускающие случая, чтобы вспомнить о праве народов на самоопределение, должны знать, что французская традиция идет в ином направлении» {Монбриаль. 1997. С. 1999}. А разве не «в ином направлении» идет британская традиция, традиция страны, правительство которой еще более настойчиво выступало за коллективные гарантии прав албанского населения Косово?

Конечно, нельзя не видеть того, что основные принципы являются главным каналом проникновения в международные отношения общечеловеческих норм взаимодействия между социальными общностями. Как отмечает немецкий юрист Г. Каде, в десяти основных принципах взаимоотношений между государствами «были сформулированы основные международно-правовые нормы политических взаимоотношений и этические правила, соблюдение которых всеми государствами-участниками... является непременной предпосылкой дальнейшего прогресса» (цит. по: Коршунов. 1988. С. 119). Правомерно и утверждение о том, что «действительное право не может существовать без нравственной основы» и поэтому «нельзя говорить о легитимации, полностью игнорируя моральный аспект проблемы» {Захаров. 1994. С. 115}. Однако нельзя согласиться с выводом о том, что, «когда нравственная норма требует вмешательства ради предотвращения или превращения несправедливости, а то и преступления, тот или иной правовой принцип не может служить препятствием» (там же). Необходимость соотнесения правовых норм и нравственных ценностей не тождественна подмене первых вторыми. Международные отношения ждут произвол и анархия, если будет стерто всякое различие между правом и моралью. Их взаимодействие основано не только на наличии ряда объединяющих их общих черт, но и на существенных особенностях каждого из этих общественных институтов.

4. Взаимодействие права и морали в международных отношениях

Взаимодействие международного права и международной морали, их диалектическое единство не исчерпываются общностью основных принципов поведения международных акторов. В основе этого единства лежат: их генетическая общность (т.е. общность социальных основ происхождения, обусловленность особым родом общественных отношений): функциональная общность (регулятивное назначение); об-

яность международного права и международной морали в плане их нормативно-ценностной природы (и право, и мораль представляют собой обязательные правила поведения, приобретающие роль юридического или нравственного долга и ответственности за его нарушение, отражающие существующий уровень развития международной системы, человеческой цивилизации в целом) (см. об этой: *Дмитриева*. 1991. С. 54-56; *Коршунов*. 1988. С. 193).

Вместе с тем нравственное и правовое единство не означает тождественности международного права и международной морали. В одних принципах преобладают юридические элементы (например, в принципе суверенного равенства государств), в других, напротив, — моральные элементы (например, в принципе сотрудничества). «Единство означает лишь тождественность их идейного содержания» (*Дмитриева*. 1991. С. 22). В рамках объективно обусловленного единства мораль и право характеризуются существенными различиями, которые необходимо учитывать при анализе той роли, которые они играют в регулировании международных отношений. Суммируя выводы специалистов, указанные различия можно свести к следующим основным положениям.

Во-первых, правовые нормы носят фиксированный характер, записанный в соответствующих уставах, соглашениях, международных договорах и т.п. С этим тесно связан и институциональный характер права вообще и международного права в частности: оно тесно связано с государственными институтами и межправительственными организациями (ООН и ее организации, Совет Европы, другие региональные организации). Система международного права охватывает, таким образом, правовое сознание, правовые нормы, правовые отношения и правовые институты. В отличие от системы международного права, в механизме нравственного регулирования международных отношений последний элемент (т.е. институты) отсутствует. Однако следует иметь в виду и специфику международной морали. Она «также непосредственно связана с государством: она создается и реализуется в процессе межгосударственного отношения (конечно, данная особенность относится лишь к одной разновидности международной морали — межгосударственной» (*Дмитриева*. 1988. С. 57). Следует оговориться, что эта «институциональность» условна, относительна, ибо в конечном итоге институты, продуцирующие между-народные моральные нормы (государства, межправительственные организации), не являются некими специализированными органами по выработке и распространению всеобщих нравственных правил взаимодействия на мировой арене.

В конечном итоге и государства, и международные организации опираются на нравственные нормы, складывающиеся в самой практике международного общения, основой которых являются вырабатываемые в процессе всей истории человеческой цивилизации универсальные образцы поведения и взаимодействия социальных общностей и индивидов. С другой стороны, в разработке и развитии норм международной морали и роль такого социального института, как наука (хотя в данном случае речь идет об ином смысле самого термина «институт»), выглядит беспспорной.

Во-вторых, международная мораль и международное право различаются сферами своего действия: моральные нормы носят всеохватывающий характер, в то время как право имеет в каждый данный момент ограниченную сферу применения. «Во многом международные отношения регулируются одновременно нормами как права, так и морали. Например, военная агрессия является и нарушением общепризнанных правовых норм, и моральным преступлением. Однако моральные нормы шире и эластичнее, чем нормы правовые» (Коршунов. 1988. С. 197).

И моральные, и правовые нормы связаны с системой ценностей, принятой в той или иной социальной общности и определяющей выбор средств для обеспечения ее потребностей и интересов. Для того чтобы эти средства были адекватными и гарантировали достижение поставленных целей, они должны согласовываться с обязательными в системе международных отношений образцами, т.е. с такими способами поведения, которые признаны как нормальные или допустимые в определенной обстановке. Полностью они могут быть понятными только в той социокультурной среде, в которой они сформировались. Но это не говорит о невозможности их передачи или заимствования. Содержащийся в них универсальный элемент способствовал тому, что некоторые из них были закреплены и формализованы в нормах международного права.

Закрепление общепринятых образцов поведения имеет большое практическое значение: от степени согласованности с ними поведения общности зависит ее успех в системе международных отношений, ими определяется предсказуемость действий актора и в конечном счете динамическое равновесие самой международной системы. Однако далеко не все универсальные образцы поведения могут быть формализованы в международно-правовых нормах. Значительно большая их часть закрепляется в нормах международной морали. В принципе каждая этническая, территориальная или функциональная общность имеет свой специфические образцы поведения и собственные системы ценностей, которые не подвержены влиянию международного права. В то же

время общность способна модифицировать некоторые из них под воздействием существующих и вновь возникающих в международной жизни правил и норм этического поведения. Необходимость их усвоения и применения во взаимодействии с другими международными акторами (что может быть достигнуто только при условии определенной трансформации таких правил и норм с учетом собственных образцов поведения и ценностей) особенно возрастает в современных условиях взаимозависимости и кризисных явлений в развитии человеческой цивилизации. Но если моральные нормы допускают и даже предполагают такую трансформацию, то правовым нормам это противопоказано. Последние рассчитаны на внешнее поведение актора и носят преимущественно рациональный характер; их пределы четко изучены и направлены на достижение стандартов такого поведения (см. об этом: *Дмитриева. С. 58—62*).

В-третьих, международное право и международная мораль различаются с точки зрения форм, методов, средств и возможностей воздействия на поведение международного актора, а следовательно, и возможностей регулирования системы международных отношений. Правовое регулирование предполагает использование средств принуждения (международный суд, военные, экономические и политические санкции, исключение из членов межправительственных организаций, разрыв дипломатических отношений и т.п.). Основной регулятор в соблюдении нравственных норм международного поведения — мировое общественное мнение. Его влияние на участника международных отношений может оказаться более эффективным, чем воздействие международного права. Специфика международного права состоит в том, что, в отличие от внутригосударственного законодательства, его нормы носят, как правило, рекомендательный характер и применяются с согласия его субъектов. Случаи обязательного и насильственного применения норм международного права довольно редки и всегда вызывают проблемы.

Различия международно-правовых и моральных норм могут служить источником возникновения противоречий между ними (см., об этом: *Дмитриева. С. 73—75*). Это не отменяет их единства и взаимодействия как регуляторов системы международных отношений и вместе с тем требует глубокого понимания особенностей, которые присущи Каждому из них. В данной связи необходимо остановиться на специфике этического измерения международных отношений, которая будет рассмотрена ниже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э.Я. Политическое — слишком человеческое // Полис. 1995.
2. Бекпазар-Юзбашев Т.Б. Права человека и международное право. М., 1996.
3. Бошченко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М., 1991.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М, 1956.
6. Действия Международного Комитета Красного Креста в случае нарушений международного гуманитарного права. М., 1994.
7. Дмитриева Г.К. Мораль и международное право. М., 1991.
8. Жирар М. (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике. М., 1996.
9. Захаров Ю.М. Легитимация международного вмешательства во внутренние дела государства // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 3.
10. Коновалов А.А. Формирование стратегии национальной безопасности России в условиях меняющейся политической ситуации в Европе и мире (рук. текст лекции). 1999.
11. Коновалов А.А. Как Россия и США «потеряли» друг друга // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7.
12. Кортунув А. Реализм и мораль в политике — Прорыв. Становление нового политического мышления. М., 1988.
13. Курс международного права: В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права. М., 1989.
14. Курс международного права: В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права. М., 1989.
15. Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
16. Монбриаль Т. де. Память настоящего времени. М., 1997.
17. Нахлик С.Е. Краткий очерк международного гуманитарного права. М., 1993.
18. Орджоникидзе С. Концепции гуманитарной интервенции исполняется год. Но этот «младенец» уже успел подорвать всю систему международных отношений // Независимая газета. 2000. 20 апр.
19. Офуатеи-Коджое. ООН и защита индивидуальных и гражданских прав // Международный журнал социальных наук. 1995.
20. Поздняков Э.А. Мировой социальный прогресс: мифы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 11.
21. Пустогарон В.В. Между народи ос гуманитарное право: Учебное пособие. М., 1997.
22. Пучала Д. Ж. Мировые имиджи, мировые порядки и «хусудные войны»: мифы истории и Объединенные нации // Международный журнал социальных наук. 1999. № 11.
23. Спасский Н.Н. Новое мышление по-американски // Мировая экономика и международные отношения. 1991. >J> 12.
24. Смуте М.-К. Международные организации и неравноправие государств // Международный журнал социальных наук. 1995. Ноябрь.
25. Тузмухамедов Б. Утраченные иллюзии // Сегодня. 1996. 1 нояб.
26. Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. М., 1983.
27. Bennis Ph. L'empire contre l'OXU // <http://www.monde-diplomatique.fr/1999/12/BENNIS> J>hyllis.../12220.html
28. Blair T. Doctrine of the International Community // Address by British Prime Minister Tony Blair to the Economic Club. Chicago, 111. 1999. 22 April. ■
29. BouCoul G. Traite de polemiologie. Sociologie ties guerres. P., 1970.

30. *Chemillier-Gendreau M.* L'ordre juridique international, une chimere? // http://w\vw. monde-diplomatique.fr/1999/07/CHEMILLIER_GEN../12220.html
31. *Collard C.A.* Institutions des relations internationales. P., 1985.
32. *Demkhel F.* Elements pour une theorie des Relations internationales. P., 1986.
33. *Firmemore M.* National Interests in International Society. Ithaca; N.Y., 1996.
34. *Gresh A.* Les lois de la guerre // <http://www monde-diplomatique.fr/1999/09/gresh/ 12468.html>
35. *Martin P.-M.* Introduction aux relations internationales. Toulouse, 1982.
36. *Montbrial T. de.* Le monde au fournaux du sciecle // Ramses, 2000.
37. *Moreau Defarges Ph.* Les relations internationales dans le monde d'aujourd'hui. Entre globalisation et fragmentation. P., 1991.
38. *Moreau Defarges Ph.* Relations internationales. 2. Questions mondiales. P., 1992.
39. *Morgenthau.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961.
40. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. N.Y., 1990.
41. *Schwarzenberger G.* Power politics. A Study of World Society L., 1964.
42. *Walach Lori M.* Elabore au sein d l'OCDE, a l'insu des citoyens le nouveau manifeste du capitalisme mondial // Monde diplomatique. Fevrier 1998.
43. *Wendt A.* The agent-structure probleme in international relations // International Organisation. 1987. №41.

ГЛАВА 13

Этическое измерение международных отношений

Присутствие этической лексики в словаре акторов международных отношений — факт совершенно очевидный и потому общезвестный. Вооруженное вторжение того или иного государства на территорию другого почти всегда аргументируется либо необходимостью обеспечить собственную безопасность путем восстановления справедливого равновесия сил, либо стремлением защитить права этнически родственных национальных меньшинств, либо отстаиванием общезначимых ценностей, либо ссылками на исторические, религиозные и т.п. соображения. Ни одно правительство не хочет выглядеть агрессором в глазах как собственного народа, так и международного общественного мнения, каждое ищет моральных оправданий своего поведения на мировой арене. К моральным мотивам в объяснении своих действий нередко прибегают и другие акторы. Например, транснациональные корпорации утверждают, что они помогают экономическому и культурному развитию слаборазвитых стран; международные террористы мотивируют свои акции необходимостью борьбы против нарушения тех норм (высших для них норм), приверженцами которых они являются, даже если эти нормы не совпадают с общепринятыми. Исламские фундаменталисты, например, исходят из убеждения о наличии на Земле единой и единственно легитимной общности всех людей в социальном, политическом, военном и конфессиональном отношении «уммы», которая не ограничена никакими географическими пределами и может существовать только при непрерывной экспансии (*Badie*. 1993. Р. 100—103). Этические представления индивидуальных акторов международных отношений очень разнообразны. Несовпадение нравственных установок и ценностей порождает различия в отношении к правовым нормам (особенно с точки зрения оценки их справедливости) и влияет на их соблюдение или несоблюдение. Важна также упомянутая особенность юридических норм, а именно их рекомендательный характер в отношении обязанностей субъектов международного права, и добровольность в их исполнении.

В данной главе будут рассмотрены, во-первых, взаимодействие права и морали в сфере международных отношений, общее и особенное в их содержании и проявлении, во-вторых, специфика трактовок международной морали представителями различных теоретических школ и направлений в истории и в настоящее время; наконец, императивы международной морали в свете процессов глобализации, свойственных современному этапу мирового развития.

1. Мораль и право в международных отношениях: общее и особенное

Взаимодействие международного права и международной морали, их диалектическое единство не исчерпываются общностью основных принишпов поведения международных акторов. В основе этого единства лежат их генетическая общность (т.е. общность социальных основ происхождения, обусловленность особым родом общественных отношений); функциональная общность (регулятивное назначение); общность международного права и международной морали в плане их нормативно-ценностной природы. И право, и мораль представляют собой обязательные правила поведения, приобретающие форму юридического или нравственного долга и ответственности за нарушение этого долга, отражающие существующий уровень развития международной системы и человеческой цивилизации в целом (см. об этом: *Дмитриева*. 1991. С. 54-56; *Коришонов*. 1988. С. 193).

Вместе с тем нравственное и правовое единство не означает тождественности международного права и международной морали. В одних принципах преобладают юридические элементы (например, в принципе суверенного равенства государств), в других — элементы моральные (например, в принципе сотрудничества). «Единство означает лишь тождественность их идейного содержания» {*Дмитриева*. 1991. С. 22). В рамках объективно обусловленного единства мораль и право характеризуются существенными различиями, которые необходимо учитывать при анализе той роли, которую они играют в регулировании международных отношений. Указанные различия можно свести к следующим основным характеристикам.

Во-первых, правовые нормы носят фиксированный характер вследствие того, что они записаны, например, в уставах соответствующих межправительственных организаций, соглашениях, международных Договорах и т.п. С этим тесно связан и институциональный характер права вообще и международного права в частности: оно тесно связано с государственными институтами и межправительственными организациями (ООН и ее организации, Совет Европы, другие региональные организации). Система международного права охватывает такие элементы, как правовое сознание, правовые нормы, правовые отношения и правовые институты. В отличие от нее, в механизме нравственного Регулирования международных отношений последний элемент, т.е. институты, отсутствует. Но у международной морали есть одна специфика: она «непосредственно связана с государством: она создается и реализуется в процессе межгосударственного отношения (конечно, дан-

ная особенность относится лишь к одной разновидности международной морали — межгосударственной)» (Дмитриева. 1991. С. 57). Следует, однако, оговориться, что «институциональность» достаточно условна, относительна, ибо в конечном итоге институты, продуцирующие международные моральные нормы (государства, межправительственные организации), не являются некими специализированными органами по выработке и распространению всеобщих нравственных правил взаимодействия на мировой арене.

И государства, и международные организации опираются на нравственные нормы, рождающиеся из практики международного общения. Основой нравственных норм являются универсальные образцы поведения и взаимодействия социальных общностей и индивидов, вырабатываемые в процессе всей истории человеческой цивилизации. С другой стороны, в разработке и развитии норм международной морали бесспорна роль и такого социального института, как наука (хотя в данном случае речь идет об ином смысле самого термина «институт»).

Во-вторых, международная мораль и международное право различаются по сферам своего действия: моральные нормы носят всеохватывающий характер, в то время как право имеет в каждый данный момент ограниченную сферу применения. «Во многом международные отношения регулируются одновременно нормами как права, так и морали. Например, военная агрессия является и нарушением общепризнанных правовых норм, и моральным преступлением. Однако моральные нормы шире и эластичнее, чем нормы правовые» (Кориунов. 1988. С. 197).

И моральные, и правовые нормы связаны с системой ценностей, принятой в той или иной социальной общности и определяющей выбор средств для обеспечения ее потребностей и интересов. Для того чтобы эти средства были адекватными и гарантировали достижение поставленных целей, они должны согласовываться с обязательными в системе международных отношений образцами, или, иначе говоря, с такими способами поведения, которые признаны как нормальные или допустимые в определенной обстановке. Полностью они могут быть поняты только в той социокультурной среде, в которой они сформировались. Но это не означает невозможности их передачи или заимствования. Содержащийся в таких способах поведения универсальный элемент способствовал тому, что некоторые из них были закреплены и формализованы в нормах международного права:

Закрепление общепринятых образцов поведения имеет большое практическое значение: от степени согласованности с ними поведения той или иной социальной общности зависит ее успех в системе меж-

дународных отношений. Также общепринятые образцы поведения определяют предсказуемость действий актора и в конечном счете динамическое равновесие самой международной системы. Однако далеко не все универсальные образцы поведения могут быть формализованы в международно-правовых нормах. Большая их часть закрепляется в нормах международной морали. В принципе каждая этническая, территориальная или функциональная общность имеет свои специфические образцы поведения и собственные системы ценностей, которые не подвержены влиянию международного права. В то же время любая из перечисленных общностей способна модифицировать некоторые из собственных ценностей под воздействием правил и норм этического поведения, существующих и вновь возникающих в международной жизни. Необходимость их усвоения и применения во взаимодействии с другими международными акторами (что может быть достигнуто только при условии определенной трансформации таких правил и норм с учетом собственных образцов поведения и ценностей) особенно возрастает в современных условиях взаимозависимости и кризисных явлений в развитии человеческой цивилизации. Но если моральные нормы допускают и даже предполагают такую трансформацию, то правовым нормам это противопоказано. Последние рассчитаны на внешнее поведение актора, носят преимущественно рациональный характер, их пределы четко изучены и существуют для достижения стандартов такого поведения (см. об этом: *Дмитриева*. 1991. С. 58—62).

В-третьих, международное право и международная мораль различаются с точки зрения форм, методов, средств и возможностей воздействия на поведение международного актора, а следовательно, и возможностей регулирования системы международных отношений. Правовое регулирование предполагает использование средств принуждения (международный суд, военные, экономические и политические санкции, исключение из членов межправительственных организаций, разрыв дипломатических отношений и т.п.). Основной регулятор соблюдения нравственных норм международного поведения — мировое общественное мнение, причем его влияние на участника международных отношений может оказаться более эффективным, чем воздействие международного права. В то же время специфика международного права состоит в том, что, как уже говорилось, в отличие от внутригосударственного законодательства, его нормы носят, как правило, рекомендательный характер и применяются с согласия его субъектов. А, как уже отмечалось, случаи обязательного и насильственного применения норм международного права относительно редки и всегда вызывают проблемы.

Таким образом, признавая, хотя бы на словах, существование моральных норм и необходимость следовать им во взаимодействии на мировой арене, разные участники международных отношений понимают эти нормы по-разному.

Вышесказанное не отменяет того, что главным для понимания международной морали является не вопрос о том, каким нормам следуют международные акторы *de facto*, а о том, существуют ли некие моральные ценности, которыми они руководствуются в своем поведении или которые влияют на это поведение. Вместе с тем различия международно-правовых и моральных норм могут служить источником возникновения противоречий между ними (см. об этом: *Дмитриева*. 1991. С. 73—75). Однако различия не отменяют единства и взаимодействия международно-правовых и моральных норм в качестве регуляторов системы международных отношений, но требуют глубокого понимания особенностей, которые присущи каждому из них. В данной связи необходимо остановиться на особенностях трактовок международной морали представителями различных идейных течений и теоретических школ.

2. Многообразие трактовок международной морали

Проблема политической морали сама по себе очень сложна. Это проявляется как в конфликте (несовпадении) между различными системами ценностей в разных культурах, и идеологиях, так и в конфликте теоретических представлений о политической морали.

Как подчеркивает П. де Сенарклянс, «структура той или иной политической системы не может быть понята без учета принятых в ней принципов, а объяснение этих принципов невозможно без анализа их нормативных и идеологических основ» (*Senarclens*, 1992. Р. 166). При этом социологическое понимание культуры ориентирует на точный, конкретный анализ политических систем, базирующийся на выявлении культурных кодов, или, иначе говоря, «исторически сформировавшихся смысловых систем, выполняющих функцию контроля по отношению к трансформации социальных и политических процессов» (*Badie*. 1993. Р. 89).

Общим для разных культурных кодов является вопрос о легитимности политического действия и, следовательно, о необходимости отличать власть от авторитета. Общим является также признание обоснованности политической критики и оценка ее как идеологической по своему характеру. Ниже мы обратимся к анализу мировых религий.

Конфессионально-культурные представления

В рамках конфуцианской культуры, основывающейся на земной морали, власть и авторитет имеют тенденцию к слиянию и сосредоточению в руках Императора, обладающего «мандатом» Неба. Император, однако, может использовать «мандат» лишь в исключительных обстоятельствах (политические катаклизмы, угроза разрушения социальной гармонии и т.п.). Буддистско-индуистский культурный код, для которого характерна обращенность к потустороннему (понимаемому крайне метафизически), ориентирован, в отличие от конфуцианского, на создание могущественной религиозной элиты, претендующей на только ей известный справедливый социальный порядок, соответствующий божественным предписаниям. Тем самым политическое действие обесценивается, становится вторичным, а роль монарха оказывается десакрализованной: она ограничивается функцией поддержания земного порядка и лишь в этом качестве признается и легитимизируется религиозной элитой. В этих условиях политическая дискуссия, политическое оспаривание, так же как и политическое участие, ограничены.

Совершенно иной культурный код присущ монотеистическим религиям, в рамках которых спасение мыслится в тесном соединении Земного и Небесного миров, между которыми существует постоянное напряжение. Разрешение этого напряжения требует от человека непрерывных усилий, имеющих целью перестроить земной мир в соответствии с божественными законами. Подобное видение придает политическому действию ценность, которой оно не имело в буддистской модели. При этом политическое действие в данном случае заключается в рамки легитимности, обращенной к священному и потому легитимности бесконечно более принудительной, чем в конфуцианской модели (там же. Р. 93-95)¹.

Указанное противоречие между земным и потусторонним и, следовательно, проблема спасения, являясь общими для христианства и исламства, решается ими совершенно по-разному. Например, христианству присуща идея институциональной дифференциации: являясь наместником Бога, государь должен действовать на Земле в соответствии с божественными предписаниями, но светскими методами. Таким образом, политические элиты и институты не совпадают с религиозными, а следовательно, существует два вида ответственности:

¹ Описывая рассматриваемые модели, Б. Бади ссылается на концепцию американского исследователя С.Н. Эйзенштадта, хотя и критикует его за абстрактность анализа, существующего как бы вне временных рамок, за этноцентризм, но особенно — за невнимание к принципиальному различию христианского и исламского культурных кодов.

ответственность государя по отношению к Богу, подсудная Церкви, и ответственность государя за управление земными делами, которую он несет только перед своим народом. Поскольку политическая сфера отделена от религиозной, то она остается открытой для соперничества между политическими элитами. В культурной модели ислама Бог, напротив, не делегирует свой авторитет, поэтому политическое пространство может быть лишь пространством исполнения божественного закона. Разрешение противоречия между земным и потусторонним предполагает в этом случае стремление к слиянию, к *дидифференциации* политической и религиозной сфер. Тем самым в рамках ислама теряет всякое значение любая попытка создания легитимной иерархической власти: власть легитимна только в том случае, если она соответствует божественному Закону, который не допускает никакого делегирования или опосредования.

Существенные различия в понимании морального долга наблюдаются и в рамках христианской традиции. Томистское течение исходит из существования «естественного закона», т.е. единого для всех людей морального сознания, общей потребности в справедливости. Мораль в этом случае выступает в виде некоего кодекса, свода правил, предписанных извне, которые должны выполняться в обыденной действительности. Эта модель характерна для католицизма, а также для православия.

Августианское течение опирается на библейское откровение об антиномии между предписанием любви к ближнему и реальностью греха. Такое понимание проявляется в протестантской традиции. Оно исключает возможность обращения к «естественному закону», ибо само «естество», сама человеческая природа подверглась радикальному искажению под влиянием первородного греха. Только прощение, Слово Божие просвещают человека относительно его долга (Bosc. 1965. P. 153—155). Поэтому поведение и жизненный уклад христианина тяготеют в данном случае не к мистическо-эмоциональной культуре, а к аскетической деятельности и направлены на преобразование религиозной аскезы в чисто мирскую, на необходимость найти подтверждение своей вере в светской профессиональной деятельности (Вебер. 1990. С. 150-157).

Несовпадение моральных принципов можно наблюдать и в рамках разных идеологий, в которых они являются своего рода идеологической надстройкой над экономической борьбой и конфликтами интересов. Почти всегда принципы, используемые для морального оправдания политических действий (таких, например, как войны, репрессии, пытки или терроризм) стремлением к общему благу, справедливости, национальному освобождению и т.п., вступают в противоречие с принципами индивидуальной морали.

Конфликт теоретических школ

Вышеуказанное несовпадение моральных принципов проявляется и в конфликте теоретических школ, который выводится М. Вебером в дилемме социальной морали: «...всякое этически ориентированное действие, — пишет он, — может подчиняться двум фундаментально различным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности» (Вебер. 1990. С. 150—157.). Приверженцы первой исходят из вечных и неизменных норм абсолютной морали. При этом они «не чувствуют реально, что они на себя берут, но опыняют себя романтическими ощущениями», не заботясь о последствиях своих действий (там же. С. 704). Если же такие последствия окажутся отрицательными, то сторонники *этики убеждения* винят в этом кого угодно — глупость людей, несовершенство мира, волю Бога, — только не самих себя, ибо они всегда руководствуются чистыми помыслами и благородными побуждениями, опираясь на всеобщие ценности. Напротив, 'исповедующие *этику ответственности* главным считают именно последствия своих действий, полагая, что не имеют права рассчитывать на совершенство окружающего мира и должны считаться с заурядными человеческими недостатками. Они учитывают, что политика «оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие» (там же. С. 694), тогда как сторонники *этики убеждения* чаще всего отрицают его право на существование.

Анализируя проблему соотношения морали и политики, М. Вебер считает необходимым постоянно помнить о напряжении между целью и средствами. Он подчеркивает, что «ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель «освящает» этически опасные средства и побочные следствия» (там же. С. 697).

- Еще более сложной выглядит проблема морали в международных отношениях. Здесь появляется дополнительная и не менее трудная Дилемма: обязан ли международный актор защищать интересы особой общности, к которой он принадлежит (государство, МПО, НПО, предприятие, социальная группа...), или же можно (и должно) пожертвовать ими ради блага более широкой общности (этнической, региональной, общедемократической, всемирной...), за судьбу которой он также Несет моральную ответственность. Как опровергнуть аргумент Н. Ма-

киавелли, который, допуская возможность нравственного и просвещенного поведения индивидов и социальных групп в стабильном и процветающем обществе, настаивал на том, что государственный деятель, призванный защищать общие интересы данного общества, не может выполнить свою задачу, не прибегая ко лжи и обману, насилию и злу?

Возможности морального выбора в сфере международных (и, особенно, межгосударственных) отношений выглядят ограниченными: во-первых, существованием здесь долга государственного эгоизма; во-вторых, практически безграничной областью морального конфликта (в отличие от сферы внутриобщественных отношений, где эта область ограничена легитимной монополией государства на насилие); наконец, в-третьих, постоянно присутствующей возможностью вооруженного насилия, войны, превращающей вопросы безопасности и выживания в первостепенные для государств и отодвигающей тем самым заботу о морали и справедливости на задний план (*Hoffmann*. 1981. Р. 25—28).

Драма международных отношений, подчеркивает известный американский исследователь Стенли Хоффманн, состоит в том, что и сегодня не существует никакой общепринятой замены макиавеллевскому пониманию морального долга государственного деятеля. Более того, макиавеллевская мораль обладает очень притягательной силой. Она отнюдь не представляет собой некий «закон джунглей» и не является полной противоположностью христианской или демократической морали (там же. Р. 33). Скорее, речь идет о том, что Арнольд Уол-ферс называет «этикой, не претендующей на чрезмерное совершенство», нравственностью, руководствующейся принципом «мы против них», «которая требует от человека не следовать абсолютным этическим правилам... а выбирать наилучшее из того, что позволяют обстоятельства», т.е. как можно меньше жертвовать ценностями (*Wolffers*. 1962. Р. 50). Шмид называл это *этикой компромисса*.

Популярность такого понимания объясняется также непривлекательностью высокомерных претензий государственного деятеля на следование принципам христианской или демократической морали. Эти претензии вызывают у различных слоев скрытую неудовлетворенность слишком мягкой, расплывчатой, неконкурентоспособной внешней политикой. Подчеркивая ограниченность морального выбора в сфере международных отношений, сторонники вышеописанного понимания морального долга считают, что оно позволяет раскрыть не только теоретические недостатки политического идеализма, но и опасность, которую может представлять его осуществление в практике межгосударственного взаимодействия (*Hoffmann*. 1981. Р. 34).

Выдвинув в 1916 г. свой мирный план, который должен был установить «верховенство права над любой эгоистической агрессией» путем «совместного соглашения об общих целях», Президент США о Вудро Вильсон основывался «на ясном понимании того, чего требует сердце и совесть человечества» (см. об этом: *Zorgbibe*. 1984. Р. 11), и поэтому исключал применение силы для защиты международного права, считая, что для этого вполне достаточно мирового общественного мнения и осуждения со стороны Лиги Наций. Агрессивная политика нацистского руководства, пришедшего в 1930-е гг. к власти в Германии, и ее ремилитаризация не вызвали со стороны европейских демократий и Лиги Наций никакой практической реакции, кроме вербальных протестов. А когда Гитлер потребовал аннексии части Чехословакии под предлогом помощи судетским немцам, Чемберлен и Даладье на сентябрьской конференции 1938 г. в Мюнхене уступили ему, полагая, что если Судеты будут присоединены к Германии, то это поможет спасти мир от тотальной войны. На деле результат оказался прямо противоположным: Мюнхенская конференция стала прологом Второй мировой войны, фактически поощрив Гитлера на дальнейшую эскалацию агрессии (см. об этом: История дипломатии. Т. 3. 1945. С. 639-643; *Pacteau, Mougel*. 1990. Р. 75-78).

Таким образом, политический идеализм оказался дискредитированным как в теории, так и на практике и уступил место политическому реализму. Как уже отмечалось, политический реализм не выступает против международной морали. Из шести сформулированных Гансом Моргентау принципов политического реализма три непосредственно касаются взаимодействия морали и внешней политики государства (*Morgenthau*. 1948). Говоря о существовании непримиримых противоречий между универсальными моральными нормами и государственными ценностями, Г. Моргентау настаивает на необходимости рассмотрения моральных принципов в конкретных обстоятельствах места и времени. Государственный руководитель не может позволить себе сказать: «*Fiat justitia, pereat mundus*», а тем более действовать, руководствуясь этой максимой. Это может сделать либо сумасшедший, либо преступник. Поэтому высшая моральная добродетель в политике — это осторожность, умеренность. О моральных ценностях нации-государства нельзя судить на основе универсальных моральных норм. Необходимо понимание национальных интересов. Если мы их знаем, то знаем защищать свои национальные интересы, уважая национальные интересы других государств. Главное при этом — помнить о существовании неизбежной напряженности между моральным долгом и требованиями плодотворной политической деятельности.

С подобным пониманием солидарен и Р. Арон, не разделяющий концепцию Г. Моргентау относительно национального интереса. Основываясь на «праксеологии», науке о политическом действии и политическом решении, Арон весьма скептически относится к роли универсальных ценностей в политике. Он настаивает на том, что, за неимением абсолютной уверенности относительно моральности того или иного политического решения, следует исходить из учета его последствий, руководствуясь при этом мудростью и осторожностью. «Быть осторожным — значит действовать в зависимости от особенностей момента и конкретных данных, а не исходить из системного подхода или пассивного подчинения нормам или псевдонормам. Это значит предпочесть ограничение насилия наказанию так называемого виновного или так называемой абсолютной справедливости. Это значит намечать себе конкретные, достижимые цели, соответствующие вековому закону международных отношений» (Арон. 1984. Р. 572).

Таким образом, в основе политического реализма лежит веберовское понимание политической морали. По М. Веберу, необходимость прибегать к плохим средствам, свойственная политической морали, находит свое логическое завершение в сфере международных отношений. Считая, что высшей ценностью государственных деятелей является сила соответствующего, государства, он не только устраняет из политической сферы моральный выбор относительно целей государственной внешней политики, но и фактически переносит этот выбор в область средств. А решающим средством политики Вебер называет насилие.

Хотя такое понимание является неизбежным для гоббсовской традиции, рассматривающей международные отношения как сферу непримиримых моральных конфликтов, разрешаемых насильственными средствами, и оно, однако, далеко не бесспорно.

Во-первых, сколь бы хрупкими и относительными ни были универсальные ценности в сфере межгосударственных взаимодействий, они тем не менее существуют. Одновременно существует и тенденция к увеличению количества универсальных ценностей и к возрастанию их роли в регулировании международных отношений. Новые ценности связаны, например, с императивами сохранения окружающей среды, сокращения социального неравенства, решения демографических проблем. В число наиболее приоритетных ценностей, приобретающих все новые измерения, выдвигается соблюдение прав человека. Как подчеркивает А. Самюэль, сегодня концепция прав человека наполняется новым содержанием, включая право журналистов на независимую информацию, права личности на эмиграцию и конфессиональную свободу, права заключенных и беженцев, права ссыльных и права детей.

В результате возникает настоящий «интернационал Прав Человека». Проводятся международные конференции, стоящие над межгосударственными конфликтами и мобилизующие общественное мнение против насилия, где бы оно ни совершалось — в ЮАР или в Ираке, в секторе Газа или на площади Тяньаньмьнь. Правительства испытывают растущее давление, призванное обеспечить соблюдение Хельсинкских соглашений {*Samuel*. 1990. Р. 211—215).

Во-вторых, даже если согласиться с тем, что высшей ценностью для государственного руководителя является сила (могущество) его государства, трудно отрицать то, что разные лидеры имеют различные представления как о приоритетных элементах ее состава (темпы экономического роста, благосостояние нации, военное могущество, лидирующее положение в союзах, социально-политическая стабильность, престиж в международном сообществе и т.п.), так и о средствах ее достижения. Достаточно сравнить соответствующие представления официальных лиц советского государства и постсоветской России.

Наконец, в-третьих, не удовлетворяет и то, что политический реализм персонифицирует моральный выбор в области международных отношений, отдавая его «на откуп» государственным лидерам, что неизбежно приводит не только к моральному релятивизму, когда остается «только давать советы правителям и надеяться, что они не будут сумасшедшими» (*Агон*. 1963. Р. 321), но и к моральному прагматизму т.е. к подчинению индивидуальной морали политической этике, столь знакомому нам во времена советского режима.

Пытаясь избежать нормативных суждений, представители *модернизма* считают этику несовместимой с экспериментальной наукой. Вместе с тем некоторые из них полагают, что в рамках позитивного исследования можно (а в какой-то степени и нужно) принимать во внимание признанные в обществе нормы, если рассматривать их как факты. Можно также задаться вопросом об эффективности моральных норм. Так, К. Холсти различает три уровня, на которых моральные нормы способны влиять на поведение международного актора: уровень целей, провозглашаемых правительством (мир, справедливость и т.п.); уровень методов действия (декларируемая правительством приверженность некоторым принципам поведения, например, принципу ненасилия); все решения, принимаемые «*hie etnunc*» («здесь и теперь»). Именно последний уровень «важнее всего в этическом плане, так как именно здесь проявляется способ достижения государством своих Целей, и этика кажется наиболее применимой к международной политике» (*Holsti*. 1967. Р. 432). В целом же представители модернизма сходятся с политическими реалистами в позитивистском искушении установить четкое различие между объективными фактами и ценностями-

ми, которые, по их мнению, не могут оказать сколь-либо существенного влияния на международные отношения и, напротив, сами зависят от соотношения сил между государствами.

Однако в действительности анализ международных отношений не может не учитывать нормативных суждений и ценностей, затрагивающих такие основополагающие явления, как мир и война, справедливость и свобода, интересы и цели и т.п. Без этого невозможно понять мотивы поведения международных акторов, а значит, и скрытые пружины функционирования международных отношений, которые отнюдь не сводятся к конфликту национальных интересов, или соотношению сил между государствами.

Холизм, индивидуализм, деонтология

В отличие от позитивистских традиций, холизм, индивидуализм и деонтология представляют собой методологические подходы, которые не только не исключают ценности и нормы из рассмотрения причинно-следственных связей и самого состояния международных отношений, но и ставят их в центр своего внимания. Одна из важных проблем, возникающих в этой связи, касается соотношения индивидуальной этики и политической нравственности.

Например, для реалистских позиций характерным при ее решении является *холизм*. Международная мораль — разновидность политической морали. Согласно одному из наиболее распространенных мнений, «политика — грязное дело» (Баталов. 1995)¹, поэтому требования индивидуальной и так называемой общечеловеческой морали здесь неуместны. Как мы уже видели, именно эта позиция (одним из наиболее четких и последовательных сторонников которой был Н. Макиавелли) нашла свое концептуальное выражение в рамках канонической реалистской парадигмы. Сторонники этой позиции понимают основной критерий международной политики как ее соответствие государственным интересам (в этом и состоит существо этики ответственности). Поэтому, согласно Г. Моргентау, если моралист задает вопрос, «соответствует ли эта политика нравственным принципам?», то политический реалист спрашивает: «Как эта политика влияет на силу нации?» (Morgenthau. 1948. P. 14). Это не отказ от индивидуальной этики, а

¹ «И вся эта грязь, кровь, насилие, жесткость и жестокость, — пишет Э.Я. Баталов, — естественное, хотя и далеко не всегда объективно неизбежное следствие функциональных взаимоотношений интересов и потребностей индивидов и групп, образующих социальное целое («полис»), поддержание жизнеспособности которого объективно задано политике как его главная цель» (Баталов. 1995. С. 7).

сосредоточение нравственного потенциала и нравственных требований в государственных деятелях плебисцитарно-харизматического типа.

Однако *холизм* характерен не только для теории политического реализма. В той или иной мере он свойствен большинству конкурирующих теорий международных отношений. Это видно из дискуссии между *коммунитарными* теориями международных отношений (с точки зрения которых на международной арене носителями прав и обязанностей выступают политические единицы) и *космополитическими* теориями (считающими, что моральные аргументы должны основываться либо на природе человека, либо на индивидах). Например, институционалистское течение делает вывод о неспособности общепринятых подходов к изучению международных отношений выдвинуть конструктивные идеи и гипотезы относительно причин и характера распространения прав человека. Вместе с тем претензии общепринятых подходов на обладание четкими доказательствами того, почему и как права индивидов будут распространяться, опираются на тезис об определяющей роли глобальной культуры в формировании государственных идентичностей (*Finnemore*. 1996). Однако указанные подходы не столь убедительны, как это кажется им самим, ведь в конечном итоге эта дискуссия сводится к спору по поводу «белого, западного, богатого мужчины» (*Wendt*. 1996).

Исходя из этих позиций, трудно говорить о какой-то самостоятельной роли моральных норм в регулировании международных отношений. По утверждению Шварценбергера, одного из представителей политического реализма, «главная функция международной морали состоит не в том, чтобы контролировать чье-либо поведение, а в использовании морали в качестве сильного оружия против потенциальных и реальных врагов» (*Schwarzenberger*. 1964). Поэтому в дальнейшем индивидуальная этика, даже в том урезанном виде, в каком она присутствовала в работах политических реалистов, уступила место антропоморфной этике, наделяющей моральным статусом само государство.

В 1960-е гг. давление взаимозависимости и проблемы, связанные с кризисом собственной политической реализму государственно-Центричной модели международных отношений, вызвали к жизни иные концептуальные подходы, которые значительно потеснили (хотя окончательно и не вытеснили) теорию политического реализма. Однако и транснационализм, и появившийся в 1970-е гг. неореализм, и структурализм, развернувший свою аргументацию в 1980-е гг., несмотря на внешнюю либерализацию своих подходов в осмыслении роли Индивидуальной этики, по сути, не продвинулись вперед по сравнению

с политическим реализмом. Идея моральной независимости государственного деятеля — этой символической фигуры, призванной олицетворять национальные интересы, — была вытеснена сложной системой абстрактных ценностей, меняющихся в зависимости от времени. Одновременно в пользу эмпиризма была отброшена и антропоморфная этика. В результате возникает угроза подавления индивида и опасность устойчивого конформизма участников международных отношений (Гизен. 1996. С. 44-46).

Мало что изменил в осмыслении содержания и роли моральных ценностей в сфере международных отношений и *методологический индивидуализм*. С его позиций объяснение следует искать в качествах или взаимодействиях независимо существующих индивидов. Данное течение принимает в науке о международных отношениях форму рационализма (теория рационального выбора и теория игр, рассматривающие варианты логики поведения в условиях принуждения: дилемма заключенных, игра с нулевой суммой и т.п.). По признанию его сторонников, она в большинстве случаев деградирует в редукционистское объяснение идентичностей и интересов, интерпретируя их на основе изучения поведения как реакции на внешние влияния (Wendt. 1987). Это означает, что методологический индивидуализм не в состоянии помочь при анализе проблем существа и регулятивной роли международной морали.

На рубеже 1980—1990-х гг. возникает новая разновидность методологического индивидуализма, так называемый *деонтологический подход* к проблеме. Он провозглашает основной сферой проявления и высшим критерием действительности индивидуальной морали в международных отношениях сферу нрав человека (подробнее о деонтологии см.: Алексеева. 2000. С. 136—167). «Деонтологическая этика, — подчеркивает К.-Г. Гизен, — признает действие нравственно справедливым, если оно отвечает нормам, которые нравственны сами по себе, независимо от их возможных последствий и соответствия общепризнанным ценностям существующей морали» (Гизен. 1996. С. 47). Главное в деонтологическом подходе — рациональное обоснование ограничения объема абсолютных прав и обязанностей индивидов. Речь идет о поиске intersubjective основ высших этических критериев. Гизен называет два типа таких основ: принцип общепризнанности, возвращающий нас к кантовскому пониманию, и принцип всеобщности естественно-морального порядка, соответствующий этике естественного права (там же. Р. 48). Основное преимущество деонтологической этики ее сторонники видят в возможности установления на ее основе жестких пределов для любого действия индивида или в отношении индивида.

Однако деонтология не решает проблем гуманизации международных отношений. Во-первых, при всей своей внешней новизне, она достаточно тесно связана с тем, что М. Вебер называл «этикой убеждения», и, следовательно, уязвима перед упреками в недооценке возможных последствий основанных на ней политических действий (*Вебер*. 1990. С. 694—705). Во-вторых, этика естественного права, лежащая в основе деонтологии, также уязвима: базируясь на предположении о неизменности не только человеческой природы, но и окружающей среды (как естественной, так и социальной), она допускает, в случае возникновения в этой среде новой ситуации, возможность трансформации моральных критериев, т.е. возможность морального релятивизма. Наконец, в-третьих, если считать, вслед за сторонниками деонтологической этики, что главным ее преимуществом является возможность установления на ее основе жестких пределов для любого действия индивида или в отношении индивида (*Гизен*. 1996. С. 48), то трудно уйти от вопроса, кто и каким образом будет устанавливать эти пределы. Вероятно, частично это будут международные организации и существующие на основе совместно выработанной юрисдикции фундаментальные права и свободы человека. Однако в практике международных отношений последних лет сфера прав человека часто рассматривается не столько как область юрисдикции, сколько как область нравственного выбора, что порождает новые проблемы, связанные с коллизией права и морали.

Один из широко обсуждаемых вопросов международно-политической науки, связанный с ролью морали в сфере международных отношений, — это вопрос о гуманизации данной сферы. Сфера международных отношений ассоциируется с проникновением в нее ценностей и норм индивидуальной этики, с тенденцией подчинения международных акторов универсальным правилам поведения, вытекающим из общечеловеческой морали. Поэтому проблемы, связанные с возрастанием роли случайности в международных отношениях и парадоксом участия (которые были рассмотрены в гл. 8), выглядят еще более сложными в свете тех перемен, которые происходят в ценностных ориентациях личности. В наши дни наблюдается быстрое распространение феномена *аномии* — утраты индивидом какой-либо базы самоидентификации, потери общих нормативных и ценностных ориентиров. Проявлением этого феномена становятся все более многочисленные и разнообразные социальные девиации: рост преступности, неясность Жизненных целей, сознательное пренебрежение духовной ориентацией в пользу неумеренных материальных целей, а также связанные с этим социальный хаос и снижение предсказуемости политических процессов (*Покровский*. 1995. С. 50—51). Однако проблема морали в между-

народных отношениях не ограничивается только аномией. Другими полюсами такого ограничения становятся *униномия* — принадлежность к крайне узкой базе идентификации, лишаящая индивида гибкости в его социальных отношениях, — и *плюриномия* — расплывчатая принадлежность к нескольким базам самоидентификации (Эрман. 1996. С. 62—63). Можно полностью согласиться с замечаниями Ж. Эрмана о том, что «нашему времени свойственна ярко выраженная плюриномия, господствующая в условиях, в которых «новейший индивид отказывается от жесткой однолинейной принадлежности и стремится прожить несколько жизней, когда всемирный триумф капитализма, отрывающего культурную идентификацию от территориально-географической основы, порождает нечто вроде социальной шизофрении» (там же). Таким образом, демократизация международных отношений, проявляющаяся в росте свободы пересечения границ, либерализации международной торговли, различного рода обменов, влечет за собой множество таких парадоксов, которые не могла предвидеть марксистская концепция о «возрастании роли народных масс в истории» как выражении общественного прогресса. С другой стороны, указанные парадоксы свидетельствуют об упрощенности неолиберальной трактовки происходящих процессов, о чем более подробно будет сказано ниже.

Пока же отметим лишь то, что многообразие трактовок международной морали не позволяет дать окончательный ответ на вопрос о ее сущности и содержании ее регулятивной роли во взаимодействии субъектов мировой политики. Тем не менее это вовсе не лишает их значимости: каждая из множества трактовок обращает внимание на тот или иной аспект, раскрывает ту или иную сторону проблемы, обогащая ее видение. Кроме того, различные трактовки взаимно дополняют друг друга в том, что подводят к выводу, тривиальному лишь на первый взгляд, — о действительном наличии этических норм в международных отношениях.

Дефицит правил вовсе не свойствен международным отношениям, как пишут французские ученые Б. Бади и М.-К. Смуте (*Badie, Smouts*. 1992. Р. 114). Добавим, что значительная доля среди этих правил принадлежит моральным нормам, побуждающим, согласно Э. Дюркгейму, к добровольному подчинению социальному принуждению.

В то же время, как мы могли убедиться, эти нормы носят противоречивый характер. Поэтому, отвечая утвердительно на вопрос о существовании специфического рода морали — морали международных отношений, — мы сразу же сталкиваемся со следующим вопросом: каковы ее главные требования и претерпевают ли они изменения в эпоху глобализации.

3. Основные императивы международной морали в свете глобализации

Главные требования международной морали

При рассмотрении этого вопроса исходным является тезис о том, что моральные императивы определяются принципами международно-политических отношений. Минимальный моральный императив международно-политического поведения требует от каждого государственного актора руководствоваться необходимостью сохранения других легитимных участников международных отношений, ибо это — то «минимальное добро, без которого все исчезнет» (*Braillard, Djalili*. 1988. P. 103). Речь идет прежде всего о сохранении мира, так как именно в войне национальное высокомерие находит свое наиболее полное проявление, презрение к общечеловеческим нормам и правам других (*Hoffmann*. 1981. P. 55). Вместе с тем, как свидетельствует история человечества и современные события на мировой арене и, в частности, в постсоветском геополитическом пространстве, указанный императив не стал основой осознанного международно-политического поведения всех государственных деятелей. Теоретическое объяснение этому факту можно найти в стихийном следовании традиционному подходу к состоянию войны. В соответствии с ним, война не противоречит политике. Во-первых, потому что человек воспринимает свою принадлежность к политическому миру именно через борьбу с другими. А в межгосударственных отношениях война даже обеспечивает осуществление политики, является ее основным средством, поскольку она является условием выживания государств. Во-вторых, война не противоречит человеческой сущности, а даже придает смысл существованию человека, поскольку, когда он готов жертвовать собой, он способен осознать подлинное значение свободы. Отказ от войны, при таком подходе, равносильен отказу от свободы. А без свободы нет политической демократии. И, в-третьих, война не противоречит общечеловеческой морали: библейское «не убий» не относится к уничтожению вооруженного противника — представителя другого государства-нации — на поле брани (*Tenzer*. 1991. P. 61).

Однако современные реалии ядерно-космического века в корне меняют ситуацию. Учитывая новейшие средства вооружений, существование в мире многочисленных АЭС, огромного количества хранилищ горюче-смазочных материалов и потребляющих их механизмов и устройств, близкое к критическому состояние окружающей среды и т.п., нравственная оценка войны не может оставаться прежней. Изменился

И характер вооруженных конфликтов: сегодня они фактически лишены традиционного разделения фронта и тыла, а потому неизбежно сопровождаются несоразмерными жертвами и лишениями среди мирного населения. Так, число беженцев (главным образом, женщин, детей и стариков), которым удалось покинуть зону грузино-абхазского конфликта только организованным путем (при помощи российских военнотранспортных средств), достигло более 2 тыс. человек. Никто не подсчитывал соотношение жертв среди гражданского населения в вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР, но есть все основания полагать что оно близко к соотношению жертв арабо-израильского конфликта, где 90% пострадавших приходится на мирное население (*Samuel. P. 207*).

Вот почему усилия международных организаций, и прежде всего ООН, направлены не только на привлечение мирового общественного мнения к моральному осуждению войн и насилия, в международных отношениях, но и на организацию действенных мер по прекращению существующих и предотвращению новых вооруженных конфликтов. Задачи эти отличаются чрезвычайной сложностью, особенно учитывая неоднозначный, рискованный характер принимаемых мер, в том числе и с точки зрения неоднозначности их актуальных и потенциальных моральных оценок. Например, позиция руководства России по отношению к войне в Персидском заливе, и в особенности к ракетным ударам американской авиации по Багдаду, вызвала противоречивую реакцию со стороны различных политических сил как в самой стране, так и за ее пределами. При этом налет демагогичности в рассуждениях коммунистов и «патриотов» об аморальности российского правительства, поддерживавшего «агрессию американского империализма» против суверенного государства, имевшую следствием гибель невинных людей из числа гражданского населения, не дает возможности решить саму проблему. Действительно ли главной целью администрации Дж. Буша была защита ростков нового — правового, следовательно, справедливого — международного порядка, предпосылки к сознательному созданию которого усилиями мирового сообщества появились с окончанием холодной войны? Или же в основе принятого решения лежал холодный расчет, связанный с геополитическими интересами США в этом регионе мира, наиболее богатым нефтью? Как увязать данное решение со взятой на себя Соединенными Штатами ролью основного поборника прав человека во всем мире? Ведь в рассматриваемом примере было нарушено основное из этих прав — право на жизнь множества ни в чем не повинных людей, ставших жертвами решения, принятого за тысячи миль от их дома. Следовало ли России, учитывая все эти вопросы, оказывать политическую поддержку действиям

США? Аналогичные вопросы встают и в связи с ракетным ударом США по иракскому разведцентру 26 июня 1993 г., в результате которого погибло шесть мирных жителей. Достаточным ли основанием для такой акции является доказанность вины нескольких человек, готовивших (т.е. имевших намерение) по заданию иракской разведки покушение на экс-президента Дж. Буша? И не является ли данная акция следствием политики «двойного стандарта», подобно подходу Запада к оценке эстонского Закона об иностранцах, нарушающего права русскоязычного населения в этой стране?

Если же говорить не только о межгосударственных, а о международных отношениях в целом, то вышеназванный императив приобретает еще более широкий смысл, трансформируясь в необходимость действовать так, чтобы способствовать преобразованию международной среды «из состояния джунглей в состояние международного общества» (*Hoffmann*. 1981. Р. 46), или, точнее говоря, более тесной интеграции мирового сообщества (*Bosc*. 1963. Р. 174). Речь идет о том, чтобы способствовать социализации международных отношений в том ее аспекте, который касается моральных (и правовых) норм, призванных играть, по крайней мере, такую же роль, какую они уже играют во внутриобщественных отношениях. Данная задача является не менее сложной и противоречивой, чем задачи морального осуждения войн и насилия, ликвидации вооруженных конфликтов, о которых упоминалось выше. Во-первых, потому что она связана с необходимостью^) сознательного формирования нового международного порядка, который, как будет показано далее, понимается по-разному, в том числе и в морально-нравственном отношении. Во-вторых, социализация, сама по себе отнюдь не панацея в решении проблем международной морали, особенно в том, что касается таких принципов, как счастье и справедливость.

Еще Ж.Ж. Руссо предупреждал, что социализация вызывает эффект сравнения себя с другими, последствиями чего являются зависть и корыстолюбие, хитрость и насилие. Во времена обострения «холодной войны», которое сопровождалось наибольшей непроницаемостью разделяющего человечество на «два мира» «железного занавеса», отсутствие возможностей для сравнения вызывало то, что, например, многие советские люди, лишенные информации об условиях жизни в западных странах, чувствовали себя относительно счастливыми, ощущая «заботу партии и правительства о справедливом распределении социальных благ и неуклонном повышении уровня жизни советского народа». Когда же, после краха «железного занавеса» и появления новейших средств связи и массовой информации, они получили возможность сравнивать, то возник эффект относительной депривации: мно-

гие почувствовали себя обездоленными, лишенными элементарных благ цивилизации и, соответственно, глубоко несчастными. Даже та минимальная либерализация, которая стала чертой российской социально-политической действительности последних лет, вместо ожидаемых от наиболее динамичной части населения усилий по обустройству своей страны, принесла эффект массовой эмиграции на Запад. Культурная экспансия Запада, ставшего своего рода референтной группой в обмене культур, приносит с собой не только богатство и многообразие мировой цивилизации, но и агрессивные суррогаты искусства, сопровождаемые подавлением национальных культурных ценностей. В более широком плане указанные процессы депривации затронули целые народы и даже континенты (Африка), которые столкнулись с проблемой сохранения своей культурной идентичности, разбалансированности социальных и политических условий жизни (в то время как процессы демократизации проходят крайне болезненно и неровно).

Глобализация и новый нормативизм

Современная теория международных отношений вновь тяготеет к нормативизму. Это характерно для всех ее основных парадигм, хотя и проявляется в них по-разному. Так, представители неореализма настаивают на сохранении приоритета тех ценностей, которые связаны с ролью государства и его интересами в ситуациях нравственного выбора. Сохранение этого положения, с их точки зрения, — залог безопасности и порядка в международных отношениях (см., например: *Walt*. 1987).

Напротив, сторонники неолиберализма говорят о том, что попытки сохранения прежней роли государства в современных условиях аморальны, ибо, создавая препятствия на пути глобализации, они ведут к нарушению демократических прав и, в частности, права на индивидуальный выбор рода занятий (*Martin*. 1999).

Существует и промежуточная позиция, которой придерживаются представители структурного неореализма и теории режимов (Р. Гилпин, С. Краснер). Обращая особое внимание на многофункциональную взаимозависимость политических, экономических и военных компонентов международной системы, на сложное сочетание различных режимов и институтов, они в конечном итоге делают вывод о том, что государство становится лишь одним из участников международных отношений. Участники стремятся занять в международных отношениях наиболее выгодное положение. В результате идея моральной ответственности лиц, принимающих решение от имени государства, свой-

ственная политическому реализму, оказывается вытесненной сложной системой абстрактных норм и ценностей, связанных с проблемой нравственности институтов и структур. Отсюда убежденность сторонников такой позиции в моральной силе обычая, который определяется как этическое понятие (см. об этом, *Гизен*. 1996. С. 45—46).

По мнению Б. Бади, выявляя проблему приспособления государства к новым трансформациям, структурный неореализм и теория режимов не учитывают две связанные с нею опасности, которые оборачиваются «распадом государственной рациональности». Дело в том, что государство, руководствуясь принципом пользы, делает все больше уступок, во-первых, транснациональным вызовам и, во-вторых, субнациональным акторам, выдвигающим примордиалистские требования. Именно с этим и связаны гипотезы об утрате значения государственного суверенитета, исчезновении роли географии, размывании гражданской лояльности, неактуальности вопроса о неприкосновенности границ... (*Badie*. 1998. P. 53).

В данной связи, как считает Б. Бади, возникает важный вопрос, отражающий кризис как теоретических парадигм, так и самой практики международных отношений. Он может быть сформулирован следующим образом: что представляет собой государство — цель в себе или инструмент человеческого общества.

С позиций реалистской парадигмы оно предстает как цель в себе. Однако глобальная релятивизация суверенитета, кризис «импортированного государства», новые формы интеграции показывают необоснованность такой позиции. В наши дни возникают независимые от межгосударственных границ «общие блага» человечества; углубляется взаимозависимость политических сообществ и экономик; наблюдается многообразие интеграционных процессов. Государство предстает уже не как самоцель, а как инструмент политики. Его роль сводится к тому, чтобы представлять человеческое сообщество и служить ему. Это сообщество уже не является узко суверенным: оно включено в общество, многие параметры которого связаны с глобализацией. Теория международных отношений возвращается сегодня к теории социального контракта, которая все более заметно перекликается с концепцией *открытого человеческого общества*. Возникает проблема нравственной ответственности государства, как пишет Б. Бади (там же. P. 54). Причем, неся ответственность, государство остается суверенным. Однако ответственность затрагивает уже не только государственный суверенитет, существует не только в пространстве национального интереса, но и касается морального долга государства перед человечеством в целом: речь идет о таких сферах его существования, как экология, развитие,

мировая экономика, демография, права человека и распространение насилия.

Изучение данной проблемы ставит три важных вопроса. Первый — что означает указанная ответственность. Второй: в каком отношении она находится с фактическим неравенством возможностей государств. И третий: как выполнить этот моральный долг (см. там же, Р. 54—55). Б. Бади дает на них следующие ответы. Во-первых, каждое государство ответственно потому, что большинство его действий могут иметь глобальные, касающиеся всего человечества последствия. Поэтому оно имеет глобальные моральные обязательства, связанные с необходимостью вмешательства в то, что происходит за его пределами. Во-вторых, более сильные государства несут ответственность по отношению к более слабым. Данное положение частично совпадает с позицией сторонников реалистской парадигмы. Речь идет о заимствовании концепции морального долга великих держав за сохранение стабильности в международных отношениях, но с «изъятием» из нее реалистского подхода к государственному суверенитету. Наконец, в-третьих, выполнению морального долга мешает отставание существующих сегодня международных институтов от передовых идей и практики в области международных отношений. Институты, как пишет Б. Бади, — это последние бастионы сохранения суверенитета и государственно-центричной модели международных отношений (там же, Р. 55).

Такова концепция нравственной ответственности государства в условиях глобализации, которая, как это можно заметить, близка к неолиберальной трактовке проблемы международной морали. Но как она соотносится с современными реалиями международных отношений: способствует ли она росту справедливости в межгосударственных взаимодействиях? Не оборачивается ли она позицией, которая нередко квалифицируется как идея о «моральном превосходстве» Запада? Не означает ли «моральное обязательство вмешательства», субъектами которого способны быть, без сомнения, только великие державы, угрозу другим государствам, которые могут стать объектом вмешательства? Каковы критерии такого вмешательства, кто и на каком основании должен принимать решение о его необходимости?

Частичный и не бесспорный ответ на эти вопросы дала натовская акция в ситуации югославского кризиса 1999 г. Если у одних она вызвала полное одобрение и эйфорию, то другие, напротив, высказывают сомнение в ее нравственной обоснованности. Так, Вацлав Гавел, например, заявил, что гуманитарная интервенция НАТО в Югославии стала первой войной за универсальные принципы и нравственные ценности (Havel. 1999). Американский философ М. Уолзер, со своей стороны,

посчитал, что «когда мир оказывается бесповоротно поделенным на тех, кто осуществляет бомбардировки, и на тех, кому они предназначены, ситуация становится в моральном плане проблематичной даже в том случае, если бомбардировки могут оправдываться теми или иными обстоятельствами» {Walzer. 1999}.

На упрощенность описания югославского кризиса как гуманной акции в защиту прав человека и универсальных ценностей указывают и другие известные общественные деятели и ученые. Корнелио Самарагуа, президент МККК, высказывает тревогу по поводу распространения понятия «гуманитарная война», в рамках которого одна из сторон рассматривается «как гуманитарная, а другая — как дьявольская». По его мнению, подобное упрощение ведет к «дискриминации среди жертв»: есть «хорошие» жертвы, но есть и «плохие» — на стороне тех, кто выступает против гуманитарной интервенции (цит. по: *Gresh. 1999*). П. Аснер называет это феноменом «варваризации буржуа». Он состоит в том, что идея тех, кто считает себя гуманитарной стороной международных отношений, о бесконечной ценности каждой человеческой жизни относится ими лишь к своим согражданам. Поэтому они настаивают на «нулевых потерях» среди своих, но согласны на жертвы среди мирных жителей другой стороны, в том числе и среди населения, права которого хотят защитить (цит. по: там же).

Иначе говоря, новые явления в международной жизни порождают новые нравственные проблемы и новые моральные вызовы. В этой связи встает еще один вопрос: действенны ли нормы и принципы международной морали?

О действенности моральных норм в международных отношениях

Ответ на поставленный выше вопрос совсем не очевиден. Как мы могли убедиться, в основе международной морали лежит признание Ценности как универсалий — общечеловеческих принципов взаимодействия социальных общностей и индивидов, — так и частных интересов, оценивающих последствия поведения международных акторов. Другими словами, в международных отношениях, как и в общественных отношениях в целом, всегда существует дистанция между долж-чщ и сущим и, следовательно, разрыв между этикой долга и этикой обязанностей. Может ли мораль выполнять регулирующую функцию в международных отношениях, если сами ее критерии имеют в этой сфере двойственный характер?

Отвечая на этот вопрос, следует учитывать, что процесс социализации международных отношений не вышел за рамки сосуществования «двух миров», о которых говорит Дж. Розенау. Это мир государств и мир акторов «вне суверенитета». Первый значительно превосходит второй по своему общему потенциалу воздействия на характер общения на международной арене. Поэтому об уважении принципов и норм международной морали может идти речь только в рамках конкретных социокультурных общностей. Чем более глубоким является разрыв между социокультурными общностями, тем больше вероятность несоблюдения указанных норм. Нормы и установки международной морали вполне конкретны. Они зависят от обстоятельств: места — той социокультурной среды, в которой находятся акторы; времени — характерных именно для данного момента общепризнанных международных принципов; и ситуации — имеющихся в распоряжении акторов вполне определенных политических, экономических, технических и иных средств и возможностей реализации нравственных целей и ценностей.

Разные международные акторы исходят в своих действиях из разных нравственных установок и норм. То, что является сегодня добром и справедливостью, например, в вопросе о судьбе Черноморского флота бывшего СССР с точки зрения украинских руководителей, иначе воспринимается российскими политиками. Позиции же самих моряков и администрации Севастополя (вынужденного считаться с дестабилизирующей социально-политической ролью указанного вопроса) имеют собственные оттенки.

Социологическое измерение рассматриваемой проблемы выражается в дилемме «социального адреса». Справедливость для кого — для государств? Для их руководителей? Для их граждан (или для граждан одного из них)? Для регионального (или для мирового) сообщества? Политическое измерение сталкивается с еще более жесткой дилеммой. Из чего исходить при решении проблемы: из общепризнанных принципов международной морали (невмешательство, соблюдение договоров, сохранение мира, права человека и т.п.) или из национальных интересов? Но интерпретация первых зависит от социального контекста, а определение вторых никогда не может быть свободным от субъективизма и идеологии. Вот почему нельзя абсолютизировать ни то, ни другое. Как отмечают крупные авторитеты международно-политической науки, необходимо сочетание вечных общечеловеческих нравственных норм и интересов конкретной социальной общности, учет культурных особенностей международных акторов и рационального поведения, предусматривающего возможные последствия международных акций, использования всех резервов разума и осторожности во

взаимодействии на международной арене. Конечно, и такое сочетание при исследовании не избегает от проблем. С. Хоффманн, настаивая на том, что международная мораль (в данном случае мораль государственного деятеля) должна основываться на трех главных элементах — целях, средствах и умеренности, в то же время подчеркивает, что ни один из них, и даже все они вместе взятые, не дают абсолютной гарантии нравственной политики.

Конечно, цели международного актора должны быть нравственными, и зависят они от его моральной позиции. Однако последняя никогда не бывает простой. Во-первых, остаются открытыми вопросы о том, кто судит о моральности целей, или как определить, какие из них являются «хорошими», а какие «плохими». Во-вторых, намечаемым целям должны соответствовать и избираемые средства: последние не должны быть чрезмерными, т.е. хуже, чем то зло, которое предстоит исправить или не допустить (так, вступив в вооруженный конфликт с/ Азербайджаном за самоопределение Нагорного Карабаха, не принесли ли его руководство и политики Армении еще большее зло защищаемому ими народу?). Неверно избранные средства способны разрушить саму цель (так, попытка членов ГКЧП спасти СССР путем введения чрезвычайного положения стала одной из причин, ускоривших его развал). Поскольку международные акторы никогда не могут быть абсолютно уверенными, что избранные ими средства приведут к намеченной цели, то они должны руководствоваться моралью умеренности, которая в конечном счете означает «просто необходимость принимать во внимание моральные требования других» (*Hoffmann*. 1981. Р. 46). Иначе говоря, этика международных отношений требует от их участников взвешенности в определении целей, отказа от категоричности в выборе средств, постоянного соотнесения своих действий как с их возможными последствиями для данной социальной общности, которую они представляют, так и с общечеловеческими нравственными императивами; опора на интересы, не ограниченные соображениями собственной силы и безопасности при учете потребностей и интересов других акторов и международного сообщества в целом. Большого от этики международных отношений ожидать нельзя. Нравственное поведение международного актора — это не действия на основе некоего незыблемого свода правил, сформулированных для него кем-то внешним раз и навсегда (как бы хороши ни были эти правила). Скорее, это действия на основе разумного эгоизма, возможности которых зависят от социального контекста. Именно из этого следует исходить при оценке регулирующей функции международной морали: ее нельзя переоценивать, но невозможно и отрицать. Нарушение нравственных принципов и требований справедливости противоречит не только нормам между-

народного права, но и интересам тех, кто пренебрегает этими принципами и требованиями, ибо подрывает их международный престиж, а следовательно, уменьшает возможности достижения целей или же делает более сложными и дорогостоящими средства, ограничивая их выбор.

Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что проблема моральных ценностей и норм в международных отношениях является одной из наиболее сложных и противоречивых. Однако при всей относительности роли моральных ценностей в регулировании взаимодействия акторов на мировой арене, в социализации международных отношений, в преодолении присущей им некоторой аномии их роль, несомненно, возрастает.

Подтверждение данного вывода можно найти (помимо сказанного выше) и во все более настойчивых поисках учеными и политиками методов и средств преодоления конфликтов, эффективных путей сотрудничества, интеграции международных отношений. Именно этим проблемам и посвящены следующие главы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000.
2. *Баталов Э.Я.* Политическое — слишком человеческое // Полис. 1995. JV» 5.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
4. *Гизеи К.Г.* Между теорией принятий решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теориях международных отношений // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике. М., 1996.
5. *Дмитриева Т.К.* Мораль и международное право. М., 1991.
6. История дипломатии. Т. 3. М., 1945.
7. *Кориунов А.* Реализм и мораль в политике // Прорыв. Становление нового политического мышления. М., 1988.
8. *Покровский Н.Е.* Проблема аномии в современном обществе. М., 1995.
9. *Эрмачи Ж.* Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике. М., 1996.
10. *Awn R.* Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
11. *Aron R.* Une sociologie des relations internationales // Revue Francaise tie Sociologic. 1963. Vol. IV, № 3.
12. *Badie B.* Culture et politique. P., 1993.
13. *Badie B., Smarts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologic de la scene Internationale. P., 1992.
14. *Bosc R.* Sociologie de la paix. P., 1965.
15. *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations Internationales. P., 1988.
16. *Bougarel X.* Dans les Balcan, dix annees d'erreurs et d' arriere-pensees // <http://w\vw.monde-diplomatique.fr/1999/09/BOUGAREL/12422.html>
17. *Finnemore M.* National Interests in international Society. Ithaca; N.Y., 1996.

18. *Gresh A.* Les lois de la guerre // [http://www. monde-diplomatique.fr/1999/09/gresh/12468.html](http://www.monde-diplomatique.fr/1999/09/gresh/12468.html)
19. *Havel V.* Kosovo and the End of Nation-State // The New York Review of Books 06/10/1999.
20. *Hoffmann S.* Duties Beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics. N.Y., 1981.
21. *Hokti K.J.* International Politics. A Framework for Analysis. N.Y., 1967.
22. *Martin P.* Une obligation morale // [http://www. monde-diplomatique.fr/dossier/ft/martin.html](http://www.monde-diplomatique.fr/dossier/ft/martin.html) (9/26/1999).
23. *Morgenthau G.* Politics among nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.
24. *Pacteau B., Mougel F.-C.* Histoire des relations internationales (1815-1889). P., 1990.
25. *Samuel A.* Nouveau paysage international. Bruxelles; Lyon, 1990.
26. *Senardens P. de.* *La* politique Internationale. R., 1992.
27. *Senardens P. de.* Mondialisation, souverainete et theories de relations internationales. P., 1998.
28. *Smouts M.-C. (sous la dir. de).* Les nouvelles relations internationales. Pratiques et theories. P., 1998.
29. *Schwarzenberger G.* Power Politics. A Study of World Society. L., 1964.
30. *Tenzen N.* La politique. P., 1991.
31. *Walt S.M.* The Origins of Alliances. Cornell University, Itaca, 1987, 1990.
32. *Walzer M.* Guerres justes et injustes. P., 1999.
33. *Wendt A.* The agent-structure problem in international relations // International Organisation. 1987. № 41.
34. *Wolffers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore, 1962.
35. *Zorgbibe Ch.* Les politiques etrangeres des grandes puissances. P., 1984.

ГЛАВА 14

Конфликты в международных отношениях

Трудно найти другую проблему, исследование которой имело бы столь же фундаментальное значение для международно-политической науки и которая привлекала бы к себе столь же пристальное внимание ученых, как проблема международного конфликта. Разумеется, в этом нет ничего случайного: власть и сила, конфликт и безопасность составляют основу основ политики вообще и международной политики в особенности. Происхождение и развитие международно-политической науки неразрывно от их изучения. Проблемы конфликтов, кризисов и войн стали центральными в работах Фукидида, Никколр Макиавелли, Томаса Гоббса, Эдварда Карра, Ганса Моргентау, Кешгста Боулдинга, Джона Бертона, Эрнста Хааса, Оле Холсти, Анатоля Рапопорта, Томаса Шеллинга, Куинси Райта, Дэвида Сингера, Кеннета Уолца, Стивена Уолта, Роберта Кохэна, Джозефа Ная, Стивена Красиера и многих других ученых, чей анализ причин, характера, способов восприятия и путей разрешения международных конфликтов и кризисов, стал классическим. Вместе с тем даже совокупный вклад всех этих исследователей не исчерпывает данной проблемы, создавая только лишь методологические основы ее изучения и ставя перед ее исследователями новые вопросы. Эти вопросы связаны с природой конфликта как общественного и международного феномена. Конфликт — универсальное явление человеческих отношений, поэтому он вездесущ и одновременно многолик, что затрудняет его понимание (подробнее об этом см.: *Фельдман*. 1997. С. 13—17). В этом заключается то общее, что характерно для любой исследовательской проблемы, тем более для проблемы из такой области действительности, как международные отношения, которые представляют собой сферу неопределенности, постоянного обновления и во многом непредсказуемости. Каждый новый этап эволюции международных отношений рождает новые неожиданные явления, которые иногда лишь отдаленно напоминают уже известные феномены, поддающиеся анализу на основе накопленных знаний и сложившейся методологии, а иногда (почти) полностью переворачивают все известные представления.

Данная глава состоит из трех разделов. В первом даны основные трактовки понятий Конфликта и кризиса, а также описаны особенности этих явлений в эпоху холодной войны. Второй раздел посвящен наиболее распространенным направлениям изучения конфликта в международно-политической науке. Второй раздел содержит также описа-

1 Слово «почти» употреблено не случайно: по сути, как об этом свидетельствует история знания, даже самые крутые повороты в истории международных отношений не означают абсолютного и полного разрыва с предшествующими этапами. Преемственность (пусть самая минимальная) не позволяет отказаться от имеющегося знания. Вопрос лишь в том (а это ключевой, фундаментальный и потому совсем непростой вопрос), что в этом знании требует сохранения и дальнейшего развития в качестве основы для изучения новых явлений, а от чего следует решительно отказаться.

ние исследовательских подходов, которые во многом отражают характер изучения международных конфликтов в 1950—1990-е гг. Наконец, в третьем разделе рассматриваются особенности конфликтов, зародившихся уже после окончания холодной войны — «конфликтов нового поколения», или «конфликтов XXI в.», как их иногда называют; приводятся источники и причины этих конфликтов, их характер и содержание, а также механизмы урегулирования. В конце главы даны общие выводы, в которых показаны относительность и неустойчивость имеющегося знания о рассматриваемой проблеме. Это знание необходимо для приближения к пониманию происходящих на международной арене процессов, однако оно всегда оказывается недостаточным как из-за неизбежной ограниченности информации, так и из-за глубины и изменчивости самой проблемы.

1. Понятие конфликта. Особенности международных конфликтов в эпоху холодной войны

Понятие, типы и функции конфликта

Существующее в научной литературе многообразие подходов к исследованию международных конфликтов во многом объясняется различием трактовок содержания понятия «международный конфликт». Кроме того, понятие «международный конфликт» имеет самостоятельное значение для выработки теоретических представлений, адекватных международной политической практике.

Известный американский ученый Л. Козер определял социальный конфликт как «столкновение между коллективными акторами по поводу ценностей, статусов, власти или редких ресурсов, в котором цели каждой из сторон состоят в том, чтобы нейтрализовать, ослабить или устранить своих соперников» (*Coser. P. 8*). Принимая такую точку зрения, некоторые исследователи международных отношений исходят из того, что конфликт имеет объективное содержание. Так, по К. Боулдингу конфликт — это «ситуация соперничества, в которой стороны осознают несовместимость возможных позиций и каждая сторона стремится занять положение, несовместимое с тем, которое хочет занять другая» (*Boulding. 1962*). Другими словами, речь идет о противоположности интересов, одновременная реализация которых участниками международного взаимодействия невозможна именно ввиду их объективности.

Иная точка зрения у Дж. Бертона, согласно которому «конфликт носит в основном субъективный характер... Конфликт, который как будто затрагивает «объективные» расхождения интересов, может быть преобразован в конфликт, имеющий позитивный результат для той и Другой из сторон, при условии такого «переосмысления» ими восприятия друг друга, которое позволит им сотрудничать на функциональ-

ной основе совместного использования оспариваемого ресурса» (*Burton. 1972. Р. 9-10*).

Представители акционалистской ветви в социологии международных отношений стремятся объединить преимущества обоих подходов. Рассматривая конфликт как несовместимость целей, они в то же время подчеркивают, что суждение об этой несовместимости не может основываться на одном лишь логическом сопоставлении последних, а требует «анализа практических условий, необходимых для их реализации» (*Derriennic. 1977. Р. ПО*).

Методологической основой отечественных исследований международного конфликта, нашедших отражение в литературе 70—80-х гг., чаще всего является положение диалектической философии о том, что конфликт — это крайняя форма обострения противоречия (см.: *Антюхина-Московченко* и др. 1988. С. 96; *Доронина. 1981. С. 31*; *Международные конфликты. 1972. С. 15*). «Проявившееся противоречие, — пишут авторы учебного пособия «Основы теории международных отношений», — требует от сторон-носителей противоположных интересов действий по его разрешению (конечно, не обязательно немедленных). Если одна или обе стороны... при этом прибегают к стратегии конфронтации, то налицо конфликт» (см.: *Антюхина-Московченко* и др. 1988. С. 96). Близкое понимание международного конфликта можно встретить и в других работах (см., например: *Доронина. 1981. С. 33-34*).

Важное значение при изучении конфликтов имеет «угол зрения исследователя», в зависимости от которого формируются трактовка содержания конфликта и рекомендации относительно поведения в конфликте и его урегулирования (см. об этом: *Лебедева. 1997. С. 19*).

Широко распространено мнение о разрушительной и дестабилизирующей функции конфликта в общественных отношениях и о необходимости его избегания, недопущения или подавления. Однако, как было показано еще Зигмундом Фрейдом, конфликты — неотъемлемая часть социальных взаимодействий. Дж. Зиммель, Л. Козер и другие исследователи показали, что конфликт имеет множество, позитивных, созидательных функций. С этой точки зрения конфликт не допускает стагнации, стимулирует интерес и любопытство. Он выступает в роли медиатора, с помощью которого артикулируются проблемы. Конфликт является основой социальных и персональных изменений. Он представляет интерес для исследователя и может быть полезным элементом процесса тестирования и оценки кого-либо или чего-либо. Конфликт четко разделяет различные группы и этим способствует установлению групповой и персональной идентификации. Внешние конфликты часто приводят к внутреннему сплочению. Более того, как

показывает Козер, в нецентрализованных группах и *свободных* обществах конфликт, направленный на разрешение трений между противниками, часто играет стабилизирующую и интегрирующую роль. Институционализация конфликта нередко является важным стабилизирующим механизмом.

Типология конфликтов столь же многообразна, сколь многообразны их определения и так же зависит от «угла зрения», целей анализа и т.п. Конфликты между личностями, группами или государствами рассматриваются, соответственно, как межличностные, межгрупповые и международные (межгосударственные). Конфликты, которые происходят в рамках групп или государств, отличаются от межгрупповых и межгосударственных как внутренние — внутригрупповые и внутригосударственные — и внешние. Среди внешних конфликтов в качестве наиболее распространенных выделяют территориальные притязания, дипломатические споры, экономические противоречия. Они могут принимать формы вооруженных столкновений, войн, или же «мирных» (невооруженных) дипломатических демаршей, экономических санкций и т.п. С функциональной точки зрения выделяют конфликты конструктивные и деструктивные. В науке о международных отношениях особую важность имеет изучение таких типов конфликтов, как политический, внутри- и международно-политический, вооруженный и невооруженный, а также конфликтов-«схваток» и конфликтов-«игр» (подробнее см.: *Фельдман*. 1998. С. 21—25). В то же время важное значение сохраняется за изучением таких видов конфликтов, как конфликты с нулевой и с ненулевой суммой (см. об этом: *Лебедева*. 1997. С. 33-35).

Внутригрупповой конфликт часто вдыхает новую жизнь в существовавшие нормы или приводит к возникновению новых. Таким образом, конфликт выступает в роли механизма установки норм, соответствующих новым условиям. Создание или усовершенствование норм, в свою очередь, дает обществу «новое дыхание», укрепляет его стабильность и жизнеспособность. Подобный механизм отсутствует в жестких системах: подавляя конфликт, такие системы подавляют предупредительный сигнал, что в конце концов приводит к катастрофическим последствиям.

Внутригрупповой конфликт помогает также оценить относительную силу каждой из групп противоположных интересов, позволяя создать механизм сохранения или изменения внутреннего баланса сил. Возникновение конфликта означает отказ от существующих взаимоотношений внутри системы. В результате выяснения соотношения сил в ходе конфликта устанавливается Новый баланс сил, и взаимоотношения продолжают на новой основе.

Опираясь на эти выводы, профессор Йельского университета Мортон Дойч в своих работах (см., например: *Deutsch*. 1985) предпринял попытку (которая оказалась очень плодотворной) найти общее в содержании всех конфликтов и тем самым прояснить их природу. При этом М. Дойч исходил из нетривиального допущения, согласно которому конфликт имеет потенциальную персональную и общественную ценность. М. Дойч приводит типологию конфликта, разделяя конструктивные и деструктивные конфликты, а также систематизирует факторы, оказывающие влияние на их развитие. Кроме того, М. Дойч показывает, что соперничество не тождественно конфликту, ибо не все стадии последнего отмечены несовместимостью целей. В конфликте, возникшем из соперничества, несовместимость действий проистекает из несовместимых целей. В то же время конфликт может возникнуть и при отсутствии явной противоположности целей. Иначе говоря, конфликт может наблюдаться как в среде, характеризующейся соперничеством, так и в кооперативной среде. Процесс разрешения конфликта во многом зависит именно от характера среды. Кроме того, ни возникновение конфликта, ни его результаты не являются в полной мере детерминированными объективными условиями: важную роль играют психологические факторы участников конфликта, их восприятие друг друга и самого конфликта.

Конфликты и кризисы

Понятие «конфликт» иногда рассматривается как синоним понятия «кризис», но в основном их все же различают. Кризисы в общественных отношениях не сводятся только к обострению проблем в сфере внутри- и внешнеполитической безопасности. Они включают также природные бедствия и катастрофы, вызванные деятельностью человека, проблемы гуманитарного характера, экономические трудности и конфликты и т.п. Многие из подобных кризисов так или иначе «выходят» в сферу международных отношений, но не обязательно сопровождаются конфликтом. Иначе говоря, понятия «конфликт» и «кризис» могут не только сближаться, но и расходиться: уменьшение озонового слоя планеты или же потепление климата на Земле представляют собой кризисы, однако не влекут за собой конфликтов, а напротив, стимулируют международное сотрудничество в разработке мер по преодолению отрицательных последствий подобных явлений. Напротив, сокращение запасов природных ресурсов, продолжающийся рост населения планеты (главным образом в наименее развитых странах) представляют собой потенциальные источники конфликтов.

Под кризисом понимают стадию обострения конфликта, резкое, внезапное ухудшение конфликтных отношений (см.: *Лебедева*. 1997. С. 24—25). Однако ситуация может развиваться и в обратном направлении: не от конфликта через его обострение — к кризису, а от обострения кризиса — к развязыванию конфликтов. «Физическая агрессивность — одно из свойств человека. Только после достижения определенного экономического, образовательного и культурного уровня люди успокаиваются, — пишет Р. Каплан. — В свете того факта, что 95% прироста населения Земли приходится на беднейшие страны мира, вопрос состоит не в том, будет ли война (войн будет много), а в том, какой она будет. И кто с кем будет воевать?» (*Kaplan*. 1994. Р. 70).

В международно-политической науке под кризисом понимается национальная или международная ситуация, при которой существует угроза для первоочередных ценностей, интересов или целей актора. В основе такого понимания лежит определение кризиса К. Холсти как ситуации «непредвиденной угрозы важным интересам с ограниченными временем на принятие решения» (*Holsti*. 1972. Р. 9). Ключевая проблема кризиса — восприятие. Поэтому кризис — это не только ситуация, которая коренным образом отличается от рядовых событий, но это и восприятие событий как серьезной угрозы национальным интересам и ценностям (угрозы, которая возникает неожиданно и при дефиците времени для принятия ответных действий) лицами, принимающими решения в сфере безопасности. Так же как и конфликты, кризисы в международных отношениях неизбежны, и они требуют управления и урегулирования, а учитывая возможность их обострения и перерастания в вооруженное столкновение — активных мер для своего предупреждения или избежания путем использования национальных и международных институтов.

Таким образом, относительная самостоятельность кризиса в связке «конфликт — кризис», а также взаимосвязь этих двух элементов могут быть охарактеризованы следующими отличительными чертами. Во-первых, кризис связан с фактором времени: события во время кризиса развиваются очень быстро (по сравнению с их привычным течением), а институты и политики не готовы к этому. Во-вторых, характерными чертами кризиса являются интенсивность, уплотнение, напряженность происходящих событий, в результате чего затруднено быстрое понимание их сути. В-третьих, как уже говорилось, важной чертой кризиса является формирование восприятия сопровождающих его событий политическим классом, лицами, принимающими решения, населением. Иначе говоря, кризис всегда имеет свою субъективную сторону (переживается как угроза), которая может даже стать основной стороной его развития. В-четвертых, кризис нередко (хотя не всегда) сопровождается жестокостью, насилием, жертвами.

Особенности и функции конфликта в биполярном мире

Как показывает Д. Коляр (*Colard*. 1996. Р. 73—77), в эпоху холодной войны международные кризисы разворачивались в тени террора: они либо противопоставляли две ядерные сверхдержавы, либо ставили под угрозу неядерные страны. При помощи системы союзов НАТО и ОВД Соединенные Штаты и Советский Союз осуществляли защиту своих союзников и были вынуждены (во всяком случае, на оси Восток — Запад) соуправлять кризисами, чтобы избежать их развития в опасный военный конфликт в зонах действия ядерного устрашения.

В период советско-американской конфронтации (1949—1989) дипломатия кризиса (Берлин, Суэц, Куба, Вьетнам, Афганистан, Ближний Восток) замещала собой вооруженный конфликт, использовалась как средство его предупреждения и тем самым играла конструктивную роль в международных отношениях. Необходимость предупреждать, канализировать и регулировать кризисы вынуждала Вашингтон и Москву идти на сотрудничество, создавая своего рода союз против атомной войны.

Возникшее в политической науке рассматриваемого периода направление, которое получило название *crisis management*, стимулировало разработку многочисленных теоретических и практических методов и средств- (в частности, теории игр) исследования соперничества между Востоком и Западом. В условиях, которые Р. Арон описывал формулой «мир невозможен, война невероятна», кризис мог использоваться в качестве политического рычага для получения определенной выгоды со стороны противника и даже для изменения статус-кво (например, Берлинский кризис 1961 г. или Кубинский кризис 1962 г.) и достижения равновесия на новой основе и, следовательно, стабилизации международной системы в целом.

С другой стороны, в так называемом третьем мире кризисы представляли собой значительно большую трудность для контроля или урегулирования. Здесь, на периферии основного противостояния между Востоком и Западом, не действовало такое мощное средство сдерживания, как ядерное устрашение, поэтому риск превращения кризисов в вооруженные столкновения был гораздо больше, чем в центре этого противостояния. Такие столкновения были чреваты угрозой втягивания сверхдержав в локальные войны и возможного их перерастания в широкомасштабный ядерный конфликт.

В эпоху биполярного мира вооруженные конфликты и войны чаще всего имели место именно на периферии глобального противостояния сверхдержав — в слаборазвитых странах Азии, Африки, Латинской Америки. Многие из них имели колониальное происхождение и велись

движениями за национальное освобождение. В то же время многие конфликты стимулировались и подпитывались именно противостоянием сверхдержав: США и СССР в изобилии предоставляли противоборствующим сторонам оружие, снаряжение, техническую помощь, военных советников и т.п.

В эпоху холодной войны межгосударственные конфликты классического типа были достаточно редкими и находились под влиянием определяющего противостояния между СССР и США, Западом и Востоком. Таковыми были, например, Корейская война 1950-х гг. или же войны на Ближнем Востоке в 1960-е и 1970-е гг. Что же касается внутригосударственных конфликтов, то фактически они мало интересовали как противоположные стороны, так и ООН, которая рассматривала их (в соответствии со своим Уставом) с позиции невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Более того, даже кризисы, которые происходили внутри противостоящих блоков и характеризовались грубым нарушением суверенитета своих сателлитов со стороны сверхдержав, рассматривались как «сугубо внутренние дела» (именно так выглядели события в Гватемале в 1954 г.; в Венгрии в 1956 г.; в Доминиканской Республике в 1965 г.; в Чехословакии в 1968 г.; в Польше 1981 г.). В целом же международные конфликты периода холодной войны достаточно четко отличались от внутриполитических. Соответственно, разных подходов и методов требовало их урегулирование.

Урегулирование конфликтов: традиционные методы и институциональные процедуры

В отличие от внутриполитических конфликтов, которые разрешаются на основе юрисдикции данного государства, конфликты и кризисы в сфере международных отношений в большинстве своем не могут быть решены путем применения норм международного права, учитывая его особенности. Поэтому наиболее эффективными, а потому и чаще всего используемыми в международных отношениях признаются *политические методы*. В рамках политически., методов предупреждения и Урегулирования конфликтов различают традиционные и институциональные методы (см. об этом: *Merle*. 1995).

Традиционные методы

Как отмечают отечественные и зарубежные ученые (см., например: *Лебедева*. 1997; *Merle*. 1995), наиболее распространенными методами урегулирования конфликтов, известными в международных отношениях

еще с древних времен, являются переговоры, использование *услуг третьей стороны и посредничества*? с целью помочь сторонам прийти к согласию. Хотя последние две возможности «постороннего» вмешательства рассматриваются международным правом как совершенно законные, сами конфликтующие государства далеко не всегда соглашались на них добровольно. Гораздо чаще они предпочитают урегулировать свои споры непосредственно друг с другом. Гаагские Конвенции 1899 г. сделали в этом отношении шаг вперед, создав *комиссии по расследованию* с целью установления фактов, которые могли лежать в основе межгосударственного конфликта и быть его причиной. Функция таких комиссий, действующих под председательством «третьей стороны», заключалась в том, чтобы понять аргументы представителей спорящих государств.

Со времен Второй мировой войны известен еще один метод разрешения международных конфликтов, *метод примирения*. Он характерен тем, что элементы спора становятся предметом разбирательства смешанной комиссии под председательством «третьей стороны». Комиссия может не только устанавливать оспариваемые факты, но и формулировать решение в отношении сторон. Данный метод наиболее эффективен тогда, когда примирительные комиссии могут быть созданы заблаговременно.

Все указанные методы урегулирования межгосударственных конфликтов предполагают обращение к «третьей стороне», которая должна развести противников или облегчить достижение ими согласия. Основное нормативное условие, предъявляемое к «третьей стороне», — это требование беспристрастия. Однако, как подчеркивает М. Мерль, любое другое сходство с функционированием международно-правовых, норм должно быть отклонено: основное свойство всех процедур урегулирования состоит в том, что на всех этапах они являются *добровольными*. «Третья сторона» не обязана осуществлять вмешательство с целью урегулирования, сами конфликтующие государства не обязаны принимать такое вмешательство или формирование комиссии (Merle. 1995). Во всех этих случаях ключевое значение имеют принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Это означает, что мирное разрешение межгосударственных конфликтов и споров каждый раз зависит исключительно от доброй (или злой) воли государств и не может быть принудительным. Вот почему эффективность традици-

¹ Иногда его отличают от «оказания добрых услуг» (подробнее об этом см.: Лебедева. 1997. С. 105-107).

онных методов урегулирования конфликтов имеет достаточно ограниченный характер.

Институциональные процедуры

Возникновение и развитие универсальных межправительственных организаций (Лиги Наций, а затем ООН) дало возможность продвинуться в вопросе урегулирования межгосударственных конфликтов в двух направлениях.

Во-первых, странам — членам Лиги Наций, а затем и ООН *вменяется в обязанность* до любого применения силы (за исключением потребностей законной обороны) использовать только мирные средства урегулирования. В соответствии с Уставом ООН конфликтующие стороны должны сначала прибегнуть к одной из традиционных процедур урегулирования конфликта или же к механизмам, созданным для этой цели в рамках региональных соглашений, если таковые существуют (ст. 33). И только в случае провала этой инициативы стороны *должны* обратиться в Совет Безопасности (ст. 37). В свою очередь, Совет Безопасности (который в соответствии со статьей 35 Устава может быть созван и непосредственно) имеет право рекомендовать любой способ урегулирования, который считает наиболее подходящим для данного случая (ст. 36). Именно так поступил Совет Безопасности, когда он был созван по просьбе кубинского правительства, подавшего жалобу на США. В настоящее время традиционные, или классические, процедуры используются в рамках Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

Во-вторых, использование институциональных механизмов позволило придать таким механизмам коллективный характер. Теперь развести противников пытается не представитель «третьего» государства, а межправительственная организация, которая может принять следующие решения: направить Исследовательскую комиссию, предложить свои услуги, назначить посредника или же взять труд примирения на себя. Так, например, Палестинский вопрос в 1948—1949 гг. был решен на месте официальным посредником, назначенным Генеральной Ассамблеей. В 1970-е гг. рассмотрение политических проблем, связанных с заключением перемирия между Израилем и арабскими государствами, было возложено на Комиссию по примирению, назначенную Генассамблеей ООН. Таким образом, классические, или традиционные, процедуры урегулирования конфликтов не были отброшены. Напротив, им было придано новое дыхание через механизмы МП О.

Однако следует иметь в виду, что решающим критерием прогресса в урегулировании межгосударственных конфликтов остается *обяза-*

решения, то, будучи продолжена средствами военных действий, безусловно, обеспечит его» (*Гарт*. 1957. С. 339). Американский ученый Дж.М. Коллинз определяет «большую стратегию» как «науку и искусство использования элементов национальной мощи при любых обстоятельствах, с тем чтобы осуществлять в нужной степени и в желательном виде воздействие на противную сторону путем угроз, силы, косвенного давления, дипломатии, хитрости и других возможных способов и этим обеспечить интересы и цели национальной безопасности» (*Коллинз*. 1975. С. 40). Большая стратегия, по Дж.М. Коллинзу, в случае ее успеха устраняет необходимость в прямом насилии. Кроме того, ее планы не ограничиваются достижением победы, но направлены и на сохранение прочного мира (там же).

Центральная задача стратегических исследований — определить, каким должно быть наиболее адекватное поведение государства в конфликтной ситуации, чтобы оно было способно оказывать влияние на противника, контролировать его, навязывать ему свою волю. С появлением ядерного оружия перед специалистами в области стратегических исследований возник ряд принципиально новых вопросов, поиск ответов на которые придал новый импульс стратегической мысли. Стратегические исследования становятся на Западе одним из ведущих направлений в науке о международных отношениях. Достаточно сказать, что в США с целью осуществления таких исследований создано более тысячи институтов. При этом мы не говорим о Рэнд Корпорейшн, Вашингтонском институте оборонных исследований, Центре стратегических и международных изучений Джорджтаунского университета и др. (см. об этом: *Доронина*. 1981. С. 38). В Советском Союзе подобные изыскания велись в рамках ведомственных научных подразделений и прежде всего — исследовательских учреждений системы «силовых министерств». Сегодня в России и других постсоветских государствах существуют и независимые аналитические центры.

Одной из приоритетных проблем стратегических исследований является проблема войны, ее причин и последствий для того или иного государства, региона и международной (межгосударственной) системы в целом. Раньше война рассматривалась как хотя и крайнее, но все же «нормальное» средство достижения политических целей. Огромная же разрушительная мощь ядерного оружия породила парадоксальную с точки зрения традиционных подходов ситуацию. С одной стороны, государство, обладающее ядерным оружием, получает новые возможности для проведения своей внешней политики и обескураживающую любого потенциального агрессора способность обеспечивать свою национальную безопасность (в военном значении этого понятия). А с другой стороны, избыток мощи, который дает ядерное оружие, делает

абсурдными всякие мысли о его применении, о перспективе прямого столкновения между его обладателями.

Поэтому главный акцент делается не на военных, а на политических аспектах ядерных вооружений, не на стратегии вооруженного конфликта, а на стратегии устрашения противника. Порожденное стратегией устрашения «равновесие террора» позволяло удерживать глобальную международную систему в состоянии относительной стабильности. Однако это была, во-первых, статическая стабильность в ее конфронтационной форме (см. об этом: *Богатуров, Плешаков. 1991- № 2.*), и, во-вторых, она не способствовала устранению вооруженных конфликтов на уровне региональных и субрегиональных подсистем.

В конце 1980-х гг., с приходом к власти в ведущих странах Запада неоконсервативных сил, предпринимается попытка преодоления вышеназванного парадокса ядерных вооружений, возникает стремление выйти за рамки стратегии устрашения и реабилитировать понятие военной победы в ядерный век. В то же время в американской и западноевропейской политике в области вооружений и военных технологий рождаются новые тенденции. Администрацией Рейгана в США и французскими официальными политическими кругами в Европе были предприняты попытки выработать новую «большую стратегию», которая позволила бы открыть новую, «постядерную» эру в мировой политике. В рамках проектов, известных как СОИ и «Эврика», ставится цель создания принципиально новых типов вооружений, дающих преимущество не наступательной, а оборонительной стратегии и сводящих к минимуму возможные последствия гипотетического ядерного удара, а в перспективе призванных обеспечить их обладателям «ядерную неуязвимость». Вместе с тем оба проекта имеют и самостоятельное значение, стимулируя научные и технологические изыскания в ключевых отраслях экономики и общественного производства.

Окончание «холодной войны», развал Советского Союза и крушение биполярной структуры глобальной международной системы знаменуют поворот к новой фазе в разработке «большой стратегии». На передний план выдвигается задача адекватного ответа на вызовы, которые возникают из-за распространения в мире новых типов конфликтов, генерируемых ростом децентрализованного политического насилия, агрессивного национализма, международной организованной преступности и т.п. Сложность указанных задач, приобретающих особую актуальность в условиях все большей доступности новейших видов ^аРУжия массового уничтожения как ядерного, так и «обычного», Уменьшает возможность их решения путем стратегических исследований с традиционной для них «точкой зрения «солдата», пытающегося Избрать наилучшее поведение перед лицом противника и не задающе-

гося вопросами о причинах и конечных целях конфликтов. В наше время все большее распространение получают другие подходы, и в частности, существующие в рамках «исследования конфликтов».

Исследования конфликтов

Центральными для этого направления являются те вопросы, которые не рассматриваются «стратегическими исследованиями», т.е. вопросы, связанные прежде всего с выяснением происхождения и выделения разновидностей международных конфликтов. По каждому из этих вопросов существуют расхождения.

Относительно вопроса о происхождении международных конфликтов есть две позиции. Исходя из одной, международные конфликты можно объяснить причинами, связанными с характером структуры международной системы. Сторонники второй склонны выводить эти причины из контекста, т.е. внутренней среды системы межгосударственных отношений.

Например, Й. Галтунг, предложивший «структурную теорию агрессии» (*Galtung*. 1964), считает причиной международных конфликтов разбалансирование критериев, позволяющих судить о том месте, какое занимает данное государство в международной системе. Например, в соответствии с одними критериями у государства может быть высокое положение в системе, тогда как по другим критериям государство может занимать недостаточное или непропорционально низкое положение. Например, финансовая мощь такого государства, как Кувейт, диссонирует с его незначительным политическим весом; ФРГ, являвшаяся экономическим гигантом, была ограничена в своих дипломатических возможностях. Поэтому, например, можно сказать, что демографический, ресурсный, научно-технический и производственный потенциал России находится сегодня в явном противоречии с экономической ситуацией и с тем местом, которое она занимает в системе межгосударственных отношений.

«Возникновение агрессии, — утверждает Галтунг, — наиболее вероятно в ситуации структурного разбалансирования» (там же. Р. 98—99). Это касается и глобальной международной системы с наблюдающимся в ее рамках «структурным угнетением», когда индустриально развитые государства, в силу особенностей присущего им типа экономики, выступают в роли угнетателей и эксплуататоров слаборазвитых стран. Однако наличие структурного разбалансирования само по себе еще не означает, что вытекающие из него конфликты обязательно достигнут своей высшей степени — военного противостояния. Последнее стано-

вится наиболее вероятным при двух условиях: во-первых, когда насилие превращается в неотъемлемую и привычную черту жизни общества; во-вторых, когда исчерпаны все другие средства восстановления нарушенного баланса (там же).

Близки к рассмотренным и взгляды американского исследователя Органски. Основываясь на теории политического равновесия (баланса сил), в анализе причин конфликта он исходит из того, что нарушения структурного равновесия в международной системе объясняются появлением в ней государств-«челленджеров». Их растущая мощь приближается к мощи занимающих в мировом порядке ведущие позиции наиболее сильных держав, но значительно отстает от уровня их политического влияния (см. об этом: *Barren*. 1978. P. 325).

Еще одна разновидность «структурного» подхода к вопросу о происхождении международного конфликта — стремление объединить предложенные К. Уолцем три уровня анализа — уровня индивида, уровня государства и уровня международной системы (*Senarclens*. 1992. P. 41—49). На первом уровне исследование причин международного конфликта предполагает изучение естественной природы человека («*animus dominandi*», о котором упоминает Г. Моргентгау) и его психологии, и прежде всего особенностей психологического облика государственных деятелей (отражаемых, например, в теориях инстинктов, фрустрации, агрессии и т.п.). На втором уровне рассматриваются детерминанты и факторы, связанные с геополитическим положением государств, а также анализируется специфика господствующих в этих государствах политических режимов и социально-экономических структур. Наконец, на третьем уровне выявляются характерные черты международной системы: «полярность», или «конфигурация соотношения сил» (Р. Арон), другие структурные признаки.

К структурным представлениям могут быть отнесены и господствовавшие в советской литературе взгляды на характер и природу происхождения международных конфликтов. Происхождение конфликтов объяснялось неоднородностью глобальной международной системы. Для которой свойственно разделение на мировую капиталистическую систему, мировой социализм и развивающиеся страны, в среде последних, в свою очередь, выделяли процессы размежевания на классовой основе. Причины же конфликтов, их основной источник видели в агрессивной природе империализма.

Как уже говорилось, некоторые авторы основу зарождения международных конфликтов видят в особенностях взаимодействия межгосударственной системы и ее внутренней среды. С этой точки зрения вооруженным конфликтам или предшествующим им кризисам в наибольшей степени благоприятствует международный контекст, харак-

теризующийся размыванием или же резким изменением соотношения сил. В том и другом случае государства теряют ясное представление о их взаимном положении в международной иерархии и пытаются покончить с возникшей двойственностью (как это произошло, например, в отношениях между США и СССР во время «Карибского кризиса» 1962 г.).

Отсутствие общепринятого определения структуры международной системы затрудняет попытки разделить «структурный» и «контекстуальный» подходы. Впрочем, как подчеркивают исследователи, указанные подходы тесно связаны друг с другом и содержат ряд общих идей (*Baggea*. 1978. Р. 327). Их объединяет, например, явная приверженность государственно-центричной модели международной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями, главным из которых является сведение всего многообразия международных конфликтов к межгосударственным противоречиям, кризисам и вооруженным столкновениям. Об этом говорят и различные типы классификации конфликтов.

Так, Ф. Брайар и М.-Р. Джалили выделяют три группы международных конфликтов, которые отличаются по своей природе, мотивациям их участников и масштабам. К первой группе они относят классические межгосударственные конфликты; межгосударственные конфликты с тенденцией к интеграции; национально-освободительные войны и т.п. Во вторую группу включаются территориальные и не территориальные конфликты; последние, в свою очередь, могут иметь социально-экономические, идеологические мотивы или же просто вытекать из воли к могуществу. Наконец, в зависимости от масштабов конфликты подразделяются на генерализованные, в которые втянуто большое количество государств и которые способны перерасти в мировые конфликты, а также региональные, субрегиональные и ограниченные (по количеству участвующих государств) конфликты (*Brail-lard...* 1988. Р. 109).

Существует множество других классификаций, критериями которых выступают причины и степень напряженности международных конфликтов, характер и формы их протекания, длительность и масштабы и т.п. Подобные классификации постоянно дополняются и уточняются, предлагаются новые критерии и т.п. Однако следует отметить, что по крайней мере в одном отношении радикальных изменений в общей картине типологии и классификации международных конфликтов (за небольшими исключениями) пока не произошло. Речь идет о том, что наибольшее место в таких классификациях и сегодня по-прежнему отводится конфликтам между государствами. Это касается как отечественных, так и зарубежных работ, систематизированных

в нашей литературе в 1980-е гг. (см., например: *Доронина*. 1981. С. 58—87)¹. Такое положение не может не влиять и на развитие третьего направления в анализе международных конфликтов — «исследований мира».

Исследования мира

В рамках названного направления («автономность» которого, как и тех, что были рассмотрены выше, относительна) речь идет о широком комплексе вопросов, связанных с поисками путей урегулирования международных конфликтов. В изучении данной проблематики можно выделить три основных подхода. Один из них связан с традициями англосаксонской школы «Conflict Resolution» («регулирование конфликта»), второй основывается на видении, присущем европейскому течению «Peace Research» («Исследования мира»), третий делает акцент на процессе международных переговоров.

Значительную роль в развитии первого подхода продолжает играть созданный в 1955 г. при Мичиганском университете *Journal of Conflict Resolution*. Приверженцы данного подхода уделяют особое внимание анализу вопросов, связанных с механизмами разрешения и контроля конфликтов и с поиском на этой основе путей перехода от конфронтации к сотрудничеству. Большое значение имеет разработка математических и игровых методов изучения социального конфликта. Одна из широко распространенных идей состоит в том, что конфликты являются универсальным феноменом, присущим всем сферам общественной жизни. Это означает, что они не могут быть устранены, в том числе и в области международных отношений. Поэтому речь должна идти о таком анализе конфликтов, который позволил бы создать механизм управления ими с целью найти общую пользу для каждого из участников (*Wright*. 1965). С этой точки зрения существует четыре способа разрешения социальных конфликтов: 1) соглашение в результате совпадения мнения всех сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) соглашение,

¹ Как известно, отечественная социально-политическая литература этого времени отличалась идеологической перегруженностью, часто носила откровенно апологетический характер, объявляла любые позиции, не совпадающие с марксистско-ленинской парадигмой, ненаучными и т.п. В то же время указанные особенности нередко были в большой степени формальными, имели внешний характер. Это, в частности, относится ко многим работам, посвященным «критике буржуазных теорий», которые способствовали ознакомлению научной общественности с состоянием зарубежной науки в той или иной области.

навязанное одной из сторон конфликта; 4) ситуация, когда застарелый конфликт теряет свою актуальность и разрешается сам собой (Социальный конфликт... 1991).

Большую роль в осознании возможностей разрешения международных конфликтов мирными средствами сыграли публикации выходящего в Осло «Journal of Peace Research». Один из главных выводов, сделанных в рамках формируемого этим изданием идейно-теоретического течения, в том, что мир — это не просто отсутствие войны, но прежде всего законность и справедливость в отношениях между государствами (Senghaas. 1971). Й. Галтунг идет еще дальше, считая, что мир — это не просто отсутствие прямого насилия, но и отсутствие любых форм насилия, в том числе и тех, которые проистекают из структурных принуждений. Характерная черта данного течения западной конфликтологии — это большая степень нормативизма. Мир рассматривается его представителями не только как ценность, но и как цель, достижение которой предполагает активные действия его сторонников. Средства таких действий могут быть разными, некоторые из авторов не исключают даже временного использования силы, усугубляя тем самым внутреннюю противоречивость течения (Schmid. 1968).

Различия между рассматриваемыми течениями носят довольно условный характер. Подтверждением может служить тесное сотрудничество представителей всех этих течений в деле исследования происхождения, природы и способов урегулирования конфликтов. В 1972—1973 гг. президентом Международного общества исследователей мира (Peace Research International Society) избирается Д. Сингер, один из известных представителей американской школы бихевиоризма в науке о международных отношениях. С 1974 г. он возглавляет Комитет по изучению конфликтов и мира Международной Ассоциации политических наук. Немаловажно то, что оба течения важнейшим средством урегулирования конфликтов считают *переговоры*.

Проблема переговоров в западной конфликтологии становится относительно самостоятельной с середины 1960-х гг. Как отмечают отечественные специалисты, на работы по международным переговорам оказали влияние две во многом противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, разработка проблем мира (Peace Research), а с другой — идеи «силового подхода». Первая тенденция способствовала формированию представления о переговорах как о средстве разрешения международных конфликтов и достижения мира. Вторая же была направлена на разработку оптимальных путей достижения выигрыша на переговорах (Лебедева, Хрусталева. 1989. С. 107). Однако завершение эпохи холодной войны и глобальной конфронтации вызывает к

жизни новые тенденции в сфере переговоров. Эти тенденции сводятся к следующему:

1) международные переговоры становятся основной формой взаимодействия государств. Они активно воздействуют на дальнейшее уменьшение роли военного фактора;

2) растет объем и количество переговоров. Их объектом становятся все новые области международного взаимодействия (экология, социально-политические процессы, научно-техническое сотрудничество и т.п.);

3) возрастает переговорная роль международных организаций;

4) в сферу переговоров вовлекаются специалисты, не имеющие дипломатического опыта, но располагающие той компетенцией в области сложных научно-технических и экономических проблем, которая необходима при анализе новых сфер взаимодействия между государствами;

5) возникает необходимость коренного пересмотра процесса управления переговорами: выделения наиболее важных проблем для высшего государственного руководства; определения сферы компетенции разных рабочих уровней; разработки системы делегирования ответственности; повышения координирующей роли дипломатических служб и т.п. (О процессе международных переговоров... 1989. С. 7).

Разработка проблемы международных переговоров, обогащая новыми выводами, все больше выходит за рамки конфликтологии. Сегодня переговоры становятся постоянным, продолжительным и универсальным инструментом международных отношений, что вызывает необходимость выработки «переговорной стратегии», имеющей прикладное значение. Такая стратегия, по мнению специалистов, предполагает: а) определение действующих лиц; б) классификацию, в соответствии с подходящими критериями, их характеристик; в) выявление иерархии ценностей (ставок) в том порядке, в каком ее представляют себе стороны; г) анализ соотношения между целями, которых хотят достичь, и средствами, которыми располагает определенная сторона в тех областях, где она имеет возможность действовать (там же. С 76, 78).

В анализе международных переговоров наметились попытки целостного, системного подхода, понимание их как процесса совместного принятия решения в отличие от других видов взаимодействия (например, консультации, дискуссий, которые необязательно требуют совместного принятия решений), стремление выделить их отдельные фазы (структуру) с целью выявления специфики действий участников на каждой из них (см.: *Лебедева, Хрусталева*. 1989. С. 109—110). Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что сегодня уже существует некая

общая теория переговоров, частью которой является теория международных переговоров. Скорее можно говорить о существовании определенных теоретических основ анализа и ведения переговоров. Происходит это не потому, что переговоры не занимают самостоятельного места в решении международных проблем и не представляют собой цели, а потому что они являются лишь инструментом ее достижения.

Сказанное во многом относится и к исследованиям конфликтов. Несмотря на многочисленные попытки создания общей теории конфликтов, ни одна из них не увенчалась успехом (см. об этом: Международные отношения... 1993. С. 57). Не существует и общей теории международных конфликтов. На эту роль не могут претендовать ни полемология, ни конфликтология, ни социология конфликтов. Во-первых, многочисленные исследования не выявили какой-либо устойчивой корреляции между теми или иными атрибутами международных акторов и их конфликтным поведением. Во-вторых, те или иные факторы, которые могли бы рассматриваться как детерминирующие конфликтный процесс, как правило, варьируются на различных фазах этого процесса и поэтому не могут быть операциональными в анализе конфликта на всем его протяжении. Наконец, в-третьих, характер мотивов и природа конфликтов редко совпадают между собой, что также затрудняет возможности создания единой теории конфликтов, годной на все случаи (*Braillard, Djalili. 1988. P. 108*).

Оптимизм, выражаемый некоторыми видными специалистами относительно исследований международных конфликтов (*Singer. 1987. P. 292*), не помешал развитию кризиса, в который с конца 1980-х гг. эти исследования вступили.

3. Особенности «конфликтов нового поколения»

Общий контекст

Окончание холодной войны, крушение социалистического лагеря и развал СССР вывели на первый план те вопросы, которые отражают феномены массового масштаба, свидетельствующие о переходном характере современного международного порядка и не освоенные до конца ни одним из рассмотренных выше теоретических направлений в исследовании международных конфликтов.

Действительно, в эпоху холодной войны тотальный контроль над миром со стороны двух сверхдержав выполнял регулятивную роль в международных отношениях. В наши же дни ядерное оружие уже не имеет прежнего устрашающего и сдерживающего значения. Вместе с

развалом Советского Союза, исчезновением bipolarности и окончанием идеологического противоборства между Востоком и Западом произошло высвобождение «замороженных» прежде этнических, межплеменных, националистических конфликтов, столкновений социальных меньшинств, культурных идентичностей и иных явлений, достигающих сегодня кризисных масштабов во многих, особенно в слабразвитых, странах.

С окончанием холодной войны произошли глубокие изменения в правилах международных взаимодействий и в поведении их участников, особенно негосударственных акторов. Нельзя строить типологию конфликтов и кризисов, исходя лишь из идеологического и ядерного противостояния.

Глубина возникающего в этой связи комплекса проблем отражена американским ученым Дж. Розенау. Он обратил внимание на становящееся все более очевидным «раздвоение» международной арены, где «акторы вне суверенитета» демонстрируют сегодня влияние, которое по своим последствиям может конкурировать с влиянием традиционных (государственных) акторов (*Rosenau*. 1990). Значение новых акторов подчеркивают М.-К. Смуте и Б. Бади, французские специалисты в области политической социологии. Они отмечают трудности в идентификации негосударственных акторов, которые придают международным конфликтам и насилию роль «рационального» средства в достижении своих целей (*Badie, Smouts*. 1992). Исследователь Еврейского университета в Иерусалиме Мартин ван Кревельд подчеркивает фундаментальное отличие современной эпохи (с точки зрения наиболее типичных для нее конфликтов и войн) от всей предыдущей истории международных отношений. Начиная с 1648 г. войны почти всегда велись государствами и поэтому могли быть поняты на основе идей Карла фон Клаузевица, но теперь ситуация изменилась. Эпоха национальных государств и, следовательно, межгосударственных конфликтов подходит к концу, а с ней исчезает и ясное «подразделение на три субъекта — правительство, армию и народ», которое ранее возникло в связи с тем, что войны велись государствами (цит. по: *Kaplan*. 1994. P. 71). Известный американский исследователь и публицист Роберт Каплан считает, что войны XXI в. «будут субнациональными, то есть государствам и местным властям будет трудно защитить граждан физически. Именно так в конце концов погибли многие государства» (там же. P. 72).

К аналогичным выводам приходят и многие отечественные ученые. Так, эксперты СВОП отмечают появление феномена «падающих государств», которые становятся средоточием конфликтов, «базой «идеологизованного», фундаменталистского терроризма, «безопасной га-

ваныю» для международной оргпреступности, источником угрозы распространения оружия массового распространения (ОМУ) «для бедных» — химического и бактериологического оружия» (Стратегия для России... 2.15). М.М. Лебедева отмечает, что «современные конфликты — практически все внутригосударственные. Они получили название «конфликтов идентичности» и характеризуются плохой управляемостью, подключением многих участников, слабостью центральной власти и т.п.» {Лебедева. 2000. С. 31}.

Действительно, динамика вооруженных конфликтов, разразившихся в мире после холодной войны, говорит именно об этом: в последние годы самыми многочисленными вооруженными конфликтами стали этнические и сепаратистские. В 1993—1994 гг., согласно ежегоднику СИПРИ, в мире было зарегистрировано более 30 вооруженных конфликтов. 16 из них могли рассматриваться как международные, поскольку причиной их стали территориальные или пограничные требования; 12 имели внутригосударственную природу. В 1996 г. из 27 вооруженных конфликтов только один мог рассматриваться как международный. Новизна вооруженных конфликтов еще и в том, что они затрагивают уже не только страны «третьего мира», но и Европу, в частности Балканы и страны бывшего СССР. «Война возвращается в Европу. На смену жесткой системе отношений между Востоком и Западом, находившейся под контролем двух основных игроков с простым кодексом поведения, пришло множество новых игроков» {Давид. 1996. С. 196}.

В расколатом посткоммунистическом мире, как считает Д. Коляр {Colard. 1996. Р. 74—75}, вполне логичен возврат истории и географии, культуры и религий, этнических идентичностей и меньшинств. Это объясняет рост локальных кризисов и конфликтов, развитие новых форм вооруженной борьбы (герилья, терроризм, интифада, блокада, эмбарго, анархия насилия...).

Изменились и сами факторы мощи: наблюдается переход от мира с преобладанием классических войн к миру, в котором преобладают экономические и технологические конфликты. Роль дипломатии и стратегии становится менее важной, менее значительной, чем роль экономики и финансов.

Причины, участники, содержание

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в канун XXI в. изменились причины и источники конфликтов. Последние все чаще возникают на этнической и религиозной

основе. Все чаще возникают экономические и финансовые противоречия, проявляется обострение борьбы за рынки и ресурсы. В перспективе именно дефицит ресурсов (причем не только нефти и газа, но и воды, а также продуктов питания) превратится в одну из главных проблем. Борьба за доступ к ресурсам на местном, региональном и глобальном уровнях способна стать одной из наиболее распространенных причин конфронтации, вооруженных столкновений и войн. Новые конфликты тесно связаны со снижением влияния и эффективности государственной власти, с ее эрозией. Источниками кризисов и конфликтов становятся также нестабильность, слаборазвитость и нищета, которые благоприятствуют подъему религиозного интегризма, в частности исламского фундаментализма. Среди глубинных причин конфликтов нового поколения следует назвать социально-экономические и социально-демографические изменения: разрыв в доходах между различными странами и различными регионами в рамках одной страны; бурный рост урбанизации; продолжающееся обвальное увеличение населения в наименее развитых странах мира. В результате массового исхода сельского населения в города последние превращаются в огромные деревни, новое население которых, утрачивая свою идентичность, культурное самосознание, не имеет никаких шансов на трудоустройство. В странах с переходной экономикой модернизация не всегда может служить средством предотвращения конфликтов: способствуя увеличению разрыва в доходах населения, сопровождаясь обнищанием значительной его части, она подогревает индивидуальные и групповые амбиции при одновременном ослаблении лояльности по отношению к государству. Наконец, одной из причин современных конфликтов считают глобализацию. По мнению одного из обозревателей «Монд дипломатик» С. Латуша, подъем интегризма, усиление конфликтов идентичности и этнического терроризма представляют собой ответную реакцию на высокомерную политику безальтернативности либеральной демократии, ничем не ограниченной экспансии рынка, прав человека в их западной интерпретации. Подобная политика стала своеобразной формой этноцентризма с «транскультурными инвариантами», не допускающими никаких возражений. Ликвидируя таким образом культурное многообразие, глобализация порождает возникновение «племен», покорность, рост этницизма, взрыв конфликтов идентичности, а не сосуществование и диалог (см.: *Latouche*. 1999).

Во-вторых, меняются участники конфликтов. Конфликты между государствами, в том числе и военные, не исчезают, но перспектива крупномасштабных межгосударственных войн, типа двух мировых, становится все менее вероятной. Это не значит, что государство перестает быть одной из сторон конфликтов, однако его противником, или,

иначе говоря, другой стороной конфликта, все чаще будут выступать негосударственные акторы — экстремистские религиозные течения и преступные группировки (в том числе и внутри самого государственного аппарата); транснациональные преступные синдикаты, проникающие в самые разные структуры; террористические формирования и этнокультурные кланы... Иначе говоря, конфликты часто ведутся «с участием новых бойцов» (см. об этом: *Peters. 1994*), мотивы которых трудно понять. Они незаинтересованы в окончании конфликта, потере своего статуса «бойца», так как после окончания конфликта общество часто не может предложить им привлекательных стимулов для занятия созидательным трудом.

В-третьих, меняется характер и содержание конфликтов. Как уже было сказано, они все меньше и меньше являются межгосударственными и все более и более внутригосударственными. Иначе говоря, они происходят преимущественно в пределах внутренних границ государств, и, как правило, в густонаселенных, высокоурбанизированных и слабообразованных регионах. Все более распространенными становятся асимметричные, в силу сущностного несходства противоборствующих сторон, конфликты. Они приобретают характер раздробленных, децентрализованных процессов, с которыми гораздо сложнее бороться: «...на пространстве, где более не существует общих норм поведения и где происходит ослабление государств, любой, даже слабый стратегический игрок обладает неконтролируемой способностью уничтожения» (*Давид. 1996. С. 196*). Кроме-того, конфликты становятся все более продолжительными, все труднее определить точку их начала и окончательного разрешения. Неопределенность распространяется и на результат конфликтов: в отличие от обычных межгосударственных войн, в них становится гораздо сложнее выявить, кто победил и кто проиграл, они не имеют четких ограничений во времени. Указанная неопределенность касается не только времени, но и пространства: конфликты все больше распространяются в пространстве. При этом конфликтное пространство все меньше определяется государственными границами. Многие исследователи указывают на феномен своего рода «феодализации» — возникновение перемещающихся и многообразных центров власти, напоминающее ситуацию, господствовавшую в международных отношениях в средние века. Аналогия со средними веками возникает и в связи с такой характеристикой, новых конфликтов, как их растущая ожесточенность. Так как новые конфликты и войны вызывают у великих держав желание сосредоточиться на самих себе, то значительная часть слабообразованных стран «третьего мира» «сползает» к полной анархии. Конфликты и войны, которые возникают в странах «третьего мира», отличаются особой жестокостью, дикостью и варвар-

ством (см. об этом: *Kaplan. 1994; Давид. 1996*). Стирается разница между военными и гражданскими объектами, гражданские цели оказываются все менее защищенными. Многие из «новых бойцов» стремятся направить свои действия именно против гражданских объектов. *В-четвертых*, перечисляя отличия конфликтов и кризисов нового поколения от тех, которые были типичными для эпохи холодной войны, нельзя не отметить изменения в деятельности международных организаций. Прежде всего это касается такой универсальной организации, как ООН. Справедливая критика в ее адрес не должна заслонять того факта, что по сравнению с периодом холодной войны 1990-е гг. характеризуются определенной активизацией и деблокированием ее деятельности, ростом операций по поддержанию мира и участвовавшим вмешательством в кризисы и конфликты. Проведение миротворческих и гуманитарных операций под эгидой ООН перестает быть исключительным феноменом.

Механизмы урегулирования

Изменения касаются не только причин, участников и характера конфликтов в современном мире. Меняются и механизмы их урегулирования. Структура этих механизмов приобретает более сложный характер, трансформируется их иерархия.

Например, в условиях уменьшения роли государства-нации наблюдается снижение эффективности *дипломатических* методов урегулирования конфликтов. В составе же причин современных конфликтов и в структуре методов их разрешения, напротив, растет роль *экономических* механизмов и финансовых средств. Пример борьбы с международными наркомафиозными структурами может подтвердить как силу воздействия, так и ограниченность экономических рычагов. Ограниченность их подтверждается также и тем, что ни одно даже самое богатое государство не в состоянии откупиться от конфликтов на религиозной или этнической почве. С другой стороны, и межгосударственные противоречия, и асимметричные конфликты требуют огромных средств для своего предупреждения, урегулирования и управления собой. Растут цены на постоянно совершенствующиеся и обновляющиеся виды вооружений, хотя они, конечно, не в состоянии дать тех качественных выгод или преимуществ, которые обеспечивают технический прогресс, информация, образование.

Все более заметную роль в составе механизмов урегулирования конфликтов играют *гуманитарные операции*. В то же время, как уже отмечалось ранее, полной ясности относительно содержания этого тер-

мина все еще нет. Включая в себя защиту нрав и свобод человека, достоинства личности, понятие «гуманитарные операции» нередко выступает и как мотив урегулирования конфликтов, и как средство политического давления.

Растет роль *информационного* элемента. И не только в составе механизмов урегулирования конфликтов, но и в их обострении. Война с участием Си-Эн-Эн, как пишет Ф. Стеч, приводит к тому, что общественность и руководители государств описывают события в зависимости от содержания видеоклипов и их звукового сопровождения (см.: *Stech*. 1994). В свою очередь, немецкий журналист М. Хеннес отмечает: «В результате постоянных репортажей о войне с ужасными картинками убийств и мародерства в Югославии для западной дипломатии все свелось к вопросу: военная интервенция, да или нет? Не было места для анализа ситуации, для прогнозирования действий, и западная дипломатия запуталась в собственной беспомощности и пустых словах» (*Henries*. 1994. Р. 628). Благодаря изображениям, распространяемым электронными СМИ, со времени «Войны в Заливе» намного поднялась роль профессионалов гуманитарных операций. С гуманитарными операциями НПО теперь конкурируют гуманитарные операции государств и коалиций государств (экс-Югославия, Сомали, Руанда) со всеми недостатками, которые с этим связаны (подробнее об этом см.: *Collard*. 1996. Р. 77-100).

Правовой элемент, как мы уже видели, претерпевает достаточно сложные метаморфозы: это и снижение в последние несколько лет роли ООН и ее Совета Безопасности, и пренебрежение нормами международного права в новой доктрине и в действиях Североатлантического союза, и отставание международного законодательства от развития событий на мировой арене и т.п.

При всех оговорках и ограничениях, которые высказываются по этому поводу, остается бесспорной роль *военного* элемента в предупреждении, урегулировании конфликтов и осуществлении над ними контроля со стороны международного сообщества (ООН). В этой связи специалисты в области стратегических исследований выделяют четыре категории военных задач (подчеркивая при этом, что речь не идет об оборонных задачах, так как в большинстве случаев нет угрозы суверенитету).

Во-первых, это *участие в военных операциях*. Решение этой задачи связано с поддержанием соглашений о контроле над вооружениями, с обеспечением свободы судоходства в мировом океане, а также с проведением миротворческих операций. Вторая задача формулируется как *оказание помощи местной гражданской администрации* и включает в себя обеспечение правопорядка в зоне поддержания мира, обслужи-

вание и материально-техническую поддержку инфраструктуры, безопасности границ, борьбу наркобизнесом и терроризмом. Третья задача — оказание *гуманитарной помощи* населению при стихийных бедствиях, поддержка НПО (например, «Врачей без границ») и помощь беженцам. Наконец, четвертая задача связана с осуществлением *односторонних военных операций*, включающих в себя действия по спасению насильственно удерживаемого персонала, по эвакуации мирного населения и т.д.

Особую роль, как показывает политическая практика последних лет, играют *миротворческие операции*. Они включают в себя:

1. Собственно *миротворчество* (или *установление мира*) — дипломатические усилия, связанные с организацией посредничества и/или переговоров, между сторонами конфликта, направленные на достижение мирного соглашения.

2. *Поддержание мира* — операции небоевого характера, осуществляемые с *согласия* сторон в целях выполнения достигнутых соглашений.

3. *Принуждение к миру* — боевые операции или угроза применения силы по принуждению или щерживанию воюющих сторон.

4. *Построение мира* — деятельность, осуществляемая после завершения боевых действий и направленная на восстановление экономики и политической стабильности в регионах конфликта.

Главы VI «Мирное разрешение споров» и VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушителей мира и актов агрессии» Устава ООН представляют собой основную мандат на проведение миротворческой операции. Однако в них нет таких понятий, как «установление мира», «поддержание мира» или «принуждение к миру».

ООН стремилась не давать определения этим понятиям по политическим мотивам. Так, Стендальный комитет по операциям по поддержанию мира каждый год рассматривал вопрос о разработке соответствующей декларации. Однако каждый год он решал не приступать к этой разработке на том основании, что зафиксированное определение лишило бы гибкости и преемственности саму концепцию, имевшуюся в распоряжении ООН. Традиционные операции по поддержанию Мира, предполагающие беспристрастность и согласие конфликтующих сторон, обычно проводятся на основе положений VI главы («операции Шестой главы»). Но так как природа конфликтов изменилась, то все чаще принимаются решения о проведении операций, которые выходят за рамки традиционного поддержания мира. Мандаты этих операций опираются на главу VII, а именно на «мероприятия при угрозе миру или нарушении мира и протективных действиях». В то же время практика миротворчества продолжает в последние годы ряд коллизий.

Классическая форма действий ООН по поддержанию мира и, соответственно, наименее проблематичные операции, проводимые Организацией с этой целью, связаны с рядом условий: стороны согласны прекратить разделяющий их конфликт; согласие и сотрудничество сторон можно принимать как данность, и никто не подвергает сомнению беспристрастность миротворцев; риск невелик, и применение силы, как правило, не является необходимым; задачи, поставленные перед миротворцами, знакомы любой армии мира; ресурсы, имеющиеся в распоряжении ООН, достаточны для реализации этих задач (Tharoor. 1995—1996). Как показывает Ш. Тхарур, специальный помощник заместителя Генерального секретаря ООН по миротворческим операциям (см. там же), после холодной войны СБ ООН вышел на беспрецедентный уровень согласия относительно того, как следует реагировать на международные кризисы. На этой основе ООН организовала целую серию операций по поддержанию мира, которые по своему размаху, сложности и функциям, имели мало общего или совсем не имели общего с операциями по поддержанию мира в прошлом. В результате «поддержание мира» стало восприниматься как понятие, включающее в себя не только наблюдение за выполнением соглашений о прекращении огня и их реализацию, но и весь диапазон задач, включая организацию выборов и наблюдение за их проведением, защиту прав человека, контроль за проведением земельной реформы, доставку в боевой обстановке гуманитарной помощи, восстановление разрушенных госструктур в странах, где государство потерпело фиаско, а также амбициозные попытки заставить враждующие силы, полные решимости продолжать воевать, принять мир. В то же время основой многоплановых усилий ООН по поддержанию мира по-прежнему остаются согласие и готовность сторон: новые функции, о которых говорилось выше, обычно проявляются в условиях всеобъемлющего урегулирования, и обе или все стороны конфликта хотят осуществления урегулирования со стороны ООН. Наконец, необходимо, чтобы ни одно из предыдущих условий не подрывало стремления ООН не прибегать к силе. Значительно более сложные проблемы возникают в ситуациях, когда согласия нет или оно скоро исчезает; когда ООН не имеет официального согласия на свои действия или отсутствует практическое сотрудничество сторон, на территории которых развернуты силы ООН; и когда природа продолжающегося конфликта вынуждает искать ответ на простой вопрос о возможном применении силы, а значит, пойти на риск, так как применение силы поставит под угрозу беспристрастность ООН и саму перспективу достижения ею эффективности.

Таким образом, мы выявили, что есть задачи, которые выполнить с помощью механизма поддержания мира невозможно. Появилось поня-

тие «принуждение к миру», ставшее особенно популярным в странах Запада и в НАТО. Однако, как считает Ш. Тхарур, «этот термин все чаще используется для того, чтобы прикрыть желание начать военные действия, не делая трудного политического и военного выбора, который лежит в основе таких действий. Реальные альтернативы — это вмешательство или невмешательство, и именно в этом в действительности и заключается выбор...» (там же). Если принимается решение вмешаться в конфликт, как говорит Ш. Тхарур, тогда второй вариант выбора лежит между логикой мира и логикой войны. Если выбирается мир, то это означает, что выбирается механизм поддержания мира со всеми его лимитирующими факторами. Если же выбор делается в пользу войны, то он должен подкрепляться необходимой политической волей, военными и финансовыми ресурсами, без которых одержать победу нельзя. Определяется противник, и все необходимые силы и средства направляются на то, чтобы уничтожить его (там же). В конечном счете выбор между миром и войной определяется двумя факторами. Первый из них имеет концептуальный характер: опасность при проведении операций по принуждению к миру заключается в том, что они представляют собой рискованную игру, в ходе которой одной и той же стороне угрожают нанесением воздушных ударов и с ней же ведут переговоры о сотрудничестве. Второй фактор носит материальный характер: речь идет о хронической проблеме несоответствия между мандатами и средствами ООН. Некоторые наблюдатели полагают, что данная проблема создана искусственно Соединенными Штатами. В 1995 г. Конгресс США принял решение об обязательном одностороннем сокращении взноса США на проведение операций по поддержанию мира с 31,4% до 25%. По состоянию на 15 марта 1998 г. государства-члены были должны ООН 1,7 млрд долларов в виде текущих и просроченных взносов на операции по поддержанию мира. 958 млн долларов из этой суммы приходится на долг США (см.: Операции ООН... 1998). По мнению обозревателя «Монд дипломатик» Ф. Бенни, речь идет о продуманной стратегии США, которая состоит в том, чтобы «лишить ООН ее решающей роли путем лишения ее адекватных ресурсов, персонала и авторитета, с тем чтобы затем возложить на нее ответственность за последствия кровавой войны, ведущейся США в Косово» (Bennis. 1999. P. 1).

И все же с 1945 г. было проведено 47 операций ООН по поддержанию мира. Что касается операций по принуждению к миру (когда СБ Дает государствам-членам санкцию принимать все необходимые меры [для достижения поставленных целей независимо от согласия конфликтующих сторон]), то они использовались в очень немногих случаях. Следует отметить, что ни одна из таких операций — будь то в Персидском заливе, в Сомали, в Руанде, в Боснии и Герцеговине или в

Албании — не проводилась под руководством ООН. Ими руководила одна из стран или группа стран. При этом основанием для проведения операций как по поддержанию мира, так и операций по принуждению к миру являются положения Устава ООН о поддержании международного мира и безопасности и решение Совета Безопасности. Вот почему операция НАТО против Югославии, проведенная в 1999 г. без санкции СБ ООН, породила негативную реакцию в мире, вызвала споры в недрах самого Североатлантического союза и создала опасный прецедент нарушения норм международного права. Указанная операция поставила целый ряд сложных вопросов, которые касаются урегулирования конфликтов в современном мире. Ответы на эти вопросы пока не найдены.

* * *

В современных условиях абсолютное большинство конфликтов не может быть урегулировано с помощью механизмов классической международной стратегии (военное подавление, «баланс сил», «равновесие страха» и т.п.). Конфликты нового поколения имеют, конечно, общие черты. Можно установить и их сходство с движениями сопротивления, партизанскими и религиозными войнами, национально-этническими столкновениями и другими типами негосударственных международных конфликтов, издавна известными человечеству. Отсюда возникает соблазн «вписать» современные конфликты в одну из известных нам теорий или парадигм, а их особенности считать явлениями маргинального порядка, не способными оказывать существенного влияния на основные правила международного общения, или рассматривать их как досадные случайности, которые можно не принимать во внимание ради сохранения стройности теории. Можно, напротив, трактовать современные конфликты как абсолютно новые по своей природе феномены, опрокидывающие все известные представления. В обоих случаях мы рискуем не понять существа дела. Каждый конфликт должен рассматриваться как уникальный, однако нельзя исключать возможности сравнительного исследования и нахождения некоторых (относительно.) общих тенденций в развитии конфликтов, что может дать определенный шанс в поиске путей их решения (в качестве пример такого исследования см.: *Лебедева. 2000*).

Сходство конфликтов в первую очередь выражается в отсутствии какой-либо ясности относительно природы и путей их урегулирования, их «неправильности» с точки зрения соотношения целей и средств их участников, опасности, которую они представляют для населения

Каждый конфликт многомерен и содержит в себе не один, а несколько кризисов и противоречий, каждый — уникален по своему характеру. Переговоры, консультации, посредничество, соглашения и другие традиционные средства урегулирования в современных конфликтах обнаруживают весьма низкую эффективность. Их действенность определяется возможностями формализации конфликта, придания ему официального статуса, четкого определения его причин и идентификации бесспорных легитимных представителей сторон, т.е. как раз тем, что, как правило, оспаривается участниками рассматриваемых конфликтов.

Попытки урегулирования конфликтов сталкиваются с такой проблемой, как «ускользающая» природа успеха. Не всегда существует понимание того, что успех в данной области практически всегда является ограниченным. Кроме того, в последнее время наблюдается явное увлечение операциями военного характера. Однако довольно большая часть конфликтов не может быть урегулирована при помощи операций по поддержанию мира, а тем более принудительными операциями с использованием военной силы. Как сказал в 1995 г. Бутрос Бутрос-Гали: «Если у главных действующих лиц конфликта отсутствует политическая воля разрешить проблему, ООН не сможет принудить их к миру» (цит. по: *Tharoor*. 1995—1996. Р. 60).

Вышеназванные проблемы ООН (несоответствие между мандатами и средствами) осложняются еще и тем, что ООН, будучи создана в иное время и с иными целями, сегодня столкнулась с необходимостью серьезных реформ. Однако пока дальше полемики по данному вопросу и продолжающейся критики «недееспособности» Объединенных Наций дело не идет. Необходимость преобразования ООН становится все более очевидной. Скорее всего, столь же очевидной является и необходимость ее сохранения. Но до сих пор не понятно, может ли ООН трансформироваться, сохранив преемственность и авторитет единственной всемирной организации, призванной предупреждать и преодолевать конфликты. Возможно, одна из задач в том, чтобы ООН давала подрады другим международным организациям (как в Боснии). Во всяком случае предпринятая НАТО попытка силового разрешения косовского конфликта без санкции ООН гораздо больше проблем породила, чем разрешила. Но, видимо, следует признать и то, что имеющие^я в распоряжении международного сообщества законные средства не^Сгда достаточны для реагирования на возникающие качественно^{ов}ые ситуации. Как мы уже видели, крайне сложной остается проблема суверенитета и вмешательства с целью урегулирования конфликта. Отсюда нарушение уже заключенных соглашений, неуважение к посредникам (и даже их физическое устранение). Отсутствует ясность

и относительно протагонистов конфликтов, их главных действующих лиц. «Боевики», «мафиозные, группировки», «сепаратисты», «банд-формирования» и т.п. термины отражают не столько понимание проблемы, сколько ее эмоциональное восприятие.

Таким образом, имеющиеся сегодня результаты исследований международных конфликтов хотя и не утрачивают своего значения в свете новых явлений, но обнаруживают беспочвенность претензий на всеохватность отражения международных реалий. Данный вывод верен и в отношении международного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антюхина*Московченко В.И., *Злобин А.А., Хрусталева* М.А. Основы теории международных отношений. М., 1988.
2. *Богатурова* А.Д., *Плешаков К.В.* Динамика международной стабильности // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. № 2.
3. *Гарт Л.* Стратегия не прямых действий. М., 1957.
4. *Давид Дж.* Война ушедшая, война вернувшаяся // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике. М., 1996.
5. *Доронина Н.И.* Международный конфликт. М., 1981.
6. *Коллинз Дж.М.* Большая стратегия. Принципы и практика. М., 1975.
7. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1997.
8. *Лебедева М.М., Хрусталева М.А.* Основные тенденции в зарубежных исследованиях международных переговоров // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 9.
9. *Лебедева М.М.* Межэтнические конфликты на рубеже веков (методологический аспект) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 5.
10. *Международные конфликты* / Под ред. В.В. Журкина и Е.М. Примакова. М., 1972.
11. *Международные отношения как объект изучения*. М., 1993.
12. *Операции ООН по поддержанию мира: некоторые вопросы и ответы* // <http://www.iin.org/russian/question/peacekec.htm>
13. *О процессе международных переговоров (опыт зарубежных исследований)* / Отв. ред. Р.Г. Богданов, В.А. Кременюк. М., 1989.
14. *Социальный конфликт: современные исследования: Реферативный сборник*. М., 1991.
15. *Стратегия для России: повестка дня для президента — 2000: Глава 2. Российская внешняя политика перед вызовами XXI в.* // http://www.book_2000.ru
16. *Фельдман Д.М.* Политология конфликта. М., 1988.
17. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. R., 1992.
18. *Baneal J.* Theories des relations internationales. P., 1978.
19. *Bennis Ph.* L'Empire contre l'ONU // *Le Monde diplomatique*. Dec. 1999.
20. *Bigo D.* Nouveaux regards sur les conflits? // *Les nouvelles relations internationales Pratiques et theories*. Sous la dir. de M.-C. Smouts. P., 1998.
21. *Bloomfield L.* Controlling Small Wars. Penguin Press, 1972.
22. *Boulding K.* Conflict and Defence. A General Theory. N.Y., 1962.
23. *Brailard Ph., Djalili M.-R.* Les relations internationales. P., 1988.
24. *Burton J.* Resolution of Conflict // *International Studies Quarterly*. XV. 1. March 19

25. *Coser L.* The Functions of Social Conflicts. N.Y., 1956.
26. *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. P., 1977.
27. *Deutsch M.* Distributive Justice: a Socio-psychological Perspective. New Haven: Yale Univ Press, 1985.
28. *Galtung J.* A Structural Theory of Agression // Journal of Peace Research. 1964. № 2. 99.
29. *Groom A.J.* Paradigms in Conflict: The Strategist, the Conflict Researcher and the Peace Researcher // Conflict: Readings in Management and Resolution. L., 1990.
30. *Hermes M.* Der «CNN-Faktor» // Europäische Sicherheit. 12/1994.
31. *Hoffmann S.* International Systems and International Law // The International System. Theoretical Essays. Princeton, 1961.
32. *Holsti Ole R.* Crisis, Escalation, War. Montreal; L., 1972.
33. *Kaplan R.* The Coming Anarchy // The Atlantic Monthly. Vol. 273, № 2. Feb. 1994.
34. *Legault A.* Vingt-cinq ans d'etudes strategique: Essai critique et survol de la documentation // B. Korany et coll. Analyse des relations internationales. Montreal, 1987.
35. *Merle M.* Bilan des Relations Internationales Contemporaines. P., 1995.
36. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. Princeton, 1990.
37. *Tharoor S.* Should UN Peacekeeping GO 'Back to Basics'? // Survival. Vol. 37, № 4 (Winter 1995-1996).
38. *Schmid H.* Politics and Peace Research // Journal of Peace Research. Vol. V 1968.
39. *Senghaas D.* (ed.). Kritische Friedensforschung. Frankfurt, 1971.
40. *Senardens P. de.* La politique internationale. P., 1992.
41. *Singer D.* Vers une science de la politique internationale: perspectives, promesses et resultats // B. Korany et coll. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1987.
42. *Stech F.* Winning CNN Wars // Parameters. Autumn 1994.
43. *Wright Q.* Escalation of International Conflict // Journal of Conflict Resolution. 1965. №4.

ГЛАВА 15

Международное сотрудничество

Истоки международного сотрудничества связаны с окончанием религиозных войн в Европе и установлением Вестфальского мира. Одним из важнейших достижений Вестфальского договора стало формирование основы правовых отношений между государствами, что создало условия для становления, институализации и последующего развития международного сотрудничества. Формирование европейской системы международных отношений (основные параметры которой, и прежде всего ее главный элемент, государство как форма политической организации людей, постепенно распространяются на весь мир) не только дало импульс межгосударственному сотрудничеству, но и надолго определило его основную направленность. Исходными пунктами сотрудничества государств как новых политических единиц становятся взаимное уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела друг друга, а его центральными целями — сознательное стремление правительств к дальнейшему укреплению национальной безопасности и независимости. В свою очередь, забота о собственном суверенитете заставила государства согласиться с правом сосуществования (подробнее об этом см.: *Smouts M.-C.* 1998. Р. 138) и с его основополагающим принципом — юридическим равноправием.

Неудивительна следующая закономерность. Право сосуществования вменяло государствам главным образом негативные обязанности: не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не нарушать договоры, не вести несправедливые войны, не создавать препятствий для дипломатической деятельности официальных представителей других стран на своей территории. Поэтому теоретический статус проблемы сотрудничества в международно-политической науке оказался неразрывно связанным с анализом противоборства и конфликтов между независимыми государствами. Однако дальнейшее развитие науки привело к расширению содержания понятия международного сотрудничества и его типов.

1. Понятие и типы международного сотрудничества

Понятие «международное сотрудничество» отражает такой процесс взаимодействия двух или нескольких акторов, в котором исключается применение вооруженного насилия и доминируют совместные поиски реализации общих интересов. Вопреки обыденному пониманию, сотрудничество это не отсутствие конфликта, а «избавление» от его крайних, кризисных форм. Иллюзия «прозрачности» содержания данного понятия послужила, видимо, причиной того, что попытки его определения довольно редки. Одна из них была предпринята Ж.-П. Дерри-

енником, согласно которому «два актора находятся в состоянии сотрудничества, когда каждый из них может быть удовлетворен только в том случае, если удовлетворен и другой, т.е. когда каждый из них может добиться достижения своей цели только тогда, когда этого может добиться и другой... Результатом чисто кооперативного отношения может быть ситуация, в которой либо оба актора удовлетворены, либо не удовлетворен ни один из них» (*Derriennic. 1977. Р. 110*).

Традиционно отношения сотрудничества включают в себя двустороннюю и многостороннюю дипломатию, заключение различного рода союзов и соглашений, предусматривающих взаимную координацию политических линий (например, в целях совместного урегулирования конфликтов, обеспечения общей безопасности или решения других вопросов, представляющих общий интерес для всех участвующих сторон).

Как уже было показано, развитие сотрудничества между государствами и другими акторами международных отношений вызвало к жизни целую систему межгосударственных и негосударственных организаций глобального и регионального значения. Рост взаимозависимости мира, возникновение и обострение глобальных проблем необычайно увеличили объективные потребности в расширении многостороннего сотрудничества и способствовали его распространению на другие сферы жизни. Сегодня сотрудничество охватывает не только вопросы торговли, таможенных правил, пограничных урегулирований или военно-политических союзов, но и задачи поиска адекватных ответов на экологические вызовы, освоения космоса, совместного использования ресурсов общего пользования, развития коммуникационных сетей, контроля вооружений и т.д.

Отмечая значительные успехи, достигнутые за последнее десятилетие в теоретическом исследовании международного сотрудничества, специалисты особо выделяют два важнейших достижения теории.

Во-первых, несмотря на то что дискуссии продолжаются и сегодня, в научном сообществе достигнуто согласие относительно понятия «межгосударственное сотрудничество». Вслед за Р. Кохэном многие ученые сегодня понимают сотрудничество как ситуацию, «когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других, через процесс [взаимной] координации политик» (цит. по: *Milner. 1992. Р. 467*). Другими словами, Межгосударственное сотрудничество предполагает наличие трех элементов: общих целей государств-партнеров, ожидание ими выгод от ситуации и взаимный характер этих выгод. «Каждый актор не обязательно помогает другому, но делая это, он ожидает улучшения своей

собственной ситуации, что ведет к взаимной координации государственных политик» (там же).

Такое понимание важно, ибо позволяет не просто найти границы между сотрудничеством и соперничеством (или конфликтом), границы, в рамках которых ведется деятельность с целью уменьшения выгоды других или же деятельность, направленная на недопущение осуществления их интересов. Помимо этого, подобное понимание «межгосударственного сотрудничества» дает возможность отличать сотрудничество от не-сотрудничества, т.е. от одностороннего поведения, в котором акторы не учитывают последствия своих действий для других, а также от бездействия, т.е. от поведения акторов, которое не предотвращает отрицательные последствия для политик других сторон (там же. Р. 468)¹.

Наличие консенсуса относительно содержания понятия «межгосударственное сотрудничество» дает возможность создания первичной классификации кооперативных ситуаций. С этой точки зрения могут быть выделены следующие типы межгосударственного сотрудничества: переговоры, предметом которых является распределение выгод государств от их взаимодействия (это одновременно и путь к сотрудничеству, и показатель его существования, например: Токийский раунд ГАТТ, отмена тарифных барьеров); сознательное, достигнутое в результате обсуждения согласование политик (формальные договоры и соглашения о деятельности); неявное сотрудничество, осуществляющееся без прямых связей и/или формальных соглашений, не предполагающее заключения договоров (такое сотрудничество возникает из совпадающих ожиданий акторов); навязанное сотрудничество: более сильная сторона заставляет другую корректировать ее политику, но одновременно корректирует и свою собственную; создание специализированных институтов (например, институтов ООН), осуществляющих регламентации, экспертизы, субсидии.

Во-вторых, еще одним важным достижением последних исследований в области межгосударственного сотрудничества стала разработка гипотез относительно условий, при которых сотрудничество между государствами становится наиболее вероятным. Эти гипотезы не составили комплексной теории межгосударственного сотрудничества. Они предложили серию переменных, каждая из которых делает сотрудничество более вероятным. Анализ и эмпирическая проверка этих гипотез способны продвинуть вперед дело создания комплексной теории,

¹ Именно поэтому, как нам кажется, определение сотрудничества как «режима без обязательств и санкций» (см.: *Merle*. 1996. R 48) ограничивает сферу межгосударственного сотрудничества и потому является малооперациональным в эмпирическом плане-

а значит, и развитие теории международных отношений в целом. Х. Милнер выделяет и анализирует шесть таких гипотез. Во-первых, это *«гипотеза взаимности»*, основным содержанием которой является ожидание государствами выгоды от сотрудничества и опасение потерь и даже наказаний в случае уклонения от него. Во-вторых, это *«гипотеза о количестве акторов»*, с точки зрения которой перспективы сотрудничества возрастают с уменьшением числа взаимодействующих государств. В-третьих, это *«гипотеза итерации»*, исходя из которой возможности вступления государств на путь сотрудничества связаны с длительностью их взаимодействия. В-четвертых, это *«гипотеза о международных режимах»*, т.е. о нормах, принципах и процедурах принятия решений, совокупность которых представляет собой центры межгосударственного сотрудничества. В-пятых, это *«гипотеза эпистемических сообществ»*, описывающая ту роль, которую играют в развитии межгосударственного сотрудничества профессиональные эксперты, разделяющие общее понимание проблемы и вырабатывающие общие пути ее решения. Наконец, в-шестых, это *«гипотеза асимметрии силы»*, которая имеет сходство с так называемой гегемонической теорией стабильности и с позиций которой сотрудничество является более вероятным, если в наличии имеется сильное и заинтересованное государство-гегемон.

Основной недостаток указанных гипотез Х. Милнер усматривает в том, что они не уделяют внимания внутренним источникам межгосударственного сотрудничества. В этом смысле позиция Х. Милнера близка к позициям некоторых представителей социологического подхода. Однако прежде, чем подробно анализировать вклад социологического подхода, стоит кратко рассмотреть особенности исследования межгосударственного сотрудничества в рамках существующих в международно-политической науке теоретических направлений и парадигм.

2. Межгосударственное сотрудничество с позиций политического реализма

В отличие от взглядов сторонников либерально-идеалистической традиции, взгляды реалистов на проблему международного сотрудничества известны не столь широко и потому нуждаются в специальном рассмотрении. В первой главе было показано, что ссылки на общность человеческого рода и вытекающие из этого общечеловеческие универсалии выдвигают проблему международного сотрудничества в центр всех рассуждений идеалистов. Это всегда так, идет ли речь о движении

«к вечному миру» на основе всеобщих нравственных императивов (И. Кант), о соблюдении норм, опирающихся на принципы естественного права и гарантирующих «право народов» (Г. Гроций), или же о создании всемирной организации, призванной обеспечить сотрудничество на базе коллективной безопасности (В. Вильсон). Позиции же реалистов в рассматриваемой проблеме на первый взгляд не столь очевидны.

Как мы уже видели, одно из важнейших положений теории политического реализма — это выделение конфликтов как ведущих и наиболее распространенных типов международных процессов. Однако это не означает, что реалистов не интересует исследование международного сотрудничества. Напротив, некоторые из них (например, А. Уол-ферс, к теоретическим взглядам которого мы вернемся чуть ниже) специально посвятили анализу международного сотрудничества целые работы, внесшие важный вклад в науку. Особенности же реалистского подхода к рассматриваемой проблеме состоят в следующем. Во-первых, при реалистском подходе международное сотрудничество, как правило, сводится к межгосударственным взаимодействиям на основе взаимного признания суверенитета и невмешательства сотрудничающих сторон в дела друг друга. Во-вторых, для реалистов важнейшим стимулом, побуждающим государства к сотрудничеству, является анархичность международной среды: сотрудничество организуется там, где есть конфликт или его угроза. Поэтому, в-третьих, главной целью межгосударственного сотрудничества является безопасность, а его исходной, простейшей и наиболее распространенной формой — военный (военно-политический) союз. Вспомним, что к этой форме сотрудничества между суверенными политическими единицами обращался еще Фукидид, который подчеркивал и то, что в военном (военно-политическом) союзе есть доминирующая сторона, ядро союза, центр гравитации. Древнегреческому историку принадлежит пальма первенства и в открытии «конфликтного цикла», в который могут быть втянуты государства, в том числе и помимо своей воли. Одной из причин «конфликтного цикла» может стать увлечение наиболее сильных государств политикой втягивания в союз с ними других игроков политической сцены. Ответом на это становится интенсификация поиска союзников другими мощными государствами. Результат — ситуация, подобная той, которая сложилась в XIX в. и которую Бисмарк характеризовал как «кошмар коалиций».

Однако реалистская парадигма в рассмотрении международного сотрудничества не сводится к исследованию военных и военно-политических союзов и их роли в обеспечении национальной безопасности государства. Как подчеркивал Осгуд, союзы представляют собой ла-

тентное военное сообщество, основанное на общем сотрудничестве против «третьей силы», представляющей собой реальную или же воображаемую угрозу для стран, вступающих в союз. Это означает, что с исчезновением такой угрозы союз как форма сотрудничества, чаще всего, прекращает свое существование. Союз распадается и когда менее сильные государства выходят из него («отпадают от союза», по терминологии Фукидида) под давлением противостоящей союзу мощной державы, а также по причине невыполнения одной из сторон взятых на себя обязательств (из-за выявившейся в ходе его существования неэффективности в достижении целей, ради которых он был создан, и т.п.). Иначе говоря, данная форма сотрудничества, носит, как правило, временный и ограниченный характер (конечно, бывают и исключения, ведь и союзы могут существовать не только в виде военных и военнополитических объединений).

Еще одна важная особенность реалистского подхода к проблеме международного сотрудничества является следствием его положения о том, что один из элементов национального интереса государства — это потребность в наличии благоприятного международного окружения. Последовательное отстаивание этого положения может привести к неожиданным и в чем-то парадоксальным для убежденных сторонников теории политического реализма результатам. Г. Моргентау, например, на этой основе приходит к выводу о необходимости создания, системы коллективной безопасности, что на первый взгляд выглядит как явная уступка его оппонентам-идеалистам.

Наиболее репрезентативным исследованием проблемы межгосударственного сотрудничества с позиций «традиционного» политического реализма стала изданная в 1962 г. работа Арнольда Уолферса «Разногласия и сотрудничество. Эссе по международной политике» (*Wol/ers.* 1962). Отталкиваясь от реалистского понимания международной среды как анархии, автор подчеркивает, что «деятельность политиков, определяющих взаимоотношения своей страны с другими странами и действующих от лица государства, должна опираться на беспристрастную оценку национальных интересов, что предполагает способность государственных лиц пренебрегать собственными эмоциями и эмоциями общественности». Основной смысл сотрудничества, исходя из этого, определяется как «необходимое условие успешного Проведения политики баланса сил» (там же. Р. 32, 35). Уолферс отмечает, что «черта, разделяющая дружеские и враждебные отношения, не всегда четко определена», но одновременно он настаивает на предпочтительности именно враждебных отношений как объекта научного Исследования: «Внимание общественного мнения и большинства авторов фокусируется именно на враждебных отношениях стран, поскольку

ку спокойно протекающие взаимоотношения, подобные тем, что установились в последнее время между США и Великобританией, не вызывают большого интереса» (там же. Р. 28, 32).

Уолферс выделяет два основных мотива, или стимула, и, соответственно, два типа межгосударственного сотрудничества: «внутринаправленное» и «внешненаправленное» сотрудничество. «Внутринаправленное» сотрудничество мотивировано желанием государства улучшить отношения внутри объединенной группы, и в этом случае интерес является сугубо внутренним для группы стран и полностью независимым от внешних по отношению к этой группе угроз. В свою очередь, «внешненаправленное» сотрудничество продиктовано стремлением государств к объединению усилий в борьбе против общей внешней опасности. В этом случае сотрудничество зависит от длительности существования опасности, которая является очень убедительным стимулом к объединению.

С точки зрения А. Уолферса, сотрудничество «внешненаправленного» типа, к которому относятся все альянсы и договоры о коллективной обороне и которое объединяет государства для взаимопомощи в действиях против общего внешнего врага, сталкивается с меньшим количеством проблем, чем сотрудничество «внутринаправленного» типа. Одновременно он подчеркивает, что между двумя выделяемыми им типами межгосударственного сотрудничества нет четкого различия: нередко в альянсах сотрудничество в области обороны поддерживается различными мероприятиями «внутринаправленного» характера, подобно тому, как НАТО добивалось взаимодействия своих участников в политической, экономической и культурной сферах. «Более того, иногда альянсы преуменьшают важность внешних щелей объединения, не конкретизируя в своих официальных договорах внешнего врага, дабы не провоцировать его. Однако правительства, недостаточно хорошо понимающие различия между двумя типами сотрудничества, обманывают и себя, и своих граждан. Учитывая значимость внешней угрозы, было бы также ошибочно предполагать, что многосторонние соглашения о коллективной обороне могут стать этапом формирования глобальной системы безопасности или мирового правительства» (там же).

Помимо этих двух основных типов сотрудничества А. Уолферс выделяет еще один тип, который на первый взгляд не вписывается в схему «дружбы — вражды» между государствами. Он описывает данный тип как состояние «минимума взаимоотношений». В нем пребывают государства, проводящие политику изоляции или минимальных политических контактов с другими государствами, стремясь оградить себя от вовлечения в споры между ними. Подобную позицию занимали, на-

пример, США перед Первой мировой войной, а также занимает Швейцария, придерживающаяся постоянной политики нейтралитета. Основой такого поведения является надежда на то, что отсутствие требований со стороны государств и их невмешательство в дела других вызовет по отношению к ним по крайней мере дипломатическую дружелюбность. «Однако, — подчеркивает Уолферс, — они могут и не достичь желаемого результата, если случится, что одна или несколько из этих стран не приемлют самой идеи неприсоединения или нейтралитета» (там же.).

Таким образом, основные идеи традиционного политического реализма в исследовании межгосударственного сотрудничества связаны с противопоставлением общего интереса национальному, коллективной безопасности — значимости внешней угрозы, правового регулирования международных отношений — балансу сил, этики убеждения — этике ответственности, эмоционального восприятия картины международных отношений — рациональному подходу. Однако критика политического реализма, позиция которого во многом объясняется стремлением не допустить возрождения идеалистических «утопий» межвоенного периода (см. об этом: *Smouts M.-C.* 1998. Р. 136), не должна заслонять его заслуг в «позитивной» разработке проблемы. Например, ряд положений, высказанных Уолферсом относительно международного сотрудничества, стал основой для дальнейшей разработки рассматриваемой проблемы, в том числе и с иных позиций.

3. Теория международных режимов

Теория международных режимов возникла в 1980-е гг. Ее сторонники (С. Краснер, Р. Кохэн, Ф. Кратчвил, Дж. Рагги, О. Янг и др.) видят основы и мотивы межгосударственного сотрудничества в институтах, не являющихся прямым порождением международного права или международных организаций и не связанных с ними непосредственно, о качестве примеров приводятся режимы международной торговли (ИАГТ — ВТО), режимы нераспространения ОМП (оружия массового поражения) или же режимы морского судоходства. При этом международные режимы определяются как совокупность норм, принципов, "Равил и процедур принятия решения, которые отвечают ожиданиям те факторов. Утверждается, что режимы облегчают сотрудничество через функции, посредством осуществления которых они служат государствам. Режимы смягчают последствия международной анархии для государств, побуждая к децентрализованному осуществлению соглаше-

ний. Кроме того, режимы рассматриваются как средство улучшения информации каждой стороны о поведении других сторон. Предполагается, что они способствуют изменению структуры операционных издержек сотрудничества, сокращая «стимулы для нарушения принципов режима» (Keohan. 1984. P. 90). Таким образом, с одной стороны режимы уменьшают неуверенность государств и их опасения, что другие нарушат сотрудничество, а с другой стороны, склонность самих государств к подобному нарушению. Как демонстрируют авторы «Тюбингенской группы», государства создают международные режимы путем согласия по ряду принципов, норм и правил, которые они будут соблюдать в политике в ходе принятия решений в спорных вопросах. Более того, государства обычно устанавливают процедурные нормы дальнейшего развития и адаптации в соответствии с изменившимся положением независимых норм и правил режима. Когда государства формируют режим (или присоединяются к нему), они обязуются соблюдать определенные ограничения относительно использования своих суверенных прав (например, права по своей воле повышать или понижать тарифы) в обмен на то, что другие сделают то же самое. Такие обмены, которые и порождают потом международные режимы, приносят выгоды, но и возлагают обязанности на те государства, которые к ним присоединились (а часто также и на аутсайдеров данного режима) (Hasenclever, Meyer, Rittberger. 1996. P. 1).

Другие авторы отмечают, что само существование режима указывает на предшествующую серию решений, принятых государствами в целях сотрудничества. Например, Дж. Грико говорит о влиянии более ранних сделок на состояние сотрудничества (и на возможности такового), а также о роли политики распределения выгод от сотрудничества, существующей в рамках режима (Grieco. 1990. P. 218—219).

Теория режимов критикуется также за невнимание к вопросам власти. Распределение силы в международном масштабе рассматривается как основа режимов и как ответственность за изменения, которые происходят в них. Учитывая обеспокоенность государств своим изменчивым положением в международной иерархии, можно сказать, что они вряд ли легко найдут согласие в том, что касается количества передаваемой друг другу информации, а также тех принципов, которые определяют режим. Ведь с этими принципами связаны те потери, которые должны понести государства, и те выгоды, которые они смогут извлечь из существования режима. А снабжение информацией и характер потерь от заключаемых сделок — это уже вопросы высокой политики (Krasner. 1991).

По мнению Х. Милнер, заслуживает внимания то, что даже критики теории международных режимов соглашались с ее центральными

положениями и что существуют эмпирические подтверждения вывода о способности режимов уменьшать стоимость деловых операций для государств, ведущих переговоры по соглашениям о сотрудничестве (*Milner. 1992. P. 496*). М.-К. Смуте подчеркивает, что, несмотря на справедливость критики в адрес теории международных режимов, она существенно обогатила анализ межгосударственного сотрудничества: «Понятие режима имеет эвристическую ценность. Оно позволяет обозначить и исследовать те не вписанные в юридические тексты формы регулирования, наличие которых можно констатировать в международной жизни и для обозначения которых до этого не существовало никакого понятия» (*Smouts. 1998. P. 148*). Она отмечает, что в последние годы в исследовании рассматриваемой проблемы наметились новые интересные повороты, ведущие к освобождению от слишком механического подхода к анализу международных режимов. С одной стороны, само понятие международного режима все более заметно уступает место понятию международных институтов, что расширяет возможности анализа формирования правил сотрудничества между государствами, придавая такому анализу социологический характер. С другой стороны, сегодня вырисовывается новое направление, которое акцентирует внимание не столько на стратегиях государств и властных отношениях в международной системе, сколько на реактивном измерении международного сотрудничества (там же).

Рассматриваемая теория возникла как результат полемики между неореалистами и неолибералами. Во второй главе уже говорилось, что эта полемика выдвинула на первый план целый ряд важных вопросов, касающихся международного сотрудничества, и тем самым она дала возможность осмыслить имеющиеся в этой сфере проблемы. Однако положения этой дискуссии нуждаются в дополнительной эмпирической проверке, а сама дискуссия не внесла ожидавшегося от нее вклада в анализ проблемы межгосударственного сотрудничества, поскольку выявила серьезные внутренние слабости и ограниченности обеих участвующих в ней сторон, т.е. неореализма и неолиберализма.

Резюмируя слабости участвовавших в дискуссии сторон, Р. Пауэлл (*Powell. 1994*) выделяет три аспекта. Во-первых, ссылка на анархичность международной системы малопродуктивна, ибо не дает ответа на вопрос о способах, какими располагает государство для достижения ^{св}оих целей. Кроме того, следует согласиться с Р. Кохэном в том, что Международная система *всегда* была анархичной, поэтому ссылок на ^{ан}архию с целью объяснения международных изменений и, в частности, изменений в уровне межгосударственного сотрудничества и его институализации недостаточно.

Во-вторых, спор об относительных и абсолютных выгодах мало нового внес в понимание межгосударственного сотрудничества. В конечном итоге он перерос в спор о том, что следует считать выгодным для государства. Ключ к пониманию существа проблемы скрывается, по мнению Пауэлла, в том, что степень заинтересованности государства в относительных выгодах не является неизменной (и с этим согласны обе дискутирующие стороны). Это означает, что сотрудничество и заинтересованность в относительных выгодах могут изменяться одновременно, не обуславливая друг друга.

В-третьих, существование режимов и институтов действительно позволяет получить совместные выгоды от межгосударственного сотрудничества. Некоторые способы реализации представляют большую часть выгод одному государству, а некоторые — другому. Кроме того, существующий международный режим и распределение выгод могут и не отражать имеющегося распределения силы. В итоге подобные ситуации порождают конфликты по поводу распределения выгод и даже могут стать потенциальной причиной гегемонистских войн.

Р. Пауэлл считает,¹ что фундаментальное объяснение проблем межгосударственного сотрудничества надо искать в особенностях состояния международной стратегической среды. На этом пути теория международных отношений сталкивается с двумя нерешенными вопросами. Первый — действительно ли институты и режимы легко приспособляются к изменениям в распределении силы? И второй — какие факторы влияют на стабильность международного сотрудничества и на темпы приспособления режимов к происходящим изменениям? Можно добавить, что для теории международных отношений остается открытым и вопрос о характере и тенденциях изменений, происходящих в международной среде.

Именно эти вопросы так или иначе обсуждаются в рамках социологического подхода к анализу межгосударственного сотрудничества.

4. Социологический подход к анализу международного сотрудничества

В определенном смысле упомянутое выше увеличение возможностей исследования международного сотрудничества связано с бурным развитием в последние годы социологического направления в международно-политической науке. Как мы уже отмечали, оно основано на понимании современного мира как единого пространства, структурированного многообразными и все более взаимозависимыми сетями со-

циальных взаимодействий, как процесс постепенного формирования глобального гражданского общества. Оно трактует изменения, происходящие сегодня в мире, как процесс формирования новой, «поствестфальской» реальности, для которой характерны тотальная взаимозависимость и фундаментальное изменение всех основных параметров международных отношений.

Представители социологического подхода подчеркивают, что в условиях новой реальности анализ международного сотрудничества будет неадекватным, если его не проводить в более широком масштабе глобальных транснациональных связей и взаимодействий. Новая ситуация выявляет ограниченность как нормативно-правового, так и «режимного подходов», как неореалистской, так и неолиберальной парадигм. Их общий недостаток в том, что, считая критериями международных процессов рациональность политики, государственный интерес (определяемый в терминах власти, или в терминах экономической мощи), баланс сил или материальное благосостояние, они не идут дальше этого. Анализ же возникающих в наши дни «новых международных отношений» (там же)¹ требует повышенного внимания к роли *социальных* норм и институтов, *групповых* ценностей и идентичностей, культур и традиций, которые не отрицают, но мотивируют интересы 'сторон, участвующих в сотрудничестве.

В условиях «постмеждународных отношений» межгосударственное сотрудничество неизбежно становится многосторонним. При этом многосторонность это не просто количество государств, участвующих в сотрудничестве, но, прежде всего, многообразии субъектов сотрудничества: государств, транснациональных фирм, банков, финансовых групп, коммун, этносов, профессиональных объединений и т.п., которые обладают разными легитимностями, разными побудительными интересами, разными рациональностями и разными возможностями. Вот почему в таких условиях не существует да и не может существовать свода единых, предустановленных правил сотрудничества. Сотрудничество представляется как непрерывный процесс коммуникаций, диалога, сопоставления и взаимного приспособления несовпадающих и даже конфликтных интересов и ценностей.

С известной долей условности современные социологические подходы к анализу международного сотрудничества могут быть разделены на четыре основные группы. Эти подходы подчеркивают различные Моменты международного сотрудничества: значимость легитимности

¹ Известный американский исследователь Джеймс Рознау использует термин «постмеждународные отношения» (*Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990*).

международных институтов («британская школа»); международных культурных норм (конструктивизм); истории формирования международных акторов (исторический институционализм); и, наконец, роли новых международных акторов в стирании границ" между внутренней и внешней политикой и изменении в этой связи всего пейзажа международной жизни (французская школа социологии международных отношений)¹.

«Британская школа» в международно-политической науке, которая связана с именами М. Бэнкса (*Banks*. 1984), Х. Булла (*Bull*. 1977), Дж. Бертон (*Burton*. 1972), М. Уайта (*Wight*. 1966), рассматривает межгосударственное сотрудничество как результат произошедшего в результате Вестфальского мира исторического укрепления «международного общества» и созданных в нем межгосударственных нормативных структур. Государства доминируют в определении действующих в международном обществе норм, само существование которых — результат сознательных и исторически длительных усилий государств по регулированию международной деятельности. Легитимность есть факт признания государствами наличия и действия международных норм, оказывающих важное воздействие на их поведение.

Теория международного общества имеет давние традиции. Она не только притягивает новых сторонников, но и вызывает некоторые возражения. Главным аргументом возражений реалистов оставалась ссылка на незыблемость священного принципа государственного суверенитета. Именно учитывая этот аргумент, представители английской школы рассматривают международное общество как состоящее из суверенных государств, не имеющих над собой никакой верховной власти, но разделяющих определенный минимум совместных ценностей и норм (что предполагает взаимные контакты, осуществляемые от их имени специальными лицами) и обладающих рядом общих (межгосударственных) институтов. Международное общество предполагает взаимную ответственность государств-членов, конвенционально соблюдаемые правила и определенную тенденцию к возрастанию в его рамках межгосударственного сотрудничества. В полном соответствии с традициями политического реализма основными политическими акторами международного общества считаются государственные деятели, а главной ценностью — осторожность и ответственность в принятии решений. Это является центром притяжения, вокруг которого вра-

¹ Эта классификация может быть расширена. Например, немецкие исследователи Хасенклевер, Мейер и Риттбергер наряду с вышеперечисленными выделяют подход, подчеркивающий значимость коммуникативного действия (см.: *Hasenclever A., Meyer Rittberger V.* 1996. P 176-185).

щаются все остальные политические ценности: лояльность, добрая воля, решимость, смелость, сострадание, уравновешенность и, как самое главное, справедливость.

Характерно, что международная анархия хоть и признается теоретиками «британской школы», но понимается совершенно иначе, нежели в реалистской парадигме, а именно как отсутствие международного правительства, а не как отсутствие всяческой управляемости и легитимности в отношениях между нациями (*Bull. 1977*). Следуя этой логике, Барри Бузан сформулировал понятие «зрелой анархии», принципиально отличающейся по прочности своих нормативных ограничений, накладываемых на деятельность государственных акторов (*Buzan. 1991*).

Следующие два направления в анализе сотрудничества подчеркивают наличие и значимость международных норм как относительно независимых от государственных усилий по их созданию и воспроизводству. Если для сторонников британской традиции нормы (и, соответственно, легитимность международного общества) являются результатом сознательных усилий государств, то для конструктивистов и исторических институционалистов международные нормы обладают мощным самодостаточным влиянием на государства. С точки зрения конструктивистов и исторических институционалистов, нормы не обязательно создаются при непосредственном участии государств и под их контролем, а следовательно, должны быть исследованы в качестве независимого от государства субстрата. В общем-то единственное сходство взглядов конструктивистов и исторических институционалистов заключается именно в этом критическом отношении к понятию международной легитимности. В позитивных взглядах на содержание, норм эти два подхода существенно различаются.

Конструктивисты убеждены, что нормы следует связывать не с политической по своему содержанию легитимностью, а с социальными процессами, развивающимися в международных отношениях, и с прочностью социальной ткани этих отношений. Государства могут не отдавать себе сознательного отчета в существовании социальных норм, что отнюдь не отменяет их действия и значимости. Нормы неформальны, мобильны и пластичны, и международная политика есть результат постоянного взаимодействия и взаимопроникновения международных и национальных норм или самообразов (идентичностей) государств относительно их роли и статуса в мире. Поэтому мировая политика представляет собой реальность, постоянную в своей открытости переменам, а государства — единицы, открытые переформулированию своих идентичностей под влиянием внешней среды. Международное сотрудничество рассматривается как результат сходного социального воздействия

внешней среды и сходства национальных идентичностей, разделяемых государствами.

Для *исторических институционалистов* сотрудничество — результат воздействия исторических социальных и политических факторов, как международных, так и внутренних. «Длинная тень истории» делает международные нормы в большей степени способными формировать устойчивую национальную идентичность у государственных акторов, нежели это видится конструктивистам. Государства институционалистов обладают гораздо более четким видением своей роли в мире, чем государства конструктивистского направления. Соответственно, в институциональной традиции сотрудничество государств — нечто более устойчивое и долговечное, чем сотрудничество конструктивистского подхода. Конструктивисты рассматривают национальную идентичность и сотрудничество как подвижную, подверженную изменениям реальность.

Различия в определении прочности и характера международного сотрудничества конструктивистами и институционалистами могут быть проиллюстрированы путем сравнения их взглядов на государственный суверенитет. Институционалисты рассматривают суверенитет как нечто устойчивое и неизменное, в известном смысле препятствующее существенному продвижению по пути к международному сотрудничеству. Распад империй и возникновение новых независимых государств, настойчивое укрепление нормы государственного суверенитета в мире — результат мощного воздействия социальной ткани международных отношений, возникшей с заключением Вестфальского мира и упрочившейся с распадом Европейской колониальной системы и традиционных империй на протяжении XIX—XX вв. (*Meyer J. et al. see Finnemore. 1996*). Для конструктивистов суверенитет не некая объективно существующая данность, последовательно и неуклонно распространяющая свое воздействие в мире. Для них это — норма, распространяющаяся лишь постольку, поскольку этому способствует определенный тип международной системы. Такое распространение не является неуклонным и однолинейным, поскольку сам тип международной системы не является раз и навсегда предопределенным и может принципиально измениться, как это произошло недавно в результате распада сформированной холодной войной биполярной системы. Распространение государственного суверенитета не является однотипным: он может представлять в различных формах и обликах (см. особенно: *Bierstaker and Weber, eds.*). Таким образом, у конструктивистов межгосударственное сотрудничество достигается легче (хотя оно, по-видимому, и не так долговечно), ибо оно не стеснено, по большому счету, даже рамками государственного суверенитета. Межгосударст-

венное сотрудничество достижимо даже там, где для институционалистов оно невозможно, и может стать результатом взаимoadaptации идентичностей договаривающихся сторон¹.

Что же касается представителей *французской школы* социологии международных отношений, то, с их точки зрения, принципиальное значение для анализа сотрудничества государств имеет изучение тех сдвигов, которые происходят во взаимодействии государств и новых участников международных отношений. Межгосударственное сотрудничество, подчеркивает, например, Бертран Бади, сегодня уже нельзя анализировать без учета тех изменений, которые отличают современность от Вестфальской системы международных отношений. В наши дни государство уже не только не единственный, но и не во всех отношениях господствующий актор международной сцены. Усиление взаимозависимости и процессы мондиализации имеют следствием появление фундаментально новых тенденций в мировой политике. Во-первых, происходит автономизация деятельности транснациональных акторов — этнических, религиозных, культурных, профессиональных и иных групп, мульти национальных фирм, представителей рыночных, коммуникативных, информационных, и миграционных потоков, а также диаспор, мафиозных кланов, выдающихся личностей, «частных» лиц и т.п. В этих условиях государственный суверенитет подрывается «расщеплением» лояльности индивида между тремя относительно самостоятельными сферами — государством, транснациональными сетями и социокультурными сетями. Во-вторых, формируемые многообразными процессами идентификации (этнической, религиозной, коммунитарной...) новые акторы все более успешно претендуют на свою собственную роль в международной жизни, стремясь оказывать влияние на ее структуру, действующих лиц, возникающие между ними конфликты. Важной особенностью происходящих перемен является то, что указанные процессы способствуют дестабилизации всей системы международных отношений, сложившейся в итоге Вестфальских договоров.

При этом мощным источником дестабилизации становится взаимодействие государством методов и средств сотрудничества, присущих новым международным акторам. В поисках новых форм легитимности

¹ Кристин Сильвестер предложила в этой связи использовать иное, ранее не практиковавшееся исследователями определение эмпатетического сотрудничества, которое представляет собой процесс взаимoadaptации позиций, происходящий, когда одна сторона внимательно прислушивается к проблемам, страхам и тревогам другой вместо того, чтобы руководствоваться лишь разрешением своих собственных проблем и тревог {Sylvester. 1994. R 317}.

государство все чаще идет на замещение отношений гражданской солидарности рыночными отношениями, групповыми связями, транснациональной солидарностью. Все чаще делая скидки на групповую идентификацию (и групповую исключительность), идя на уступки и компромиссы во взаимодействии с новыми акторами, государство активно способствует разрушению главных принципов, составляющих саму основу, его легитимности: суверенитета, территориальности, политического представительства (*Badie. 1997*)¹.

Из сказанного вытекает, что особенности межгосударственного сотрудничества в современных условиях не могут быть правильно поняты, если не учитывать и не подвергать анализу по крайней мере два фундаментальных обстоятельства: во-первых, то, что «чистого» межгосударственного сотрудничества сегодня уже не существует, и во-вторых, то, что радикальное противопоставление внутренней и внешней политики и полное делегирование гражданами первой из них государству принадлежит прошлому (*Badie. 1997*).

Таким образом, социологический подход расширяет возможности исследования межгосударственного сотрудничества, обладая определенными преимуществами по сравнению с «реалистическим» и «режимным» подходами. Рассматривая конфликт и сотрудничество в неразрывной связи, социологический подход, в отличие от других парадигм, ставит сотрудничество на первое место, отдает ему приоритет, считает его ведущей стороной взаимодействия. Проблеме сотрудничества тем самым придается динамичность, ее анализу — многоаспектность: социологический анализ не ограничивается одной или даже не-

¹ Чтобы развить данную идею Б. Бади, добавим: пример того, к чему способны приводить подобные компромиссы — мало известный широкой общественности договор АМИ (Accord multilateral sur l'investissement), переговоры по которому ведутся в рамках ОЭСР еще с 1995 г. и текст которого на февраль 1998 г. был готов на 90%. Это договор, дающий мультинациональным обществам право на прямое судебное преследование правительств за нанесение ущерба своим интересам и обязывающий государства выплачивать соответствующие компенсации за любую политику или публичную деятельность, которая привела бы к уменьшению их прибылей. Хотя, как и большинство международных договоров, АМИ устанавливает серию прав и обязанностей, он фундаментально отличается — от других договоров: за международными предприятиями и инвесторами резервируются права, а за правительствами — все обязательства. Более того, беспрецедентная инновация состоит в том, что вступившие в АМИ государства не могут выйти из договора в течение 20 лет, после чего он остается обязательным еще 15 последующих лет. Наконец, АМИ трансформирует процесс осуществления власти во всем мире, подчиняя директивам мультинационалий множество функций, которые в настоящее время осуществляются государствами, включая применение международных договоров. АМИ дает частным предприятиям и инвесторам те же права и тот же статус, что и национальным правительствам в отношении применения его положений. (Подробнее об этом см.) *Monde diplomatique. Fevrier. 1998. P 22*).

сколькими областями, а пронизывает их все. Социологический подход не нуждается в предварительном решении вопросов, с которыми постоянно сталкиваются другие подходы к исследованию межгосударственных конфликтов — таких вопросов, как международная анархия, распределение выгод, детерминизм в соотношении внутренней и внешней политики, государственные и частные акторы и т.п. Поэтому данные вопросы в его рамках утрачивают свое значение труднопреодолимых препятствий (подробнее об этом см.: *Цыганков П.А., Цыганков А.П.* 1999).

В то же время и в социологическом подходе есть свои недостатки и нерешенные вопросы. Во-первых, они являются следствием основной для современного социологического подхода идеологии, т.е. либерализма. Отсюда определенный налет утопичности, проявляющийся в утверждениях о доминировании глобального интереса как побудительного мотива и общей причины сотрудничества, о движении к всеобщей гармонии как результате гармонизации частных интересов (*Smouts.* 1998. Р. 152). Существование общего интереса объективно бесспорно и даже субъективно осознано. Но интересы национальные, частные, групповые и т.п. вовсе не отошли на второй план даже при всей очевидной справедливости метафоры «одной лодки», применяемой для характеристики накопившихся перед человечеством проблем. Как и в широко известной дилемме заключенных, несмотря на явные потери в случае некооперативного поведения, игроки все же ведут себя эгоистично. Это вопрос доверия, дефицит которого является постоянным фактом международных отношений, в том числе (а, возможно, еще в большей степени, чем прежде) и в условиях нынешней эпохи размыwania основ вестфальской системы. В формирующейся системе «плюралистической однополярности» (*Богатуров.* 1996) взаимная зависимость от сохраняющей свое значение государственной независимости заставляет каждое государство относиться к другому с недоверием. Высокая степень взаимозависимости не исключает высокой вероятности конфликта и не создает наилучших условий для развития сотрудничества.

5. Сотрудничество и интеграционные процессы

В последнее время в специальной литературе понятия «сотрудничество» и «интеграция» все чаще разводятся: если межгосударственное сотрудничество не идет дальше рамок, ограниченных суверенитетом, то Интеграция, напротив, означает передачу части суверенитета «в общий

котел» интегрирующихся государств (см., например: *Kubicek*. 1997. Р. 653). Здесь действительно существует серьезная аналитическая проблема, касающаяся одного из наиболее широко обсуждаемых сегодня понятий, а именно понятия суверенитета. В то же время исходя из рассматриваемых нами аспектов, интеграция вполне вписывается в вышеприведенное определение сотрудничества и потому не противоречит ему, а представляет собой, как отмечают некоторые авторы, высший тип межгосударственного сотрудничества.

Как бы многообразны ни были сферы и направления международного сотрудничества и как бы велико ни было их значение, центральным и наиболее важным моментом международного сотрудничества остается политическое сотрудничество. От его эффективности во многом зависит решение задач взаимодействия в других областях. Особое значение приобретают вопросы *политической интеграции*, которая тесно связана с экономической интеграции, однако не сводится к ней и не представляет собой явление «вторичного» или «надстроечного» порядка.

В отечественной литературе осмысление интеграционных процессов было связано с развитием и институализацией западноевропейского сотрудничества, а также сотрудничеством стран — членов СЭВ, и ограничивалось главным образом обсуждением экономических аспектов проблемы. В основу этого осмысления была заложена идеологическая установка, суть которой сводилась к перепеву старой ленинской догмы, в соответствии с которой Соединенные Штаты Европы либо невозможны, либо реакционны (*Шишков*. 1993). «В рамках капитализма, — писал, например, в 1963 г. один из авторов, — «интегрируются» не только экономические потенциалы разных стран, но и все пороки и противоречия их экономики, во много раз увеличиваемые «интеграцией». Именно поэтому капитализм не в состоянии обеспечить подлинного сближения наций» (цит. по: там же. С.59). Сближение наций было возможно лишь благодаря «социалистической интеграции». Дальнейшая разработка проблемы, как показывает Ю.В. Шишков, под давлением практических потребностей постепенно принимала более содержательный характер. И тем не менее, в силу «естественных» и понятных причин, освободиться от идеологических установок и экономического детерминизма советской науке не удалось.

В политическом отношении международная интеграция представляет собой более высокую — по сравнению с вышеназванными — форму сотрудничества. Это создание единого политического сообщества на основе союза двух или более политических единиц (*Brailard*. 1997. Р.135). «Интеграция, — пишут П.-Ф. Гонидек и Р. Шарвэн, — это одновременно процесс и состояние, включающее в себя тенденцию к замене раздробленных международных отношений, состоящих из независимых единиц,

новыми более или менее широкими объединениями, наделенными минимальными полномочиями принимать решения либо в одной или нескольких определенных областях, либо во всех областях, которые входят в компетенцию базовых единиц. На уровне индивидуального сознания интеграция призвана породить лояльность и приверженность новому объединению, а на структурном уровне — участие каждого в его поддержке и развитии» (*Gonidec, Charoin. 1984. P. 435*).

С точки зрения географических масштабов объединительных процессов различают глобальный, региональный, субрегиональный уровни интеграции. Существуют также различные этапы, или фазы, интеграции: от связей взаимозависимости в рамках плюралистической международной системы, или стремления «встроиться в систему цивилизованных государств», до формирования единой политической общности. Хотя единая политическая общность является скорее идеальным типом, а как феномен реальной практики международных отношений не существует. Суть же интеграционного политического процесса, его главная тенденция направлена на выход за рамки простой координации внешних политик и на постепенную передачу суверенитета новым коммунитарным структурам. Поэтому первые исходные ступени (вроде только что названных) могут быть отнесены к процессу интеграции лишь условно.

Научное исследование проблемы интеграции связано с осмыслением реальных интеграционных процессов (начиная с попытки создания в довоенный период Лиги Наций и вплоть до нынешних усилий США, Канады и Мексики по формированию североамериканского экономического союза) и направлено на то, чтобы выявить в них общие тенденции, связанные с причинами, детерминирующими факторами, основными чертами данного феномена, наиболее продвинутой формой которого является сегодня Европейский союз (до ноября 1993 г. называвшийся Европейским экономическим сообществом). Наиболее известными в исследовании проблемы интеграции являются три теоретических направления, или три научные школы: школа функционализма и неофункционализма, школа федерализма и школа транснационализма (или «плюралистическая школа»).

Отправным моментом изучения феномена международной интеграции с позиций «функционализма» стал вопрос о причинах неудачи при создании Лиги Наций. Этим вопросом занялся английский исследователь Д. Митрани. В разгар Второй мировой войны, в 1943 г., он публикует статью, озаглавленную «Мир и функциональное развитие международной организации», в которой делает вывод о несостоятельности любой предварительной модели политической интеграции. С его точки зрения, Лига Наций потерпела поражение прежде всего потому, что государства увидели в ней угрозу своему суверенитету. Между тем

глобальная международная организация не только не способна преодолеть негативные последствия национальных суверенитетов, но и просто гарантировать мирные отношения между государствами. Поэтому после окончания Второй мировой войны для поддержания мира будут не нужны амбициозные проекты создания международных институтов, наделенных наднациональной властью и призванных обеспечить политическую интеграцию государств. Вместо этого необходимо способствовать сотрудничеству между государствами в решении задач, представляющих совместный интерес и связанных с их конкретными потребностями экономического, социального, научно-технологического и т.п. характера. Прагматические выгоды подобного сотрудничества постепенно подтолкнут государства к созданию необходимых для этого межгосударственных органов, которые, в свою очередь, создадут предпосылки и для политической кооперации.

Тем самым «функционализм» предлагает не просто расширить межгосударственное сотрудничество в отдельных сферах, которое стало бы чисто техническим. «Функционализм» видит в межгосударственном сотрудничестве путь к достижению политической цели — интеграции государств в более широкую общность через постепенное отрицание их суверенитетов. Национальное государство он рассматривает как слишком узкое явление, если рассматривать возможности преодоления экономических, социальных и технических проблем, которые могут быть решены только на уровне международного сотрудничества. Межгосударственные отношения должны быть перестроены таким образом, чтобы вместо «вертикальной» территориальной замкнутости были созданы действенные «горизонтальные» структуры, администрация которых была бы призвана координировать межгосударственное сотрудничество в конкретных сферах. Это позволит устранить экономические и социальные причины конфликтов, а затем — постепенно и безболезненно — преодолеть государственные суверенитеты. В результате длительной эволюции сотрудничество между государствами станет столь тесным, а их взаимозависимость столь высокой, что не только станет немыслимым вооруженный конфликт между ними, но будет достигнуто состояние необратимости. Международная среда претерпит глобальные изменения, благодаря которым солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями — прямым контактам между техническими администрациями, а защита суверенитетов — прагматическому решению конкретных вопросов (*Mitrany*. 1946).

Таким образом, наряду с прагматизмом, функциональный подход к исследованию интеграционных процессов содержит и заметную долю нормативности. Подобная двойственность, как отмечает

III. Зоргбиб, отчасти способствовала его успеху: «идеалист чувствителен к содержащемуся в нем «мондиализму»; реалист успокоен сохранением основных атрибутов государственного суверенитета в среднесрочной перспективе, а в конечном счете «финальная фаза», как и в других доктринах, может быть отодвинута в очень далекое будущее» (*Zorgbibe*. 1975. Р. 119). Очевидно и практическое влияние «функционализма», особенно что касается создания и развития Организации Объединенных Наций и, в частности, такого ее института, как ЭКОСОС (Социальный и экономический совет Объединенных Наций), получившего мандат на координацию межгосударственной деятельности в соответствующих сферах. В Хартии ООН большое внимание уделено именно ее функциональным обязанностям, а Генеральная Ассамблея формирует такие институты, как Конференция Объединенных Наций по торговле и сотрудничеству и Организация Объединенных Наций по индустриальному развитию. В то же время именно применение положений «функционализма» в практике международной интеграции обнаружило его недостатки.

Во-первых, следствием применения на практике положений «функционализма» стала слишком большая децентрализация международного сообщества, определенная дисперсия его усилий. Громоздкие и многочисленные технические организации породили новые проблемы координации. Одновременно возникла опасность, что параллельно с уменьшением значения государственного суверенитета будет происходить усиление суверенитета специализированных организаций. Так, представитель МОТ на конференции в Сан-Франциско отказывался от субординации ООН во имя суверенитета своей организации (там же. Р. 120). Во-вторых, обнаружилось, что в реальной практике международной интеграции функциональное сотрудничество не ведет автоматически к «отмиранию суверенитета». Более того, европейский процесс показал, что особенно болезненной является именно проблема передачи государствами «в общий котел» части их политической и военной компетенции. В-третьих, функциональное сотрудничество нуждается в подкреплении мероприятиями политического характера.

Указанные недостатки отчасти были воспроизведены и «неофункционализмом». Его представители, Э. Хаас (*Haas*. 1958), Линдберг (*Lindberg*. 1963) и др., отстаивают идею, согласно которой потребности сотрудничества в том или ином секторе экономической, социальной или культурной деятельности способны вызвать эффект цепной реакции в других сферах, что, в свою очередь, приведет к необходимости создания специализированных наднациональных институтов для их координации и таким образом — к ускорению процесса политической интеграции. При этом начинать следует с ограниченных экономичес-

ких проектов, которые воспринимаются гораздо легче, чем «крупные политические повороты». Поскольку для реализации ограниченных экономических проектов государствам не нужно отказываться от собственной политики, а достаточно лишь простого схождения интересов в конкретной области, постольку и добиться здесь сотрудничества намного легче. Вместе с тем «неофункционалисты» подчеркивают важность структурных условий успеха интеграции, которым должны отвечать государства (например, политический плюрализм, консенсус относительно фундаментальных ценностей); также они отмечают, что логика функциональной интеграции носит не механический, а вероятностный характер, и сам этот процесс зависит от множества факторов.

Если «функционализм», придавая политическим институтам немаловажное значение, считает их производными или же параллельными экономическим, социальным и другим процессам, то «федерализм» делает их центром своей концепции. А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих, Дж. Элзэр и др. характеризуют федерализм как «договорный отказ от централизма, структурно оформленную дисперсию полномочий между различными центрами, законные полномочия которых гарантируются конституцией» (см.: *Натан, Хоффманн*. 1991. С. 42—43). Международная интеграция на пути федерализма рассматривается по аналогии с «внутренними режимами» государств, основанными на принципах федерального устройства, т.е. на основе этатистской модели. В основе этой модели лежит несколько принципов. Во-первых, это двойное гражданство в условиях существования центрального и регионального правительств. Во-вторых, многообразие роли региональных правительств, в-третьих, цикличность изменения силы и роли региональных правительств. Наконец, в-четвертых, это происхождение федерализма, которое имеет два источника и, соответственно, две цели: воздействие центростремительных сил и проблем, влекущих за собой федерализм как средство проведения единой политики; влияние центробежных сил, в результате которого федеративные признаки формируются с целью предотвращения распада общества (там же. С. 42—43). «Федерализм» обоснованно подчеркивает то значение, которое имеет для международной интеграции политическая воля ее участников, а также роль распределения полномочий, их фрагментации между различными уровнями, как гарантии против возможных злоупотреблений своей властью со стороны центра.

Казавшаяся на первых порах иллюзорной (первые работы А. Спинелли были опубликованы в разгар Второй мировой войны), концепция федерализма медленно, преодолевая противоречия, но все же убедительно обретает зримые черты в интеграционном процессе в Западной Европе. Они становятся особенно заметными с первых всеобщих

выборов в Европарламент в 1979 г., придавших новый импульс институциональному развитию. В 1984 г. Европарламентом был принят разработанный А. Спинелли проект договора о Европейском союзе. В нем отмечалось, что в сферу деятельности Союза входит область сотрудничества, находящаяся под эгидой Совета Европы, а также деятельность, подведомственная институтам Союза. Полномочия между Союзом и государствами распределяются на основе принципа субсидиарноеTM: Союз выполняет только те задачи, которые сообща могут быть решены более эффективно, чем государствами в отдельности. Институты призваны служить укреплению позиций Комиссии, оптимизации - процесса принятия решения, разделению законодательной власти между Советом и Парламентом.

В феврале 1985 г. был принят Единый Европейский Акт, который еще не институализировал Европейский союз, но стал важным этапом на пути к этому. Он состоит из двух частей, одна из которых посвящена сообществам, другая — политическому сотрудничеству. В первой фиксируется цель создания единого рынка к концу 1992 г. Вторая ограничивается институализацией пятнадцатилетней практики и ее закреплением в юридических обязательствах. В качестве цели политического сотрудничества называется формирование и проведение единой внешней политики, что предполагает постоянные взаимные консультации между двенадцатью странами, принятие ими во внимание позиций друг друга, а также обязательные совместные обсуждения по вопросам, затрагивающим общие интересы, до принятия решений на национальном уровне. Наконец, 1 ноября 1993 г. вступили в силу Маастрихтские соглашения, предусматривающие создание к 2000 г. валютно-экономического и военно-политического союзов 12 европейских государств. Европейское сообщество изменило свое название и стало Европейским союзом. Было принято решение о месте нахождения 10 новых европейских организаций — валютного института, Европола, Европейского агентства по проблемам окружающей среды и др. Принято решение о принятии в ряды Европейского союза к 1 января 1995 г. Австрии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Кроме того, после многократных отсрочек было заявлено о вступлении в силу с 1 февраля 1994 г. Шенгенских соглашений, подписанных восемью из двенадцати государств. В дополнение к свободному перемещению капиталов, товаров и услуг внутри Союза они предусматривают беспрепятственное передвижение людей, т.е. фактическую отмену границ.

Однако с самого начала федерализм не являлся концептуальной базой европейской интеграции. В начале этого процесса теоретически были возможны три пути: 1) наиболее традиционный — сотрудничество в рамках союзов или ассоциаций между государствами, остающи-

мися суверенными и независимыми; 2) наиболее смелый — федерация учреждающая в ряде областей единую наднациональную политическую власть; 3) наиболее оригинальный — функциональная интеграция, дающая возможность общих действий в рамках специализированных институтов. На практике первый путь оказался необходимым и полезным, но недостаточным, второй — невозможным. Поэтому процесс интеграции пошел по пути развития функциональной модели, позволяющей выйти за рамки простого сотрудничества и подготовить условия для возможной федерации (*Gerbet*. 1990. Р. 198).

Таким образом, главным недостатком федералистской модели международной интеграции является то, что при всей своей внешней привлекательности она имеет значительно меньше шансов на успех, чем функциональная модель, поскольку удельный вес элемента нормативности в ней еще выше. Учитывая недостатки других рассмотренных выше подходов, реальный процесс международной интеграции может быть осознан лишь с учетом комплексного понимания преимуществ каждого из них.

Именно о комплексном изучении идет речь в «плюралистической» концепции К. Дойча. Процесс интеграции рассматривается в рамках этой концепции в терминах коммуникационных сетей, передающих сообщения и сигналы, обменивающихся информацией, способствующих выполнению определенных функций и накоплению опыта. Дойч анализирует два типа политических объединений, каждому из которых соответствует свой особый процесс интеграции, — «амальгамное» и «плюралистическое».

Под первым понимается «слияние, в соответствующей форме, двух или нескольких ранее самостоятельных единиц в более широкое объединение, наделенное определенным типом общего управления» (*Deutsch*. 1957. Р. 6). Во втором интегрирующиеся единицы сохраняют свою политическую самостоятельность. При этом осуществление «амальгамной» интеграции нуждается в целом комплексе разнообразных условий социокультурного и политического характера, среди которых приверженность населения интегрирующихся общностей одним и тем же ценностям; обоснованное ожидание выгод от интеграции; достаточное знание друг друга и, соответственно, предсказуемость поведения. Процесс интеграции должен сопровождаться лояльностью населения к возникающим новым политическим институтам, глубоким осознанием своего единства, а также выходом на политическую арену новой генерации руководителей. В конечном итоге должен сложиться общий образ жизни, который и станет основой для «амальгамной» интеграции.

Реализация «плюралистического» типа интеграции не требует столь обширных и столь жестких условий. Основные социокультур-

ные ценности интегрирующихся единиц просто не должны противоречить друг другу; предсказуемость поведения касается лишь ограниченной сферы общих интересов; требуется также адекватная реакция политических элит на сигналы и действия заинтересованных правительств и населения. Кроме того, успеху интеграции способствует восприятие объединительной идеи интеллектуальными кругами и политическими движениями, как и постоянное развитие сетей коммуникации и всестороннего взаимодействия. В 1970-е гг. под руководством К. Дойча было проведено обширное исследование в Германии (ФРГ) и Франции, в процессе которого были осуществлены интенсивный контент-анализ различных крупных ежедневных изданий, зондажи общественного мнения, экспертные опросы руководящих кадров, изучение статистики международных сделок. В результате обнаружилось, что благоприятный образ единой Европы, сформировавшийся у населения обеих стран, не привел к вытеснению приверженности национальным ценностям. Поэтому был сделан вывод о том, что «плюралистическая» версия европейской интеграции имеет более вероятное будущее, чем «амальгамная» (цит. по: *Haas*. 1958. P. 125—127).

* * *

Проблема межгосударственного сотрудничества все еще остается компетенцией частного уровня, а не системной теории международных отношений. Прежде всего это связано с тем, что наука о международных отношениях не представляет собой некоего монолита, ей изначально присущи соперничество, конкуренция, борьба парадигм, школ и теорий. Стремление к формированию единой теории международных отношений каждый раз сталкивается с усилением противоборства различных направлений как раз в те моменты, когда кажется, что ее основы уже созданы: так было после Первой мировой войны в период недолгого доминирования либерализма; после начала Второй мировой войны, когда либерализм был вытеснен политическим реализмом; как попытка создать общую основу могут быть истолкованы и объявления⁰ «конце истории», а затем — о «столкновении цивилизаций» после «третьей мировой» (холодной) войны. Более того, дискуссии в науке о международных отношениях, в центре которых всегда был политический реализм, не поколебали его доминирующего влияния в рассмотрении проблемы международного сотрудничества. В наши дни и неолиберализм (главный оппонент реалистической парадигмы, КОТОРЫЙ расходится с ней в оценке роли международных институтов, считая их способными нивелировать эффект силы и интереса и создать

почву для сотрудничества) склонен рассматривать сотрудничество как «вторичный», производный от конфликта, хотя и достаточно самостоятельный феномен. Иными словами, дискуссии все еще продолжаются и ведутся в основном на почве, благоприятной для политического реализма (см. об этом: *Smith*. 1995. P. 11 — 14).

Однако такое положение начинает существенно меняться. Сегодня уже не только традиционные либералы, но и представители транснационализма, а также таких новых течений, как конструктивизм, феминизм, постмодернизм, коммунитаризм, подвергают критике основные постулаты реализма и неореализма, связанные с ограничением международного сотрудничества сферой государственных интересов, военных союзов, стремлением к сохранению баланса сил и т.п. Так, транснационалисты (Дж. Най, Р. Кохэн, С. Краснер) выдвигают на передний план проблемы глобальной социально-политической системы, экологии, организации международного экономического пространства, обуславливающие приоритетность вопросов сотрудничества при изучении международных отношений и мирового политического процесса. Институционалисты (М. Финнемор) показывают, что международные организации способны придавать определенную инерцию международному взаимодействию, благодаря которой сотрудничество продолжается даже тогда, когда происходят изменения в конфигурации баланса сил. Нормативисты (К.-К. Гизен, У. Офуатеи-Коджое) подчеркивают, что, несмотря на противоречия и парадоксы гуманизации международных отношений, выявляемые этими процессами проблемы справедливости, прав человека, гуманитарного вмешательства становятся неотъемлемой и необратимой чертой международных отношений. Конструктивисты (А. Вендт) выдвигают аргументы в пользу того, чтобы наука базировалась не на изучении «рациональной политики» и материальных движущих сил (т.е. силы, интереса и экономического благосостояния), а на убеждениях и ожиданиях, на вере в способность идей изменять природу международных отношений (см. об этом: *Вендт*. 1998). Усиление взаимозависимости, делающее все более очевидной потребность в регулировании международной системы и в сознательном управлении ею, влечет за собой «признание» проблемы международного сотрудничества даже в таких далеких от нее сферах как стратегические исследования (М. Клар, Д. Томас, Д. Давид), и $л^{е}$ геополитика (П. Галлуа)¹. Новый импульс и новые возможности и^с

¹ Показывая это на примере анализируемой им книги западных исследователей Н.А. Косолапов справедливо отмечает, что идея глобализации геополитики, призыванием которой становится не конфликт, а решение общих проблем, в отечественных исследованиях, в которых доминирует старая Geopolitik, остается непонятой (*Косолатив*. 1995)

следованию межгосударственного сотрудничества придает все более широкое распространение социологии международных отношений, главное достоинство которой — межапарадигмальность — позволяет ей выходить за рамки всех известных парадигм, сохраняя их теоретические приобретения.

Завершая данную главу, следует подчеркнуть, что, относясь к наиболее существенным характеристикам международных отношений, рассматриваемых как процесс, конфликты и сотрудничество представляют собой неразрывно связанные стороны взаимодействия их участников. Выражаясь языком Гегеля и Маркса, они являются «диалектической парой», т.е. взаимно отрицающими и взаимно обуславливающими друг друга противоположностями, которые могут «меняться местами». Это означает, что процессы международного сотрудничества всегда включают в себя конфликтное измерение, и наоборот — всякий конфликт предполагает ту или иную долю сотрудничества его участников.

Общность между конфликтами и сотрудничеством проявляется и в том, что при анализе каждого из этих видов международных процессов было бы ошибкой делать выводы относительно их причин каждый раз, когда обнаруживаются какие-либо корреляции. Так же как и конфликты, интеграционные процессы являются многомерным и сложным явлением, как бы «ускользающим» от анализа и «неподдающимся» единой и окончательной типологизации. Поэтому та или иная региональная (субрегиональная, государственная) модель интеграции, во-первых, не может быть механически «перенесена» (ни в теоретическом, ни (тем более) в практическом плане) на другой, даже очень «похожий» регион, но с иными социокультурными и экономическими особенностями и традициями. Во-вторых, стихийно возникнув в какой-либо сфере взаимодействия международных акторов, интеграция может не иметь последствий в других сферах, более того, она может обратиться вспять или даже смениться противоположным процессом, если не будет подкреплена соответствующими политическими мероприятиями, создающими благоприятные предпосылки и условия ее Реализации и формирующими институциональные основы ее дальнейшего продвижения. Наконец, в-третьих, вряд ли правильно рассматривать интеграционные тенденции как процессы, определяющие существо международных отношений, а тем более пытаться на этой основе судить о будущем этих отношений. Причина состоит именно в том, что содержание международных отношений определяется не только сотрудничеством, но и конфликтами, в том числе и такими, которые сопровождаются дезинтеграцией ранее единых политических образований (примеры — судьба СССР, Югославии, Чехословакии). -

В рамках системного подхода конфликты и сотрудничество принадлежат к числу важнейших условий функционирования международных систем, характеризующих степень их стабильности. С этой точки зрения конфликт присущ как нестабильному («революционно-му»), так и стабильному типу международных систем. Однако, как уже было показано в главе 10, отличительными чертами стабильных систем является то, что ценности, которые разделяются ее составными частями (участниками международных отношений), а) не подвергаются постоянному сомнению; б) существует консенсус относительно правил соперничества между этими участниками; в) отношения между ними характеризуются умеренностью. В «революционной» системе, напротив, наблюдаются несовместимость ценностей, непрерывное оспаривание правил и отсутствие умеренности (*Hoffmann*. 1961. Р. 208), а следовательно, и слабая степень сотрудничества.

Напомним, что критерии стабильности системы связаны с ее изменениями, в зависимости от которых система либо сохраняет себя, либо настолько трансформируется, что происходит переход к иному типу системы, либо она просто разрушается. В рамках глобальной международной системы подобный переход означает смерть старого и рождение нового международного порядка. При этом степень дестабилизации и разрушения прежней системы, (соответственно, степень международного беспорядка) варьируется в зависимости как от исторического контекста с присущими ему цивилизационными и технологическими особенностями, так и от политической воли и действий главных игроков международной сцены (о чем подробнее в следующей главе).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатуров А.Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2.
2. *Бендт А.* Четыре социологии международной политики // Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.
3. *Косолапов А.Н.* Теория международных отношений: затишье перед... // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4.
4. *Натан Р.П., Хоффмани Э.П.* Современный (Г)едеализм // Международная жизнь. 1991. № 1.
5. *Цыганков А.Л., Цыганков П.А.* Международное сотрудничество: возможности социологического подхода // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
6. *Шишков Ю.В.* Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 10.
7. *Эрман Ж.* Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / 1^{1e}P^e фр. М., 1996. .

8. *Banks M.* The evolution of international relations theory // M. Banks (ed.). Conflict in Word Society: A New Perspective on International Relations. Brighton, 1984.
9. *Badie B.* Le jeu triangulaire // R. Birnbaum (dir.). Sociologie des nationalismes. P., 1997. }
10. *Bierstaker T., Weber S.* (eds.) State Sovereignty as Social Construct. Cambridge University Press, 1996.
11. *Braillard Ph.* Theories des relations internationales. P., 1977.
12. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. L., 1977.
13. *Button J.* Word Society. Cambridge, 1972.
14. *Buzan B.* People, States, and Fear. NY., 1991.
15. *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. P., 1977.
16. *Deutsch J.* Political Community and North Atlantic Area. Princeton, 1957.
17. *Gerbat P.* Penser l'Union europeenne // Penser le XX-e siecle. Sous la direction de Andre Versaille. Bruxelles, 1990.
18. *Gonidec P.-E., Charvin R.* Relations internationales. P., 1984.
19. *Grieco J.* Cooperation among Nations. Ithaca; N.Y., 1990.
20. *Haas E.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950—1957. L., 1958.
21. *Hasenclever A., Meyer P., Rittberger K.* Justice, Equality and Robustness of International Regimes. A Research Design. Tubingen, 1996.
22. *Keohan R.* After Hegemony. Princeton, 1984.
23. *Krasner S.* Global Communication and National Power: Life of the Pareto Frontier // World Politics. Vol. 43. April 1991.
24. *Kuhicek P.* Regionalism, Nationalism and Realpolitik- in Central Asia // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49, № 49.
25. *Lindbergh.* The Political Dynamics of European Economic Integration. L., 1963.
26. *Merle M.* Bilan des relations internationales. P., 1996.
27. *Meyer J., et al.* see Finnemor 96.
28. *Milner H.* International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics. 1992. Vol. 44.
29. *Mitrany D.* A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. L., 1946.
30. *Powell R.* Anarchy in International relations theory: the neorealist-neoliberal debate // International organization. Vol. 42, № 2. 1994.
31. *Smith S.* The Self-images of a Discipline: A Genealogy of International Relations Theory // International Relations Theory Today. Ed. by Steve Smith and Ken Booth. Polity Press, 1995.
32. *Smouts M.-C.* La cooperation internationale: de la coexistence a la gouvernance mondiale // Les nouvelles relations internationales: pratiques et theories. Sous la direction de Marie-Claude Smouts. P., 1998.
33. *Sylvester C.* 1994. Empathetic Cooperation: A Feminist Method For IR // Millennium 23,2.
34. *Wight M.* Why is there no International Theory? // H. Butterfield and M. Wight (eds). Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics. L., 1966.
35. *Wolfers A.* Discord and Collaboration. Essay of International Politics. Foreword by Reinhold Niebuhr. Baltimore, 1962.
36. *Zorgbibe Ch.* Les relations internationales. R, 1975.

ГЛАВА 16

Социальные основы международного порядка.

Проблема международного порядка — одна из главных в науке о международных отношениях, поскольку в ней сконцентрировано представление о взаимодействующих на мировой арене социальных общностях как о составных частях, элементах единого социума, — «международного общества». Характер отношений между элементами «международного общества» все больше напоминает отношения, существующие внутри тех или иных государств. Несмотря на сохранение значения отличительных особенностей (отсутствия центральной власти, плюрализма суверенитетов, территориальной разделенности и т.п.), рудиментов «права сильного», конфликтов и войн, в наше время международные отношения уже не могут быть представлены в виде «естественного состояния», при котором сильный делает все то, что он хочет, а слабый — лишь то, что может. Конечно, международное общество существует не в виде единой социально-политической организации, управляемой единым правительством на основе общих законов. Трудно предполагать, что такое возможно в обозримом будущем. Однако нельзя отрицать, что сегодня государства и народы пашен планеты, связанные нитями единой мировой экономики, в большинстве своем разделяют сопоставимые идеалы и ценности; они представлены в совместных политических и иных структурах и сталкиваются с общими вызовами и проблемами. То есть сегодня существует тот минимум единства и организации, который позволяет говорить, что существование международного общества — очевидная реальность. Следовательно, и международный порядок является реальностью.

Анализ проблемы международного порядка требует уяснения ряда вопросов. Во-первых, что такое «международный порядок», что вкладывается в содержание этого понятия. Во-вторых, какие типы международного порядка были в истории человеческого общества. В-третьих, каковы характерные черты послевоенного международного порядка. И, наконец, в-четвертых, каковы особенности современного международного порядка, а также возможности и пути построения качественно *нового* мирового порядка. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

1. Понятие международного порядка и его исторические типы

Понятие «международный порядок»

Давая определение международному порядку, следует исходить из характеристики социального, или общественного (социетального) по-

рядка. Общественный порядок — это такая организация социальной жизни, которая противоположна анархии, отрицающей всякую власть одних социальных общностей над другими, проповедующей неподчинение любому руководству и ничем неограниченную свободу личности. Иначе говоря, общественный порядок — это некая организация в жизни социума, ее регулирование на основе определенных (например, государственно-правовых) норм и общих (например, национальных, "культурных, морально-этических и т.п.) ценностей.

Однако такая организация понимается по-разному. Иногда под ней разумеется реально существующая действительность, поскольку в человеческом обществе любые отношения так или иначе организованы. В этом случае речь идет об *эмпирическом порядке*. Иногда же под организацией социальных отношений понимается такое их состояние, которое имеет место лишь в представлениях людей, т.е. некое должествование. Тогда речь идет о *нормативном порядке*. Эти две стороны, сущее и должное, не так легко разделить.

Картина еще больше усложняется, если обратиться к структуре понятия «порядок». Его самостоятельными элементами являются экономическая, информационная, правовая, экологическая и т.п. организация общественных отношений. Соответственно, можно говорить об экономическом, информационном и т.п. порядке. Однако наиболее важным остается политический порядок, поскольку он меньше зависит от других элементов общественного порядка, чем они от него.

Еще более сложным является понятие «беспорядок». Действительно, понятие «беспорядок» содержит множество негативных ассоциаций, придавая позитивный смысл термину «порядок», однако такое содержание очень минимальное и расплывчатое. Его опасное удобство состоит в отсутствии или отрицании всякого беспорядка (см., *Girard. 1996*). Сказанное относится и к содержанию термина «международный порядок».

Понятие «международный порядок» относится к глобальной социальной общности, образованной совокупностью различных общественных субъектов (акторов), действующих на мировой арене. Возникает вопрос, возможен ли общественный порядок в сфере международных отношений, которая характеризуется отсутствием единой центральной власти, многообразием несовпадающих между собой ценностей, а также отсутствием высшего органа, который определял бы правомерность или неправомерность действий участников международных отношений. Ведь общие ценности играют в международных отношениях весьма незначительную роль, а нормы международного права носят, в сущности, необязательный характер.

Пытаясь ответить на поставленный вопрос, следует иметь в виду что с самого начала истории международных отношений человечеству было свойственно стремление к их сознательному регулированию в основе которого лежала бы всеобщая потребность участников в безопасности и выживании. По мере возрастания степени зрелости международных отношений это стремление находило свое выражение во все более интенсивном развитии международного права; создании и укреплении международных организаций и институтов; в усилении их роли в стабилизации международной жизни; и, наконец, в постепенном формировании на этом пути целостной глобальной международной системы (Курс международного права. 1989. С. 10).

Таким образом, международный порядок — это такое устройство международных (прежде всего, межгосударственных) отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития. В данном случае речь идет об институциональном понимании, которое, конечно, не исчерпывает всего содержания понятия «международный порядок».

В литературе, посвященной анализу международных отношений, не существует однозначного, общепризнанного определения международного порядка. Некоторые исследователи склонны сводить его к совокупности юридических норм, отождествляя тем самым с международным правом. Другие делают упор на международную стабильность. Третьи связывают международный порядок с сохранением на международной арене определенного статус-кво в отношениях между государствами. Например, с точки зрения американского автора Т. Франка, основу международного порядка составляет законность — совокупность правил, созданных в ходе общепринятых юридических процедур, характеризующихся ясностью, взаимосвязанностью и вписывающихся в существующую систему международного права (*Franck*. 1990). Однако с позиций существования международного общества такой взгляд представляется слишком узким, поскольку не просто сводит проблему международного порядка к межгосударственным отношениям, но и сами межгосударственные отношения рассматривает лишь в одном измерении.

Сущность международных отношений понимается представителями различных теоретических школ и политических направлений по-разному, поэтому трудности в осмыслении проблемы международного порядка удваиваются.

Действительно, если считать, что основой международных отношений является эгоистическая игра государств, каждое из которых защищает свой национальный интерес, то мы имеем дело с *реалистским* и

межгосударственным порядком. Если исходить из того, что международные отношения регулируются нормами, процедурами, институтами или структурами транснационального или даже наднационального характера, то можно говорить о *правовом* международном порядке. Если полагать, что государства как центральный актор международных отношений все больше вытесняются с арены истории другими участниками, действующими независимо от национально-государственных границ, то речь идет уже о *транснациональном* порядке. Понятие «международный порядок», содержание которого традиционно связано с межгосударственными отношениями, необходимо отличать от *мирового порядка* (см.: Hoffmann. 1985). С этой точки зрения международный (а вернее сказать, межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка. В качестве примера можно привести государства, между которыми существуют отношения взаимного уважения и в то же время полного безразличия к внутренним делам друг друга, что делает возможным в том или ином из них геноцид или экономическую эксплуатацию основной массы населения. Мировой порядок немислим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. В юридических терминах речь идет о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека.

Разница между рассматриваемыми понятиями заключается также и в том, что если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то о мировом порядке этого сказать нельзя.

Один из крупнейших немецких философов XX в. К. Ясперс понимал мировой порядок как «принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета», как общечеловеческие ценности и юридические нормы, как «правовое устройство мира посредством политической формы и связывающего всех этоса» (Ясперс. 1991. С. 89, 91, 94). Мировая история до сих пор не знала подобного устройства. Однако это не означает, что мировой порядок Невозможен в принципе. Напротив, с расширением круга участников Международных отношений, а также с усилением взаимозависимости мира, стимулируемым и научно-техническим прогрессом, и обострением глобальных проблем, тенденция к общемировому устройству человеческой жизни становится все более отчетливой. Особенно очевидно проявляясь в наше время. В самой этой тенденции отражаются общесоциологические процессы и закономерности, обусловленные

деятельностью социальных общностей на мировой арене. Поэтому в последние годы все большее распространение приобретает термин *«глобальный мировой порядок»*.

Таким образом, международный порядок — важная составная часть мирового порядка, его ядро, однако все содержание мирового порядка к нему не сводится. Поэтому с точки зрения строгого, академического подхода мировой и международный порядки не следует отождествлять, но неверно и абсолютизировать их различие. Они имеют общие корни, общие основы, которые цементируют единство человеческого общества, обеспечивают его целостность. К числу общих основ относятся международные экономические обмены, возрастающее значение которых проявляется в формировании единого мирового рынка; научно-технические достижения (особенно в области коммуникационных систем, средств связи и информации); политические структуры и интересы; социокультурные ценности. Они играют неодинаковую роль в формировании и поддержании международного порядка: на различных этапах исторического развития одни из них выходят на первый план, тогда как значение других снижается. Точно так же изменения, происходящие в структуре, например, политических основ того или иного типа международного порядка, не ведут автоматически к изменениям в мировой экономике или в ценностных ориентациях международных акторов, хотя и влияя на них. И все же правильное понимание сущности и значения проблемы международного порядка возможно только при комплексном рассмотрении основ его формирования и функционирования.

Учитывая это методологическое требование, С. Хоффман делает, отправным пунктом своего анализа проблемы международного порядка его основные измерения — характеристики, отражающие эмпирические данные, в которых резюмируются исследования методов создания и поддержания международного порядка (*Hoffmann*. 1985. Р. 675-680).

Наиболее изученным измерением международного порядка является горизонтальное, т.е. отношения между главными акторами международных отношений. Если международная система в структурном отношении имеет многополюсный характер, то поддержание порядка в ней осуществляется с помощью механизма политического равновесия. Что же касается биполярных систем, то и в них баланс сил выступает главным средством сползания к беспорядку.

Вертикальное измерение международного порядка представлен отношениями между сильными и слабыми акторами. Именно триумф силы выступает гарантом иерархической и жесткой организации международных отношений и регулирования взаимодействий в рамках И

перий, являющихся типичным примером доминирования в международной системе вертикального измерения международного порядка. При этом насилие — главное, но не единственное средство сохранения империи: история показывает, что она подвергается угрозе развала именно тогда, когда сила превращается в ее единственную опору, а остальные средства — «вертикальная дипломатия», специальные органы имперской бюрократии и правовые системы, а также экономические компенсации для лояльных вассалов, — по тем или иным причинам дают сбой и перестают действовать (см. там же. Р. 679).

Основу функционального измерения международного порядка определяет роль, которую играют в стабилизации международной жизни различные области международных отношений — дипломатия и стратегия поведения акторов, экономические обмены между ними, моральные ценности и политические амбиции лидеров, а также деполитизированная сфера деятельности частных субъектов международных отношений (например, транснациональных обществ деловых людей, ассоциаций ученых, специалистов и т.п.). Любой из указанных аспектов функционального измерения может служить как стабилизирующим фактором, т.е. фактором поддержания международного порядка, так и источником его дестабилизации и беспорядка (см. там же. Р. 681).

Главное то, что во всех измерениях международного порядка основным средством его поддержания на разных этапах исторического развития международных отношений оставалась сила, и прежде всего сила военная. Положение стало меняться лишь в последние десятилетия XX в. Уточнение деталей этих изменений требует более подробного рассмотрения вопроса об исторических типах международного порядка.

Исторические типы международного порядка

В науке о международных отношениях существует согласие относительно того, что современный международный порядок и современная система межгосударственных отношений ведут свое начало с 1648 г., когда Вестфальские мирные договоры положили конец Тридцатилетней войне в Западной Европе и санкционировали распад Священной Римской империи на 355 самостоятельных государств. Именно с этого времени в качестве главной формы политической организации общества повсеместно утверждается национальное государство (в западной терминологии — «государство-нация»), а доминирующим принципом Международных отношений становится принцип национального (т.е. государственного,) суверенитета. До этого времени, как подчеркивал

известный юрист-международник прошлого века Ф. Мартене, международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны (см. об этом: *Мурадян*. 1988. С. 42—43).

Вестфальские договоры имели целью закрепить сложившееся в результате войны соотношение сил и, установив границы национальных государств, создать противодействие стремлению этих государств установить свое господство над территориями друг друга (см.: Курс международного права. С. 52). Таким образом, вместе с государством-нацией и правовым закреплением национально-государственного суверенитета в международных отношениях складывается система политического равновесия. Основной ее смысл — это компромисс между принципом суверенитета и принципом общего интереса. В процессе своего функционирования данная система вынуждает каждого из акторов ограничивать свои экспансионистские устремления, чтобы не оказаться в ситуации, когда подобное ограничение будет навязано ему другими. Одним из главных средств поддержания равновесия является тот или иной вид коалиции: либо объединение «всех против одного», либо — когда этот «один» предусматрительно окружил себя союзниками, — коалиция блокады, в которую вступают те, кто хочет сохранить сложившееся соотношение сил. Коалиция направлена на устрашение государства, которое потенциально в той или иной форме нарушает политическое равновесие. В случае если устрашение не подействовало, средством обуздания такого государства, используемым коалицией, становится локальная война за ограниченные цели. Таким образом, в системе политического равновесия одностороннее использование силы является фактором создания беспорядка, тогда как ее коллективное использование рассматривается как инструмент поддержания порядка (см.: *Hoffmann*. 1985. Р. 676—677).

В дальнейшем понятие политического равновесия приобрело более широкий смысл и стало означать: а) любое распределение силы; б) политику какого-либо государства или группы государств, направленную на то, чтобы чрезмерные амбиции другого государства были обузданы с помощью согласованной оппозиции тех, кто рискует стать жертвами этих амбиций; в) многополярную совокупность, в которую время от времени объединяются великие державы с целью умерить чрезмерные амбиции одной из них (*Хаас*. 1953).

Идея равновесия как принцип международных отношений и международного права просуществовала до 1815 г., когда поражение Наполеона и временная победа монархических реставраций были закреплены на Венском конгрессе в принципе «легитимизма», означавшем в

данном случае попытку победителей восстановить феодальные порядки (см.: Курс международного права. С. 52—57). Это не означает, что механизм равновесия в дальнейшем уже не используется для поддержания порядка. Напротив, в широком понимании он становится едва ли не универсальным средством, которое в той или иной степени находит себе применение вплоть до наших дней.

«Легитимизм» как оправдание вооруженных интервенций европейских монархий с целью насаждения феодальных порядков не мог сохраняться длительное время. Уже во второй половине XIX в. рушится созданный в результате Венского конгресса Священный союз, а к концу столетия в Европе происходит формирование двух основных военно-политических группировок — Тройственного союза и Антанты, развязавших в начале XX в. Первую мировую войну. Ее итогом стали новый раскол Европы и мира в целом, Октябрьская революция и образование СССР. К трем измерениям международного порядка, на которые указывал С. Хоффманн, добавилось четвертое — идеологическое измерение. Его появление отнюдь не способствовало стабилизации международных отношений, доказательством чего стала Вторая мировая война. В результате раскол Европы и мира углубился, ибо образовались два противостоящих друг другу лагеря, две общественно-политические системы, исповедующие противоположные идеологии. Шаткая стабильность между ними поддерживалась при помощи «холодной войны» и взаимного устрашения, подкрепляемого растущим ядерным арсеналом обеих сторон и ведущего к безудержной гонке вооружений, которая становилась все более обременительной для их экономик и для мировой экономики в целом. В структурном отношении сформировавшийся после Второй мировой войны международный порядок предстает как очевидное биполярное устройство, усложняемое по всем измерениям целым рядом обстоятельств, более подробно о которых будет сказано ниже. Отметим также, что ситуацию, сложившуюся в международных отношениях в послевоенное время и сохранявшуюся вплоть до конца 1980-х гг., вряд ли правомерно рассматривать как сосуществование двух типов международного порядка — капиталистического и социалистического. В сущности, каждая из систем функционировала по одной и той же схеме, в соответствии с которой держава-гегемон фактически подчиняла своим интересам деятельность своих «клиентов» как внутри системы, так и за ее пределами.

Наблюдаемые в истории типы международного порядка колеблются в пределах двух классических моделей: модели «состояния войны» и модели «ненадежного мира», или «нарушаемого порядка» {Hoffmann. 1985. Р. 673—675}. Согласно первой из них, сущностью междуна-

родных отношений является война или подготовка к ней. Так называемые общие нормы хрупки, временны, они пропорциональны поддерживающей их силе и подчинены преходящему совпадению интересов. Взгляды приверженцев этой модели (Фукидида, Макиавелли, Гоббса, Руссо, Канта, Гегеля) оказываются сходными в том, что в международных отношениях не существует общего разума, который умеривал бы амбиции каждого актора, а есть лишь институциональная рациональность, поиски наилучших средств для особых целей, расчет сил, приводящие не к гегемонии, а к конфликтам. Вместе с тем они различаются в оценках подобного типа международного порядка, а следовательно, и путей его преодоления и замены новым, более совершенным.

Гоббс, например, считал состояние войны вполне терпимым, хотя и различал индивидуальную войну «всех против всех», вытекающую из самой человеческой природы, и войну между государствами, которая не обязательно угрожает выживанию каждого человека, особенно если речь идет о сильных государствах. Отсюда его призыв к отказу от индивидуальной свободы людей в пользу государства-Левиафана. Гегель видел в войне необходимое и благоприятное, хотя и суровое средство против упадка гражданского общества и считал, что в конечном итоге конфликты между цивилизованными обществами трансформируются в некий ритуал, не угрожающий их безопасности. Противоположным этому был подход Канта, который рассматривал войны как нетерпимое явление. Идеальным состоянием общества он считал мир между отдельными лицами в естественном состоянии и мир между государствами. Но вечный мир, с его точки зрения, может наступить лишь в очень отдаленном будущем.

Что касается модели «ненадежного мира», то она является реакцией на возникновение государств-наций с их принципом суверенности, а также на утрату абсолютного авторитета христианской церкви и Папы Римского. Международные отношения рассматриваются в ней как среда, в которой имеются силы, способные гарантировать минимум порядка. Такие силы формируются из государств, объединяющихся на основе совместных интересов, которые приводят их к созданию общих правовых норм. С точки зрения Локка, мировая политика не есть состояние войны. В противоположность Гоббсу он считал, что естественное состояние человека означает не «войну всех против всех», а личную свободу и равенство людей и, кроме того, отсутствие единого союза и общего суверена. Последнее обстоятельство создает возможность злоупотребления, поэтому государство призвано соблюдать и защищать принципы естественного права и ограждать от злоупотребления ими. Для государств является «естественным» признание взаимных обязательств, уважения друг друга и взаимопомощи; война

же — продукт злоупотребления суверенитетом, она наносит всеобщий вред. Тем не менее войны неизбежны, поэтому международный порядок всегда является ненадежным.

Каждая из приведенных моделей отражала часть действительности своего времени. В определенной мере это остается верным и для моделей наших дней, хотя следует подчеркнуть, что последние десятилетия привнесли в международный порядок существенные изменения. Сегодня можно достаточно четко выделить два качественно различных этапа послевоенного международного устройства: период «холодной войны» и современный период, начало которому положили перемены в нашей стране и в странах Восточной Европы и который следует характеризовать как переходный. Рассмотрим каждый из этих периодов.

Послевоенный международный порядок

После Второй мировой войны сложился международный порядок, отличавшийся двумя существенными особенностями.

Во-первых, это уже упоминавшееся четкое разделение мира на две социально-политические системы, которые находились в состоянии перманентной «холодной войны» друг с другом, взаимных угроз и гонки вооружений. Раскол мира нашел свое отражение в постоянном усилении военной мощи двух сверхдержав — США и СССР, он институализировался в противостоящих друг другу двух военно-политических (НАТО и ОВД) и политико-экономических (ЕЭС и СЭВ) союзах и прошел не только по «центру», но по «периферии» международной системы.

Во-вторых, это образование Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений и все более настойчивые попытки регулирования международных отношений и совершенствования международного права. Образование ООН отвечало объективной потребности создания управляемого международного порядка и стало началом формирования международного сообщества как субъекта управления им. Вместе с тем вследствие ограниченности своих полномочий ООН не могла выполнить возлагаемой на нее роли инструмента по поддержанию мира и безопасности, международной стабильности и сотрудничества между народами. В результате сложившийся между-' народный порядок проявлялся в своих основных измерениях как противоречивый и неустойчивый, вызывая все более обоснованную озабоченность мирового общественного мнения.

Опираясь на анализ С. Хоффманна, рассмотрим основные измерения послевоенного международного порядка.

Горизонтальное измерение послевоенного международного порядка характеризуют следующие особенности:

1. Децентрализация (но не уменьшение) насилия. Стабильность в центральном и глобальном уровнях, поддерживаемая взаимным уступлением сверхдержав, не исключала нестабильности на региональных и субрегиональных уровнях (региональные конфликты, локальные войны между «третьими странами», войны с открытым Участием одной из сверхдержав при более или менее опосредованной поддержке другой сверхдержавой противоположной стороны и т.п.).

2. Фрагментация глобальной международной системы и ее региональных подсистем, на уровне которых выход из конфликтов каждый раз гораздо больше зависит от равновесия сил в регионе и чисто внутренних факторов, касающихся участников конфликтов, чем от стратегического ядерного равновесия.

3. Невозможность прямых военных столкновений между сверхдержавами. Однако их место заняли «кризисы», причиной которых становятся либо действия одной из них в регионе, рассматриваемой как зона ее жизненных интересов (Карибский кризис 1962 г.), либо региональные войны между «третьими странами» в регионах, рассматриваемых как стратегически важные обеими сверхдержавами (Ближневосточный кризис 1973 г.).

4. Возможность переговоров между сверхдержавами и возглавляемыми ими военными блоками с целью преодоления создавшегося положения, появившаяся в результате стабильности на стратегическом уровне, общей заинтересованности международного сообщества в ликвидации угрозы разрушительного ядерного конфликта и разорительной гонки вооружений. В то же время эти переговоры в условиях существующего международного порядка могли привести лишь к ограниченным результатам.

5. Стремление каждой из сверхдержав к односторонним преимуществам на периферии глобального равновесия при одновременном взаимном согласии на сохранение раздела мира на «сферы влияния» каждой из них.

Что касается вертикального измерения международного порядка, то, несмотря на огромный разрыв, существовавший между мощью сверхдержав и всего остального мира, их давление на «третьи страны» имело пределы, и глобальная иерархия не становилась большей, чем прежде. Во-первых, всегда сохранялась существовавшая в любой bipolarной системе возможность контрдавления на сверхдержаву стороны ее более слабого в военном отношении «клиента». Во-вторых — произошел крах колониальных империй и возникли новые государства, суверенитет и права которых стали защищаться ООН и региональ

ными организациями типа ЛАГ, ОАЕ, АСЕАН и др. В третьих, в международном сообществе формируются и получают быстрое распространение новые моральные ценности либерально-демократического содержания, в основе которых — осуждение насилия, и особенно по отношению к слабразвитым государствам, чувство постимперской вины (знаменитый «вьетнамский синдром» в США) и т.п. В-четвертых, «чрезмерное» давление одной из сверхдержав на «третьи страны», вмешательство в их дела создавали угрозу усиления противодействия со стороны другой сверхдержавы и негативных последствий в результате противостояния между обоими блоками. Наконец, в-пятых, указанная выше фрагментация международной системы оставляла возможность претензий определенных государств (их режимов) на роль региональных квазисверхдержав с относительно широкой свободой маневра (например, режим Индонезии в период правления Сукарно, режимы Сирии и Израиля на Ближнем Востоке, ЮАР в Южной Африке и т.п.).

Для функционального измерения послевоенного международного порядка характерно прежде всего выдвижение на передний план в деятельности государств и правительств на международной арене экономических мероприятий. Основой этого стали глубокие экономические и социальные изменения в мире и повсеместное стремление людей к росту материального благосостояния, к достойным XX в. условиям человеческого существования. Научно-техническая революция сделала отличительной чертой описываемого периода деятельность на мировой арене в качестве равноправных международных акторов неправительственных транснациональных организаций и объединений. Наконец, в силу ряда объективных причин (не последнее место среди них занимают стремления людей к повышению своего уровня жизни и выдвижение на первый план в международных стратегическо-дипломатических усилиях государств экономических целей, достижение которых не может быть обеспечено автаркией), заметно возрастает взаимозависимость различных частей мира.

Однако на уровне идеологического измерения международного порядка периода холодной войны эта взаимозависимость не получает адекватного отражения. Противопоставление «социалистических ценностей и идеалов» «капиталистическим», с одной стороны, устоев и образа жизни «свободного мира» «империи зла» — с другой, достигли к середине 1980-х гг. состояния психологической войны между двумя общественно-политическими системами, между СССР и США.

И хотя путем использования силы на региональных и субрегиональных уровнях ограничения возможностей «средних» и «малых» государств сверхдержавам удавалось сохранять глобальную безопас-

имозависимую систему. Новое значение приобрел вопрос о войне и мире: пришло понимание всеми, кто причастен к принятию политических решений, того, что в ядерной войне не может быть победителей и побежденных и что войну уже нельзя рассматривать как продолжение политики, ибо возможность применения ядерного оружия делает вполне вероятной гибель человеческой цивилизации. Возникают и новые беспрецедентные вызовы, связанные с появлением все более очевидных черт международного беспорядка. Все это потребовало соответствующих изменений в области международных отношений.

В таких условиях все настойчивее пробивает себе дорогу идея нового международного порядка. Однако между ней и ее практическим воплощением лежат политические и социологические реальности наших дней, которые отличаются глубокой противоречивостью и требуют соответствующих подходов к своему анализу. Рассмотрим их подробнее.

2. Политологический и социологический подходы к проблеме международного порядка

Идея нового международного порядка принимает самые различные концептуальные формы, в многообразии которых можно выделить два основных подхода — политологический (с акцентом на правовые аспекты) и социологический. Такое разделение носит, конечно, условный характер, и значение его не должно преувеличиваться.

Сторонники политологического подхода исходят из объективной потребности в повышении управляемости мира и из использования в этих целях существующих интеграционных процессов. Настаивая на необходимости создания международной системы, базирующейся на законности, они указывают на все ускоряющееся возрастание роли международного права и на расширение сферы его применения, а также на увеличение значения международных институтов. При этом одни (например, Г.Х. Шахназаров) считают, что ведущую роль в формировании международного порядка призваны сыграть многочисленные международные организации во главе с Организацией Объединенных Наций, которая может рассматриваться как зачаток будущего мирового правительства (*Шахназаров. 1988*).

Другие, считая процесс создания мировых институтов, управляющих международными экономическими и политическими отношениями, способом формирования в отдаленном будущем планетарного правительства, рассматривают региональные процессы в качестве катали-

зателей, способных ускорить создание вышеозначенных институтов. Например, почетный генеральный директор Комиссии европейского сообщества К. Лейтон выдвинул модель регионального сотрудничества по образу ЕЭС. Поддержка и институализация интеграционных процессов не только в Европе, но и в АТР, Африке, Латинской Америке, по его мнению, позволит в итоге создать эффективно функционирующую мировую федерацию под эгидой ООН (Leyton. 1988. Р. 54—55).

Некоторые сторонники регионального подхода, считая зачатками будущей конфедерации государств интеграционные союзы, имеющие тенденцию к взаимному сближению, полагают, что ООН не способна возглавить данный процесс. Этому прежде всего препятствует слабость международного права. Оно, по сути, основывается на договорах, содержащих возможность своего нарушения. Поэтому, по их мнению, вместо ООН нужна принципиально новая система государств, способная обеспечить действенность общих принципов их поведения на мировой арене (Поздняков, Шадрина. 1989).

К рассматриваемому направлению можно отнести и модель «гос-тиницы на полпути», в соответствии с которой для создания нового эффективного международного порядка необходимо не глобальное правительство, к существованию которого не готовы народы и государства, а полицентрическое управление из центральной руководящей группы государств (США, Японии, стран ЕЭС, а также СССР (для ситуации 1990 г.), при условии преодоления им своих проблем, и Китая — при условии политических перемен в этой стране), которые сформировали бы своего рода Всемирный Генеральный Комитет. С другой стороны, аналогичную роль могли бы играть и региональные державы в соответствующих регионах мира (Foreign Affairs. 1990).

Не меньше различаются взгляды сторонников социологического подхода к проблеме мирового порядка. Некоторые из них считают, что становление мирового порядка будет идти через конвергенцию социальных структур, размывание общественно-политических различий двух типов общества и затухание классовых антагонизмов (Бовин. 1991). Они настаивают на том, что именно такой путь может привести в конечном счете к формированию единой цивилизации (подчеркнем при этом, что некоторые из положений данной концепции отчасти подтверждаются дальнейшим развитием событий на международной арене). При этом эта часть сторонников социологического • подхода вместе с тем достаточно скептически относится к возможности создания единого управляющего центра для всего человечества. По мнению А.Е. Бовина, отсутствие устойчивого постоянного баланса интересов не позволяет говорить — по крайней мере, в среднесрочной перспек-

тиве — о возможности делегирования членами мирового сообщества части своих прав, своего суверенитета подобному центру (*Бовин. 1988*).

Отметим еще некоторые отличия социологического подхода в анализе проблемы мирового порядка. Этот анализ был проведен представителями Фонда Дага Хаммаршельда. Они подчеркивают, что уже сегодня существуют не только объективные потребности, но и предпосылки перехода от нынешней политики принятия сиюминутных решений и часто пассивного реагирования на события к более последовательной и надежной системе поддержания мира (*Эркхарт, Чайлдс. 1990*). Глобальный характер крупнейших мировых проблем требует, по их мнению, создания для их урегулирования руководства нового типа. Отстаивая идею мирового правительства, считая ООН его основой и прообразом, они подчеркивают, что уже сегодня ее деятельность должна отвечать не только требованиям правительств, но и возрастающим ожиданиям народов. В наши дни, в силу чрезвычайного усиления роли частных и негосударственных акторов международных отношений, резко возрастает потребность в развитии сотрудничества на неправительственной основе. ООН и другие существующие международные организации уже сейчас выполняют не только политические функции, но и связаны практически со всеми отраслями человеческой деятельности. В дальнейшем эта роль будет еще больше возрастать, а решение многих международных программ во все большей степени будет обеспечиваться неправительственными источниками. Важными факторами существенных изменений в мире станут обеспечение народной поддержки и, соответственно, восприимчивость международных организаций к воле народов (*Эркхарт, Чайлдс. 1990. № 10. С. 119—120*).

Подчеркнем еще раз, что выделение двух указанных подходов носит условный характер. Разницу между ними нельзя абсолютизировать, она относительна: сторонники политологического подхода не отвергают роль социальных факторов в становлении нового международного порядка, так же как и сторонники социологического подхода не игнорируют влияния политических факторов. Речь идет о том, что одни исходят преимущественно из межгосударственных, политических отношений и на этой основе осмысливают социальные и иные процессы, а другие строят анализ политических процессов и структур международных отношений на исследовании социальных тенденций. Однако социологический подход представляется более плодотворным: он содержит больше возможностей не допустить идеологизации анализа, он более широк, что дает возможность интегрировать и политологический анализ, а главное — он позволяет полнее учитывать интересы не только государств и политических институтов, но и интересы социальных групп и конкретных людей.

Именно с позиций социологического подхода можно наметить пути решения центрального для проблемы мирового порядка вопроса, неразрешимого в рамках «чисто» политологического рассмотрения, вопроса о соотношении между национально-государственным суверенитетом и всеобщей мировой ответственностью. «Священный» принцип суверенитета выглядит с позиций социологического подхода совершенно иначе. Это позволяет заметить, что «безудержное исполнение национальных суверенитетов слишком часто сводится к насильственному шоку борющихся эгоизмов, означает неразумную эксплуатацию природы без заботы о будущих поколениях и экономическую систему, которая не способна реализовать «естественную справедливость» в отношениях между богачами «развитого мира» и миллионами голодающих в третьем мире» (*Leyton*. 1988. P. 26).

Недостаток ООН в том и состоит, что она остается организацией, в рамках которой осуществляется «дипломатия суверенитетов». Но именно существование ООН и ее специализированных учреждений свидетельствует о попытках передачи государствами части *своего* суверенитета в «общий котел» для решения задач, отвечающих общим интересам. В дальнейшем объем переданной ООН части суверенитета будет неизбежно возрастать (*Обминский*. 1990). Можно сказать, что переживаемый ныне исторический период — это период перехода к новому международному порядку, регулируемому институтами, законные права которых будут складываться из добровольно отчуждаемой и постоянно возрастающей доли суверенитетов всех участников международных отношений.

Социологический подход, интегрирующий политологический анализ, как уже отмечалось выше, дает возможность широкого и целостного представления проблемы международного порядка, что позволяет представить его основы в виде определенной системы факторов, важное место в которой принадлежит факторам социокультурного характера. Элементами такой системы выступают отношения господства, интереса и согласия международных акторов, а также наличие соответствующих механизмов, обеспечивающих функционирование международного порядка и регулирование возникающих в его рамках напряжений и кризисов (*Senarclens*. 1992. P. 107; *Moreau Defarges*. 1992. P. 76). При этом роль первого элемента, который выражается в военно-силовых отношениях государств на мировой арене и построенной на них международной иерархии, сегодня существенно изменяется, отчасти снижается, хотя и не исчезает. Нынешний этап международного порядка не перестает быть системой отношений между ограниченным Количеством государств, занимающих в мире господствующие с военно-стратегической точки зрения позиции, и остальными странами. Од-

нако возрастание роли новых технологий и связанного с ними уровня экономического развития повышают их роль в «рейтинге» того или иного государства и увеличивают его возможности влиять на международные дела в своих национальных интересах. Тем самым, наряду с сокращающейся, но сохраняющей значительное воздействие на состояние международных отношений иерархией, основанной на военно-силовых критериях, возникают и усиливают свое влияние иерархии, вытекающие из возрастающего экономического неравенства. Сосуществование обоих видов иерархий и связанных с ними мотиваций различных международных акторов — существенная черта нынешнего международного порядка.

Заметные изменения претерпевает и второй элемент международного порядка, связанный с интересами акторов. Во-первых, происходят преобразования в структуре национальных интересов государственных акторов международных отношений: на передний план выдвигаются интересы, связанные с обеспечением экономического процветания и материального благополучия. При этом экономический компонент национального интереса становится не просто фактором, служащим увеличению государственной мощи. Он становится фактором самостоятельным, что является ответом государства на возросшие требования населения к уровню и качеству жизни, с одной стороны. А с другой стороны, ответом на новые внешние вызовы, связанные с авторитетом и престижем государства на мировой арене, его местом в международной иерархии, складывающейся сегодня на иных принципах. Во-вторых, укрепление роли негосударственных акторов сопровождается снижением контроля со стороны правительств над мировой экономической жизнью и распределением ресурсов, большая часть которого осуществляется транснациональными корпорациями. Интересы же последних зачастую не связаны с интересами государств или преобладают над ними. К соперничеству национальных интересов добавляется соперничество несовпадающих полностью с ними интересов транснациональных предприятий, банков, ассоциаций и других негосударственных акторов.

Так, в 1991 г. западные частные компании, руководствующиеся собственными интересами, снабжают Ирак военными материалами, вопреки объявленному ООН экономическому эмбарго; российские политические объединения, группирующиеся вокруг газеты «День», организуют отправку добровольцев на войну в Югославию, невзирая на государственную политику РФ в данном вопросе; латиноамериканские наркомафии превращаются не только в силу, вступающую в конфликты (которые могут принимать экономические, политические, и вооруженные формы) со «своими» государствами, но и способствуют

интернационализации подобных конфликтов, в которых хорошо вооруженные армии «наркобаронов» сталкиваются либо между собой, либо с вооруженными силами других государств. При этом у рядового человека складывается впечатление, что государство либо вовсе не владеет ситуацией в сфере международных отношений и поэтому лишь пассивно следует ей, либо (в лучшем случае) предпринимает усилия по смягчению ее неблагоприятных последствий. О «мировом беспорядке» пишут и профессиональные аналитики.

Что касается третьего элемента международного порядка, отношений согласия, то суть его в следующем. Любой порядок может существовать лишь при условии добровольного присоединения акторов к лежащим в его основе нормам и принципам. Это, в свою очередь, возможно только при определенном совпадении этих норм и принципов к тем же общими ценностями, которые и вынуждают акторов действовать в определенных границах. По аналогии с внутриобщественными отношениями можно сказать, что соблюдение международными акторами определенных «правил игры» объясняется не только боязнью наказания, или непосредственными материальными интересами, но и консенсусом по поводу совместной социальной практики и признания легитимности этих правил.

Легитимность — факт культуры. Процесс легитимизации всегда связан с адаптацией «официальных» норм и правил действия к историческим традициям, верованиям, обычаям и образцам поведения, присущим той или иной социальной общности, и их влиянием на производство норм, определяющих границы дозволенного и недозволенного. С другой стороны, процесс легитимизации связан с присоединением к основным положениям идеологии, претендующей на научность «системы представлений о мире, функционирующей как вера (политическая) и принуждение (символическое)» {Brand. 1992. P. 159}. Как подчеркивает французский политолог Ф. Бро, термин «символическое принуждение» достаточно корректно опережает способ распространения вырабатываемых идеологией политических верований. В основе процесса символического принуждения лежит тот факт, что социальные и политические идеалы, принятые как господствующие всем обществом, в действительности вырабатываются в особых секторах этого общества его отдельными представителями. Находясь в привилегированном положении, эти представители способны через систему контролируемых ими институтов социализации — школу, религиозные Или политические организации, средства массовой информации и т.п. — навязать обществу систему своих представлений и идеалов. Эффективность этого процесса зависит от двух факторов. Во-первых, от того, насколько удачной будет попытка рационально представить

частные потребности и идеалы в качестве общих. И во-вторых, от того, насколько успешным окажется стремление исключить (дискредитировать и обесценить) противоположные требования и идеалы. В конечном итоге все зависит от соотношения интеллектуальных, а также культурных сил общества (там же. Р. 160—161).

С этой точки зрения распространение в мире демократических ценностей и идеалов не должно создавать иллюзий относительно их общечеловеческого характера. В действительности, как уже отмечалось, речь идет о ценностях западной либерально-демократической идеологии. Присущее ей, как и всякой идеологии, стремление исключить иные системы взглядов на общество и мир, на правила и нормы международного взаимодействия, а также попытки представить идеалы рыночной экономики, парламентской демократии, индивидуальных свобод и прав человека в качестве рациональных потребностей, вытекающих из самой человеческой природы, сталкивается с серьезными проблемами. Запад выступает перед остальным человечеством в качестве референтной группы. И это выражается прежде всего в том, что касается развитых технологий, более эффективно функционирующей экономики, высокого уровня и качества жизни людей. Именно в этом пункте потерпела поражение коммунистическая идеология и основанный на ней социализм, не сумевший обеспечить сравнимых с западными условий материального существования людей. Однако человечество не сможет повторить путь Запада к материальному процветанию, ибо он связан с обострением и глобализацией экологических и иных проблем, истощаемостью источников энергии и природных ресурсов планеты. Уже сегодня 6% населения планеты, живущих в развитых странах, потребляет 35% ее основных продуктов, что делает маловероятным присоединение к этим странам всего остального человечества. Экономическое неравенство, дистанция, разделяющая уровень жизни в богатых и бедных странах, отнюдь не уменьшается. Но если на протяжении прежних веков оно воспринималось как нормальное явление, то сегодня все в большей мере ощущается как несправедливость, порождая протесты и конфликты.

С другой стороны, как мы уже видели, не уменьшается и культурно-цивилизационное многообразие мира. Поэтому каждое общество, осуществляющее модернизацию, сталкивается с дилеммой: как реализовать необходимые для повышения эффективности экономики и подъема уровня жизни населения технико-экономические преобразования и одновременно сохранить собственную социокультурную идентичность. По мнению некоторых исследователей, указанная дилемма может породить новые идеологии, не совпадающие ни с коммунистической, ни с либерально-демократической и связанные либо с модер-

нистским авторитаризмом, либо с традиционализмом и ностальгическим постмодернизмом (*Braud.* 1992. Р. 99—100).

Наконец, что касается четвертого элемента международного порядка — механизмов, обеспечивающих его функционирование, делающих возможным урегулирование напряжений и кризисов, возникающих в его рамках, — то, помимо уже рассмотренных выше моральных и правовых регуляторов, следует отметить возрастание роли международных обменов и коммуникаций. Международные коммуникации представляют собой широкую сеть каналов общения акторов, которая постоянно развивается и приобретает все более сложный характер. Сегодня она представлена, во-первых, общениями по традиционным официальным, институциональным и неинституциональным каналам: дипломатические отношения, МПО, двусторонние и многосторонние встречи, визиты официальных лиц и т.п. Во-вторых, взаимодействием между официальными инстанциями и общественным мнением, которое оказывает возрастающее влияние на правящие режимы, дипломатические ведомства и т.п. Наконец, в-третьих, самостоятельной и непосредственной ролью средств массовой информации как каналов международного общения, оказывающих усиливающееся воздействие на существующий мировой порядок. При этом каждый из указанных каналов, призванных способствовать сохранению стабильности и совершенствованию международного порядка, может вызвать обратный эффект: спровоцировать кризис, усиливая неудовлетворенность тех или иных влиятельных акторов международных отношений (*Braud.* 1992. Р. 89).

Как свидетельствует история, крушение одного типа международного порядка и замена его другим происходит в результате масштабных войн или революций. Своеобразие современного периода состоит в том, что крах международного порядка, сложившегося после 1945 г., произошел в условиях мирного времени. Вместе с тем мирный характер уходящего международного порядка, как мы же видели, был относительным: во-первых, он не исключал многочисленных региональных вооруженных конфликтов и войн, а во-вторых, — постоянной напряженности в отношениях между двумя противостоящими блоками, напряженности в форме «холодной войны». Последствия ее окончания во многом сходны с последствиями прошлых мировых войн, знамено-, вавших переход к новому международному порядку: крупномасштабные геополитические сдвиги; временная дезориентация как победителей, так и побежденных в результате потери главного противника; Перегруппировка сил, коалиций и союзов; вытеснение ряда прежних Идеологических стереотипов; смена политических режимов; возникновение новых государств и т.п. Происходит конвульсивная трансформация всей системы сложившихся международных отношений,

сопровождающаяся высвобождением политического экстремизма и агрессивного национализма, религиозной нетерпимости, ростом конфликтов на национально-этнической и конфессиональной основе, усилением миграционных потоков.

Дестабилизация международной системы свидетельствуют о том, что человечество находится на переломном этапе своего развития. Объективные императивы выживания, безопасности и развития влекут за собой потребность в более надежном международном порядке, отвечающем новым тенденциям, связанным с «раздвоением» привычного государственно-центричного мира и сосуществованием его с миром нетрадиционных акторов. Время покажет, будет ли новый порядок регулироваться планетарным правительством, располагающим для этого соответствующими средствами наднационального характера — правительством, армией, действенными правовыми механизмами и т. п., — или его основой станут несколько взаимодействующих между собой интегрированных региональных центров, охватывающих в своей совокупности весь мир, или же это будет какой-то иной вариант управления миром. Но в любом случае создание и функционирование надежного мирового порядка может быть достигнуто лишь на основе создания условий для реализации интересов и сохранения ценностей не только государств и межправительственных организаций, но и самых разнообразных социальных общностей, и даже конкретных людей. С другой стороны, это требует преодоления той степени аномии, которая присуща сегодня международному обществу.

Сегодняшний мир еще далек от такого состояния. Прежний международный порядок, построенный на силе и устрашении, хотя и подорван в глобальном масштабе, но в то же время его правила и нормы еще продолжают действовать (особенно на региональных уровнях), что не позволяет сделать вывод о необратимости тех или иных тенденций. Упадок же послевоенного международного порядка открывает перед человечеством переходный период, полный опасностей и угроз для социальных и политических устоев общественной жизни.

3. Зарубежные и отечественные ученые о перспективах нового мирового порядка

Окончание холодной войны породило радужные надежды на то, что после прекращения биполярного противостояния и поражения коммунистической идеологии международные отношения утратят один из основных признаков — конфликтность, и достигнут, наконец, состоя-

ния согласия и сотрудничества. Эта мысль нашла свое отражение в знаменитой статье «Конец истории?», опубликованной в США в 1989 г. (см.: Фукуяма. 1990). Ее автор — Ф. Фукуяма, тогдашний чиновник госдепартамента США, выдвинул тезис, в соответствии с которым падение коммунизма и распространение во всем мире рыночной экономики и либеральной демократии знаменуют собой последнюю стадию исторического развития человечества. С этой точки зрения «рыночная демократия» представляет собой конечный идеал, «абсолютную идею» международных отношений. Этот тезис имел огромный резонанс. Он породил полемику и вызвал массу опровержений и вопросов, в частности о том, может ли история иметь окончание. Однако его оптимистический заряд идей о возможности установления нового международного порядка, характеризующегося отсутствием войн, вооруженных столкновений, противоречивых интересов и торжеством общепризнанных идеалов и универсальных ценностей, сохранялся еще некоторое, хотя и непродолжительное, время.

А уже в 1993 г. профессор Гарварда С. Хантингтон выступил с противоположной идеей — идеей «столкновения цивилизаций» (*Хантингтон*. 1994). В соответствии с ней на смену классическим конфликтам эпохи холодной войны приходит конфликт между культурами. Настаивая на том, что Запад испытывает все более серьезную угрозу со стороны враждебных ему цивилизаций, Хантингтон обнаруживает свою близость к реалистской школе. Однако он уже не верит в возможность государства-нации в регулировании международных отношений. Поэтому он делит мир на шесть цивилизаций — западную, тайско-конфуцианскую, исламскую, индуистскую, славяно-православную, латиноамериканскую — и иногда добавляет седьмую, африканскую. По его мнению, грядущие столкновения будут происходить не между государствами, Севером и Югом, богатыми и бедными, капитализмом и коммунизмом, и не во имя явных экономических интересов, а между тремя первыми из названных цивилизаций. Неизбежность такого столкновения объясняется следующими причинами. Во-первых, реальность и непримиримость различий между цивилизациями. Во-вторых, взаимозависимость мира, которая превращает его в «мировую деревню», влечет за собой рост межцивилизационных взаимодействий и увеличение миграционных потоков. В-третьих, происходящие в мире процессы экономической модернизации и социального развития отрывают людей от их корней и идентичностей, ведут к ослаблению государства и росту влияния религий. В-четвертых, всплеск межцивилизационных Противоречий объясняется и двойственной позицией Запада: доминируя на международной арене в экономическом и научном отношении, он в то же время поощряет «возврат к истокам» в незападных цивили-

зациях, следствием чего является «дезападнизация» элит развивающихся стран. В-пятых, культурные особенности являются более устойчивыми, чем политические и экономические. Поэтому компромиссы в этой деликатной сфере найти гораздо труднее. Наконец, в-шестых, мировая экономика регионализируется: возникают крупные экономические объединения (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР и т.п.), что также усиливает «цивилизационное сознание», ибо экономические организации базируются на общих культурных основаниях.

«Цивилизационный шок» проявляется на двух уровнях — нижнем, между группами смежных культур, соприкасающихся друг с другом по линиям цивилизационных разломов, и верхнем, между государствами, принадлежащими к разным цивилизациям. Поэтому в краткосрочной перспективе не может идти никакой речи о становлении единой цивилизации, а в долгосрочной предполагается, что мир XXI в. будет состоять из различных цивилизаций, каждая из которых должна будет научиться сосуществовать с другими. Это Хантингтон считает довольно сомнительным.

Таким образом, концепция Хантингтона выглядит полностью противоположной тезису Фукуямы. Первый представляет будущее международных отношений в оптимистическом свете, второй — в пессимистическом. Однако, события внесли свои коррективы и во взгляды Фукуямы. Спустя Ю лет после опубликования своей нашумевшей статьи Ф. Фукуяма заявляет: «История не умерла. Послание следует». Вместо «конца истории», как он пишет, может прийти конец человечества, по крайней мере в том виде, каким мы его знаем. Дело в том, что блестящий прогресс науки, в особенности биологии, несет с собой риск осуществления старой тоталитарной мечты об изменении человеческой природы и вступления истории в «постчеловеческую эру», абсолютно непредсказуемую в политическом плане (*Fukuyama F.* 1999).

В 1996 г. Хантингтон также внес несколько уточнений в свою концепцию, что сделало ее еще более алармистской. Он заявляет, что культуры не могут смешиваться даже под влиянием рынков. Западная цивилизация не единственная из претендующих на влияние в современном мире, поэтому Западу надо будет защищаться от других, незападных по своей истории, религии и культуре цивилизаций и, возможно, освобождаться от нынешних, чуждых ему в цивилизационном отношении союзников (например, от Греции и Турции) (см.: *Huntington.* 1997).

Еще одну модель будущего представил в своей работе «Мир, лишенный смысла» французский автор Заки Лаиди. Он считает, что

¹ Ссылка дастся на французский перевод работы С. Хантингтона, изданный в 1997 г.

конец холодной войны означает «не только разрыв с коммунизмом, но и окончание эпохи Просвещения». С его точки зрения, именно это обстоятельство препятствует возникновению нового миропорядка и обостряет «кризис смысла» мирового развития. Этот кризис проявляется, во-первых, в «утрате конечной цели» (куда движется мир?) и, во-вторых, в «утрате центростремительных тенденций» (все институты, как международные, так и национальные, переживают кризис). Лаиди отстаивает, таким образом, тезис об анархическом, дезориентированном и лишенном смысла мире.

Вышеприведенные работы иллюстрируют оценку нынешнего состояния международных отношений с точки зрения возможностей перехода к новому мировому порядку и его содержания. Вариации представлений о современном мировом порядке довольно многообразны. Крайние из них выглядят следующим образом. В рамках *оптимистического* сценария переход от эпохи, последовавшей за холодной войной, к новому миропорядку пройдет удачно и, несмотря на неизбежные конвульсии, приведет к примирению «двух Европ», т.е. к «партнерству», «общему дому», «паневропейскому союзу» и евро-атлантическому сотрудничеству. *Пессимистический* сценарий предполагает, что переход будет неудачный. Он приведет либо к всеобщему хаосу и анархии, либо к новой конфронтации, но теперь уже не между Востоком и Западом, а главным образом между богатыми и бедными нациями, а также к другим конфликтам нового поколения.

Скорее оптимистическими (при всех его оговорках) могут быть названы и взгляды директора Французского института международных отношений (IFRI) Т. де Монбриаля. Становление нового миропорядка он рассматривает через призму «триады», в которую включает *глобализацию*, расширение *гражданского общества* (как в национальных рамках, так и в общемировых), эмпирические поиски модели справедливого *правления* (Montbrial. 2000. Р. 13—17). Похожие позиции и у некоторых отечественных ученых. Например, описывая современную ситуацию в международных отношениях как «беспорядок», Н.В. Загладин все же считает, что новая конфронтация между Востоком и Западом не грозит миру. Это невозможно прежде всего потому, что Запад предпринимает всяческие усилия с целью содействия России в укреплении институтов демократии, принципов правового государства и создания фундамента рыночной экономики. Подчеркивая, что «стратегия Евросоюза, как и НАТО (а это наиболее существенно), исходит из того, что Россия, разделяющая общие с ними ценности и заботы, способна быть важным партнером в укреплении стабильности и безопасности в Европе и в мире в целом», он видит главное препятствие на этом пути в позиции правящей элиты России и отражающих

ее воззрения СМИ (см.: *Загладин*. 2000. С. 23). Стремление российского руководства к сохранению статус-кво на мировой арене, представляющее собой вызов другим странам, которые заинтересованы в переменах; приверженность сохранению ООН в ее нынешнем виде, в то время как она не соответствует современным требованиям; позиция по вопросу о расширении НАТО, которая игнорирует право политического выбора стран Центральной и Восточной Европы; концепция многополярности, несоответствующая существующим сегодня международным реальностям, проще говоря, «антизападная политика» РФ представляет собой одно из важнейших препятствий в формировании нового мирового порядка (там же. С. 24).

Другие отечественные ученые, в отличие от Н.В. Загладина, указывают на «фобии Запада в отношении России», необоснованность расширения НАТО и выбор Запада в пользу создания односторонней системы безопасности, необходимость пресечь линию на подрыв ООН (*Салмин*. 1999). Эксперты СВОП отмечают соблазн Запада использовать слабость РФ с помощью традиционных методов экспансии, дестабилизирующие последствия новой стратегии НАТО, сохранение роли геостратегического мышления и значения военной силы в международных отношениях (Стратегия для России. 2000). Перспективы глобальной демократии и расширения гражданского общества многим представляются труднодостижимыми и отнюдь не столь оптимистичными (*Дилигенский*. 2000. С. 89—92). Подчеркивается двойственная природа западной цивилизации, совмещающей в себе культурную самодостаточность со все более явным стремлением к несвойственной другим цивилизациям культурной экспансии. Акцентируется то, что методы имперского господства, заметные в политике сегодняшнего мирового лидера, США, несовместимы с принципами глобального миропорядка (*Лапкин*. 2000. С. 95). При этом фактически все авторы, чьи мнения были представлены, достаточно критически относятся к концепции многополярности, которая, по меньшей мере, требует наличия ресурсов, хотя бы в минимальной степени сопоставимых с ресурсами ведущих держав современного мира. Большинство исследователей и экспертов подчеркивают необходимость вовлечения РФ в процессы глобальной экономической интеграции и сотрудничества с Западом при одновременном отстаивании собственных национальных интересов.

Видимо, именно поэтому критика российских ученых в адрес Запада (здесь мы не берем во внимание правозащитные или крайне левые позиции, которые при всей их остроте выглядят все же маргинальными в общей картине подходов к рассматриваемой проблеме в отечественной литературе), касающаяся его позиции в отношении гло-

бального миропорядка, выглядит гораздо более сдержанной по сравнению с той, которую можно наблюдать в среде самих западных ученых. Так, известный французский политолог Пьер Аснер пишет: «...то, что рассматривается на Западе как прогресс универсалий и в, частности, прав человека, в глазах большей части остального человечества выглядит как освящение произвола и западной, в особенности американской, мощи, которая разит там, где она считает нужным, и, не соблюдая больше традиционных границ суверенитета, погружает сама себя в состояние варварства» (*Hassner*. 2000. Р. 47). И. Районе считает, что операция НАТО в Косово знаменовала собой окончание десятилетия неуверенности и беспорядка в международных отношениях и стала кануном нового глобального порядка. По его мнению, экономическая глобализация — господствующая черта послехолодновоенного периода — теперь дополнена первой попыткой воплощения глобального стратегического проекта в области безопасности. «Во имя гуманитарного вмешательства, ставящегося отныне превыше всего, НАТО без колебаний нарушает два важнейших запрета международной политики: государственный суверенитет и устав Организации Объединенных Наций» (*Ramonet*. 1999). По мнению И. Районе, черты глобального миропорядка, на создание которого направлена новая стратегия Запада, проявляются в приоритете принципа «нулевых потерь», ставшего для западного мира абсолютным императивом при проведении гуманитарных операций. Полное отсутствие человеческих жертв и незначительность материальных потерь со стороны НАТО и одновременно многие тысячи погибших сербов (прежде всего среди военных, но также и около двух тысяч погибших среди гражданского населения), массовые разрушения военной, промышленной и гражданской инфраструктуры, отбросившие страну на несколько десятилетий назад в ее развитии, заставляют говорить о том, что данная операция уже не может быть названа войной в традиционном смысле этого термина. Несоизмеримость соотношения сил, характеризующегося абсолютным превосходством нападавшей стороны, показывает, что в действительности это была, скорее, карательная операция (там же). Другой важной чертой западной стратегии глобального миропорядка, проявившейся в Косовской операции НАТО, стала манипуляция СМИ. Главная задача НАТО состояла в том, чтобы, по словам Рамоне, «сделать войну невидимой и остаться для журналистов главным источником информации», что! однако, не исключало и «новой формы демократической цензуры и приветливой пропаганды». В результате освещение событий западными СМИ было сведено к рассказу свидетелей о зверствах вооруженных сил Белграда в отношении гражданского населения Косово (при отсутствии их документальных подтверждений самими репорте-

рами). Попытки иного подхода решительно пресекались путем оказания политического давления на журналистов. Так, британский корреспондент Би-Би-Си в Белграде Джон Симпсон, сделавший попытку привлечь внимание к разрушенным бомбардировками НАТО школам и другим гражданским объектам, а также рассказать о существовании в Сербии демократической оппозиции правящему режиму, был обвинен правительством Великобритании в «пособничестве Милошевичу» (одновременно правительство потребовало его отзыва из Белграда, что, впрочем, не встретило содействия Би-Би-Си). В Италии «агентом Милошевича» за подобную попытку был назван корреспондент РАИ Эннио Ремондино. Во Франции репортажи известного публициста Режи Дебрей о кратковременном пребывании в Косово, не совпадавшие с официальной «истиной», стоили ему «настоящего интеллектуального линчевания» (*Ramonet*. 1999).

И. Районе, как и другие сторонники вышеописанной позиции, группирующиеся вокруг французского журнала «Монд дипломатик», считает, что стратегия глобального миропорядка не объединяет, а, скорее, разъединяет Западную Европу и США, поскольку их интересы все более расходятся. Если европейцы видят новый миропорядок результатом совместных усилий Запада по построению сообщества государств на основе либеральных ценностей и прав человека, то США делают все, чтобы обеспечить свое единоличное лидерство в мире. Союз с европейцами им нужен лишь для решения конкретных прагматических задач, после чего до очередного появления такой необходимости они перестают склоняться к каким-либо совместным действиям (см.: *Gresh; Bennis; Petrella; Najman; Klare; Schiller...*). Придерживающийся близких взглядов А. Жокс считает, что Америка в противоположность Европе действительно стремится управлять планетой. Поэтому вместо бессвязного и раздробленного впечатления, которое вызывают дискуссии, ведущиеся по этому поводу в США, их следует рассматривать через призму присущей им доктринальной и эмпирической внутренней логики. США не хотят быть основателями государств, они хотят быть основателями рынков. Их стратегия для Европы, как и для развивающихся стран, состоит в том, чтобы, разрушая государства и сами госаппараты, создавать транснациональные региональные объединения. «Это неоимперский негосударственный проект, — пишет А. Жокс. — В противоположность ему европейские страны рассматривают себя в качестве основателей государств и разрушителей империй. Французская революция, распад Оттоманской империи, экспансия колониальных империй, Версальские договоры и деколонизация: вся новейшая история Европы — это непрерывное создание государств» (*Joxe*. 1997. P. 326, 335).

Задаваясь вопросами о том, каким будет XXI в. и как распределятся роли между двумя сотнями государств, существующих сегодня на планете, Э. Шиллер полагает, что некоторые из них будут, конечно, иметь больше влияния, чем другие. «Но одна из стран — Соединенные Штаты — обладая экономической, военной и культурной мощью, использует все, чтобы сохранить свое бесспорное превосходство. В частности, она стремится в одностороннем порядке установить выгодные только ей правила игры «электронной эры» с тем, чтобы обеспечить свое господство над планетарными сетями взаимозависимости грядущего века. С этой целью Интернет рассматривается прежде всего как средство американской торговой экспансии. Но вечной гегемонии не существует. И уже сегодня Европа и некоторые государства Юга начинают, хотя еще робко, проявлять неповиновение» (*Schiller*. 1998).

Большинство исследователей как на Западе, так и у нас в стране полагают, что независимо от позиции отдельных политических деятелей США и при всей бесспорности экономической, технологической, военной, информационной, культурной мощи этой страны, ее демократического имиджа единоличное американское лидерство на мировой арене невозможно по причине ограниченности даже тех огромных ресурсов, которыми она располагает в настоящее время (см., например, цит. соч. таких авторов, как: *Colard, Montbrial, Senarclens, Богатуров; Загладин; Ланкин; Салмин; Хрусталев...*).

Некоторые из них, правда, считают, что уже сегодня, фактически, сформировался «глобальный управляющий центр в виде «семерки», который с известной долей условности можно... рассматривать как прообраз будущего «мирового правительства»...» (*Хрусталев*. 1999. С. 49). Автор оговаривается, что данную идею не следует понимать упрощенно, подчеркивая, что речь идет об объективном процессе. И действительно, многое в развитии современных международных отношений выглядит подтверждением высказываемых Хрусталевым взглядов. И все же главный вывод о «глобальном управляющем центре» вызывает сомнения: так же как и многие другие новые положения, он порывает с историей международных отношений, не принимая во внимания характерного для всех ее этапов расхождения социально-политических интересов главных действующих лиц. Разногласия между США и другими членами «семерки» не следует, конечно, абсолютизировать, но не стоит их и преуменьшать. Поэтому согласованное «единоличное» управление мировой политикой со стороны «семерки», а тем более превращение ее в «мировое правительство» не выглядит правдоподобным. Кроме того, мировая политика не сводится к «управлению» взаимозависимыми экономиками. На практике это нашло свое подтверждение в следующем. Вывод, согласно которому «формирова-

ние единого правового пространства вступает в заключительную фазу» (см. там же. С. 50) был опрокинут бомбардировками Белграда буквально через считанные дни после того, как он был сделан.

Еще одна концепция глобального миропорядка сформулирована другим отечественным ученым, Н.В. Загладиным. С его точки зрения, путь к новому мировому порядку проходит через создание *взаимодействующих «единых пространств»*. Факторами единства уже существующих (ЕС, НАФТА и др.) и формирующихся новых «пространств» и «подпространств» являются интеграция производства и капитала, объединенных в структурах ТНК и ТНБ, а также общность интересов, связанных с преодолением «нового мирового беспорядка» (Загладил. 2000. С. 24). Данная концепция очень близка к уже упоминавшейся выше и получающей все более широкое распространение в западной литературе концепции «управления» (governance). Рассмотрим ее несколько более подробно.

Понятие *управление* с середины 1990-х гг. использовалось международными финансовыми организациями для обозначения институтов, политической практики, способов управления, применяемых руководителями государственных и частных предприятий в работе с развивающимися странами. Оно нашло подтверждение и в документах ОЭСР. Согласно положению Комиссии по глобальному управлению (The Commission of Global Governance. 1995), планетарные вызовы требуют сближения позиций и взглядов подлинного «международного сообщества». Концепция *управления* развивается в работах таких известных авторов, как Дж. Розенау, О. Янг, Т. де Монбриаль, М.К. Смуте и др., и тесно соприкасается с теорией международных режимов. В ее основе лежит уже известная идея об упадке роли государства в международных отношениях и возрастающем значении других действующих лиц — транснациональных предприятий и фирм, НПО, частных групп давления, социальных движений, разного рода бюрократических структур и т.п. Т. де Монбриаль обозначает таких акторов термином «*unites actives*», под которым понимается любая организованная группа, обладающая ресурсами в широком смысле этого слова и способная ставить перед собой определенные цели и стратегии и достигать их (Montbrial. 2000. Р. 16). С этой точки зрения глобализация ведет к тому, что в контексте международных отношений формируется разнородная совокупность институциональных структур и практических действий, способствующих созданию нового международного порядка. При этом понятие *управления* подразумевает, что наблюдающийся уже в наши дни процесс функциональной унификации мира, углубление (что не означает завершения) которого возможно произой-

дет в XXI в., *не приведет* к созданию «мирового правительства» (см. там же. Р. 17).

Дж. Розенау считает, что после холодной войны для международной политики свойствен рост уровня институализации и резкое увеличение числа регулятивных механизмов. В отсутствие какой-либо наднациональной по своему характеру верховной власти это означает формирование «*правления без правительства*», другими словами, создание совместными действиями новых акторов системы управления на основе общих ценностей. Такое *управление* (элементы которого, кстати, уже существуют как *эмпирический глобальный порядок* — см.: *Rosenau. 1992b. Р. 14*), как правило, не нуждается в средствах принуждения, поскольку в основе его лежит согласие акторов по поводу его основных целей (*Rosenau. 1992a. Р. 34*). Тем самым происходит переход от централизованной и иерархизированной системы властных отношений к новой, не имеющей каких-либо определенных контуров, системе — системе неформальных связей и институтов, выполняющих взаимодополняющие функции для достижения сближающихся целей сотрудничества (*Rosenau*).

О. Янг утверждает, что, несмотря на отсутствие легитимной Принудительной власти, действия новых акторов, соблюдающих формальные и неформальные правила и опирающихся на межправительственные и неправительственные механизмы, являются предсказуемыми. Совокупность институтов, норм и процедур, которые дают людям возможность выражать свои стремления и бороться за свои интересы в относительно предсказуемом контексте, создают основы *справедливого управления*. Развитие этих систем регулирования международной политики подчинено утилитарным и прагматическим тенденциям и отражает не только соотношение сил, но и растущее сближение интересов (*Young. 1994*).

Понимаемое таким образом *управление* международной жизни представляет собой постоянно продолжающийся процесс. Он преодолевает международную анархию, но, в отличие от *режимов*, никогда не представляет собой строго фиксированного состояния. Регулирование исходит не из некоего свода предустановленных правил, а представляет собой совокупность совместных действий, формирующуюся через обмена, переговоры, взаимные уступки и конфликты (см.: *Smouts. 1998. Р. 150—151*). Поэтому тесная связь между понятиями *governance* и *гражданское общество* — это возникновение «транснационального гражданского общества и, следовательно, зародыша мирового общественного мнения, которое государства все больше и больше вынуждены принимать во внимание» (*Montbrial. 2000. Р. 15*).

В целом понятие *глобальное управление* выглядит довольно размытым. Оно не имеет четкого содержания и отражает, скорее, общий подход сторонников описываемой с его помощью концепции миропорядка. В соответствии с этим подходом, мировой порядок представляет собой процесс, вокруг которого сходятся интересы самых разных акторов, и поэтому последние всячески содействуют ему, участвуя тем самым в создании единой в своем многообразии системы регулирования международной политики. Такая система призвана отражать предпочтения гражданского общества, которые выражают ценности универсального характера.

Скептики, в числе которых могут быть названы такие ученые, как П. де Сенарклянс, Д. Золо, А.-М. Слоутер и др., указывают на ряд присущих данной концепции недостатков. По их мнению, она преувеличивает роль негосударственных акторов, в частности ТНК, принимая их вмешательство в политическую жизнь за позитивную эволюцию, которая позволяет смягчить недостатки государств. При этом наблюдается тенденция к смешению в неопределенном ансамбле всех акторов международных отношений, безотносительно к существующей между ними иерархии и той степени, в которой тот или иной из них способен оказывать влияние на их регулирование.

На деле же, как считает, например, П. де Сенарклянс (*Senarclens*, 1998. Р. 198—202), основные черты международных акторов, их стратегия и их политическое влияние обусловлены конфигурацией международных политических сил и вытекающей из нее институциональной структурой. Вторжение же в сферу международных отношений различного рода экспертов, транснациональных бюрократий, локальных и региональных сетей вовсе не решает вопрос о процедурах политического участия и контроля властных пространств, поскольку природа этих акторов, как и инстанций, к которым они имеют доступ, очень разнородна. Так, НПО не имеют никакого доступа к ВТО или МВФ, в то время как число их представителей в международных организациях, имеющих ограниченное политическое влияние, не перестает расти. Имеющая в ряде случаев место делегитимация государства-нации, приватизация его функций деятельностью негосударственных политических и социальных сил носят ограниченный характер и не могут всерьез изменить место государства-нации в международной политике. Что же касается существования тенденций к становлению глобального гражданского общества, то они не являются необратимыми, испытывают сильное влияние противоположных процессов и не представляют собой проявлений процесса демократизации и транснациональной интеграции универсального характера и значения. «То, что западные космополитические круги называют «глобальным граж-

данским обществом», — пишет Д. Золо, — не выходит за пределы сети функциональных взаимодействий и взаимозависимостей, которые возникли в нескольких важных сферах «глобального рынка», главным образом в сфере финансов, технологии, промышленности и услуг» (Zolo. 1997). П. де Сенарклянс добавляет, что международные организации слишком часто избегают элементарных правил *справедливого управления*, в особенности механизмов контроля и противовеса, которые необходимы для функционирования демократических институтов (Senarclens. 1998. P. 202).

Таким образом, существующие сегодня как в отечественной, так и в зарубежной литературе взгляды на существо и перспективы нового миропорядка отличаются разноречивостью и разнообразием позиций. Эти позиции не составляют единого видения проблемы. Ни одна из рассмотренных концепций не предлагает исчерпывающего решения проблемы миропорядка. Помимо всего, их несовместимость объясняется и приверженностью авторов к той или иной теоретической парадигме и, соответственно, их идеологическими предпочтениями. Так, например, в основе концепций «конца истории», «единых пространств» и «глобального управления», к которым примыкает концепция «глобального управляющего центра в виде «семерки», лежат различные варианты неолиберального подхода. Напротив, концепции «столкновения цивилизаций» и рассуждения о «полярности» и «конфигурации политических сил» исходят из реалистских взглядов. Что же касается тезисов об «американском империализме» и близких им положений, то они явно отдают дань неомарксизму.

Абсолютное большинство исследователей, описывая современное состояние международных отношений — эмпирический международный порядок — отмечают снижение роли государства на фоне становления мировой экономики с транснациональными производственными, финансовыми, информационными, коммуникационными и иными потоками. И в отечественной, и в зарубежной научной литературе подчеркивается, что поскольку сегодня ни одна страна не может избежать влияния на ее развитие и благосостояние ее граждан процессов глобального характера, то межгосударственное соперничество и сотрудничество смещаются именно в эту сферу: главной ставкой становится максимальная вовлеченность в мировой процесс экономической интеграции при минимальных потерях для собственных интересов. При этом указанные транснациональные потоки становятся все менее подвластными влиянию даже самых развитых государств. Правительства сталкиваются также с серьезными экологическими вызовами, которые возникают на планетарном уровне и затрагивают безопасность всех стран при отсутствии общемировых политических и институциональ-

ных средств их разрешения. Ситуация осложняется сохранением элементов традиционного силового противоборства, упадком существующих межправительственных институтов (в частности, ООН, ОБСЕ...), в то время как действительных механизмов эффективного, а тем более *справедливого* глобального управления на сегодняшний день фактически не существует.

Все это говорит о том, что переходный период в становлении нового международного порядка не кончился. Становление мирового порядка лишь находится в новой фазе. Состояние «переходности» затрагивает как мировую систему в целом, так и все категории стран и скорее всего будет сохраняться еще длительное время. Однако вопрос не в том, быть ли глобальному миропорядку, а в том, каким ему быть.

Проблема представляет не только академический интерес. Оценка известными исследователями, авторитетными экспертами степени и «качества» эмпирического международного порядка и, в особенности, представления о будущем мироустройстве, оказывают влияние на политическое поведение ведущих международных акторов. А уверенность лиц, принимающих от их имени решения, в необходимости и возможности быстрой реорганизации международных отношений на основе «правильной» теоретической модели может обернуться неблагоприятными последствиями для всего остального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовин А.Е. История и политика // Известия. 1991. 1 янв.
2. Бовин А.Е. Мировое сообщество и мировое правительство// Известия. 1988. 1 февр.
3. Богомолов О.Т. О неолиберализме // Международная жизнь. 1999. № 2.
4. Богомолов О.Т. Вызов мировому порядку. Экономическая глобализация не решает межгосударственных и социальных проблем человечества // Независимая газета. 2000. 27 янв.
5. Голик Ю.В., Карасев В.И. Почему даже демократическая Россия не устраивает «свободный» Запад? // Международная жизнь. 1999. № 3.
6. Дилигенский Г.Г. Глобализация: перспективы демократии // Полития. № 3 (13). Осень 1999.
7. Загладил Н.В. Новый мировой беспорядок и внешняя политика. России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1.
8. Курс международного'права. Т. 1. М., 1989.
9. Ланкин В.В. Универсальная цивилизация: болезнь роста и ее симптомы // Полития. № 3 (13). Осень 1999.
10. Мир и разоружение. М., 1986.
11. Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. М., 1988.
12. Обминский Э.Е. Мировое хозяйство. Подходы к регулированию // Международная жизнь. 1990. № 4.
13. Панарин А.С. Снова смена вех? // Вестник РАН. Т. 64. № 7. Июль 1994.

14. Поздняков Э.А., Шадрин И.П. О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4.
15. Сашиин А.М. Дезинтеграция биполярного мира и перспективы нового мирового порядка // Полис. 1993. № 4.
16. Салмин А.М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. 1999. № 2.
17. Стратегия для России: повестка дня для президента — 2000: Глава 2. Российская внешняя политика перед вызовами XXI века // <http://www.book.2000.ru>
18. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
20. Хрусталева М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // Космополис. Альманах. 1999.
21. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Тезис Хантингтона о будущем мировой политики в восприятии российского внешнеполитического сообщества // Вопросы философии. 1994. № 3.
22. Шахназаров Г.Х. Мировое сообщество управляемо // Известия. 1988. 15 янв.
23. Эрхарт Б., Чайлдс Э. Мир нуждается в руководстве: завтрашний день ООН // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 10, 11.
24. Яценко К. Итоги истории и ее цель. Вып. 2. М., 1991.
25. Braud Ph. Manuel de sociologie politique. R, 1992.
26. Collard D. La societe internationale apres la guerre froide. P., 1996.
27. The Comission of Global Governance. Our Global Neighbourhood. Oxford, 1995.
28. Foreign Affairs. 1990. № 4.
29. Franck T. The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990.
30. Fukuyama F. Second Thoughts // The National Interest. 1999. № 56.
31. Girard M. Ordre et desordre dans les relations internationales // Cahiers francaise. 1996.
32. Gresh A. Les aleas de l'internationalisme // <http://www.monde-diplomatique.fr/1998/05/GRESH/10493.html>
33. Haas E. The Balance of Power: Prescription Concept or Propaganda // World Politics. 1953.
34. Hassner P. Fin des certitudes, choc des identites: un siecle imprevisible. — Ramses 2000. L'entree dans le XXI-e siecle. P., 2000.
35. Hoffmann S. L'ordre international // Traite de science politique. Vol. 1. P., 1985.
36. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer.
37. Huntington S. Le choc des civilisations. P., 1997.
38. Joxe A. Representation des alliances dans la nouvelle strategie americaine // Politique etrangere. № 2. Eté 1997.
39. Laidi Z. Un monde prive" de sens. R, 1994.
40. Leyton C. Une seule Europe. P., 1988.
41. Montbrial Thierry de. Le monde au tournant du siecle. — Ramses 2000. L'entree dans le XXI-e siecle. R, 2000.
42. Moreau Defarges Ph. Relations internationales. 2. Questions mondiales. R, 1992.
43. Petrella R. Une machine infernale // <http://www.monde-diplomatique.fr/dossier/ft/petrella.html>, 44. Ramonet I. Nouvel ordre global // <http://www.monde-diplomatique.fr/1999/06/RA-MONET/12177.html>
45. Rosenau J. N. and E.O. Czempe. Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge, 1992.
46. Rosenau J. N. Le nouvel ordre mondial? Force sous-jacentes et resultats // Etudes internationales. Vol. XXIII, № 1. Mars 1992.
47. Senarclens P. de. La politique internationale. R, 1992.
48. Senarclens P. de. Mondialisation, souverainete et theories de relations internationales. P., 1998.

49. *Schiller H. I.* Vers un nouveau siecle d'imperialisme americaine // <http://w.vw.mondc-diplomatique.fr/1998/08/SCHILLER/10788.html>
50. *Young O.R.* International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. Ithaca, 1994.
51. *Zolo D.* Cosniopolits, Prospects for World Governement. Cambridge, 1997.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Книга уже была в издательстве, когда весь цивилизованный мир потрясла трагедия, вызванная, акциями международного терроризма в Нью-Йорке и Вашингтоне, призванными, по мысли их организаторов, подорвать силу и авторитет США, Запада в целом, а возможно, и всего населения мира, не согласного с экстремистской трактовкой исламских ценностей. Если оставить откровенное или же завуалированное одобрение действий террористов на совести тех, кто его выразил, если отбросить явно бредовую идею тех, кто заговорил о коварном замысле самих американских, спецслужб, имевшем целью спровоцировать антиисламские действия вооруженных сил США, то реакция остальных была неоднозначной. Заявления политических деятелей, комментарии средств массовой информации, выводы многочисленных экспертов, мнения рядовых обывателей разных стран и регионов, высказанные уже 11 сентября 2001 г. и в последующие дни, поражают расхождением трактовок существа, причин и следствий произошедшего.

Разумеется, сегодня еще рано делать окончательные выводы относительно истоков и последствий трагедии.. Ясно, однако, что они носят гораздо более сложный и глубокий характер, чем это могло показаться на первый взгляд. Они связаны с теми тенденциями в эволюции международных отношений, которые наметились уже довольно давно и о которых еще в начале 1970-х гг. заговорили теоретики транснационализма. Отчасти они были еще раньше подмечены представителями теорий зависимости и неравномерности мирового развития. Рост числа и многообразия субъектов, а соответственно и интересов в мировой политике, увеличивает элемент непредсказуемости, присущий международным отношениям. Глобализация мирового развития способствует тому, что в эпоху высоких коммуникационных технологий, прогрессирующей проницаемости границ и подавляющего распространения рыночных отношений на все стороны общественной жизни ни одна, даже самая сильная в мире держава, не может считать себя неуязвимой. Все более мощно заявляют о себе такие факторы мирового развития, как культурные особенности, стремление к сохранению и развитию этнической или конфессиональной идентичности, неприятие

диктата силы и навязывания ценностей. В связи с этим трудно возразить против утверждений бывшего кандидата на пост Президента США Пэта Бьюкенена, с точки зрения которого американцы должны найти в себе «мудрость и мужество, чтобы взглянуть на себя глазами исполнителей терактов и тех, кто стоит за ними, иными словами — глазами представителей иного, в том числе исламского, мира». По его мнению, в бесчеловечном акте террора 11 сентября нашла свое отражение ненависть к США как к своего рода «новому Риму», проводящему имперскую политику, навязывающему свои цели, волю, ценности¹.

Если мир и в самом деле стал иным, как об этом заявляют СМИ, то нынешние изменения связаны с теми негативными проявлениями глобализации мирового развития, которым господствующая либеральная идеология до сих пор не уделяла достаточно внимания, поскольку ее приверженцы полагали, что указанные последствия вряд ли серьезно затронут развитые в экономическом и мощные в военном отношении страны Запада, а тем более его бесспорного лидера — США. В свою очередь, эксперты и политики, мыслящие в терминах политического реализма, уделяли приоритетное внимание вопросам стратегической военной обороны, укреплению союзов, защите от угроз традиционного характера и распространению по всему миру собственных ценностей как одного из элементов национального интереса, игнорируя то, как подобная политика воспринимается за пределами Запада и его союзников. По мнению наблюдателей, сегодня западная общественность приходит к пониманию необходимости пересмотра подобной политики. Найдет ли это отражение в деятельности тех, кто принимает политические решения, покажет уже ближайшее будущее.

Задаваясь же вопросом о том, какое влияние события 11 сентября окажут на теорию международных отношений, следует прежде всего воздерживаться от крайностей и поспешного отказа от всех ее положений, к чему иногда призывают те, кто имеет с ней в лучшем случае поверхностное знакомство. Мир действительно изменяется, однако новые реальности не возникают на пустом месте и не отменяют полностью прежних. Последние хотя и трансформируются, но продолжают сохранять свое значение и сохраняют его до тех пор, пока государство останется основной формой политической организации общества, главным (хотя уже далеко не единственным и все более тесным другими) игроком на международной арене. Сосуществование нового и старого необычайно усложняет

¹ Дунаев В. За что нас так ненавидят? Таким вопросом задаются сегодня в Америке Независимая газета. 2001. 11 окт.

мир, увеличивает элемент непредопределенности в международных отношениях, актуализирует требование умеренности и осторожности в принятии политических решений, вызывает к умению учитывать все многообразие происходящего и все богатство истории человеческого развития. Важную роль в осмыслении тенденций обновляющегося мира, как и в сохранении уже накопленных и проверенных временем знаний о нем, а возможно, и в формировании ответственной мировой политики призвана сыграть и теория международных отношений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Некоторые международные принципы, доктрины, теории. Международные организации, договоры и соглашения¹

Принципы, доктрины, теории

Четырнадцать принципов президента Вильсона

Декларация о военных целях союзников, выработанная президентом Вильсоном (1856—1924) и изложенная им 8 января 1918 г. Она включала: 1) отказ от тайной дипломатии и открытые мирные договоры; 2) свободу судоходства; 3) отмену таможенных барьеров; 4) установление гарантий, обеспечивающих сокращение вооружений; 5) справедливое урегулирование колониальных вопросов; 6) освобождение Германией всех оккупированных ею русских территорий, предоставление России беспрепятственной возможности определить свое политическое развитие и свою национальную политику, вступление ее в «сообщество свободных наций» и оказание ей там «радушного приема»; 7) освобождение и восстановление Бельгии; 8) возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, освобождение и восстановление ее оккупированных районов; 9) исправление границ Италии в соответствии с ясно выраженным национальным признаком; 10) предоставление автономии народам Австро-Венгрии; 11) освобождение Германией оккупированных территорий Румынии, Сербии и Черногории, предоставление Сербии выхода к морю; 12) автономное развитие нетюркских народов Османской империи и свободный проход через проли-

¹ Источники: Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. V. М., 1997; *Шпенлер*. Международные организации. М., 1997; *Шпенлер*. Международные экономические организации. М., 1998; НАТО. Справочник. Брюссель, 1996; *Colard D.* La societ t internationale apres la Guerre froide. P., 1996; *Laroche J.* Politique internationale. P., 1998; *Organisations internationales*. P., 1995; *Karen A. and Margaret P. Karns.* The United Nations in the Post-Cold War Era. Boulder, 1995; *Grenville J.A.S.* The major international treaties since 1945 : a history and guide with texts. L.; N.Y., 1987; *Willetts P.*, ed. The Conscience of the World: The Influence of Non-Governmental Organisations in the UN System. Washington, 1996; *Boli, John*, ed. Constructing World Culture: International Nongovernmental Organizations Since 1875. Stanford, 1999; *Zogbibe Ch.* Les organisations internationales. P.. 1991, и др.

вы; 13) создание независимой Польши со свободным выходом к морю; 14) создание Лиги Наций в целях предоставления «взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности — равно большим и малым государствам».

Основанная на положениях, провозглашенных Иммануилом Кантом в его трактате «К вечному миру» в 1797 г., в котором присутствовал термин «Лига народов», Лига Наций получила определение «гражданского общества, управляемого универсальным правом». В целом «14 пунктов» явились одним из наиболее ярких примеров попыток воплощения в практику международной жизни либерально-идеалистических взглядов на проблемы демократии и всеобщего мира.

Принцип *Res communis* (общего достояния)

Общее достояние — понятие римского права. Получило дальнейшее развитие в доктрине общего блага Фомы Аквинского. В начале XVII в. было введено Диего Суаресом в международное право. Гуго Гроций сделал его основой положения о свободе судоходства и международной торговли. В этот период истории под ним понимают общее благо человечества, отражающее процесс общего освоения мирового пространства. Общее благо может использоваться всеми, но и охраняться должно всеми. Впервые оно получило международное признание в 1967 г. Его практическое применение создает много проблем, ибо, с одной стороны, США противопоставляют ему принцип суверенитета, признанный Хартией ООН (ст. 2, (7)), а с другой стороны, выбор его представителя — государства, международной инстанции или неправительственной организации — является деликатной и трудноразрешимой проблемой.

Принцип *Res nullius* (ничейной территории)

В эпоху колонизации колониальные державы выработали доктрину ничейной земли, на основе которой любая открытая территория считалась свободной и принадлежащей тому, кто ее открыл и кто ее использует.

Принцип наднациональности

Принцип политической организации, на основе которого признается высший авторитет некой целостности, объединения, обеспечиваемый совокупностью юридических и институциональных прерогатив, по отношению к другим политическим единицам.

Принцип субсидиарности

Принят Маастрихтским договором в качестве генерального с целью избежать чрезмерной централизации решений на уровне ЕС. Его задача — быть механизмом разделения компетенций между «центром» (инстанциями ЕС) и го-

сударствами-членами. В соответствии с данным принципом, органы ЕС, кроме тех областей, в которых они обладают исключительной компетенцией, имеют право на вмешательство в полномочия государств только в тех случаях, когда государства-члены не могут эффективно реализовать поставленные цели или осуществить определенные действия.

Доктрина Брежнева

Это название появляется в средствах массовой информации Запада в 1968 г. в связи с письмом руководителей пяти коммунистических партий стран — членов ОВД (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза) от 15 июля 1968 г. в адрес Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии. В письме и в июльской речи того же года советского руководителя Л.И. Брежнева говорится о примате «социалистического интернационализма» над поисками национальных путей построения социализма. Чехословацкая модель «социализма с человеческим лицом» квалифицируется как угрожающая «предательством социалистического сообщества». Тем самым выстраивается идеологическая основа для вмешательства во внутренние дела суверенного государства со стороны стран «социалистического содружества»: в августе 1968 г. в Прагу были введены войска вышеуказанных государств, что позволило тогдашнему руководителю СФРЮ Иосипу Броз Тито квалифицировать новую советскую доктрину как «доктрину ограниченного суверенитета стран Восточной Европы».

Гуамская доктрина

По имени наиболее крупного и самого южного из Марианских островов, открытых Магелланом около 1521 г. Остров был присоединен к Испанскому королевству в конце XVII в. После испано-американской войны 1898 г. перешел под господство США. В ходе Второй мировой войны был захвачен Японией (12 сентября 1941 г.), но в июле — августе 1944 г. вновь отвоеван США. 25 июля 1969 г. на расположенной здесь базе морской авиации президент Р. Никсон объявил о постепенном выводе американских вооруженных сил, базирующихся в юго-восточной Азии. За исключением ситуации прямой угрозы, требующей использования атомного оружия, страны Азии должны были отныне сами решать свои проблемы военной обороны, так как США снимали с себя эту задачу. В соответствии с этой доктриной США обязывались оказывать военную и экономическую помощь только тем странам, которые активно занимались своей обороной.

Доктрина Монро

Совокупность политических принципов, сформулированных 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании Конгрессу пятого президента США Джеймса Монро (1758—1831). В послании говорилось об угрозе интервенции со стороны держав Священного Союза в бывшие испанские колонии и угрозы со стороны

России (которой в то время еще принадлежала Аляска, проданная только в 1867 г.) запретить США рыбную ловлю на северо-востоке американского континента. В этой связи было заявлено, что: 1) американский континент является территорией, не подлежащей европейской колонизации; 2) между Европой Священного Союза и США существует фундаментальное различие. В этой связи: 1) любая попытка любой европейской державы расширить свое влияние на американский континент будет рассматриваться Соединенными Штатами как угроза их безопасности и миру; 2) со своей стороны США не будут вмешиваться в европейские колонии, как и в войны между европейскими странами. Эта позиция была интерпретирована Теодором Рузвельтом (1858—1919) как основа для вмешательства США во внутренние дела других американских государств (операции международной полиции «big stick»). С тех пор эти принципы постоянно лежат в основе внешней политики США. С одной стороны, они стали теоретической базой для изоляционистской политики по отношению к Европе, а с другой — оправдывают роль США как жандарма американского континента и их империалистическую политику в Латинской Америке.

Доктрина Стимсона

По имени госсекретаря Генри Стимсона в правительстве администрации президента США Герберта Кларка Гувера (1874—1964). Была сформулирована в ноте правительству Японии от 7 января 1932 г., когда последняя захватила китайскую провинцию Маньчжурию. Правительство США в этой связи впредь отказывалось признавать любую фактическую ситуацию, договор или соглашение, достигнутые путем использования средств, противоречащих Пакту Бриана — Келлога (отвергавшему войну как средство урегулирования международных разногласий). Этой декларацией «непризнания» США хотели помешать японской экспансии в Маньчжурию и лишить всякой легитимности марионеточное государство «Маньчжоу-го», созданное Японией. В политическом плане данная доктрина, основанная на либерально-идеалистическом подходе к международной политике, потерпела неудачу, так как не соответствовала реалиям международной жизни, и президент Гувер счел невозможным пойти дальше этой моральной санкции.

Доктрина Тобара

Возникла в 1907 г. и названа по имени министра иностранных дел Эквадора. Впоследствии была принята президентом США Вильсоном, поэтому нередко называется доктриной Тобара — Вильсона. Согласно ей, никакое правительство какого-либо государства не может получить международного признания, пока его полномочия не будут подтверждены путем демократических выборов. Как попытка практической реализации принципов либерально-идеалистической парадигмы, данная доктрина, подобно доктрине Стимсона, серьезных последствий для международных отношений не имела.

Доктрина Трумэна

12 марта 1947 г., опасаясь прихода к власти коммунистов в Греции и Турции американский президент Гарри Трумэн (1884—1972) произнес в Конгрессе программную речь, в конце которой предложил проголосовать за выделение этим двум странам помощи в 400 млн долларов. Эти меры, принятые сразу после провала Московской конференции о статусе Германии и Австрии, были призваны показать, что для США речь больше не идет о том, чтобы вести переговоры с СССР, а, напротив, речь идет о том, чтобы противостоять СССР организовав против него солидарный и сплоченный западный блок. В более общем плане американский президент провозглашает доктрину сдерживания и даже отбрасывания (roll-back) коммунизма во всем мире. Исходя из того, что развитию коммунизма способствует экономическая и социальная нищета, Трумэн подчеркивает срочную необходимость экономической и военной помощи со стороны США любому государству, которому грозит коммунистическая опасность.

Доктрина Хальштейна

По имени министра иностранных дел ФРГ (1951) Вальтера Хальштейна. Доктрина, которая символизировала обстановку холодной войны, преследовала цель добиться признания ФРГ как единственного представителя германского народа. В соответствии с этой доктриной, которой ФРГ придерживалась с 1955 по 1967 г., Федеративная Республика Германии разрывала дипломатические отношения с любым государством, которое признавало Германскую Демократическую Республику. Так были разорваны дипотношения ФРГ с Югославией (1957) и с Кубой (1963). Однако преследуемых доктриной целей добиться не удалось, более того, доктрина стала создавать трудности для самой ФРГ, так как не отвечала дипломатическим тенденциям открытости ее западных партнеров (особенно европейских), которые подвергали ее критике. Официально ФРГ отказалась от нее в 1969 г., когда в условиях разрядки напряженности в отношениях Восток — Запад канцлер Вилли Брандт начинает проводить политику сближения с Востоком, Ostpolitik, в результате которой в 1972 г. был подписан Основной договор между двумя германскими государствами.

Теория домино

Один из принципов американской политики сдерживания, объявленный президентом Эйзенхауэром (1890—1969) в апреле 1954 г. по поводу Азии: «Речь идет о том, что может быть названо принципом падающего домино: если вы выстроите ряд из поставленных вертикально карт домино и уроните первую из них, ...то очень быстро упадет и последняя». Имелось в виду, что если какая-либо страна попадает в коммунистический лагерь, то очень быстро за ней последуют другие, находящиеся в географической близости. Американский президент считал, что если в коммунистическом лагере окажется Индокитай, то вскоре в нем могут оказаться Бирма, Таиланд, Малайзия, Индонезия,

наконец, Австралия и Новая Зеландия. Данная теория долгое время пользовалась широким успехом и часто упоминалась многими государствами Запада в целях оправдания своей внешней политики.

Некоторые международные организации

Универсальные:

Лига Наций (1919-1939)

Значительный, если не решающий вклад в ее основание внес американский президент Вудро Вильсон (см. 14 пунктов президента Вильсона).

25 января 1919 г. был единогласно принят Пакт Лиги Наций, который представлял собой составную часть мирных договоров 1919—1920 гг. Членами организации стали союзники по антигерманской коалиции, подписавшие указанные договоры, 13 других государств, не принимавших участие в Первой мировой войне, а также ряд государств, подписавших вытекающие из Пакта международные обязательства и получивших две трети голосов членов Ассамблеи Лиги в пользу их принятия. Германия была принята в 1926 г.

Структура Лиги включала Ассамблею, Совет и Секретариат. В Ассамблее были представлены все государства-члены. Каждое располагало одним голосом и тремя представителями. Ассамблея принимала резолюции и рекомендации Лиги, избирала непостоянных членов Совета и судей Международного суда с местопребыванием в Гааге. Ежегодные сессии Лиги проходили в Женеве. Совет состоял из пяти постоянных членов (хотя фактически из четырех, ввиду отсутствия представителя США) и четырех непостоянных членов, избираемых поочередно. Решения Совета принимались на основе единогласного голосования. Совет также назначал членов Секретариата, который готовил документы и доклады для Ассамблеи и Совета. Генеральный секретарь должен был готовить повестку дня для каждой сессии Ассамблеи и созывать Совет по требованию любого из государств-членов.

С самого начала ее существования основные государства Лиги Наций — Великобритания, Италия, Франция и Япония — не испытывали по отношению к ней ни большого интереса, ни доверия. Это серьезно подрывало шансы на возможность достижения ее основной цели — создания коллективной безопасности стран-членов, сохранения мира и урегулирования конфликтов. Германия в 1933 г. вышла из Лиги и, в нарушение Версальских договоров, стала на путь перевооружения. Япония захватила китайскую провинцию Маньчжурию и объявила о создании здесь фиктивного государства «Маньчжоу-го», ставшего, по сути, японским протекторатом. (В 1933 г. она также вышла из Лиги Наций.) В октябре 1935 г. Италия оккупировала Эфиопию, а затем пала на Албанию. Наконец, СССР в 1939 г. совершил вооруженное нападение на Финляндию. Однако все эти нарушения Пакта и самого духа Лиги Наций фактически не повлекли за собой сколь-либо серьезных санкций с ее стороны: объявленные были экономические и финансовые санкции против Италии

ником не соблюдались и вскоре были отменены. Исключение из Лиги СССР в декабре 1939 г. произошло слишком поздно и уже не могло способствовать разрешению ее внутреннего кризиса, тем более что она не смогла противодействовать германскому реваншизму, Аншлюсу и расчленению Чехословакии. С началом Второй мировой войны Лига Наций окончательно прекратила свое существование.

Организация Объединенных Наций (ООН)

Создана 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, где собрались представители 50 государств. 25 июня они единогласно проголосовали за выработанные совместно 111 статей Хартии ООН. Наконец, 24 октября 1945 г. Хартия была ратифицирована пятью постоянными членами Совета Безопасности. Первая резолюция Генеральной Ассамблеи была принята 24 января 1946 г. и касалась мирного использования атомной энергии и неприменения атомного оружия и другого оружия массового уничтожения. 10 декабря 1948 г. ООН принимает Всеобщую декларацию прав человека.

Главная цель ООН — сохранение мира во всем мире, предупреждение и урегулирование конфликтов. В настоящее время ее членами являются 185 государств.

Структура ООН состоит из шести главных органов. Кроме того, существует 18 автономных специализированных учреждений, которые связаны с ООН отдельными соглашениями.

Основные органы:

1. Генеральная Ассамблея (ГА).

Это главный совещательный орган. В его компетенции находятся все вопросы, которые входят в рамки Хартии ООН. ГА состоит из государств-членов, каждое из которых располагает одним голосом. Она не обладает принудительной властью по отношению к правительствам государств-членов, однако ее рекомендации имеют значительный моральный авторитет. Являясь центральным органом, ГА получает доклады от других органов, принимает в организацию новых членов и назначает Генерального секретаря. Решения, касающиеся обычных вопросов, принимаются простым большинством, принятие важных вопросов требует двух третей голосов. Члены ГА собираются на обычную сессию каждый год с середины сентября до середины декабря. Каждый раз, когда этого требуют обстоятельства, созывается чрезвычайная сессия ГА. В перерывах между ее заседаниями работа ведется в рамках комиссий и специализированных органов.

2. Совет Безопасности (СБ).

Он состоит из 15 членов, пять из которых — Великобритания, Китай, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки и Франция — являются постоянными, а остальные 10 избираются Генеральной Ассамблеей сроком на два года. Решения принимаются большинством в 9 голосов, однако каждый из постоянных членов обладает правом вето. Основная задача СБ — помогать конфликтующим сторонам находить мирные решения споров. С этой целью он может предпринимать любое необходимое посредничество или выдвигать принципы урегулирования. В случае угрозы миру СБ имеет полномочия от-

править в соответствующий регион миссию по поддержанию мира, а при необходимости — применить санкции по отношению к агрессору. СБ правомочен разрешать государствам-членам предпринимать военные операции, призванные положить конец насилию (Гаити, Ирак, Руанда, Сомали), ответственность за которые несут, однако, государства-участники. Наконец, в компетенцию СБ входят рекомендации Генассамблее относительно принятия в ООН новых членов.

3. Экономический и социальный совет (ЭКОСОС).

Его основная задача. — помощь экономическому развитию стран — членов ООН, а также международному сотрудничеству в таких областях, как защита окружающей среды, условия обитания или предупреждение преступности. ЭКОСОС насчитывает. 54 государства-члена и координирует, под эгидой ГА, экономическую и социальную деятельность ООН. Заседания ЭКОСОС собираются раз в год.

4. Наблюдательный совет.

Основная задача — наблюдение за государствами, которым поручено управление территориями, отданными под покровительство ООН с тем, чтобы подготовить условия для их автономии или независимости.

5. Международный суд.

Состоит из 15 независимых судей, которые не подотчетны своим правительствам и не являются представителями соответствующих стран. В отличие от других основных органов ООН, имеет своим местопребыванием не Нью-Йорк, а Гаагу Судьи избираются на пять лет на заседаниях ГА и СБ, проходящих независимо друг от друга. Каждые три года состав суда обновляется на треть. Суд располагает консультативной и юридической компетенцией и руководствуется в своей деятельности XIV статьей Хартии ООН.

6. Секретариат.

Обеспечивает функционирование пяти остальных органов ООН и обеспечивает руководство их программами. Секретариат насчитывает 8900 служащих из 170 стран, которые работают в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, а также по всему миру. Во главе Секретариата стоит Генеральный секретарь ООН. С 17 декабря 1996 г. эту должность занимает Коффи Аннан (Гана).

Специализированные учреждения¹:

1. Международный союз телекоммуникаций (иногда называемый Международным союзом электросвязи) (1865);
2. Всемирный почтовый союз — ВПС (1878);
3. Международная организация труда — МОТ (1919);
4. Международный банк реконструкции и развития — МБРР (1945);
5. Международный валютный фонд — МВФ (1945);
6. Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций - ФАО (1945);

В скобках приведены даты основания.

7. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры - ЮНЕСКО (1945);
8. Международная организация гражданской авиации — ИКАО (1947);
9. Всемирная организация здравоохранения — ВОЗ (1948);
10. Международная финансовая корпорация — МФК (1956);
11. Международная морская организация — ММО (1958);
12. Международная ассоциация развития — МАР (1960);
13. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию — ЮНИДО (1966);
14. Всемирная организация интеллектуальной собственности — ВОИС (1970);
15. Международный фонд сельскохозяйственного развития — МФСР (1976);
16. Всемирная торговая организация — ВТО (1995);
17. Всемирная организация по туризму — ВОТ (1975);
18. Международное агентство по атомной энергии — МАГАТЭ (1957). Имеет особый статус «под эгидой ООН», что означает значительно более широкую автономию.

За более чем полвека своего существования ООН внесла огромный вклад в обеспечение приоритета правовых норм в международных делах. Она инициировала сотни международных конвенций, договоров и соглашений, которые касаются сохранения окружающей среды, международной торговли, защиты прав человека и т.п. Однако в последние годы ООН испытывает серьезный кризис, связанный как с трудностями ее внутреннего функционирования (противоречия Устава; огромный и малоэффективный бюрократический аппарат; проблемы финансирования; рекомендательный характер основных решений и т.п.), так и неудачами в предупреждении и урегулировании международных конфликтов (провал миротворческой миссии в Сомали, неоднозначность операций ООН в отношении Ирака, и особенно — фактическое самоустранение ООН от решения Косовской проблемы в Югославии и от сколь-либо адекватной реакции на агрессию НАТО против этой страны).

Другие межправительственные организации (МПО)

ГАТТ (Генеральное Соглашение по тарифам и торговле) — ВТО (Всемирная торговая организация)

ГАТТ подписано в октябре 1947 г. двадцатью пятью государствами Запада с целью укрепления их взаимного сотрудничества в экономической области. Действие ГАТТ позволило сократить средний уровень таможенных тарифов между подписавшими странами с 40 до 5% и увеличить уровень международных обменов в 10 раз. Основным инструментом ГАТТ были многосторонние торговые переговоры — «раунды». В итоге последнего из таких раундов — Уругвайского (1986—1994), лозунг которого гласил «One World, One Market» были достигнуты Марракешские соглашения о создании Всемирной торговой организации (ВТО), вступившее в действие 1 января 1995 г.

ВТО провозглашает своей целью продвижение многосторонних экономических обменов путем организации широких торговых переговоров. Речь идет о либерализации и глобализации международной торговли. Организация обладает правом юрисдикции в урегулировании торговых споров. Деятельность ВТО, членами которой являются 131 государство, охватывает 90% всего объема мировой торговли. Наряду с другими государствами (Алжир, страны Балтии, Китай, Украина и Тайвань), Россия является в настоящее время кандидатом на вступление в ВТО.

Международный валютный фонд (МВФ)

Межправительственная организация, созданная в 1945 г. на основе «Статей соглашения о Международном валютном фонде», выработанных Бреттон-Вудской конференцией. Вначале его задачей было способствовать международному валютному сотрудничеству с целью достижения стабилизации обменов, предусмотренной Бреттон-Вудскими соглашениями, и избежать нарушения равновесия в платежных балансах. Другая задача — укрепление валютного сотрудничества и финансовой солидарности между государствами. В этой связи МВФ предоставляет странам-членам кредиты на временной основе для корректировки их платежных балансов, а также для сокращения дефицитов их международных платежных балансов. Членами МВФ являются 181 государство, в том числе Российская Федерация. МВФ имеет статус специализированного учреждения ООН. Особое положение в МВФ занимают крупнейшие страны-кредиторы («Группа шести» — Великобритания, Германия, Канада, США, Франция и Япония), а в их составе — Соединенные Штаты Америки, что позволяет им использовать данный институт для оказания экономического и политического давления на другие государства.

Всемирный банк

Международное кредитное учреждение, имеющее целью повышение уровня жизни в слаборазвитых странах (в отличие от МВФ, который может предоставлять займы любому из государств-членов) за счет финансовой помощи богатых стран. Состоит из пяти институтов: Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международной ассоциации развития (МАР), Международной финансовой корпорации (МФК), Международного агентства по инвестиционным гарантиям (МАИГ), Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

Региональные МПО

Лига арабских государств

Организация, созданная в 1945 г. семью государствами (Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Ливан, Саудовская Аравия, Сирия), к которым в дальнейшем присоединились еще 15 стран (Ливия, Судан, Марокко, Тунис, Кувейт, Алжир, Южный Йемен, Бахрейн, Оман, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Мавритания, Сомали, Джибути и (в 1988) Палестинское государство). Цели —

защита общих интересов и формирование единой линии арабских государств на международной арене. В этой связи главный орган организации — Совет Лиги — призван урегулировать разногласия между государствами-членами способствовать их сотрудничеству в сферах экономики, финансов и таможенного дела, координировать их политические программы и противостоять любой внешней политике, наносящей ущерб арабской Лиге или ее членам. Основным механизмом внутреннего функционирования Лиги — право вето, которым обладает каждое государство-член и которое призвано способствовать сохранению их суверенитета. Однако этот механизм является серьезным препятствием для принятия решений и, соответственно, для эффективной международной деятельности организации.

NATO (North Atlantic Treaty Organization) — Организация Североатлантического договора

Военно-политическая организация, созданная по инициативе США 4 апреля 1949 г. на основании Атлантического пакта, подписанного 12 государствами: США, Канадой, Бельгией, Великобританией, Данией, Исландией, Италией, Люксембургом, Норвегией, Нидерландами, Португалией и Францией. В 1952 г. в НАТО вступают Греция и Турция, в 1955 г. ФРГ, а в 1982 г. Испания. Главная цель — обеспечение коллективной безопасности стран Запада и противостояние военной угрозе со стороны СССР.

Окончание холодной войны поставило перед НАТО серьезную проблему, касающуюся самого смысла ее существования в отсутствие угрозы безопасности для стран-членов. В этой связи уже в декабре 1989 г., спустя месяц после падения Берлинской стены, госсекретарь США Дж. Бейкер заявил о необходимости реформирования организации и создании «нового атлантизма». Реформы НАТО затронули внутренние и внешние аспекты ее деятельности и имели политический и военно-стратегический характер.

Внутренние реформы проходили в три этапа. На первом из них была принята «Лондонская Декларация об обновленном Альянсе» (6 -июля 1990 г.), состоящая из 23 глав и содержащая «предложение дружбы своим прежним противникам», т.е. странам — членам ОВД, включающее установление постоянных дипломатических связей с целью укрепления взаимного доверия и сотрудничества между двумя блоками. Декабрьская 1991 г встреча в верхах представителей стран-членов в Риме внесла дополнительные изменения в политику и стратегию НАТО. Наряду с принятием «Декларации мира и сотрудничества», здесь была выработана новая «Стратегическая концепция Альянса». Было заявлено о том, что отныне натовская политика безопасности будет базироваться на трех неразрывных элементах: диалоге, сотрудничестве и потенциале коллективной обороны. Каждый из этих элементов должен способствовать предупреждению и мирному разрешению кризисов в европейском стратегическом пространстве. Было также подчеркнуто «исключительно оборонительное предназначение» НАТО. Наконец, Брюссельская встреча руководителей стран — членов НАТО добавила новые нюансы в политику и стратегическую линию этой организации. Основные положения Брюссельской декларации могут быть резюмированы следующим образом.

1) Было заявлено о необходимости формирования в рамках НАТО «европейской оси обороны и безопасности» и, соответственно, «европейской идентичности в сфере обороны и безопасности».

2) Постсоциалистическим странам была предложена программа сотрудничества «Партнерство ради мира».

3) Было Принято решение о рассмотрении вопроса, касающегося принятия в состав НАТО новых членов и тем самым ее расширения на восток. В рамках этого решения 8 июля 1997 г. в НАТО были приняты Венгрия, Польша и Чехия, а в 1999 г. — Румыния и Словения.

4) Наконец, принято решение о создании «группы многонациональных сил евроатлантической безопасности».

23—25 апреля 1999 г. в Вашингтоне состоялся новый, 50-й, саммит стран — участниц НАТО, ставший, по сути, поворотным не только для самого Альянса, но и для дальнейших судеб международной безопасности в целом. Уже за месяц до этого саммита НАТО предприняла военную операцию против Югославии, которая не находилась ни с одной из стран-членов в состоянии войны. Цели операции были заявлены как «гуманитарные» — спасение албанского населения 'от этнических чисток со стороны режима С. Милошевича. Тем самым были нарушены два важнейших принципа международного права: государственный суверенитет и Устав ООН. В свою очередь, на юбилейной встрече глав государств и правительств стран Альянса была принята новая «Стратегическая концепция союза НАТО». В ней закреплена концепция «гуманитарной интервенции», заявлено о намерении дальнейшего расширения НАТО на восток путем направления приглашений новым странам, желающим вступить в Альянс и имеющим для этого необходимые предпосылки, а главное — зафиксировано' намерение вооруженных сил НАТО «осуществлять операции кризисного реагирования, выходящие за рамки статьи 5 Вашингтонского договора», или, иначе говоря, за пределами действия Североатлантического договора и без санкции Совета Безопасности ООН (см. Часть III, п. 29, 31-, 39; Часть IV, п. 41, 43, 47, 49, 53с и 53е, 54, 56).

В России натовские реформы были восприняты с серьезной озабоченностью и беспокойством, как создание новых угроз ее безопасности и фактор, который дестабилизирует международные отношения, провоцируя интенсификацию гонки вооружений во многих регионах мира.

В то же время Россия не отказывается от сотрудничества с Альянсом, итывая, что полный разрыв с ним способен привести к самоизоляции РФ, казать негативное воздействие на отношения со странами — членами Альянса, ухудшить отношения с ЕС, а также лишить страну возможности своевременного получения информации о намерениях блока. Проблема в том, чтобы такое сотрудничество не облегчало дальнейшего расширения НАТО и не легитимировало действия, подобные «Косовской операции» Альянса.

Организация американских государств (ОАГ)

Создана в 1948 г. государствами — участниками девятой панамериканской конференции в Боготе и включает в настоящее время 35 стран-членов. Хартия ОАГ представляет собой 'договор о взаимной обороне, на основе которого

любое нападение на одно из государств-членов должно рассматриваться как нападение на всех. По существу, данная организация выражает собой региональную гегемонию США и неспособность латиноамериканских государств освободиться от их опеки. Во всех более или менее значительных конфликтах, которые имели место на американском континенте с 1948 г., ОАГ всегда поддерживала правительство Вашингтона. В 1994 г. саммит в Майами выступил с «Инициативой американских государств» о создании на континенте зоны свободного обмена (FTAA — Free Trade Area of the Americas), впервые выдвинутой Вашингтоном еще в 1990 г.

Организация стран Варшавского Договора (ОВД) (1955—1991)

Военно-политическая организация, созданная по предложению СССР в ответ на Парижские соглашения от 23 октября 1954 г., которые разрешали принятие ФРГ в члены НАТО. Наряду с СССР в ОВД входили: Албания (вышла из организации в 1968 г.), Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Чехословакия. После распада СССР и падения Берлинской стены ОВД была распущена.

ОАЕ (Организация Африканского единства)

Образована 26 мая 1963 г. в Аддис-Абебе и объединяет все страны африканского континента, включая (с 1994 г.) ЮАР. Основные цели: единство действий африканских государств на международной арене, а также институализация и урегулирование (как в экономическом, так и в политическом плане) конфликтов между государствами-членами.

ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе)

Эта региональная организация, в которую в настоящее время входят 52 страны Западной, Центральной и Восточной Европы, а также США и Канада, была основана в 1994 г., явившись институализацией Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

Заключительный Акт созданного по инициативе Советского Союза СБСЕ был подписан в присутствии Генерального секретаря ООН в столице Финляндии 1 августа 1975 г. 35 государствами Европы, включая СССР, а так же США и Канадой. Он был призван закрепить плоды разрядки напряженности между Западом и Востоком и наметить пути дальнейшего продвижения по этому пути. Акт содержал три «корзины», или, иначе говоря, три основных раздела. Первый касался вопросов европейской безопасности. Второй — экономического, научного и технического сотрудничества, включая сотрудничество в области сохранения окружающей среды. Третий раздел, вызвавший больше всего дискуссий и настойчивое внимание стран Запада, был посвящен гуманитарным вопросам и соблюдению прав человека. Таким образом, принятие этого документа не знаменовало собой окончания холодной войны, а в известном смысле переводило ее в новую, достаточно неуютную для СССР плоскость — в плоскость защиты прав и свобод человека.

После окончания холодной войны и принятия Парижской Хартии для новой Европы было решено преобразовать СБСЕ в Организацию по безопас-

ности и сотрудничеству в Европе. ОБСЕ призвана отвечать новым реалиям, складывающимся на континенте и в мире после окончания холодной войны, задачам укрепления демократии и защиты прав человека; служить механизмом урегулирования конфликтов между государствами-членами; способствовать укреплению европейской безопасности.

Сегодня ОБСЕ является, по сути, единственной европейской организацией с полноправным участием всех европейских стран, включая Россию. Это единственная общеевропейская структура, в рамках которой возможен непосредственный диалог России и США. Наконец, это единственная региональная МПО, которая не ограничивает европейское сотрудничество какими-либо разделительными линиями, считая географическим полем применения своих принципов пространство от Ванкувера до Владивостока.

Однако отсутствие эффективных инструментов выполнения ею своих задач, с одной стороны, а с другой — явная утрата интереса к ней со стороны стран Запада значительно снижают ее роль в европейских делах.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

Создана на основе Парижской конвенции об учреждении ОЭСР, имевшей целью развитие экономически бедных стран и стимулирование международной торговли, и вступила в силу 30 сентября 1961 г. Эта МПО стала преемницей ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества), существовавшей с 1948 г. для координации экономического восстановления Западной Европы после Второй мировой войны и оптимального использования американской помощи по «плану Маршалла». Включает 29 государств-членов. Среди них 18 членов бывшей ОЕЭС: Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Франция, ФРГ, Швейцария и Швеция. Кроме указанных стран, в ОЭСР с момента основания входят США и Канада, а также: Австралия (с 1971 г.), Венгрия (с 1996 г.), Польша (с 1996 г.), Мексика (с 1994 г.), Новая Зеландия (с 1973 г.), Республика Корея (с 1996 г.), Финляндия (с 1994 г.), Чешская Республика (с 1995 г.), Япония (с 1964 г.). В 1994 г. Россия подписала с ОЭСР Декларацию о сотрудничестве и Соглашение о привилегиях и иммунитетах. Российская Федерация и Словакия подали заявки на вступление в члены ОЭСР. Главная цель ОЭСР, страны которой производят более 60% всего мирового богатства, состоит в поддержании финансовой стабильности и экономического роста, а также содействии расширению международной торговли и развитию мировой экономики.

Совет Европы

Создан в 1949 г. Страны-основатели: Бельгия, Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швеция. В последующие годы к ним присоединились: Греция (1949), Исландия и Турция (1950), ФРГ (1951), Австрия (1956), Кипр (1961), Швейцария (1963), Мальта (1965), Испания (1977), Португалия (1978), Лихтенштейн (1978),

Финляндия (1989). В 1950 г. Совет Европы принял Европейскую конвенцию по правам человека.

После окончания холодной войны и распада СССР в СЕ в разные годы были приняты Болгария, Венгрия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Эстония. Россия вступила в Совет Европы 28 февраля 1996 г. В настоящее время СЕ насчитывает в своем составе 41 государство.

Основная цель организации — способствовать развитию и практическому воплощению идеалов демократии и политического плюрализма. Все ее члены обязуются соблюдать основные свободы и права человека. СЕ включает в себя Совет министров, состоящий из министров иностранных дел стран-членов, и Консультативную Ассамблею, в которую входят представители национальных парламентов.

Содружество Независимых Государств (СНГ)

Создано 8 декабря 1991 г. За исключением Литвы, Латвии и Эстонии, в СНГ входят все новые независимые государства — бывшие республики СССР. 9 из них подписали в мае 1992 г. Ташкентский договор о коллективной безопасности. В 1993 г. был создан экономический союз с целью установления сотрудничества в финансовой и таможенной сферах и создания в будущем общего рынка. Создание СНГ способствовало политической стабилизации постсоветского пространства в период создания новых независимых государств, облегчило процесс мирного выхода бывших республик из состава СССР, помогло сохранить — пусть далеко не в том объеме, который необходим, и тем более не в том, которого многие желали, — культурные, социальные, политические и экономические связи между ними. Однако общее гуманитарное, культурное, информационное и экономическое пространство сформировать не удалось. Кроме того, экономический кризис и социальные проблемы, охватившие практически все страны Содружества, стали основой его неэффективности, преодолению которой мешают также политические амбиции и ошибки лидеров молодых независимых государств, как и опасения многих из них попасть в энергетическую, политическую и иную зависимость от России.

ОПЕК - Организация стран - экспортеров нефти (OPEC -Organization of the Petroleum Exporting Countries)

Создана на Багдадской конференции в 1960 г. по инициативе Венесуэлы. Насчитывает 12 государств-членов: Алжир, Венесуэла, Габон, Индонезия, Иран, Ирак, Катар, Кувейт, Ливия, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Эквадор. Основные цели организации: координация и унификация нефтяной политики стран-членов; 2) определение наиболее эффективных индивидуальных и коллективных средств защиты их интересов; 3) постоянное внимание к интересам государств - производителей нефти. В структуру ОПЕК входят Конференция и комитеты, Совет управляющих, Секретариат во главе с Генеральным секретарем и Экономическая комиссия. В 1970-е гг. ОПЕК фактически контролировала мировой рынок нефти, что позволяло ей диктовать на нем свои цены - ситуация, которая привела (в

1973 г. и в 1978 г.) к двум «нефтяным шокам» (резкому скачку цен на нефть И, соответственно, экономическому кризису в странах-потребителях). В последующем энергичные меры, предпринятые странами Запада, — разработка и производство нового поколения высокоэкономичных автомобильных двигателей, эксплуатация месторождений Северного моря, рост производства нефти странами, не входящими в ОПЕК (в частности, Великобританией) и т.п. — способствовали тому, что уже в 1984 г. организация, члены которой сохраняют в общей сложности две трети, мировых запасов нефти, контролирует лишь половину ее производства. В результате монополии ОПЕК на установление мировых цен на нефть был нанесен существенный урон.

Региональные интеграционные объединения

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН (ASEAN — Association of South East Asian Nations)

Организация, созданная союзниками США в 1967 г. во время вьетнамской войны. Первоначально включала Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд, Филиппины и носила антивьетнамскую и антисоветскую направленность. В 1984 г. в нее вступает Бруней, а в 1995 г. — Вьетнам, четверть всего объема внешнеторгового оборота которого приходилась к этому времени на страны — члены АСЕАН. С 1997 г. членами организации являются Бирма и Лаос. Статус наблюдателя имеет Папуа — Новая Гвинея. Сегодня страны организации насчитывают более 400 тыс. населения этого региона.

АСЕАН проводит ежегодные конференции министров иностранных дел стран-членов, посвященные экономическим вопросам и безопасности. В 1992 г. принято решение о создании в последующие 15 лет зоны свободного обмена.

АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АПЕС — Asian Pacific Economic Cooperation)

Образовано в 1989 г. по инициативе Австралии как признание растущей взаимозависимости экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Имеет консультативный статус с правом принятия решений на основе консенсуса. Членами АТЭС являются 19 государств: Австралия, Бруней, Гонконг, Канада, Китай, Кирибати, Малайзия, Маршалловы Острова, Новая Зеландия, Папуа — Новая Гвинея, Республика Корея, Российская Федерация (с 1997 г.), Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили. Основная цель — развитие экономического сотрудничества между странами региона. Другие цели Организации — это поддержание экономического роста и развития всех стран-членов; укрепление открытой многосторонней системы международной торговли; повышение степени либерализации торговли и инвестиций в АТР; стимулирование негосударственного сектора экономики и др. Элементами структуры АТЭС, которая все еще находится в процессе своего формирования, являются: ежегодные встречи должностных лиц; Тихоокеанский деловой Форум; Комитет по торговле и инвестициям; Экономический комитет; Бюджет-

Приложение 1

министративный комитет; рабочие группы и Секретариат. Представление влечения деятельности АТЭС дают ее рабочие группы, среди которых назвать следующие группы: по региональному энергетическому ичеству; по развитию человеческих ресурсов; по промышленной науке игии; по туризму; по телекоммуникациям; по обзору торговодоционной статистики; по содействию торговле; по транспорту; по союморских ресурсов. Некоторые из групп (например, по торговле ициям, но экономическим тенденциям) преобразуются в соответствующиеы. Предусмотрено создание зоны свободного обмена к 2010 г. — длях и 2020 г. — для менее развитых стран региона.

Европейский союз (ЕС)

льная межправительственная организация, создание которой связано ским договором 1951 г. (между Бельгией, Италией, Люксембургом,ндами, Францией и ФРГ), учредившим Европейское объединение угля иЕОУС), и двумя Римскими договорами 1957 г.: об учрежденииского экономического сообщества (ЕЭС, или Общего рынка) с общимным пространством, и Европейского общества по атомной энергиим). В последующие годы — с 1972 по 1986 г. — к государствам-осноприсоединились, соответственно, Великобритания, Дания, Ирландия,Испания и Португалия. В феврале 1986 г. эти 12 стран подписали Единыйский акт, цель которого состояла в ускорении процесса их интеграции ии экономического веса ЕЭС на мировых рынках. Наконец, 7 февраля 1992астрихте (Нидерланды) члены ЕЭС подписали комплекс соглашений,я суть которых касалась расширения сотрудничества на такие сферы, какние дела, правосудие, безопасность и внешняя политика, а также единаяя политика, предусматривающая введение с 2000 г. единой валюты —на настоящее время членами ЕС являются 15 государств: с 1 января 1995 г.в силу договор о включении в него Австрии, Финляндии и Швеции.

уктурно ЕС состоит из следующих основных институтов:

ет Европы, действующий на основе межправительственного принципа иющий директивы по дальнейшему развитию ЕС. Особую роль играет вормирования общей внешней и оборонной политики;

ет Европейского союза, играющий роль законодательного органа;

иссия Европейских сообществ (включающих Европейское сообщество —ЕЭС, ЕОУС и Евратом) с исполнительной и инициативной ролью;

опейский парламент, в компетенции которого отклонять, изменять илиь законодательство (предлагаемое Советом ЕС);

Европейских сообществ.

е 1994 г. на острове Корфу между ЕС и Россией было подписано Соглашение остве и Сотрудничестве, предусматривающее «содействие торговле, инвестициямичным отношениям между сторонами», поддержку усилий России понию в ней демократии и развитию рыночной экономики и «создание необходимых для учреждения в бу

дущем зоны свободной торговли», охватывающей в основном всю торговлю товарами между Россией и ЕС, а также создание условий для реализации свободы учреждения компаний, трансграничной торговли услугами и движения капитала.

МЕРКОСУР (Mercado Comun del Sur — Южный Общий рынок)

Межправительственная организация, в которую входят Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай. Создана в 1991 г. на основе Асунсьонского договора. Статус ассоциированного члена в организации имеет Чили (с 1996 г.), статус наблюдателя — Боливия. Основные цели организации: свободный обмен товарами, услугами и факторами производства, установление общего внешнего тарифа, координация направлений макроэкономических политик стран-членов и развития отдельных экономических секторов.

Дополнительным протоколом от 17 декабря 1995 г. между государствами-членами устанавливается зона свободного обмена, как первый этап на пути к образованию общего рынка.

Североамериканская Ассоциация свободной торговли (NAFTA — North American Free Trade Association)

Создана на основе договора между США, Канадой и Мексикой от 17 декабря 1992 г., который вступил в силу в январе 1994 г. Организация представляет собой расширение Американско-канадского договора о свободном обмене между странами, заключенного в 1988 г. Цель — либерализация торговых и экономических обменов между странами-членами. Предусматривается создание зоны свободного обмена в последующие 15 лет.

Межрегиональные МПО

Британское содружество (Commonwealth)

Организация, объединяющая 54 государства — бывшие колонии Великобритании. Цель — поддержание приоритетных экономических, торговых и культурных связей между бывшей метрополией и ее колониями.

Организация Исламская конференция

Межрегиональная международная организация. Основана в 1969 г. на первом саммите руководителей мусульманских государств в Рабате. Основные цели Организации носят экономический, политический и культурный характер: развитие отношений сотрудничества и взаимопомощи между государствами, исповедующими ислам; развитие в них научных исследований и технической подготовки кадров; поддержка мусульманских меньшинств в немусульманских странах; конструктивное участие в управлении международными делами; противодействие антимульманской политике Израиля. Включает как наиболее богатые (Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия), так и беднейшие (Бангладеш, Гвинея-Бисау, Мали) страны мира. В настоящее время

членами Организации являются 55 стран Азии, Африки, Ближнего Востока и республик бывшего СССР (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), а также (в качестве наблюдателей) Европы (Босния и турки-киприоты), представляющих более 1,2 млн мусульман. В структуру организации входят Конференция суверенов, руководители государств и правительств (в качестве рабочих органов), Генеральный секретариат и Конференция министров иностранных дел.

Неправительственные организации (НПО), частные и неформальные объединения

Врачи без границ

Межправительственная организация, основанная в 1971 г. вследствие несогласия ряда врачей — членов МКК с политикой замалчивания им фактов нарушения прав человека обеими сторонами — участницами войны в заливе Би-афра (1967—1970). Отвергая принцип нейтралитета этой организации, они выступили за его замену принципом гуманитарного вмешательства, за публичное осуждение злоупотреблений и нарушений прав человека, за право информирования о них широкой международной общественности. «Врачи без границ» провозгласили своей целью оказание медицинской помощи всем, кто в ней нуждается, независимо от национальной принадлежности и государственных границ. Подобная позиция нашла определенную поддержку со стороны ООН: в развитие международного гуманитарного права резолюция ГА ООН от 8 декабря 1988 г. о «гуманитарной помощи жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных происшествий» признает роль НПО, «действующих строго в гуманитарных целях».

Давосский Форум

Основан в 1971 г. Клаусом Швабом, профессором Цюрихского университета. Форум представляет собой уникальное место для встреч, неофициальных дипломатических переговоров и заключения торговых сделок. На его ежегодные недельные заседания собираются более тысячи бизнесменов, руководителей крупных предприятий и фирм, экспертов и банкиров, политических и профсоюзных деятелей со всего мира. Участники платят вступительный взнос — около 20 тыс., и ежегодный — 8800 швейцарских франков.

Лондонский клуб

Создан в начале 1970-х гг. по модели Парижского клуба, но в отличие от последнего он сводит друг с другом *частные* банки-кредиторы и государства-должники. Указанные банки составляют Консультативный комитет (Bank Advisory Committee), в котором представлен примерно десяток крупных банков, призванных защищать интересы более мелких коммерческих банков (число которых может достигать нескольких сотен) для ведения переговоров с государствами-должниками. Достижение соглашения между сторонами и его пос-

ледующее вступление в действие предполагает единогласное (со стороны членов Комитета) одобрение процента кредитной ставки соответствующего займа или такой же консенсус по вопросу реорганизации долга.

Строго говоря, Лондонский клуб хотя и является частной организацией, но в полной мере не может быть отнесен к НПО.

Международный Красный Крест (МКК)

Частная организация, создание которой связано с битвой между австрийскими и франко-итальянскими войсками при Сольферино 24 июня 1859 г., когда швейцарский гражданин Жан-Анри Дюнан стал свидетелем ужасающей картины ее последствий: на поле боя осталось более сорока тысяч жертв, в том числе раненых, медленно погибавших без какой-либо надежды на медицинскую или хотя бы моральную помощь. Потрясенный увиденным, Ж.-А. Дюнан, объехав несколько стран Европы, предпринял беспрецедентные усилия по созданию организации помощи раненым в случае вооруженного конфликта и с этой целью свободного доступа к ним врачей для выполнения своих профессиональных обязанностей. 22 августа 1864 г. двенадцать европейских правительств заключили «Первую Женевскую конвенцию», гарантирующую неприкосновенность медицинского персонала и оборудования и возводящую в принцип сбор и уход за военными ранеными и больными, «к какой бы нации они принадлежали».

Сегодня МКК состоит из двух ветвей. Во-первых, это Международный комитет Красного Креста, действующий (на основании четырех Женевских соглашений 1949 г. и двух дополнительных протоколов 1977 г.) в качестве нейтрального посредника при международных и внутригосударственных конфликтах. МККК состоит исключительно из швейцарских граждан, набирающих путем кооптации, и входит в сферу действия швейцарского частного права. Во-вторых, это Лига обществ Красного Креста или Красного Полумесяца, объединяющая более 250 млн добровольцев в 150 странах мира. Лига обладает определенной независимостью от политических режимов соответствующих государств, но обязана оказывать МККК необходимую поддержку в случае каждого конфликта.

Таким образом, МКК представляет собой уникальный феномен: нейтральную неправительственную организацию, цели которой связаны с проведением в жизнь международного гуманитарного права и, соответственно, с влиянием на существующий международный порядок.

Парижский клуб

Неформальная организация, созданная в 1955 г. с целью реструктурирования государственного долга Аргентины. В настоящее время служит местом проведения многосторонних переговоров по государственным долгам и урегулирования связанных с ними проблем мировой экономики. Она не может рассматриваться как НПО, поскольку ее основные участники — государства. Однако, не являясь субъектом международного права, Парижский клуб не является и межправительственной организацией. Фактически Парижский клуб состоит из государств-кредиторов членов ОЭСР, но в него входят также арабские и

латиноамериканские страны. В качестве наблюдателей в заседаниях Клуба участвуют такие организации, как МВФ, МБРР и Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). Со времени своего создания Парижский клуб реструктурировал долги более 50 стран общим объемом более 100 млрд долларов. Заседания Клуба собираются каждый месяц, все решения принимаются на основе принципа консенсуса. Являясь «наследницей» долгов бывшего СССР, Россия находится в постоянном контакте как с Лондонским, так и с Парижским клубом, ведя с ними нелегкие переговоры по поводу реорганизации данных задолженностей.

«Большая семерка» / «восьмерка» (G7 / G8)

Группа семи экономически наиболее развитых стран была создана в 1974 г. по инициативе президента Франции Валери Жискар д'Эстэна и включала Великобританию, Германию (ФРГ), Италию, Канаду, США, Францию и Японию. С самого начала речь не шла о создании новой межправительственной организации, тем более о некоей «директории мира» (как это иногда представляют журналисты), а лишь о неформальных периодических встречах руководителей самых богатых стран для обсуждения возникающих перед ними общих проблем, обмена мнениями и согласования решений. Эти задачи остаются в центре внимания Группы и сегодня. В то же время, учитывая экономическую и политическую роль входящих в нее стран, решения Группы, безусловно, выходят за рамки их «внутренних» дел. Регулярные встречи в верхах привели к формированию специальных комиссий и групп советников и экспертов по экономическим, дипломатическим и иным вопросам, стоящим в повестке дня. С 1997 г. во время встречи в Денвере было принято решение считать членом «семерки» Россию, в связи с чем многие СМИ стали именовать Группу «восьмеркой» (G8). Следует, однако учитывать, что в соответствии с тем же решением Россия не принимала участия в обсуждении экономических и финансовых вопросов.

Договоры, трактаты, соглашения пакты, конвенции

Амстердамский договор (2 октября 1997 г.)

Представляет собой развитие и отчасти пересмотр Маастрихтского договора. Во-первых, он включает в текст принципы свободы, демократии и соблюдения основных прав и свобод. Во-вторых, принятием дополнительного протокола он инкорпорирует Шенгенскую систему в коммунитарный юридический порядок. Он организует частичную коммунитаризацию «третьей оси» (суд, внутренние дела), что означает соблюдение государственных суверенитетов, но при одновременном усилении их сотрудничества. В-третьих, он сохраняет нынешнюю институциональную конфигурацию и, таким образом, не конкрети-

¹ В скобках указаны даты подписания.

зирует важность институциональной реформы с целью возможного расширения ЕС в будущем. В соответствии с Договором, во-первых, законодательная роль, наряду с Советом Европы, в ЕС придается и Европейскому парламенту; во-вторых, усиливается роль Председателя Комиссии и, в-третьих, институализируется усиление межгосударственного сотрудничества стран — членов ЕС.

Багдадский пакт (24 февраля 1955 г.)

Антисоветское соглашение, принятое по инициативе госсекретаря США Джона Фостера Даллеса, в рамках реализации доктрины сдерживания. Оно было «открыто для любого члена Лиги арабских государств и для любого государства, активно заинтересованного в мире и безопасности в этом регионе мира». Наряду с Ираком, Ираном, Пакистаном и Турцией, 5 апреля 1955 г. к нему присоединилась Великобритания. В 1959 г. Ирак вышел из этого пакта, который трансформировался в СЕНТО (Central Treaty Organization), пользующуюся той же поддержкой со стороны США. В дальнейшем эта организация постепенно распалась.

Пакт Бриана — Келлога (27 августа 1928 г.)

Пакт о всеобщем отказе от войны в качестве орудия национальной политики и о разрешении всех разногласий и конфликтов между государствами только мирными средствами. Пакт подписали Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Польша, Франция, Чехословакия, Япония, а затем и СССР. Этот документ не предусматривал автоматических санкций за развязывание войны, а просто ставил ее вне закона. С другой стороны, он не требовал от подписавших его государств отказа от права на законную оборону: акт обороны не рассматривался как акт войны, если он признавался законным. По существу, данный пакт возрождал традицию «мира через закон», выработанную теоретиками естественного права, в частности Гроцием, и признающую право на использование силы для защиты справедливого дела. За инициативу о данном договоре французский министр иностранных дел Аристид Бриан (1862—1932) и госсекретарь США Фрэнк Б. Келлог (1856—1937) в 1929 г. были удостоены Нобелевской премии мира.

Бреттон-Вудские соглашения (1944)

Соглашения в области международных экономических отношений, подписанные в Bretton Woods (США) 44 странами. Эти соглашения стабилизировали международную финансовую систему послевоенного периода в условиях резко возросшего протекционизма и нестабильности обменных курсов (когда система денежного обмена определялась количеством золота, имеющегося у участников). Для ограниченного числа участников (США, Японии, Англии и ряда европейских стран) вновь открылся международный рынок, была создана стабильная денежная система, что стимулировало развитие торговли среди

участников. Стабильность системы базировалась на фиксированных обменных курсах, основанных на свободной конвертируемости доллара в золото. Таким образом, денежной единицей, поддерживающей систему, был доллар (США должны были покупать и продавать золото по фиксированной цене, что стало одной из причин последующего краха Бреттон-Вудской системы в 1973 г., поскольку США не раз теряли в результате такой фиксации доллара по отношению к золоту). МВФ и Мировой Банк также были созданы в результате Бреттон-Вудских соглашений и уцелели до сего дня.

Венский Конгресс (сентябрь 1914 г., июнь 1815 г.)

Состоялся под эгидой канцлера Австрии Меттерниха (1773—1859) после победы антинаполеоновской коалиции (Австрии, Англии, Пруссии и России) над Францией. Его цели состояли в том, чтобы существенно ослабить Францию и, особенно, усилить принцип баланса сил в Европе. Его следствием стали, в частности, восстановление легитимности Старого Режима, триумф реакции, выразившийся в территориальных переделах.

Венский трактат (23 мая 1969 г.)

В основе его заключения — потребность в юридических процедурах, облегчающих отказ от ставших архаическими, устаревших международных соглашений. Трактат кодифицирует режим договоров и применяется к межгосударственным письменным соглашениям, являющимся объектами формальных обязательств. Он четко определяет причины их несостоятельности и устанавливает правила, которые обновляют и рационализируют договорное право.

Версальский договор (28 июня 1918 г.)

Согласно этому договору, заключенному после окончания Первой мировой войны, территории, ранее принадлежавшие Германии, отходят Франции (Эльзас и Лотарингия), Бельгии (Эвпен-Мальмеди) и Польше (Познань). Договор предусматривает установление коридора между Германией и Восточной Пруссией, в частности, благодаря вольному городу Данциг, отдаваемому под протекторат создаваемой Лиги Наций. С другой стороны, если границы Силезии были четко определены итогами проведенного плебисцита, то в отношении остальных территорий договор отказывал Германии в применении права народов на самоопределение. Германия теряет все свои колонии, которые передаются под мандат Франции (Камерун и часть Того), Англии (Восточная Африка и африканский Юго-Запад) и Японии (острова в Тихом океане), а также некоторым британским доминионам.

Военные положения договора ограничивали численность германской профессиональной армии до 100 тыс. человек и лишали ее права иметь тяжелую артиллерию и авиацию. Контроль за соблюдением данного положения возлагался на Межсоюзническую Комиссию.

В экономическом плане Германия, которая была признана ответственной за развязывание войны, должна была: 1) платить репарации; 2) согласиться на интернационализацию своих речных путей; 3) открыть для навигации Кильский канал.

Президент Вильсон, объявив в 14-м пункте своего послания от 8 января 1918 г., что прочный мир предполагает создание Лиги Наций, единственно способной обеспечить «взаимные гарантии политической независимости и территориальной целостности», настаивал, чтобы статут этой международной организации стал составной частью договора. Однако, спустя немногим более пяти месяцев после подписания договора Вильсоном, Сенат США отказался его ратифицировать, запретив тем самым любое американское участие в будущей Лиге Наций. Договор отличался резким контрастом между строгостью ряда своих положений и слабостью гарантий их исполнения. Фактически он не лишил Германию средств для реванша. Ревизия его положений началась уже в 1925 г., когда не была полностью соблюдена выплата репараций. В 1932 г. глава о репарациях вообще исчезает из договора. В 1935 г. подобная участь постигает положения, касающиеся армии и морских сил. В 1936 г. отбрасываются рейнские положения. Наконец, начиная с марта 1938 г. нарушаются положения, касающиеся территориального статуса Германии.

Вестфальский договор (6 августа и 8 сентября 1648 г.)

Фактически речь идет о двух договорах (Оснабрюк и Мюнстер), положивших конец Тридцатилетней войне в Европе. Подписавшими договор были Швеция и ее союзники, с одной стороны, и император и князья Германии — с другой. Договоры включали в себя территориальные, политические и религиозные положения, которые закладывали основы организации Центральной Европы и регулировали политическую и религиозную структуру Германии. С этой точки зрения они часто рассматриваются как конституционная хартия Европы. Договоры освящали понижение политического статуса Габсбургов, ликвидацию Империи и возникновение 350 германских государств. Устанавливался принцип *ejus regio, ejus religio* (один король, одна религия). Нидерланды и Швейцарская Конфедерация признаются независимыми государствами. Франция и Швеция увеличивают свои территории.

В теории международных отношений данный договор рассматривается как рубеж, который положил начало современной системе межгосударственных отношений и самому современному государству как ее элементу.

Маастрихтский договор (7 февраля 1992 г.)

Договор о Европейском союзе между 12 странами Европейского сообщества, который пересматривает основополагающие соглашения и провозглашает: 1) принцип единой валюты и определение пяти критериев, которым должны отвечать государства-члены, желающие присоединиться к единой денежной системе; 2) создание будущего центрального банка, наделенного правом вы-

пуска этой валюты; 3) создание европейского гражданства; 4) общую внешнюю политику и политику в сфере международной безопасности; 5) сотрудничество во внутренней и правовой политике.

Договор о нераспространении (11 июля 1968 г.)

Подписан по итогам встречи американского президента Л. Джонсона и советского премьер-министра А. Косыгина в Глассборо в 1967 г. между тремя ядерными державами — Великобританией, СССР и США, к которым при соединились 59 неядерных государств, взявших на себя обязательства не приобретать, не производить и не обладать ядерным оружием. В обмен на это они получали приоритет в приобретении новых технологий мирного назначения. Кроме того, на основе резолюции СБ ООН они получали формальные гарантии защиты трех вышеуказанных держав от ядерной агрессии. «Пороговые» страны (КНДР, Израиль, Пакистан) отказались от подписания договора. В свою очередь, Китай, Индия и Франция отвергли возможность оказаться исключенными из «ядерного клуба», рассматривая это как дискриминацию между странами, обладавшими ядерным оружием до 1 января 1967 г., и странами, подписавшими договор, которые оставались неядерными на эту дату.

Тем не менее после холодной войны к договору присоединились ЮАР (10 июля 1991 г.), Китай (9 марта 1992 г.) и Франция (3 августа 1992 г.). 11 апреля 1995 г. в соответствии с резолюцией № 984 СБ ООН пять ядерных держав обязались не применять ядерное оружие против стран, подписавших договор, и 11 мая 1995 г. договор был продлен на неограниченный срок 178 странами.

Потсдамская Конференция (17 июля — 2 августа 1945 г.)

Состоялась в предместье Берлина при участии британского премьер-министра Уинстона Черчилля, Президента США Гарри Трумэна и руководителя Коммунистической партии и советского государства Иосифа Сталина. На Конференции были выработаны «политические и экономические принципы управления Германией в первоначальный период контроля». Было решено рассматривать эту страну как «единое экономическое целое» и способствовать восстановлению политической жизни, основанной на «базе демократии, в целях мирного сотрудничества Германии в международной области». Для того чтобы «Германия никогда больше не угрожала ни своим соседям, ни сохранению мира во всем мире», преамбула Потсдамской декларации вводит четыре императива («четыре Д»): демилитаризацию, денацификацию, децентрализацию и демократизацию. Верховная власть была передана в руки «контрольного совета», состоящего из главнокомандующих, которые руководили страной после ее капитуляции. Кроме того, Конференция приняла положение о суде над военными преступниками международным судом и об уничтожении или конфискации союзниками всех немецких вооружений.

Договор Рапалло (16 апреля 1922 г.)

Согласно этому договору, подписанному между Германией и СССР, между двумя странами восстанавливаются дипломатические и торговые отношения. Оба государства отказываются от долгов каждой из сторон и устанавливают в отношении друг друга статус наибольшего благоприятствования в таможенной сфере. Тем самым Советский Союз прорывает установленную против него западными державами экономическую блокаду и выходит из международной изоляции. Потерпела поражение политика «санитарного кордона», использовавшаяся Францией и Англией в целях ослабления СССР. Договор стал одной из побед советской дипломатии и личной заслугой наркома иностранных дел Чичерина. С другой стороны, Германии Договор дал возможность выхода на международную дипломатическую сцену.

Римские договоры (25 марта 1957 г.)

Два договора, закрепившие, соответственно, создание Европейского экономического сообщества (или Общего рынка) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома). В качестве руководящих органов новых институтов ■шесть государств, подписавших эти договоры (Бельгия; Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция), создали органы ЕОУС — Парламентскую Ассамблею, которая получила название Европейский парламент, и Суд европейских сообществ.

Конференция Сан-Франциско (25 апреля — 25 июня 1945 г.)

На этой международной Конференции, созванной по предложению Ялтинской и Вашингтонской (1 января 1942 г.) конференций, была принята Хартия Организации Объединенных Наций.

Договоры по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) (12 мая 1972 г. и 18 июня 1979 г.)

Английская аббревиатура — SALT (Strategic Arms Limitation Talks). Подготовлены главой правительства СССР А. Косыгиным и спецсоветником президента Никсона Г. Киссинджером. Договоры касались политических, экономических и стратегических отношений между двумя государствами. В политическом плане они стали выражением сближения двух стран. В экономическом плане стороны согласились не на сокращение имеющихся вооружений, а на лучшее управление ими и сдерживание их увеличения. Вследствие этих договоров военные бюджеты не сокращались, а только перераспределялись между различными видами вооружений. Наконец, эти экономические аспекты были подкреплены принуждениями чисто военного характера. Действительно, существование систем противоракетной обороны (ПРО) в значительной мере аннулировало гарантии безопасности, связанные с ядерным устрашением, что и вызвало необходимость начать переговоры. Кроме того, появление ракет с

разделяющимися ядерными боеголовками делало определение «потолков» еще более необходимым, поскольку речь шла о том, чтобы избежать бесполезной и разрушительной гонки вооружений.

Содержание ОСВ-I (26 мая 1972 г.) отражало эти многочисленные условия: первая часть относилась к системам ПРО, развертывание которых ограничивалось двумя местами базирования для каждой из сторон, которые обязались также не продолжать соответствующих научных разработок. Вторая часть касалась ограничений наступательного вооружения и устанавливала соответствующий баланс, базирующийся на американском превосходстве в качественном отношении и на советском превосходстве — в количественном. В итоге США сохраняли 1710 ракет, а СССР — 2372.

Что касается ОСВ-II, то его цель состояла в том, чтобы уточнить уровень допустимых «потолков». Несмотря на то что он не был ратифицирован Сенатом США, договор соблюдался обеими сторонами.

Договоры о сокращении стратегических и тактических вооружений (СНВ-I и СНВ-II)

Английская аббревиатура — START (Strategic and Tactic Armament Talks). СНВ-I (31 июля 1991 г.) предусматривал значительное сокращение ракет и ядерных боеголовок. СНВ-II (3 января 1993 г.) еще больше снижал потолок и, кроме того, предусматривал уничтожение ракет с несколькими боеголовками. Однако имеющиеся на сегодняшний день-технические возможности исполнения договора — достаточно сложные и дорогостоящие — затрудняют это исполнение. В итоге уничтожение части имеющихся арсеналов требует больше времени, чем замедление производства новых вооружений.

Священный союз (26 сентября 1815 г.)

Принят по инициативе русского царя Александра I, представившего на подпись христианских суверенов текст, на основе которого он претендовал создать «истинное братство» членов одной семьи (Австрии, Пруссии и России) «во имя Святой и Неразделимой Троицы». В 1818 г. к ним присоединились Франция и Великобритания. Цель Священного союза состояла в создании системы безопасности династического престолонаследия и обеспечения защиты монархического строя. Основанный на универсалистском характере христианской религии, для России этот договор также имел цель гарантировать ее международную безопасность.

Шенгенские соглашения (14 июня 1985 г., 19 июня 1990 г., 26 марта 1996 г.)

В соответствии с этими соглашениями между подписавшими его государствами устанавливается свободное передвижение капиталов, товаров и людей, т.е. фактически отменяются межгосударственные границы, которые уступают

место единственной общей внешней границе. Соглашения были заключены в Люксембурге между семью государствами — членами Европейского союза: Бельгией, Германией, Испанией, Люксембургом, Нидерландами, Португалией и Францией. С 1997 г. к ним присоединились Австрия и Италия. Греция хотя и подписала соглашения, не применит их на практике до тех пор, пока не будут созданы все условия их выполнения. Скандинавские страны — Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция — выразили желание интегрироваться в Шенгенское пространство, однако Норвегия не отвечает основному из требуемых условий — не является членом ЕС. Британия и Ирландия не проявили интереса к соглашению.

Ялтинская Конференция (4—11 февраля 1945 г.)

Цели, которые ставили себе ее участники, руководители государств антигитлеровской коалиции — Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. Сталин, — состояли в скорейшем завершении войны против Японии и обсуждении планов послевоенного устройства мира. Основная дискуссия касалась судьбы послевоенной Европы и будущего ООН. Сталин согласился на то, что СССР будет располагать в ООН только тремя местами (СССР, Украина Белоруссия). Было достигнуто соглашение о праве вето для пяти постоянных членов Совета Безопасности. По предложению Черчилля было решено, что Франция, которая не была представлена на Конференции, получит свою зону оккупации Германии и свое место в Совете межсоюзного контроля. Сталин настоял на том, чтобы советско-польская граница была отодвинута на линию Керзона, а также на восстановлении некоторых позиций, утраченных Россией в 1905 г. (Маньчжурская железная дорога, Порт-Артур, Курильские острова). Со своей стороны США и Великобритания добились от Сталина обещания о проведении свободных выборов и формировании демократических правительств в Восточной Европе, которое, впрочем, в дальнейшем не было выполнено.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Л.Б. Пружинин

Ресурсы в сети Интернет, посвященные исследованиям в области международных отношений

Страны и регионы мира	539
Всемирное развитие	542
Окружающая среда	545
Этнические конфликты, миграция, национализм	548
Тендерные отношения, проблемы женщин	549
Справочные материалы по общим вопросам общественных и политических наук	551
Библиотеки-	551
Ресурсы по общественным и политическим наукам	552
Архивы данных	553
Прочие ресурсы по общественным и политическим наукам	555
Ресурсы по общим вопросам международных отношений	556
История	559
Права человека	561
Разведки и спецслужбы	562
Международное право и международные организации	563
Международное право	563
Деятельность международных организаций	566
Серверы международных организаций	567
Международная политическая экономия	568
Международная безопасность	573
Журналы, электронные журналы и каталоги периодической литературы	576
Неправительственные организации и активисты	579

Страны и регионы мира

Ассоциация политических наук

<http://www.psa.ac.uk/www/world.htm>

Официальные серверы правительств. Конституции. Международные организации. Активная карта ссылок на серверы правительств.

Университет штата Пенсильвания

http://www.sas.upenn.edu/African_Studies/Home_Page/WWW_Links.html

Ресурсы по Африке. Ссылки аннотированы и разделены на подсекции. Правительственные серверы стран Африки.

H-Africa

<http://h-net2.msu.edu/~africa/internet/index.html>

Ресурсы по Африке. Исследовательские программы, документы, очерки, обзоры и диссертации.

ArabNet

<http://www.arab.net>

Ресурсы по арабскому миру на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Содержит 1610 страниц. Страноведческая информация с данными о культуре, истории, современном бизнесе и т.д.

Факультет политических наук университета г. Киль

<http://www.psr.keele.ac.uk/area.htm>

Страноведческая информация. Официальные серверы правительств.

Раздел « Страноведение» библиотеки Конгресса США

<http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/cshome.html>

Страноведческая информация. Ресурсы по политическим, экономическим, общественным и регулирующим институтам охваченных стран

База данных по этнологии

<http://www.sil.org/ethnologue>

Электронная версия одноименной «Базы данных по этнологии». Информация об около 6500 языках мира, включая количество носителей, области

¹ Здесь и далее по тексту:

Название сайта Адрес

сайта Содержание сайта.

проживания носителей, диалекты, лингвистические особенности и другие социолингвистические и демографические данные. Активная карта по регионам.

Euro Internet

<http://fgr.wu-wien.ac.at/nentwich/euroint.htm>

Информация об общеевропейской интеграции и странах Европы. Политологические ресурсы по европейским странам, базы данных статистической информации, телеконференции, документы ЕС, учреждения ЕС, европейские научно-исследовательские учреждения.

Europa @ Internet

<http://www.uv.es/cde/euinternet/>

Информация о европейских странах. Официальные серверы учреждений ЕС, электронные публикации и каталоги ЕС, статистика, европейские валюты, программы ЕС, университеты и образование в Европе, телеконференции, базы данных по ЕС, карты европейских стран. Сервер на испанском языке, но, будучи даже немного знакомым хотя бы с одним языком романской группы, сориентироваться на нем не составит труда.

Europa

<http://europa.eu.int/index-en.htm>

^y/

Официальный сервер Европейского союза ТитВлитика ЕС, официальные документы государств — членов Европейского сообщества. Доступен на нескольких языках.

IANWeb Resources: Area Studies

<http://www.pitt.edu/~ian/resource/area.htm>

Научно-исследовательские программы и институты, занимающиеся проблемами Европы.

Discover India

<http://jan.ucc.nau.edu/~vdk/sites/index.htm>

Ресурсы по Индии.

Asian Studies WWW Virtual Library

<http://coombs.anu.edu.au/WWVL-AsianStudies.html>

Ресурсы по Азии. Регионы: Азиатско-Тихоокеанский, Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия.

Law World

<http://www.lawworld.com/library/lw000633.htm>

Ресурсы по различным странам мира. Ссылки не аннотированы.

Soleiman M. Kiasatpour's Middle East Links

<http://wizard.ucr.edu/~skiasatp/soleiman.html> Аннотированные

ссылки на ресурсы по Ближнему Востоку.

Yahoo: Regional: Countries

http://dir.yahoo.com/regional_information/countries/

Официальные и неофициальные серверы страноведческой информации.

University of Michigan Government Resources on the Web

<http://www.lib.umich.edu/libhome/Documents.center/govweb.html>

Серверы правительств различных стран. Организован по регионам. Аннотированные ссылки на конституции, статистические данные, серверы посольств И прочую информацию по странам мира.

Ministries of Foreign Affairs Online

<http://people.itu.int/~baldi/mofa.htm>

Ссылки на серверы министерств иностранных дел.

Governance Resources

<http://www.aber.ac.uk/~inpwww/links/index.html>

Европейская интеграция. Неправительственные и межправительственные организации. Международные программы.

Official Government Web Pages by Country

<http://www.psr.keele.ac.uk/official.htm>

Информационные ресурсы о правительствах, парламентах и министерствах иностранных дел стран мира.

The Electronic Embassy

<http://www.embassy.org>

Официальные серверы посольств, расположенных в Вашингтоне. Международные организации.

Всемирное развитие

WWW Virtual Library of International Development Cooperation

http://www.alcazar.com/wwwvl_idc/index.html

Вопросы всемирного развития. Международная помощь, торговля, экономика, научные исследования, здравоохранение, образование, проблемы женщин, права человека, питание, экология, демография.

The BUBL Information Service

<http://link.bubl.ac.uk/development/>

ti

Всемирное развитие. Ресурсы по экономическому развитию вообще, международные объединения по экономическому развитию, исследовательские центры и проекты по международному экономическому развитию, исследовательские работы по экономическому развитию и журналы, посвященные данной теме. Ссылки аннотированы.

Worldwide Development Studies Forum

<http://sosig.ac.uk/roads/subject-listing/World/devstud.html> Всемирное

развитие. Поискный механизм. Ссылки аннотированы.

A World Directory of Development Organizations and Programs /

<http://w3.energ.polimi.it/development/index.html>

Организации и программы, связанные с всемирным развитием. Сортировка по странам и по роду деятельности организации.

InterAction

<http://www.interaction.pair.com/development/>

Полнотекстовые статьи по различным вопросам, связанным с развитием, список НПО, правительственных серверов, разнообразных учреждений, работающих в сфере прав человека и всемирного развития. Ссылки не аннотированы.

ReliefWeb

<http://www.reliefweb.int/w/rwb.nsf>

Чрезвычайные ситуации, катастрофы, кризисы, происходящие в развивающихся странах. Новости в режиме реального времени..

World Bank's TechNet

<http://www.worldbank.org/html/fpd/technet/technet.htm>

Серверы подразделений Всемирного банка. Обсуждения и опросы по различным темам.

IANWeb Resources for Economic Development

<http://www.pitt.edu/-ian/resource/develop.htm>

Всемирное развитие. Организации, журналы и телеконференции. Ссылки организованы по алфавиту.

World Food Programme

<http://www.wfp.org/index.htm>

Информация о деятельности Всемирной программы питания, включая контакты, ежегодные доклады и финансовые отчеты. Доклады по чрезвычайным ситуациям с продовольствием в странах третьего мира, статистика по продовольственной помощи, пресс-релизы и ссылки на другие сайты НПО, международные организации, государства и исследовательские учреждения, связанные со всемирным развитием.

International Institute for Sustainable Development

<http://iisd.iisd.ca/>

Ресурсы, связанные с всемирным развитием. Библиографии работ, связанных с развитием, ссылки на журналы, календари предстоящих событий в области всемирного развития и последняя информации о текущих событиях. Данные о прошедших и предстоящих международных встречах, связанных с окружающей средой и развитием. Ссылки аннотированы.

Fourth World Documentation Project

<http://www.cwis.org/>

Базы данных, полнотекстовые статьи и другая информация, связанная с аборигенами или народами четвертого мира. Статьи по Африке, племенные и межплеменные договоренности, разработки по Европе и Азии, Северной, Центральной и Южной Америке, а также договоры и соглашения ООН.

Devline

<http://www.ids.ac.uk/>

Электронная информационная система по развитию и окружающей среде (ELDIS). Базы данных, полнотекстовые материалы, библиотечные каталоги, серверы и телеконференции. Библиотеки с материалами по развитию, газеты, активные карты и полнотекстовые документы. Календарь встреч по вопросам окружающей среды и развития. Рекомендации по использованию Интернета в исследованиях по развитию. Ссылки могут быть сортированы по источнику, теме, региону мира и типу организации. Ссылки аннотированы.

Virtual Library on International Development

<http://w3.acdi-cida.gc.ca/virtual.nsf>

Общая информация, социальные показатели, права человека и т.п. Основные доклады ООН, как, например, Доклад о развитии человечества, Положение детей в странах мира и Доклад о всемирном развитии. Активная карта по ресурсам в отдельных регионах или странах. Международные отношения. Поддерживается на французском и английском языках.

International Development Research Council

<http://www.idrc.ca/index.html>

Сайты, базы данных и другие информационные ресурсы Интернета, связанные с развитием. Документы, разработанные Советом.

The Hunger Web

http://www.brown.edu/Departments/World_Hunger_Program/

Научно-исследовательские учреждения, сайты по адвокатуре, политике, образованию (включая программы и прочие материалы для преподавателей) и полевым исследованиям (включая справочные материалы и другие информационные ресурсы). Исходная информация для поиска данных, связанных с голодом.

UNESCO

<http://www.unesco.org/general/rus/>

История и современная структура ЮНЕСКО; список публикаций ЮНЕСКО, пресс-релизы и речи генерального директора; информация, собранная из базы данных ЮНЕСКО по образованию, науке и культуре за последние 40 лет; полнотекстовые юридические инструменты, связанные с деятельностью ЮНЕСКО. Поддерживается на русском языке.

United Nations Development Programme for Sustainable Development

<http://www.undp.org/indexalt.html>

Мероприятия, осуществляемые в рамках программы, электронные пресс-релизы, список региональных бюро и офисов Программы, публикации, доклады по всемирному развитию, ежегодные доклады, каталоги видеозаписей. Ресурсы и информация по окружающей среде в Интернете.

WWW Virtual Library: Sustainable Development

<http://www.ulb.ac.be/ceese/meta/sustvl.html>

Организации, проекты, электронные документы и журналы, базы данных по развитию.

Окружающая среда

Center of Excellence for Sustainable Development

<http://www.sustainable.doe.gov> .

Официальные и неофициальные публикации по развитию, информация о национальных и международных МПО и НПО, развитие, библиография по данной теме и электронные публикации. Содержит поисковый механизм. Ссылки аннотированы.

Centre for Environmental Research and Conservation

<http://cerc.columbia.edu>

Вопросы окружающей среды. Этика окружающей среды, политика и окружающей среды, экономика и окружающая среда, сохранение животных видов и поддержание экосистем, продовольственные ресурсы, твердые и опасные отходы, минералы, загрязнение водного бассейна, водные ресурсы, воздух и загрязнение воздуха. Ссылки не аннотированы.

Centre for International Environmental Law

<http://www.econet.apc.org/ciel/>

Договоры и полнотекстовые статьи по различным вопросам окружающей среды. Телеконференции и последние новости, собранные персоналом центра. Сайты, публикующие законы об окружающей среде. Ссылки не аннотированы.

Consortium for International Earth Science Information Network

<http://www.ciesin.org>

CIESIN ориентирован на построение технической инфраструктуры, которая будет обслуживать как исследователей глобальных изменений в окружающей среде, так и более широкое сообщество ученых-аналитиков, педагогов и всех интересующихся данной проблематикой. Первичные данные, информационные системы, обучение, услуги, программы. Ссылки аннотированы.

EnviroLink

■(<http://www.envirolink.org>)

EnviroLink считается самым большим в мире информационным ресурсом по окружающей среде. Земля, воздух, огонь, вода, флора и фауна. МПО, НПО, электронные публикации и научно-исследовательские учреждения. Календарь событий, поисковый механизм в рамках сервера и архив телеконференций по окружающей среде. Поддерживается некоммерческой организацией.

Galaxy Environment Links

<http://galaxy.einet.net/galaxy/Community/Environment.html>

Организации, официальные сайты, периодические издания, некоммерческие организации, государственные организации, мероприятия, каталоги. Содержит рекламу. Ссылки не аннотированы.

Environmental Ethics

<http://www.cep.unt.edu>

Философские и эпистемологические вопросы, сопровождающие энвайронментаизм.

A Guide to Environmental Resources on the Internet

<http://www.epa.gov.tw/english/>

Основные организации и сети по окружающей среде, ресурсы по данной теме, нормы и стандарты, библиотеки и библиографии. Некоторые ссылки аннотированы.

Environmental Law Around the World

<http://www.elaw.org/elaworldwide.html>

Поддерживается Альянсом по законодательству об окружающей среде.

General Environmental Resources from Eldis

<http://ntl.ids.ac.uk/eldis/prapra.htm>

Организации, каталоги, правительственные серверы, телеконференции. Ссылки аннотированы.

Environmental Organization Web Directory

<http://www.webdirectory.com>

Организации, работающие в области изучения и охраны окружающей среды. Сайты по данной теме. Ссылки аннотированы.

Professor Ronald Mitchell's Environmental Research Resources

<http://darkwing.uoregon.edu/~rmitchel/envres.shtml>

Международные договоры, сайты по общим вопросам окружающей среды, новостные сайты, официальные и неофициальные сайты по окружающей среде. Библиография по международным вопросам окружающей среды. Поддерживается профессором Университета штата Орегон. Ссылки не аннотированы.

A Guide to Environmental Resources on the Web

<http://www.lib.kth.se/-lg/eindex.htm>. Поддерживается Стокгольмским королевским институтом технологии.

Argus Clearinghouse Environment Links

<http://www.clearinghouse.net/cgi-bin/chadmin/viewcat/Environment?kywd++>

Ссылки оценены по полезности.

Resources for Teaching Northwest Environmental History

<http://www.wsu.edu:8080/~forrest/>

Библиографии и ресурсы Интернета по истории вопроса окружающей среды, этике окружающей среды и другим близким темам. Подготовлен по итогам Симпозиума по истории окружающей среды северо-западных областей США, проведенным в Вашингтоне в 1996 г.

International Society for Environment Ethics' Selected Books

<http://www.cep.unt.edu/select.html>

Библиографии по таким областям, как, например, этика окружающей среды и экотеология.

Ecojustice Network

<http://www.igc.org/envjustice/>

Правосудие и окружающая среда. Основной затрагиваемый вопрос — проблемы окружающей среды, с которыми сталкиваются «цветные сообщества в США». Ссылки аннотированы.

The National Research Center for Coal and Energy Guide to Internet Resources for Energy and the Environment

<http://pslabll.polsci.wvu.edu/nrcce/envir.html>

Государственные учреждения США, международные государственные учреждения, департаменты ООН, академические учреждения и прочие организации, занимающиеся вопросами окружающей среды. Поддерживается Университетом штата Западная Вирджиния. Ссылки не аннотированы.

The Population Council

<http://www.popcouncil.org>

Университетские исследовательские центры, публикации по населенности и демографии, базы данных, государственные учреждения США, научно-исследовательские фонды, международные банки, МПО и НПО. Ссылки не аннотированы.

The WWW Virtual Library: Environment

<http://earthsystems.org/Environment.shtml>

Электронная информация по окружающей среде в Интернете. Ссылки аннотированы.

The Information Highway to the Global Environment

<http://www.gsf.de/UNEP/index.html>

Мероприятия, осуществляемые программы, контактная информация по международным организациям, занимающимся вопросами окружающей среды.

The Earth Network for Sustainable Development

<http://www.ecouncil.ac.cr>

Документы Саммита по проблемам Земли, ссылки на другие организации по всемирному развитию, документы и доклады Совета Земли, обзоры и ссылки на организации, занимающиеся вопросами окружающей среды. Поддерживается Советом Земли, созданным по итогам Саммита по проблемам Земли в 1992 г.

World Resources Institute

<http://www.wri.org>

Данные распределены по регионам мира и по тематическим разделам. Ресурсы Интернета по окружающей среде. Электронная версия книги «Мировые ресурсы». Книга содержит 384 страницы, 162 из которых представляют собой таблицы с данными по 150 странам.

Best Environmental Resources Directories

<http://www.ulb.ac.be/ceese/meta/cds.html>

Сайты, каталоги, энциклопедии, словари и т.п. Поддерживается на французском, голландском, итальянском и немецком языках.

Peace and Conflict Studies Program/University of Toronto

<http://www.library.utoronto.ca/pcs/pcs.htm>

Проекты по безопасности окружающей среды, в настоящее время осуществляемые профессором Томасом Гомером-Диксоном Университета Торонто. Статьи по прочим проектам, библиотека с поисковым механизмом, база данных грантов по охране окружающей среды.

Этнические конфликты, миграция, национализм***The WWW Virtual Library: Migration and Ethnic Relations***

<http://www.ercomer.org/wwwvl/>

Информационные ресурсы, первичные документы, учреждения и научно-исследовательские центры, связанные с изучением миграции и этнических отношений/конфликтов. Ссылки аннотированы.

Guides: Refugees and Migration

<http://www.oneworld.org/guides/migration/index.html>

Общая статистика и факты о беженцах и миграции, книги, доклады, периодика и другие электронные ресурсы по данной теме, новости, поступающие от различных неправительственных организаций и информационных служб, об этнических конфликтах, миграции и беженцах.

Nationalism and Ethnicity Resources on the Web

<http://www.aber.ac.uk/~inpwwww/links/index.html>

Ресурсы Интернета и научно-исследовательские центры в области этнических вопросов и национализма. Поддерживается Факультетом международной политики Университета Уэльса, Эйбериствит. Ссылки не аннотированы.

United Nations High Commission for Refugees, REFWORLD

<http://www.unhcr.ch/refworld/welcome.htm>

Документы с информацией о беженцах, доклады о ситуации в различных странах, международные юридические документы И договоры, литература, информационные агентства. Поддерживается Центром исследований UNHCR (Высокая комиссия ООН по беженцам).

Тендерные отношения, проблемы женщин***Women's Studies Resources***

<http://www.inform.umd.edu:8080/EdRes/Topic/WomensStudies/>

База данных, содержащая объявления о конференциях, заказы на статьи, вакансии и т.п. Коллекция библиографий и ссылки на сайты, посвященные проблемам женщин. Поисковый механизм.

IGC WomensNet

<http://www.igc.org/igc/gateway/wnindex.html>

Заголовки горячих новостей, предупреждения о предстоящих акциях женских организаций и т.п. Окружающая среда, права человека, политика и проблемы социальной справедливости. Поддерживается Институтом глобальных коммуникаций. Ссылки аннотированы.

WWWomen

<http://www.wwwomen.com>

Женщина и искусство, развлечение, бизнес, общество, правительство, компьютер, наука и техника.

Archives for Research on Women and Gender

<http://www.lib.utsa.edu/Archives/index.html>

Архивы и первичные ресурсы Интернета, затрагивающие различные проблемы женщин и межполовых отношений. Поддерживается Университетом штата Техас.

The Division for the Advancement of Women

<http://www.undp.Org/fwcw/daw.htm#DAW>

Официальный сервер главного органа ООН, вырабатывающего политику по вопросам женщин, — Комиссии по положению женщин. Ресурсы, посвященные деятельности ООН в области прав женщин, конференции ООН в Найроби в 1985 г. и Пекине в 1995 г. Проекты резолюций и резолюции, выработанные Комиссией, а также доклады и пресс-релизы. Ресурсы и телеконференции по правам женщин.

SOSIG Women's Studies

<http://sosig.esrc.bris.ac.uk/roads/subject-listing/World-cat/women.html>

Феминизм. Электронные библиографии по проблемам женщин, отображенным в международном праве, библиографии по феминизму, научно-исследовательские центры и телеконференции. Ссылки аннотированы.

Resources on Women at Wesleyan University

<http://www.wesleyan.edu/psyc/women.html>

Ссылки аннотированы.

WIDNET Women in Development Network

<http://www.focusintl.com/widnet.htm>

Контактная информация по организациям, работающим в области проблем женщин. Ресурсы по исследованию проблем женщин. Политика США в отношении проблем женщин, доклады на конференциях ООН по проблемам женщин, доклады Всемирного банка. Каталог организаций и деятелей, работающих в области проблем женщин в различных странах мира. Поддерживается на французском и английском языках. Ссылки не аннотированы.

Women and Gender Studies Links

http://www.lsu.edu/guests/poli/public_html/genlinks.htm

Ресурсы по исследованиям проблем женщин и межполовых отношений. Поддерживается Университетом штата Луизиана. Ссылки не аннотированы.

Справочные материалы по общим вопросам общественных и политических наук

Библиотеки

Berkeley Sunsite Library Links Libweb

<http://sunsite.berkeley.edu/Libweb/>

Американские электронные библиотеки, разделенные по таким секциям, как, например, академические, публичные, национальные и государственные библиотеки. Библиотеки и электронные каталоги библиотек в других странах, прочих научных областях. Ссылки не аннотированы.

WWW Library Catalog Gateways

www.lib.ncsu.edu/staff/morgan/alcuin/wwwed-catalogs.html

Библиотеки стран мира, имеющие сайты в Интернете. Ссылки аннотированы и предлагают описание содержимого библиотеки и условия доступа к

Northwestern University's Library Resources on the Internet

www.library.nwu.edu/resources/library/

Библиотеки, имеющие присутствие в Интернете. Каталоги библиотек и другие общие информационные ресурсы.

Infobahn Librarian (WWW Library Resources)

<http://www.ualberta.ca/~nfriesen/>

Библиотеки в Интернете. Ссылки аннотированы.

Carrie: A Full-Text Electronic Library

http://kuhttp.cc.ukans.edu/carrie/carrie_main.html

Электронная библиотека с полнотекстовыми электронными версиями многих классических текстов. Постоянно пополняющиеся сборники текстов на английском, французском, немецком, итальянском, испанском, португальском, голландском, китайском, японском языках, а также на эсперанто и классической и средневековой латыни. Электронные журналы в Интернете.

Gabriel: Gateway to European Libraries

<http://portico.bl.uk/gabriel/en/welcome.html>

Национальные библиотеки Европы.

Ресурсы по общественным и политическим наукам

Research Resources for the Social Sciences

<http://www.socsciresearch.com>

Материалы по общим вопросам общественных наук. 14 секций, сопровождаемых комментариями. Поисковые механизмы и архивы электронных данных. Сайты по экономике, законодательству, демографии и психологии.

Richard Tucker's Political Science Research Resources

<http://www.vanderbilt.edu/~rtucker/polisci/>

Ресурсы по политическим наукам, разделенные на секции по факультетам, научным центрам, ассоциациям, журналам, каталогам, архивам данных. Журналы по целому ряду научных областей, каталог факультетов политических наук.

Research In Political Science

http://www.lsu.edu/guests/poli/public_html/research.html

Ресурсы по общественным и политическим наукам, включая библиотеки, серверы по методам и методологии, документы и архивы, журналы, серверы по публичной политике, ссылки на странички факультетов и списки телеконференций по политической науке. Сайты по политической теории и философии, международным документам, политическим партиям и телеконференции.

The Political Science List of Lists

<http://coyote.its.ilstu.edu/tango/gmclass/listsrch.qry>

Телеконференции. Инструкции по доступу к ним. Поддерживается Университетом штата Иллинойс. Ссылки аннотированы.

Humanities Online Affiliated Listservs

<http://h-net2.msu.edu>

Телеконференции. Объявления о реальных конференциях и обзоры книжных изданий. Поддерживается Университетом штата Мичиган.

Poly-Cy Guide to Internet Resources for Political Scientists

<http://www.polsci.wvu.edu/PolyCy/psteach.html>

Материалы по преподаванию, образовательные программы и виртуальные классные комнаты. Ссылки на программы делятся на секции по областям политической науки.

University of Colorado at Boulder's Political Science Resources

<http://osiris.colorado.edu/POLSCI/links.html>

Ресурсы по политическим наукам. Ссылки не аннотированы.

Social Science Information Gateway, U.K.

<http://sosig.esrc.bris.ac.uk> \

Ресурсы по общественным наукам. Ссылки организованы в виде тематических иерархий. Ссылки аннотированы.

Coombsweb Social Science WWW Virtual Library

<http://wwwclas.ufl.edu/users/gthursby/socsci/>

Каталоги по различным разделам общественных наук. Все ссылки оценены по полезности в соответствии с предварительными опросами.

The Argus Clearinghouse Directory of WWW Resources: Social Science

http://www.clearinghouse.net/cgi-bin/chadmin/viewcat/Social_Sciences_____Social_Issues?kywd++

Каталоги по различным разделам общественных наук.

Infantine: University of California Social Science and Humanities Resources Collection

<http://infomine.ucr.edu/search/liberalsearch.phtml>

Ресурсы по вопросам общественных и гуманитарных наук. Организованы по алфавиту. Поисковый механизм. Ссылки аннотированы.

Richard Kimber's Political Science Resources

<http://www.psr.keele.ac.uk>

Каталог ресурсов по политическим наукам. Поисковый механизм. Ссылки аннотированы.

UBC's Political Science Net Station

<http://www.library.ubc.ca/poli/>

Каталог общих ресурсов по общественным и политическим наукам. Ссылки не аннотированы.

Архивы данных***Social Science Information Gateway, Statistics***

<http://sosig.esrc.bris.ac.uk/roads/subject-listing/World-cat/intstat.html> Базы

данных и архивы. Ссылки аннотированы.

Glossary of Selected Computing and Social Science Terms

<http://odwin.ucsd.edu/glossary/glossary.html>

Глоссарий терминов для новичков и студентов, не знакомых с содержимым архива данных по общественным наукам. Поддерживается Университетом штата Калифорния, Сан-Диего.

Council for European Social Science Data Archives

<http://www.nsd.uib.no/cessda/index.html>

Активная карта архивов данных в различных странах мира.

University of Michigan Political Science Statistical Resources on the Web

<http://www.lib.umich.edu/libhome/Documents.center/stpolisc.html>

Архивы данных по международным отношениям, экономике и т.д. по всему миру. Ссылки аннотированы.

Yale Social Science Data Archive Direct Access to Numeric Data on the Internet

<http://statlab.stat.yale.edu/SSDA/internet.html>

Архивы данных. Ссылки аннотированы.

Correlates of War Military Interstate Disputes Data Set

<http://pss.la.psu.edu/DATARES.HTM>

Пересмотренная версия сборника данных «Межгосударственный военный конфликт», собранного в рамках проекта Correlates of War. Охватывает период 1816—1992 гг. и обеспечивает информацию о конфликтах, в которых одно или более государств угрожают или используют силу против одного или более других государств.

The Data Archive Homepage

<http://www.data-archive.ac.uk>

Архив около 7000 документов по общественным и гуманитарным наукам. Поддерживается Университетом Эссекса.

Social Science Data on the Internet

<http://odwin.ucsd.edu/idata/>

Архивы данных. Поддерживается Университетом штата Калифорния в Сан-Диего. Ссылки аннотированы.

Princeton University's Survey Research Centre

<http://www.princeton.edu/~abelson/index.html>

Ресурсы по социологическим исследованиям, каталоги и архивы данных по общественным и политическим наукам.

Прочие ресурсы по общественным и политическим наукам

A Glossary of Political Economy Terms for U-102

<http://www.duc.auburn.edu/~johnspm/glossind.html>

Глоссарий терминов политической экономики, организованный в алфавитном порядке, с довольно подробными определениями, гипертекстовыми перекрестными ссылками. Поддерживается Факультетом политических наук Университета Обурна.

Dial-A-Book Chapter One

<http://www.washingtonpost.com/wp-srv/style/books/front.htm>

Первые главы, оглавления и отрывки из книг по различным темам, включая общественные науки. Книги крупных университетских издательств и книги, включенные в обзоры таких журналов, как, например, *Atlantic Monthly* and *Foreign Affairs*. Книги можно заказать и приобрести непосредственно с сервера.

My Virtual Reference Desk

<http://www.refdesk.com/facts.html>

Атласы, карты, словари, энциклопедии, адреса и телефоны, другие разнообразные справочные каталоги и ссылки.

Online Dictionaries, Glossaries and Encyclopedias

<http://stommel.tamu.edu/~baum/hyperref.html>

34 словаря, 76 глоссариев и 18 энциклопедий, доступных в электронном виде. Поддерживается факультетом океанографии Университета A&M штата Техас.

IANWeb Resources Grant Opportunities

<http://www.pitt.edu/~ian/resource/grants.htm>

Проекты, в рамках которых распространяются гранты. Ссылки аннотированы.

Ресурсы по общим вопросам международных отношений

Professor Robert J. Beck's Foreign Affairs Page

<http://wsrv.clas.virginia.edu/~rjb3v/rjb.html>

Справочные материалы по международным отношениям, система ООН, НПО и МПО, международное право, права человека, средства массовой информации. Поддерживается Университетом штата Вирджиния.

LSU Political Science Department Foreign, Comparative, and International Resources

http://www.lsu.edu/guests/poli/public_html/foreign.html

Общие ресурсы по международным отношениям, международные организации, материалы по Канаде, Латинской Америке, Западной Европе, России и странам бывшего СССР, боснийскому конфликту, Ближнему Востоку, Азии и Африке. Поддерживается факультетом политических наук Университета штата Луизиана.

ACUNS External Links

http://www.brown.edu/Departments/ACUNS/NEW_links/

Дипломатия, разоружение и сдерживание вооружений, окружающая среда, всемирное развитие, права человека, обзоры международных документов, международное право, международные отношения, международные организации, мир и безопасность, международная торговля, библиотеки, новости, НПО, ООН. Поддерживается Академическим советом Организации Объединенных Наций в Университете Брауна. Некоторые ссылки аннотированы.

10 Resources from the International Organization Net

<http://csf.colorado.edu/isa/sections/io/internet.html> V

Ресурсы по международным отношениям, включая международные правительственные организации, неправительственные организации, конференции ООН, академические ассоциации, телеконференции. Окружающая среда, всемирное развитие, общие глобальные ресурсы по политике, права человека, гуманитарные проблемы, международное право, журналы и публикации, источники новостей, международная безопасность, университеты. Ссылки не аннотированы.

Yale University Selected Internet Resources: International Relations

<http://www.library.yale.edu/ia-resources/resource.htm>

Каталог виртуальных ресурсов по международным отношениям, включая ссылки на телеконференции, международные новости, международные орга-

низации, журналы, библиотечные каталоги, числовые статистические данные, справочные средства и ресурсы для преподавания. Ссылки аннотированы.

Department of International Politics at University of Wales Aberystwyth

<http://www.aber.ac.uk/-inpwww/links/index.html>

Феминизм, гуманитарное вмешательство, международное здравоохранение, всемирное развитие, мир и безопасность. Ссылки аннотированы.

University of Michigan Documents Center International Agencies and Information on the Web

<http://www.lib.umich.edu/libhome/Documents.center/intl.html>

Международные организации. Международные отношения. Поддерживается библиотекой Университета штата Мичиган. Ссылки аннотированы.

Social Science Information Gateway, International Relations

<http://sosig.ac.uk/roads/subject-listing/World/intrel.html>

Общие вопросы международных отношений. Ссылки аннотированы.

International Relations Internet Sites (UBC Library)

<http://www.library.ubc.ca/poli/international.html>

Общие вопросы международных отношений, мир, безопасность и оборона, национализм, этнические конфликты, международное экономическое развитие, международные и всемирные организации.

Nathan Gillet's International Affairs Links

<http://www.mindspring.com/~gilliatt/internatl/>

Общие вопросы международных отношений, организованные по таким категориям, как научно-исследовательские институты, национальные правительства, международные организации, публикации, советы по всемирным вопросам, международный бизнес. Ссылки аннотированы.

Foreign Affairs Guide to International Affairs on the Internet

<http://www.foreignaffairs.org/links.html>

Международные организации, школы, советы и т.п. Поддерживается журналом *Foreign Affairs*. Ссылки аннотированы.

David Welch's NetLinks World Politics on the Internet

<http://www.scar.utoronto.ca/~welch/netlinks.html>

Вопросы международных отношений, организованные по таким разделам, как Канада, Соединенные Штаты, другие страны, ООН, другие международные

организации, международное право, права человека, различные ресурсы по международным отношениям, новости и общие ссылки.

International Simulations at the University of Michigan

<http://www.lib.umich.edu/libhome/Documents.center/intsim.html>

Вспомогательные материалы по международным отношениям (книги, статьи, новости, сайты), международные организации (ЕС, НАТО, ООН), страноведческая информация (история, биографии, экономика, права человека, законы, вооруженные силы, новости). Ссылки аннотированы.

Richard Tucker's International Relations Research Resources

<http://www.vanderbilt.edu/-rtucker/ir/>

Общие вопросы международных отношений, программы и научно-исследовательские институты, базы данных и архивы.

International Affairs Network International Affair's Resources

<http://www.etown.edu/vl/>

Ресурсы по международным отношениям в Интернете. Ссылки аннотированы.

Infomanage International Inc.

<http://infomanage.com>

Конфликты, неправительственные организации, окружающая среда, международные спецслужбы. Ссылки практически не аннотированы.

Project Icons Homepage

<http://www.icons.umd.edu>

Моделирование международных отношений для образовательных целей. Студенты из участвующих институтов имитируют принятие решений в области международной политики и переговоров. Объединяет более 40 колледжей и университетов 18 стран мира. Научно-исследовательская библиотека со ссылками на международные договоры, организации, новости, специализированные страноведческие ресурсы. Участие в проекте подразумевает внесение членского взноса. Поисковый механизм. Поддерживается проектом ICONS (Международные отношения и моделирование переговоров) Университета штата Мэриленд.

CaseNet Active Learning in International Affairs

<http://csf.colorado.edu/CaseNet/index.html>

Сайт для преподавателей, заинтересованных в использовании прецедентного (казуального) метода для преподавания международных отношений. Домашние странички, программы, информация о прецедентном методе вообще. Телеконференция.

История

The Association for History and Computing

<http://grid.let.rug.nl/ahc/>

Ресурсы по истории (общие ссылки, объявления, сайты по истории регионов мира, списки телеконференций по истории и частные серверы). Учебные материалы, образовательные учреждения, базы данных и другие общие ресурсы по истории. Поддерживается Ассоциацией по истории и обработке данных.

EuroDocs: Western European Primary Historical Documents

<http://library.byu.edu/~rdh/eurodocs/>

Первичные материалы в Интернете. Ссылки аннотированы.

Hannover College History Department: Texts and Documents

<http://history.hanover.edu/texts.htm>

«Ганновский проект исторических текстов» организовал сканирование первичных документов и разнообразных исторических текстов, что позволяет обратиться теперь к ним через Интернет. Ссылки на тексты, хранящиеся на других сайтах. Европейские исторические документы из античной, средневековой, Новой и Новейшей историй. Поддерживается факультетом истории Университета Ганновера.

Horus' History Links

<http://www.ucr.edu/h-gig/horuslinks.html>

Первичные ресурсы и документы.

History and Historiography at Carnegie Mellon University

<http://english-www.hss.cmu.edu/history/>

Восемнадцатое столетие, история стран Балтийского региона, феодальные условия, неолитическая война, Вудро Вильсон и т.д. Ссылки не аннотированы.

Resources for History at the University of Glasgow

<http://www2.arts.gla.ac.uk/www/ctich/histlink.html>

Ресурсы по истории, индивидуальные проекты, списки телеконференций. Ссылки аннотированы.

Index of Resources for Historians

<http://www.ukans.edu/history/VL/>

Свыше 1700 ссылок по историческим темам. Ссылки не аннотированы.

The Labyrinth Homepage

<http://-www.georgetown.edu/labyrinth/labyrinth-home.html>

См. ниже ссылку «ORB-Online Reference Book for Medieval Studies».

Internet Medieval Sourcebook

<http://www.fordham.edu/halsall/sbook.html>

См. ниже ссылку «ORB-Online Reference Book for Medieval Studies».

ORB-Online Reference Book for Medieval Studies

<http://orb.rhodes.edu/default.html>

Теория средневековых международных отношений. Сервер Labyrinth специализируется на профессиональных каталогах, электронных библиографиях и архивах по методике преподавания; Medieval Sourcebook предлагает в основном электронные тексты и первичные документы; ORB фокусируется на обзорах и библиографиях, а также электронных текстах и первичных документах.

World War II Resources on the Internet

<http://www.lib.muohio.edu/inet/subj/history/wwii/index.html>

Ресурсы по истории. Вторая мировая война, бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, холокост, Соединенные Штаты во Второй мировой войне, фотографии, фильмы, звуковые файлы и другие первичные источники. Поддерживается библиотекой Университета штата Майами. Ссылки аннотированы.

The World War I Document Archive

<http://www.lib.byu.edu/-rdh/wwi/>

Электронные документы: соглашения, договоры, официальные документы, личные воспоминания, биографические словари, архивы изображений (включая флаги, медали, карты, фотографии Первой мировой войны), комментирующие статьи и ссылки на другие ресурсы по Первой мировой войне. Поддерживается участниками проекта «История Первой мировой войны» (WWI-L).

Ecole Initiative Early Church Documents

<http://cedar.evansville.edu/-ecoleweb/documents.html>

Ресурсы по раннему христианству и другим религиям античности и раннего средневекового периода, включая иудаизм, ислам и различные религиозные течения, а также материалы и ссылки на информацию о древнегреческих философских школах. Ссылки аннотированы. Многие первичные документы переведены на английский язык.

The Internet Classics Archive

<http://classics.mit.edu>

Около 400 классических греческих и римских текстов (в английском переводе). Телеконференция.

Права человека***Research Guide to Human Rights***

<http://www.spfo.unibo.it/spolfo/URLAW.htm>

Общие вопросы международных отношений, ресурсы по правам человека и полнотекстовые документы по данной теме. Ссылки аннотированы.

Human Rights Resources on the Internet

<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/hrpage.htm>

Законы, правительственные органы, неправительственные организации, электронные документы, телеконференции по правам человека." Поддерживается Школой права в Йеле.

Human Rights Watch

<http://www.hrw.org>

Научно-исследовательские работы, сопровождающиеся рефератами, которые можно заказать через Интернет. Ежегодные доклады Human Rights Watch, доклады по отдельным странам, статьи, написанные сотрудниками Human Rights Watch, другие сайты по правам человека. Поддерживается независимой неправительственной организацией.

Human Rights Web

<http://www.hrweb.org>

Общая информация, документы ООН и других организаций, сайты по правам человека. Ссылки аннотированы.

Derechos: This Week in Human Rights

<http://www.derechos.org/human-rights/briefs/>

Последние события от информационных агентств, газет и других источников о нарушениях прав человека. Доклады по странам о случаях нарушения прав человека. Поддерживается Организацией по правам человека Латинской Америки.

DIANA Homepage

<http://www.law.uc.edu/Diana/>

База данных по правам человека и международному праву; включает четыре сервера: Библиотека Школы права Университета Йеля, Библиотека по праву Университета Торонто, Библиотека по праву Колледжа права Университета Цинциннати и Библиотека по законам о правах человека Университета Миннесоты. Каждый сервер содержит свою коллекцию материалов: общие документы по правам человека (Миннесота), американские судебные прецеденты (Йель), права женщин (Торонто), ООН и материалы Организации африканского единства (Цинциннати). Ссылки аннотированы.

Globalvision

<http://www.igc.apc.org/globalvisiori/hmnrts/hmnrts.html>

Активная карта по правам человека «Globalvision», содержащая информацию о ресурсах по правам человека по странам мира. Общие ссылки по правам человека, списки телеконференций и неправительственных организаций из данной области.

International Human Rights and Humanitarian Intervention

<http://www.webcom.com/hrin/welcome.html>

Вооруженные конфликты, международная помощь, права человека и гуманитарное право, иммиграция, всемирное развитие, многонациональные корпорации, ООН, гражданские права в США. Раздел «Срочные сообщения» включает сообщения о нарушениях прав человека, поступающие из других серверов и информационных агентств. Полнотекстовый электронный журнал *Flashpoint*, посвященный правам человека и вопросам международного вмешательства. Международные организации, работающие в области прав человека, университетские базы данных и т.п. Поддерживается Интерактивной сетью по правам человека.

Amnesty International (Official)

<http://www.amnesty.org>

Ресурсы по правам человека, офисы Amnesty International по всему миру, информационные письма и выдержки из ежегодных докладов.

Разведки и спецслужбы***Federation of American Scientists***

<http://www.fas.org>

Международная разведывательная деятельность. Четыре основных проекта: «Мир и международная безопасность», «Глобальная безопасность», «Управ-

ление» и «Рабочие группы». Документы о международной разведывательной деятельности. Пресс-релизы и официальные доклады.

IntelWeb: The WWW Site of the Intelligence Watch Report

<http://intelweb.janes.com>

Информация, общественные и частные организации, связанные с международной разведкой. Ресурсы по международным спецслужбам, статьи из Intelligence Watch Report, календарь конференций по международной разведывательной деятельности, ежедневные новости от Intelligence Watch Report.

Loyola Homepage on Strategic Intelligence

<http://www.loyola.edu/dept/politics/intel.html>

Разведывательные организации и правительственные серверы спецслужб, журналы, общие ссылки, экономический шпионаж и т.п.

Mario's Cyberspace Station Kim-spy 1, 2, and 3

<http://jagor.srce.hr/~mprofaca/kimirror.html>

Ресурсы по разведке и контрразведке, военным, полувоенным, террористическим и невоенным организациям. Разведка, новости, кибервойна, спецслужбы США, Департамент обороны США, Военно-воздушные силы США, Военно-морской флот, армия, военная разведка, неправительственные ресурсы по вооружениям и их сдерживанию, архивы данных, телеконференции.

Международное право и международные организации

Международное право

Foreign and International Law Web

<http://www.washlaw.edu/forint/>

Международные договоры, телеконференции, электронные журналы, международные организации, посольства. Конституции, уголовное право, законы об окружающей среде стран мира. Ссылки не аннотированы.

Yale Law School International Law Page

<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/ipage.htm>

Внутреннее законодательство стран мира, международное законодательство, серверы международных организаций. Международные законы об окружающей среде. Ссылки не аннотированы.

International Trade Law Monitor

<http://lexmercatoria.net> •

Международное торговое право. Сервер разделен на подсекции, включающие международные организации, связанные с международным торговым правом, и другие серверы, касающиеся торговли и международных отношений. Некоторые ссылки аннотированы. Серверы по финансам и банкам (в основном в области торгового права), полнотекстовые соглашения и прочие документы. Поисковый механизм.

Multilaterals Project

<http://www.tufts.edu/fletcher/multilaterals.html>

Соглашения, договоры, исторические документы и списки ссылок на другие серверы с электронными коллекциями по международному праву. Охваченные темы: от прав человека до торговли, мира и безопасности. Сервер включает коллекции исторических документов (например, Вестфальский договор и Договор Лиги Наций).

Minority Rights Database

<http://www.uel.ac.uk/law/mr/min.html>

Юридическая база данных по правам меньшинств. Международные документы, резолюции международных форумов по правам меньшинств, список рекомендуемой литературы, информация по теме самоопределения, равенства и дискриминации. Ссылки не аннотированы.

The WWW Virtual Library: Law

<http://www.law.indiana.edu/law/v-lib/lawindex.html>

Внутреннее и международное законодательство. Ссылки аннотированы. Журналы. Организации.

Willamette University College of Law Library Resources in International Law

<http://www.willamette.edu/law/longlib/forint.htm>

Международные организации, договоры и международные соглашения, информация по правам человека, международным отношениям, конституции стран мира, журналы по международному праву и прочие ресурсы по международному праву. Ссылки аннотированы.

Yale Law School Avalon Project of Historical Documents

<http://www.yale.edu/lawweb/avalon/avalon.htm>

Первичные исторические документы. Организован в алфавитном и в хронологическом порядке.

IANWeb Resources: International Law

<http://www.pitt.edu/~ian/resource/law.htm>

Ресурсы по международному праву. Ссылки аннотированы.

The University of Western Australia's Public International Law site

<http://www.law.ecel.uwa.edu.au/intlaw/>

Международные отношения и международное право. ООН, война и мир, Международный суд справедливости, ядерные исследования, Ближний Восток, договоры, права человека, права туземных народностей, женщины, вопросы окружающей среды, международное торговое право. Ссылки аннотированы.

International Humanitarian Law

<http://www.icrc.org/eng/ihl>

Международное гуманитарное право, справочная информация по различным областям, как, например, угольные шахты и лазерное оружие, включающие релевантные юридические тексты и полнотекстовые журнальные статьи. Аннотированная библиография работ, связанных с международным гуманитарным правом.

Cyberspace Law Center

<http://cyber.findlaw.com>

Ресурсы по праву, каталоги, периодические материалы, международные организации, серверы и телеконференции по данной теме. Ссылки аннотированы.

International Economic Law Links

http://www.tufts.edu/fletcher/inter_econ_law/iellinks.htm

Ресурсы по международному экономическому праву. Ссылки не аннотированы.

Surfing the International Law Net and Other Research Ventures

<http://www.lib.uchicago.edu/~llou/intlaw.html>

Международные организации, книги, базы данных, библиотечные каталоги, журналы, телеконференции, архивы, информационные агентства и научно-исследовательские центры по международному праву. Ссылки не аннотированы.

University di Bologna Facolta di Scienze Politiche Research Guide to International Law on the Internet

<http://www.spfo.unibo.it/spolfo/ILMAIN.htm>

Права человека, законы о воздушном и космическом пространстве, морское законодательство, международное уголовное законодательство, поддержание мира, международные организации, Европейский союз. Ссылки аннотированы.

International Law Page

<http://users.bart.nl/~bethlehem/law.html>

Международное право и прочее законодательство, политическая наука, образование. Поисковые механизмы.

Деятельность международных организаций***Global Policy Forum***

<http://www.globalpolicy.org>

Телеконференции, различная информация и ресурсы по темам, связанным с ООН, включая такие вопросы, как финансовый кризис ООН, реформа Совета Безопасности, вопросы экономической и социальной политики и т.д. ч

UN News

<http://www.un.org/News/>

Источник новостей о текущей деятельности ООН с ее официального сервера. Включает информационные письма и итоги ежедневной деятельности различных агентств ООН.

University of Toronto G-8 Information Centre

<http://www.g7.utoronto.ca>

Информация о деятельности Большой восьмерки. Документы, коммюнике, политические декларации, другие официальные релизы, документы, выработанные национальными делегациями на встречах на высшем уровне, хронология всех официальных встреч «Большой семерки». Коллекция некоторых неформальных встреч, библиографии «Большой семерки» и «восьмерки».

United Nations' Scholars Workstation at Yale University

<http://www.library.yale.edu/un/index.html>

Коллекция первичных текстов, сборники данных, карты. Разоружение, экономическое и социальное развитие, окружающая среда, права человека, международные отношения, международная торговля, поддержание мира, население и демография. Статистические данные по деятельности ООН, включая базы данных по конфликтам и войнам, итоги голосований на сессиях ООН. Карты по современной деятельности ООН по поддержанию мира. Библиографии и публикации.

The Commission on Global Governance

<http://www.cgg.ch>

Полные тексты публикаций, статьи и речи сотрудников Комиссии. Ссылки аннотированы.

Academic Council on the United Nations System. Академический совет ООН

<http://www.yale.edu/acuns/>

Деятельность международных организаций. Информационные письма, описания осуществляемых программ, очерки, общие ресурсы по международным отношениям. Устав ООН, Договор Лиги Наций, международные договоры и соглашения. Телеконференция.

International Organization Network

<http://csf.colorado.edu/isa/sections/io/>

Информация о программах, осуществляемых международными организациями. Некоторые разделы находятся на стадии разработки.

Серверы международных организаций***Union of International Associations' International Organization Web Sites***

<http://www.uia.org/website.htm>

Представительства международных организаций в Интернете. Публикации. Справочник по акронимам и аббревиатурам.

International Court of Justice

<http://www.lawschool.cornell.edu/library/cijwww/>

Полные тексты протоколов судебных заседаний, напутствий судей присяжным и приговоров Международного суда правосудия. Язык: английский, французский.

Official Web Site Locator for the United Nations System

<http://www.unsystem.org/index.html>

Информация по системе ООН. Алфавитный список всех организаций ООН, включая не имеющих представительства в Интернете. Международные организации, не входящие в ООН.

Central Intelligence Agency's WorldFactbook Appendix A and C

<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/index.html>

Приложение А (<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/appa.html>) предлагает расшифровки аббревиатур основных международных организаций. Приложение С (<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/appc.html>) обеспечивает список международных организаций, включая их адреса, телефоны, состав членов и т.п.

International Organizations, Northwestern University

<http://www.library.nwu.edu/govpub/resource/internat/igo.html>

Международные организации.

UC Berkeley Library Web: International Organizations

<http://www.lib.berkeley.edu/GSSI/igotab3.html>

Международные организации, банки развития, информация по «Большой восьмерке», по ГАТТ.

Yahoo Government, International Organizations

http://dir.yahoo.com/Government/International_Organizations/

Международные организации.

The United Nations Homepage

<http://www.un.org>

Справочная информация об ООН: и всех проводимых ею в настоящем и прошлом мероприятиях. Сессии ООН, события, основные агентства ООН. Активная карта, расположенная по адресу <http://www.un.org/search/map/>

Международная политическая экономия***The Economist***

<http://www.economist.com>

Сервер журнала *The Economist*. Выборочные статьи из последнего номера, общий обзор номера и результаты последних проведенных исследований. Информация о том, как получать электронной почтой обзоры политических и экономических событий за неделю.

International Public Finance Resources from FinanceNet

<http://www.financenet.gov>

Международные ассоциации финансового менеджмента, международные финансовые и бухгалтерские сети, международные финансовые организации, финансовые отчеты и т.п.

The Development Assistance Committee of the OECD

<http://www.oecd.org/dac/index.htm>

Электронные документы, связанные с содействием развитию и международными кредитами. Общая информация о деятельности ДАС, ссылки на странички членов ДАС, глоссарий терминов международной политэкономии и финансов.

Economics Resources

<http://www.mnsfld.edu/depts/lib/econ.html>

Ресурсы по экономике и бизнесу. Ссылки аннотированы.

Economics Departments, Institutes, and Research Centers in the World

<http://www.ieie.nsc.ru:8101/EDIRC/index.html>

1233 института в 83 странах. Список организован по странам. Включены факультеты экономики, исследовательские центры, институты, а также министерства финансов, статистические офисы, центральные банки и некоммерческие учреждения экономической направленности.

Selected Economics Resources on the Web

<http://www.lib.umich.edu/libhome/rrs/classes/econ.html>

Ресурсы, связанные с экономикой: общие ресурсы, журналы, специальная литература, электронные тексты, статистические данные, новости, факультеты экономики. Ссылки аннотированы.

International Trade Law Monitors—Finance (and Banking Related) Links

<http://lexmercatoria.net>

Сайты, связанные с финансами и банками. Ссылки не аннотированы.

International Financial Encyclopedia

http://www.euro.net/innovation/Finance_Base/Fin_encyc.html

Энциклопедия финансовых терминов, справочник по менеджменту и технологиям управления.

International Finance Corporation (World Bank)

<http://www.ifc.org/about/>

Обзор продуктов и операций IFC, пресс-релизы с 1993 г., обзоры проектов по регионам и секторам промышленности, развитым и развивающимся странам, а также базы данных по более подробным аспектам проектов содействия развитию. База данных по развивающимся рынкам, ежедневная информация по ним, фондовые биржи развивающихся стран.

International Monetary Fund

<http://www.imf.org/external/index.htm>

Справочные материалы по МВФ. Доклады и хроники событий, текущие методы кредитования, пресс релизы с 1994 г., речи, меморандумы и список публикаций МВФ.

Infomanage—International Trade

<http://infomanage.com/International/Trade/>

Каталог по международной торговле по всем регионам мира. Сайты по инвестиционным возможностям. Курсы обмена валют на международном рынке.

International Business Resources on the Web

<http://ciber.bus.msu.edu/busres.htm>

Ресурсы по международной политэкономии. Новости, периодические издания, научно-исследовательские статьи, сайты по международной торговле, статистические данные и телеконференции по данной теме. Ссылки аннотированы.

The Online Intelligence Project: International Commerce

<http://www.icg.org/intelweb/commerce.html>

Справочные ресурсы по международной политической экономии. Бизнес-новости CNN и Knight-Ridder, the Economist, the National Trade Data Bank, the World Bank, Fed World и из прочих источников информации. Ссылки аннотированы.

Internet Resources for International Economics and Business

<http://dylee.keel.econ.ship.edu/intntl/iridex.html>

Международная торговля, международные финансы, курсы обмена валют, платежный баланс, международное развитие, международное торговое право, международный бизнес, международный бухгалтерский учет, международное управление, международный маркетинг, международные курсы по экономике, программы, статистика, данные и программное обеспечение по финансам.

International Economics Gateway

<http://altaplana.com/Gate.html>

Ресурсы и архивы данных по международной экономике, международные экономические организации, странички национальных правительств и т.д. Ссылки не аннотированы.

U.S. Department of Commerce International Trade Administration

<http://www.ita.doc.gov>

Торговая деятельность различных стран, их промышленность, торговая статистика.

Trade Resources

<http://www.usitc.gov/tr/tr.htm>

Промышленность различных регионов или стран, юридические особенности экономики в этих регионах, торговая помощь и экономическое развитие.

NAFTANET

<http://www.nafta.net>

Информация о NAFTA, включая базы данных и статистику. Торговое законодательство, новости NAFTA. Ресурсы, связанные с международной торговлей. Телеконференции по международной торговле, NAFTA и международной политической экономии.

Nijenrode Business Webserver

<http://library.nijenrode.nl/index.html>

Международная политэкономия: бизнес, бизнес-школы, статистические данные по экономикам стран, стратегический менеджмент, деловая этика, окружающая среда. Справочник по фондовым биржам и международным банкам.

Resources for Economists on the Net

<http://rfe.wustl.edu/EconFAQ.html>

Международные экономические отношения. Экономики стран мира, статьи по экономике, обзоры финансов и финансовых рынков, образовательные материалы. Ссылки аннотированы.

The International Political Economy Network

<http://csfcolorado.edu/ipe/>

Международная политэкономия. Электронные журналы и газеты, электронный каталог диссертаций по международной политэкономии, список университетов и колледжей с курсами по международной политэкономии и программы занятий из различных курсов по данной теме. Ссылки аннотированы.

The Trade Zone

<http://www.tradezone.com/trdzone.htm>

Международная торговля. Банки, экономическое содействие, трудоустройство, соглашения и встречи, торговые палаты, правительства, посольства и консульства, телеконференции, справочная информация, торговое законодательство, торговые каталоги и статистика.

WebEc—International Economics

<http://www.helsinki.fi/WebEc/webecfhtml>

Ресурсы по различным аспектам международной экономики. Статистические данные, новости, журналы и телеконференции по международной торговле, международные финансы, курсы валют, международные организации и договоры. Некоторые ссылки аннотированы. Ссылки аннотированы.

Trade Compass

<http://www.tradecompass.com>

Доклады Госдепартамента США об экономической политике США в отношении стран мира. Аннотированные ссылки по международной торговле и проект «Анализ всемирной торговли», обеспечивающий статистику по торговым связям 190 стран и регионов мира с 1980 до 1993 г. по свыше 2200 наименованиям товаров.

World Trade Organization

<http://www.wto.org>

Официальная страница ВТО. Справочные материалы по ВТО и ГАТТ. Официальные информационные письма ВТО, решения, договоры, доклады, рефераты и статьи. Неаннотированные ссылки по международной торговле. Поддерживается на французском, испанском и английском языках.

Mark Bernkopfs Central Banking Resource Center

<http://patriot.net/~bernkopf/>

Центральные банки, министерства финансов и экономики стран мира — от Анголы до Ямайки. Очерки, каталоги, финансовые и экономические конференции, разнообразные финансовые учреждения, электронные взаиморасчеты, финансовые новости, истории центральных банков, газеты.

Research Resources in Finance

<http://www.cob.ohio-state.edu/~fin/journal/jofsites.htm>

Финансовые научно-исследовательские центры, исследовательские журналы, статистические данные, программное обеспечение, книги по финансовой экономике, календарь предстоящих конференций и мероприятий. В основном ориентирован на ресурсы на территории США. Ссылки аннотированы.

Business Monitor Online

<http://www.businessmonitor.co.uk>

Экономическое законодательство стран мира, оффшорные финансы, рыночный анализ, экономический анализ, риск-менеджмент. Предназначен скорее профессиональному предпринимателю.

The Information Economy

<http://www.sims.berkeley.edu/resources/infoecon/>

Изначально предназначен для поиска экономической информации, но предлагает также ссылки на вопросы международной политической экономии.

Netsource Asia: International Trade Resources

<http://www.netsource-asia.com/info/resource.htm>

Телеконференции, газеты, журналы, торговое законодательство, торговые организации и т.п. Ссылки не аннотированы.

Business Researchers' Interests

<http://www.brint.com/interest.html>

Ресурсы по экономике, в том числе по международной. Региональный и международный бизнес, банки, валюты и рынки, международные события и прочие ресурсы по данной теме.

History of Economics Internet Resources

<http://home.tvd.be/cr27486/hope.html>

История политической экономии. Общие справочные материалы, классическая политическая экономия, марксизм, неоклассическая экономическая мысль, кейнсианство и т.д.

WSN: The World Systems Electronic Conferencing Network

<http://csf.colorado.edu/wsystems/index.html>

База данных под названием «Архив мировых систем», предлагающая статьи, библиографии, научно-исследовательские программы. Поддерживает телеконференцию. Является официальным сервером электронного журнала «Исследования мировых систем».

Международная безопасность***Contemporary Conflicts in Africa***

<http://www.synapse.net/-acdi20/welcome.htm>

Региональные конфликты в Африке. Некоторые ссылки пересекаются с конфликтами в других частях мира. Поддерживает активную карту конкретных конфликтов.

Institute for the Study of Advanced Information Warfare

<http://www.psycom.net/iwar.1.html>

Информационные войны. Поддерживается самопровозглашенной «виртуальной неправительственной» организацией. Предлагает введения в тему, ссылки на публикации, доклады и другие серверы — по большей части американские — по данной теме.

Bonn International Center for Conversion

<http://www.bicc.de>

Конверсия оборонных и военных технологий и экспертных знаний на гражданские нужды. Документы, доклады и ссылки на другие серверы по конверсии. Информация о выполняемой работе в шести основных конверсионных областях. Поддерживается независимой некоммерческой организацией.

The High Energy Weapons Archive

<http://www.enviroweb.org/issues/nuketesting/hew/>

Материалы по ядерному вооружению и оружию массового уничтожения. Справочные статьи, последние новости, телеконференции, ссылки на другие серверы по данной теме, архивы и библиографии.

The Nuclear Control Institute

<http://www.nci.org/home.htm>

Проблемы ядерного оружия. Текущие проблемы в области «плутониевой и урановой угроз». Ядерный терроризм. Воздушная перевозка плутония. Поддерживается независимым научно-исследовательским центром. Ссылки не аннотированы.

British American Security Information Council

<http://www.basicint.org>

Пресс-релизы, публикации и статьи по темам, связанным с ядерным оружием и распространением другого оружия, а также по европейской и трансевропейской безопасности.

Arms Control and Disarmament Agency

<http://www.acda.gov>

Договоры, речи, факты, сообщения, исторические документы и прочие ресурсы, связанные с разоружением. Наиболее полезная возможность сервера — каталогизация договоров, соглашений и меморандумов, связанных с контролем за вооружениями. Каждая ссылка на документ предлагает его содержание, текст и подписавшихся под ним.

Stockholm International Peace Research Institute

<http://www.sipri.se>

Проблемы мира и безопасности. Распространение оружия, ядерное оружие и химическое оружие. Архив официальных правительственных, межправительственных и неправительственных документов.

Infomanage/Nonproliferation

<http://infomanage.com/nonproliferation/>

Оружие массового уничтожения и распространение других военных технологий. Графики, глоссарии и акронимы. Конверсия, ядерное распространение, ядерные испытания, терроризм и т.д. Последние новости в этой области.

WebGuide to Nonproliferation & Arms Control Site

<http://cns.miis.edu/webguide/nonpro.htm>

Нераспространение и контроль вооружений. Научно-исследовательские центры, ассоциации и общества по контролю за распространением вооружений. Ссылки не аннотированы.

Nuke Homepage

<http://nuke.handheld.com>

Ресурсы по темам, касающимся ядерных технологий, включая вооружения. Ядерные электростанции, торговля ядерными технологиями, новости в данной области, телеконференции, документы, связанные с проблемами ядерных технологий, Американское Ядерное Общество и ссылки на другие серверы по данной теме. Ссылки не аннотированы.

International Relations and Security Network

<http://www.isn.ethz.ch>

Безопасность и оборона стран мира, исследования мира и конфликтов и международных отношений. Ссылки разделены по регионам, изучаемым вопросам и научно-исследовательским учреждениям. Ссылки аннотированы. Поддерживается Центром изучения безопасности и конфликтов в Цюрихе.

UN Peacekeeping

<http://www.un.org/russian/topics/peace/peacekee/pko.htm>

Официальный сервер ООН. Включает активную карту текущих и завершенных миссий ООН по поддержанию мира. Ссылки предлагают информацию о статусах операций по поддержанию мира, вводах войск ООН, смертельных случаях, операциях по разминированию и т.п. Поддерживается на русском языке.

University of California San Diego Online Data Studies for Conflict, Aggression, and War

<http://ssdc.ucsd.edu/ssdc/conf.html>

Три базы данных, интересных специалистам в области международной безопасности: поведенческие аналогии в вооруженных конфликтах (1816—1975), значения гражданских конфликтов (1955—1970), войны (1816—1980).

Peace and Conflict Studies on the Web

<http://csf.colorado.edu/peace/>

Статьи, библиографии, ссылки на новости от DFAX, касающиеся операций по поддержанию мира и международной безопасности, информацию о занятости, ассигнованиях и прочих ресурсах, затрагивающих данную тему.

Terrorism Research Center

<http://www.terrorism.com>

Терроризм и информационные войны. Статьи и очерки. Ссылки не аннотированы.

Canadian National Defence Peace and Security Web Server

<http://www.cfcsc.dnd.ca>

Ресурсы о вооруженных силах стран мира, хронологии текущих конфликтов, международные отношения, военное искусство и наука, история войн, разоружение и управление вооружениями, операции по поддержанию мира и т.п. Содержит активную карту современных конфликтов с описанием деталей происходящего. Поддерживается на французском и английском языках.

***Журналы, электронные журналы и каталоги
периодической литературы******American Journal of Political Science***

<http://psweb.sbs.ohio-state.edu/ajps/content.htm>

Рефераты статей и оглавления.

AntePodium

<http://www.vuw.ac.nz/atp/>

Электронный журнал международных событий.

ANU Register of Leading Social Science Journals

<http://www.clas.ufl.edu/users/gthursby/socsci/ejournal.htm> Около

100 электронных журналов.

Canadian Foreign Policy Journal

<http://www.carleton.ca/npsia/cfpj/cfpj.html>

Оглавления, избранные статьи и рефераты.

American Political Science Review

<http://www.ssc.msu.edu/-apsr/>

Оглавления и рефераты по последним выпускам.

The Bulletin of the Atomic Scientists

<http://www.bullatomsci.org>

Полнотекстовые выпуски с 1992 г., оглавления и избранные статьи из последних выпусков.

The Economist

<http://www.economist.com>

Содержание выпуска текущей недели, избранные статьи из предыдущих выпусков.

CNS: The NonProliferation Review

<http://cns.miis.edu/pubs/npr/>

Оглавления и избранные статьи.

Finance and Development

<http://www.imf.org/fandd/>

Полнотекстовые статьи из последних выпусков.

Foreign Affairs

<http://www.foreignaffairs.org>

Обзоры и заголовки текущего выпуска, полный текст главной статьи номера. Архив предыдущих номеров с возможностями поиска. Оглавления и рефераты других журналов, а также обзоры книг по различным предметным областям.

Global Governance

http://www.brown.edu/Departments/ACUNS/NEW_GG/GG.index.shtml

Редакционная политика, оглавления последних выпусков.

CIC Electronic Journals Collection

<http://ejournals.cic.net/index.html>

Ссылки на электронные журналы с возможностью поиска.

Adelphi Papers

<http://www.isn.ethz.ch/iiss/adellist.htm>

Рефераты последних выпусков.

Survival

<http://www.isn.ethz.ch/iiss/survival.htm> Рефераты и оглавления по последним выпускам.

Current History

<http://www.currenthistory.com>

Избранное из последнего выпуска и архивы прошлых номеров.

International Organization

<http://mitpress.mit.edu/IO>

Рефераты, оглавления номеров и одна статья как образец.

International Security

<http://mitpress.mit.edu/journal-home.tcl?issn=01622889>

Рефераты, оглавления последних выпусков и одна статья как образец.

Journal of Humanitarian Assistance

<http://www-jha.sps.cam.ac.uk/jcontent.htm> Полнотекстовые

статьи, оглавления, обзоры книг и т.п.

IANWeb Resources: Periodicals

<http://www.pitt.edu/~ian/resource/period.htm>

Периодические издания и статьи по международным отношениям. Ссылки аннотированы.

SAIS Review

http://calliope.jhu.edu/journals/sais_review/

Полнотекстовые статьи, оглавления и рефераты по последним выпускам SAIS Review.

The Washington Quarterly

<http://mitpress.mit.edu/journal-home.tcl?issn=0163660X>

Оглавления, рефераты последних выпусков и одна статья как образец.

World Politics

http://www.wps.princeton.edu/world_politics/

Оглавления и рефераты последних выпусков.

IASOC Criminal Organizations

<http://www.acsp.uic.edu/iasoc/>

Оглавления и полнотекстовые статьи из последних выпусков.

Journal of World-Systems Research

<http://csf.colorado.edu/wsystems/jwsr.html>

Полнотекстовой электронный журнал.

Canadian Forces College Peace and Security Guide to Journals and Electronic Documents

<http://www.cfcsc.dnd.ca/links/per/pera.html>

Алфавитный указатель журналов и электронных документов с пояснениями.

Left Business Observer

http://www.panix.com/~dhenwood/LBO_home.html

Оглавления и избранные полнотекстовые статьи.

Political Science Quarterly

<http://www.psqonline.org>

Оглавления текущего и предыдущего выпусков и одна статья как образец.

Scientific American

<http://www.sciam.com/currentissue.html>

Оглавление последнего номера и некоторые статьи из него.

Narrative Guide to Ejournals

<http://www.library.ubc.ca/ejour/narrat.html>

Электронные журналы. Ссылки вкраплены в текст, описывающий содержание этих журналов.

Resources: Electronic Serials

<http://info.lib.uh.edu/sepb/reser.htm> Электронные

журналы. Ссылки не аннотированы.

Неправительственные организации и активисты***Institute for Global Communications Membership Directory***

<http://www.igc.org/igc/gateway/members/index.html>

Сайты участников IGC, осуществляющей деятельность в области поддержания мира, охраны окружающей среды и «социальной справедливости». Ссылки сортированы в алфавитном порядке.

Geneva International Non-Governmental Organizations

<http://geneva.intl.ch/gi/egimain/ety05.htm>

Неправительственные организации, имеющие представительства в Женеве. Контактная информация и данные об их деятельности.

Progressive People Links

<http://www.people-link.org/neighborhoods/>

Ссылки на «прогрессивные» организации и ресурсы в Интернете. Разделены на такие подразделы, как, например, «коренное изменение структуры общества, «женские серверы», серверы «цветных людей и о них», ссылки на серверы по правам человека, окружающей среде, этике и т.п.

WebActive

<http://www.webactive.com/directory/>

Активисты различных движений. 2064 ссылок, организованных в алфавитном порядке, с комментариями и поисковым механизмом.

Jay's Leftist and «Progressive» Internet Resources Directory

<http://www.neravt.com/left/>

«Левые» и «прогрессивные» ресурсы, сайты по анархизму, антиядерным движениям, атеизму, политической экономии и энвайронментализму.

IdeaLIST

<http://www.idealists.org>

Свыше 8000 некоммерческих серверов по всему миру. Поисковый механизм и активная карта. Гражданские свободы и права человека, компьютеры и технологии, экономическое развитие, образование, окружающая среда, иммиграция, мир и разрешение конфликтов, религия, проблемы женщин. Другие каталоги активистов движений и некоммерческих организаций.

InterAction

<http://www.interaction.pair.com/members/>

Коалиция более 160 некоммерческих организаций, американские правительственные серверы и разнообразное учреждения.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Лвдеева ИХ. 317

Аллан П. 249, 252, 332, 348

Аллисон Г.Т. 38, 107, 123

Амелин В.Н. 156, 163

Амин С. 96, 150, 152, 153, 155, 214

Аннан К. 313, 517

Антохина-Московченко В.И. 61, 75, 408, 438

Ан паду рай А. 216, 225

Арафат Я. 248

Арбатов А.Г. 318

Аристотель 202, 352

Арон Р. 22, 23, 39, 41, 43, 45, 48, 50, 60, 62, 76, 79, 80, 84, 94, 96, 109, 110, 122, 127, 156, 157, 172, 175, 176, 185, 186, 187, 189, 204, 205, 225, 230, 259-262, 279-281, 286, 292, 296, 300, 305, 318, 321, 345, 388, 412, 421

Аснер П. 283, 284, 286, 345, 401, 497

Бади Б. 34, 39, 45, 86, 91, 94, 121, 123, 162, 163, 173, 190, 201, 204, 225, 265, 282, 286, 309, 314, 318, 335, 348, 383, 394, 399, 400, 427, 438

Байер Р. 14

Бансель-Шарансоль Л. 226

Баран П. 96

Барбе Б. 223, 226, 302

Барбер Дж. 291, 319

Барнет В. 267

Барнет М. 286

Барреа Ж. 421, 438

Баталов Э.Я. 52, 60, 75, 376, 390

Батистелла Д. 293, 296, 520

Бекназар Юзбашев Т.Б. 361, 370, 376

Бенни Ф. 351, 376, 435, 438

Бентам И. 19, 116

Берд Ч.А. 288, 318

Берталаффи Л. фон 167

Бертон Дж. 33, 45, 231, 244, 253, 406-408, 438, 452, 469

Бертэн Ж. 230

Бжезинский З. 16, 106

Биго Д. 162, 163, 323, 438

Бирстекер Т. 454, 469

Блишцелко И.П. 353, 376

Блумфилд Л. 417, 438

Блэр Т. 293, 318, 376

Бовин А.Е. 28, 485, 504

Богатуров А.Д. 15, 17, 171, 217, 218, 220, 223, 225, 255, 286, 324, 325, 331, 347, 438, 468, 499

Богданов (Малиновский) А.А. 170

Богданов Р.Г. 167, 438

Богомолов О.Т. 148, 163, 504

Боден Ж. 202

Болдуин Д. 136

Боришполец К.П. 54, 75

Боек Р. 62, 65, 76, 85, 96, 123, 156

Боулдинг К. 406, 407, 438

Брайар Ф. 29, 40, 41, 45, 60, 63, 70, 71, 76, 96, 123, 174, 175, 177, 179, 181, 189, 195, 226, 229, 230, 237, 243, 244, 244, 251-253, 417, 422, 426, 438, 469, 514

Браун Б. 236

Браун К. 160, 221, 224, 226

Брежнев Л.И. 512

Бриан А. 531

Бро Ф. 47, 76, 489, 505

Бродель Ф. 202

Буглай В.Б. 142, 163

Бузан Б. 127, 129, 130, 155, 163, 170, 453, 469

Булл Х. 96, 121, 123, 159, 163, 452, 469

Бурлацкий Ф.М. 156, 246, 252

Бутрос-Гали Б. 242, 252, 437

Бутуль Г. 156, 157, 350, 376

Буш Дж. 106, 396, 397

Бэнкс М. 452, 469

Валлерстайн И. 31, 45, 148, 150, 154, 155, 164, 231, 236, 253

Ван Эвера С. 347, 348

Ваттель Э. де 97, 100, 101, 106, 121

Вебер А. 219

Вебер С. 454, 469

Вебер М. 160, 198, 376, 385, 388, 393

Вельц П. 315

Вендт А. 126, 163, 266, 274, 377, 466, 468

Веннесон П. 105, 124, 126, 130, 134, 149

Вернан Ж. 85, 156

Вильсон В. 106, 116, 137, 276, 444, 513, 515, 533

Витория Ф. де 102, 103, 106, 352, 367

Вольф М. 218, 219, 227

Воскресенский А.Д. 317, 331

- Гавел В. 400
 Гаджиев К.С. 211, 225
 Галкин А.А. 156, 246, 252
 Галлуа П. 205, 208, 226, 466
 Галтунг И. 96, 150, 236, 238, 420, 424, 439
 Гантман В.И. 76
 Гарт А. 438
 Гегель 467, 478
 Герас Н. 150
 Герменн Ч. 38
 Геродот 202
 Гидденс Э. 217, 225
 Гизен К.-Г. 392, 466
 Гилпин Р. 126, 142, 145, 148, 155, 398
 Гладков В.П. 26, 44
 Гливаковский А. 210, 225
 Гоббс Т. 96, 97, 99, 100, 106, 116, 121, 167, 406, 478
 Голик Ю.В. 504
 Гонидек П.-Ф. 458, 469
 Горбачев М.С. 274, 276
 Горедик А.С. 223
 Горностаев Д. 223, 225
 Гра Ж.-К. 140, 142, 144, 150, 154
 Грей К. 130
 Греш А. 377
 Грико Дж.М. 126, 130, 131, 137, 448, 469
 Гримсли М. 255, 267, 287
 Громыко Ал.А. 308, 317
 Громыко Ан.А. 308, 317
 Гроций Г. 96, 97, 102, 103, 106, 352, 353, 376, 444, 511, 531
 Грум Дж. 120, 122, 123, 417, 439
 Грэнш А. 505
 Гувер Г.К. 513
 Гудин РИ. 14, 16
 Гумилев Л.Н. 306
 Гунслев М. 38
- Давид Д. 430, 431, 438, 466
 Дадлей Л. 32, 33, 45
 Даллес Дж.Ф. 106, 531
 Дебрей Р. 498
 Дегтярев А.А. 156, 163
 Делягин М.Г. 222, 223
 Деляпорт М. 318
 Демишель Ф. 364, 369, 377
 Деррьешшк Ж.-П. 71, 72, 76, 157, 173, 186, 255, 258, 286, 292, 318, 408, 439, 441, 469
 Джаили М.Р. 63, 70, 71, 177, 178, 179, 181, 229, 230, 237, 243, 244, 251-253, 417, 422, 426, 438
 Дженис И. 264, 286
 Джервис Р. 55, 70, 264, 286
 Джон К. 127
 Джонсон Л. 534
 Джордж А. 271, 286
 Дилигенский ГГ. 213, 217, 218, 496, 504
- Дмитриева Г.К. 349, 373, 375, 376
 Дойл М. 14, 97, 105, 124, 126, 135
 Дойч К. 40, 117, 188, 236, 464, 465, 469
 Дойч М. 410, 439
 Долби С. 211, 212, 226
 Доронина Н.И. 408, 418, 423, 438
 Дорфф Р. 105, 123
 Дрэнч Д. 14
 Дугин А. Г. 15, 210, 225
 Дьюитт Д. 340
 Дюнап А. 365
 Дюнан Ж.-А. 529
 Дюркгейм Э. 157, 160, 196, 198, 394
 Дюрозель Ж.-Б. 80, 82, 83, 94, 258, 286, 292, 318
- Ельцин Б.Н. 35
 Ермоленко Д.В. 156
- Жакье Б. 16
 Жсрар Ф. 108, 124
 Жербе П. 469
 Жирар М. 16, 36, 42, 45, 69, 376, 505
 Жискард д'Эстэн В. 530
 Жокс А. 269, 287, 315, 334, 348, 498, 505
- Оагладин Н.В. 495, 496, 499, 500, 504
 Зайцева О. 238, 252
 Закер М. 213
 Захаров Ю.М. 349, 368, 369, 372, 376
 Зегберс К. 223, 225
 Зиммель Дж. 408
 Злобин А.А. 61, 75, 438
 Золо Д. 502, 506
 Зоргбиб Ш. 238, 240, 243, 253, 461, 469
- Ибн** Хальдуи 202
 Иноземцев Н.Н. 20, 44
 Истон Д. 96, 167, 168, 193, 195, 226
- Каде** Г. 372
 Кайзер К. 96
 Кант И. 97, 102, 103, 116, 123, 444, 478, 511
 Каплан А. 253
 Каилян М. 40, 96, 117, 176, 177, 183, 184, 186, 188, 230, 231, 236, 253
 Каплан Р. 134, 335, 348, 411, 427, 431, 439
 Капоразо Дж. 23, 45
 Караганов С.И. 331
 Карасев В.И. 504
 Кардозо Ф.Н. 96
 Карр Э.Х. 106, 109, 115, 123, 262, 406
 Карташкин В.А. 366
 Картер А. 339, 348

- Картер Дж. 106
 Кассэн Б. 223, 224, 226
 Катцштейн П. 14, 163, 287
 Келлог Ф.Б. 531
 Кеннан Дж. 109, 268
 Кинс Э. 253
 Киссинджер Г. 16, 96, 109, 110, 123, 213, 226, 535
 Клар М. 468
 Кларк Дж. 340
 Кларк Р. 106, 108, 123, 323
 Клаузевиц К. фон 99, 101, 102, 106, 112, 123, 417, 407
 Клингеманн Х.-Д. 14, 16
 Клинтон Б. 255, 284, 318
 Клод И. 96
 Клэрмон Ф. 222, 226, 312, 318
 Кнутсен Т.Л. 97, 124
 Князева Е.Н. 79, 94
 Козер Л. 407-409, 439
 Козырев А.В. 241, 253
 Кокс Р. 96, 150, 151, 152, 155, 214
 Коллинз Дж.М. 270, 286, 418, 438
 Коляр Д. 16, 123, 215, 216, 226, 340, 341, 348, 364, 377, 412, 428, 432, 499, 505
 Коновалов А.А. 371, 376
 Корани Б. 56, 57, 76, 96, 124, 131, 177, 235, 253
 Корбридж С. 211, 212, 225
 Кортунов А.В. 331, 349, 372, 373, 374, 376
 Кортунов С.В. 294, 295, 317
 Косолапов Н.А. 15, 123, 321, 347, 466, 468
 Косыгин А.Н. 534, 535
 Косырев Д. 286
 Кохэн Р.О. 120, 124, 127, 136, 148, 155, 231, 253, 281, 326, 327, 348, 406, 441, 447, 448, 449, 466, 469
 Козн Р. 174, 341, 342, 348
 Краснер С. 136, 158, 231, 398, 406, 447, 448, 466, 469
 Краточвил Ф. 14, 291, 318, 447
 Кревельд М. вал 427
 Кременюк В.А. 438
 Кривохижа М.И. 331
 Кубичек П. 469
 Кузнецов В.И. 212, 220, 223, 224, 225
 Кукина И.И. 258, 286
 Кукулка Юзеф 25, 44, 51, 60, 75, 275, 286
 Кулагин В.М. 344, 347
 Кун Т. 105
 Кунадзе Г. 286, 304, 317
 Курдюмов С.П. 79, 94
 Кусси Ж. 143, 145, 148
 Лайди З. 494, 495, 505
 Лайк Э. 269
 Ланг Б. 40, 45
 Лап ид 14
 Лапкин В.В. 469, 499, 504
 Ларин В.Л. 306, 307, 317, 331
 Лассуэл Г. 54, 76
 Латуш С. 429
 Лебедева М.М. 15, 49, 55, 75, 409, 411, 413, 424, 445, 428, 436, 438
 Легар Ж. 253
 Лего А. 417, 439
 Лейтон К. 482, 485, 487, 505
 Ленин В.И. 60, 74, 75, 96, 104, 116, 148, 150, 167
 Леон А. 317
 Ливенцов Н.Н. 142, 163
 Лиддел Харт Б. 267, 268, 287
 Линдсберг Л. 461, 469
 Линдеманн Т. 264, 265, 274, 287
 Линклейтер Э. 127, 139
 Липшуц Р. 213
 Литтл Р. 127, 253
 Локк Дж. 97, 116, 478
 Лосюков А.П. 223
 Луард Э. 85, 177, 235, 236
 Лучинова С.М. 18
 Лякост И. 203, 204, 209, 211, 226
 Лярош Ж. 121, 124, 226
 Магрури Р. 253
 Макиавелли Н. 99, 106, 116, 202, 349, 376, 385, 390, 406
 Макиндер Х. 202, 203, 204, 209
 Максименко В.И. 217, 223, 225, 283, 286
 Мангейм Дж.Б. 75
 Манн Л. 264
 Мансбэч Р. 120
 Маркс К. 31, 44, 96, 103, 104, 114, 123, 148, 167, 197, 215, 256, 286, 467
 Мартин П.-М. 96, 124, 221, 222, 226, 359, 377
 Мастерман М. 105
 Мсжуев Б.В. 305, 306, 317
 Мейср П. 158, 448, 469
 Мерль У. 25, 45, 49, 96, 118, 124, 141, 157, 195, 226, 230, 253, 255, 258, 281, 287, 292, 305, 318, 414, 416, 439, 442, 469
 Милнер Х. 137, 155, 441, 443, 448, 449, 469
 Милошевич С. 498, 521
 Миршаймер Дж. 126, 130
 Митрани Д. 120, 459, 469
 Митрохин С.С. 306, 307
 Михалка М. 348
 Модельски Дж. 96, 172, 195, 226
 Мозаффари М. 130, 131
 Молчанов М.А. 296, 297, 317
 Монбриаль Т. де 293, 371, 372, 376, 377, 495, 499, 500, 501, 505
 Монро Дж. 512
 Монтескье Ш. 202
 Моргачев С. 27, 44
 Моргентгау Г. 10, 30, 39, 45, 48, 85, 96, 109-113, 115, 116, 123, 124, 127, 141, 230, 244, 278,

279, 281, 289, 290, 291, 299, 318, 377, 387, 388, 390, 406, 421, 445
 Моро Дефарж Ф. 16, 87, 88, 94, 207, 214, 217, 225, 226, 309, 313, 318, 362, 363, 369, 377, 487, 505
 Мосс М. 196
 Моурс Д. 120
 Мурадян А.А. 39, 44, 476, 504
 Муррай В. 254, 255, 267, 287
 Мэхэн А. 202, 209

Най Дж. 120, 123, 124, 136, 145, 231, 244, 253, 281, 282, 283, 286, 326, 327, 406, 466
 Нартов А.А. 15
 Натан Р.П. 468
 Нахлик СЕ. 350, 365, 376
 Неклесса А. 214, 217
 Нестеренко А.Е. 253
 Нибур Р. 10, 109, 262
 Николсон М. 180, 181, 249, 253
 Никсон Р. 512, 535
 Новик И.Б. 76
 Новиков Г.Н. 15
 Нойхтерляйн Д.И. 291, 301, 318

Обминский Э.Е. 487, 504 **Органски А.** 236, 421 **Орджоникидзе С.** 369, 370, 376 **Осгуд Ч.** 274, 287, 444 **Офуатени Коджое** 251, 253, 362, 376, 466

План Р. 147, 148,
Панарин А.С. 218, 219, 223, 225, 504
Парсопс Т. 167
Пауэлл Р. 42, 45, 129, 136, 139, 449, 450, 469
Перийе Л. 124
Пестрелла Р. 505
Пикте Ж. 102, 123
Питере Р. 337, 348
Плешаков К.В. 438
Поздняков Э.А. 39, 45, 67, 76, 92, 173, 255, 259, 286, 299, 318, 349, 376, 485, 505
Покровский Н.Е. 250, 253
Полайн С. 168
Поршнев Б.Ф. 156, 190
Постоловский Р.М. 17
Пребшп Р. 149, 236
Примаков Е.М. 318, 331
Пружинин А.Б. 17
Пуарье Л. 96
Пустогаров В.В. 364, 366, 376
Пучала Д.Ж. 376
Пэрри У. 348

Рагги Дж. 447
Райе К. 263
Райс-Каппен Т. 274, 287
Райт К. 40, 117, 231, 346, 348, 406
Рамонэ И. 223, 226, 311, 316, 319, 336, 348, 498, 505
Рапопорт А. 71, 76, 406
Рассет Б. 52, 53, 54, 60, 61, 69, 76, 79, 85, 94, 194, 195, 226, 229, 234, 235, 237, 239, 244, 253, 300, 318, 345
Ратцель Ф. 202, 209
Ремондино 498
Рикардо Д. 142, 148
Риттбсргер В. 158, 448, 452, 469
Риу Ж.-Ф. 253
Рич Р.К. 75
Робертсон Р. 215, 226
Рогальски М. 150
Рогов СМ. 331
Розепау Дж. 23, 33, 34, 38, 45, 85, 86, 87, 94, 159, 195, 214, 215, 217, 226, 230, 238, 244, 253, 293, 296, 319, 377, 402, 427, 439, 451, 500, 501, 505
Росс Ж. 276, 277
Ротфельд А.Д. 134, 135, 332, 348
Роузкранс Р. 176, 189, 236
Рузвельт Т. 513, 537
Руммель Р. 346, 348
Руссо Ж.Ж. 397, 478
Рэй Дж. Ли 345, 348
Рюлофф Д. 38, 50, 59, 76

Салмин А.М. 331, 482, 496, 499, 505
Самюэль А. 88, 89, 94, 199, 226, 388
Сандерс Д. 139, 307
Сахаров А.Д. 229
Сашвальд Ф. 213, 217, 226, 315, 319
Сенарклянс П. де 14, 70, 76, 204, 209, 211, 216, 223, 226, 232, 241, 244, 247, 253, 287, 319, 348, 382, 439, 487, 499, 502, 503, 505
Сенгаас Д. 424, 439
Сернова Н.В. 76
Сильвестер К. 455, 469
Симпсон Дж. 498
Сингер Д. 23, 40, 45, 117, 188, 195, 227, 236, 406, 424, 426, 439
Смит А. 116, 142, 148, 253
Смит С. 95, 105, 122, 124, 126, 136, 287, 469
Смуте М.-К. 14, 86, 91, 94, 121, 123, 159, 162, 163, 173, 190, 204, 225, 243, 265, 282, 283, 286, 309, 315, 319, 348, 376, 394, 427, 438, 440, 447, 449, 469, 500, 501
Снайдер Дж. 335, 347, 348
Солнцева М.М. 353
Сольдатов П. 251, 309, 310, 319
Сон Л.Б. 106, 108, 123, 323
Сорокин К.Э. 15, 210, 225, 318
Сорокин П. 199

Сшйкмен Дж. 10, 202, 203, 209, 281
 Спасский Н.Н. 376
 Спинелли А. 462, 463
 Спиноза Б. 100
 Спроут Г. 194, 195
 Спроут М. 194, 195, 227
 Сталин И.В. 330, 534, 537
 Старр Х. 52, 53, 54, 60, 61, 69, 76, 79, 85, 94, 194, 195, 226, 229, 234, 235, 237, 239, 244, 253, 300, 318, 345
 Стейнбрюнсер Дж. 348
 Стеч Ф. 432, 439
 Стимсон Г. 513
 Стрэндж С. 31, 45, 145-148, 283, 287
 Стукало А.А. 317
 Суарес Ф. 367, 511
 Суизи П. 96, 236
 Султанов Ш.З. 74

Тиккер Э. 126
 Тито И.Б. 512
 Тихонравов Ю.В. 15, 210, 225
 Тойнби А. 196 Томпсон К. 109
 Торкунов А.В. 15, 294, 318 Трумэн Г. 514, 534
 Туагэйл Дж.О. 2 //, 226'
 Тузмухамедов Б. 363, 376 Тункин Г.И. 353, 354, 376 Турен А. 90, 229, 253 Тхарур Ш. 434, 435, 437, 439
 Тюли И.Г. 16, 17, 49, 55, 75, 156

Уайт М. 103, 156, 159, 163, 339, 452
 Удалов В.В. 259, 286, 300, 318
 Унцингер Ж. 80, 94, 102, 124, 175, 176, 185, 189, 204, 211, 226, 232, 244, 253
 Уолзер М. 400
 Уолт С. 262, 328-330, 333, 348, 406
 Уолфср А. 39, 109, 111, 113, 124, 235, 253, 262, 266, 278, 279, 292, 296, 386, 444-447, 469
 Уолп К. 31, 121, 124, 126-128, 129, 155, 184, 189, 236, 406, 421
 Уэлэк Л. 355, 377

Фельдман Д.М. 15, 90, 94, 406, 438
 Фергюсон А. 196
 Фергюсон Й. 120, 123, 311
 Ферро М. 53, 76
 Феррье Ж.-Ф. 273, 286, 318
 Финнемор М. 121, 123, 126, 163, 377, 466
 Фокин Ю.Е. 223
 Фома Акнинский 352, 511
 Франк А. 96, 231, 236
 Фрей Д. 38, 50, 59, 76
 Фрэнк Т. 472, 505

Фрэнкел Дж. 176, 177, 232, 253
 Фукидид 39, 97-99, 106, 110, 116, 123, 288, 308, 325, 351, 406, 444, 445, 478
 Фуко М. 160
 Фукуяма Ф. 231, 493, 494, 505
 Фурман Д.Е. 294, 318

Хаас Э. 96, 117, 120, 188, 189, 406, 461, 469, 476, 505
 Хальштейн В. 514
 Хантингтон С. 213, 493, 494
 Харькави Р. 208, 210, 226
 Хасенклевср А. 158, 448, 452, 469
 Хаусхофер К. 202, 209
 Хеннес М. 432, 439
 Хиршман А. 281
 Холсти К. 42, 45, 117, 226, 300, 318, 389, 411
 Холсти О. 38, 406, 439
 Хоффманп С. 85, 95, 96, 124, 167, 179, 386, 403, 473, 474, 476, 477, 479, 505
 Хоффманн Э.П. 468
 Хрусталев М.А. 48, 54, 61, 65, 67, 68, 75, 76, 156, 424, 425, 438, 499, 505
 Хусейн С. 266, 299, 367

Цицерон 97
 Цыганков А.П. 18, 49, 76, 290, 318, 468; 505
 Цыганков П.А. 15, 157, 158, 335, 348, 468, 505
 Цымбурский В.Л. 255, 286

Чайлдс Э. 486, 505 Челлен Р. 202, 209 Червоная С. 286
 Черчилль У. 534, 537 Чешков М.А. 27, 45, 232, 253 Чичерин Г.В. 535

Шадрина И.Л. 485, 505
 Шаклеина Т.А. 331
 Шарвлн Р. 458
 Шарлей Ж.-П. 286
 Шахназаров Г.Х. 21, 45, 484, 505
 Шваб К. 528
 Шварценберг Дж. 109, 112, 123, 124, 377, 391
 Швеллер Р.Л. 139, 140
 Шеллинг Т. 40, 71, 76, 406
 Шемийе-Жандро М. 356-358, 377
 Шиллер Э.И. 499, 506
 Шишков Ю.В. 224, 458, 468
 Шмид Х. 386, 439
 Шпенглер О. 196
 Шреплер Х.-А. 16
 Шуман Ф. 109

ЭгнюДж. 211,212,225

Эйзенхауэр Д. 514

Эксуорти Л. 343, 344, 348

Эльянов А.Я. 315, 318

Энгельс Ф. 31, 44,96, 104, 114, 116, 123, 167,
197, 256, 286

Энджел Дж. 204, 225

Эркхарт Б. 486, 505

Эрмап Ж. 168,169,172,179,180,250,253,394,
468

Этциони А. 462

Ю м Д. 97, 100

Ядов В.А. 219

Янг О. 170, 171, 178, 195, 227, 447, 500, 501,
506

Ярджер Р. 291,302,319

Ясперс К. 473, 505

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А
Аваркия 121, 481
Агсссия 130, 260, 339, 340, 342, 368, 374, 380, 387, 420, 421, 433
Агрессор 324, 325, 341, 344, 378, 418
Актор (международный; субнациональный; вне суверенитета; традиционный; новый) 13, 86, 95, 96, 106, 107, 115-117, 119-121, 127, 128, 130, 134-136, 138, 143, 145, 148, 150, 151, 160, 162, 163, 170, 174-178, 183-187, 214, 229-231, 236, 238, 240, 243, 244, 248, 251, 252, 254, 256, 258, 259, 262-265, 267, 268, 271-273, 275-278, 280-283, 285, 300, 303, 307, 309-312, 315, 326, 327, 331, 335, 338, 341, 343, 355, 357, 372, 374, 375, 378, 379, 381, 382, 385, 389, 390, 393, 395, 399, 401-404, 407, 411, 416, 426, 427, 430, 440-443, 447, 452, 454-456, 467, 471, 473-475, 478, 481, 486-489, 491, 492, 500-502, 504
Анархия 107, 108, 110-112, 116, 121, 129, 138, 266, 372, 430, 445, 447, 453, 457, 495, 501
Анархия в МО 107, 108, 110-112, 116, 121, 129, 136
Анархичность международной среды 444
Анархичность международной системы 449
Анклав 217
Аномия 160, 250, 393, 394, 404, 492
Ассоциация 463, 475, 488

Б
Балапс интересов 26, 485
Баланс сил 13, 26, 44, 84, 109, 116, 121, 131, 132, 139, 155, 157, 158, 182, 187, 191, 203, 263, 272, 278, 279, 316, 321, 326-329, 409, 421, 436, 445, 447, 451, 466, 474
Баланс угроз 13, 328—330
Бинолярность 12, 44, 84, 132, 170, 171, 185, 190, 213
Бихевиоризм 23, 96, 117, 118, 278, 424
Большие споры 115, 117, 119, 121, 132
Бреттон-Вудская система 142
Бреттон-Вудское соглашение 1944: 141, 519, 531

В
Версальские договоры 498
Вестфальский мир 175, 232, 440, 452, 454-476

Взаимозависимости теория 30, 33, 113, 120
Внешняя политика 22, 28-30, 35, 36, 38-40, 43, 61, 62, 70, 71, 73, 85, 111, 113, 127, 132, 140, 141, 154, 162, 167, 206, 211, 229, 231, 232, 235, 237, 258, 248, 275, 280, 288, 291, 292, 297-299, 303, 306, 310, 331-333, 349, 387, 418, 452, 456, 463
Внутренняя политика 29—33, 35—38, 43, 78, 113, 132, 141, 154, 162, 206, 232, 297, 303, 332, 452, 456
Война 23, 24, 26, 39, 41, 53, 60, 83, 84, 98-102, 104, 109, 110, 114-116, 121, 128, 130-133, 142, 155, 153, 171, 187, 196, 259, 262, 272, 275, 277, 281, 284, 289, 291, 299, 322, 331, 332, 335, 344, 346, 349-351, 354, 364, 365, 371, 384, 386, 387, 390, 395, 396, 406, 409, 411, 412, 414, 417, 418, 424, 427, 429, 430, 432, 435, 440, 446, 447, 450, 460, 462, 465, 470, 476-480, 482, 484, 491, 493, 497
Всемирный банк 241, 311, 519, 550

Г
Гегемонистской стабильности теория 144, 145
Гегемония 144, 213, 478
Геополитика (традиционная; новая) 14, 201, 202, 204-206, 208-212, 263, 466
Гетерогенность в МО 42, 185, 199, 230
Глобализация 13, 14, 89, 121, 125, 133, 145, 147, 151, 152, 153, 155, 158, 162, 212-223, 262, 264, 277, 284, 288, 307-311, 313-317, 320, 328, 335-337, 349, 357, 368, 378, 394, 395, 398-400, 429, 466, 495, 500
Глобальное общество 222, 224, 451, 502
Глобальный порядок 87, 474, 496—498, 504
Гомогенность в МО 153, 185, 19
Гонка вооружений 73, 235, 268, 308, 323, 477, 479, 480, 482, 521, 536
Государство-нация 34, 217, 232, 235, 242, 257, 295, 308, 313, 315, 316, 321, 331
Гражданское общество 27, 43, 88, 158, 295—297, 308-310, 343, 451, 478, 495, 501, 502
Гуманитарная война 401
Гуманитарная интервенция 13, 309, 330, 341, 350, 367, 370, 371, 400, 401, 466

Дезинтеграция 91—93

Деонтология 390, 393

Деонтологическая этика 392, 393

Дипломатия 34, 43, 44, 84, 86, 92, 112, 114, 116, 155, 189, 199, 237, 272, 275-277, 309, 341, 387, 418, 428, 432, 441, 475, 487

Европейский концерт наций 175

Европейский парламент 463

Европейский союз (ЕС) 35, 194, 240, 273, 309, 313, 314, 331, 334, 355, 453, 463, 483, 494, 495, 500

Единый Европейский Акт, 1985 г. 463

Естественного состояния теория 96, 112, 127, 129, 131

Естественное право >X 102, 103, 352, 353, 367, 393, 444, 478

Жесткая биполярная система 331

Зависимости теория 30, 31, 150

Идеализм 106, 109, 117, 265, 267, 380, 387, 443

Идеология 47, 48, 62, 77, 82, 88, 89, 129, 150-152, 177, 205, 234, 382, 384, 291, 292, 296, 300, 305, 402, 457, 489, 490, 492

Иерархия 185, 230, 232, 235, 276, 282, 285, 316, 353, 422, 425, 431, 448, 480, 487, 488, 502

Империализм 213, 214, 234, 396, 421

Империя 31, 98, 202, 232, 235, 306, 320, 346, 454

Институты международные 41

Институционализм 452—455, 466

Интеграции теория 96, 113

Интеграция 20, 24, 28, 91-93, 132, 155; 247, 314, 399

Интерес (национальный; государственный; общественный) 9, 12, 13, 18, 20, 24, 28, 30, 37, 66, 84

Коллективная безопасность 322, 323, 330, 339, 340, 444, 447

Коммунизм 115, 116, 133, 493, 495

Компромисс 146, 148, 307

Комуникация 416, 465, 491

Коммуитаризм 161, 466

Консенсус 324

Конструктивизм 126, 160, 161, 265, 452—454, 466

Конфликт 13, 25, 26, 28, 32, 58, 71, 74, 80, 83, 84, 88

Конфликтный цикл 444

Конфликтология 424, 426

Кризис 13, 104, 116, 142, 271, 272, 301, 334, 341, 406, 410

Либерализация 147, 148, 315, 391, 398

Либерализм 106, 116, 134, 142, 246, 294, 296, 342

Либерально-идеалистическая парадигма 107-109, 131, 133, 134, 137, 293, 322, 328, 330, 338, 339

Лига Наций 67, 106, 109, 239, 240, 323, 387, 415, 416, 459

Марксизм 30, 78, 85, 96, 103, 113-116, 118, 142, 149

Международная политика 20, 37, 39, 60, 70, 84, 96

Международная политэкономия 14, 95, 114, 140, 146

Международная система 31, 42, 60, 62, 68, 69, 129

Международная стабильность 85

Международное гуманитарное право 309, 350, 360

Международное общество 85, 96, 121, 156, 159, 243

Международное сообщество 35, 43, 44, 208, 211, 246

Международное право 13, 21, 95, 107, 112, 116, 158

Международные неправительственные организации 33, 238, 242-245, 258

Международные организации 26, 42, 58, 107, 108, 116

Международный валютный фонд (МВФ) 87, 186

Международный Комитет Красного Креста (МККК) 365, 366, 401

Международный порядок (реалистский, транснациональный, межгосударственный, правовой, горизонтальный, вертикальный, идеологический, послевоенный, эмпирический) 10, 13, 17, 139, 142, 159, 199, 214, 252, 395, 426, 468, 470-475, 477-488, 491, 492, 503, 504

Международный режим 33, 41, 145

Международный суд 309, 324, 356, 375, 381

Международный терроризм 132

Межправительственные организации 10, 14, 36, 323, 355, 367, 373 Меркантилизм 142, 146 МЕРКОСУРЗМ, 331 Методология 42

Мир (биполярный, первый, второй, третий, многополярный) 88, 92, 96, 121 Мировая политика 10, 11, 15, 17, 23, 26—28, 32-34, 48, 60, 68

- Мировое сообщество 14, 24, 67, 107, 108, 134, 160, 221, 223, 369, 397
Мировое правительство 108, 446, 484, 486, 492, 499, 500
Мировой порядок 24, 67, 108, 110, 133, 138, 140, 159, 301, 302, 474
Миротворческая операция 433, 434
Многополярность 44, 183, 496
Могущество в МО 98, 389
Моделирование 117
Модернизм 40, 113, 117-120, 230, 279, 389
Мондиализация 215, 216, 314, 455
Монополярность 315
Мораль в МО 99, 116, 134, 135, 161, 198, 262, 278, 349, 372-374
Мультинациональная/многонациональная 'корпорация (МНК) 29, 162, 212
Мультиполярность 84, 170, 171, 185, 190
- Наднациональные организации 309**
Насилие 23, 25, 32, 37, 41, 43-80, 81, 91, 99, 102, 147, 258, 270, 279
НАТО 13, 35, 222, 223, 230, 240, 255, 309, 328, 330-334
НАФТА 314, 331, 494, 500
Национализм 34, 142, 147, 152, 191, 274, 313, 371, 419, 492
Национальные интересы 30, 42, 44, 70, 84, 85, 109, 110, 113, 116, 119
Нация 9, 34, 84, 88, 100, 109, 142, 222, 233, 234, 242, 291, 295, 296
Независимость 215
Неодеализм 161, 264, 265, 266
Неолиберализм 125, 126, 132-138, 140, 145, 154
Неомарксизм 30, 113, 114, 125, 126, 138, 140, 149, 151-154
Неореализм 30, 31, 121, 125-134
Неофункционализм 461, 462
Неправительственные международные организации 238, 323, 331, 367, 481
Новый мировой порядок 31, 108, 155, 220, 470, 484, 487, 491, 493
Нормативизм 398, 424
Нормы в МО 213, 375, 780, 390, 391, 402, 404, 409
- Общество международное 453**
Объект ТМО 228
Операции по поддержанию мира 437
Организация американских государств (ОАГ) 194, 235, 521
Организация африканского единства (ОАЕ) 173, 194, 239, 481, 522
Организация Варшавского договора (ОВД) 412
- Организация государств — экспортеров нефти (ОПЕК) 194, 243, 257
Организация Исламская конференция (ОИК) 240, 248
Организация Объединенных Наций (ООН) 12, 22, 43, 67, 108, 160, 172, 183, 194, 207, 208
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 12
- Парадигма 12, 14, 17, 77, 84, 85, 97, 104, 105, 107, 108**
Плурализм 23, 24, 42, 47, 160, 196, 267, 297, 352, 462
Позитивизм 117—119
Полемология 426
Политическая наука 11, 12, 14, 17, 27
Постмодернизм 126, 161, 466, 491
Постпозитивизм 126, 161
Право прав человека 360, 364, 367
Правовое регулирование международное 108
Праксология 50, 388
Принцип субсидиарное™ 463
Принятие решений 190
Процессы международные 88, 117, 136, 179
- Реализм (политический) 30, 39, 41, 78, 85, 96, 105**
Редукционизм 288
Режим международный 42, 137, 161, 443, 447-449
Риск 72, 73
- Сверхдержава 88, 181, 213, 236, 237, 315, 323, 324, 328, 412, 413, 416, 426, 480, 481, 483**
Сила 32, 83, 85, 86, 98, 99, 106, 109, 111-113, 116, 119, 120, 127, 129, 130
Система (международная, политическая, системный анализ, системный подход) 68, 69, 74, 118, 128, 135, 167, 168
Система (мировая, глобальная, вестфальская) 86, 168, 170, 172, 224
Система единичного вето 184
Система Иерархическая международная 184, 186, ?8
Система коллективной безопасности 108, 139, 445
СНГ 251, 303, 346
Совет Безопасности 259, 340, 341, 369
Совет Европы 35, 239, 306, 361, 373, 379, 463, 482, 523, 526
Соотношение сил 66, 131, 275, 279, 390, 409, 416, 422, 476, 497, 501
Сотрудничество международное 24, 26, 107, 108, 110, 116, 137, 142, 152, 157, 185, 186, 214, 240, 241, 251, 268, 301, 304, 312, 314, 322, 323,

327, 342, 343, 349, 358, 373, 404, 410, 423, 424, 434
 Социализм 25, 57, 78, 115, 116, 153, 155, 199, 421, 490
 Социология международных отношений 60, 71, 84, 91, 95, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 162, 163, 204, 214, 242, 265, 408, 467
 Среда международная 445
 Средства внешнеполитические 117
 Стабильность международная 58, 110, 134, 144, 158, 160, 168, 171, 176, 185, 187, 188, 191, 235, 272, 237, 277, 285, 298, 304, 324, 325, 327, 342, 347, 351, 389, 400, 409, 419, 433, 443, 450, 468, 472
 Статус-кво 326, 412, 472, 496
 Стратегия (большая; военная...) 34, 43, 44, 84, 114, 116, 203, 208, 214, 223, 229, 237, 254, 267, 272, 275, 284, 288, 298, 299, 302, 308, 312, 316, 317, 320, 321, 323, 328, 330, 331, 343
 Структура международной системы 128, 129, 168". 184, 190, 420
 Структурализм 30, 31, 33, 125, 126, 128, 129, 147, 149, 160, 236, 391
 Субсидиарность 310
 Субъект МО 28, 29, 86, 160, 210, 229, 231, 248, 254, 255, 282, 299, 300, 303, 304, 308, 310-312, 359, 375, 471, 475, 479
 Суверенитет 13, 14, 23-25, 28, 34, 36, 41, 104, 132, 151, 159, 161, 162, 183, 204, 215, 216, 220, 232, 234, 236, 237, 243, 244, 266, 273, 288, 293, 300, 301, 308-315, 321, 325, 333, 334, 350, 351, 353, 356, 357, 367, 368, 370, 399, 400, 402, 413, 414, 432, 437, 440, 444, 452, 454-456, 458-461, 473, 485, 486, 479, 486, 487, 497

Т
 Теории игр 71-73, 392, 412
 Теории интеграции 120
 Теории принятия решений 71
 Теория демократического мира 338, 344, 346
 Теория взаимозависимости 30, 33, 262
 Теория гегемонистской стабильности 144, 145
 Теория зависимости 30
 Теория международных отношений 10, 11, 13-18, 20, 37, 42, 50, 61, 65, 95, 97, 99, 105, 114, 136, 298, 408, 443, 450, 465
 Теория международных режимов 144, 145
 Теория политического реализма 101, 110, 289, 391, 444, 445
 Территория 32, 169, 204, 211, 232, 233, 235, 261, 266, 273, 279, 284, 295, 300, 306, 309, 342, 347, 353, 358, 359, 368, 378, 434, 440, 476

Транснационализм 30, 33, 39, 113, 117, 120, 121, 127, 130, 136, 215, 216, 231, 244, 262, 281, 391, 459, 466
 Транснациональная корпорация (ТНК) 26, 33, 116, 120
 Третий мир 233, 412, 428, 430, 482, 487

У
 Утопизм 106
 Участие 248-250, 331, 332, 334, 383, 432, 502

Ф
 Федерализм 459, 462, 463
 Феминизм 161, 466
 Фрагментация 217
 Французская школа социологии международных отношений 96, 157, 452, 455
 Функционализм 96, 118, 160, 172, 459, 460-462

Х
 Холодная война 158, 161, 170, 213, 241, 242, 249
 Холизм 390

Ц
 Цель (внешнеполитическая, исследовательская) 36, 37, 66, 72, 101, 106, 107, 115, 117, 119, 129, 137, 140, 142
 Ценности в МО 37, 70, 77, 83, 93, 157, 158, 159, 160, 191, 196, 197
 Центр — периферия 191
 Цивилизация 91, 125, 191, 196-201, 206, 208, 213, 260, 277, 326, 328, 349, 352, 364, 373-375, 379-381, 398, 465, 483, 484, 493, 494, 503

Ч
 Четыринадцать пунктов В. Вильсона 510

Ш
 Шенгенское соглашение 463

Э
 Экспансионизм 209, 476
 Эпистемология 40, 71, 75, 95, 307
 Этатизм 462
 Этика 101, 141, 262, 385, 386, 389, 390, 392, 394, 401, 403, 447

Ю
 Юг 88, 199, 210, 213, 269, 284, 316, 493